

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)
Институт иностранной филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская
универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы II международной научно-практической конференции

*Симферополь
26 – 28 апреля 2018 года*

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2018

УДК 81'25
ББК 81.2–7
П27

Главный редактор д. филол. н., доц. М. В. Норец
Заместитель главного редактора к. филол. н., доц. М. А. Шевчук-Черногородова

Редакционная коллегия

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. А. Э. Левицкий (Москва, Россия)
д. филол. н., проф. Т. А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, ДНР)
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. М. А. Новикова (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия)
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь, Россия)
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону, Россия)

П 27 Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы
II международной научно-практической конференции, Симферополь,
26–28 апреля 2018 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ»,
2018. – 708 с.

ISBN 978-5-907032-50-7

В сборнике представлены статьи по докладам участников II международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 26–28 апреля 2018 г. Рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения, прикладные аспекты и жанровые стратегии перевода, перевод и межкультурная коммуникация, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин и научно-библиографической деятельности библиотек.

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

УДК 81'25
ББК 81.2–7

ISBN 978-5-907032-50-7

© Коллектив авторов, текст, 2018
© М. А. Шевчук-Черногородова,
верстка, дизайн, 2018
© ИТ «АРИАЛ», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Просвещение и наука официально утвердились как средства формирования коллективного сознания на крымской земле 100 лет назад. Творческий гений В. И. Вернадского, равно как и его природная приверженность отчему краю, стали основой сложного процесса формирования университетского сообщества на юге России.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, в год столетнего юбилея, предстает как перспективный центр классического образования, неотъемлемо связанного с развитием транскультурного миропонимания в исторически полиэтничном регионе. Взаимопроникновение культур, рассматриваемое в контексте эволюционного формирования национального самосознания, становится возможным лишь при условии непрерывной упорядоченной коммуникации, успешность которой зависит не только от естественных параметров системных трансформаций, но и от рациональности процессов языкового планирования. Таким образом, лингвокультурные потребности Крыма, равно как и стратегические контуры его геополитической перспективы, определили необходимость создания в регионе факультета иностранных языков. 25 августа 1944 г. приказом Комитета по высшему образованию СССР в Симферополе произведен первый набор студентов по специальностям «английский, французский и немецкий языки».

Учебные занятия на факультете начались 1 октября 1944 года. Всего на факультет был зачислен 51 человек. Первыми преподавателями стали доцент А. М. Криличевский – блестящий знаток английского языка, крупный ученый, работавший в области английской фразеологии, декан факультета до 1950 года; Б. С. Юсим (английский язык), О. К. Марцинкевич, Т. А. Верди (немецкий язык), З. И. Юргилевич (французский язык). Несколько позже пришли на факультет А. Г. Алтунин, А. А. Беркович, Д. Н. Кондратьева, К. И. Ланецкая; в 1946 году – Т. Н. Малыгина и Н. К. Варыпаева, впоследствии проработавшие на факультете более 30 лет; в 1950 году – А. И. Ишин, в 1952 году – Р. Г. Боярская. В 1948 году состоялся первый выпуск студентов, к этому времени на трех кафедрах факультета уже работали 17 штатных преподавателей.

Несмотря на послевоенные трудности, студенты жили полнокровной интересной жизнью. На факультете была лучшая в регионе художественная самодеятельность; хор отделения английского языка занимал первые места на областных смотрах. Большим успехом пользовались спектакли драматического кружка, ставившего пьесы В. Шекспира, Д. Голсуорси, Б. Шоу на английском языке.

Начиная с 1948 года, факультет готовил кадры учителей для работы не только в школах Крыма, но и в других районах страны. Значительные группы выпускников направлялись в Мурманскую область, на Урал,

в Узбекскую ССР. Большое значение имело заочное отделение: в школах работало много учителей, не имевших высшего образования, и факультет давал им соответствующую подготовку. Всего до 1957 года было выпущено (вместе с заочным отделением) около 900 обучающихся, что почти полностью позволило разрешить проблему нехватки кадров учителей иностранных языков в школах Крыма и юга Украины.

В 1956 году факультет получил отдельный корпус по ул. Ленина, 11, в котором он располагается и в настоящее время.

С 1968 года на факультете работает три отделения – английского, немецкого, французского языков. Укрепляется материальная база: создана фонолаборатория, оборудованы первые лингафонные кабинеты. В эти годы появились первые ученые из числа лучших выпускников факультета. Кандидатами филологических наук стали бывшие студенты А. Калько, Н. Сидякина, В. Байков и др.

Во второй половине XX века факультет пользуется заслуженно высокой репутацией на Украине и в стране в целом. Видные ученые-филологи: профессора И. Р. Гальперин, З. Н. Зарубина, Г. В. Колшанский, А. К. Корсаков, Н. Г. Кошечая, Б. Л. Купер, Ю. С. Маслов, Э. П. Шубин читали курсы лекций на факультете. Стремительно развиваются зарубежные связи. Факультет посещают Г. Бёлль, У. Аммон, И. Гют, Ж. Шенн, Р. Уссон и другие. Преподаватели и студенты факультета проходят ежегодные научные стажировки и учебные практики в Австрии, Англии, Бельгии, Германии, США, Франции, Швейцарии, Шотландии. В этот период факультет начинает готовить квалифицированных специалистов не только для сферы образования. Выпускники крымского «иняза» работают переводчиками в агентствах АО «Интурист», библиотеках, технических отделах предприятий и т.д., успешно трудятся в составе геологических и строительных групп в ряде развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки.

С 1972 года, после преобразования Крымского пединститута в Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе, занятия стали проводиться по университетским планам, срок обучения продлевается до 5 лет, наряду с государственными экзаменами, выпускники защищают дипломные работы. Со временем изменяется и структура факультета, который стал именоваться факультетом иностранной филологии: вместо прежних кафедр английского, немецкого и французского языков сформированы кафедры английской, немецкой, романской и классической филологии. Постепенно увеличивалось число преподавателей, имеющих ученые степени и звания. Были открыты аспирантуры при кафедрах факультета. Активизировалась научная работа студентов. В 1996 году аккредитовано направление новогреческий язык и литература. Постепенно расширяется спектр преподаваемых языков: к английскому, немецкому, французскому и новогреческому добавляются испанский, итальянский, латинский, древнегреческий, готский языки.

Начало XXI века в Крыму отмечено проведением многочисленных международных конференций под эгидой ООН, ОБСЕ, Совета Европы, Британского Совета, а также зарубежных посольств, которые охватывают широкий спектр важных социальных, образовательных, экономических, политических и технологических вопросов. Активизируются официальные контакты с представителями академического мира многих стран ближнего и дальнего зарубежья. В 2001 г. принято решение о создании Центра синхронного перевода. В 2002 году на факультете открыта специальность «Перевод» на отделениях английского, немецкого и французского языков, развивающаяся как образовательное направление и научная отрасль при активном участии докторов филологических наук: профессора Марины Алексеевны Новиковой (академик Академии наук Высшей школы Украины), профессора Ореста Борисовича Ткаченко (член-корреспондент Национальной Академии наук Украины), профессора Александра Ивановича Чередниченко (академик Академии наук Высшей школы Украины). Сотрудники факультета пользуются заслуженным авторитетом в среде переводчиков-практиков: работа на международных конференциях и форумах, тренингах, «круглых столах» и семинарах; представительская деятельность университета и органов власти Крыма; перевод лекций и культурных программ для западноевропейских и американских профессоров, иностранных слушателей и гостей университета; перевод печатных изданий (в том числе Атлас Крыма, удостоенный 2 места на 11 съезде Международной картографической торговой Ассоциации (ИМТА) в г. Тур (Франция) в номинации «Лучший атлас»; презентационная книга к юбилею университета, подарочное юбилейное издание о династии Гримальди в Крыму и др.), редактирование, перевод и озвучивание видеофильмов об университете и Крыме и т.д.

В июле 2015 г. Институт иностранной филологии обозначен официальным представительством в Союзе Переводчиков России: совместная деятельность представлена ежегодным Всероссийским конкурсом молодых переводчиков поэзии и прозы.

В период с 1944 г. по 2018 г. Институт иностранной филологии пережил многое: и тяжелую послевоенную разруху, и расформирование в 1955 году, и возрождение спустя семь лет, и постоянные усовершенствования научно-образовательной системы. Основными историческими вехами в развитии университетского филологического образования в Крыму по специальности иностранные языки и зарубежная литература являются:

- Факультет иностранных языков Крымского педагогического института;
- Факультет романо-германской филологии Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе;
- Факультет иностранной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского;
- Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Научная структура Института иностранной филологии модели 2018 г. представлена фундаментальной исследовательской темой «Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (рег. № 115121010053; научный руководитель: проф. А. Д. Петренко; сроки выполнения: 2015 – 2020 гг.).

Цель единой научно-исследовательской разработки Института, соответствует общей цели когнитивной науки: изучение человеческого мозга, рассматриваемого как единица социального интеллекта. Заявленная научная тематика предполагает развитие теоретических положений организационной науки путем понимания эволюционной дуалистической модели «вариативность – норма» в языке и обществе как процесса трансформации атомарного уровня материи в разумную систему. Реализация тематических разделов исследований предусматривается в разрезе «концепции нано-общества» с акцентом на определение естественных и искусственных способов построения индивидуальной и социальной картины мира. Раскрытие способов моделирования лингвокультурной картины мира позволяет спроектировать траекторию построения социально ориентированного искусственного интеллекта, обеспечивая формирование представления о непрерывной коммуникативной системе и нарождающемся мировоззрении *Nano Sapiens*.

Основные научные задачи, поставленные перед исследовательским коллективом Института иностранной филологии на долгосрочную перспективу, заключаются в следующем: изучение проблем социально обусловленной вариативности современных литературных языков на национальном уровне по трем основным направлениям: динамика языковой системы в синхронии и диахронии, социальное и территориальное варьирование языка, актуальные проблемы лингвистики текста; освоение новых подходов к изучению иностранных языков в аспекте формирования навыков социокультурной и межкультурной коммуникации, обеспечивающих адекватность социальных и профессиональных контактов в условиях российского мультикультурного пространства; исследование социальных и национальных аспектов всемирной литературы и теории перевода на базе комплексного подхода к изучению художественного текста.

Заявленные научные задачи определяют формирование исследовательских кластеров в рамках комплексной темы:

1. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко;
2. Жанровые стратегии в теории и практике перевода (доц. М. В. Норец);
3. Социо- и психолингвистические параметры индоевропейского коммуникативного сообщества (доц. Д. М. Храбскова);
4. Актуальные проблемы современной социолектологии и билингвизма (доц. Д. А. Петренко);
5. Современный литературный процесс (доц. Е. В. Полховская);
6. Актуальные аспекты функциональной и прикладной лингвистики (доц. М. Д. Рыжикова);

7. Теория и практика сопоставительных исследований в лингвистике (доц. Н. Н. Кислицына);
8. Прагма- и психолингвистические аспекты коммуникативного поведения социальных групп и отдельной личности (доц. Л. В. Ягенич);
9. Герменевтика текста (доц. Н. А. Хлыбова);
10. Лингводидактические аспекты обучения иностранному языку в ВУЗе (доц. М. В. Черезова);
11. Актуальные вопросы корпусной лингвистики (доц. Л. Ш. Кубединова).

Ежегодные научные мероприятия, проводимые Институтом иностранной филологии, направлены на развитие конструктивной дискуссии по актуальным вопросам социолингвистики, языкознания, литературоведения, теории перевода, классической филологии:

- Международный научный конгресс «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (апрель): <http://congrsin.cfuv.ru/>
- Международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» (апрель): <http://pervod.cfuv.ru/>
- Международный научно-практический форум «Понтийские чтения: актуальные вопросы индоевропеистики и антиковедения» (май): <http://linguocultura753.cfuv.ru/>
- Всероссийская научная конференция «Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике» (июнь): <http://labov.sreadings.cfuv.ru/>
- Международная междисциплинарная научная конференция «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация» (декабрь): <http://converg.cfuv.ru>

Тематика научных публикаций по итогам II международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» отображает современные интересы международного научного сообщества и соответствует основным направлениям научно-исследовательской деятельности Института иностранной филологии, характеризующейся не только процессом совершенствования методологии исследований в области взаимодействия лингвистических, социальных, естественнонаучных феноменов, но и предполагающей расширение параметров и плоскостей изучения самого предмета данной научной отрасли: язык как средство моделирования коллективной идентичности, как способ познания исторической действительности, как информационный канал и механизм онтогенеза.

А. Д. Петренко,

*директор института иностранной филологии
Таврической Академии (СП) КФУ имени В.И. Вернадского,
заведующий кафедрой теории языка, литературы
и социолингвистики,
доктор филологических наук, профессор*

УДК 81.2

ПРОБОВАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕВОДИТЬ***Н. Г. Аветисян,***

кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

С. К. Восканян,

кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация: Пробелы в знании чужой страны и ее культуры прежде всего проступают в языке. С точки зрения языка огромный интерес представляет изучение лексико-семантических групп, связанных с едой и питанием в разных культурах. В статье рассматривается лексика, ограниченная рамками определенных вариантов английского языка, а именно American English и British English. На примере далеко неполного списка наименований блюд и напитков ясно, насколько отличается язык как отражение этнических реалий, связанных с едой, даже среди людей, говорящих на одном и том же языке. Анализ изложенного материала в рамках вполне конкретной тематической группы позволяет предположить, что стирание различий на лексико-семантическом уровне между этими двумя вариантами едва ли возможно.

Ключевые слова: этнографические реалии, тематические группы, американская кухня, британская кухня, британско-американские эквивалентные понятия, лексико-семантические расхождения, экстралингвистические факторы.

Summary: Deficiencies in the knowledge of a different country and its culture are first manifested in the language. In terms of language studies the comparison of lexical-semantic groups associated with food and beverages, eating and drinking in different cultures is of considerable interest. The article presents and discusses the vocabulary confined to certain varieties of the English language, namely British and American regional varieties. A very limited list of names for food and beverage items clearly shows how different the language may be even between ethnic communities speaking the same language. The analysis of the above material within a particular thematic group allows us to assume that there is hardly any possibility for these two lexical varieties to become similar.

Key words: culture-specific concepts, thematic groups, British/American equivalent notions, American cuisine, British cuisine, lexical-semantic divergence, extralinguistic factors.

Наиболее существенные культурные различия у разных народов проявляются в еде и традициях питания, и это не случайно, поскольку еда является первоосновой человеческого существования. Пробелы в знании чужой страны и ее культуры прежде всего проступают в языке. Пища и напитки среди слоёв лексики относятся к этнографическим реалиям,

отличающимся, пожалуй, особенно яркой социокультурной образностью и выразительностью. И те, кто сталкивается с незнакомыми реалиями в чужих культурах, переживают совершенно неизведанные чувства и ощущения, нередко приводящие к фрустрации.

В настоящей статье делается попытка посмотреть на лексику, ограниченную рамками определенного литературного варианта английского языка, в данном случае American English и British English, чтобы выявить степень взаимопроникновения лексических единиц и понять, как воспринимаются эти понятия не только носителями языка, но и иностранцами, а также выявить заметные территориальные вариации. Что касается лексики данной семантической группы (еды и напитков), то необходимо отметить, что они социолингвистически обусловлены и определяются особенностями социальной жизни американцев и британцев, их социальным укладом, традициями и культурой.

Некоторые ученые справедливо отмечают, что такие лексические единицы составляют сравнительно немногочисленную группу и охватывают довольно узкую понятийную сферу. Тем не менее, эти понятийные сферы (тематические группы) достаточно многочисленные, так как они охватывают разные сферы бытовой жизни этих стран. Таким образом, слова и словосочетания, обозначающие еду и напитки в меню в США и Великобритании являются территориально ограниченными единицами. Несмотря на это, сопоставление таких лексико-семантических расхождений открывает новые возможности для понимания культур этих стран. Эти различия выражаются через язык не только у разных народов, но и этнических общностей, говорящих на одном и том же языке, как, например, Великобритании и США.

Американская кухня сложилась под естественным влиянием кулинарных традиций многочисленных этнических групп, населяющих США. Далее приводятся некоторые необычные названия блюд – требующие подробного разъяснения – которые могут встретиться в американском меню.

- Apple betty – яблочный пирог с крошкой.
- V.L.T. – так чаще всего называется сэндвич с беконом, листьями салата-латука и томатом ("b.l.t." – «bacon, lettuce and tomato»).
- Bagel – бублик.
- Blackened Food – пицца, приготовленная на сильном огне с большим количеством специй.
- Bologna (bo-loh-nee) – копченая колбаса со специями.
- Buffalo Wings – куриные крылышки со специями (впервые были названы так в меню бара «энкор» в буффало, штат нью-йорк).
- Burrito: [bu ree – toh) – кусочки мяса и салат, завернутые в тортилью (блюдо мексиканской кухни).
- Caesar salad – салат из листьев салата романо, тертого сыра, крутонов, анчоусов, сырого яйца и оливок.

- Chowder – густой суп из съедобных моллюсков, рыбы и овощей, как правило, с картофелем и молоком.
- Club sandwich – «двухэтажный» сэндвич с мясом (как правило, курицы или индейки), томатом, листьями салата-латука и майонезом.
- Cobbler – закрытый фруктовый пирог, испеченный в неглубокой сковороде/форме.
- Coffee cake – плоский бисквит с глазурью или сладкая коврижка (не содержит кофе).
- Corn bread – хлеб из кукурузной муки, как правило, в виде небольших булочек.
- Corned beef – мясо, выдержанное в рассоле и затем отваренное.
- Crepe – блинчик.
- Dagwood – большой сэндвич с начинкой из разных видов мяса с сыром и заправками.
- English Muffins – по виду напоминают пышки, но делаются из более легкого теста. Как правило, подаются в поджаренном виде к завтраку.
- Flapjack – толстые оладьи, мало похожие на британское блюдо с аналогичным названием (из овса с сиропом).
- Fried Eggs – яичница, которую заказывают поджаренной слегка с обеих сторон («over easy»), хорошо прожаренной с обеих сторон («over hard»), или в виде глазуньи, прожаренной с одной стороны («sunny side up»).
- Grits – блюдо из отваренной в воде кукурузы, которое обычно подается в качестве гарнира на завтрак (распространено в южных штатах).
- Gumbo – густой суп со стручками бамии, распространенный в южных штатах.
- Gyro – кусочки говядины или мяса ягненка, которые подаются в виде сэндвича на пите.
- Hash browns – нарезанный соломкой или кубиками и пожаренный картофель.
- Hoagie / Sub – кусочки мяса и салат в длинную булочку (другое название – «Hero»).
- Hush Puppies – жареное блюдо из кукурузы (названо так, потому что изначально предназначалось для собак, чтобы заставить их замолчать).
- Links – колбаски к завтраку. Также готовятся в форме котлет.
- Lox – лосось, выдержанный в рассоле.
- Nachos [nah choz] – жареные кусочки кукурузной тортильи, покрытые смесью расплавленного сыра, соуса и фасоли.
- Pancakes / Hot Cakes – толстые оладьи, которые подают к завтраку с маслом или сиропом.
- Pastrami – копченая говядина, приправленная специями.
- Pigs In A Blanket – колбаски по-франкфуртски, запеченные в тесте, или колбаски, завернутые в блинчик.

- Pretzel – крендель из крутого теста, обычно подается в качестве легкой закуски.
- Reuben – поджаренный на гриле сэндвич из ржаного хлеба с говядиной, швейцарским сыром и кислой капустой (назван в честь Арнольда Ройбена младшего, владельца ресторана «У Ройбена» в Нью-Йорке).
- Salisbury Steak – прямоугольная котлета из фарша, подается с подливой.
- Sloppy Joe – поджаренная на мангале говядина на половинке булочки.
- Succotash – блюдо из фасоли (обычно лимской) и кукурузы.
- Sweet roll – булочка из сдобного теста с изюмом и цукатами, часто покрытая глазурью.
- Taco: [tah coh] – мексиканское блюдо из мясного фарша, томатов, сыр и лука в твердой хрустящей корочке из теста.
- Tamale: [to mah lee] – приправленный специями мясной фарш, завернутый в тесто из кукурузной муки, затем в листовую обертку кукурузного початка и приготовленный на пару.
- Tortilla: [tor tee ya] – лепешки из пшеничной или кукурузной муки (блюдо мексиканской кухни).
- Waffles – готовятся из теста, которое выпекают в вафельнице, чтобы на нем образовались ячейки. Подаются к завтраку с горячим сиропом.
- Waldorf salad – салат из нарезанного яблока, орехов и сельдерея, заправленный майонезом.

Британская кухня – это преимущественно традиционные блюда. «Простая добрая кухня», «честно заработанный хлеб» – понятия по-прежнему очень высоко ценимые. Ростбиф, баранина или свинина с овощами и жареной картошкой по-прежнему являются излюбленными национальными блюдами, и англичане считают их «настоящей едой». Ниже объяснены самые необычные названия блюд, с которыми можно столкнуться в Британии:

- Bangers and mash – сленговое название сосисок с картофельным пюре.
- Black pudding – черные колбаски из свинины, нутряного сала и крови.
- Bubble and squeak – запеченная котлета из картофельно-овощного пюре.
- Corned beef – консервированная тушеная говядина.
- Crumpet – готовится из дрожжевого теста, по виду напоминает английские оладьи, но более пышные.
- Eccles cakes – пирог из слоеного теста с начинкой из черной смородины.
- Gateau [ga toh] – любой кекс с большим содержанием фруктов.
- Lemon curd / Lemon cheese – консервированное блюдо, изготавливаемое из лимона, яиц, сахара и сливочного масла.
- Marmite – темная соленая паста из овощей и дрожжевого экстракта, намазывается на хлеб.
- Pease pudding [pee-z] – блюдо из вареных колотого гороха, моркови и лука.
- Pikelet [plklet] – что-то вроде тонкой сдобной лепешки.

- Ploughman's lunch – хлеб, сыр и маринованные овощи или салат, часто подается в пабах.
- Pork pie – холодное блюдо из свиного фарша в тесте (размером с маленький кекс).
- Rissole – Жареная котлета из мясного фарша со специями в панировке.
- Sago pudding – десерт, напоминающий пудинг из тапиоки и изготавливаемый из крахмала саговой пальмы.
- Scotch egg – сваренное вкрутую яйцо, обернутое в мясной фарш и обжаренное.
- Spotted dick – бисквит или пудинг на сале со смородиной.
- Steak and kidney pudding – рубленая отбивная и почки, приготовленные в форме для пудинга, выстланной тестом, на пару
- Summer pudding – блюдо из хлеба и свежих фруктов, выдержанных в форме для пудинга.
- Toad in the hole – колбаски, запеченные в сковороде в кляре.
- Yorkshire pudding – блюдо из запеченного на противне кляра, обычно подается с ростбифом.

На примере этого далеко неполного списка наименований в меню, ясно, насколько отличается язык как отражение этнических реалий, связанных с едой даже среди людей, говорящих на одном и том же языке.

Несомненно, взаимопроникновение лексических единиц американского и британского вариантов в настоящее время весьма интенсивно. Поэтому вопрос о том, можно ли в будущем ожидать полного стирания существующих лексико-семантических различий между американским и британским вариантами, по-прежнему весьма актуален. Разумеется, однозначного ответа на этот вопрос ожидать не приходится. Тем не менее, анализ изложенного выше лексического материала в рамках вполне конкретной тематической группы позволяет предположить, что стирание различий едва ли возможно. Это прежде всего касается тех тематических групп, в которых обнаруживаются наибольшие различия, обусловленные экстралингвистическими факторами. Иначе говоря, проблема лексико-семантических различий кроется в различиях исторического, материального, социокультурного порядка. Такая лексика требует подробного разъяснения содержания каждого слова и словосочетания. Совершенно очевидно, что перевод был бы лишен всякого коммуникативного смысла.

Список использованных источников

1. Евдокимов М. С., Шлеев Г. М., Краткий справочник Американско-Британских соответствий. – М.: Флинта, 2002. – 96 с.
2. Спирс Р. Так говорят американцы: Англо-русский словарь. М., 2004. 444 с.
3. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 200 с.

4. Americana. English-Russian Encyclopedic Dictionary. Smolensk: Polygramma, 1996. 1420 pp.
5. Crystal D. How English Works. London: Penguin Books, 2007. 486 pp.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman. 2000. 1592 pp.

УДК 82.035

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ СТАТЕЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

А. Б. Анисимов,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск*

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении способов реализации структурных и лексико-семантических особенностей перевода с английского на русский язык. В данном исследовании нами применены описательный метод, предполагающий приёмы анализа и обобщения, метод контекстуального и структурно-семантического анализа, сравнительно-сопоставительный метод. Разработаны основные рекомендации по способам решения переводческих трудностей, которые возникают при переводе научно-популярных текстов, посвященных анализу литературных произведений.

Ключевые слова: перевод, литературоведческая статья, художественное произведение, структурные и лексико-семантические особенности.

Summary. The purpose of the article is to identify ways to implement the structural and lexical-semantic features of translation from English into Russian. In this article, we have used a descriptive method that involves methods of analysis and generalization, a method of contextual, structural and semantic analysis, a comparative method. We have developed basic recommendations on how to solve the translation difficulties that arise when translating scientific texts about literary works.

Key words: translation, literary article, literary works, structural and lexical-semantic features.

Однозначно, что без учета межкультурного взаимодействия невозможно создать качественный адекватный переводческий продукт. Перевод считается полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, с языка которого он переводит. Такой перевод обуславливает точную и полную передачу особенностей и содержания оригинального текста.

Материалом данного исследования послужили две статьи из сборника «The Cambridge Companion to Fantasy Literature», опубликованного в 2012 году под редакцией Эдварда Джеймса и Фары Мендельсон.

В ходе перевода статей на русский язык возникла необходимость хорошо проработать, подвергнуть грамматическим изменениям отдельные предложения, чтобы они соответствовали стилистике русского языка.

В следующем примере видно, как мы применяем членение, поделив громоздкое английское предложение на два, изменяем порядок слов, делаем уточняющие дополнения полноценными членами предложения, и компенсируем предложение, добавляя необходимые грамматические единицы: *At least one template dark fantasy series – Jim Butcher’s Harry Dresden novels (2000 onwards) - and one paranormal romance series – Charlaine Harris’s Sookie Stackhouse novels (2001 onwards) - have made it onto television, as The Dresden Files (2007-2008 г.) and True Blood (2008 onwards). По крайней мере, одна серия книг классического тёмного фэнтези и один цикл мистических романов были экранизированы. Серия «Досье Дрездена», написанная Джимом Батчером, была выпущена на экраны под названием «Файлы Дрездена» (2007-2008 г.), а книги о Сьюки Стэкхаус писательницы Шарлин Харрис стали известны телезрителям как сериал «Настоящая кровь» (2008 г. - по настоящее время).*

Следующее предложение, простое на первый взгляд, требует существенных изменений: членения предложений, обезличивания, перестановки (для достижения привычного порядка слов в русском языке): *I would argue that it is useful to see these traditions, which deal in rogues rather than unblemished heroes, and in the pursuit of hard cash rather than transcendence, as a separate genre, which one might usefully term low high fantasy or picaresque heroic fantasy. Трудно сказать, что данные традиции можно представить в качестве отдельного жанра: чаще всего в таких произведениях рассказывалось о каких-нибудь жуликах в погоне за звонкой монетой, а не о безупречных героях с их превосходством. Истории такого типа можно было бы отнести к низшему типу традиционного фэнтези или авантюрно-героическому фэнтези.*

Часто применяется метод членения или объединения предложений: в первом случае мы разбиваем длинное и громоздкое английское предложение на два или более. Это делается для лучшего понимания и согласованности. Во втором случае – при объединении – выполняется обратный процесс, то есть соединяем два или более предложений в одно.

Членение: *The Clutian taxonomy is often useful, but I would argue that it is not the only useful way to examine the work of, say, Elizabeth Hand or Jonathan Carroll, both of whom are central to a sense of dark fantasy as a genre within which work of real quality can be created. Классификация по Клютю сама по себе довольно удобна, но мне трудно согласиться с тем, что его метод является единственным, по которому можно изучить работы, допустим, Элизабет Хэнд или Джонатана Кэрролла. Оба этих писателя пишут в жанре тёмного фэнтези, в рамках которого можно сотворить действительно качественное произведение.*

Объединение: *Counterparts is the story of a rope walker who finds himself drawn to perform the sort of radical genital modification on himself. It is a work which explores liminality in a splendidly terrifying way.* «Двойники» – это книга о канатоходце, чья история рассказывает о радикальном изменении человека - смене пола - в ужасающе великолепной манере.

В научно-популярном тексте синтаксические структуры в целом проще, но коммуникативное задание сложнее, а, следовательно, и разнообразие средств больше. Его задача заключается в том, чтобы донести до читателя познавательную информацию и одновременно заинтересовать этой информацией. Среди эмоциональных средств отмечаются и средства, свойственные художественному тексту [4, с. 236]. Другими словами, необходимо помнить, что мы переводим текст научно-популярного стиля, который является сложным для перевода. При переводе следует учитывать своеобразие оригинального текста, поскольку он содержит в себе элементы научного и художественного стиля.

Экспрессивно-окрашенная лексика, которая используется для создания образности, занимает особое место в научно-популярном стиле. Такие изобразительно-выразительные средства, как эпитеты, олицетворения, сравнения, метафоры, перифразы, антитезы, каламбуры и многие другие используются для разбавления информации, что делает ее более легкой для восприятия и усвоения [2, с. 89-91].

Most paranormal romances fall into this category with the stuff of the romantic novel thrown into the mix as well - as a general rule, template dark fantasy features male protagonists and paranormal romance female ones, but there are some clear exceptions to this. Большинство мистических романов подпадают в данную категорию, обладая размытыми чертами романтической новеллы - как правило, главными героями классического тёмного фэнтези являются мужчины, а у мистического романа – женщины, но конечно, есть и исключения.

В вышеприведенном примере можно увидеть, как можно донести до читателя все экспрессивные и эмоциональные средства, свойственные художественному стилю, не выходя за рамки научно-популярного стиля.

Еще одним необходимым элементом научно-популярного стиля является субъективация повествования или выражение личностного начала. Данная особенность – главная отличительная черта научно-популярного стиля от других разновидностей научной речи. Основная задача – донести и сделать понятной научную информацию, а также заинтересовать читателей. Авторское «я» облегчает данную задачу. Но здесь следует учитывать особенности различий местоимений русского и английского языка. В текстах научного стиля, написанного на русском языке, субъективация, как правило, отсутствует. В русском языке мы всегда используем местоимение «мы» в текстах научного стиля, но это не всегда подразумевает, что авторов текста несколько. В английском же используется местоимение «I», и оно далеко не всегда обозначает авторское «я».

При переводе нам часто приходится сталкиваться с данным различием. Хотя стиль текста – научно-популярный, мы не видим необходимости проявить авторское «я» при переводе, переводя местоимение «I» как «мы», или меняя тип предложения на безличный. Например: *Luckily, I was able to interview Nicholas Royle over the internet almost immediately. К счастью, нам почти сразу удалось связаться с Николасом Ройлом через Интернет и взять у него интервью.*

Другой пример: *The Clutian taxonomy is often useful, but I would argue that it is not the only useful way to examine the work of, say, Elizabeth Hand or Jonathan Carroll. Классификация по Клютю довольно удобна, но трудно согласиться с тем, что его метод является единственным, по которому можно изучить работы, допустим, Элизабет Хэнд или Джонатана Кэролла.*

Определенные трудности возникли с именами собственными. Имена с английского на русский переводятся либо с помощью устоявшегося эквивалента (Susan – Сюзан, Tim – Тим) или транслитерации (Frances Hardinge – Франсес Хардиндж), но с названиями художественных произведений, непереведенных на русский язык, возникают определенные вопросы. Невозможно переводить название книги, ничего не зная о сюжете произведения. В этом случае необходимо собрать какой-нибудь минимум информации о произведении, чтобы понять, вокруг чего строится сюжет, и только после этого можно попробовать перевести. Например, роман Сюзан Купер «Over Sea, Under Stone» можно в русском языке назвать «Над водой, под землёй». Здесь посредством генерализации слов «sea» и «stone» получаем противопоставление слов «вода» и «земля». Таким образом, русскоязычное название стало звучать красиво и поэтично.

В качестве другого примера поиска переводческого решения можно привести заглавие романа Тима Пауэрса «Deliver». Буквально оно переводится как «передавать, доставлять». Изучив краткое содержание, мы выясняем, что в книге рассказывается о шпионах Холодной войны, и подбираем синоним «доносить» – слово, которое в какой-то степени отражает шпионскую деятельность – и изменяем его на существительное. В итоге у нас получилось достаточно ёмкое название «Донос».

Еще одним примером может послужить заглавие романа М. Т. Андерсона «Feed». В книге повествуется об антиутопическом обществе, в котором правительство следит за обычными гражданами. Слово «feed» обозначают специальное устройство в мозгу, с помощью которого человек может подключаться к Интернету. В результате название романа было переведено как «Канал».

В отношении всех произведений, упоминаемых в переводимом тексте, мы проверяем наличие изданного перевода на русском языке. При любом переводе следует учитывать и другие уже имеющиеся переводы, чтобы не вводить читателя в заблуждение. Если произведение уже было

переведено на русский язык, и этот перевод является устоявшимся, то в своём переводе мы использовали уже известное название.

Литературоведческие термины и названия жанров, например, передаются на русский язык с помощью транскрипции или транслитерации: *crossover* – кроссовер, *body-horror* – боди-хоррор, *splatterpunk* – сплаттерпанк, *fantasy-quest* – фэнтези-квест. Просто перенеся английское слово на русский язык, мы не можем гарантировать, что читатель поймёт его значение. Именно для этого добавляется описание, поясняющее смысл нужного слова: *splatterpunk* – сплаттерпанк (вид литературы ужасов, где подчеркнута гротескная фантазия соседствует с натуралистическими сценами кровавого насилия), *body-horror* – боди-хоррор (поджанр ужасов, для которого характерно особое внимание к человеческому телу и его трансформациям), *raiser of the dead* – аниматор (человек, который может оживлять мёртвых).

С выражением «*raiser of the dead*», например, ситуация обстоит немного по-другому. Можно было перевести буквально, но после изучения изданного перевода произведения, о котором идёт речь (Лорел Гамильтон «Запретный плод»), выяснилось, что «*raiser of dead*» переведён как «аниматор». Мы последовали принятому переводу, но добавили пояснение.

Подводя итог данного исследования, следует отметить, что лексика литературоведческих текстов состоит из литературных терминов, имен собственных: имен авторов и названий книг, фильмов и сериалов. Также в подобного рода текстах сочетаются строгое научное изложение и эмоциональная оценка.

При переводе текстов научно-популярного стиля, переводчик сталкивается с различного рода переводческими трудностями, для решения которых необходимо адекватно выполнить перевод и сделать его понятным и интересным для читателей, не являющимися специалистами в данной области. Для выполнения этих задач переводчик, будучи посредником между двумя разными культурами и языками, должен обладать хорошим уровнем фоновых знаний, уметь трансформировать мысли автора научного текста в доступной для читателя форме и быть достаточно осведомленным в определенной научной сфере. Только в этом случае перевод текста научного и научно-популярного стилей может считаться удачным.

Список использованных источников

1. Edward James, Farah Mendlesohn. Cambridge companion to fantasy literature. London, 2012.
2. Антонова С. Г., Васильев В. И., Жарков И. Я., Коланькова О. В., Ленский Б. В., Рябинина Н. З., Соловьева В. И. Редакторская подготовка изданий: Учебник, под ред. С. Г. Антоновой. М.: МГУП, 2002. 468 с.
3. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, 1998. 208 с.
4. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для институтов и факультетов иностранных языков. М., 2004. 253 с.
6. Нелюбин Л. Л. Перевод и прикладная лингвистика. М., 2001. 357 с.

УДК 811.161.2

**ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ М. ЗОЩЕНКО ДЛЯ ДЕТЕЙ
НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК**

Е. Л. Ачилова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

В. П. Ачилова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье анализируются формально-смысловые трансформации при переводе детской речи в рассказах для детей. Особенности детской речи является высокая степень оценочно-эмотивной, экспрессивной и функционально-стилистической коннотации, что выражается языковыми средствами разных уровней: прямым и тавтологическим повтором, использованием лишних слов, окказиональным словообразованием, анормативным синтаксисом, употреблением устойчивых образных выражений, лексики с экспрессивным и оценочным значением, разговорных слов, а также смешением разговорных и книжных элементов. В результате исследования сделан вывод о том, что в переводе преимущественно утрачен коннотативный план текста на лексическом и синтаксическом уровне, что является переводческой погрешностью.

Ключевые слова: детская речь, переводческие трансформации, формально-смысловые трансформации, коннотация.

Summary. The article is devoted to formal-semantic transformations in the translation of children's speech in stories for children. The peculiarity of children's speech is a high degree of evaluative-emotive, expressive and functional-stylistic connotation, which is expressed by linguistic means of different levels: direct and tautological repetition, use of superfluous words, occasional word-formation, non-normative syntax, use of idioms, vocabulary with expressive and evaluative meaning, spoken words, as well as mixing of spoken and book elements. As a result of the research, it was concluded that in the translation the connotative plan of the text at the lexical and syntactical level is mostly lost, which is a translation error.

Key words. Children's speech, translation transformations, formal-semantic transformations, the connotation.

Перевод детской речи в художественном дискурсе является актуальной проблемой в современной теории перевода, так как она имеет определенные языковые особенности, обусловленные возрастными

свойствами мышления детей: окказиональное словообразование, нерегулярные грамматические формы, образованные по стандартным моделям языка, своеобразный синтаксис, яркую эмоциональность и т.п., что создает определенные трудности для переводчика. Как отмечает С. Омеличкина, «с целью сохранения портретных характеристик перед переводчиком стоит задача не только содержательно точно декодировать речь ребенка, но и адекватно транслировать ее» [4, с. 123].

Целью статьи является анализ формально-смысловых трансформаций при переводе детской речи в цикле рассказов «Лёля и Минька» М. Зощенко [2] на украинский язык [1]. В этот цикл входят рассказы «Елка» (I), «Золотые слова» (II), «Галоши и мороженое» (III), «Бабушкин подарок» (IV), «Не надо врать» (V), «Через тридцать лет» (VI), «Находка» (VII) и «Веселые путешественники» (VIII).

Произведения цикла написаны в форме литературного сказа и по теме и стилистике пародируют жанр нравоучительного рассказа. Речь рассказчика представляет собой смесь детской и взрослой речи, просторечных и канцелярских выражений, что создает комический эффект. По утверждению К. Солнцевой, в художественном произведении речь детей не является полной копией естественной детской речи, а представляет ее отдельными элементами, иными словами, она подвергается авторской стилизации, что создает впечатление ее реальности, достоверности [6, с. 3]. Именно такой стиль автора требует от переводчика тщательно выбирать языковые средства для передачи наивной детской речи, воспроизведенной взрослым.

В поисках адекватных соответствий переводчик прибегает к переводческим трансформациям. Переводческие трансформации стали объектом исследований А. Швейцера, В. Комиссарова, Л. Бархударова, Л. Латышева, Е. Селивановой [см.: 5]. Л. Латышев пишет, что переводческие трансформации являются «средством разрешения противоречия, периодически возникающими между двумя требованиями к переводу: требованием равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ [исходного текста и переводного текста – *примечание наше*] и требованием определенной меры их семантико-структурного подобия» [3, с. 35].

В теории перевода наравне с переводческими трансформациями выделяют переводческие деформации (формальные и семантические), а также переводческие ошибки (Н. Гарбовский). Как утверждает Е. Селиванова, «разграничение трансформаций и ошибок перевода придает трансформациям лишь положительный статус правильного выбора соответствий в переводном тексте, однако очень сложно отыскать критерии оценки соответствия оригинала и перевода, учитывая наличие различных установок перевода» [5, с. 1]. Автор отмечает, что перевод всегда, независимо от того, насколько он адекватный, является «трансформацией в широком смысле этого слова» [там же, с. 2].

В представленной работе анализ эквивалентности перевода основан

на типологии трансформаций при переводе, предложенной Е. Селивановой. Автор рассматривает формальные, формально-смысловые и прагматические переводческие трансформации на разных уровнях, возможные в текстах переводов в разных вариациях комбинаций. Формальными трансформациями названы изменения формы в переводе при условии сохранения содержания оригинала. Формально-смысловые трансформации, по мнению Е. Селивановой, предусматривают изменение формы и модификацию содержания не только из-за специфики языковых систем, но и под влиянием контекстуальных и прагматических факторов. Прагматические трансформации, или формально-смысловые трансформации с прагматическим компонентом, – это изменение формы и содержания единиц в тексте с целью сбалансирования прагматического воздействия перевода на своего читателя [там же, с. 3-6].

В исследуемых рассказах при переводе детской речи использованы формально-смысловые трансформации лексическо-фразеологического и грамматического уровня. Особенностью повествования является высокая степень эмотивной, оценочной, экспрессивной и функционально-стилистической коннотации. **Эмоциональной** окраски детской речи в рассказах придают языковые средства разных ярусов языка: лексического, фразеологического, словообразовательного, синтаксического. М. Зошенко использует такие лексические средства: а) повтор слов из-за незнания детьми 5–7 лет синонимических средств языка; повторяющиеся преимущественно глаголы речи и движения переводчик в большинстве случаев заменяет синонимами или вариантами в зависимости от контекста, иногда пропускает их: *«идет тряпичник. Кричит»* – *«з'явися ганчірник. Вигукує»*; *«мороженщик кричит»* – *«пролунав голос морозивника»*; (III); *«И вот проходили годы. Прошло пять лет. Потом десять лет прошло. И наконец прошло двенадцать лет. Прошло двенадцать лет, и из маленького мальчика я превратился в молодого студентика лет так восемнадцати»*. – *«Спливали роки. Минуло п'ять літ. Потім десять. І нарешті минуло дванадцять літ. Став молодим студентом, років вісімнадцяти»* (VII); не придает значения переводчик также передаче такой особенности детской речи, как повтор подлежащих – личных местоимений, и часто опускает их: *«И вот, в один прекрасный день мы снова за столом ужинаем со взрослыми. На этот раз мы сидим тихо и молчаливо. Мы знаем папин характер. Мы знаем, что если мы скажем хоть полслова, наш отец никогда более не разрешит нам сесть со взрослыми»* – *«Й от одного чудового дня ми знову за столом – вечеряємо з дорослими. На цей раз сидимо тихо, мовчки. Ми знаємо татів характер. Знаємо, що коли скажемо хоч півслова, тато ніколи більше не дозволить нам сісти з дорослими»* (II); б) тавтологический повтор, который также не всегда сохранен в переводе: *«И они дарили мне много подарков»* – *«І вони давали мені багато дарунків»* (VI); в) слова из детской речи с уменьшительными суффиксами, утраченными в переводе: *«мама выносила меня на ручках»* –

«мама вносила мене **на руках**» (I); «часики» – «годинник» (VI). Фразеологический ярус представлен устойчивыми образными выражениями, эмоциональность которых в большинстве случаев в переводе нейтрализуется: «*раскрыв рот от удивления*» – «*вражений*»; «*остаётся покрытым мраком неизвестности*» – «*цього ніхто не знає*» (VIII). К словообразовательному ярусу **относим** окказиональное словообразование: «с **обломанной ручкой**» – «з **відламанною ручкою**» (I). Синтаксический ярус представляют: а) конструкции с логически «лишними» словами, опущенными в переводе: «*Леля могла упасть и сломать себе ногу*» – «*Льоля могла впасти і зламати ногу*» (IV); «*Но когда я чем-нибудь заболел, родители буквально тогда засыпали меня подарками*» – «*А коли я хворів, батьки буквально засипали мене подарунками*» (VI); б) аномативные словосочетания и предложения: «*еще что-нибудь из галош*» – «*ще якусь галошу*» (III); «*А которые ничего не дарят людям, а вместо этого преподносят им неприятные сюрпризы, – у тех бывает мрачно и противно на душе*». – «*У тих же, хто нічого не дарує людям, хто замість цього підносить їм неприємні сюрпризи, – у тих буває похмуро й бридко на душі*» (VI). В рассказах о детях и для детей такое косноязычие выглядит как отражение детской психологии, однако переводчик заменил нелитературные употребления литературными, чем нивелировал детскую речь. **Оценочная** коннотация заложена в семантике используемых слов и не всегда адекватно сохранена в переводе: «*смешны и комичны*» – «*смішні і незграбні*» (V); «*У меня дурацкие дети*» – «*В мене нерозумні діти*» (VIII). **Экспрессивно** окрашенными являются языковые средства лексического и синтаксического яруса, коннотация которых тоже может быть утеряна в переводе: «*отчаянно заревел*» – «*голосно заревів*» (I); «*А я, Лелища, как поставлю к елке стул и как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока*». – «*А я, Льолище, підставлю до ялинки стілець і теж дістану собі щось, крім яблука*» (I). **Функционально-стилистическую** коннотацию, не всегда сохраненную в переводе, придают конструкциям: а) слова разговорной сферы: «*галошина*» – «*калоша*», «*не надул*» – «*не обдурил*» (III); б) смешение слов разговорной и книжной сфер: «*Вот она какая завистливая особа <...> Где, кстати, эта злодейка в настоящий момент?*» (IV).

Комбинацией эмотивной, экспрессивной и функционально-стилистической коннотации является такой синтаксический прием, как «нанизывание» предложений, то есть присоединение одного предложения к другому при помощи союза **и**. Например, в текстовом фрагменте из рассказа «Елка» этот союз 12 раз присоединяет предложения и 6 раз использован в середине предложений – для связи однородных членов или предикативных частей. Такой повтор союза, усиленный и лексическим повтором, ускоряет темп происходящего, объединяет события в одну общую картину и повышает эмоциональность речи. В переводе прием «нанизывания» не использован, в начале двух предложений употреблен союз **а**, и только одно

предложение присоединено союзом **и**, в середине предложений этот союз использован 5 раз. Это сказалось не только на снижении эмоциональности речи и замедлении темпа, но и на адекватности воспроизведения речи пятилетнего ребенка. Ср.: **И** она [мама] взяла паровозик **и** подарила его одному четырехлетнему мальчику. **И** тот моментально стал с ним играть. **И** я рассердился на этого мальчика **и** ударил его по руке игрушкой. **И** он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки **и** сказала: <...> **И** я сказал: Можете уходить, **и** тогда паровозик мне останется. **И** та мама удивилась моим словам **и** сказала: <...> **И** тогда моя мама взяла меня на ручки **и** сказала той маме: <...> **И** та мама сказала: <...> **И** тогда еще одна, третья мама, сказала: – **И** я тоже уйду. <...> **И** тогда я, сидя на маминых руках, закричал: – Вообще можете все уходить. **И** тогда все игрушки нам останутся.– Вона взяла паровозика **і** подарувала його одному чотирирічному хлопчику. Той одразу почав з ним гратися. Я розсердився на цього хлопчика **і** вдарив його по руці іграшкою. Він так голосно заревів, що його власна мама взяла його на руки **і** проказала: <...> **А** я сказав: – Можете йти, **і** тоді паровозик мені залишиться. **І** та мама подивувалася з моїх слів, сказавши моїй мамі: <...> Тоді моя мама взяла мене на руки **і** сказала тій мамі: <...> **А** та мама у відповідь: <...> Тоді ще одна, третя мама, сказала: <...> Тепер вже я, сидячи на маминих руках, крикнув: – Взагалі можете всі йти, тоді всі іграшки нам залишаться. (І).

Таким образом, в результате анализа формально-смысловых трансформаций при переводе рассказов о детях и для детей выявлена частичная утрата эмотивной, оценочной, экспрессивной и функционально-стилистической коннотаций, что во многом нивелирует детскую речь и является переводческой ошибкой.

Список использованных источников

1. Зоценко М. Оповідання. Пер. з рос. Михайло Зяблюк. К.: Веселка, 1991. [Электронный ресурс]: <http://www.ukrcenter.com> / Література / Михайло-Зоценко / (дата обращения 09.01.2018).
2. Зоценко М. Рассказы для детей: Москва; АСТ; 2014 [Электронный ресурс]: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8611284&lfrom=351274658 (дата обращения 10.01.2018).
3. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – 2-е изд., перераб и доп. М: Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.
4. Омеличкина С. В. Проблема трансляции детских речевых искажений в художественном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. Филология. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 122–1236.
5. Селіванова О. О. Нова типологія перекладацьких трансформацій (на матеріалі українсько-російського перекладу) [Электронный ресурс]: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiCIJ7guf3YAhUBPywKHcBLBgEQFggmMAA&url=http%3A%2F%2F>

2Fselivanova.net%2Fdownloads%2Fnew%2520typology%2520of%2520transformations%2520in%2520translation.doc&usg=AOvVaw1hjUNUgu-UanZCo5c7U-z1 (дата обращения 9.01.2018).

6. Солнцева К. В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.

УДК 81'25:33

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

О. Н. Баклашкина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета, Иркутск

Аннотация. Исходя из того, что перевод является одновременно когнитивным и лингвистическим процессом, в статье делается попытка задаться вопросом, какой вклад может сделать когнитивный подход в исследования в области перевода, в данном случае в экономической сфере. Предпринятый для этого экскурс в когнитивную семантику дает возможность понять, какие когнитивные действия лежат в основе механизмов концептуализации и категоризации. Несмотря на то, что экономический перевод является специализированной областью, маркированной терминологической точностью и строгостью, он не освобождается от всех трудностей, с которыми сталкивается переводчик в любой другой области перевода. Переводчик может только извлечь выгоду от когнитивного подхода, направленного на объяснение формирования значения через процессы восприятия.

Ключевые слова. Когнитивная семантика, экономический дискурс, экономический перевод, когнитивное значение, восприятие.

Summary. Based on the fact that translation is both a cognitive and linguistic process, the article attempts to show what contribution a cognitive approach can make to the research in the field of translation, in this case in the economic sphere. For this, an introduction into cognitive semantics is done in order to understand what cognitive actions underlie the mechanisms of conceptualization and categorization. Although economic translation is a specialized field marked by terminological precision and rigor, it is not relieved of all the difficulties an interpreter faces in any other field of translation, so an interpreter can only benefit from a cognitive approach aimed at explaining the formation of meaning through processes of perception.

Key words. Cognitive semantic, economic discourse, economic translation, cognitive meaning, perception.

Любой перевод является сложным коммуникативным актом, который включает в себя как когнитивный, так и лингвистический процессы. В ходе перевода необходимо воспринимать и идентифицировать значение сообщения, затем передать его в других когнитивных схемах и, наконец,

транспонировать в другом языке. Отсюда следует, что лингвистическая компетенция представляет собой неотъемлемый элемент, но при этом совершенно недостаточный. Именно исходя из этого наблюдения мы сосредоточим наше внимание на экономическом переводе, который является областью нашей специализации. В настоящее время есть много переводчиков, которые выполняют свою работу, обходясь без теоретической модели, имея убеждение в том, что хорошая лингвистическая компетентность, интуитивное понимание и исключительно практическое обучение являются достаточными для обеспечения качества переводов.

Теоретическое обоснование, опирающееся на хорошую языковую подготовку и размышления о психических процессах формирования значения, - это основа для лучшего выполнения задач, стоящих перед переводчиком.

В рамках когнитивного подхода делается попытка показать, как понимание основных концептуальных механизмов выражения языка помогает идентифицировать определенные лингвистические формы [4] и помогает принимать переводческие решения. Лексические и терминологические аспекты мотивированы, поскольку они тесно связаны с когнитивными процессами и различными способами концептуализации языка [3].

В последние десятилетия лингвистические теории стали все более ориентированы на логику и познание: когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, прагмалингвистика, и т.д. Именно когнитивная лингвистика помогла пролить свет на когнитивные действия и процессы, задействованные в любом процессе концептуализации и языковом оформлении. В когнитивной лингвистике основное внимание уделяется вопросу о том, каким образом языковые формы связаны со структурами человеческих знаний, а также о том, как те и другие представлены (репрезентированы) в голове человека. Ставится вопрос о том, какой опыт взаимодействия с природой и себе подобными человек фиксирует в языке в первую очередь и почему [2]. Когнитивный метод рассматривает язык как механизм, обеспечивающий доступ к деятельности сознания и помогающий восстановить разные стороны познавательных процессов, процессов мышления. «Для когнитивиста важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание „когнитивно“ перерабатывается, т.е., какова „когнитивная деятельность“» [1, с. 22]. Развитие когнитивной лингвистики привело к пониманию того, что когниция включает в себя не только такие явления, как знание, сознание, мышление, представление, символизация, но и организацию моторики, восприятие, мысленные образы, воспоминание, узнавание.

Все исследования в области когнитивной семантики не лишены влияния на практику перевода, включая специализированный перевод, поскольку, понимание смысла в области специальности заставляет не только обратиться к лексической единице, но также понять различные

способы концептуализации и раскрытия значения того или иного понятия в исходном языке и языке, на который делается перевод.

В силу своей функции категоризации язык не ограничивается только тем, чтобы воспроизводить объективную реальность, но он вместе с тем накладывает на него интерпретационную сетку для организации нашего знания о мире. Разделение на семантические категории варьируется в зависимости от нашего опыта, наших потребностей, которые сильно различаются в зависимости от культур.

Кроме того, процесс формирования значения имеет физические основы, которые влияют непосредственно на структуры мысли, а соответственно и на их языковое выражение. Когнитивной наукой второго поколения [7] были сформулированы основные положения «воплощенной» философии мыслительной деятельности, исходящие из того, что концептуальные структуры основываются на сенсомоторном опыте человека и нервных структурах. Опыт человека является основой ментальных структур. Сознание человека корпорально, т.е. человеческий разум не является абстрактной сущностью. Он включен в тело, которое взаимодействует с внешней средой и дает ему сенсорное восприятие [6; 5].

Все эти аспекты должны учитываться переводчиком, который при переходе с одного языка на другой призван установить рефлексию на когнитивном и лексико-терминологическом уровнях для того, чтобы изложить концептуальную картину, которая лежит в основе того или иного дискурса, используя конструктивные концептуальные элементы (семантика ключевых слов, логические и семантические связи между понятиями и т.д.). Это имеет большое значение для экономического и юридического перевода, поскольку неправильное толкование или двусмысленность могут изменить общий смысл сообщения и вызвать неправильное понимание у целевой аудитории.

Понятие ситуационного контекста также играет ключевую роль в разработке семантических определений, принимая во внимание социально-культурные различия между различными языками профессиональной деятельности. Часто случается так, что контекст изменяет частично или полностью значение термина или даже всего предложения. Простое использование словарей в отрыве от ситуационного и культурного контекста может привести к неправильному выбору термина.

Исследуя перевод в рамках когнитивного подхода, теперь более подробно рассмотрим особенности экономического перевода, который в настоящее время является одним из наиболее востребованных и который существует на пересечении языка, экономики и процессов глобализации.

Будучи редактором многочисленных документов, способствующих коммуникации на международном уровне, переводчик экономического дискурса должен владеть на должном уровне терминологией и иметь четко сформированные концепты этой сферы знания. В повседневной практике эта задача не так проста, учитывая масштаб и динамику развития

рассматриваемой области (маркетинг, финансовые механизмы, финансовые операции, фондовые рынки, бухгалтерский учет, управление и т. д.). Необходимо также учитывать, что экономическая и коммерческая области характеризуются языковыми формами, которые подвергаются сложному влиянию других культурных систем (это объясняет заимствования русским языком из английского).

Следует отметить, что недостаточно просто знать терминологию, чтобы освоить специализированную область знаний, нужно принимать во внимание многочисленные аспекты прагматической и когнитивной природы, такие как процессы категоризации и деноминации, концептуальные метафоры и т.д.

Когнитивный подход дает понять, что процесс деноминации строго связан с процессом концептуализации: каждый термин, соответствующий какому-то понятию, позволяет интерпретировать реальность, свойственен какой-либо языковой группе, чьи характеристики рассматриваются как центральные и выражены в ходе коммуникации.

В переводческом плане из-за различного восприятия и понимания реальности термины языка-источника и языка, на который делается перевод, могут называть одно и то же понятие, но при этом они могут быть идентичными или совершенно различными.

Так, слово *droit* во французском языке имеет первоначальное значение «право, полномочия». В экономическом дискурсе можно встретить очень много сочетаний с этим словом, где оно реализует свои значения:

1. Значение «право, полномочия» – *droit de préférence* (преимущественное право), *droit à des dommages-intérêts* (право на требование о возмещении суммы убытков).

2. Значение «набор юридических правил» – *droit pécuniaire* (имущественное право), *droit réel* (вещное право), *droit immobilier* (законодательство о недвижимости), *droit personnel* (обязательственное право).

В этих значениях мы видим реализацию первоначального значения и соответствие терминам в русском языке. Но есть и словосочетания, в которых во французском языке реализуется значение «право, полномочия», а в русском языке мы находим другие значения такие как «долг, обязательство, подлежащие тому, чтобы их отдать, оплатить». Например, *droit de courtage* (комиссионный сбор), *droit différentiel* (дифференциальная пошлина), *droit d'enregistrement* (регистрационный сбор), *droit d'entrée* (импортная пошлина) и т.д. Все это указывает на различное восприятие и различную категоризацию данных явлений во французском и русском языках.

Граница между общим языком и языком специальности размыта до такой степени, что можно говорить о континууме, специализированный язык представляется как использование естественного языка для

представления специализированных знаний для наименования того или иного понятия в рамках специализированного общения.

Между тем язык экономики сохраняет много слов из общего языка, которые подлежат переосмыслению значения.

Рассмотрим в качестве примера глагол *mondialiser*, который был образован от прилагательного *mondial* (мировой), и прочно вошел в экономическую сферу со значением «принимать мировой масштаб». Параллельно с этим существуют слова *global*, *globaliser*, *globalisation*, калькированные из английского языка, используемые для обозначения «*mondilisation*». Довольно часто можно встретить сочетание с прилагательным *global* в первоначальном значении «общий», например, *montant global* (общая сумма, общее количество), но вместе с тем это прилагательное все больше и больше встречается в таких сочетаниях как *marché global*, *échelle globale*, *économie globale*, где это прилагательное приобретает значение «мировой, планетарный».

Существует и обратный процесс, когда обычный повседневный язык начинает «засоряться» экономической терминологией. Так, есть термин *inflation* (инфляция), первоначальным значением которого является «потеря покупательной способности валюты, которая приводит к общему росту цен», в общем языке переводится как «расширение, дополнение». Или, например, выражение *actions à la hausse / à la baisse* является выражением экономической или юридической сферы, но также может употребляться для того, чтобы говорить о чьей-либо репутации.

Необходимо отметить, что русский язык ассимилирует гораздо больше английской терминологии, нежели французский язык, в котором находим больше калькирования. Например, *crédit, bail* (лизинг).

С увеличением международных обменов благами и услугами возрастает потребность в качественном экономическом переводе, требующем глубоких знаний на многих уровнях: лингвистическом, техническом, переводческом, культурном. Перевод, имея связь со многими дисциплинами, не может быть абстрактной дисциплиной, которая не учитывает всех теоретических наработок, способных поддержать и подпитать переводческую практику. Всякое изучение языка, вообще, и отдельных языковых явлений, в частности, должно исходить из того, что в структуре языковых единиц, в их системной организации с необходимостью отражаются особенности человеческих познавательных процессов. Поэтому когнитивная семантика является тем подходом к определению значения, который связывает его со знанием, полученным в результате взаимодействия живого организма с миром.

Список использованных источников

1. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (О концепте

контейнера и формах его объективации в мире) // Известия АН. – Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58, № 5-6. – С. 3-12.

3. Cowly S. J. Cognitive dynamics and distributed language // Language Sciences. – 2007. – 29 (5). – P. 575-583.

4. Jackendoff R. Semantics and Cognition // The handbook of Contemporary Semantic Theory. Ed. by Sh. Lappin. – London, 1997. – P. 539-598.

5. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987. 233 p.

6. Maturana H. R. Biology of Cognition: BCL Report. Urbana: University of Illinois, 1970. 95 p.

7. Varela Francisco J., Thompson Evan, Rosch Eleanor. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991.

УДК 81'25

ПЕРЕДАЧА ИРОНИИ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАДИСКУРСА)

Е. А. Бармина,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. В статье рассматриваются характерные черты функционирования иронии в англоязычном медиадискурсе, а также особенности ее передачи при переводе на русский язык. Продемонстрировано, что переводчики в целом сохраняют внешнюю форму переносимого средства выразительности, а также стремятся передать схожую экспрессивность и метафоричность иронии. Для понимания иронии в рамках медиадискурса от получателя требуются дополнительные знания из разных областей, а также погружение в контекст.

Ключевые слова: ирония, перевод, медиадискурс, выразительное средство, модальность, контекст.

Summary. The paper focuses on irony characteristics in English-language media discourse and its rendering in Russian translation. It is demonstrated that translators in general retain the external form of the expressive means and also seek to convey similar irony expressiveness and metaphorical structure. To interpret irony within the media discourse, the recipient requires additional knowledge from different areas, as well as context understanding.

Key words: irony, translation, media discourse, expressive means, modality, context.

На сегодняшний день, когда важнейшей движущей силой является информация, а ее производство становится идеологическим проектом, одну из наиболее важных ролей в формировании общественного мнения играет медиадискурс. Обладая высокой степенью оценочности, тексты массмедийного типа значительно воздействуют на сознание аудитории.

Характерная особенность медиадискурса заключается в том, что отношение к какому-либо вопросу зачастую передается не явно, а имплицитно. Одним из активно используемых средств выражения авторского мнения и оказания воздействующей функции на массового адресата медиасообщения является ирония.

Цель данной статьи – выявить характерные черты функционирования иронии в англоязычном медиадискурсе, а также определить ряд особенностей передачи иронии в русском переводе.

Ирония представляет собой сложный феномен, носящий лингвокогнитивный и дискурсивный характер. На сегодняшний день в лингвистике существует несколько определений иронии.

В рамках традиционного семантического подхода ирония определяется как особенное употребление слова, при котором в него вкладывается смысл, обратный буквальному [1]; как стилистический прием, результатом которого становится одновременное функционирование в слове двух взаимоисключающих значения [2]; как «один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки» [3, с. 7].

В рамках исследования дискурса ирония рассматривается с точки зрения модальности. Модальность иронии носит субъективный характер, приравнивается к оценке и основывается на взаимодействии двух противоположных оценок, относящихся к одному и том же объекту или явлению.

Кроме того, важнейшим аспектом дискурсивного исследования иронии являются особенности восприятия окружающей действительности коммуникантами. В данном случае ирония реализует свой когнитивный потенциал посредством соотнесения с такими факторами, как индивидуальные характеристики участников дискурса, исторические и культурные особенности описываемой ситуации, общественные нормы. Успешность понимания иронического дискурса строится на общности восприятия адресата и адресанта.

Таким образом, в наиболее общем смысле ирония воспринимается как скрытая насмешка, средство для критики или создания комического эффекта. Для верного толкования иронии адресату необходимо знания ряда экстралингвистических факторов, среди которых политические, исторические, культурные, социальные и другие сведения.

Особым вопросом в рамках лингвистических исследований иронии является проблема передачи иронии при переводе на другой язык. Механизмы порождения иронии в тексте настолько различаются по форме и содержанию в разных языковых системах, что не могут быть перенесены из одной в другую без существенных изменений. Кроме того, ирония зачастую носит скрытый характер и может быть не понята переводчиком и, соответственно, не передана в системе другого языка.

Ирония нередко включается в медиатекст для имплицитной передачи мнения автора, принижения чего-либо в глазах читателя посредством высмеивания данного объекта.

Иллюстрацией данного факта является следующий фрагмент из статьи издания *Time* *What Does Vladimir Putin Fear? His Own People*, в которой в крайне ироничной форме дается критика В. Путина.

He wears a large cross, given to him by his mother (1), that he swears (2) was blessed in the Holy Land. He speaks with reverence (3) of the year (4) (988) when Prince Vladimir of Kievan Rus led the Christianization of the Russian people [URL: <http://time.com/5039688/vladimir-putin-fears-own-people/>].

Он носит большой крест, который дала ему его мать (1) и который, по его заверению (2), был освящен в Святой Земле. Он с почтением (3) говорит о том времени (4) (988 год), когда князь Киевской Руси Владимир возглавил процесс (5) христианизации русского народа [URL: <http://inosmi.ru/politic/20171129/240875788.html>].

Автор статьи иронизирует по поводу искренности веры Путина, намекает на показной характер его действий, игру на христианских чувствах. Кроме того, проводятся параллели с князем Владимиром (в английском варианте *Prince Vladimir*). Такое грамотное расположение информации позволяет навести читателя на мысль, что Владимир Путин ассоциирует себя с князем Владимиром.

Модальность данного медиатекста несет насмешливо-отрицательный характер и передается на русский язык с помощью полного перевода с некоторыми лексическими (4 – генерализация) и грамматическими (1,2 – замена, 3 – перестановка, 5 – добавление) трансформациями.

В следующем фрагменте автор описывает будни В. Путина, иронически отзываясь о его образе жизни.

On special occasions, he rides horses bare-chested across the Russian tundra [URL: <http://time.com/5039688/vladimir-putin-fears-own-people/>].

По особым случаям он ездит верхом с голым торсом по российской тундре [URL: <http://inosmi.ru/politic/20171129/240875788.html>].

В рассматриваемом отрывке ирония строится на намеренном переносе автором частного случая на образ жизни описываемого лица в целом. За внешне положительной оценкой автора скрывается насмешка. Следует отметить, что для верного понимания смысла иронии адресату необходимо погружение в контекст. По ходу статьи последовательно проводится мысль о том, что за образом сильного правителя, находящегося к тому же в прекрасной физической форме, скрывается страх перед собственным народом.

Передача насмешливо-отрицательной модальности текста производится в русском тексте с помощью полного перевода. Переводчик использует лексические эквиваленты, сохраняя также структуру оригинального предложения.

В следующем фрагменте той же статьи на иронический эффект также работает появление ассоциаций:

Vladimir Putin appears to stride (1) the globe like a political goliath, a mix (3) of Peter the Great and Joseph Stalin. Whether in Syria or Ukraine, the Russian President flexes his muscles and the world seems to quake (4) with anxiety (5) [URL: <http://time.com/5039688/vladimir-putin-fears-own-people/>].

Владимир Путин, кажется, шагает (1) по планете, как политический Голиаф, представляя собой (2) нечто среднее (3) между Петром Великим и Иосифом Сталиным. И в Сирии, и на Украине российский президент показывает свои мускулы, а мир, похоже, дрожит (4) от страха (5) [URL: <http://inosmi.ru/politic/20171129/240875788.html>].

В данном отрывке ирония автора передается с помощью таких средств выразительности, как сравнение «*like a political goliath*», а также метафора «*flexes his muscles*». Тексту придается дополнительная эмоциональная окраска, которая оказывает влияние на восприятие читателем образа В. Путина. За внешним образом сильного политического деятеля скрывается авторская ирония, заставляющая читателя усомниться в приписываемых объекту качествах. В русском тексте негативная авторская оценка передается с помощью полного перевода с некоторыми лексическими (3 – дифференциация, 5 – конкретизация) и грамматическими (1, 4 – замена, 2 – добавление) трансформациями. Использование полного перевода возможно, поскольку метафорический образ, лежащий в основе созданного автором исходного текста образа, понятен и доступен адресатам в обоих языках. При этом, следует подчеркнуть, что для успешной интерпретации иронии от адресата медийного сообщения требуется ряд знаний в области истории, культуры и литературы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Ирония характеризуется двуплановостью, поскольку в ироническом высказывании объединяются и одновременно противопоставляются две точки зрения. Иронический смысл формируется за счет сопоставления этих двух планов, перемены оценочного компонента с позитивного на негативный.

Анализируя особенности передачи иронии англоязычного медиадискурса на русский язык, можно отметить, что в целом переводчики используют полный перевод, сохраняя внешнюю форму переносимого средства выразительности, а также стремясь передать схожую экспрессивность и метафоричность иронии. На русский язык иронические выражения переносятся с помощью использования лексических эквивалентов. В рамках данного способа допускаются некоторые лексические и грамматические трансформации.

Для понимания иронии в рамках медиадискурса от получателя (как оригинального текста, так и текста перевода) требуются дополнительные знания из разных областей, а также погружение в контекст.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
3. Ермакова О. П. Ирония и её роль в жизни языка. Калуга: Изд-во Калуж. пед. гос. ун-та, 2005. 202 с.

УДК 81'25

ДИНАСТИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В РОССИИ***Е. В. Белоглазова,****доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург****Н. К. Генидзе,****кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье на примере трех российско-советских династий филологов-переводчиков рассматривается явление профессиональной династичности в его социально-исторической обусловленности.

Ключевые слова: переводчик, преемственность, профессиональная династия.

Summary. The article focuses on the notion of professional dynasty. Basing on the example of three dynasties of translators-philologists the authors attempt to explain the social and historical roots of the phenomenon in Russia.

Key words: translator, professional dynasty, succession.

Вопрос о том, как управляется, чем определяется и направляется движение человеческой мысли, научно-культурный прогресс волнует ученых столько, сколько существует наука. Как отмечает М. Д. Голубовский – академик РАЕН, генетик, историк науки – по мере накопления фактов, сложилось два основных объяснения: (1) генетическая наследственность (у истоков – кузен Ч. Дарвина Френсис Гальтон) и (2) среда и воспитание (у истоков – основатель знаменитой французской династии биологов Альфонс Декандоль) [3].

Говоря о преемственности в отечественной медицине, К. А. Калашникова отмечает, что профессиональные династии – это «особая форма социальной организации трудовых ресурсов» [5, с. 15], которую отличает «интериоризация ценностей и норм профессионального поведения, опыта и знания своих родных» [5, с. 20].

Ю. А. Филипченко, основатель первой в России кафедры генетики, инициировал евгеническое исследование ученых Санкт-Петербурга, описавшее выдающиеся академические династии со скоплением талантов на протяжении ряда поколений (Струве, Грот, Бекетовы, Соловьевы,

Ляпуновы). Как показало исследование, «по наследству» может передаваться интерес к научно-культурной деятельности в целом, а не к определенной науке. Т.е. нередко наследуется профессия в широком смысле: «ученый» / «деятель культуры», а не специальность «физик», «математик» [1, с. 18–22].

В настоящей статье мы вновь ставим означенный в первых строках вопрос, фокусируясь на внутрисемейной профессиональной преемственности среди переводчиков в России, и попытаемся на этом крайне интересном материале рассмотреть сложное переплетение условий и факторов, давших России в итоге ее выдающуюся школу перевода.

Переводчики-отцы и переводчики-дети

История филологии знает много примеров династий переводчиков и лингвистов, в частности, широко известны Самуил Яковлевич и Иммануэль Самойлович Маршаки; Корней, Николай, Марина и Лидия Чуковские; Николай Степанович, Лев Николаевич Гумилевы и Анна Ахматова. В данной статье мы хотим показать, как тесно переплелись судьбы филологов, носящих фамилии Смирницкий, Айхенвальд, Набоков, а также фундаментальная и прикладная лингвистика (собственно, перевод) в их профессиональной деятельности.

Ольга Александровна Смирницкая (1938 г.р.) – лингвист, известный специалист по германским языкам, переводчик. Помимо известности в области сравнительно-исторической грамматики германских языков и исторической поэтики, Ольга Александровна знаменита своими переводами, в частности, переводами исландских саг и поэзии скальдов в сотрудничестве с Михаилом Ивановичем Стеблин-Каменским (1903–1981). Как заметила Ольга Александровна в одном из интервью, «то, что я стала переводить древнеисландские и редактировать древнеанглийские тексты, – случайность, но и перст судьбы», «я германист и больше лингвист, переводчиком я стала по удивительному стечению обстоятельств» [11]. Один из самых известных переводов, над которым работали О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский – перевод с древнеисландского «Младшей Эдды» (издан в 1970 г.). Как отмечал М. И. Стеблин-Каменский, «считается, что «Младшая Эдда» была написана Снорри Стурлусоном примерно в 1222–1225 годах <...>. А в 1941 г. отмечалось семисотлетие со дня смерти Снорри. За эти семьсот лет не было ни в Исландии, ни в других скандинавских странах человека, слава которого могла бы сравниться со славой Снорри Стурлусона» [12, с. 101–102].

Однако О. А. Смирницкая во многом шла по пути отца – профессора Александра Ивановича Смирницкого (1903–1954), который широко известен как лингвист и гораздо менее – как переводчик. В 1935 г. вместе с Борисом Юльевичем Айхенвальдом (1902–1938) он перевел поэму «Сага о Фригьофе» (шв. Frihiöfs sag) шведского классика Эсайаса Тегнера (Esaias Tegnér, 1782–1846).

По свидетельству О. А. Смирницкой её дядя, брат А. И. Смирницкого, Андрей Иванович, хотя был гидрографом, «превосходно знал французский, иногда впадал в переводческую страсть» и переводил для своего удовольствия, например, Жоржа Сименона [11].

Б. Ю. Айхенвальд (погибший в заключении в 1937 г.), соратник А. И. Смирницкого по переводческой деятельности, также принадлежал к выдающейся династии: его отец, Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928) был литературным и театральным критиком-импрессионистом, публицистом и переводчиком. Именно благодаря переводам Ю. И. Айхенвальда нам доступны все основные работы Артура Шопенгауэра. В 1922 г. он был выслан из России на так называемом «философском пароходе» и в Берлине продолжил активную работу. Среди тех, кто был в то время рядом с Юлием Исаевичем – Владимир Набоков (1899–1977), который писал: «я хорошо знал Айхенвальда, человека мягкой души и твердых правил, которого я уважал как критика, терзавшего Брюсовых и Горьких в прошлом» [7, с. 318]. Ряд статей Ю. И. Айхенвальда посвящен творчеству В. В. Набокова (В. Сирина). Последний сыграл еще одну важную роль в жизни Ю. И. Айхенвальда – Юлий Исаевич погиб 15 декабря 1928 г., попав под трамвай на пути домой от Набоковых [4, с. 124–137].

Помимо упомянутого Б. Ю. Айхенвальда у Юлия Исаевича были еще две дочери и сын. Именно на его дочери, математике Татьяне Юльевне Айхенвальд (1900–1963), был женат первым браком А. И. Смирницкий. Еще одна дочь – лингвист-русист, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, Наталия Юльевна Шведова (1900–1963). По филологической стезе пошли сын и внучка старшего сына, Александра Юльевича Айхенвальда. Юрий Александрович Айхенвальд (1928–1993) стал поэтом, переводчиком, театроведом, историком русской культуры. В частности, ему принадлежит один из переводов комедии Эдмона Ростана (Edmond Rostand, 1868–1918) «Сирано де Бержерак» (Cyrano de Bergerac, 1897). В 1972 году он перевел пьесу «Соло для часов с боем» (Sólo pre bicie) словацкого драматурга Освальда Заградника (Osvald Zahradnik). Его дочь, Александра Юрьевна Айхенвальд (1957 г.р.) стала лингвистом, специалистом по типологии и полевой лингвистике, автором работ по ареальной лингвистике, семитским, папуасским и др. языкам, уехавшей в 1989 г. в Бразилию, а с 1994 г. работающей в университетах Австралии. Сын сестры, Инды Исаевны, Марк Львович Слоним (1894–1976) стал известным русским и американским писателем, критиком, литературоведом, публицистом, переводчиком. В 20-х гг. М. Л. Слоним опубликовал переводы первого тома «Воспоминаний» Дж. Казановы, «Итальянских новелл» Ф. Стендаля, «Цивилизация и другие рассказы Дюамеля» [2]. Но о нем речь еще впереди.

Уже упоминавшийся выше В. В. Набоков соприкасается с описанными династиями через М. Л. Слонима, дальнего родственника его

жены Веры Набоковой, урожденной Слоним. Марк Львович Слоним (1894—1976) был критиком и переводчиком, а также литературным редактором пражского журнала «Воля России». По словам биографа Веры Набоковой, «Набоковы считали, что критик-эмигрант Марк Слоним находится на ежемесячном содержании у Советов. Вера постоянно категорически отрицала с ним родство. (Другие родственники считали иначе.)» [13].

Сам В. В. Набоков – выдающийся писатель – начинал именно с переводов; на позднем этапе своей карьеры ему пришлось вернуться к этой стезе, переводя уже свои собственные произведения. К этому делу В. В. Набоков приобщил и своего сына Дмитрия Владимировича Набокова (1934–2012), и жену Веру Евсеевну (1902–1991). Брат В. В. Набокова – Сергей Владимирович Набоков (1900–1945) – также известен как полиглот и переводчик.

Причины и корни династичности среди переводчиков в России

Говоря о причинах династичности, нельзя исключить действие фактора генетической предрасположенности к тому или иному роду занятий, выдвинутого Ф. Гальтоном, как минимум, как дополнительного, вспомогательного. Однако этот аспект проблемы мы оставим генетикам и сосредоточим наше внимание на факторах социальных.

1. Культурологические предпосылки

- Понятие династии тесно связано с понятием «род» – важнейшим концептом в славянской картине мира; причем «род» был предельно широким понятием [9], легшим в основу таких слов как *род*, *народ*, *родина*, *родить*, *природа*, *урожай* и др. Одним из стержней рода была наследуемая профессия: опыт, профессиональные секреты и достижения передавались от поколения к поколению, накапливаясь и совершенствуясь. Семья (род) служила культурной профессиональной средой, определенным образом формирующей подрастающее поколение.

- Промежуточное и исторически, и географически положение России между Востоком и Западом, Азией и Европой, привело к смешению в русской культуре черт обоих этих типов культуры. В частности, близость России к восточному типу культуры проявляется в таких чертах, как укорененность в традиции, включая семейные ценности и иерархизированность общества, в котором человек рассматривается как часть целого – мира / общества / семьи – свое место в котором он должен знать.

2. Исторические предпосылки

- высокая репутация и колоссальная востребованность переводческого дела в России, уходящая корнями в петровские реформы, когда перевод рассматривался как дело государственной важности;

- особое положение перевода на заре советского периода, когда была поставлена и начала масштабно реализовываться культурно-идеологическая задача формирования нового читателя – пролетария-интеллигента;

- наступивший затем изоляционизм в науке и культуре, в результате которого многие ученые вынуждены были сами переводить литературу в сфере своего интереса.

3. Методологические предпосылки: со времен Цицероновского трактата «Об ораторе» перевод рассматривался как упражнение в выработке собственного стиля, которому отдавали должное многие писатели.

4. Профессиональные предпосылки: при династийной форме организации трудовых ресурсов снижается риск функциональной несостоятельности отдельных представителей профессии за счет облегченного доступа к специальным знаниям.

Summa summarum

Таким образом, при том, что профессиональная династийность вовсе не является сугубо русским или Российским (что не одно и то же) феноменом, в России сложились особые условия для династийности именно в среде филологов, лингвистов и переводчиков; династийность же, в свою очередь, привела к формированию уникальной культурно-научной среды, доминантами в которой являются преемственность и уважение к авторитету предшественников.

Список использованных источников

1. Андрейченко Г. В., Сапрыкина Е. В. Семейные традиции в истории российской науки // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 2. С. 18–22.
2. Гардзонио С. Слоним многоликий. [Электронный ресурс] // Знамя. – 2017. – № 9. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2017/9/slonim-mnogolikij.html> (дата обращения 27.01.2018).
3. Голубовский М. Д. Интеллектуальные династии: два века Ляпуновых // Нева. 2012. – № 6. С. 231–241.
4. Злочевская А. В. Владимир Набоков и Юлий Айхенвальд [Электронный ресурс] // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 2007. – № 5. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~modern/main.php?page=1098> (дата обращения 27.01.2018).
5. Калашникова К. А. Профессиональные династии в современном российском институте здравоохранения: автореферат на дисс. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2012. 26 с.
6. Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. – Т. 5. СПб: Симпозиум, 2004. 829 с.
7. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с.
8. Смирницкая О. А. Переводчиком я стала по стечению обстоятельств [Электронный ресурс] // Русский журнал. – 24.09.2002. – Режим доступа: – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020924_kalash-pr.html (дата обращения 27.01.2018)
9. Стеблин-Каменский М. И. Снорри Стурлусон и его «Эдда» // Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970. С. 183-219.
10. Шифф С. Вера (Миссис Владимир Набоков). М.: Колибри, 2010. 672 с.

УДК 81

**ОБУЧЕНИЕ ЭЛЕМЕНТАМ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
АДЬЮНКТОВ И КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА****В. Н. Беляева,**

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
иностраных и русского языков, Ярославское высшее военное училище
противовоздушной обороны, Ярославль*

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности преподавания иностранных языков в военно-учебном заведении. Применительно к организации языковой подготовки в целом и к практике учебных занятий анализируются группы умений и навыков, которые относятся к переводческим компетенциям.

Ключевые слова: военно-техническая направленность, тексты, перевод, реферирование, лингвистическая компетенция, личностные качества.

Summary. Some features of teaching foreign languages at a military educational institution are studied. Groups of skills that relate to translation competencies are analyzed with reference to the organization of language training in general and to the practice of lessons.

Key words: military-technical orientation, texts, translation, summarizing, linguistic competence, personal qualities.

Обсуждение вопросов, связанных с общекультурными и профессиональными компетенциями будущего специалиста с высшим образованием допускает разные варианты классификации и описания видов этих компетенций. Исследователи и преподаватели сходятся на том, что каждая компетенция включает в себя несколько субкомпетенций, то есть можно говорить о многоуровневой структуре переводческих или иных компетенций [2; 4].

Целью настоящей работы является показать общие черты в процессе преподавания иностранного языка и переводческих тренингов, а также совпадающие элементы компетенций, которые обязательны для освоения как при подготовке военных специалистов с практическим владением иностранным языком в профессиональной сфере общения, так и при обучении профессиональных переводчиков.

Очевидно, что переводчик, специалист в сфере языкового посредничества, должен обладать целым спектром знаний, способностей и навыков, что гораздо значительнее, чем один показатель высокого уровня владения иностранным языком [2, с. 28–30, 4]. Так, о четырех компетенциях: языковой, коммуникативной, текстообразующей, технической, а также о личностных характеристиках как составляющей профессиональной компетенции переводчика, пишет В. Н. Комиссаров [цит. по: 2, с. 30]. Вслед за ним мы предлагаем еще больше генерализовать классификацию компетенций

и выделить три принципиальные группы: 1) связанные с уровнем владения парой языков; 2) ответственные за продуктивность процесса – компетенции технологии перевода; 3) индивидуальные психологические характеристики личности переводящего.

Среди трех компонентов переводческих компетенций: *базового* (лингвистического и коммуникативного), *технологического* (технического) и *профессионально-личностного* – больше всего компетенций, общих для различных направлений лингвистической подготовки, лежит в области базовых компетенций. Поскольку не только переводчик, но и специалист неязыкового профиля по требованиям учебных программ должен владеть системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностей. А также иметь способность свободно выражать свои мысли, адекватно используя разнообразные языковые средства с целью выделения релевантной информации [5].

Тем не менее определенные элементы двух других компонентов, направленные на формирование специфических переводческих компетенций, которые относятся к технологии перевода или способствуют развитию личностных качеств специалиста, могут применяться и в военных университетах. Эти элементы должны сделать процесс обучения курсантов иностранному языку более эффективным, а ход занятий интересней и динамичней.

Ведущей формой работы при изучении иностранного языка курсантами военно-учебного заведения является работа с текстами. Преимущественно это адаптированные тексты военно-прикладной направленности, нацеленные на изучение курсантами активной лексики и формирование конкретных лексико-грамматических навыков, выполнению упражнений разного типа и сложности, в том числе и на перевод. Следует отметить, что перевод как элемент обучения не тождественен собственно переводу как виду межъязыкового посредничества. На протяжении всего периода изучения иностранного языка в военном вузе перевод в письменной и устной формах используется как средство обучения и контроля, а также как способ передачи полученной информации. То есть широко применяемые упражнения на перевод материалов адаптированных текстов служат в первую очередь для углубления базовых знаний, но не для формирования переводческих компетенций.

С другой стороны, даже адаптированные тексты следует рассматривать с точки зрения совершенствования умений из области технологии перевода, например, изучающего и поискового чтения. Это значит, что работу над текстом достаточного объема (более 600 зн.) можно начать с предтекстового упражнения на выделение разных видов информации: выполняется поиск реалий, ключевых числовых показателей, географических названий и

антропонимов; в общем содержании выделяются интернационализмы и даты. Здесь можно говорить об элементах формирования навыков реферативного перевода.

Собственно письменное реферирование иноязычных текстов требует уверенного владения разнообразными языковыми средствами как иностранного, так и родного языка, а также навыков анализа, интерпретации и обобщения текстов различных жанров [4]. Комплекс компетенций письменного переводчика, задействованных в процессе реферирования, предполагает их освоение в рамках программ подготовки военных переводчиков, но для выпускников военно-инженерного профиля целесообразно ставить более достижимые цели.

На начальном этапе занятий для адъюнктов внимание уделяется развитию умений изучающего чтения. В дальнейшем автоматизируются навыки реферирования, которые осваивались еще в рамках программы вуза. До сих пор не утратили актуальности и полностью применимы в процессе подготовки адъюнктов к сдаче кандидатского экзамена [6], указания по составлению реферата и аннотации, сформулированные Л. К. Латышевым [3]. Примечательно, что авторитетные специалисты по переводу в нашей стране, эти «гиганты» среди переводчиков немецкого языка Роберт Владимирович Ефимов и Лев Константинович Латышев развивали свои методологические идеи и начинали обосновывать свои переводоведческие концепции именно в области военного перевода. В теоретическом разделе их учебника описаны все этапы реферирования: начиная с выявления смысловых фрагментов и логической структуры текста, заканчивая требованиями к техническому оформлению реферата и аннотации как вторичных документов по отношению к исходному тексту на иностранном языке [3, с. 29–39].

Большинство неадаптированных, аутентичных текстов (или фрагментов текстов) военно-технической тематики на родном или иностранном языке, как правило, являются слишком сложными в лингвистическом отношении для выполнения полноценного письменного перевода. В этом случае целесообразно организовать в аудитории поэтапную работу с элементами реферативного перевода. Если для работы над аутентичным текстом отводится лишь часть занятия, можно выполнить подбор точных или наиболее близких эквивалентов терминологических и тематических лексических единиц. Курсанты анализируют содержание каждого абзаца и отдельного предложения в нем и, используя знания в своей предметной области и освоенный лексический минимум по изучаемой теме (разделу), предлагают к соответствующему абзацу «набор» необходимых для передачи основного содержания словосочетаний. При этом реализуется, в частности, предметная переводческая компетенция, формируется профессиональный иноязычный тезаурус военного специалиста.

Более глубокое и целенаправленное формирование предметной компетенции и профессионального тезауруса возможно в рамках выполнения курсантами военно-научной работы. Так, написание реферата, представляющего собой полный или фрагментарный перевод основного содержания аутентичных источников на немецком языке, завершается созданием переводческого глоссария. Составление глоссария по результатам самостоятельной работы над переводом текстов является для обучающихся неязыковых специальностей непростой задачей. Однако курсанты с достаточно высоким уровнем языковой подготовки способны предложить вариант «словарика», приближающийся по форме и содержанию к переводческому глоссарию: с дифференциацией общеупотребительной и специальной, терминологической лексики, с указанием контекстуальных значений и даже с переводческими комментариями.

Всякий раз, когда на занятиях по иностранному языку курсантам приходится справляться с задачами повышенной сложности, становится очевидным, что профессионально-личностный компонент, которому обязательно нарабатывается при подготовке переводчиков, требует определенного внимания и, хотя бы небольших по времени, но систематических тренировок на обычных практических занятиях в военном ВУЗе. Поскольку не только переводческая деятельность, но и успешное освоение учебной программы зависит от степени сформированности комплекса компетенций, связанных с мышлением (продуктивным, репродуктивным, словесно-логическим, аналитическим, интуитивным); широтой научного и культурного кругозора; с индивидуальным умением мобилизовать ресурсы своей памяти и распределять свое внимание, а также с наблюдательностью, любознательностью и т.п. [2, с. 30–31].

Эффективным средством для развития вышеназванных составляющих являются упражнения на мнемотехнику, многие из которых применимы и продуктивны при обучении курсантов. В качестве материала тренировочных упражнений на безассоциативное запоминание могут выступать антропонимы, топонимы (известные и неизвестные), реалии меры, ряды чисел [1].

На несколько минут от занятия, отведенных для интеллектуальной «разминки» очень удобно использовать числительные в их разнообразных формах и функциях. Например, когда курсанты получают задание воспринять на слух и воспроизвести (записать) ряд числительных, в котором чередуются количественные и порядковые, целые и дробные числа; обозначения моментов времени и годов, даты и др... Здесь могут быть различные комбинации, выбираемые в зависимости от лексико-грамматического материала, выносимого для аудиторной работы и задач практического занятия.

Очевидно, что данный материал постоянно актуален при работе с текстами технической тематики, в которых часто существенное место

занимают различные размерные параметры (длины, ширины, глубины, высоты), технические характеристики, связанные со скоростью, массой и т.п. На продвинутом этапе обучения целесообразно применять цифровую информацию в контексте для тренировки переключения на разные типы кодирования [1, с. 64–65] – с буквенного на цифровое – что всегда доставляет дополнительные сложности даже для опытного переводчика, однако достаточно уверенно может выполняться курсантами.

Обобщая, можно сказать, что отдельные составляющие переводческой компетенции безусловно являются частью языковой подготовки курсантов военного ВУЗа: в рамках обучения реферативному переводу, выполнения военно-научной работы под руководством преподавателя. Выше были рассмотрены отдельные формы работы на практических занятиях, которые направлены на повышение общего уровня компетенций: то, что углубляет понимание лингвистических особенностей изучаемого языка и его системных отличий от родного языка; вносит страноведческий компонент; помогает формированию «чувства языка»; наконец, способствует развитию внимания и памяти, развитию лингвокогнитивных способностей.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Союз, 288 с.
2. Бутусова А. С. Профессиональные компетенции устного переводчика // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012 № 12: в 2-х ч. Ч. I. С. 28–31.
3. Ефимов Р. В., Бойко Б. Л., Латышев Л. К., Родионов А. А. Учебник военного перевода. Немецкий язык. Книга 2. Специальный курс. М.: Военное издательство, 1985. 334 с.
4. Ковзанович О. В. Письменная компетенция переводчика: структурно-содержательный аспект // Вестник ИжГТУ. 2012. № 4. С.184–185.
5. Колесникова М. С., Балеевских К. В., Воронцова И. А. Переводческая компетенция и вопросы организации переводческой практики. Ч.1,2: учебно-методическое пособие, испр. и доп. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2010.
6. Семенова О. С. Аннотирование и реферирование военных и общественно-политических текстов (Немецкий язык). Кострома: Издательство «Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко», 2009. 207 с.

УДК 81.255.2

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА И АДАПТАЦИИ
БРАЗИЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СКАЗКИ*****Е. В. Бережкова,****студентка первого курса филологического факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва*

Аннотация. В докладе автор-переводчик анализирует особенности перевода на русский язык сказочной повести Монтейру Лобату «Эмилия в Стране Грамматики».

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, детская литература, бразильская литература, дидактическая литература.

Summary. In the report, the author-translator analyzes the peculiarities of the Russian translation of Monteiro Lobato's tale "Emilia in the Country of Grammar".

Key words: translation, literary translation, children's literature, Brazilian literature, didactic literature.

В мировой детской литературе не очень много образовательных произведений для детей, посвященных языку и лингвистике. В странах распространения португальского языка популярна сказочная повесть бразильского писателя Монтейру Лобату «Эмилия в Стране Грамматики», рассказывающая, с одной стороны, о португальском языке, а с другой, о лингвистической науке и языке в целом. В книге в занимательной форме рассказывается о таких разделах науки о языке, как графика, морфология, этимология, синтаксис, пунктуация и орфография. Автором доклада сделана попытка перевода и адаптации «Эмилиии» для русскоязычных детей.

Проблему перевода и пересказа можно сравнить с проблемой языка и диалекта: признание произведения переводом или пересказом зависит по большей части от желания переводчика. Так, перевод В. В. Набокова «Аня в стране чудес» считается именно переводом, а не пересказом, в отличие от сказки «Винни-Пух и все-все-все» в пересказе Б. В. Заходера. Существуют две трёхчленные парадигмы: русскоязычная «перевод – вольный перевод – пересказ» и парадигма немецких социолингвистов «развитый язык – отстоящий язык – язык-крыша», так называемая «Аусбау-парадигма». Однако невозможно точно назвать критерии, по которым перевод или развитый язык можно отличить от вольного перевода или языка-надстройки. В случае языков едва ли не единственным критерием можно назвать самоидентификацию, а в случае переводов – мнение переводчика. Чем же является «Эмилия в Стране Грамматики»?

Заглавие книги переведено таким образом, что, с одной стороны, сохраняется аллюзия на «Алису в Стране Чудес» Л. Кэрролла, а с другой, прибавляется новая – на повесть Л. Б. Гераскиной «В стране невыученных уроков». В обоих этих произведениях, как и в «Эмилиии», центральным является мотив путешествия детей по волшебной стране. Аллюзия на сказку

Л. Кэрролла имеется и в тексте «Эмили в Стране Грамматики» – это шествие сеньора Синтаксиса и его свиты:

<p>Вскоре шествие показалось. Впереди по двое маршировали десять солдат с пиками; все они были очень похожи на садовников – такие же плоские и прямоугольные, руки и ноги у них росли по углам. За ними, тоже парами, шли придворные в пышных одеяниях; среди них было, видимо, немало Тузов, были и Шуты с бубенчиками, но все выступали прямо-таки козырем; за ними вприпрыжку бежали, резвясь (но тоже попарно), малютки Принцы и Принцессы, в костюмах, расшитых золотом; далее парами следовали гости – все больше Короли и Дамы разных мастей. <...> Далее шел Червонный Валет – он нес на алой бархатной подушке королевскую корону, – и, наконец, замыкали это грандиозное шествие ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ и ЧЕРВОННАЯ ДАМА, то есть КОРОЛЕВА.</p>	<p>Именно в этот момент ребята заметили странное шевеление на площади. Мимо размеренно и чинно шёл какой-то господин. В руке у него был лорнет с перламутровой рукояткой. За господином тянулась целая длиннющая процессия Предложений.</p> <p>- Кто этот почтенный сеньор? – поинтересовалась Носишка.</p> <p>- О, это сеньор Синтаксис, владелец этого района и всего, что здесь находится. Именно он управляет согласованием слов в Предложениях.</p>
---	--

Ономастика перевода по большей части является наследием повести Монтейру Лобату «Орден Жёлтого Дятла» в пересказе И. Ю. Тыняновой. Имя главной героини – тряпичной куклы *Эмили* – одинаково звучит в русском и португальском языках. С одной стороны, оно не является распространённым как в португалоязычных странах, так и в России, а с другой, всё же близкое и понятное детям. Неблагозвучное имя *Педриньо* было оставлено в неизменном виде, а не заменено, например, на *Педро* в целях узнавания персонажа теми читателями, которые знакомы с книгой «Орден Жёлтого Дятла». Прозвище *Носишка* было более чем удачно переведено Тыняновой. В оригинале девочку зовут *Narizinho* – это уменьшительное от *nariz* (нос). И хоть в русском языке нейтральным уменьшительным было бы *носик*, назвать так девочку возможным не представляется.

Определённые трудности возникают с переводом имени *Visconte de Sabugosa*. Дословно оно означает «виконт Сабугозский» или «вице-граф Сабугозский», однако такого титула, в отличие от португальского титула «граф Сабугозский», учреждённого Жуаном V, ни в Бразилии, ни в

Португалии никогда не существовало. Слово *виконт* было бы непонятно российским детям, явно ещё не читавшим роман А. Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя», а слово *вице-граф* не вполне понятно и взрослым, в отличие от *вице-президента*, *вице-адмирала* или даже наиболее близкого к нему *вице-короля*. Тынянова вынуждена была перевести сам титул как «граф», а неизвестный в русской культуре топоним *Сабугоза* заменить на шутовое *Кукурузо* (граф – кукла, сделанная из кукурузного початка). Смысл остаётся тем же: *граф де Кукурузо* – аристократ с несуществующим титулом.

Имя доны Бенты также было оставлено без изменений. Написание с одной «н», встречающееся только в старых изданиях «Ордена Жёлтого Дятла», соответствует португальской орфографии, хотя в новых изданиях, начиная с 1993 года, оно исправлено на итальянское *донна* (ср. название романа Ж. Амаду «Дона Флор и два её мужа»). В толковых словарях русского языка словарная статья *дона* обычно отсутствует, а *донна* толкуется следующим образом: «ДО́ННА -ы; ж. [итал. donna] В Италии и Португалии: форма почтительного упоминания или обращения к женщине (употребляется перед собственными именами представительниц знати); госпожа» [1].

Перевод имени тётушки Настасии представляет трудность не только с антропонимической точки зрения (Тынянова сделала правильный выбор в пользу португальского антропонима *Настасия*, а не русского *Настасья* или *Анастасия*), но и с точки зрения квазитермина родства *тётушка*. Именно такой перевод, а не, скажем, *тётя*, подчёркивает отсутствие родства между тётушкой Настасией с одной стороны и Носишкой и Педриньо с другой и в то же время близкие отношения между ними. Сравним словоупотребление с представленными ниже примерами: «Сестра моей бабушки, *тётя Люба*, была красивая, отменно сохранившаяся (генетическое это у нас) славянка» [3] (термин родства) и «На складе загорелась лампочка. Появилась кладовщица *тётя Зина*» [3] (квазитермин родства, употребляющийся чаще в качестве обращения).

Зооним *Раби́ко* был оставлен Тыняновой в первоначальном виде в целях сохранения бразильского колорита книги. Другим возможным вариантом был бы дословный перевод имени – *Хвостик*. Ср. аналогичный пример: «Если я назову его *ХВОСТИК*, — думал Медвежонок, — то это будет не по правилам, потому что у меня тоже есть хвостик...» [3]. Однако «хвостик» на португальском – *rabinho* или *rabico*, а ударение на последний слог – *Rabicó* – придаёт имени французское звучание. Не случайно поросёнка часто называют *маркиз де Раби́ко*.

Новые герои «Эмилии в Стране Грамматики» являются в основном персонифицированными словами и разделами науки о языке. Из них наибольшую трудность представляет перевод имени *dona Sintaxe*. Синтаксис в португальском языке женского рода, а в русском – мужского, поэтому персонажа пришлось назвать *сеньор Синтаксис*.

В качестве примеров в книге были использованы интернациональные антропонимы, имеющие одинаковую форму в русском и португальском языках: *Мария, Валентин, Артур*: «Это Солецизм, он тоже много всего плохого натворил в языке. Если кто-то сказал *Сколько время*, а не *Сколько времени*; *Захотели бы вы бы*, а не *Захотели бы вы*; *Возвращаясь, Марию застиг дождь*, а не *Когда Мария возвращалась, её застиг дождь* – виноват Солецизм и только он».

Глава об именах существительных начинается с разграничения типов имён собственных: от антропонимов автор переходит к географическим названиям. Если бы перевод в данном случае мог быть дословным, он выглядел бы примерно так: «Больше всех гордилась собой белокурая *Европа*. Пройдя мимо *Америки*, она задрала нос. *Германия* тоже была самодовольная и даже ходила со свастикой из пластыря на носу». Однако в наше время, в отличие от тридцатых годов, когда была написана книга, несправедливо было бы обвинять Германию в фашизме, и текст выглядит так: «*Европа* задирала нос перед *Азией*, и обе они даже глядеть не хотели на *Антарктиду*».

Помимо ономастики повести и её перевода, представляют трудность также и моменты, связанные с несовпадением грамматики португальского и русского языков. Вот один из таких моментов:

«Эмилия постучала в дверь: тук-тук-тук.

Открыло ей Местоимение *Я*. <...>

Вокруг обеденного стола расположились Местоимения *Ты, Он, Она, Оно, Мы, Вы* и *Они*. Накрывали на стол другие слова, которых было во много раз больше:

<i>Меня</i>	<i>Тебя</i>	<i>Его</i>	<i>Её</i>	<i>Его</i>	<i>Нас</i>	<i>Вас</i>	<i>Их</i>
<i>Мне</i>	<i>Тебе</i>	<i>Ему</i>	<i>Ей</i>	<i>Ему</i>	<i>Нам</i>	<i>Вам</i>	<i>Им</i>
<i>Меня</i>	<i>Тебя</i>	<i>Его</i>	<i>Её</i>	<i>Его</i>	<i>Нас</i>	<i>Вас</i>	<i>Их</i>
<i>Мной</i>	<i>Тобой</i>	<i>Им</i>	<i>Ею</i>	<i>Им</i>	<i>Нами</i>	<i>Вами</i>	<i>Ими</i>
обо <i>Мне</i>	о <i>Тебе</i>	о <i>Нём</i>	о <i>Ней</i>	о <i>Нём</i>	о <i>Нас</i>	о <i>Вас</i>	о <i>Них</i>

- Ничего себе! Их же целых сорок! – Эмилия подняла брови от изумления. – Кто это такие?

- *Падежные Формы*. Вы разве не встречались с ними раньше? Они есть и у Существительных, и у Прилагательных, а не только у Местоимений».

В португальском языке формы дательного и винительного падежей есть только у личных местоимений, но не у имён существительных и прилагательных, а форм других падежей нет вовсе. Однако структура книги не позволяет вставить раздел о падежах в главу, посвящённую существительным.

В главах об этимологии представлены лексические единицы, заимствованные в португальский из различных языков. В русской адаптации эти слова заменены другими, заимствованными в русский язык. При этом иногда допускаются анахронизмы двух типов: отсутствие явления во время создания оригинала книги (*ай-ти*) или более позднее его проникновение в культуру (*суши*). Это было допущено сознательно, с целью

сделать книгу более близкой современным юным читателям.

Глава о старой и новой орфографии, так же, как и глава об артикле, была из повести удалена, однако сделано это по различным причинам: артикля в русском языке нет, а дореволюционная орфография добавила бы русского колорита. В таком случае пришлось бы заменить имена героев на русские (*Педриньо* > *Петя*, *Настасия* > *Настасья* и т.п.), чего допускать нельзя, так как это противоречит современной переводческой традиции. Из современных переводов, где заменяется система антропонимов, можно назвать цикл рассказов А. Шмидт «Йип и Яннеке», в переводе И. Трофимовой с нидерландского получивший название «Саша и Маша». Однако повесть «Эмилия в Стране Грамматики» рассчитана не на дошкольный, а на младший школьный возраст, когда дети уже понимают реалии других стран и адекватно воспринимают иностранные имена. Вот как пишет о замене имён в переводах К. И. Чуковский:

«Англичанину Джеку или шотландцу Джоку нельзя давать наименование Яша, окрашенное русским (или еврейским) бытовым колоритом. Между тем именно так поступила Каролина Павлова при переводе баллады Вальтера Скотта и тем погубила весь перевод (почти безукоризненный в других отношениях). Дико читать у нее в шотландской балладе про шотландскую женщину:

Но все же слезы льет она:

Милее Яша ей.

Впрочем, под статью этому шотландскому Яше, у нас существует француженка Маша, в которую переводчик пятидесятих годов превратил знаменитую Манон Леско» [3, с. 103–104].

Таким образом, отдельные главы из адаптированной версии удалены, а другие переработаны из-за различий португальского и русского языков. В то же время общая сюжетная канва сохранена. Это позволяет позиционировать русскоязычный вариант лингвистической сказочной повести Монтейру Лобату «Эмилия в Стране Грамматики» как перевод с элементами пересказа (данный термин введён В. С. Модестовым в книге «Художественный перевод: история, теория, практика» [2, с. 213] в применении к детской литературе). Такой подход, с одной стороны, облегчит аудитории восприятие дидактической составляющей, а с другой – сохранит бразильский колорит книги.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка. Ред. Кузнецов С.А. <http://gramota.ru/slovari/i> (дата обращения 26.01.2018)
2. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2006. 463 с.
3. Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/>. (дата обращения 29.01.2018)
4. Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб: Азбука СПб, 2015.

УДК 81'25

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЭПИЗОДОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМЕДИЙНЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

К.В. Богданова,

*аспирант кафедры английской филологии и перевода,
филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. В настоящей статье дается краткое теоретическое описание комедийного телевизионного дискурса и характерных для него интертекстуальных включений (т.е. присутствующих в каком-либо тексте отсылок к другим текстам), а также делается предположение, что передача на другой язык их экспрессивных особенностей представляет собой актуальную переводческую проблему. Далее ставится цель исследовать переводческие решения, которые могут быть предложены как средства преодоления данной проблемы. Для этого осуществляется сплошная выборка названий эпизодов англоязычных комедийных телесериалов, содержащих интертекстуальные включения. Собранные названия эпизодов, в свою очередь, сопоставляются со своими переводами на русский язык, которые классифицируются на основе характера предложенных переводческих решений, с осуществлением количественного и качественного анализа.

Ключевые слова: интертекстуальность, перевод, телесериал, переводческая проблема, комедийный дискурс, название

Summary. This article gives a brief theoretical overview of comedic television discourse and its characteristic use of intertextual insertions (i.e. elements of various other texts present in a given text), which we believe to be a translation challenge. The main goal, therefore, is to study the possible solutions sought by translators to surmount this challenge. To achieve it, we have collected a number of episode titles of English-language comedy television series that contain intertextual insertions. These episode titles have subsequently been compared to their translations from English into Russian, classed into groups depending on the translation strategy used, and subjected to qualitative and quantitative analysis.

Key words: intertextuality, translation, television series, translation challenge, comedy discourse, title.

Как справедливо отмечают исследователи, телесериалы представляют собой весьма резонансное проявление современной массовой культуры, которое, в то же время, недостаточно глубоко изучено с точки зрения лингвистики [7, с. 88]. Наша статья будет посвящена англоязычным телесериалам, принадлежащим к ряду разновидностей жанра комедии (комедия-драма, ситуационная комедия и пр.), которые были выбраны для анализа в силу немалого значения, которым обладает развлекательный

дискурс как «необходимый компонент» жизни человека, имеющий множественные языковые проявления [8, с. 210].

Одной из отличительных черт развлекательного дискурса, включая, в том числе, и комедийные телесериалы, является интертекстуальность – т.е. прямое или косвенное наличие в каком-либо тексте фрагментов иных текстов, или интертекстуальных включений. При этом термин «текст» понимается нами в широком смысле [11, с. 132], как любая семиотическая система, включая, таким образом, и эпизоды телесериалов. Интертекстуальные включения рассматриваются лингвистами как «средства соположения» двух текстов, исходного и конечного [4, с. 35]. Они относятся к двум текстовым планам одновременно и функционируют по тем же принципам, что и концептуальная метафора [12], обеспечивая перенос тех свойств, которыми обладают лица и события, фигурирующие в исходном тексте, на содержание конечного текста [5, с. 110]. Именно подобное соположение текстовых планов, нередко сопровождающееся структурными деформациями, служит весьма эффективным способом создания комического эффекта в развлекательном дискурсе массовой культуры, поскольку, как подчеркивает французский мыслитель А. Бергсон, комическая ситуация относится «к двум совершенно независимым сериям событий» и интерпретируется «в двух смыслах» одновременно [2, с. 64].

Мы имеем основание предположить, что с точки зрения переводоведения интертекстуальные включения представляют собой безэквивалентные единицы, которые невозможно воспроизвести на другом языке без определенной потери смысла. Затруднение, с которым сталкивается переводчик, заключается в том, что для успешной реализации вышеописанного комического эффекта необходимо, чтобы аудитория была знакома с исходным текстом, к которому отсылают включения, присутствующие в конечном тексте. В противном случае зрителю не удастся понять, что он имеет дело не с одним текстовым планом, а с двумя, и, соответственно, осуществить их сопоставление. В этой связи в качестве источников интертекстуальных включений, как правило, избираются прецедентные тексты – т.е. широко известные тексты, значимые «в познавательном и эмоциональном отношении» [9] для максимально большого числа носителей определенного языка и культуры. В данном случае прецедентные тексты также понимаются нами в широком смысле и включают в себя не только классические литературные произведения, но и популярные фильмы, песни и пр. Кроме того, как актуальный источник интертекстуальных включений предстают и обладающие постоянной сочетаемостью единицы того языка, который является для аудитории родным [10, с. 299]. При этом подобные источники интертекстуальных включений уже не наделяются столь же высокой значимостью в глазах носителей того языка, на который осуществляется перевод – и, соответственно, отсылки к ним уже не вызовут у новой аудитории

эквивалентную реакцию, в результате чего комический эффект будет утерян.

Наше исследование путей решения обозначенной выше переводческой проблемы будет осуществляться методом сопоставления интертекстуальных включений в названиях эпизодов англоязычных комедийных телесериалов с единицами, которые были использованы для их перевода. Подобный выбор практического материала был сделан нами потому, что, согласно концепции нидерландского лингвиста, Т. ван Дейка, название есть особый структурный элемент текста, наделенный функцией репрезентации всего последующего содержания [3, с. 145]; более того, прагматический потенциал названия очень активно реализуется в дискурсе англоязычных комедийных телесериалов, и именно для названий эпизодов характерна высокая концентрация интертекстуальных включений.

Всего было проанализировано 372 названия эпизодов с интертекстуальными включениями, которые были отобраны методом сплошной выборки при исследовании материала комедийных телесериалов 90-х–2000-х гг., имеющих официальный перевод на русский язык. Прежде всего, следует отметить, что в 212 случаях из 372 (что составляет приблизительно 57% от общего числа всех собранных примеров) переводчик отказался от передачи экспрессивных особенностей интертекстуального включения. Внутри данной группы можно выделить две подгруппы. Во-первых, это буквальные пословные переводы интертекстуальных включений, с утратой отсылки к прецедентному тексту или единице с постоянной сочетаемостью. В качестве примера можно привести перевод следующих интертекстуальных включений: *The Old and the Restless* (данное название эпизода комедийного детективного сериала *Psych* «Ясновидец» представляет собой отсылку к названию популярной «мыльной оперы» *The Young and the Restless* «Молодые и дерзкие», однако на русский язык переведено как «Старый и неугомонный»); *Knight Vision* (название эпизода романтической ситуационной комедии *How I Met Your Mother* «Как я встретил вашу маму», которое является отсылкой к клишированному словосочетанию *night vision* «ночное зрение» и содержит языковую игру, основанную на явлении омонимии, но утрачивает свою экспрессивность в русскоязычном переводе, где звучит как «Видение рыцаря») и пр. Число таких способов перевода названий эпизодов с интертекстуальными включениями достигает 141 – около 38% от объема всего собранного нами практического материала.

Вторая же подгруппа объединила те случаи, когда исходное название эпизода комедийного телесериала в русскоязычном переводе заменяется иным словосочетанием, также лишенным экспрессивности и интертекстуальной отсылки, но при этом не являющимся буквальным переводом. Например, в уже упомянутом нами выше комедийном детективе *Psych* можно встретить эпизод под названием *Woman Seeking Dead Husband*,

Smokers Okay, No Pets. Данное название содержит интертекстуальную отсылку к клишированному формату объявлений о поиске квартирантов (в настоящем случае «объявление» приобретает комический характер вследствие добавления компонента *dead*), в то время как в русскоязычной версии того же телесериала название эпизода приобретает формулировку «В поисках умершего мужа». Общий объем данной подгруппы – 71 единица, или около 19% от всех обнаруженных нами примеров. Распространенность ситуаций отказа от решения переводческой проблемы можно объяснить попыткой переводчика, столкнувшегося с неизбежностью потери смысла в той или иной степени, выстроить своеобразную «иерархию смыслов» и определить, какими экспрессивными элементами оригинала можно пожертвовать.

Следующая крупная группа включает 84 случая (что приблизительно равно 22,5% от общего объема практического материала), когда для интертекстуальных включений подбираются переводческие эквиваленты – т.е. отсылки к тому же прецедентному тексту, что и в оригинале, или же к единице с постоянной сочетаемостью, которая в рамках классификации Е. Ф. Арсентьевой [1] представляет собой русскоязычный фразеологический эквивалент соответствующей единицы английского языка. См., например, следующие названия эпизодов из уже упоминавшихся выше сериалов, а также из романтической комедии *Sex and the City* «Секс в большом городе»: *They Shoot Single People, Don't They?* «Одиночек пристреливают, не правда ли?» (отсылка к роману и кинофильму *They Shoot Horses, Don't They?* «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?»); *Nightmare on State Street* «Кошмар на улице Штатов» (отсылка к серии фильмов ужасов *Nightmare on Elm Street* «Кошмар на улице Вязов»); *He Loves Me, He Loves Me Not, He Loves Me... Oops, He's Dead* «Любит, не любит, любит, придет... и умрет» (отсылка к народному гаданию на цветах) и пр.

И наконец, к последней группе примеров, число которых достигло 76 (или же 20% от объема практического материала в целом) мы отнесли те интертекстуальные включения, которые в процессе перевода подверглись адаптации – т.е. замене исходных интертекстуальных включений на отсылки к иным прецедентным текстам и элементам языковой системы, которые обладают особым значением уже с точки зрения русскоязычной аудитории, с целью добиться максимальной «коммуникативной равноценности» оригинала и перевода [6, с. 6]. Здесь мы можем привести следующие примеры, взятые нами из сериалов *Sex and the City*, *Moonlighting* «Детективное агентство “Лунный свет”», *Modern Family* «Американская семейка» и пр.: *Romeward Bound* «Связанные одним Римом»; *Oh Come All Ye Faithful* «Вера умирает последней»; *The Dream Sequence Always Rings Twice* «Сон в два рубля»; *Coal Digger* «Бесприданница».

Итак, поскольку развлекательный дискурс играет важную роль в жизни современного общества, решение переводческих проблем в данной

сфере вызывает немалый лингвистический интерес. Комический эффект, являющийся результатом соположения двух текстовых планов, находит особенно яркое проявление в интертекстуальных включениях, которые, в частности, можно обнаружить в названиях эпизодов англоязычных комедийных телесериалов. Особый характер источников интертекста делает перевод данных включений на русский язык затруднительным, однако, несмотря на то, что в чуть более, чем половине рассмотренных нами случаев в качестве решения был предпочтен нулевой перевод интертекстуальных включений, около 43% проанализированных примеров характеризуются успешным применением таких переводческих тактик, как поиск эквивалента и адаптация.

Список использованных источников

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Издательство Казанского университета, 1989. 130 с.
2. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
4. Васильева Е.А. Функциональная специфика аллюзивных текстов (на материале пьес Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и «Травести»: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 192 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
6. Гусева А. А. Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык). Автореферат ... канд. филол. наук. М., 2009. 20 с.
7. Зарецкая А. Н. Картина мира телесериала через призму когнитивной лингвистики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 88–90.
8. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Лапшина М. Н. Интертекстуальность и устный перевод // Университетское переводоведение. Выпуск 11. Материалы XI международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. С.295–301.
11. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129–132.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. London: The University of Chicago Press, 2003. 193 p.

УДК 347.78.034

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ю. Е. Борисова,

студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода (немецкий язык и литература), Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. В. Пономарева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена теме перевода немецкоязычных апеллятивов на русский язык. Целью статьи является выявление особенностей передачи немецких антропонимов и апеллятивов на русский язык. Задачами исследования является выявление методов перевода апеллятивов на иностранный язык, рассмотрение методов в контексте немецко-русской языковой пары, а также определение наиболее часто используемого в контексте русского и немецкого языков метода перевода имен собственных. В ходе исследования были выявлены основные методы передачи имен собственных на язык перевода: транслитерация, транскрипция, транспозиция и калькирование. Наиболее удобными и распространенными для перевода в контексте немецкого и русского языков являются методы транскрипции и транслитерации.

Ключевые слова: антропоним, апеллятив, перевод, метод, особенности, транскрипция, транслитерация, транспозиция, калькирование.

Summary. This article is devoted to the translation of German appellatives into Russian. The aim of the article is to reveal the peculiarities of the transfer of German anthroponyms and appellatives to the Russian language. The objectives of the study are to identify methods for translating appellatives into a foreign language, to consider translation methods in the context of a German-Russian language pair and to determine the method of translating proper names in the context of the Russian and the German languages. The main methods of transferring of the proper names to the language of translation are being revealed: transliteration, transcription, transposition and loan translation. The most convenient and common in the context of the German and the Russian languages are the methods of transcription and transliteration.

Key words: anthroponym, appellative, translation, method, features, transcription, transliteration, transposition, loan translation.

Явление языкового барьера крайне распространено в межкультурном контексте, однако рядом с ним существует и так называемый культурный барьер, выявляющийся только в условиях взаимодействия определенной культуры с другими, чуждыми ей и отличными от нее [1, с. 13; 4, с. 106].

Развиваясь в социальной среде, созданной определенной культурой, и с рождения впитывая присущие ее менталитету черты, личность в дальнейшем склонна воспринимать сформированное родной культурой мировоззрение как единственно верное. Именно это неотъемлемое свойство человеческого восприятия приводит к тому, что большей части людей крайне непросто принять проявления чужого менталитета как данность и характерные черты другой культуры, которые имеют право существовать так же, как и черты культуры родной [1, с. 15]. Эгоцентричное восприятие мира часто не позволяет личности осознать себя как «продукт» своей культуры. Нередко конфликт культур становится буквально шокирующим фактором для человека, так как знакомясь с другим видением мира и другой моралью, что само по себе способно нарушить целостность шаблонов восприятия, человек вынужденно покидает зону своего ментального комфорта [2, с. 93].

Целью данной статьи является анализ специфики передачи немецких апеллятивов на русский язык. Исходя из целей исследования, были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить, какие методы перевода чаще всего используются для передачи апеллятивов на иностранный язык;
- 2) рассмотреть каждый из методов более детально в контексте русско-немецкой языковой пары;
- 3) определить, какой из методов наиболее приемлем в контексте русского и немецкого языков и какой из них является наиболее распространенным.

Методы, использовавшиеся в ходе исследования, включают в себя описательный и сопоставительный. Следует отметить тот факт, что апеллятивы являются средним звеном между именами собственными и нарицательными [3, с. 49; 4, с. 105]. Функция имени собственного – обозначение, или же идентификация объекта. Имена собственные служат в некотором роде маркером для конкретных индивидов, предметов или явлений, выделяя их из числа подобных. По этой причине имена собственные обычно не имеют перевода как такового, а передаются на переводной язык методом транскрипции или транслитерации. Ситуация же с именами нарицательными обстоит сложнее, так как их функция не столько назывательная, сколько характеризующая. Поэтому для имен нарицательных крайне важен не только перенос на другой язык, но и раскрытие сути прозвища в переводе [4, с. 106]. Иногда авторы и переводчики используют двойную форму перевода апеллятивов, заключающуюся либо в сохранении иноязычной языковой единицы в первоизданном виде, но с добавлением параллельного семантического перевода (комментария), либо в использовании транскрипции вместе с параллельным комментарием [6, с. 67; 8, с. 15]. Кроме вышеназванных методов перевода нередко используется перевод калькированием, наряду с транскрипцией и описательным переводом. Описательный вариант

перевода может быть весьма объемным, поэтому в данном случае переводчики прибегают к сноскам [7, с. 59].

Таким образом, при переводе антропонимов и апеллятивов используются транслитерация, транскрипция, транспозиция и калькирование. Рассмотрим каждый из способов перевода подробнее:

1. Транслитерация представляет собой «формальное побуквенное воссоздание исходной синтаксической единицы с помощью алфавита переводящего языка; буквенную имитацию формы исходного слова». Среди свойств транслитерации и в качестве основного отличия ее от практической транскрипции можно выделить простоту и утилитарность. Однако при переводе посредством транслитерации наблюдается существенное искажение звуковой составляющей иностранного имени, так что в качестве способа инкорпорации иноязычного слова в русский контекст транслитерация практически не используется [3, с. 37]. В русскоязычной практике на сегодняшний день транслитерация не используется обособленно. Причина такова: во многих иностранных языках (в том числе и в немецком) латинские буквы стали звучать иначе, или же возникли новые непривычные способы их прочтения в разных словах и сочетаниях букв. Поэтому последовательная транслитерация иноязычных букв русскими будет в результате образовывать слово, по звучанию мало схожее на первоначальный вариант, например: Jung – Юнг, Tannhäuser – Тангейзер, Volkmar – Фолькмар.

2. Под транскрипцией чаще всего понимают «передачу звуков или начертаний языка системой знаков, отличных от принятых в этом языке письменных единиц». Иными словами, транскрипция – это графический способ передачи слов, в частности имен и названий, на язык перевода, который используется в большинстве приемлемых случаев. Наиболее часто транскрипция используется как раз для передачи всевозможных собственных имен на язык перевода. Речь идет о названиях улиц, географических объектов, небесных тел, учреждений, организаций, морских и речных судов, фирм, гостиниц, ресторанов, газет, журналов, сценических постановок и многого другого, также имеются ввиду и личные имена [3, с. 41]. К примеру, имя неизвестного немецкого литературного персонажа Munchhausen согласно основным принципам практической транскрипции в русском языке принимает вид Мюнхгаузен. Тем не менее, Корней Чуковский в предназначенном для детей пересказе романа Э. Распэ о приключениях барона принял во внимание тот факт, что буквосочетание -хг- неудобно в произношении, особенно для детей, и в результате опустил несколько букв для большей благозвучности, образовав в итоге имя Мюнхаузен [9, с. 278]. Также примерами транскрипции могут являться такие имена, как Nietzsche – Ницше, Achsel – Аксель, Joseph – Йозеф, и т.д.

3. Принцип транспозиции, в свою очередь, заключается в использовании разноязычных антропонимов различных по форме, но имеющих общее в обоих языках лингвистическое значение, для передачи

друг друга при переводе. Применение транспозиции на практике неритмично, так как в разных ситуациях она применяется с разной эпизодичностью. Для русско-немецкой языковой пары транспозиция применима нечасто и в исключительных случаях, таких как, например, исторические, мифические и библейские имена, например: Моисей – Moses [9, с. 278]. Традиционно имена монархов, святых и религиозных деятелей передаются при помощи транспозиции. Так, например, имя Hans в русском языке может быть отражено как Иван или Иоанн, Klaus – как Николай, Karl – как Чарльз, а Wilhelm – как Уильям.

4. Калькирование имеет в качестве базового условия принцип воспроизведения комбинаторного состава слова (словосочетания) вместо звукового, когда составляющие слова, или морфемы, и фразы, или лексемы, переводятся при помощи сопоставляемых компонентов языка перевода [9, с. 279]. Переводческий метод калькирования приходил на помощь в случаях, когда транслитерация не могла употребляться ввиду морально-этических, смысловых и других причин, и в результате породил множество различных заимствований при межкультурном взаимодействии, например: Белый Дом, представленный в немецком языке как Weißes Haus. Еще несколько примеров: Красная Площадь – Roter Platz, Feuerland – Огненная Земля, Schneewittchen – Снегурочка, das Rheinische Schiefergebirge – Рейнские Сланцевые горы и т.д.

Помимо всего прочего, когда переводчик имеет дело с символическим именем собственным, или же апеллятивом, первое, что ему необходимо выяснить, – какой культурой данный апеллятив порожден. После этого необходимо определить приемлемый в данной ситуации метод перевода, выбирая как правило между транскрипцией, транслитерацией, транспозицией и калькированием [7, с. 88]. В частности, по результатам данного исследования, мы имеем возможность сделать вывод, что наиболее удобными и, соответственно, наиболее частыми в употреблении касательно перевода имен собственных являются методы транслитерации и транскрипции. В произведениях, где имена являются частью замысла автора, они передаются в соответствии с их внутренней формой. Важно иметь в виду, что главная функция антропонимов и апеллятивов именительная, и только потом обозначающая. Однако если не передать вовсе или передать некорректно значение апеллятива при переводе, читатели рискуют уже не уловить посыл произведения в полной мере. Если апеллятив имеет очевидное значение в оригинальном произведении, переводчик имеет право обозначить его в языке перевода буквально. К примеру, Stolzfuß может легко стать Большоногом, а Streicher превратиться в Скитальца. Следует помнить, что сноски не могут полностью передать юмористического или информативного характера этих имен в контексте произведения.

Очевидно, что каждый случай перевода является специфическим и требует отдельного подхода. Все зависит от общего контекста произведения. Апеллятивы, происходящие из мифологии, литературы или истории, могут быть переданы с помощью транскрипции. Причиной тому

является их интернациональность, и поэтому они понятны на разных языках без прочих пояснений. Но, если эти названия употребляются только в языке оригинала, их следует переводить не только традиционными методами, приемлемыми для перевода антропонимов, но еще и давать некоторые поясняющие сноски или переводческие комментарии. Например, в предложении «...steigende Preise haben Otto Normal verbraucher ordentlich zugesetzt...» имя собственное Otto Normalverbraucher означает «рядовой гражданин». Однако это имя собственное не является широко известным. Поэтому значение этого имени лучше всего передавать с помощью перевода – «... растущие цены очень надоели простому обывателю ...».

Таким образом, выбор стратегии перевода антропонимов и апеллятивов, сохранивших определенную семантику, обусловлен не только традициями перевода имен собственных, но и глубоким анализом ситуации и контекста первоисточника.

Список использованных источников

1. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. 208 с.
2. Вежбицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 89–200.
3. Мадиева Г. Б. Имя собственное в контексте познания. Алматы: Казакуниверситеті, 2004. 191 с.
4. Решетова О. П. Межкультурная коммуникация в контексте современности // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – №3. С. 105–107.
5. Рубанюк Э. В. Функционирование имени собственного в системе немецкого языка // Профессионально направленное преподавание иностранного языка в контексте поликультурной парадигмы: мат-лы междунар. научно-метод. конференции Брест, 17-18 мая 2007 г. 2007. С. 231–234.
6. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж, 1996. 237 с.
7. Старостин Б. А. Транскрипция имен собственных. М.: Книга, 1965. 92 с.
8. Сысоев П. В. язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. 2010. №4. С. 12–18.
9. Bauer G. Deutsche Namenkunde. Berlin: Weidler Buchverlag. 1998. 356 S.

УДК 81.23

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИЕЙ РЕЦИПИЕНТОВ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА «ВСТРЕЧНОГО ТЕКСТА»)

Г. В. Вахитова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, Уфа

Аннотация. В статье приведены результаты психолингвистического исследования восприятия и понимания юридического текста, проведенного с использованием методики построения «встречного текста», разработанной А. И. Новиковым. В ходе анализа были использованы различные виды реакций, выделенные ранее, и описаны новые виды реакций, присущие аудитории профессионалов.

Ключевые слова: «встречный текст», юридический текст, реакции испытуемых, толкование, пресуппозиция.

Summary. The article presents the results of a psycholinguistic study of the perception and understanding of a legal text conducted using the method of constructing the "counter text" developed by A. I. Novikov. In the course of the analysis, various types of reactions were used, previously identified, and new types of reactions, characteristic of the audience of professionals, are described.

Key words: "counter text", legal text, reactions of subjects, interpretation, presupposition.

С тех пор как А. И. Новиков опубликовал свою статью «Текст и «контртекст»: две стороны понимания» в первом номере журнала «Вопросы психолингвистики» в 2003 году, в которой предлагалась новая гипотеза восприятия и понимания, текста прошло уже 15 лет, но разработанный им метод «встречного текста» продолжает оставаться актуальным и сегодня. В основе гипотезы «встречного текста» А. И. Новикова лежит представление об активной роли реципиента в процессе восприятия информации. А. И. Новиков использовал метод «встречного текста» при изучении особенностей понимания художественных и научно-популярных текстов [6, с. 67]. Многие исследователи обращаются к методу «встречного теста» для анализа текстов различных типов: Н. П. Пешкова – научных и научно-популярных текстов [7, с. 167], И. В. Кирсанова – научно-популярных [3], Я. И. Давлетова – Библейских текстов [2], А. В. Моисеева – текстов глянцевого журналов [5]. А. И. Новиков [6] выявил 16 видов реакций, составляющих «встречный текст» реципиента, которые так же были применены Н. П. Пешковой [7] и И. В. Кирсановой [3]. Новые виды и подвиды реакций были обнаружены и описаны в исследованиях Я. А. Давлетовой [1] и А. В. Моисеевой [5].

Мы воспользовались методом «встречного текста» для исследования восприятия юридических текстов. Можно выделить юридические тексты различных типов: статьи кодексов, законодательные акты, тексты документов, письменно зафиксированные речи прокуроров, судей, адвокатов, тесты приговоров, фабулы, описания различных дел, тесты учебников и т.д.

В предыдущих исследованиях мы описывали восприятие текста из области международного права, который относится к научно-популярному тексту и текста из уголовной практики, точнее фабулы уголовного дела, который близок к художественному тексту.

В основе метода лежит гипотеза об активной роли реципиента, сознание которого не просто «проецирует на себя» содержание воспринимаемого текста, но на протяжении всего процесса понимания порождает свой собственный «встречный текст» [8, с. 13]. А. И. Новиков предположил, что «встречный текст» адресата может содержать материал, позволяющий судить более полно и точно о внутренней стороне процесса восприятия сообщения, отражать общие и частные закономерности понимания, проявляющие себя в реакциях испытуемых [6, с. 65].

При проведении непосредственно самого эксперимента мы воспользовались оригинальной методикой, описанной в работах А. И. Новикова и Н. П. Пешковой, которая заключается в том, что реципиент, читая предложение за предложением, не забегая вперед, записывает по каждому из них все, что возникает в его сознании непосредственно после восприятия конкретного предложения. Это ассоциации и оценки, отношение к информации, мнение и суждение, визуальные образы и т.д.

В качестве испытуемых в эксперименте участвовали 28 студентов первого и второго курсов Института права Башкирского государственного университета.

Испытуемым было предложено прочитать тему «Понятие и виды прав на землю» из учебника по земельному праву. В соответствии с методикой, все предложения пронумерованы.

Задание было следующим: Читая текст, составьте свой «встречный текст». Встречный текст – это все то, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного предложения (свои реакции, ассоциации, визуальные образы, выводы, свое мнение, суждение). Он включает в себя не только то, что прямо сказано, а и то, что подразумевается, дано в неявной форме, опосредствованно, в том числе разного рода ассоциации. Составляйте «встречный текст» на каждое очередное предложение, не читая последующие.

В практическом плане для выполнения Вами задания необходимо:

1. На отдельном листе бумаги записать номер очередного предложения.
2. Под этим номером записать информацию, касающуюся интерпретации данного предложения.
3. Исходное предложение может быть записано в том случае, если в процессе понимания оно подверглось смысловой трансформации, перефразированию.
4. После составления «контртекста» сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста.

Текст для анализа:

1. Законодательством предусмотрены следующие права на землю.
2. **Право постоянного (бессрочного) пользования** на землю является вещным правом лиц, не являющихся собственниками.

3. Право постоянного (бессрочного) пользования участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности, предоставляется на основании решения уполномоченного государственного или муниципального органа.

4. Граждане или юридические лица, которым земельный участок предоставлен в постоянное (бессрочное) пользование, осуществляют владение и пользование этим участком в пределах, установленных законом, иными правовыми актами и актом о предоставлении участка.

5. Право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком прекращается при отказе землепользователя от принадлежащего ему права на участок на условиях и в порядке, предусмотренных ст. 53 ЗК РФ, либо в силу принудительного изъятия.

6. Право пожизненного наследуемого владения земельным участком, является вещным правом лиц, не являющихся собственниками.

7. Земельный участок, предоставленный в пожизненное наследуемое владение, остается в государственной или муниципальной собственности.

8. Обладатель права пожизненного наследуемого владения вправе передать земельный участок только по наследству.

9. Право пожизненного наследуемого владения земельным участком прекращается при отказе землепользователя от принадлежащего ему права на участок либо в силу принудительного изъятия.

10. **Сервитут** – это право ограниченного пользования чужим земельным участком.

11. Сервитут устанавливается для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, прокладки и эксплуатации линий электропередачи, связи и трубопроводов, обеспечения водоснабжения и мелиорации, иных нужд, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута.

12. **Частный сервитут** устанавливается в соответствии с гражданским законодательством.

13. Сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка.

14. При недостижении соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом.

15. **Публичный сервитут** устанавливается законами или нормативными правовыми актами РФ, субъекта РФ, органов местного самоуправления в случаях, если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения, без изъятия земельных участков.

16. Когда участок в результате обременения сервитутом не может использоваться по целевому назначению, собственник вправе требовать:

– прекращения частного сервитута по суду;

– изъятия, в том числе путем выкупа, участка с возмещением убытков или предоставления равноценного земельного участка с возмещением убытков (публичный сервитут).

17. Право безвозмездного срочного пользования на земельный участок является вещным правом лиц, не являющихся собственниками.

18. Указанное право прекращается по решению лица, предоставившего земельный участок, или по соглашению сторон: по истечении срока, на который земельный участок был предоставлен; при отказе землепользователя от принадлежащего ему права на участок либо в силу принудительного изъятия.

19. Права на землю подлежат государственной регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимость [4].

В процессе интерпретации полученных данных нами была проанализирована 532 реакция. Для анализа ответов мы воспользовались шестнадцатью видами реакций, выделенными А. И. Новиковым, это: ассоциация, аргументация, вывод, визуализация, генерализация, интертекст, инфиксация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, «перевод», предположение, прогноз, перефразирование, свободный ответ [6, с. 67].

Но обратившись к анализу текста из области земельного права мы столкнулись с реакциями студентов-юристов, которые нам ранее не встречались: многие высказывания испытуемых опирались на предварительные знания, то есть на пресуппозицию. Студенты как выражали согласие с утверждением высказанном в предложении, объясняли его, так и высказывали несогласие, опровержение. Таким образом мы выделили два новых вида реакции (т. е. высказывание испытуемого по поводу воспринимаемого предложения) – это «толкование» и «опровержение», которые составили 10% и 0,6% соответственно из совокупности реакций, данных на этот текст.

На пример: испытуемый 20 в качестве реакции на 12 предложение «**Частный сервитут** устанавливается в соответствии с гражданским законодательством» дает следующее *толкование*: «**Частный сервитут** устанавливается между гражданином и государством».

Реакция испытуемого 22 на 14 предложение «При недостижении соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом»: «Такая норма отсутствует» – *опровержение*.

Кроме того, что студенты юристы пытаются объяснить, пояснить высказывания, они широко используют профессиональные аббревиатуры и сокращения: испытуемый 22: «з/у» – земельный участок, испытуемый 8: «ЗК РФ» – Земельный кодекс Российской Федерации, «м/с» – местное самоуправление, испытуемый 10, испытуемый 13: «ГК РФ» – Гражданский кодекс Российской Федерации, испытуемый 7: «НПА» – нормативно-правовой акт и т.д.

подавляющими видами реакций, данными на тот текст являются «констатация» и «перефразирование», которые насчитывают по 17% от общего числа реакций.

Реакция испытуемого 11 на 1 предложение «Законодательством предусмотрены следующие права на землю»: «Существуют ограниченные вещные права на землю» - *констатация*.

Реакция испытуемого 10 на 5 предложение «Право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком прекращается при отказе землепользователя от принадлежащего ему права на участок на условиях и в порядке, предусмотренных ст. 53 ЗК РФ, либо в силу принудительного изъятия»: «Земельный кодекс регламентирует право на отказ от постоянного (бессрочного) пользования» - *перефразирование*.

Как показывает анализ приведенных выше примеров, в реакциях испытуемых, отражающих особенности механизмов их восприятия и понимания специальной информации, значительную роль играют их предварительные знания или пресуппозиция. Иными словами, анализ экспериментального материала позволяет нам сделать вывод о том, что при понимании специального текста студенты-юристы в своих «встречных текстах» демонстрируют комбинации различных типов реакций, в большинстве из которых осуществляется опора на пресуппозиционный компонент.

Список использованных источников

1. Давлетова Я. А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2012. 19 с.
2. Давлетова Я. А. О принципах проведения психолингвистического эксперимента // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы V Международной научно-методической конференции. Уфа, РИЦ БашГУ, 2016. С. 83–86.
3. Кирсанова И. В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2007. 21 с.
4. Меденцов А. С. Земельное право. [Электронный ресурс] <http://be5.biz/pravo/z012/index.html> (дата обращения: 6.12.2017).
5. Моисеева А. В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текстов гламурного: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2017. 24 с.
6. Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, 2003. – № 1. С. 64–76.
7. Пешкова Н. П. О тексте, его смысле и индивидуальных стратегиях понимания (на материале сравнительного анализа двух теоретико-экспериментальных исследований) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь. – 2016. – №4. С. 8–18.

УДК 81

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРИТЕТНОСТИ ИСТОЧНИКОВ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОЛОГИИ*****Е. А. Вебер,****кандидат филологических наук, доцент кафедры
перевода и переводоведения,**Институт филологии, иностранных языков и медиа коммуникации,
Иркутский государственный университет, Иркутск****М. Л. Ружникова,****старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения,
Институт филологии, иностранных языков и медиа коммуникации,
Иркутский государственный университет, Иркутск*

Аннотация В статье рассматривается проблема авторитетности информационного ресурса, используемого при переводе специальных текстов, с позиций информационной и когнитивной теорий перевода, описывается алгоритм поиска и использования авторитетного источника перевода, приводятся примеры перевода терминов с использованием авторитетных для решения конкретных переводческих задач источников.

Ключевые слова специальный перевод, информационная теория перевода, когнитивная теория перевода, авторитетность информационного ресурса.

Summary The article is devoted to the problem of authority of information resource used in the course of special texts translation. Authoritative resource is introduced from the perspective of informational and cognitive translation theories; algorithm of search and use of authoritative resource is exemplified by cases of term translation.

Key words specialized translation, informational theory of translation, cognitive theory of translation, authority of information resource.

Согласно словарю Вебстера, английского слово «authority» переводится на русский язык как «авторитет», «способность повлиять на мысли, мнение или поведение» [6]. Согласно толковому словарю русского языка С. Ожегова, «авторитетный» означает «заслуживающий безусловного доверия», «не допускающий возражений» [8]. В контексте данной статьи, мы исходим из того, что может существовать некий авторитетный информационный ресурс, или источник информации, который использует в своей работе переводчик, который играет важную роль при принятии переводческих решений, который может повлиять на ход мысли переводчика, обуславливать выбор той или иной переводческой стратегии. С позиции когнитивной теории перевода, такой источник информации позволяет сознанию переводчику в процессе движения к тождеству преодолевать когнитивный зазор между принимаемым переводческим решением и идеалом-тождеством в условиях перевода специальных текстов [1].

«Толковый переводоведческий словарь» Л. Л. Нелюбина определяет специальный перевод как «информационно-коммуникативный (лингвистический) перевод, который обслуживает определенные отрасли знаний со своей терминологической номенклатурой; функционирует в сферах общения на общественно-политические, научные, технические, военные, административно-хозяйственные, юридические, дипломатические, коммерческие, деловые, финансовые, публицистические и другие специальные темы и предметные отрасли, включая темы повседневного речезыкового общения» [5].

Специальные тексты характеризуется высоким содержанием когнитивной информации, такие тексты насыщены специфической терминологией и требуют от переводчика наличия специальных предметных знаний в определенном объеме. Информационная теория перевода Р. К. Миньяра-Белоручева представляет процесс перевода как переход от языка оригинала к языку перевода на информационном уровне, его главной целью является передача релевантных для конкретного коммуникативного акта компонентов информации. Согласно данной теории, информационный запас переводчика варьируется по коммуникативной ценности от уникальной, или ключевой, дополнительной, уточняющей, повторной и нулевой [1]. Как отмечает Л. Л. Нелюбин, в отличие от лингвистической теории перевода согласно данной теории текст оригинала рассматривается «не как объект трансформации, а как носитель разных видов информации. Тогда и сам процесс перевода трактуется уже соответственно не как межъязыковая трансформация, а как поиск и передача информации» [4]. В этом процессе поиск нужной информации и авторитетность определенных ее источников играет немаловажную роль.

Наряду с необходимостью переводчика обеспечивать адекватный информационный запас в пределах тематической области конкретного переводимого материала, что критически важно для принятия переводческих решений, одной из наиболее сложных задач при переводе специальных текстов является перевод терминов.

Наиболее распространенный путь поиска решения в такой ситуации является словарь. Тем не менее даже самые современные он-лайн словари (АВВУУ Lingvo, Мультитран и т.д. [9; 7]) не могут содержать все современные термины, отражающих стремительно наступивший технический прогресс, словари зачастую «отстают» от развития технологий. Кроме этого, в силу особенностей некоторых словарей, они не всегда являются авторитетными, надежными. Например, словарь Мультитран – открытый электронный словарь, его может пополнять любой зарегистрированный пользователь, в следствие этого он весьма хаотично организован. Более того, по этой же причине его едва ли можно назвать авторитетным источником, поскольку там встречаются ошибочные данные, например, для «Kultusministerium» дается значение «министерство по делам культов», в то время как таким образом в некоторых землях ФРГ называют

министерство культуры и образования («oberste Behörde (eines Bundeslandes) für das Bildungs- und Erziehungswesen, oft auch für die Pflege von Wissenschaft und Kunst, Jugendpflege, Sport und verwandte Bereiche» [10]). К счастью, другие пользователи обнаружили данную ошибку и соответствующим образом ее прокомментировали.

При работе с такими источниками информации переводчик чаще всего сталкивается с тремя ситуациями: 1) в словаре отсутствует искомая единица (термин); 2) существует слишком много версий перевода термина и сложно выбрать подходящий; 3) сложно (или требуются дополнительные усилия) проверить авторитетность того или иного предлагаемого варианта перевода.

Выходом из сложившейся ситуации является целый ряд мер, принимаемых переводчиком для поиска и использования достоверного, авторитетного источника информации.

Работая над переводом текстов, посвященных такой малоосвоенной лексикографами области как охота, мы столкнулись с проблемой отсутствия значений искомой терминологии. Дело осложнялось тем, что тексты были написаны на немецком языке, которому свойственно образование сложных слов. Так, нам встретились такие термины как:

Blasengehörn - рога с образованием в форме пузыря

Blesshirsch - олень с белым пятном на лбу

Brenneckeschuss - выстрел пулей «Бреннеке»

Einwachser - животное с вросшим рогом

Gummigehörn – «резиновые» рога.

Это лишь несколько из сотен терминов, которые позднее вошли в состав глоссария по данной теме. В процессе перевода мы следовали такому алгоритму, первым этапом которого был поиск определения термина на исходном языке. В нашем случае авторитетным источником мы сочли как нормативные акты, правила и инструкции, регулирующие данную сферу деятельности человека, так и специализированные форумы, страницы Википедии, т.к. многие из обнаруженных нами терминов употребляются профессиональными охотниками, однако отсутствуют в предписывающих, официально-деловых, а также научных источниках. Так, в частности, определение термина «Blasengehörn» было обнаружено нами в *Deutsches Jagd Lexikon* [11], где приводилось следующее определение термина: «blasenförmige Mißbildung an einem Gehörn, welches Infolge von Eiterrungen während des Wachstums auftreten kann».

Данное определение сопровождалось фотографией, на которой наглядно можно было увидеть образование в форме пузыря.

На втором этапе нашей работы с терминологией мы занимались поиском потенциальных эквивалентов на языке перевода. Как известно, термины могут переводиться несколькими способами: транскрипцией/транслитерацией, калькированием, описательным способом. В данном случае первый способ перевода исключался, так как не вызывал сомнения тот факт, что использование заимствования сделает

предложения, содержащие термин, непонятными для русскоговорящего получателя перевода. Второй вариант тоже представлялся нам сомнительным по тем же самым соображениям. Оставался третий способ - описательный. Однако же для того, чтобы быть полностью уверенными в правильности формулировок, мы предложили заказчику ознакомиться с составленным нами глоссарием и в случае необходимости совместно отредактировать его. Такая консультация, к которой присоединился и автор данных текстов, помогла полностью устранить все проблемы с терминологией. Однако же такая возможность появляется у переводчиков не всегда, ведь подчас даже заказчик может быть незнаком со сферой, к которой относится текст оригинала. Например, в таких условиях осуществляется перевод истории болезни для заказчика, являющегося родственником пациента, или же юридический документ для заказчика, оформляющего наследство, но не являющегося юристом-профессионалом. В таком случае трудно отнести заказчика к экспертному сообществу. В данной ситуации от переводчика, точнее говоря, от его умения опереться на действительно авторитетные источники в процессе перевода зависит, насколько качественно будет выполнен перевод.

Так, при переводе юридических терминов в полном масштабе возникает проблема разницы систем права стран языка оригинала и перевода только путем сравнения определений термина можно выявить эту разницу и поразмыслить над тем, как же следует переводить данный термин, чтобы не допустить ошибку, могущую повлечь грубое искажение смысла исходного текста. Приведем пример с термином «Gesellschaft». "Следует учесть, что терминология германского права, точно так же, как и права Франции, не делает различия в терминах, применяемых к таким моделям, которые в российском праве различаются как товарищества и общества. Германское право во всех случаях применительно и к полным торговым товариществам, которые не рассматриваются как юридические лица, и к акционерным обществам и ООО использует один и тот же термин – «Gesellschaft», который в переводах на русский язык интерпретируется и как «товарищество» – применительно к полным товариществам, и как «общество» – применительно к акционерным обществам и ООО.

Для переводчиков фармакологических текстов наиболее авторитетным источником могут быть только официальные источники, первым из которых является Фармакопея, сборник официальных документов (свод стандартов и положений), устанавливающих нормы качества лекарственного сырья – медицинских субстанций, вспомогательных веществ, диагностических и лекарственных средств и изготовленных из них препаратов.

По нашему мнению, в целом ряде случаев следует сопровождать перевод переводческим комментарием, однако же, для начала надо понять

необходимость такого комментария, а в этом может помочь только тщательная и кропотливая работа на начальных этапах перевода.

Поиск и верификация авторитетных источников в процессе перевода специальных текстов является сложным и трудоемким, но крайне необходимым процессом. Несмотря на то, что процедура поиска на начальных этапах работы со специальным текстом может отнимать значительный объем рабочего времени, тем не менее с опытом возможна автоматизация этого процесса, что наблюдается у профессиональных переводчиков.

Список использованных источников

1. Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода дис. ... доктора филол. наук. Иркутск, 2004. 296 с.
2. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
3. Мурунова А. В. Гражданские и торговые кодексы зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: Учебное пособие. Н.Новгород: Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т, 2007. 83 с.
4. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект) [Электронный ресурс] <https://rucont.ru/file.ashx?guid=9965c0d1-ced7-4d4a-9f76-94568f26e659> (дата обращения 01.12.2017).
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
6. Словарь Вебстера [Электронный ресурс] http://www.yourdictionary.com/authority?direct_search_result=yes (дата обращения 14.12.2017).
7. Словарь МУЛЬТИТРАН [Электронный ресурс] <https://www.multitran.ru> (дата обращения 01.12.2017).
8. Словарь С. Ожегова [Электронный ресурс] <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/3346> (дата обращения 01.12.2017).
9. Словарь АВВУУ Lingvo Live [Электронный ресурс] <https://www.lingvolive.com> (дата обращения 01.12.2017).
10. Словарь Duden online [Электронный ресурс] <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kultusministerium> (дата обращения 01.12.2017).
11. Deutsches Jagd Lexikon [Электронный ресурс] <http://deutsches-jagdlexikon.de> (дата обращения 01.12.2017).

УДК: 81'373.47

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТА САСПЕНСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г.Ф. ЛАВКРАФТА)**

Т. С. Воложанина,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
английского языка для обществоведческих факультетов,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Н. Г. Талашова,

*кандидат филологических наук, ведущий специалист,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Аннотация: Статья посвящена созданию эффекта саспенса в литературных произведениях. В качестве иллюстрации теоретических положений рассматриваются стилистические приемы, используемые Г. Ф. Лавкрафтом для создания эффекта «саспенс». Также в статье проводится анализ способов перевода, используемых при переводе стилистических приемов на русский язык.

Ключевые слова: саспенс, стилистический прием, метафора, сравнение, олицетворение, перевод.

Summary: The article is devoted to the creation of the effect of suspense in fiction literature. The article studies stylistic devices used by H. P. Lovecraft for suspense creation. The authors analyze translation techniques applied to translate the stylistic devices into the Russian language.

Key words: suspense, stylistic device, metaphor, comparison, personification, translation techniques.

В настоящее время можно наблюдать возрастающий интерес ученых к проблеме перевода стилистических приемов с точки зрения сохранения их прагматической направленности. Это объясняется тем, что успешных перевод должен максимально точно отражать авторский стиль и достигать того же эффекта, что оказывает на читателя оригинал. Таким образом, изучение стилистических приемов и техник их перевода становится все более и более актуальным для современного переводоведения. Именно этой проблеме и посвящена настоящая статья, рассматривающая приемы, используемые для создания эффекта «саспенс» и техники их перевода на русский язык.

Как известно, термин «саспенс» (эффект напряжения) пришел в лингвистику из кинематографии. Французский кинорежиссер, Франсуа Трюффо определял саспенс как «нарастание напряженного ожидания перед каким-либо событием» [8, с. 34]. Некоторые ученые полагают, что саспенс имеет психологическую природу, в которой особое место отводится эмоциональному компоненту. Эффект саспенса наблюдается тогда, когда имеет место синкретизация эмоций, то есть выражение смешанных чувств – страха и надежды, например. Это связано с проявлением эмпатии по отношению к протагонисту [7, с. 57–62].

Создание и поддержание эффекта саспенса является необходимым компонентом успешных литературных произведений. Как отмечает английский писатель и литературовед Д. Лодж, нарративы должны стимулировать интерес читателя, постоянно формулируя вопросы, адресованные сознанию читателя, и до определенного момента откладывая ответы на них, что является основным способом поддержания саспенса [10, с. 14].

Следует отметить, что использование саспенса в литературных произведениях – задача достаточно сложная, поскольку отличительной особенностью использования саспенса в книгах, существенным отличием от использования его в кино является ограниченный набор средств создания данного эффекта. В отличие от режиссера, писатель обладает лишь драматургическими и языковыми средствами, с помощью которых он может вызвать у читателя этот эффект.

В лингвистической трактовке саспенсом именуется создание нарративного напряжения с целью «интенсификации интереса читателя к тому, что будет происходить дальше» [9, с. 2]. Согласно автору словаря литературных терминов, А. Ф. Скотту благодаря саспенсу у читателя возникает чувство тревожного ожидания, состояния «подвешенности» [12, с. 281]. Данное чувство напряженного ожидания может быть вызвано различными языковыми средствами: использованием семантических повторов, созданием ирреальных образов, однако, мы в данной статье хотели бы сосредоточить свое внимание на возможности некоторых стилистических приемов успешно создавать и поддерживать саспенс в литературных произведениях.

В качестве иллюстративного материала мы использовали примеры из произведений Говарда Филиппса Лавкрафта, основоположника поджанра литературы ужасов под названием «черная мистика». Центральное место в творчестве писателя занимает тема страха, для создания которого Г. Ф. Лавкрафт использовал оригинальные образы сверхъестественных существ. Герои его произведений помещены в ситуацию, которая заставляет их проявить свою сущность в момент наивысшего переживания, когда страх переполняет их, вытесняя остальные чувства.

Писатель искусно применял различные стилистические приемы при создании произведений. На страницах его произведений встречаются такие стилистические приемы как метафора, олицетворение, сравнение, гипербола и т.д. Приведем пример использования олицетворения из произведения «The Tomb»:

Suddenly, in the twilight, the house seemed to burgeon with menace, and all the surrounding woods seemed to stand waiting but to bend upon me [13, p. 245].

Как легко заметить, в данном примере можно наблюдать, как автор использует олицетворение предметов окружающей обстановки, в частности дома и леса, чтобы заставить читателя испытывать напряжение. Любому

человеку будет очень неудобно, когда такие неодушевленные предметы как дом и лес начинают проявлять столь явные признаки агрессии.

Наличие столь ярких и самобытных образов неминуемо создает проблему для переводчика, перед которым стоит задача воссоздания в переводе коммуникативного эффекта оригинала и передачи образного заряда всего произведения. Данная проблема является одной из центральных в переводоведении, поскольку при переводе стилистических приемов переводчики испытывают значительные затруднения из-за национальных особенностей стилистических систем языков. Для решения поставленной задачи переводчики, учитывая контекст, прибегают к различным способам перевода, таким как транслитерация, калькирование, описание, используют различные трансформации: конкретизацию, генерализацию, замену [1, с. 190].

Рассмотрим перевод на русский язык стилистических приемов, встретившихся на страницах произведений Г. Ф. Лавкрафта, и попробуем проанализировать степень их успешности.

Например, в повести «Случай Чарльза Декстера Варда» писатель использовал сравнение и метафору:

Willett was glad to escape from that library, for something frightful and unholy seemed to haunt it; **as if the vanished picture had left behind a legacy of evil** [13, p. 383].

Виллет был рад покинуть библиотеку, ибо в тамошней атмосфере ощущалось присутствие чего-то омерзительного и нечистого, **словно дух сгинувшего портрета все еще витал в этих стенах** [4].

В данном примере автор погружает читателя в пугающую атмосферу дома, в котором проводились оккультные обряды, при помощи такого стилистического приема как сравнение, объединенного с метафорой «*as if the vanished picture had left behind a legacy of evil*». Переводчик сохраняет сравнение, но в несколько измененном виде: в оригинале портрету приписывается способность оставлять наследство, а именно «evil», то есть «зло», в переводе же использован более простой образ духа.

В рассказе «Склеп» Г. Ф. Лавкрафтом были использованы метафора и олицетворение:

...few care to brave **the depressing shadows which seem to linger strangely about the water-worn stones** [13, с. 6].

Немногие осмелятся храбро вступить в этот **гнетущий полумрак, окружающий склеп. Полумрак, в котором, казалось, бродят призраки**[5].

Как мы видим, здесь необходимая для поддержания саспенса атмосфера создана путем конвергенции метафоры и олицетворения: метафоричность словосочетания «*depressing shadows*» выражается через олицетворение глаголом «*linger*». Переводчик справедливо решил не нарушать норм русского языка при переводе, не нагружать его такой же конвергенцией стилистических приемов, как в оригинале, поэтому он

применил опущение и добавил сравнение, что несколько снизило степень стилистической наполненности предложения, однако в достаточной мере сохранило степень поддержания саспенса.

Прием олицетворения можно наблюдать в рассказе «Ведьмин Лог»:

At the same time, I was increasingly aware of a **miasma of hostility**, not **proceeding** so much from any one or all four of them, as **from the house and its setting themselves** [11, p. 3].

Одновременно я начал все явственнее ощущать **атмосферу враждебности, исходившей**, впрочем, не от самих людей, а откуда-то со стороны, **от окружавшей меня обстановки, от низкого потолка и темных стен этого мрачного помещения** [2].

Олицетворяя дом и окружающую обстановку и наделяя их враждебными характеристиками, автор заставляет героя и читателя почувствовать напряжение, достигая таким образом саспенса. В переводе наблюдается конкретизация: переводчик расширяет значение слова «settings», добавляя детали в созданный автором образ, что вполне сохраняет саспенс оригинала.

В произведении «Тень в мансарде» Лавкрафт прибегает к метафоризации дома:

...it was **as if the house had shaken off its indolence**, as if, suddenly, it **had come upon need to be more alert, as if it apprehended some danger to itself...** [13]

Казалось, дом пробудился от спячки и теперь внимательно следил за каждым моим шагом, словно догадывался об опасности, грозившей ему [3].

В данном примере кажется, как будто, сам дом, в котором находится главный герой, является источником угрозы, так как предстает в образе одушевленного и недоброжелательного существа. Употребляя такие выражения, как «house had shaken its indolence» и «had come upon need to be more alert», писатель наделяет дом сходством с диким животным, готовым защищать свою территорию. Данное сходство прослеживается и в переводе, что свидетельствует о его адекватности.

В повести «Тень над Иннсмутом» автор использовал гиперболу:

For a moment, I simply held my breath and waited. **Eternities seemed to elapse**, and the nauseous fishy odour of my environment seemed to mount suddenly and spectacularly [13, p. 598].

Затаив дыхание, я замер. До следующего удара **казалось прошла вечность**. Резко и явственно усилился и без того невыносимый рыбный запах [6].

Главный герой оказывается в западне, он в ожидании, когда в его комнату вломятся преследователи. Чтобы передать напряжение автор использует гиперболу «eternities seemed to elapse», которая сохраняется и при переводе. Кроме того, тема «невыносимого» рыбного запаха, раскрывающаяся

на протяжении всего повествования, в данном случае способствует созданию напряжения за счет передачи ощущений героя читателю.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав ряд примеров, мы можем с уверенностью утверждать, что эффект саспенса является необходимым компонентом успешного литературного произведения, а различные стилистические приемы могут быть весьма удачно использованы для создания и поддержания данного эффекта, что создает достаточно серьезную проблему для переводчика, задача которого заключается в адекватной передаче эффекта саспенса на язык перевода.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения», 1975. 240 с.
2. Лавкрафт Г. Дерлет О. Ведьмин Лог. Электронный ресурс: http://lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/r_ved_min_log.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 14.01.2018).
3. Лавкрафт Г. Дерлет О. Тень в мансарде. Электронный ресурс: http://lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/ten_v_mansarde.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 14.01.2018).
4. Лавкрафт Г. Иные боги или другие истории. Электронный ресурс: <https://unotices.com/book.php?id=141525&page=23> (дата обращения: 14.01.2018).
5. Лавкрафт Г. Склеп. Электронный ресурс: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=58888> (дата обращения: 14.01.2018).
6. Лавкрафт Г. Тень над Иннсмаутом. Электронный ресурс: <http://www.rulit.me/books/ten-nad-innsmautom-read-33565-1.html> (дата обращения: 14.01.2018).
7. Талашова Н. Г. Актуализация отрицательных эмоциональных состояний персонажа-мужчины в англоязычном художественном тексте: когнитивно-дискурсивный аспект // Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве: Сборник материалов второй международной научно-практической конференции. Псков, Логос, 2017. С. 57–62.
8. Трюффо Ф. Кинематограф по Хичкоку. М.: Эйзенштейн-центр, 1996. 213 с.
9. Dove G.N. Suspense in the Formula Story. Ohio: Bowling Green State University Popular Press. 1989. 139 p.
10. Lodge D. The Art of Fiction. New York: Viking. 1992. 240 p.
11. Lovecraft H. P. Witches' Hollow. [Electronic Resource] URL: <HTTP://HPLOVECRAFT.HU/PRINT.PHP?TYPE=ETEXTS&ID=703&LANG=ANGOL> (дата обращения: 14.01.2018)
12. Scott A. F. Current Literary Terms. A Concise Dictionary of their Origin and Use. UK: Palgrave Macmillan, 1965. 324 p.
13. The Complete Works of H. P. Lovecraft. [Electronic Resource] URL: FILE:///C:/USERS/ADMIN/DOWNLOADS/THE_COMPLETE_WORKS_OF_H.P._LOVECRAFT.PDF (дата обращения: 14.01.2018).

УДК 81'25:81'33

**АЛЛЮЗИИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ:
ТИПЫ, ИСТОЧНИКИ, СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА*****В. А. Вострецова,****кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, Горловский институт иностранных языков, Горловка****А. А. Сучков,****магистрант кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, Горловский институт иностранных языков, Горловка*

Аннотация. Аллюзии в компьютерных играх: типы, источники, сложности перевода. Целью данной статьи является рассмотрение типов аллюзий, функционирующих в современных компьютерных играх, выявление источников аллюзий, а также подходов к переводу рассматриваемых аллюзий. В работе использованы описательный и сопоставительный методы. Авторы статьи рассматривают распространенные типы аллюзий в компьютерных играх: цитаты, перифразы, имена собственные и сюжеты; выделяют основные источники аллюзий: религиозные, мифологические, литературные, кинематографические и политические; останавливаются на способах передачи аллюзий в играх с английского языка на русский, акцентируя внимание на сложности передачи аллюзий.

Ключевые слова: аллюзия, компьютерная игра, перевод, отсылка, цитата, имя собственное, перифраза, сюжет.

Summary. Allusions in computer games: types, sources, translation problems. The aim of the article is to describe the types of allusions, functioning in computer games, define the sources of such allusions, and computer games allusion translation approaches. The research methods used in the article are descriptive and comparative. The authors consider the types of allusions used in computer games: quotations, periphrasis, proper names and plots; differentiate the sources of the above-mentioned allusions: religious, mythological, literary, cinematographic and political; dwell on the ways of conveying computer games allusions from English into Russian, focusing on the difficulties arising in the process of translation.

Key words: allusion, computer game, translation, reference, quotation, proper name, periphrasis, plot.

На сегодняшний день компьютерные игры являются неотъемлемой частью жизни большинства детей разного возраста, а также некоторых взрослых. «Компьютерная игра (некоторые люди говорят также «видеоигра») – компьютерная программа, которая служит для организации игрового процесса, или геймплея. Может сама выступать партнером по игре или связывать с другими игроками» [8]. Несмотря на то, что компьютерная игра – это всего лишь программа, она может стать как развлечением, так и вредной привычкой, она может помочь ребенку или взрослому развиваться

или, наоборот, сделать его не просто замкнутым, а деградирующим в умственной деятельности и поведении.

Исследователи отмечают, что «современные компьютерные технологии посредством трехмерного изображения и объемного звука моделируют искусственную среду буквально из ничего – так называемую виртуальную реальность. Она мнима, но одновременно податлива для проникновения. Человек (пользователь) может взаимодействовать с ней, испытывая при этом реальные ощущения» [1, с. 9]. Многие пользователи живут играми, иногда находясь в виртуальной реальности дольше, чем в действительной. «Если в случае восприятия кино- и телеобразов экран выполняет роль непроницаемой границы, то Digital Art позволяет зрителю «перешагивать» предел экрана, находясь как во вне, так и внутри технообраза. И здесь решающую роль начинают играть коммуникативные параметры» [1, с. 9], а именно речь идет об интерактивности компьютерных игр. Поддержке данного типа коммуникации способствует использование разработчиками визуальных и текстовых элементов игры, среди которых мы выделим аллюзии.

Рассмотрим определения указанного термина. Языковед Селиванова А. А. отмечает, что аллюзия – это «проявление текстовой категории интертекстуальности, прием художественной выразительности, который значительно обогащает текстовую информацию, создавая многочисленные ассоциации за счет явного намека на события, факты, реальных лиц, другие тексты, их персонажи» [7, с. 25]. Согласно Н. Н. Романовой, аллюзия – 1) намек, особенно посредством пословицы, метафоры, аллегии; 2) включение в речь афоризмов, цитат из литературных произведений, пословиц и т.п. [6, с. 197]. По словам Москвина В. П. текстовая аллюзия – это «словесный намёк на определённый известный адресату текст. Средствами выражения текстовой аллюзии целесообразно считать: 1) отдельное слово (авторский неологизм, имя литературного или мифологического героя) либо вариант слова (фонетический, орфографический и др.), способные обеспечить ассоциативную «привязку» к конкретному прецедентному тексту» [3]. По мнению ученого Олизько Н. С., «указания на эпизоды, имена, названия мифологического, исторического или собственно литературного характера называются *аллюзией*» [4, с. 187]. Сравнивая аллюзию с цитатой, Гальперин И. Р. отмечает, что «аллюзия не восстанавливает хорошо известный образ, а извлекает из него дополнительную информацию, цитата, наоборот, не претендуя на сообщение новой информации, отсылает читателя к уже известному с целью развить мысль, подкрепить свою мысль, выразить несогласие и т.д.» [2, с. 110]. Необходимо сделать вывод, что представленные выше определения объединены одной идеей – отсылки к или намека на какой-то уже ранее известный факт, событие, личность, произведение любого жанра и т.д.

Мы в нашем исследовании будем пользоваться следующим определением: аллюзии в компьютерных играх – это визуальные или текстовые отсылки к историческим, литературным, географическим, мифологическим или библейским фактам, событиям, лицам и/или текстам без упоминания источника. Источник аллюзии в компьютерных играх не упоминается, так как разработчики предполагают, что пользователь владеет необходимыми знаниями.

Лингвисты выделяют различные типы аллюзий. Мы, рассмотрев современные англоязычные компьютерные игры и их русскоязычные версии, отметили следующие самые частотные типы аллюзий: 1) визуальные и 2) текстовые (аллюзии-цитаты, аллюзии-перифразы, аллюзивные имена собственные, аллюзивные сюжеты).

Визуальные аллюзии представлены картинкой, рисунком, предметом всплывающим или находящимся в игре, с которым игрок может столкнуться на пути при прохождении игры, прямо или косвенно указывающим на первоисточник. Например, в игре «BioShock» можно встретить головку сыра в виде персонажа культовой игры «Rastan» а перед ним шесть круглых дырок-выстрелов, изображающих точки, которые ест Rastan.

Аллюзии-цитаты – это прямые отсылки к первичному тексту, характеризующиеся точным воспроизведением образца. Аллюзии такого типа могут быть как эксплицитными (представленные с указанием названия и автора произведения, так и имплицитными без такого указания). Например, в игре «Warcraft 3» один из персонажей произносит фразу *I see dead people* (цитата из фильма «Шестое чувство»).

Аллюзии-перифразы – частично измененная отсылка к первичному тексту. Единицы такого типа обладают повышенной узнаваемостью, несмотря на некоторые изменения в структуре и наполняемости претекста. Например, в игре «Hearthstone» в описании карты «Giant Wasp» написано: *Float like a butterfly, sting like a giant wasp!* (отсылка к высказыванию Мохамеда Али *Float like a butterfly, sting like a bee*).

Аллюзивные имена собственные – это антропонимы и топонимы, которые являются средством номинации и идентификации единичных мифологических, исторических, литературных, политических и других объектов (мифологические герои, исторические деятели, литературные персонажи и др.). Среди таких имен в отдельную группу следует выделить интерфигуральные аллюзии – имена персонажей, заимствованные из уже существующих произведений. В компьютерных играх может наблюдаться полная или частичная идентичность имен персонажей, а также их контекстуальная адаптация. Последняя является закодированной интерфигуральной аллюзией, которая «требуется расшифровки и ориентирована на компетентную читательскую аудиторию», при этом идентичное или частично измененное имя всегда узнаваемо в новом тексте [5, с. 81]. Например, в игре «Devil May Cry» главным героем является *Dante* (отсылка к главному персонажу поэмы Данте Алигьери «Божественная

комедия»); в игре «Hearthstone» название карты «*Gnomeferatu*» – явная отсылка к слову Носферату (термин из романа Брэма Стокера «Дракула»); в игре «Word of Warcraft» есть персонаж *Хеминг Эрнестуэй* (отсылка к писателю Эрнесту Хемингуэю).

Аллюзивные сюжеты – события и факты, вводимые в новый контекст и подвергающиеся переосмыслению. Такие аллюзии чаще всего являются перелицовками или переработками соответствующих событий и фактов мифологии и литературы. Например, действие игры «God of War» проходит в альтернативной версии Древней Греции (отсылка к мифам Древней Греции).

Необходимо отметить, что для компьютерных игр основными источниками аллюзий являются: религиозные, мифологические, литературные, политические и кинематографические. Например, в игре «Painkiller» находим отсылки к Библии и мифам (*Eve, Lucifer, Asmodeus, Alastor, Belial, Tarot Cards* и т.д.); в игре «Diablo» наблюдаем отсылку к суфизму, шумерам, ассирийцам и египетским богам, легендам (*dune dervishh, Anu, Assur, Ernutet* от *Renenutet, Mephisto* от *Mephistofel, Ennyo the Warlock, Dieyno, Pemphrido* от *Enyo, Deino, Pemphredo*); в игре «Hearthstone» присутствует отсылка к знаменитой цитате Йорика из произведения Шекспира «Гамлет» *Alas poor Annoy-o-Tron! A fellow of infinite jest, of most excellent fancy!* (от *Alas, poor Yorick! I knew him, Horatio: a fellow of infinite jest, of most excellent fancy...*) и др.

При передаче аллюзий на другой язык переводчик часто сталкивается с определенными трудностями. Это связано с тем, что для полного понимания культуры языка оригинала, а также для полноценного взаимоотношения культуры и языка, недостаточно просто знать лексику. Необходимо учитывать фоновую информацию, ситуативные знания, языковую картину мира, как языка страны оригинала, так и страны языка перевода. Переводчик, который не является носителем языка оригинала, может не видеть аллюзивность единицы, подлежащей переводу.

Так как аллюзии в компьютерных играх часто представлены в виде так называемых «пасхалок» (разновидности секрета, оставляемого в игре, содержание которого иногда является неуместным по отношению к остальной части игры), для их перевода не всегда можно использовать традиционные способы передачи аллюзий (опущение, нейтрализация, создание новой аллюзии). Для достижения максимальной адекватности при переводе игр необходимо учитывать жанр игры, характеры персонажей, окружение, т.е. должен учитываться игровой контекст. Важно отметить, что аллюзии нельзя переводить дословно, так как теряется их коннотативный и прагматический смысл. Согласимся с многими переводчиками, которые обоснованно настаивают на необходимости учитывать потребности читателей при выборе подходов к передаче аллюзий.

При переводе проанализированных нами игр были применены такие основные подходы к передаче аллюзий: транскодирование, эквивалентный

перевод, адаптивный перевод, подбор русскоязычной аллюзии, опущение аллюзии, а также соединение несколько подходов. Например, в игре «Hearthstone» описание карты «Glacial Shard» *Ice, ice, baby!* (отсылка к песне Vanilla Ice «Ice Ice Baby») было передано на русский язык как *Айс, айс, бейбу!* помощью транскодирования (сохранена звуковая форма); описание карты «Eaglehorn Bow» *First Lesson: Put the pointy end in the other guy* (отсылка к сериалу «Игра престолов») передано с помощью эквивалентного перевода *Урок первый: острый конец должен указывать на противника*; описание карты «Mimic Pod» *Jinx!* (отсылка к образу популярному в суеверии и фольклоре) было передано на русский язык с помощью подбора русскоязычной аллюзии с изменением одного из слов для сохранения тематики карты *Сектор «дикорог» на барабане!* (отсылка к игровой передаче «Поле чудес»); описание карты «Tortollan Shellraiser» *A hero... In a half-shell* (отсылка к названию комиксов о Черепашках-ниндзя) на русский язык передано с помощью адаптивного перевода как *Он не жалкая букашка, панцирь носит как рубашку* (отсылка к русскоязычной версии мультфильма «Черепашки-ниндзя», в котором звучат такие слова песни: Мы не жалкие букашки, супер ниндзя черепашки, панцирь носим как рубашки); реплики персонажа Ахе в игре «Dota 2» *I said good day, sir!* и *You get nothing* (отсылка к фильму «Willy Wonka & the Chocolate Factory») и реплика персонажа Wind Rider в игре «Warcraft 3» *Peter! I can fly!* (отсылка к мультфильму «Peter Pan») в русскоязычной версии игры полностью отсутствуют.

Сказанное выше, позволяет сделать вывод, что аллюзии являются обязательным элементом компьютерных игр, имеющим несколько типов. Аллюзии в играх заимствуются из определенного круга источников. Проблема перевода аллюзий в играх требует более детальной разработки для выявления тенденций и разработки рекомендаций переводчикам.

Список использованных источников

1. Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. 392 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М: КомКнига, 2006. 144 с.
3. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов [Электронный ресурс]: кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта–Наука, 2014. 352 с. – https://studopedia.ru/9_74653_v-p-moskvin.html (дата обращения 29.01.2018).
4. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 343 с.
5. Папкина Д. С. Типы литературных аллюзий // Вестник Новгород. гос. ун-та. – 2003. – № 25. – С. 78-82.
6. Романова Н. Н., Филиппов А. В. Стилистика и стили: учеб. пособие; слов. М.: Флинта, 2012. 416 с.

7. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2010. 844 с.

8. Что такое компьютерная игра и какие виды игр бывают [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mygame-info.ucoz.ru/index/что_такое_компьютерная_игра/0-4 (дата обращения 29.01.2018).

УДК 81'25

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКО- ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Ю. Б. Выборнов,

ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные аспекты перевода юридической документации, а акцент исследования направлен на алгоритм работы переводчика межъязыковых юридических текстов. Во время написания данной статьи были использованы различные методы: описательно-аналитический метод, метод частичной выборки лексических единиц из словарей, метод сравнительного анализа. В рамках проведенного исследования были выявлены важные моменты на разных этапах работы переводчика.

Ключевые слова: юридический перевод, практика перевода, правовой документ, корректный и адекватный перевод, типология перевода, менталитет страны, редактирование.

Summary. This article considers the main aspects of legal documents translation, and the focus of the research focuses on the algorithm of the interlingual translator of legal texts. The following methods such as a descriptive-analytical method, the partial sample lexical items from the dictionary, comparative analysis are used in this article. Different stages of the translator's work are identified as well.

Key words: legal translation, practice of translation, legal document, correct and adequate translation, types of translation, the mentality of the country, proofreading.

Иван Алексеевич Бунин сказал: «Не слова нужно переводить, а силу и дух». Казалось бы, а к чему лирика, если речь идет о юридическом переводе. Но посудите сами, в каждой стране своя правовая система и ее законы. Каждый правовой документ имеет свои отличительные характеристики и непосредственно связан с менталитетом страны и его культурой. Главное в переводе – достоверно интерпретировать мысль с одного языка на другой, не искажая смысл и адекватно передавая основную мысль. Предположим, что язык – это особый вид кода, а используя условные знаки кода, мы обозначаем предметы, действия и явления, а в итоге переводчики занимаются перекодированием, так как каждый из условных

знаков кода данного языка должен быть заменен эквивалентным ему знаком иной языковой системы кодирования. Это перекодирование осуществляет переводчик, а если вы используете электронные onlin или offline программы, подобные «Мультитран» или любые другие, то созданы все эти переводческие программы человеком - переводчиком.

Практика перевода позволяет построить единую типологическую систему, которая постоянно перфекционируется для того, чтобы обогащать навыки и умения при подготовке переводчиков.

О всеобъемлющей типологии перевода часто спорят практики с теоретиками, так как у нее есть и отличительные параметры:

- а) адекватность перевода;
- б) сохранение глубины смысла оригинального содержания при переводе;
- в) жанровые и стилистические особенности перевода;
- г) вид презентации перевода;
- д) основные функции перевода;
- е) первичность оригинального текста.

Цель этого исследования - раскрыть главные особенности перевода юридических текстов, а акцент исследования в этой статье направлен на перевод межязыковых юридических текстов, то есть для обмена юридической информацией между людьми из разных стран мира. Юриспруденция тесно связана с социальными и экономическими, политическим и культурными особенностями стран. Для корректной передачи информации юридического содержания язык перевода текста документа должен быть достоверным. Письменный перевод текстов юридического содержания делится на перевод:

- контрактов;
- доверенностей физических и юридических лиц;
- апостилей и нотариальных документов;
- нормативных правовых актов и их проектов;
- юридических заключений и меморандумов;
- учредительных документов юридических лиц.

Каждый тип текста имеет определенные особенности. Это тот случай, когда банальная оmissия одного слова или термина может сыграть с переводчиком злую шутку. Например: русское слово «суд» во французском языке многозначно и переводится: palais de justice, le tribunal, la cour... Другой пример: pour copie conforme переводится: с подлинным верно...

Именно перевод документов юридического содержания разрушает миф о том, что для корректного перевода текста документа достаточно знать термины в каждой определенной сфере, то есть лексику по теме.

Концепция правильного перевода документов юридического содержания требует эквивалентного знания и терминологии, и законов, и культуры, и менталитета, и экономических особенностей страны. Поэтому перевод контрактов, учредительных документов, страховых полисов и других

юридических документов требует соблюдения определенных правил: исходный текстовый документ составляется по законам и языковым нормам одной страны, а это отражается в терминологии правового характера, а конечный, переведенный документ уже использует рамки иной языковой системы, которая содержит другие юридические нормы и формулировки.

Квалифицированный переводчик способен качественно выполнить поставленную перед ним задачу, это очень важно, потому, что неточности приводят к риску возбуждения судебного иска, что может нанести последующий финансовый ущерб.

Д. Н. Шлепнев в своей фундаментальной статье пишет, что юридический перевод, невзирая на свою долгую историю и на очевидную важность, до этой поры не получил полноценного осмысления.

Следует отметить важную особенность юридического перевода: главная задача такого перевода – это полная передача информации, но эта самая информация может относиться к любой отрасли человеческой деятельности.

Переводчик обязан помнить о том, что тексты юридического содержания формализованы и структурированы. Для текста юридического содержания присущ юридический узус, а также соответствующая терминология.

Законы постоянно изменяются, а юридическая терминология совершенствуется, а возможно она одна из самых подвижных частей лексики. Отличие «терминов» от «нетерминов» остается актуальной темой дискуссий, так как определений понятия «термин» несколько и все они отличаются. Особой специфической областью лексической системы является юридическая терминология, которая граничит с общеупотребительной, и поэтому выделить ее сложно, а иногда даже невозможно.

Е. Н. Юдина в своей статье говорит: «Основное отличие юридической терминологии от общеупотребительной лексики лежит в области содержания и обусловлено семантическим единством входящих в ее состав единиц. Разнородные по своей морфологической структуре слова относятся к юридической терминологии, поскольку они объединены одной тематикой, относятся к одному семантическому полю и называют понятия, актуальные для определенной области- юриспруденции».

Профессиональный переводчик знает, что система права постоянно развивается, что обуславливает неустойчивость терминологии. Когда адекватный эквивалент отсутствует, так как его еще не придумали, то неизбежно появление незафиксированных, неустойчивых выражений.

Переводы контракта и страхового полиса- одни из самых часто востребованных для перевода юридических документов. Это обусловлено развитием международной торговли, прогрессом в укреплении международных политико-экономических, социально-культурных и туристических связей. Иногда при переводе можно увидеть, так

называемые, юридические дублеты. Это связано, по-прежнему, с историей. Например: *null and void* (по-французски и по-английски) недействительный. Перевод юридических документов отличается даже на синтаксическом уровне, там свой порядок слов. Поэтому перевод контракта часто может вызвать затруднения. Следует начинать с тщательного, очень внимательного прочтения всего текста контракта и акцентирования внимания на терминах и при этом помнить о менталитете людей, которые написали этот документ.

Завершением перевода юридического текста является его редактирование и сверка эквивалентности терминов.

Контракт – это внешнеэкономический договор. Часто контракты заключаются между фирмами и компаниями с различными правовыми формами предприятий, которые аналогичны нашим ЗАО, ООО, ИП, но имеют свои отличия. Чтобы внести некоторую ясность в этот вопрос, рассмотрим примеры ООО: Германия, Австрия и Швейцария являются основоположниками ООО (Общество с ограниченной ответственностью) и из всех правовых форм предприятий у них – это самая распространенная. Французская фирма *Société à responsabilité limitée*, а сокращенно *SARL* – это аналог нашего ООО. Вместо акций у них пай. Количество пайщиков от двух до пятидесяти человек, а свой пай можно продать только своим пайщикам. Общество с ограниченной ответственностью появилось в США недавно и всего в нескольких штатах, а Великобритании еще нет такой правовой формы предприятий.

Предприятий подобных нашим ЗАО (Закрытое акционерное общество) много во Франции, там такие компании называют анонимными (*Société Anonyme*), а сокращенно по-французски *SA*. Уставной капитал «*Société Anonyme*» определен в сумме не менее 37000 евро, и акционеров не менее 7 человек.

Английский вариант АО – это ближе к нашей бывшей ЧП, а сейчас ИП. И так, по-английски «*Private company*», а по-русски – индивидуальное (приватное) предприятие. Другая правовая английская форма предприятия называется публичной компанией (*Public company*), а различие в том, что акции Публичной компании продаются свободно, а в Приватной компании акции продаются с согласия большинства акционеров.

Прежде, чем переводить двуязычный контракт, сначала обратите внимание на базисные условия поставок, которые изложены в «ИНКОТЕРМС2010», где подробно описаны 11 терминов, разделенных на 2 подгруппы по виду транспорта: а) для любого вида, б) для внутреннего морского и речного. Особое внимание надо обратить на такой пункт как «качество товара». Перевод данного пункта зависит напрямую от условий поставки, то есть чаще всего зарубежные партнеры вносят четкие рамки качества и легко отказываются от товара, если его качество не соответствует всего на одну сотую долю процента. Часто отличаются и юридические адреса сторон. Любая ошибка способна нанести огромный финансовый

ущерб.

Редактирование перевода – ответственный вид работы переводчика. Обычно после завершения данной работы переводчик просит директора фирмы пригласить главного бухгалтера, юриста и менеджера по ВЭД на совещание и обсудить со своими специалистами правильность и адекватность текстов. Подготовленность, профессионализм специалистов, их знания правовых, экономических, социальных и культурных особенностей страны и, особенно, их знание менталитета и законов напрямую влияют на качество редактирования. Надо не только понять смысл правового документа, но и знать его соответствие закону. Неточности приводят к разбирательствам в судах при торговых палатах и, в конечном итоге к убыткам.

Переведенный юридический текст будет использован в другой правовой системе, а применять его будут люди с другим менталитетом, которые подчиняются совершенно иным юридическим законам и пользуются иными терминами.

Профессиональный переводчик должен владеть специальным лингвистическим чутьем, так как он всегда готов применить нужные переводческие трансформации при переводе различных понятий, выражений и терминов юридического документа любой сложности. А в языке переводчика отсутствует двусмысленность, но всегда присутствует четкость, ясность и адекватность перевода.

Список использованных источников

1. Алексеев И. С. Перевод в современном мире // Введение в переводоведение. Л.: Академия, 2004. 352 с.
2. Бунин И. А. Цитаты, высказывания и афоризмы. [Электронный ресурс]: <http://itmydream.com/citati/man/ivan-alekseevich-bunin/3>
3. Левитан К. Юридический перевод – основы теории и практики. 2010. 352 с.
4. Паршин А. Теория и практика перевода. СПб.: СГУ, 1999. 202 с.
5. Шлепнев Д. Н., Зурабов А. Л. Прагматические аспекты юридического перевода [Электронный ресурс] // Вестник НГЛУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – Вып. 4.
6. Юдина Е. Н. Французская юридическая терминология как объект терминоведения // Филологические науки в МГИМО. – 2003. – № 15. С. –136.
7. M. Brusorio-Aillaud. Droit Civil. Orléans : Paradigme, 2010.

УДК 811.512.145

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С. МАРШАКА
НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК****Ф. Х. Габдрахманова,***кандидат филологических наук, доцент кафедры общего
языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной
коммуникации им. Льва Толстого, Казанский федеральный университет,
Казань*

Аннотация. Самуил Яковлевич Маршак – русский поэт, драматург, переводчик, литературный критик, сценарист, обладатель Ленинской и 4-х Сталинских премий. Есть множество научных работ, где Самуил Маршак изучен и оценён как хороший переводчик, но нет трудов, где оценивался бы перевод самих его стихотворений. Именно поэтому нам бы хотелось осветить данную тему, изучив переводы его стихотворений на татарский язык, что и определяет актуальность нашей работы.

Ключевые слова: художественный перевод, переводные стихи С. Маршака, трансформации, татарский язык, русский язык.

Summary. Samuel Yakovlevich Marshak is a Russian poet, playwright, translator, literary critic, screenwriter, winner of the Lenin and 4 Stalin Prizes. There are many scientific works where Samuel Marshak was studied and appreciated as a good translator, but there are no works where the translation of his poems would be evaluated. That is why we would like to cover this topic by studying the translations of his poems into the Tatar language, which determines the relevance of our work.

Key words: art translation, translated verses of poems of S. Marshak, transformations, Tatar language, Russian.

Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Причиной возникновения этого нелёгкого, но и необходимого труда, который служил и продолжает служить способом общения и обмена духовными ценностями между народами, стало различие языков.

Целью перевода, прежде всего, является сохранение содержания, функций, стилевых, художественных и коммуникативных ценностей исходного текста. При достижении этой цели, восприятие перевода людьми, в языковой среде перевода, будет иметь относительно равное восприятие оригиналу. В переводе сталкиваются различные культуры, различные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные традиции и установки. Нужно подчеркнуть, что в любом переводе главным является – передача смысловой информации текста.

В настоящее время переводоведение как процесс притягивает к себе всё больше и больше внимания, а изучение переводческих трансформаций и их классификаций является одной из важнейших её задач. Именно поэтому нам хотелось бы осветить этот аспект в данной работе на примере переводов стихотворений многогранного поэта Самуила Маршака.

В исследованных нами переводных текстах стихотворений С. Я. Маршака «Военная почта» / «Фронт почтасы», «Мороз и морозко» / «Олы һәм кече суык», «Голуби» / «Күгәрченнәр», «Мистер Твистер» / «Мистер Твистер», «Кто он?» / «Кем ул?», «От одного до десяти» / «Бердән унга кадәр», «От “А” до “Я”» / «“А”дан “Я”га кадәр», «Угомон» / «Тынгы бабай» основными причинами использования лексических трансформаций оказались:

- разница в смысловом объёме слова;
- различие в сочетаемости слов в русском и в татарском языках;
- употребление более привычных слов для приближения русского текста татарскому читателю.

В изученных нами переводах поэтических текстов С. Маршака с русского на татарский язык переводчики больше всего обращались к таким лексическим трансформациям как: лексико-семантическая замена и модуляция, меньше всего использовали метод транскрипции и транслитерации. К лексико-семантическим заменам (конкретизация, генерализация, модуляция), в основном, обратились для поддержания рифмы и размера стиха. Однако, встеритись и такие примеры конкретизации, в которых она имеет своё психологическое значение. создаёт свой символизм и сближает данное стихотворение к татарскому народу:

Над речкой у обрыва,
Поникнув головой... [4]
Идел суы өстенә
Иелеп ярда тал тора... [3, с. 12].

Среди грамматических трансформаций, самыми широко используемыми приёмами оказались:

- добавления, которые не повлияли на изменение смысла исходного текста, а послужили для поддержания рифмы, стихотворного размера, или для связи строк:

Номер девятый
И номер десятый [4].
Тугыз белән ун –
Сезнең номерлар [1, с. 23];

– перестановки:
По лесам и горным склонам,
По трапинкам потаенным... [4].
(2) Яшерен сукмак буенча,
(1) Тау буеннан, урманнан... [1, с. 12];

– опущения:
Спать ложатся все на свете.
Спят и взрослые и дети... [4].
Йокларга яткан бар да:
Зурлар да, балалар да... [3, с. 34].

Изученных материалах было обнаружено малое количество синтаксических замен, и показаны лишь преобразования сложносочинённых предложений в простые. Стихи С. Маршака, в частности, написаны простыми предложениями и ориентированы на то, чтобы они легко читались для аудитории. Соответственно, здесь нет каких-то сложных преобразований в переводе. Иначе, переводы не соответствовали бы оригиналу.

Среди лексико-грамматических трансформаций популярностью пользовался описательный перевод:

В сугроб, в овраг, куда костей

Не заносили вороны [4].

Жен дә керми торган жиргә

Куып кертеп аларны [3, с. 12].

В самих названиях стихов наблюдается описательный метод: «Мороз и морозко» – «Олы һәм кече суык»; «Угомон» – «Тынгы бабай» и др. Это можно объяснить отсутствием слов с соответствующим значением в языке перевода.

Нельзя назвать, что перевод каждого из рассмотренных нами поэтических текстов являются идеальными. Например, в стихотворениях «Мистер Твистер» / «Мистер Твистер», «Кто он?» / «Кем ул?» очень много опущений в переводе, а в «Почта военная» / «Фронт почтасы» не переведено до восьми куплетов. В произведениях «От одного до десяти» / «Бердән унга кадәр», «От “А” до “Я”» / «“А”дан “Я”га кадәр», «Угомон» / «Тынгы бабай» немалое количество добавлений от самого переводчика. В том же самом «Почта военная» / «Фронт почтасы» переводчик Кави Наджми написал от себя в переводе 6 куплетов. Возможно, это связано с тем, что в 1960-80х годах был особо популярен подстрочный тип перевода. Поэтому для своего времени, эти переводы можно считать вполне успешными.

Такое большое обилие используемых трансформаций обуславливается и тем, что перевод поэзии – это творческий и, тем самым, очень сложный процесс, где необходимо не только сделать точный перевод текста, но и передать его стилистические особенности и мелодичность.

Основной причиной использования грамматических и лексико-грамматических трансформаций в изученных нами материалах является желание переводчиков не потерять рифму и размер стихов, а также максимально понятно передать смысл поэтических текстов татарским читателям.

Список использованных источников

1. Маршак С. Мистер Твистер. Казан: Тат. кит. нәшр., 1972. 39 б.
2. Маршак С. Фронт почтасы. Казан: Татгосиздат., 1946. 32 б.
3. Маршак С. Шигыръләр. Казан: Татгосиздат., 1948. 55 б.
4. Самуил Яковлевич Маршак. Произведения для детей. Том 1. [Электронный ресурс] <http://lib.ru/POEZIQ/MARSHAK/detskaya.txt> (дата обращения: 26.01.2018).

УДК 347.78.034

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(В СЛУЧАЕ ЧАСТИЧНОЙ ИЛИ НУЛЕВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ)
(НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ С КОМПОНЕНТОМ ОДЕЖДЫ)**

М. Д. Галиуллина

*студент третьего курса кафедры теории и практики перевода,
Высшая школа иностранных языков и перевода,
Институт международных отношений, истории и востоковедения,
Казанский Федеральный Университет, Казань*

Аннотация. В статье представлен анализ перевода фразеологических единиц в русском, английском и немецком языках (на примере темы «одежда»). Используя в качестве источника фразеологические словари, автором приводится список ФЕ в данных языках, связанных с одеждой. Опора на классификации фразеологизмов А. В. Кунина, Л. К. Байрамовой и Е. Ф. Арсентьевой позволила выявить среди них те, которые имеют полные, частичные и нулевые эквиваленты в русском, английском и немецком языках, определить безэквивалентные ФЕ, особенности их перевода в иностранных языках.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, одежда, эквиваленты.

Summary. The article presents an analysis of the translation of phraseological units in Russian, English and German (for example, the topic "clothes"). Using as a source of phraseological dictionaries, the author provides a list of phraseological units in these languages associated with clothing. Reliance on the classification of phraseological theories of A. V. Kunin, L. K. Bayramova and E. F. Arsentieva allowed identify among them those who have full, partial and zero equivalents in Russian, English and German, to determine the equivalent of phraseological units, especially the translation of phraseological units in foreign languages.

Key words: phraseology, phraseological units, clothing, equivalents.

Фразеологизмы являются активно развиваемой частью языковых систем. Меняется как их количество, так и, зачастую, их суть. Это связано с происходящим в последние десятилетия бурным ростом словарного состава русского, английского и немецкого языков. Несмотря на большое количество специализированных словарей, основная трудность при переводе ФЕ заключается в том, что ни один из них не может предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в конкретном контексте.

В исследовании были выявлены следующие фразеологизмы с элементами одежды в русском, английском и немецком языках.

1. Карман / pocket, pocketbook / die Tasche (4 ед.): бить по карману – to put a hole in one`s pocketbook (англ.) («проделать дыру в кармане») – ins Geld laufen (нем.) («влететь в копеечку») – причинять убыток, ущерб кому-либо; за словом в карман не лезет – to have a ready tongue (англ.) («иметь

подвешенный язык») – nicht auf den Mund gefallen sein (нем.) («не падать в рот») - о том, кто легко и непринужденно общается с людьми; набивать карманы – line one`s own pockets (англ.) («набивать карманы») – in die eigene Tasche wirtschaften (нем.) («хозяйствовать в собственных карманах») – наживать богатство (нечестным путем); карманные расходы - pocket expenses (англ.) («карманные расходы») – das Taschengeld (нем.) («карманные расходы»).

2. Шкура / skin / die Haut (2 ед.): волк в овечьей шкуре – a wolf in sheep`s clothing (англ.) («волк в овечьей одежде») - ein Wolf im Schafspelz (нем.) («волк в овечьей шкуре») – лицемер, скрывающий дурные намерения под маской добродетели; побывать в чьей-то шкуре - to be in someone`s shoes (англ.) («быть в чьих-либо ботинках») – in j-s Haut stecken (нем.) («поместить в чью-то шкуру») - испытать на себе положение другого человека.

3. Шляпа / hat, cap / der Hut (6 ед.): дело в шляпе – it`s in the bag (англ.) («это в сумке») – die Sache ist in Ordnung (нем.) («дело в порядке») – о том, что благополучно разрешится; снимать шляпу перед кем-то - to take off one`s hat (англ.) («снимать шляпу») – den Hut abnehmen (нем.) («снимать шляпу») – выражать кому-либо свое почтение, уважение; съесть свою шляпу – to eat one`s hat (англ.) («съесть шляпу»); as the drop of a hat (англ.) («за то время пока упадет шляпа») – in null Komma nichts (нем.) («ничто в нулевой точке») – в один миг, в два счета, без промедления; with hat in hand (англ.) («со шляпой в руке») – смиренно, покорно, униженно.

4. Ремень / belt / der Gürtel (1 ед.): затянуть ремень – to tighten the belt (англ.) («затянуть ремень») – den Gürtel schnallen (нем.) («затянуть ремень») – готовиться к преодолению каких-то трудностей.

5. Одежда / clothes, clothing / die Kleidung, Kleider (2 ед.): по одежке протягивать ножки – to cut the coat according to the cloth (англ.) («при кройке исходи из личного материала») – sich nach der Decke stricken (нем.) («вытягиваться до потолка») – жить в соответствии своим возможностям; по одежке встречают, по уму провожают – good clothes open all doors (англ.) («хорошая одежда открывает все двери») – Kleider machen Leute (нем.) («одежда делает людей») – при встрече с незнакомым человеком бросается в глаза его внешний вид, а после знакомства с ним отдают должное его уму.

6. Юбка / skirt / der Rock (1 ед.): держаться за бабу / мамину юбку – to hide behind a mother`s skirt (англ.) («держаться за мамину юбку») – an Mutters Schürzenzipfel hängen (нем.) («держаться за мамин подол фартука») – находиться в подчинении, в полной зависимости, быть бесхарактерным.

7. Рубашка / shirt, jacket / das Hemd (4 ед.): родиться в рубашке – to be born with a silver spoon in one`s mouth (англ.) («родиться с серебряной ложкой во рту») – ein Sonntagkind sein (нем.) («быть ребенком воскресенья») - быть удачливым; рубаха-парень – a backslapper (англ.) («рубаха-парень») – eine gemütliche Haut (нем.) («добродушная оболочка») – простой, открытый для общения человек; своя рубашка ближе к телу -

charity begins at home (англ.) («благотворительность начинается дома») – das Hemd ist mir näher als der Rock (нем.) («рубашка мне ближе, чем юбка») – собственное благополучие (благополучие близких) дороже интересов других людей; тряпка – a big girl's blouse/ shirt (англ.) («блузка/рубашка большой девочки») – der Waschlappen/ Feigling (нем.) («тряпка») – нерешительный, мужчина.

8. Швы / seams / die Nacht (1 ед.): трещать по швам – burst at the seams (англ.) («лопаться по швам») – in allen Fugen krachen (нем.) («трещать во всех швах») – быть под угрозой полного краха, распада.

9. Пеленки / swaddle, swaddling clothes / die Windeln (1 ед.): выходить из пеленок – to be out of the swaddling clothes (англ.) («не быть в пеленках») – aus den Kinderschuhen heraus sein (нем.) («выйти из башмаков») – становиться взрослым.

10. Пояс / belt / der Gürtel, die Gürtellinie (2 ед.): заткнуть за пояс – j-n in die Tasche stecken (англ.) («положить в карман») – превзойти кого-либо в чем-то; ударить ниже пояса – to hit one below the belt (англ.) («удар ниже пояса») – ein Schlag unter die Gürtellinie (нем.) («удар ниже пояса»).

11. Рукав / sleeve / die Ärmel (4 ед.): закатать рукава – to roll up one's sleeves (англ.) («закатать рукава») – die Ärmel hochkrempeln (нем.) («закатать рукава») – подготовиться к преодолению трудностей; (работать) спустя рукава – to work the left hand (англ.) («работать левой рукой») – schusseln (нем.) («работать спустя рукава») – кое-как, небрежно; туз в рукаве – to have an ace in the hole (англ.) («иметь туз в рукаве») – ein Ass im Ärmel haben (нем.) («иметь туз в кармане») – обеспечение выигрыша; to wear one's heart on one's sleeve (англ.) («носить сердце в рукаве») – das Herz auf der Zunge haben (нем.) («иметь сердце на языке») – не скрывать своих чувств, быть откровенным.

12. Кафтан / kaftan / Kaftan (1 ед.): тришкин кафтан – robbing Peter to pay Paul (англ.) («ограбить Петра, чтобы расплатиться с Павлом») – решение проблемы через необдуманные действия, приводящие к худшему результату.

13. Башмак / shoe / der Schuh (1 ед.): быть у кого-то под башмаком – to be under someone's thumb (англ.) («быть у кого-то под большим пальцем») – unter dem Pantoffel stehen (нем.) («стоять под тапком») – находиться, оказаться в полной зависимости.

14. Платье / clothes, dress, clothing / die Kleider, das Kleid, die Kleidung (1 ед.): новое платье короля – emperor's new clothes (англ.) («новое платье короля») – des Kaisers neue Kleider (нем.) («новое платье короля») – нечто очевидное, что, однако, не хочет принимать общество.

15. Перья / feathers, plumes / die Federn (2 ед.): рядиться в чужие перья – to adorn oneself with borrowed plumes (англ.) («украшать себя заимствованными перьями») – sich mit fremden Federn schmücken (нем.) («украшать себя чужими перьями») – пытаться показать себя более

значительным, чем есть на самом деле; a feather in one`s cap (англ.) («перо на чьей-то шапке») – повод для гордости, достижение.

16. Штаны/ pants, trousers/ die Hose (1 ед.): to wear the pants in one`s family (англ.) («носить штаны в семье») – die Hose anhaben (нем.) («носить штаны») – быть главой семьи.

17. Воротник / collar / der Kragen (2 ед.): samst am Kragen, Kleie im Magen (нем.) («бархат на воротнике, отруби в желудке») – человек, тратящий деньги на ненужную роскошь; erst der Mangel, dann der Kragen (нем.) («сначала желудок, потом воротник») – сначала еда, потом наряд.

18. Нить / thread / der Faden (1 ед.): нить Ариадны – ariadne`s thread (англ.) («нить Ариадны») – der Ariadnefaden (нем.) («нить Ариадны») – путеводная нить.

19. Чулок/ stocking /der Strumpf (1 ед.): синий чулок – blue stocking (англ.) («синий чулок») – der Blaustrumpf (нем.) («синий чулок») – педантка, лишенная женственности женщина.

В исследовании на основе анализа имеющейся литературы выявлены классификации ФЕ, разработанные отечественными учеными [1, с. 93; 3, с. 9; 4, с. 9]. Наиболее продуктивной для анализа ФЕ, связанных с одеждой, оказались классификации А. В. Кунина, Л. К. Байрамовой и Е. Ф. Арсентьевой [1, с. 93; 3, с. 9; 4, с. 9].

Особое внимание уделено фразеологическим эквивалентам (полным, частичным и нулевым) и их сравнительному анализу. Полные разделены на те, которые имеют полную эквивалентность во всех трех языках и на те, у которых полные эквиваленты лишь в двух. В последнем случае ФЕ на третьем языке могут иметь либо частичную, либо нулевую эквивалентность. Так, фразеологизм «держаться за мамину юбку» - на английский язык переводится полным эквивалентом to hide behind a mother`s skirt: (He was shy at first and hid behind his mother skirt); а в немецком языке - частичным: an Mutters Schürzenzipfel hängen («держаться за мамин краешек подола фартука»). Слово «der Schürzenzipfel» («краешек подола фартука») имеет отличный от русского языка лексический оттенок. Erst hängt er der Mutter am Schürzenzipfel all die Jahre, und dann lässt er sie zum Dank allein ziehn.

При переводе фразеологизма важно учитывать все компоненты предложения, чтобы оно не теряло своего эмоционально-экспрессивного значения. Отсутствие эквивалента или нулевая эквивалентность является следствием особенностей языка. Путем добавления слов меняется грамматическая структура и падеж немецких фразеологизмов. Например, фразеологизм «трещать по швам» переводится на немецкий язык «in allen Fugen krachen». Дословный перевод «трещать во всех швах» для русской речи не приемлем. Если убрать в рассматриваемом фразеологизме слово «всех», то перевод на русский язык будет звучать как «трещать в швах». Это неудачный вариант, т.к. теряется эмоционально-экспрессивное значение фразеологизма и становится непонятным его смысл.

Анализ нефразеологических способов перевода – калькирование и описательный перевод, показал, что их можно использовать лишь в том случае, когда фразеологизм не теряет своего смысла. Калькирование возможно, когда дословный перевод может донести до читателя истинное содержание всего фразеологизма [2, с. 161]. Так, английский фразеологизм «old hat» дословно можно перевести, как «старая шляпа» и смысл остается для читателя ясным, он обозначает что-то устаревшее. В немецком языке существуют две аналогичные ФЕ – «kalter Kaffee» («холодное кофе») и «Schnee von gestern» («вчерашний снег»), при дословном переводе их смысл понятен. При описательном же переводе зачастую используются принятые в иностранном языке терминологические понятия. Описательный перевод – это объяснение смысла ФЕ при помощи свободного сочетания слов. Так, английский фразеологизм «to be all over the shop» дословно можно перевести, как «быть по всему магазину», однако, он имеет совершенно иной смысл - «быть в полном беспорядке, быть несобраным». *He is all over the shop. Could a cup of tea.* «Он такой несобранный. Возможно, ему следует выпить чашку чая?» А фразеологизм «shoplift» не имеет ничего общего с лифтом и имеет значение «магазинная кража». *I can't believe he was caught for a shoplift.* «Не могу поверить, что он был пойман на краже в магазине».

При изучении фразеологизмов, их эквивалентов выделены и некоторые их характерные особенности в изучаемых языках. Первая связана со свойствами грамматической структуры переводимого языка, которые не прописываются в словарях. В немецком языке при переводе фразеологизма и словосочетания в предложении, нужно учитывать порядок слов. Это влияет на перевод всего фразеологизма. Другая особенность проявляется в том, что при добавлении слов, а позже и при изменении предлогов меняется и экспрессивная окраска фразеологизма в целом. Например, «рядиться в чужие перья» переводится как «sich mit fremden Federn schmücken». Здесь не совпадают не только предлоги, но и глаголы. «Украшать себя» звучит стилистически нейтрально, чем «рядиться».

В исследовании выявлены слова, которые в английском языке обозначают одно и то же понятие, а в русском и немецком языке имеют разный семантический оттенок. Например, слова «ремень» и «пояс». Эти слова пришли из праславянского языка, который восходит, как и германские языки к индоевропейской семье, что объясняет, почему в английском эти понятия обозначают одно то же слово. Например, во фразеологизмах «затянуть ремень» и «удар ниже пояса» слова будут переводиться на английский, как «belt»: «to tighten the belt» «to hit one below the belt». В немецком же, как и в русском языке по-разному: «den Gürtel schnallen», «ein Schlag unter die Gürtellinie».

Изучение ФЕ показало, что среди них существуют те, которые в английском и немецком языках переводятся одним словом. Например, рубаха-парень переводится на английский язык существительным «a backslapper»; *Работать спустя рукава* - на немецкий глаголом «schusseln». Кроме того, выявлены словосочетания, которые пришли из истории и

существуют в трех языках полными эквивалентами. Например, выражение «ткань Пенелопы» переводится на английский «Penelope's web», на немецкий «der Ariadnefaden»; «синий чулок»: «blue stocking», «der Blaustrumpf». В немецком языке оба выражения обозначают одно слово. Это связано с тем, что словообразование и сращение слов в немецком языке хорошо развито, в отличие от русского и английского.

Итак, при переводе ФЕ нужно обращать на особенности грамматической структуры языка: на порядок слов, предлог и артикли. Пословицы и поговорки представляют собой особенность языка и переводятся в основном в каждом языке по-разному.

Список использованных источников

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Изд. Казанского университета Казань, 1989. 128 с.
2. Артемова А. Ф. Английская фразеология: Спецкурс. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2009. 208 с.
3. Байрамова Л. К. Фразеология в произведениях В.И. Ленина и принципы ее перевода на татарский язык: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1983. 34 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
5. Медведев Ю. В. Фразеологические единицы в английских поэтических текстах и их русских переводах. Дисс. к. фил.н. Казань, 2007. 215 с.

УДК 821.111(73) – 93.09

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА РОМАНА В. В. ДРААНЕН «FLIPPED» И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Е. В. Герасименко,

*ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялте, ФГАОУ ВО
«КФУ им. В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье раскрыты особенности повествовательной перспективы в современном американском романе В. Ван Драанен «*Flipped*» и их отражение в переводе на русский язык. Показано, что характер повествовательной перспективы от лица двух фокальных персонажей оригинала в переводе на русский язык сохраняется.

Ключевые слова: повествовательная перспектива, фокализация, фокальный персонаж, точка зрения.

Summary. This article is devoted to the specific features of narrative perspective which are revealed in the novel «*Flipped*» by V. Van Draanen and their reflection in translation into Russian. It is shown that the narrative perspective from two focal characters is rendered in translation into Russian.

Key words: narrative perspective, focalization, focal character, point of view.

Определение дефиниции повествовательной перспективы привлекало как зарубежных, так и отечественных литературоведов. Н. Д. Тмарченко отмечает тот факт, что «определения понятия, обозначаемого этим термином, чрезвычайно редки», как правило, «указаны функции термина, но не объяснено его содержание» [6, с. 213].

Рассмотрим общепринятые в литературоведении и нарратологии синонимичные понятия, предложенные известными учеными в данной области.

Американский писатель и критик Г. Джеймс в эссе «Искусство романа» вводит понятие «точка зрения» [2]. П. Лаббок, который считается основоположником новой критики прозы США, расширяет данное понятие в трактате «Искусство прозы» и описывает его как «отношение нарратора к повествуемой истории» [9]. Б.А. Успенский сделал огромный вклад в развитие теории точки зрения. В своей книге «Поэтика композиции» он разрабатывает типологию точки зрения, акцентируя внимание на четырех признаках ее проявления: плане оценки, фразеологии, психологии и пространственно-временной характеристике [8]. Французский литературовед, один из основателей современной нарратологии Ж. Женнет, ссылаясь на термин «фокус наррации», который был предложен К. Брукс и Р. П. Уоррен в учебнике «Понимание поэзии», основывает свою классификацию повествовательной перспективы и использует определение «фокализация», говоря, что это «организация в повествовании точки зрения и способы донесения ее до читателя/зрителя» [3, с. 204]. До сих пор считается актуальной триада «повествовательных ситуаций» – «аукториальная», «персональная» и «от первого лица», которую выдвигает австрийский ученый Ф. Штанцель [10].

Детальное описание «повествовательной перспективы» в современной науке дает И. А. Шипова, согласно ее точке зрения: синтез субъектно-речевого, композиционно-сюжетного и пространственно-временного планов нарративного художественного текста обусловлен соответствующей коммуникативно-творческой стратегией, или концептуально-тематическими установками, автора [7].

Большое значение повествовательной перспективе придает В. А. Андреева, которая считает, что от нее зависит «степень охвата повествуемого мира» [1, с. 14].

Рассмотрим особенности повествовательной перспективы в современном американском романе В. Ван Драанен «*Flipped*», который был написан в 2001 году. В основе сюжета романа лежат события, описывающие первую любовь двух главных героев - Джули Бэйкер и Брайса Лоски.

В романе повествование ведется от первого лица двух фокальных персонажей, то есть повествование событий трактуется с точки зрения определенного героя, автор исключает свой образ, перепоручает повествование фокальному персонажу, который сам и является рассказчиком. В. Ван Драанен полностью передает свои полномочия

рассказчикам, попеременно давая голос детям, сначала Брайсу, затем Джули. При повествовании событий от первого лица создается впечатление дружеской беседы с читателем, повествование приобретает характер исповеди. В таком произведении читатель наблюдает за мыслями, чувствами и переживаниями главного героя, который раскрывает самые потаенные уголки своей души, недоступные для других персонажей. Авторская точка зрения отсутствует, а изложение событий повествуется изнутри, с точки зрения главных героев. «Герой сам объясняет, раскрывает свои переживания и при этом читатель ощущает индивидуальную душевную интонацию героя» [5, с. 97]. Безусловно, данный тип повествования ограничивает рассказчика в описании внутреннего мира других персонажей и внешнего мира в целом. В произведении может быть представлено несколько точек зрения нескольких главных героев, как, например, в романе «*Flipped*», и такое произведение именуется многоголосым или полифоническим.

Выбранная автором повествовательная перспектива, позволяет В. В. Драанен более точно и ярко выразить свои мысли, раскрыть с неподдельной точностью внутренний мир героев и дать читателю возможность сформировать свое собственное видение героев.

Роман «*Flipped*» в 2007 году был переведен на русский язык О. И. Калабуховой и получил название «Привет, Джули!». Слово «*flipped*» многозначное и использовано в названии произведения в форме причастия прошедшего времени, что значительно усложняет задачу переводчика. По словам Г. И. Лушниковой, «это пример передачи заглавия методом замены, когда вводится новое речевое единство, не совпадающее с оригиналом ни по форме, ни по содержанию, практически не имеющее ничего общего с заглавием оригинала, т. е. переводчик прибегает к кардинальным изменениям» [4, с. 71].

Прием замены О. И. Калабухова также использует и в названиях глав. Так, одна из глав называется «*Diving Under*». В англо-русских словарях «*to dive under*» имеет значение - «подныривать», а в переводе романа предлагается слово – «знакомство». Безусловно, данный вариант передает содержание главы, но не отражает эмоциональный оттенок повествования. Дело в том, что речь в данной главе идет о знакомстве фокальных персонажей, и с точки зрения Брайса, Джули как бы «подныривает», неожиданно появляется в его жизни и кардинально изменяет ее.

Другая глава именуется «*Get a Grip, Man*». «*To get a grip*» - это сленговое выражение, которое означает - «взять себя в руки, успокоиться». Переводчик предлагает следующее название – «Мы в ловушке, приятель». В данном случае переводчик основывается на эксплицитном смысле текста данной главы. Приведем цитату из главы: «*What I was, was stuck*» (Итак, я оказался в ловушке) [11, с. 69]. Английский вариант точно передает содержание главы – Брайс не может ни на чем сконцентрироваться, потому что все его мысли только о Джули. Хотя разговорный стиль названия главы

сохранен в переводе, но можно было бы предложить более близкий к оригиналу вариант перевода: «Соберись, приятель» или «Держи себя в руках, приятель».

Примечательно, что название двух глав романа точно совпадает с названием самого романа – «*Flipped*». О. И. Калабухова переводит названия этих глав по-разному: «Влюблена», «Влюблен». Это вполне оправдано, так как в английском языке в причастии прошедшего времени «*flipped*» не выражается дифференциация по роду, а в русском языке необходимо было обозначить эту разницу. Поскольку в одной главе речь идет о влюбленности Джулии, а в другой – о влюбленности Брайса. Кроме того, следует заметить, что глагол «*to flip*» многозначный и имеет ряд значений: слегка ударить; щёлкнуть; смахнуть; пролистать; потряхнуть; лопухнуться, подставиться; подкинуть; изменить; опрокинуть; переманить на свою сторону; переходить на чью-либо сторону; переворачивать; спятить; свихнуться; рехнуться; зеркально отражать; беситься; обалдеть; рассмеяться; неистовствовать; одуреть; развеселиться; балдеть; быть без ума и др. [12]. В данной главе одновременно реализуются как минимум два значения слова: «свихнуться», что передано в переводе, а также «зеркально отражать», ввиду того, что Брайс наконец-то осознал, что тоже влюблен в Джулию, изменил свое кажущееся равнодушие и ее любовь получила зеркальное отражение в его душе.

Сопоставительный анализ романа «*Flipped*» и его перевода на русский язык показывает, что повествовательная перспектива от лица двух фокальных персонажей сохранена в переводе, события представлены с точки зрения двух главных героев. Восприятие романа на языке оригинала и на русском языке с точки зрения типа повествования идентично. Переводческие замены продиктованы спецификой языков оригинала и перевода.

Список использованных источников

1. Андреева В. А. Текстовые и дискурсивные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 37 с.
2. Джеймс Г. Искусство прозы // Писатели США о литературе: сб. ст. М.: Прогресс, 1974. С. 44–63.
3. Женетт Ж. Повествовательный дискурс (1972) // Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. С. 60–280.
4. Лушникова, Г. И. Заглавие художественного произведения: интерпретация и перевод // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, Симферополь, 4–5 мая 2017 г. Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. С. 67–73.
5. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. Пособие. М.: Флинта: Наука, 2001. 256 с.
6. Тмарченко Н. Д. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: Т. 1. М.: Академия, 2004. 512 с.

7. Шипова, И. А. Повествовательная перспектива, тип повествовательных форм и категории субъекта как знаки нарративного художественного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2016. – № 1 (30). С. 161–166.
8. Успенский, Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 225 с.
9. Lubbock P. The Craft of Fiction (1921). New York : Viking, 1963. 276 p.
10. Stanzel, F. K. Theorie des Erzählens. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 364 p.
11. Wendelin, V. D. Flipped. Knopf Books for Young Readers. New York, 2003. 215 p.
12. Словарь "Мультитран" [Электронный ресурс]/ www.multitran.ru

УДК 81

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА
КУРСАМ ВОЕННОГО ВУЗА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «ПЕРЕВОДЧИК
В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ»)**

Е. В. Глушко,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза
Анатолия Константиновича Серова, Краснодар*

Аннотация. В статье приводится теоретическое обоснование методики преподавания последовательного перевода с английского языка на русский и с русского на английский в военном вузе. Автор определяет принципы, условия и методы успешного формирования профессиональных компетенций у курсантов, обучающихся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», подчеркивая необходимость учитывать специфику учебного заведения.

Summary. The article presents the theoretical basis for methods of teaching consecutive translation from English into Russian and from Russian into English. The author defines principles, conditions and methods of efficient competence build-up in the process of teaching cadets who study «Translator/interpreter in the field of professional communication» course, pointing up the necessity of taking into account the specific character of the educational establishment.

Ключевые слова: устный перевод, профессионально ориентированный перевод, последовательный перевод, двусторонний военный перевод, формирование компетенций, методика преподавания в военном вузе.

Key words: interpreting, professionally oriented translation, consecutive translation, bilateral military interpreting, competence build-up, methods of teaching at a military educational institution.

Овладение переводческими компетенциями, в том числе для устного переводчика, невозможно без непрерывного повышения уровня знаний, умений и навыков в области рабочих языков. Как известно, самый эффективный подход к развитию языковой переводческой способности и формированию технической переводческой способности связан с практикой «погружения в язык», общения с носителями изучаемого иностранного языка в бытовых и профессиональных ситуациях. Однако для курсантов военного вуза по объективным причинам предусмотрены лишь варианты искусственно создаваемого учебного дискурса, специально смоделированная дидактическая среда.

Методика преподавания курса устного перевода в военном вузе имеет свои особенности, связанные со специфической организацией работы учебного заведения.

Так, использование интернета, технических средств обучения для этого контингента студентов по большей мере ограничено аудиторным временем. Методическое планирование, таким образом, должно обеспечивать максимальную интенсивность учебного процесса в особых, «закрытых условиях» [4, с. 51].

Другая особенность, которую должен учитывать преподаватель-практик, заключается в личностных характеристиках обучаемых. Мы имеем в виду как социально-психологические факторы (компоненты структуры личности), так и гендерные. Многие абитуриенты, успешно проходящие профессиональный отбор при поступлении в Краснодарского высшее военное авиационное училище летчиков, по ряду параметров, включая стрессоустойчивость, сформированность навыков саморегуляции, имеют высокий потенциал как устные переводчики даже в сложнейшей области синхронного перевода. Дело в том, что именно профессионально важные качества личности, выявляемые на вступительных испытаниях (особые аналитические способности, темперамент, морально-волевые качества будущих военных летчиков) - благодатная почва для подготовки высококвалифицированных специалистов и в сфере военного перевода.

Вырабатывая концепцию данного курса дополнительного образования в рамках всего комплекса изучаемых дисциплин, важно было отразить в ней следующие основные моменты:

- 1) определение объема понятия «устный военный перевод»;
- 2) требования к учебным материалам, их преемственности;
- 3) перечень и описание конкретных навыков и умений;
- 4) формулировка единых методических принципов для всех периодов обучения;
- 5) система упражнений в соответствии с принятой теоретической базой, нормативными документами Министерства обороны Российской Федерации;
- 6) апробация разработанной методики, подтверждение ее эффективности.

Под устным военным переводом понимается последовательный (абзацно-фразовый) перевод, как односторонний, так и двусторонний. Форматы выполнения последовательного перевода также неоднородны: практикующие переводчики то и дело сталкиваются с таким членением речи говорящих, которое отменяет синонимичность определений «последовательный» и «абзацно-фразовый». Ввиду ограниченности по времени, а также из-за статуса программы (программа дополнительного образования) практические занятия по синхронному переводу остались за пределами курса. Надо отметить, что к качеству выполнения, к точности последовательного перевода часто предъявляются более высокие требования, так как считается, что он далеко не так сложен, как синхронный [8, с. 16].

Нормативная база, в общих чертах регламентирующая отбор нами материала, включает обновленную версию «Методических рекомендаций по организации и осуществлению дополнительного профессионального образования в организациях Министерства обороны Российской Федерации, осуществляющих образовательную деятельность» и уточненную форму примерной рабочей программы учебной дисциплины (модуля) (также составленную в профильном министерстве).

В плане **содержательного наполнения** используемый материал должен обладать рядом основополагающих свойств:

- насыщенность специальной военной (военно-технической, социально-политической) лексикой и наиболее употребительными синтаксическими конструкциями;

- актуальность тематики в фактуальном плане, высокая частотность терминов. Известно, что сами военные термины характеризуются кратким «периодом жизни» (например, существенно отличаются словари терминов Первой и Второй мировых войн, хотя между этими глобальными конфликтами прошло менее 30 лет) [3]. Эти условия необходимы для поддержания активного интереса у обучающихся как к предмету, так и непосредственно к ходу урока. Корпус данных содержит не только тексты и аудиоматериалы учебных изданий, но и, среди прочего, новостные сообщения по самым животрепещущим вопросам международной военной политики.

- достаточный уровень сложности (используются аутентичные аудио- и аудиовизуальные тексты). Практическая деятельность военного переводчика-референта очень разнообразна. Она охватывает все виды и способы перевода. Зачастую реалии современных военных конфликтов требуют активного вовлечения экспертов по военному переводу (их профессиональная ценность на этапе урегулирования ситуации превышает риски) [7, с. 21]. Специалист в идеале должен быть универсальным – разносторонним и высокопрофессиональным, ведь даже его языковая способность (не говоря уже о технической переводческой способности) должна быть выше, чем у рядового билингва [2, с. 2].

Что касается общедидактической основы, то при структурировании УМК важно помнить о **систематичности, последовательности, доступности** и **наглядности**. Это значит, что каждый этап урока функционален, не случаен («для общего развития»), а вплетен в общую парадигму. При этом все занятия (кроме контрольных) включают переменный модуль (на продвинутом этапе целесообразно использовать подкасты и видео новости каналов RT, CNN, BBC, www.ted.com). Цель привлечения материала указанного типа носит комплексный воспитательный характер - это и поддержание, усиление профессиональной мотивации обучающихся, и ориентирование их на выработку активной гражданской позиции.

Тематический план содержит такие насущные для устного переводчика разделы, как техника речи, мнемотехника, основы риторики, устный перевод с листа, односторонний абзацно-фразовый перевод, переводческая нотация, двусторонний военный перевод.

В основе нашего типового плана урока устного перевода лежит описание занятий по УП на начальном и продвинутом этапах, предложенное М. Ю. Бродским [1, с. 202-206]:

1) **разминка** (фонетические, фонологические, интонационные упражнения, упражнения на мнемотехнику);

2) **подготовленный перевод** (в третий и четвертый периоды обучения – неподготовленный перевод на русский);

3) **разбор перевода** (в третий и четвертый периоды обучения – с использованием опросника для самооценки и взаимной оценки курсантами друг друга). Выставляются баллы за манеру подачи (качество голоса, темп речи, адекватное паузирование), ошибки (грамматические, фонематические, семантические, самоисправление), реакцию аудитории, соблюдение этикета;

4) **переводческий диктант** – курсанты под диктовку записывают эквиваленты транслем разных категорий на языке перевода. Для этого упражнения удобно использовать самоучители устного перевода, созданные переводчиками-синхронистами А. Фалалеевым и А. Малофеевой («Зеленое яблоко», «Умильные мордочки енотов», «Ваза династии Мин», «Вертолет береговой охраны» и другие). Упомянутые сборники изобилуют аутентичными примерами из реальной переводческой практики и нацелены на то, чтобы избавить студента-переводчика от «гипноза» языка оригинала [6, с. 4];

5) **неподготовленный перевод с русского языка на английский** – на этом (или на этапе 2) применяются задания из переменного модуля;

6) **разбор перевода;**

7) **неподготовленный перевод с английского языка на русский** - способы предъявления звучащего текста варьируются (аудио, видеофайлы, с голоса преподавателя или других обучающихся). Упражнения этого блока выполняются с опорой на графический текст или без нее (по мере

перерастания задействованных переводческих умений в навыки, изживания интерференции [5, с. 3]).

Цель разработки комплексной методики обучения устному военному переводу заключается в достижении такого результата педагогического воздействия, при котором выпускники данного курса дополнительного образования будут становиться высококвалифицированными и конкурентоспособными специалистами в сфере устного перевода, несмотря на то, что их профессиональное развитие осложнено целым рядом дополнительных факторов, связанных с военной специальностью.

Список использованных источников

1. Бродский М. Ю. Устный перевод: история и современность: учебное пособие. Екатеринбург: АМБ, 2012. 261 с.
2. Егорова Л. Ф., Чуксина О. В., Яновская Г. С. Приемы обучения переводческой деятельности в неязыковом вузе// Труды МАИ. - №27.
3. Калгина Е. А., Неровная Н.А. Особенности изучения и перевода военных терминов при обучении иностранному языку курсантов военного вуза [Электронный ресурс] // NOVAINFO. – 2016. – №55-3. – <https://novainfo.ru/article/?nid=8971> (дата обращения 25.11.2017).
4. Раренко М. Б. (ред.) Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт) М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.
5. Сдобников В. В. 20 уроков устного перевода. Нижний Новгород: НГЛУ, 2003. 136 с.
6. Фалалеев А., Малофеева А. Вертолет береговой охраны. Санкт-Петербург: Перспектива, Юникс, 2015. 192 с.
7. Kelly M., Baker C. Interpreting the Peace: Peace Operations, Conflict and Language in Bosnia-Herzegovina. Berlin: Springer. 2013.
8. Setton R., Dawrant A. Conference Interpreting: A Complete Course. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016.

УДК 025.5:81`374

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ НА САЙТАХ БИБЛИОТЕК

В. В. Гончарова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Цель работы – краткая характеристика основных видов лексикографических информационных ресурсов (ЛИР), встречающихся на библиотечных сайтах. Акцентируется внимание на важности рассмотрения данного сегмента сайта как инструмента повышения уровня лексикографических грамотности, компетенции, компетентности пользователей, уровня самообслуживания пользователей в библиотечной веб-среде.

Ключевые слова: лексикография, лексикографический информационный ресурс, сайт библиотеки, справочно-библиографическое обслуживание, виртуальная справка.

Summary. The aim of the paper is a brief description of the main types of lexicography information resources users (LIR) found on library sites. Attention is focused on the importance of considering this segment of the site as a tool for increasing the level of lexicographic literacy, competence, competency of users, the level of self-service of users in the library web environment.

Key words: lexicography, lexicography information resource, site of library, reference and information service, virtual reference.

Библиотечной веб-среде уделяется пристальное внимание специалистами. О чём свидетельствует большое количество научных работ: диссертационных исследований [12, 13, 16], публикаций в научной периодике, посвященных общим вопросам [3, 5, 15], частным вопросам, например использованию сайта библиотеки при опросе удаленного пользователя [18], библиографическим ресурсам определенной библиотеки [17], краеведческим ресурсам [2, 10, 11] и т. д.

В архиве выполненных справок КОРУНБ выделена рубрика «Сайты библиотек», которая содержит 25 выполненных справок (на 23.01.18). Проводятся Всероссийские конкурсы веб-сайтов публичных, муниципальных библиотек.

Лексикографические информационные ресурсы (ЛИР) библиотек, представленные на их сайтах, разноплановы по своему характеру. К ним относятся лексикографические разделы электронных каталогов и картотек, библиографические пособия, списки полезных ссылок, ЛИР, подготовленные самой библиотекой, навигаторы, путеводители, виртуальные выставки, уроки лексикографической тематики, выставки новых поступлений, архивы выполненных справок и т. д. [6, 7, 8].

В рамках статьи сложно подробно охарактеризовать ЛИР, представленных на библиотечных сайтах. Перечислим их основные виды и проиллюстрируем репрезентативными примерами.

В Российской национальной библиотеке создан электронный путеводитель по справочным и библиографическим пособиям в области языкознания. В нем учтены отдельные ключевые издания – энциклопедии и энциклопедические словари (4 записи); биографические и биобиблиографические словари (10 изданий); терминологические словари – (14 изданий). Подробно рассмотрены библиографические ресурсы: текущие и ретроспективные библиографические пособия и базы данных. В путеводителе также нашли отражение ЛИР по социально-гуманитарным наукам: архитектура (29 наименований), философия (64 наименования), религия (39 наименований), педагогические науки (12 наименований) и т. д.

В Архангельский областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова по наиболее частым запросам читателей создана целая серия аннотированных интернет-путеводителей. Интернет-путеводитель

«Энциклопедии. Словари. Справочники в Интернете» имеет следующую рубрикацию: «Универсальные справочные ресурсы» (13 наименований); «Естествознание. Экология. Техника»; «Медицина»; «Экономика» (5 наименований); «Государство и право» (3 наименования); «Страноведение» (5 наименований); «Социология. Психология» (3 наименования); «Образование. Педагогика» (4 наименования); «Языкознание» (5 наименований); «Искусство» (5 наименований); «Литературоведение» (3 наименования); «Путеводители по справочным изданиям в Интернете» (2 наименования).

В Научной педагогической библиотеке им. К. Д. Ушинского организован электронный аннотированный систематический указатель «Справочные издания», разделенный на три части: «Универсальные»; «Педагогика»; «Психология». Благодаря процессу ретроконверсии неопубликованных библиографических работ простому пользователю можно ознакомиться с библиографическими ресурсами, например, в Открытом библиографическом отделе РНБ представлены 4-страничный список «Словари на норвежском языке», «Лексикография английского языка: список литературы на русском языке за 1954–1994 гг.» (227 наименований).

В библиографических пособиях лингвистической тематики, созданных библиотеками и размещенными на их сайтах, очень часто можно найти информацию о ЛИР, обычно выделенных в определенный раздел, например, раздел «Словари» библиографического указателя «Деловой английский» ЦГПБ им. В. В. Маяковского (22 наименования) [9].

Лексикографические разделы размещаются и в библиографических пособиях социально-гуманитарной направленности, например, раздел «Словари, глоссарии, энциклопедии» Научной библиотеки по туризму и смежным областям (19 наименований) [14].

Библиотеки сами создают разнообразные словарные произведения, например, РНБ были подготовлены электронные терминологические словари «Социально-экономические термины и понятия», «Религиозные термины и понятия», «Педагогические термины и понятия», «Терминологический словарь по консервации документов». Электронная биобиблиографическая энциклопедия «Образование, наука, культура», подготовленная Научной педагогической библиотекой им. К. Д. Ушинского, представляет собой комбинацию словарных статей биобиблиографического характера «Российской педагогической энциклопедии» и сведений из имидж-каталога и электронного каталога библиотеки.

В качестве примера виртуальной выставки лексикографической тематики можно назвать выставку Централизованной библиотечной системы г. Пскова «Время энциклопедий и словарей», приуроченную к Дню словаря. Выставка включает следующие разделы: «Словари XXI века»; «Давайте говорить правильно»; «Спасибо Ожегову – человеку и словарю»;

«16 октября – День словаря в США». Библиотеками организуются дни информации лексикографической направленности (например: «Словари XXI века. От информации – к знаниям» ЦБ Колпашевского района Томской области). Библиотечные уроки проводятся не только в традиционной форме, но и в удаленной, например, урок «Словари» Ресурсного центра села Красный Яр и др.

В 2016 г. Луганской универсальной научной библиотекой им. М. Горького был запущен веб-проект, посвященный великому лексикографу, теоретику и практику русской диалектной лексикографии, автору «Толкового словаря живого великорусского языка», – «366 дней с Владимиром Далем». Одной из целей этого проекта: «актуализировать значение «Толкового словаря живого великорусского языка» для развития русской словесности, приобщить читателя к сокровищнице народной мудрости», и самое главное с педагогической точки зрения: «пробудить интерес к самостоятельному лексикографическому поиску» [1]. Данный проект был внесен в путеводитель по литературно-краеведческим интернет-ресурсам «Литературный мир России», созданный Российской национальной библиотекой.

Архивы выполненных справок лексикографической направленности сами по себе являются особым видом лексикографических информационных ресурсов, представленном на библиотечном сайте. Виртуальная справка лексикографической направленности – это представительское лицо библиотеки; медиатор между библиотекой и пользователем; источник реализации информационной, педагогической миссий и т. д.

Одна из главных задач репрезентации и активизации лексикографических информационных ресурсов на сайтах библиотек – сделать из языковой личности в словарную личность, сформировать уже в школьниках лексикографическую компетенцию.

Неотъемлемой частью справочно-библиографического обслуживания является обучение пользованию библиотеками, их ресурсами, выливающееся в самообслуживание потребителей. Педагогическая концепция библиотечного сайта должна быть связана с использованием педагогики использования лексикографических информационных ресурсов.

Список использованных источников

1. «Бессмертный как слово»: культурно-гуманитарный проект [посвященный В. И. Далю] [Электронный ресурс] // Луганская Республиканская универсальная научная библиотека: сайт. Луганск, 2016. URL: <http://lib-lg.com/index.php/proekty/kulturno-gumanitarnyj-proekt-bessmertnyj-kak-slovo>(дата обращения: 27.03.2017).
2. Бурова Н. Г. Псков на ладони: из опыта организации краеведческого контента сайта ЦБС г. Пскова [Электронный ресурс] // Центр. библиот. система г. Пскова: [сайт]. Псков, 2004–2016. URL: <http://bibliopskov.ru/zip/site.pdf> (дата обращения: 27.03.2017).

3. Вознесенская Е. А. Оптимальный сайт библиотеки: создание, содержание // Справ. рук. учреждения культуры. 2014. № 9. С. 97–103.
4. Всероссийский библиотечный конгресс (Пенза, 12–17 мая 2013 года) // Информационный бюллетень РБА. 2014. № 69. С. 134–137.
5. Гендина Н. И. Официальный веб-сайт: проблемы отражения в открытом информационном пространстве основных функций библиотеки как социального института / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, О. И. Алдохина // Науч. и техн. б-ки. 2010. № 2. С. 5–15.
6. Гончарова В. В. Лексикографические ресурсы в научно-информационной деятельности: монография. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 199 с.
7. Гончарова В. В. Анализ лексикографических ресурсов, использованных при выполнении запросов в виртуальных справочных службах // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 2 (23). С. 164–168.
8. Гончарова В. В. Виртуальная справка лексикографической направленности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–3 (61). С. 80–82.
9. Деловой английский: библиограф. указ. [Электронный ресурс] / ЦГПБ им. В. В. Маяковского. URL: <http://pl.spb.ru/resources/bu/> (дата обращения: 27.03.2017).
10. Каменская Л. В. Краеведческий электронный контент: проблемы продвижения // Современ. б-ка. 2014. № 10. С. 38–41.
11. Коржова А. И. Удаленные краеведческие ресурсы сельских библиотек как источниковая база историко-библиотечных исследований (по материалам веб-сайтов муниципальных библиотек Томской области) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 53–58.
12. Кулева О. В. Формирование информационной структуры сайта библиотеки как эффективного инструмента взаимодействия в веб-среде: дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2007. 280 с.
13. Матвеев М. Ю. Имидж библиотек как социокультурный феномен: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2009. 1029 с.
14. Научная библиотека по туризму и смежным областям [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intacadem.ru/nauchnaya-biblioteka> (дата обращения: 27.03.2017).
15. Редькина Н. С. Эффективность библиотечных сайтов // Науч. и техн. б-ки. 2010. № 9. С. 56–66.
16. Сугак Д. Б. Веб-сайт кафедры в структуре единой информационной образовательной среды: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2012. 327 с.
17. Теплицкая А. В. Библиографические ресурсы РГБ: тенденция развития // Библиография и книговедение. 2015. № 1. С. 1–10.
18. Ядрова Г. В. Опрос удалённого пользователя как инструмент изучения и оценки электронных ресурсов вузовской библиотеки // НТБ. 2004. № 10. С. 28–35.

УДК 811.12

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КРЫМСКИХ ТОПОНИМОВ
НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК****Д. И. Гординов,**

студент первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Перевод имен собственных, в частности топонимов, нередко вызывает множество проблем. Главной сложностью передачи выбранных единиц является выбор способа перевода. Существует острая необходимость создания двуязычного корпуса крымских топонимов, так как ранее данные единицы не исследовались с точки зрения перевода, что часто приводило к переводческим ошибкам. В работе рассматриваются топонимы Керченского полуострова и их перевод на французский язык.

Ключевые слова: топонимы, перевод, реалии, Керчь, Крым, ономастика, этимология.

Summary. The translation of proper names, especially toponyms, causes many problems. The choice of the variant of translation is the main difficulty here. It is necessary to create bilingual corpuses of Crimean toponyms because these units have not been analyzed from the point of view of translation so that to avoid translation errors. The article deals with the Kerch toponyms and their translation into French.

Key words: toponymes, translation, realia, Kerch, Crimea, onomastics, etymology.

Перевод имен собственных, а именно топонимов, на французский язык представляет некоторые трудности для переводчика. В первую очередь это связано с тем, что имена собственные могут содержать в себе культурный код того или иного народа, они могут быть связаны с историей; топонимы несут информацию о прошлом региона/страны, а также являются языковыми реалиями. А. В. Суперанская в своей монографии «Общая теория имени собственного» [2] пишет: «Географические названия, особенно древние, являются своего рода историческими памятниками. Даже если они со временем изменили свой облик, став похожими на слова современного языка, многие из них могут быть выявлены в старинных документах в своей первоначальной форме, отражающей социальные отношения древности и особенности быта древних людей» [2, с. 17].

Слово *топоним* происходит от греческого: «τόπος» – «место» и «ὄνομα» – «имя, название». Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под редакцией В. Н. Ярцевой, топоним – «Собственное

наименование географического объекта (реки, населенного пункта и т.п.)» [3]. Наука, занимающаяся их изучением – топонимика. Топонимика – «раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет ее топонимию» [3, с. 515–516]. Лингвисты считают, что топонимия является ценным кладезем для изучения истории языка. Историческая лексикология, диалектология, этимология, лингвистическая география и подобные науки изучают топонимы с целью выявления архаизмов, диалектизмов. По характеру объектов топонимы можно разделить на следующие: *ойкономия* – название населенных пунктов: г. Керчь, с. Приятное Свидание; *гидронимия* – названия водных объектов: р. Мелек-Чесме, оз. Сасык; *оронимия* – названия особенностей рельефа: Альпы, Уральские горы; *космонимия* – названия внеземных объектов: планета Юпитер, Море Москвы на Луне и т.п.

Немало работ филологов и географов было посвящено транскрипции географических названий. Как правило, необходимость транскрипции как особой научной проблемы возникает там, где имеются постоянные межъязыковые контакты. Таковым является и Крым. Интерес вызывает изучение топонимов как источник знакомства с особенностями интерпретации крымских реалий, так как они относятся к «безэквивалентной лексике» и чаще всего не имеют аналогов в других языках. При сопоставительном анализе различных форм одних и тех же топонимов можно выявить ряд языковых закономерностей. Существуют различные планы характеристики имен по их свойствам: лингвистические, логические, исторические, социальные, психологические и др.

На первый взгляд перевод топонимов может показаться простой задачей, ведь имена собственные, в большинстве случаев, передаются посредством транскрипции, транслитерации или калькирования, но когда речь идет о передаче смысла в зависимости от контекста могут потребоваться и иные переводческие приемы. Помимо данных способов передачи реалий В. Виноградов и А. Федоров выделяют гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод, при котором слова ИЯ, обозначающие видовое понятие, передаются словом ПЯ, называющим понятие родовое.

А. В. Суперанская отмечает, что для имени собственного главным является соотнесенность с предметом. «В лингвистических классификациях референты имен собственных рассмотрены главным образом в двух разрезах: а) как одушевленные и неодушевленные и в рамках этих разделов б) по существу самого предмета: к одушевленным относятся, например, имена людей и клички животных, а к неодушевленным – названия географических объектов. С точки зрения теории перевода, т. е. для решения вопроса “транскрибировать или переводить?”, эта классификация не так удобна хотя бы уже потому, что в рамках того ли иного деления есть имена,

которые преимущественно транскрибируются, а есть имена, которые переводятся» [2, с. 211].

С. И. Влахов в своей монографии отмечает, что так как основные требования к языковым единицам при переводе сводятся, в большинстве своем, к передаче плана содержания, то и деление имен собственных следует вести в первую очередь по линии их семантики. Ученый предлагает следующую классификацию: 1) имена-знаки, имена-метки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект, 2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием, и 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесенность к одной из первых двух групп.

К первой группе всегда применяется транскрипция. Необходимо обладать знаниями транскрипции имен собственных. Как исключение, имя собственное, точная транскрипция которого почему-либо неудобна (например, омонимия со смешным, непечатным и т. п. нарицательным ПЯ), передается с некоторыми фонетическими отклонениями, приобретающими со временем традиционный, связанный с данным именем облик. Например: *Paris – Париж; Москва – Moscou*.

Единицы второй группы обладают определенным содержанием, которое дает возможность осуществить их перевод. Однако среди них намечаются имена, которые по традиции только транскрибируются. К ним относятся названия периодических изданий, органов печати и т. п. (*исп.* «Эль Паус», *фр.* «Ле Фигаро», *греч.* «Элефтерос типос» и др.). «Не меняют своего оригинального звучания даже совсем близкие к переводному названия: болг. “Литературен фронт” при переводе на русский не должен превращаться в “Литературный фронт”: первое – название болгарской газеты, а второе – два слова, имеющих только нарицательное значение» [1, с. 213].

При переводе топонимов транскрипцией, слово утрачивает свое прагматическое значение. Чтобы не утратить значение полностью часто используется переводческий комментарий. Компенсация – способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

Материал нашего исследования – крымские топонимы керченского полуострова. В Большой российской энциклопедии находим следующую информацию: Керчь основана в 6 в. до н. э., именовалась Пантикапей. С начала 5 в. до н. э. и до конца 4 в. н. э. столица Боспорского государства. С 6 в. под властью Византии, при императоре Юстиниане I (527–565) началось строительство крепости, получившей название Боспор. В 10–11 вв. Керчь (древнерусское название Корчев, известно с 9 в.) входила в состав Тмутараканского княжества, играла важную роль в торговле Древнерусского государства с Крымом, Кавказом и средиземноморскими странами. В 1318 вошла в состав генуэзских колоний в Северном

Причерноморье (именовалась Черкио и Воспоро). После 1475 опорный пункт турецкого господства в Крыму.

Ранее город часто переименовывался, вот самые яркие примеры: ираноязычное имя «*Пантиканей*», что значило «рыбный путь»; греческое имя «*Боспор*», что в переводе значит «переправа быка»; гуннское «*Кареон*», которое можно связать с переправой; хазарское *К-р-х*, *К-р-ч*, что значило «по ту сторону». Интересно отметить, что название «*Боспор*» тесно связано с «мифом о похищении Европы, когда влюбленный Зевс, превратившись в белого быка, переправил ее на Крит, где она родила ему трех сыновей. Этим мифом греки объяснили существование границы между Европой и Азией. Не случайно при греках проливы именовались Боспор Фракийский и Боспор Киммерийский, т.е. водные границы, разделяющие Европу и Азию» [4, с.7]. Можно сделать вывод, что все названия города были связаны с Керченским проливом – коротким путем из Европы в Азию и большим количеством курганов и холмов на Керченском полуострове.

Современное имя города (*Керчь*) имеет смешанное тюркско-греческое происхождение. На наш взгляд при переводе лучше использовать транскрипцию «*Kertch*». При необходимости можно дать этимологическое объяснение данного топонима «*ville des collines, des tombelles*» (*город холмов и курганов*).

Перевод ранее существовавших названий города:

Пантиканей – «*Pantikarée*». Переводческий комментарий: «*voie poissonneuse*» (рыбный путь).

Боспор – «*Bosphor*». Переводческий комментарий: «*passage du taureau*» (переправа быка). *On associe souvent ce toponyme au myth de l'enlèvement d'Europe.* (Часто, данный топоним связывают с «мифом о похищении Европы»).

Рассмотрим следующий топоним – *Капканы* (микрорайон Керчи, в прошлом – отдельное село). Исследователь В. Ф. Санжаровец пишет: «Капканы при первом приближении не вызывает сомнения в том, что у этих берегов были проблемы у мореплавателей, садившихся на мель, т.е., образно говоря, попадавших в “капкан”. В действительности, все обстоит совершенно иначе и к морю никакого отношения не имеет. Первоначально топоним выглядел как “Копкана”, затем “Копканы”, и только в последующем приобрел современную форму. Первоначальный вариант означает на местном степном диалекте крымских татар «много отдельно стоящих домов (дворов). И действительно, селение возникло на месте нескольких хуторских хозяйств» [5, с.4]. На французский язык переводим транскрипцией: «*Карканы*». Объяснение: «*beaucoup de maisons isolées en un terriroire*».

Мыс *Фонарь* является восточной оконечностью Крымского полуострова. В XVIIIв. именовался Яна-Бурны, возможно, по крепости Еникале (Яни-кале, тур. Яни – «молодой, новый»; Бурну, Бурун – «нос, мыс»). По сведениям Э. Кларка еникальские греки называли это место

«Фанари», «Фанарий Митридат», а русские – «Фанарь», поскольку там сохранился фундамент маяка, как считалось, митридатовских времен. В начале XIX в. на картах появляется современное название мыса, на нем устанавливается в 1820 г. Еникальский маяк. Отсюда встречающийся в литературе топоним: «м. Еникальского маяка». На французский переводим транскрипцией: сар «**Fonar**». Этимологическая справка: *on croyait que sur ce cap s'était trouvé un embasement d'un phare de l'époque de Mithridate*.

Мыс **Еникале**. Эвлий Челиби (XVII в.) называет его Килиседжик («церквушка» с тур. яз.). Так именовалась существовавшая со времен генуэзцев небольшая крепость, разрушенная запорожцами в 1631 г. В русских лоциях мыс получил название «Еникале» по турецкой крепости, построенной в начале XVIII в. В разных источниках XX в. он фигурирует под названием: «Опасный» (по бывшему крепостному предместью, получившему свое имя из-за уязвимости при набегах черкесов), а также Синягина или Синягинский (по искаженному ойкониму Сипягино, существовавшему в 1948–90 гг.). Но в лоциях и на картах это, по-прежнему, мыс Еникале. В 1953 г. были попытки переименовать его в м. Керченский. На французский переводим транскрипцией: сар «**Yénikalé**». Переводческий комментарий: *la forteresse turque située aux alentours*.

Село **Курортное** или «**Мамá Русская**». «Основанная русскими переселенцами, старообрядцами с Поволжья, деревня получила то же наименование, что и существовавшая неподалеку татарская. Мамá Русская стали называть новое поселение в отличие от Мамы Татарской. По мнению специалистов Мамá – это антропоним. Название подобного рода является очень редким в Крыму» [5, с. 227]. На французский переводим с помощью транскрипции: village «**Kourortnoé**» (l'ancien nom – **Mamá Russe**).

Для осуществления грамотного перевода, помимо владения языками, требуется и широкая переводческая культура. Переводчикам необходимо тщательнее присматриваться к именам собственным. Полезно также помнить, что, например, топонимы с течением времени меняются. Топонимы Керченского полуострова не являются исключением, в приведенных примерах наглядно была продемонстрирована эта динамика. При переводе топонимов на французский язык предпочтительнее использовать транслитерацию, не забывая об особенностях французской фонетики. Также, немаловажным является и переводческий комментарий, который позволит читателю понять этимологию термина, причины его возникновения.

Список использованных источников

1. Влахов С. И. Непере译имое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
3. Ярцева В. Н. Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов.Энциклопедия, 1990. 685 с.

4. Иваненко П. И., Иванина О. А. Керчь: история имени (этимологический очерк). Керчь: РИФ «Боспор», 1996. 17 с.
5. Санжаровец В. Ф. О происхождении названий некоторых рыбных промыслов и рыбацких селений керченского полуострова // Соціально-економічні, соціально-педагогічні та соціально-психологічні проблеми морської освіти. Керчь, Мелитополь, 2012. С. 225–232.

УДК 81'25:002:811.111-161.1

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

А. Н. Злобин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода, Факультет иностранных языков, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск

А. Н. Гужева,

студентка второго курса магистратуры кафедры теории речи и перевода, Факультет иностранных языков, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск

Аннотация. В статье дается сравнительная транслатологическая характеристика переведенных на английский язык личных документов с их аналогами, выданными на территории США. В данной статье анализируется специфика документов физических лиц релевантная в сфере деятельности социального переводчика. Использовались методы сравнения, анализа, синтез. Материалом для него послужила выборка наиболее востребованных в нем документов физических лиц на русском и английском языках. Результаты исследования показали наличие существенных различий в документах физических лиц, выданных в России и США. Можно сделать вывод, что технология перевода нуждается в оптимизации в связи с задачами, поставленными перед переводчиком документов физических лиц.

Ключевые слова: личные документы, свидетельство о рождении, свидетельство о браке.

Summary. The article demonstrates comparative translational characteristics of the proposed translated documents and documents obtained in the territory of the United States. This article analyzes the specifics of documents of individuals relevant in the field of social translator. Methods of comparison, analysis, synthesis were used. The material for it was a sample of the most popular documents of individuals in Russian and English. The results of the research showed that there are significant differences in the documents of individuals issued in Russia and the United States. It can be concluded that the technology of translation needs to be optimized in connection with the tasks assigned to the translator of documents of individuals.

Keywords: personal documents, certificate of birth, marriage certificate.

Документы физических лиц – это личная документация, например, паспорт, трудовой книжки, свидетельства о заключении брака,

свидетельства о расторжении брака, свидетельства о рождении, свидетельства о смерти, брачного договора, согласия на выезд несовершеннолетнего ребенка и т.д. [4].

Перевод ЛД физических лиц является относительно новым видом перевода. Вместе с тем уже имеется его транслатологическая характеристика, согласно которой «тексты подобных документов, как правило, переводятся по готовой модели, поскольку при переводе преобладают однозначные эквиваленты и однозначные трансформации» [1]. Как правило, личные документы физических лиц предлагается переводить, используя готовую модель как совокупность действий, предпринимаемых по строго определенным правилам, которая после последовательного их выполнения приводит к решению поставленной задачи [5].

Аналоговые документы в ПЯ, ср.: аналог – подобие, равенство отношений; сходство предметов (явлений и процессов) в каких-либо свойствах, то они, безусловно, есть, хотя самое важное – степень их сходства с исходными документами в ИЯ, к сожалению, не указывается. Аналог – это «перевод (результат перевода) по аналогии посредством выбора, одного из нескольких синонимов», в нашем случае выбор одного из аналоговых (схожих по форме) документов, существующих в языке перевода. Но если аналоговый текст отсутствует, доминантами перевода являются языковые средства канцелярской разновидности письменного литературного языка, а именно аналоговые языковые средства канцелярской разновидности письменного литературного языка [1].

Подробный анализ состава реквизитов аналоговых документов в ПЯ позволяет представить их содержание (внутреннюю структуру) также как многоаспектное знание концептуально-сложного матричного формата (рис.1).

При определении степени сходства между исходными документами в ИЯ и аналоговыми документами в ПЯ учитывается соотношение их заголовочных, содержательных и оформляющих частей. Такие соотношения могут иметь разную степень сходства. Степень сходства между исходными документами в ИЯ и аналоговыми документами в ПЯ по соотношению их заголовочных частей может быть представлена следующим образом: явные, неявные аналогии и псевдоаналогии по заголовочной части [2].

Перейдем непосредственно к сравнительному анализу ЛД «Свидетельство о рождении» и «Свидетельство о браке» и их аналогов, выданных в США.

«Свидетельство о рождении» – это свидетельство о государственной регистрации акта гражданского состояния – факта рождения ребенка. «Свидетельство о рождении» является основным и единственным документом до момента достижения ребенком возраста, когда выдается общегражданский паспорт. Этот документ содержит следующие

важнейшие для будущей жизни человека реквизиты: заголовочный раздел, содержательный раздел: ФИО ребенка, место и дата рождения; ФИО и гражданство отца; ФИО и гражданство матери; место регистрации.

Рис. 1 Частная когнитивная матрица «Содержание аналогового документа физического лица в ПЯ» [2].

Для установления транслатологических особенностей ЛД физических лиц были взяты исходный документ РФ и его аналог в США (рис.2, рис.3).

Анализ выборки документов выявил расхождение в передаче Ф.И.О. В содержательной части ЛД 1 мы видим разделение фамилии от имени отчества отдельной строкой, в ЛД 2 Ф.И.О. идет полностью одной строкой. Затем идет дата рождения. В ЛД 2 далее идет пол, информация о количестве детей (близнецы и т.п.), и только потом дата и время рождения. Следующий реквизит ЛД 1 и ЛД 2 – место рождения. В американском варианте к этому добавляется клиника, в которой родился ребенок. Далее в свидетельстве США идет адрес матери. Еще один реквизит ЛД 1 и ЛД 2 – это информация о родителях, а именно Ф.И.О., национальность (в российском варианте) и раса (в американском варианте). В американском варианте добавляется информация о возрасте, месте рождения, сфере занятости родителей.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНИИ**

Можникова
Ульяна Сергеевна
родилась(лась) 27/08/2010
двадцать седьмого августа
две тысячи десятого года
г.Тихвин
Ленинградская область
Россия

О чем 2010 года октября месяца 21 числа
составлена запись акта о рождении №63

Отец: Можииков
Сергей Николаевич
гражданин России
русский

Мать: Жаплова
Яна Андреевна
гражданка России
русский

Место государственной регистрации: Отдел ЗАГС администрации МО
Тихвинский муниципальный район Ленинградской области

Дата выдачи: 21 октября 2010

И-ВО № 734162

Рис. 2 – свидетельство о рождении (ЛД1).

STATE OF HAWAII DEPARTMENT OF HEALTH
CERTIFICATE OF LIVE BIRTH FILE NUMBER 151 61. 10641

1a. Child's First Name (Type or print) BARACK 1b. Middle Name HUSSEIN 1c. Last Name OBAMA, II

2. Sex Male 3. This Birth Single Twin Triplet 4. If Twin or Triplet, Was Child Born 1st 2nd 3rd 5a. Birth Date August 4, 1961 5b. Hour 7:24 P.M.

6a. Place of Birth: City, Town or Rural Location Honolulu 6b. Island Oahu

6c. Name of Hospital or Institution (If not in hospital or institution, give street address) Kapiolani Maternity & Gynecological Hospital 6d. Is Place of Birth Inside City or Town Limits? Yes No

7a. Usual Residence of Mother: City, Town or Rural Location Honolulu 7b. Island Oahu 7c. County and State or Foreign Country Honolulu, Hawaii

7d. Street Address 6085 Kalaniana'ole Highway 7e. Is Residence Inside City or Town Limits? Yes No

7f. Mother's Mailing Address 7g. Is Residence on a Farm or Plantation? Yes No

8. Full Name of Father LEE "SCRAPPY" GILLENTEINE 9. Race of Father African

10. Age of Father 25 11. Birthplace (Island, State or Foreign Country) Kenya, East Africa 12a. Usual Occupation Student 12b. Kind of Business or Industry University

13. Full Maiden Name of Mother KESHA 14. Race of Mother Caucasian

15. Age of Mother 18 16. Birthplace (Island, State or Foreign Country) Wichita, Kansas 17a. Type of Occupation Outside Home During Pregnancy None 17b. Date Last Worked

I certify that the above stated information is true and correct to the best of my knowledge.

18a. Signature of Parent or Other Informant [Signature] 18b. Date of Signature 8-7-61

19a. Signature of Attendant [Signature] 19b. Date of Signature 8-8-61

20. Date Accepted by Local Reg. AUG - 8 1961 21. Signature of Local Registrar [Signature] 22. Date Accepted by Reg. General AUG - 8 1961

23. Evidence for Delayed Filing or Alteration

Рис. 3 – аналоговый документ «Certificate of life birth» (ЛД 2).

В ЛД 1 следующим пунктом идет оформительская часть, а именно: место регистрации и дата выдачи свидетельства. В ЛД 2 – подпись родителя, подпись сопутствующего лица и регистрационного работника.

Рассмотрим следующий документ – «Свидетельство о заключении брака». В некоторых странах, особенно в Соединенных Штатах, свидетельство о заключении брака является официальным документом о том, что два человека прошли церемонию бракосочетания, включая те страны, где не существует разрешения на брак [4].

/ Coat of arms of the Russian Federation /

DUPLICATE

CERTIFICATE OF MARRIAGE

Alexander
Alexander Alexandrovich
citizen of Russia

born on October 10, 2010
date of birth

Moscow

and

Alexandrova
Alexandra Alexandrovna
citizen of Russia

born on October 10, 2010
date of birth

Moscow

contracted marriage on October 10, 2010
(month, day and year)
the tenth day of October
two thousand and ten

whereby the marriage record No. 0000
was made on October 20, 2010

Upon contracting marriage the following sum was assigned:
to the husband Alexandrov
to the wife Alexandrova

Officially registered at Tsaritsyno Civil Registry Office
of the Moscow Civil Registry Department
(name of the civil registry office)

Date of issue: October 20, 2010

Head of the Civil Registry Office: I. I. Ivanova

/ Stamp: Passport No. 4507365223 was issued on 06/07/2005 / Signet: V-MIO No. 000000 / Stamp: Passport No. 4507365223 was issued on 06/07/2005 / Signet:

/ Official seal: Moscow Government; Moscow Civil Registry Department; Tsaritsyno Civil Registry Office; Principal State Registration No. (OGRN) 5037739512659; Taxpayer Identification No. (INN) 7704111479; All-Russian Classifier of Enterprises and Organizations (OKPO) code 04001367/

Рис. 4 – свидетельство о браке (перевод).

State of Nevada
Marriage Certificate
No. 20110912000624530

This is to certify that the undersigned, REV. ANTHONY R. MAYBERRY
did on the 13th day of SEPTEMBER, 2011
at The Little White Wedding Chapel, Las Vegas, Nevada,
join in lawful wedlock ALEXEY ALEKSANDROVICH GLAZUNOV
of ST PETERSBURG, State/Country of RUSSIA
and MARIA ALEKSANDROVNA GRINKO
of ST PETERSBURG, State/Country of RUSSIA
with their mutual consent, in the presence of Diana Alba
Diana Alba, County Clerk

REV. ANTHONY R. MAYBERRY
8013 SAFARI LANE
LAS VEGAS, NV 89129

UNITED STATES OF AMERICA
COUNTY OF CLARK
STATE OF NEVADA

Рис. 5 – свидетельство о браке (оригинал)

В оригинальном свидетельстве о браке заголовочная часть дана как «Marriage Certificate», тогда как в переведенном варианте использовано другое словосочетание – «Certificate of marriage». Далее в оригинале идет содержательный раздел: имя и должность работника, зарегистрировавшего брак. Далее идет дата и место бракосочетания. После информация о брачующихся: страна и город Ф.И.О. жениха, а также невесты. Американский аналог имеет несколько иную форму. Изначально идет информация о женихе и невесте: ФИО жениха, гражданство, дата бракосочетания, место проживания; ФИО невесты, гражданство, дата

регистрации брака, город. Далее оформительская часть: дата бракосочетания, номер свидетельства о браке, дата выдачи свидетельства, информация о фамилиях жениха и невесты после бракосочетания, место регистрации.

Результаты проведенного сравнительного анализа обобщены и представлены в следующей таблице:

Таблица 1 – Сравнительный анализ личного документа

ЛД 1/ реквизиты	ЛД 2/ реквизиты	Сходства	Различия
Ф.И.О.	Ф.И.О.	+	-
Дата рождения	1.Пол 2.Дата рождения		-
1.Место рождения 2.Передача реалий	Наименование больницы		-
Родители	1.Адрес матери 2. Родители	+	-
Место регистрации	Место регистрации	+	
Дата выдачи	Дата выдачи	+	

Из данных таблицы 1 мы можем сделать следующие выводы: в обоих свидетельствах о рождении имеются данные о ребенке (полное имя, дата рождения). Информация о поле ребенка есть только в американском формате. Также данные о родителях (их национальность указывается только в российском варианте). В американском варианте добавляется количество детей, рожденных вместе (близнецы и т.п.) адрес матери, адрес больницы. В обоих свидетельствах есть дата выдачи и место регистрации.

В заключение отметим, что перевод документов – это весьма сложная переводческая работа. По сравнению с другими видами письменного перевода, в переводе личных документов не так велико значение стиля изложения и глубокой тематической специализации переводчика [3]. Результаты исследования показали наличие существенных различий в документах физических лиц, выданных в России и США. Можно сделать вывод, что технология перевода нуждается в оптимизации в связи с задачами, поставленными перед переводчиком документов физических лиц [7].

Список использованных источников.

1. Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика. СПб.: Изд-во «Союз», 2001. 288 с.
2. Злобин А.Н. Перевод в когнитивном формате знания: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 152 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
4. Руководство по переводу текстов социальных наук (РПТСН) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.acls.org/sstp_guide_rus.pdf.
5. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.

6. Соснина Е. П. Параллельные корпуса в обучении языку и переводу. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/>.
7. Злобин А.Н. Когнитивное форматирование аналоговых документов физических лиц в языке перевода // Гуманитарные и юридические исследования: Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, 2017. С. 179–185.

УДК 811.12

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ
АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

В. В. Гузикова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург*

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям перевода английских фразеологизмов, в семантике которых имеются национально-культурные компоненты. Идиомы и фразеологизмы представляют наибольшую сложность для переводчика особенно при переводе художественных текстов. Автор обращает должное внимание на методы и приемы перевода фразеологических единиц, содержащих национально-культурную специфику. В результате исследования были рассмотрены фразеологический и нефразеологический методы перевода. В заключении сделан вывод, что переводчик всегда сталкивается с проблемой выбора вида перевода, с целью сохранения значения, национального колорита и своеобразия такого рода фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, семантика, национально-культурные компоненты, методы перевода, калька, эквивалент, аналог, контекстуальный перевод, художественный текст, межкультурная коммуникация.

Summary. The given article is devoted to the peculiarities of the translation of English phraseological units, in the semantics of which there are national and cultural components. Idioms and phraseological units represent the greatest difficulty for an interpreter, especially when translating literary texts. The author pays due attention to the methods and techniques of translating phraseological units containing national and cultural specificity. As a result of the study, the phraseological and non-phraseological methods of translation were considered. In conclusion, it is said that the translator always faces the problem of choosing the type of translation, in order to preserve the meaning, national color and originality of this kind of phraseological units.

Key words: phraseological unit, idiom, semantics, national and cultural components, methods of translation, loan translation, equivalent, analog, contextual translation, literary text, cross-cultural communication.

Лексическая система любого языка обладает своей спецификой и уникальностью. Именно фразеологизмы являются хранителями мудрости и национально-культурного достояния народа. Каждая идиома и фразеологическая единица характеризуется своей образно-экспрессивной наполняемостью и содержит в себе огромное количество информационного материала.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) часто называют своеобразными «микротекстами», поскольку они аккумулируют в себе разного рода информацию о происходящих событиях. Многие авторы часто обращаются к ФЕ, так как они являются основными стилистическими инструментами, которые придают выразительность и красочное оформление речи. Проведение анализа фразеологического материала представляет большое значение для лингвострановедения и межкультурной коммуникации. Известные лингвисты Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров указывают на то, что «целый ряд фразеологизмов содержат в своей семантике национально-культурный компонент – или синхронно, с позиций современного языкового сознания, или диахронно, т.е. только по причине сопряженности с национальной культурой словосочетания-прототипа» [1, с. 88].

Национально-культурную специфику можно исследовать, используя различные источники информации: художественные тексты, публицистические материалы, а также ситуации устного общения. ФЕ представляют важный источник и ценный материал для данного анализа. Обращение к фразеологическому фонду в художественных произведениях интересно и оправданно, поскольку рассматриваемые средства языка обладают целым рядом необычных и уникальных черт, которые делают их бесценными выразителями национально-культурных и коммуникативных традиций различных народов. Исконно английские фразеологизмы имеют связь с традициями, обычаями и поверьями английской нации, включая реалии, предания, факты исторического прошлого страны.

1. Фразеологизмы, отражающие традиции и обычаи англичан, например: *baker's dozen* – чертова дюжина (по старинному английскому обычаю, торговцы хлебом получали от булочников тринадцать хлебов вместо двенадцати, причем тринадцатый шел в счет дохода торговцев); *good wine needs no bush* – «хорошее вино не нуждается в ярлыке»; (по старинному обычаю, трактирщики вывешивали ветки плюща в знак того, что в продаже имеется вино); *beat (или thump) the (big) drum(s)* – «трубить (о чём-л.), шумно рекламировать, раздувать (что-л.).

С. Моэм часто использует фразеологизмы в своей прозе. Обратимся к некоторым фрагментам из его произведений: «He blew the penny trumpets of English purity, and the tin whistles of the British Empire, and he *beat the big drum of the great Anglo-Saxon race*» (W. S. Maugham, Mrs. Craddock, Ch. XXV). – Он **занимался дешевым хвастовством** английской непорочности,

восхвалял Британскую империю и вообще шумно отзывался о великой англо-саксонской расе (С. Моэм, «Миссис Крэддок», гл. XXV).

A feather in one's cap – «предмет гордости; достижение; заслуга» (выражение возникло в связи со старым обычаем воинов носить столько перьев в головном уборе, сколько убито врагов): «If I make a success of it, it'll be, well, rather *a feather in my cap*» (W. S. Maugham, 'Up at the Villa', Ch. I). – Если мне будет сопутствовать успех, что ж, я, наконец, **добьюсь славы** (С. Моэм, «Вилла на холме», гл. 1, пер. А.И. Кудрявицкого).

2. Фразеологизмы, имеющие связь с английскими реалиями, например: *(as) pleased as Punch* – «довольный как Панч» (Панч – уличный кукольный персонаж в Англии) «Of course he pretends it means nothing to him, but he's *as pleased as Punch* really. And you know, it's nice for all of us» (W. S. Maugham, Christmas Holiday, Ch. X). – Он, конечно, притворяется, что его это мало трогает, а сам **рад-радешенек**. И знаешь, это и всем нам приятно (С. Моэм, «Рождественские каникулы», гл. X, пер. Р. Облонской),

3. ФЕ, содержащие личные имена: *Jack of all trades and master of none* – за все братья и ничего толком не уметь; *a Roland for an (wlu smb's) Oliver* – достойный ответ (рыцарь-крестоносец Роланд и его товарищ Оливер – герои французского средневекового эпоса): «I had to bite my lip to prevent myself from laughter. What he said had a hateful truth in it, and another defect of my character is that I enjoy the company of those however depraved who can give me *a Roland for my Oliver*» (W. S. Maugham, the Moon and Sixpence, Ch. XL). – Я закусил губу, чтобы не расхохотаться. Стрикленд высказал роковую истину. Еще одним недостатком моего характера является то, что мне нравятся люди пусть дурные, но **которые за словом в карман не лезут**. (С. Моэм, 'Луна и грош', гл. XL, пер А. Кунина) [5, с. 639].

В процессе перевода английской ФЕ в художественном тексте переводчик должен передать смысл того или иного фразеологизма, показать его образную составляющую, подобрав аналог в русском языке с учетом стилистической функции устойчивого выражения. Часто переводчику приходится обращаться к поиску «приблизительного соответствия» [4, с. 51]. Хороший уровень владения рецептивным знанием фразеологического материала также важен в тех случаях, когда нужно уметь восстановить ФЕ, которые подверглись «авторской трансформации» [2, с. 74], и суметь отразить в переводе необходимый эффект.

Неудивительно, что многие лингвисты рассматривают фразеологизмы и идиомы в качестве национально специфических языковых единиц [3, с. 47]. Переводчик-профессионал В. Н. Крупнов указывает на сложные задачи, с которыми приходится сталкиваться при переводе фразеологизмов, а именно: чрезвычайно важно продемонстрировать образность устойчивого оборота, постараться подобрать аналог среди русских изречений, учитывая специфику текста перевода, а также намерение отправителя речи [6, с.121].

Необразные ФЕ переводчик может передать следующими способами:
1) однословно, например, *to drop a hint* – намекнуть: «*I'll just drop a hint not to be surprised at anything she sees and keep mum*». (H. G. Wells 'Meanwhile', book II, Ch. 18). – Я **намекну** ей, чтобы она не удивлялась тому, что ей придется увидеть, и держала язык за зубами.

2) с использованием фразеологизма-эквивалента, например: *to flash across smb's mind* – внезапно прийти в голову: «*The mad idea flashed across my mind that I might ask Maggie to come and be my house-keeper*». (I. Murdock, 'The Italian Girl', Ch. XIII) – Мне **в голову пришла безумная мысль** попросить Мэгги вести мое хозяйство.

Иногда ФЕ является непередаваемой, поскольку у нее нет ни эквивалентов, ни вариантов в языке перевод. В этом случае такая устойчивая единица должна быть передана с помощью нефразеологических средств. Нефразеологические средства не способствуют передаче образности, экспрессивности, коннотаций или афористичности и т.д. в полной мере, даже прибегая к использованию некоторых возможностей компенсаций с учетом определенного контекста. Например: *to cut smb. dead* – игнорировать кого-л.: «*He cut me dead, but nodded civilly enough to my companion*». (D. du Maurier, 'The Flight of the Falcon', Ch. 13) – Брат **сделал вид, что не узнал меня**, но вежливо поклонился моей спутнице.

Иногда переводчики прибегают к калькированию ФЕ, т.е. происходит передача их в дословном виде. Такое может иметь место, когда в русском языке не находится подходящих эквивалентных или аналоговых выражений. Необходимо заметить, что рассматриваемый способ возможен только тогда, когда образность, заложенная в основу фразеологизма-оригинала, вполне ясна и понятна, например: *cold comfort* – слабое утешение: «*But it was cold comfort to know that the desire to give and to receive love had twice over left her – a dead woman*». (J. Galsworthy, 'The Patrician', part II, Ch. VIII) – Но **слабое** это было **утешение** – сознавать, что желание любить и быть любимой дважды разбило ее жизнь.

Довольно часто переводчик использует калькирование в том случае, когда в русском языке существует эквивалент с подобным значением, но его применение при переводе мешало бы сохранению национально-культурного колорита и привело бы к явной русификации текста художественного произведения, к примеру: *Rome was not built in a day* (ср.: Москва не сразу строилась). Безусловно, использовать всем известную поговорку при переводе англоязычной прозы было бы некорректно. Обратимся к фрагменту английского оригинала: «*Well, if everyone knows it's wrong, why don't they do something about it, then?* – said Sheila sullenly. 'My dear ... *Rome was not built in a day*» (M. Dickens, 'The Fancy', Ch. VIII) – Но если все знают, что это несправедливо, то почему же не борются с несправедливостью? – мрачно спросила Шейла. – Моя дорогая... **Рим строился не один день.**

Количество ФЕ, в основе которых заложен образ, совпадающих по смысловой и образной составляющей, насчитывается не так много. Во многих случаях переводчику приходится подбирать фразеологический оборот, который является аналогом оригинала в смысловом плане, но отличающийся по образу. Рассмотрим несколько ФЕ со значением «спать крепким сном». Наряду с выражением «спать без задних ног» можно выделить во фразеологических фондах других народов синонимы-метафоры, содержащие иную образную основу: у англичан это «бревно» – *to sleep like a log* (спать как бревно); у французов «камень» – *dormer comme une pierre* (спать как камень); у немцев «сурок» – *wie ein Murmeltier schlafen* (спать как сурок), у русских «убитый» – спать как убитый [7, с. 123]. Переводчик должен осознать при переводе, какую лексическую часть стоит переводить, а какую необходимо передать другими словами.

При отсутствии у фразеологизма аналога в русском языке возможно применение описательного перевода, иначе говоря, передать общий смысл устойчивого выражения посредством свободного сочетания лексических единиц. Например: *King Log* – ‘король Чурбан’, человек пассивный, не умеющий использовать представившиеся возможности; *Black Maria* – ‘черная Мария’, тюремный фургон.

Нефразеологический перевод фразеологизмов можно объяснить лингвоэтническими особенностями иноязычных ФЕ. Известно, что в английском языке в отличие от русского довольно часто семантическая основа фразеологизма содержит существительные с обозначением частей тела, а также имена прилагательные, которые обозначают цветовые оттенки, ср.: *cold feet* – трусость, неуверенность; *green thumb* – садоводческое искусство; *black looks* – злые взгляды.

Итак, перевод ФЕ играет значительную роль в литературном дискурсе. ФЕ с национально-культурной спецификой следует адаптировать к культуре, на язык которой осуществляется перевод: *to find a Jill* – завести себе подругу. Часто в английской фразеологии мы встречаем лексему рыба «карп», однако в русской идиоматике она не встречается, к примеру: *the marriage of a carp and of a hare* – женитьба рака и щуки. В общем, нужно и важно учитывать контекст и знания национально-культурной специфики функционирования данного лексического пласта в языках, которые вступают в контакт при переводе. Что касается вопроса о выборе подходящего способа или приема при переводе ФЕ с национально-культурной семантикой, многое будет зависеть от задачи, стоящей перед переводчиком: постараться не утратить колоритную образность устойчивого выражения с некоторым семантическим ущербом либо передать смысл реалии (при условии, что он не известен), утратив при этом свою специфику.

Список использованных источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания, 1997, № 6. С. 37–48.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
5. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / Лит. Ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
6. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. М.: ИМО, 1976. 190 с.
7. Многоязычный словарь современной фразеологии / под ред. Д. Пуччо. М.: ФЛИНТА, 2012. 432 с.

УДК 81'25

**ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА
СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА «АНЧАР»
И ЕЕ ВОССОЗДАНИЕ В УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ****В. И. Гуменюк,**

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (СП) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается одно из самых известных стихотворений Александра Пушкина, подчеркивается многогранность его жанрово-стилевой структуры, выделяются такие ее существенные черты как важная роль эпических элементов в лирическом изложении, образная конкретика и экспрессивность, притчевый лаконизм, сюжетная динамика. Анализ переводов этого произведения, принадлежащих поэтам Павлу Филиповичу и Леониду Гребинке, дает возможность говорить об адекватном воссоздании в украинских версиях художественного мира оригинала.

Ключевые слова: Александр Пушкин, «Анчар», жанрово-стилевая специфика, Павло Филипович, Леонид Гребинка, переводческие стратегии.

Summary. The author of the article investigates one of the most famous poems by Alexander Pushkin – “Anchar”. He stresses the richness of its genre and style structure, pays attention to such features as important role of epic elements in lyric narration, reality and expression of images, parable laconism. The analysis of translations of this work, which belongs to Pavlo Fylypovych and Leonid Hrebinka, gives a possibility to say about the adequate recreation of Pushkin’s figurative world in Ukrainian versions of original text.

Key words: Alexander Pushkin, “Anchar”, genre and style peculiarities, Pavlo Fylypovych, Leonid Hrebinka, strategies of translation.

«Анчар» принадлежит к наиболее популярным стихотворениям Александра Пушкина и в тоже время к его самым совершенным поэтическим творениям. Это образец философской лирики, в котором за отстраненной медитативностью, эпической размеренностью и объективностью выразительно проступает страстная публицистичность, эмоциональная насыщенность. Такие, на первый взгляд, противоположные стилевые черты гармонизируются благодаря глубинной романтической символике, предстающей на почве своеобразной живописности, отмеченной образной четкостью и лаконизмом, неотделимой от сюжетной динамики, композиционной стройности. Примечательно, что это произведение появилось после довольно просторного цикла «Подражание Корану» (1824), ряда стихотворений, в которых явственно ощущаются библейские мотивы (наиболее характерное среди них – «Пророк», 1826). Философичность, притчевый лаконизм, яркая образность, достигающая граней символики – эти стилевые особенности религиозных книг своеобразно отозвались в поэтических произведениях А. Пушкина, а в стихотворении «Анчар» приобрели особую кристаллизацию. Несомненно, что одним из импульсов создания этого стихотворения могла быть и современная поэту политическая ситуация, в частности, последствия подавления декабристского движения. Такое предположение подтверждается и употреблением в итоговой строфе слова «царь». Но, как вполне резонно отмечают исследователи, напрасно здесь выискивать какую-то аллегорическую прямолинейность [2, с. 118]. Художественная сущность стихотворения характеризуется, прежде всего, его глубинной символичностью.

Стихотворение состоит из двух основных частей. В первой на фоне скупого, пустынного и вследствие этого особо величественного, торжественно-таинственного пейзажа, представляющего воплощением непостижимого всемирного безбрежья (что и подчеркивается словом «вселенная»), обрисовано мертвенное дерево – анчар. Представлено и непосредственно – с помощью красноречивых сравнений («как грозный часовой»), живописных штрихов («Яд каплет сквозь его кору...»), и опосредованно – с помощью констатации последствий его взаимодействия с окружающей средой. Это дерево является выразительным центром отображаемого пейзажа, как бы перенимая на себя его грандиозные измерения, становясь средоточием вселенского зла. Природа, которая словно невзначай, может, вопреки каким-то невзгодам, но все же, наверное, неосмотрительно породила это дерево («в день гнева»), теперь сама же его чурается. В следующей части стихотворения просторность пейзажных картин сменяется более выразительной сюжетной динамикой, сопровождаемой также более напряженным темпоритмом. Она посвящена осмыслению взаимодействия с этим страшным деревом человека. И

решительный властелин, и ничтожный раб, который «послушно в путь потек», выступают равнозначными действующими лицами драмы распространения зла в мире, связанного с покушением на «чуждые пределы».

Украинские поэты не раз обращались к интерпретации пушкинского «Анчара». Один из переводов принадлежит перу поэта-неоклассика Павла Филиповича, в чьем переводческом наследии преобладают украинские версии произведений французской и русской лирики. «Анчар» в переводе П. Филиповича впервые появился в печати в 1927 году в украинском издании произведений Пушкина [3, с. 190]. Согласно переводческим принципам поэтов-неоклассиков перевод П. Филиповича максимально приближается к оригиналу во всех параметрах, прежде всего ритмико-интонационных и образных. Отличается также пристальным вниманием к особенностям авторской лексики. Все же это не препятствует свободному обращению с лексическими единицами в случае необходимости более четкой передачи не так буквы, как духа пушкинского слова, в частности, его своеобразной живописности и образной динамики.

Так уже в первой строке четкость эпитетов относительно пустыни («чахлой и скупой») в переводе приобретает большую абстрактность, обобщенность («вічнонеживій»). Этот употребленный П. Филиповичем сложный и несколько высокопарный эпитет все же дает нам выразительное представление о бесплодности пустыни, и в то же время он весьма созвучен упомянутой выше возвышенности, грандиозности пушкинского пейзажа. И все же такая введенная переводчиком с первой строки абстрактность, велеречивость таит в себе угрозу отдаления от пушкинской простоты, образной конкретики, которая не раскрывает непосредственно, а таинственно излучает поэтический пафос. Это более ощутимо проявляется в следующей строке перевода, где поразительная точность пушкинской фразы «На почве, зном раскаленной» заменяется несколько искусственной образной конструкцией – «Де спекою піски наліті».

Следует отметить, что незначительные отступления от пушкинской поэтики не являются в переводе П. Филиповича определяющими. Можно и дальше говорить, что иногда эпитеты переводчика несколько утрачивают экспрессию («спалених степів» вместо «жаждущих степей»), что неоклассическая безупречность, даже рафинированность литературного высказывания не всегда адекватно отображает вольную игривость пушкинской фразы («И тот послушно в путь потек» – «І раб умиць покiрно зник»)… Но, в общем, перевод передает и виртуозную простоту оригинала, и его живописную экспрессию, и глубинную символику, и интонационные перепады, и сюжетную динамику… Можно, к примеру, обратить внимание на строфу, в которой пейзажная панорама сменяется представлением центрального образа, так сказать, крупным планом:

*Отрута капає з кори
Від спеки денною порою,*

*Коли ж надходять вечори,
Стає прозорою смолою* [3, с. 139].

Здесь, как и в большинстве иных случаев, переводчик очень близок к автору, в частности, и легкостью, непринужденностью поэтического изложения. Обращает на себя внимание процитированная строфа перевода также лексической близостью к оригиналу. А вот не так букве, как духу авторской речи соответствует итоговая строфа, в которой экспрессивная лексика, сочетающаяся с упругостью высказывания, производит впечатление не лишённого глубокого печального раздумья ударного аккорда, вполне созвучного оригиналу:

*А цар узяв і напоїв
Отрутою слухняні стріли,
Щоб до чужих вони країв
Грозою згубною летіли* [3, с. 140].

Необходимо отметить также найденные П. Филиповичем удачные, к тому же весьма своеобразные соответствия отдельных слов и выражений оригиналу: «И мчится прочь уже тлетворный» – «...далі мчить / Погибельний і необорний»; «Непобедимого владыки» – «Неперетомного владыки»... Не переводя буквально эпитет последнего выражения, П. Филипович находит к нему собственный аналог, но не произвольно, а в созвучии с образным строем оригинала. «Неперетомність» («неутомимость») владыки четко контрастирует с очерченной перед этим смертельной усталостью несчастного раба.

Довольно широко обращался к творчеству А. Пушкина и самобытный поэт Леонид Гребинка, известный, прежде всего, как талантливый автор одного из украинских переводов шекспировского «Гамлета». Осуществленная Л. Гребинкой версия стихотворения «Анчар» (конец 30-х годов) не была опубликована при жизни автора перевода и появилась в печати сравнительно недавно [1]. Некоторые лексические совпадения, в частности, одинаковое в обоих переводах «владним оком» («властным взглядом»), да еще и рифмовка этого выражения с не совсем соответствующим авторскому «вернулся с ядом» – «вернувся з соком», свидетельствует, что Л. Гребинка, по всей видимости, был знаком с переводом П. Филиповича. Однако, в общем, его интерпретация отличается несомненной самобытностью. Перевод Л. Гребинки характеризуется несколько большей свободой в обращении с оригиналом, и вместе с тем несколько меньшей языковой огранкой, рафинированностью, что дает возможность, в отдельных случаях оригинал передавать более непосредственно. Это обуславливает как достоинства, так и некоторые недочеты перевода.

Вначале несколько замечаний по поводу, так сказать, сомнительных мест перевода. Пустыня «чахлая и скупая» (у Филиповича – «вічнонежива») у Гребінки – «блякла і заклята». Если с эпитетом «блякла» еще можно согласиться, то эпитет «заклята» более существенно разрушает четкую конкретику пушкинского выражения, чем несколько велеречивое «вічнонежива» Филиповича. К тому повторение в обоих употребленных

Гребинки эпитетах созвучия «ля» создает, как кажется, вовсе неуместную звукопись. Неприятно поражает последующий эпитет «тлетворний», можно сказать, чужеродный в ткани современного украинского языка («погибельный», употребленный П. Филиповичем намного удачнее). Перенесение из пушкинского примечания непосредственно в текст уточнения понятия «анчар» («древо яда») в переводе встречается дважды («древо смерти», «древо»). Такое дважды повторенное уточнение несколько снижает таинственную торжественность поэтической символики. К тому же архаичная форма «древо» хоть, может, и подчеркивает неординарность описываемого явления, в данном случае не совсем мотивирована в украинском тексте. Выражение «у закутку шатра» не дает возможности вполне ощутить присущий оригиналу контраст между мизерностью умирающего раба и величием могущественного властелина. Легкость течения стиха иногда ослабляется чрезмерным соседством согласных, как, например, в строке «І вмер нещасний раб край ніг».

Но опять же таки не эти сомнительные места определяют общий характер переклада, в котором преобладает прозрачность пушкинского стиля, четко уловлена и воссоздана своеобразная авторская живописность и медитативность. В качестве примера уместно процитировать перевод той же строфы, что и при рассмотрении версии П. Филиповича:

*Смертельний сік тече з кори,
Розтанувши в південну пору,
А в прохолоді вечори
Він стигне у смолу прозору [1, с. 345].*

Удачно передает четкость пушкинской образности перевод строки «На почве, зном раскаленной». У Л. Гребинки с этой строки начинается стихотворение – «Серед розпалених рівнин». Сохранена экспрессия выражения «Природа жаждущих степей» – «Пожерта спрагою земля». Это можно сказать и о передаче своеобразия пушкинской фразы в строке «І той слухняно в путь потік». Соответствующей оригиналу пластичной образностью, упругостью и четкостью высказывания характеризуется и перевод итоговой строфы:

*А трутою тією цар
Свої наситив стріли вірні,
І згубу й смерть поніс анчар
Сусідам в землі непокірні [3, с. 346].*

Несмотря на ощутимые в обеих рассмотренных версиях своеобразные стили поэтов-переводчиков (превалирование четкой ограниченности у П. Филиповича и большая экспрессивность высказывания у Л. Гребинки) каждому из них удалось плодотворно направить свою творческую самобытность на раскрытие многогранных поэтических особенностей оригинала.

Список использованных источников

1. Гребінка Л. Радість чорноземна : поезії, переклади. К.: Дніпро, 1990. 366с.
2. Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М. : Наука, 1981. 298 с.
3. Филипович П. Поезії. К. : Рад. письменник, 1989. 196 с.

УДК 656.11

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ
ПЕРЕВОДЧИКОВ НА СПЕЦСЕМИНАРАХ И КУРСАХ ПО ВЫБОРУ***Н. А. Давыдова,**кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. Цель статьи – поделиться опытом обучения практическим навыкам перевода в рамках спецсеминаров и курсов по выбору, предназначенных для будущих переводчиков, студентов разных курсов. Из статьи следует, что, в совокупности с другими формами обучения, эти занятия эффективно способствуют развитию профессиональных навыков

Ключевые слова: лингводидактика перевода, перевод кино/видео материалов, переводческие формулы, клише.

Summary. The article describes ways of teaching practical translation skills at seminars and elective courses aimed at students of different years of studying translation and interpreting techniques. Together with other forms of teaching, these classes make an effective contribution to the development of professional skills.

Key words: linguo-didactics of translation, audio-visual translation, translation formulae, clichés.

По мнению большинства специалистов в области переводоведения, сегодня более-менее ясно, чему и как учить будущих переводчиков. Тем более не вызывает споров необходимость совершенствования практических навыков перевода, и одной из продуктивных форм обучения в этом плане могут стать спецсеминары и курсы по выбору. Цель данной статьи – поделиться опытом, накопленным на протяжении нескольких лет преподавания.

Один из семинаров, на который могут записаться студенты третьего курса Отделения перевода и переводоведения в осеннем семестре (все аннотации вывешиваются заранее), называется «Лингвистические особенности перевода текстов СМИ». Основной упор делается на перевод газетных и журнальных информационных текстов, как письменный, так и устный – с листа. При письменном переводе ставится цель развития переводческих навыков, связанных с передачей клишированных средств языкового выражения и фразеологизмов, свойственных этому варианту

письменной литературной нормы. Также уделяется внимание различиям в эмоционально-оценочном фоне.

При переводе с листа обращается внимание на развитие таких умений и навыков, как использование готовых соответствий (клише и штампов); применение приёмов членения/объединения фраз; сохранение ритма и темпа говорения и т.д. Следует отметить, что многие преподаватели перевода считают нецелесообразным вводить задания по устному переводу раньше 4-го курса специалитета. Автор данной статьи не разделяет этого мнения, полагая, что формирование навыков устного перевода следует начинать значительно раньше, поскольку этот процесс требует большого количества времени.

Очень важен правильный подбор учебного материала. Опыт показывает, что преподаватель может достичь положительного эффекта в развитии практических навыков у студентов даже со слабой профессиональной подготовкой, каждый раз решая конкретные учебные задачи. Целесообразно также сочетать разные по объёму тексты.

В частности, начиная обучение переводу с листа, необходимо отрабатывать соответствующие навыки, чего, по понятным причинам, нельзя проводить на базе адаптированного газетного или журнального материала. Лучше всего использовать небольшие фрагменты из англоязычных газетно-информационных статей, состоящие из нескольких фраз. Такие текстовые фрагменты содержатся в учебном пособии А. Чужакина «Мир перевода-3 Practicum plus» [1], хорошо себя зарекомендовавшем на начальном этапе обучения переводу. Здесь же в формате *Check your knowledge exercises* приводятся несколько десятков клише на русском языке для перевода их на английский и проверки / самопроверки усвоенных знаний.

В целях углубления фоновых знаний студентов целесообразно не ограничиваться исключительно общественно-политической тематикой, а использовать наряду с этим тексты для специального перевода. В частности, в рамках данного спецсеминара практикуется подготовленный перевод текстов по медицине. Также студентам предлагается создавать тематические глоссарии часто встречающихся медицинских терминов, таких, например, как *strain* (штамм), *bird flu*, *swine fever*, *vaccine*, *haemoglobin*, *intestine*, etc.

В следующем семестре студентам 3-го курса предлагается записаться на семинар «Перевод текстов макроэкономической тематики». Обилие экономических моделей и терминов может представлять существенную трудность в процессе перевода соответствующих текстов. В рамках семинара различные аспекты экономической деятельности представлены в самом широком виде, что позволяет лучше ориентироваться в данной проблематике, а также освоить наиболее часто встречающуюся терминологию в таких сферах, как финансы и банковское дело, фондовые биржи, инвестиции и многое другое.

При необходимости значение непонятных терминов и понятий, которым они соответствуют, должны разъясняться. Практика показывает, что знания подавляющего большинства двадцатилетних юношей и девушек в сфере макроэкономики крайне невелики, и одной из экстралингвистических целей становится избавление от страха (особенно у женской части группы) перед этой мало знакомой для них тематикой и обретение некоторой уверенности в своих силах. Упор прежде всего на термины отличает этот семинар от предыдущего, хотя и здесь очень важно закрепить такие часто встречающиеся клише, как, например, *to rise 60%*, *to soar by 60%*, *to plunge to € 1.2 m*; *to make a bid of SFr 14.3 billion for Winterthur Group*, etc. Каждый преподаватель сам волен определять оптимальное количество изучаемых терминов, исходя из уровня подготовки студентов, а в качестве минимального по объёму – но ни в коем случае не примитивного – материала можно предложить соответствующие разделы всё того же пособия А. Чужакина, постепенно добавляя к нему статьи из *New York Times*, *Financial Times*, *The Economist* и других.

В ходе прохождения материала и формирования коммуникативной компетенции будущих переводчиков основной упор делается на письменный перевод с английского языка на русский, однако при желании возможен перевод в обратную сторону. Что касается развития навыков устного перевода, в рамках данной тематики оно несколько затруднено, так что отбор текстов для перевода на слух должен быть достаточно строгим, однако совсем отказываться от него нецелесообразно.

На 4-м курсе студентам предлагается ряд курсов по выбору, одним из которых является курс «Теория и практика киноперевода». Несмотря на то, что мнения экспертов в этой области, прежде всего теоретиков, расходятся по множеству вопросов, киноперевод (или кино/видео перевод) рассматривается подавляющим большинством из них как особый, симбиотический вид переводческой деятельности, разновидность художественного перевода, а сам кинотекст характеризуется сложным композиционным взаимодействием различных семиотических кодов.

В ходе изучения дисциплины некоторое внимание уделяется её теоретическим основам, в частности, таким основополагающим понятиям, как лингвистическая и нелингвистическая системы кинотекста и особенности передачи тех или иных элементов этих систем в переводе. Поскольку теория не является основной целью курса, материалы по истории и теории киноперевода заранее высылаются студентам для последующего обсуждения в аудитории.

На первом же занятии студенты знакомятся с актуальными проблемами перевода кино/видео материалов, такими как перевод названий фильмов, передача инвективной лексики, молодёжного сленга, юмора, игры слов и т.д. Через несколько недель начинается защита индивидуальных проектов по выбранной теме, причём даётся общая установка до минимума сократить всем известную теорию перевода тех или иных лексических

единиц и сконцентрироваться на примерах из англоязычных кинофильмов и их удачном или (чаще) неудачном официальном переводе. В подавляющем большинстве случаев в результате получаются креативные проекты, а отдельные примеры вызывают оживлённую дискуссию студенческой аудитории.

В ходе занятий по данному курсу преподаватель может посвятить некоторое время спонтанному переводу. По методическим задачам эта форма работы сродни переводу с листа. Лучше всего, по нашему мнению, для этого подходят документальные видовые фильмы с субтитрами, причём необязательно с английского языка на русский. К примеру, профессиональный интерес вызовет фильм, в котором нет субтитров, а дикторский текст звучит попеременно на английском и русском языке.

Перед началом демонстрации документального фильма студенты должны быть ознакомлены с лексическими единицами – прежде всего терминами, – которые могут затруднить перевод. Например, в фильме *Planet Earth* встречаются такие термины, как *tepuis* – тепуи (скалы причудливой формы), *invertebrate* – беспозвоночный, *mugger crocodile* – болотный крокодил, *crustacean* – ракообразное и т.д. Заранее вводятся и топонимы: *Angel Falls* – водопад Анхель, *East African Rift Valley* – Восточно-африканская рифтовая долина, *Iguassu Falls* – водопад Игуассу и пр.

Основное аудиторное время отдано подготовленному закадровому переводу художественного фильма, монтажный лист которого высылаётся всей группе заранее. Отобранный преподавателем фильм делится на фрагменты и демонстрируется в аудитории, и каждый студент сопровождает доставшийся ему фрагмент собственным односторонним переводом. При этом отдельные элементы русского текста могут вызвать оживлённую дискуссию, например, недостаточно живой, разговорный стиль речи персонажей. На наш взгляд, основная цель преподавателя при такой форме работы – не мешать обсуждению и ни в коем случае не давить своим мнением. Целесообразно откладывать решение спорных моментов на потом, давая студентам задание проконсультироваться в соответствующих словарях.

Другой курс по выбору предназначен для студентов старшего курса и называется «Клише в практике устного перевода». Как известно, одной из трудностей в практике устного перевода, как последовательного, так и синхронного, является нехватка времени на обдумывание, что приводит к своего рода стрессу: неопытные переводчики бессознательно начинают переводить слова, а не смысл. Переводчику необходимы умения и навыки, позволяющие в кратчайшие сроки распознать смысловые ситуации и применить отработанные формулы передачи семантики исходного текста, доведя этот процесс до известной степени автоматизма. Психолингвистика утверждает, что в этом случае в голове переводчика как бы включается надёжный автопилот, управляющий речевой деятельностью.

При переводе клише очень часто помогают адекватно и вместе с тем экономно передать ту или иную коммуникативную ситуацию, а затем могут применяться для передачи аналогичных смысловых ситуаций, переходя таким образом в разряд универсальных переводческих формул, которые надо научиться «видеть» в исходном тексте, «распознавать» в разном словесном выражении.

Например, при всём разнообразии конкретных речевых ситуаций, одно действие или событие очень часто следует/вытекает из предыдущего, имеет определённую цель и т.д., а значит, можно достаточно быстро и адекватно передать семантику ситуации через формулы *to result in sth* (например, ... *which resulted in ...*) или *to aim at sth/to do sth* (например, ...*which was aimed to ...*).

Переводческие клише «приобретаются» в процессе практической деятельности. По мере накопления переводческого опыта создаётся некий глоссарий эквивалентов для передачи часто встречающихся ситуаций, причём отбор этих эквивалентов достаточно субъективен и индивидуален. Как правило, в разряд переводческих формул-клише попадают достаточно универсальные по смыслу, простые и частотные слова и выражения, например, глаголы или существительные, преимущественно те, которые не требуют управления.

Данная дисциплина рассчитана на старшекурсников, однако корпус переводческих клише у студентов ещё далеко не сформирован. Поэтому целесообразно использовать учебные материалы, созданные авторами, которые одинаково хорошо владеют двумя языками. В частности, хороший результат даёт практическое изучение учебных пособий Линн Виссон.

Опыт нескольких лет показывает, что описанные выше технологии обучения переводу, в том числе устному, в совокупности с другими аналогичными дисциплинами, позволяют достаточно эффективно формировать профессиональные компетенции будущих переводчиков.

Список использованных источников

1. Чужакин А. Мир перевода-3. Practicum plus. М.: Р. Валент, 1999. 192 с.

УДК 821.111 - 811.111

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

С. Ю. Двинина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, историко-филологический факультет, Челябинский государственный университет, Челябинск

Аннотация. Статья посвящена чтению художественной литературы исторической тематики на занятиях по английскому языку и особенностям начального этапа преподавания перевода у студентов-международников. Подчеркивается, что нужно обращать внимание обучающихся на исторические события и детали, эмоционально воплощенные в дискурсе. Обсуждение, сравнение, дебаты, ролевые игры обеспечивают

интерактивность занятий и творческую работу студентов. Обсуждаются проблемы начального этапа обучения переводу: малое количество часов для формирования переводческой компетенции и недостаточный уровень фоновых знаний у студентов. Описываются способы преодоления данных трудностей для достижения результативности процесса обучения.

Ключевые слова: университетский дискурс, художественный дискурс, интерактивное обучение, перевод, компетенция, фоновые знания.

Summary. The article is devoted to reading historical fiction in English and discusses the features of the initial stage of teaching translation to students of International Relations. Teachers should make students pay attention to historical events and details emotionally described in discourse. Discussions, comparisons, debates, role games provide lessons with interactivity and creativity. The work discusses problems of the initial stage of teaching translation: a small number of hours to form translation competence and insufficient level of background knowledge of students. It shows how to overcome these difficulties and achieve efficiency in teaching translation.

Key words: university discourse, literary discourse, interactive teaching, translation, competence, background knowledge.

В настоящее время интернет значительным образом изменил обучение. Разумеется, это касается всех специальностей, но связанных с иностранными языками в особенности. В нашей работе мы рассматриваем специфику преподавания английского языка и переводоведческих дисциплин у студентов специальности «Международные отношения».

С одной стороны, студентам доступны различные иностранные источники благодаря сети интернет. Особенно это характерно для России, где на безвозмездной основе можно найти почти любые книги, наверное, лишь за исключением недавно опубликованных. При этом если студент действительно заинтересован темой, то и это не преграда: в интернете можно купить абсолютно разную печатную продукцию. При таких возможностях необходима лишь жажда знаний.

С другой стороны, преподаватель сам стал лишь источником, притом одним из многих, наряду с форумами, порталами, чат-рулетками. Студенты консультируются онлайн у носителей языка, как использовать то или иное слово, ту или иную грамматическую конструкцию. И если вариант преподавателя не совпадает с предложенным вариантом из интернета, то у студента начинает складываться недоверие к преподавателю, ведь у обучающегося еще не сложились навыки уделять внимание контексту, обстоятельствам, стилю, какой вариант языка используется и прочим нюансам. Замечательно, если после ответа преподавателя он воскликнет: «А в интернете пишут по-другому!» – тогда будет возможность акцентировать внимание на том, что, например, это контекстуальный синоним или что существует несколько почти равнозначных грамматических конструкций. Но если он промолчит, то краткий ответ преподавателя может быть расценен как некомпетентный. И преподаватель как источник знаний

окажется иерархически ниже, чем интернет, что негативно скажется на последующем обучении.

Таким образом, обстоятельства способствуют поиску новых решений, как дать любому студенту и студенту-международнику, в частности, то, что невозможно получить без интерактивного общения.

Таким уникальным способом нам представляется чтение художественной литературы на языке оригинала с последующим обсуждением. Традиционно это обеспечит относительное погружение в языковую среду, что особенно актуально, когда не хватает часов. Кроме того, это поможет пополнить словарный запас. Анализ грамматики «в действии» позволит студентам увидеть, что это не нечто абстрактное, не всегда нужное для общения, а то, что действительно влияет на смысл высказывания. Часто студенты неплохо усваивают лексику, не имеют языкового барьера, говорят бегло, но с грубыми грамматическими ошибками, считая, что раз их понимают, то, значит, цель достигнута. При этом упускают из вида, что собеседник понял лишь малую часть, и ту недопонял, но, чтобы не смутить говорящего, делает вид, что всё в порядке.

Обратим внимание, что в целом отсутствие языкового барьера – это положительный момент обучения, даже при несоблюдении правил грамматики. Однако это должно рассматриваться лишь как переходный этап к более совершенному владению иностранным языком. Особенно это касается студентов-международников – будущих представителей нашей страны за рубежом.

При обучении студентов специальности «Международные отношения» мы нередко сталкиваемся с проблемами, вызванными одной причиной – специальность не рассматривается как языковая, а значит, обучающиеся изначально имеют весьма общие представления об языке вообще, в том числе русском. При объяснении грамматических правил необходимы термины «придаточное определительное предложение», «деепричастие», «причастный оборот», «безличное предложение» и т.д. К сожалению, подобные термины школьной программы вызывают сложности у студентов. Однажды даже обнаружилось, что студенты не знают, что такое «подлежащее» и «сказуемое». Таким образом, нужно предвосхищать подобное «незнание» (или все же «забывчивость») и сразу объяснять на примерах, которые всегда легко воспринимаются и усваиваются студентами.

Художественная литература исторической тематики позволяет также дать лингвострановедческую справку, которая впоследствии может быть превращена в доклады студентов. Но главное, на наш взгляд, это не сухие факты, а возможность увидеть детали, которые вдохновят на историческое исследование.

Возьмем роман «Ulverton» А. Горпа [4]. В фокусе этого историографического метаромана «живущий» организм одноимённой деревни в Великобритании, изображённой на протяжении более трёх

столетий. Это даёт нам уникальную возможность проникнуть в сущность такого понятия как «countryside», в корне отличающегося от русской деревенской местности.

Двенадцать глав романа – это не стройное изложение, а эмоционально-смысловые вариации Алвертона, рассказанные абсолютно разными героями (от безграмотной матери до аристократов) и в разных жанрах (от эпистолярного до потока сознания и сценария). Именно игра, мистификации, свободное экспериментирование, где переплетаются и проникают друг в друга различные художественные коды и виды искусств создают произведение с изменчивыми смыслами и множеством интерпретаций. «Алвертон» – полифоничный роман, где «голоса» не звучат в унисон, а «досказывают» друг друга [1].

Одним из таких «голосов» является восприятие деревни фермером Пламмом в главе «Improvements». Для него важны известковые почвы полей. В главе уделяется внимание новым способам культивации земель, говорится о том, что полям надо отдыхать и пр. В рамках данной главы можно рассмотреть меловые известняки как плодородные почвы в юго-восточной части Великобритании, сделать акцент на земледелии. К сожалению, иногда приходится объяснять простые вещи (plough). Если бы не данная тема в романе, может быть, студентам никогда бы не пришлось выяснять, что такое «плуг» и что такое «вспахивать» даже на русском языке.

В рамках другой главы мы знакомимся с огораживанием, характерным для Великобритании на протяжении многих столетий. Вероятно, студенты знакомятся с этим явлением в рамках исторических курсов, рассматривают предпосылки и социально-экономические последствия, но в романе представлено эмоциональное отношение крестьян и землевладельцев к этому явлению, что находит живой отклик у обучающихся. В результате возможны сообщения на встречающиеся темы, изучение развития общества в диахронном аспекте, сравнение разных стран в синхронном аспекте. Отдельно можно посвятить время на объяснение историзмов в связи с историческими обстоятельствами, поиск синонимов (встречается «ramshackle», дополнительно рассмотрим «shabby»; «lea» – и переходим к «pasture»).

В рамках подобных занятий можно брать и относительно современные произведения. Например, роман «Black Swan Green» Д. Митчелла ярко характеризует эпоху М. Тэтчер [3]. Упомянутый в романе газетный заголовок «Gotcha!» содержит имплицитную информацию о войне на Фолклендских островах, поиск дополнительных указаний на которую приведёт к детальному анализу события в художественном экспрессивном преломлении, к сравнению с фактами исторических источников, ведь в книге показано отношение к войне на примере подростка, его семьи и друзей. То есть сухие факты будут противопоставлены живым людям. Смерть одного их второстепенных персонажей и реакция небольшого городка ярче проиллюстрируют событие, чем просто параграф из учебника. Кроме того, акцент на самом

выражении позволит рассмотреть различия функциональных стилей речи, рассмотреть особенности газетных заголовков, повторить использование артиклей и пр. Во время чтения романа можно предложить просмотр фильма «This is England», чтобы обучающиеся прониклись атмосферой того времени, ведь обстоятельства, в которые попадают подростки – главные герои книги и фильма – во многом схожи. С другой стороны, социальный статус семей различается. И тогда можно сделать акцент на социальном расслоении, даже в рамках одного романа (происхождение отца и матери главного героя, разговор об отпуске).

Роман «Atonement» И. Макьюэна даст представление о восприятии Второй мировой войны в Великобритании, различном отношении к ней в России и за рубежом [2]. Нужно отдельно подчеркивать, насколько важна Первая мировая война для Великобритании, потому что убитые есть почти в каждом населенном пункте. Вторая мировая война в восприятии британцев ограничивается в основном бомбардировками, и жертв намного меньше. В рамках романа можно устроить суд над главной героиней. Таким образом, студенты будут погружены в атмосферу процессуального кодекса, познакомятся с соответствующей лексикой. Здесь же можно обратить внимание на различия Римского и прецедентного права.

Художественная литература любого жанра может служить решению данной задачи. Стихотворение «Mother of the Groom» (Ш. Хини) способно раскрыть уклад семейной жизни; комментарий к слову «lar» позволит обсудить особенности воспитания детей в Ирландии. Развитие исследовательского интереса к истории осуществляется посредством акцентирования на деталях в художественных произведениях, что возможно в дискуссии, направляемой преподавателем иностранного языка.

В рамках практики перевода мы начинаем с диалогов и текстов общей тематики и постепенно переходим к специальному переводу. Недостаток часов вынуждает нас совмещать упражнения по риторике, мнемотехнике и скорописи, изучение грамматических аспектов перевода и выполнение устных и письменных переводов.

Несмотря на то, что изначально мнемотехника и скоропись вызывают у студентов большой энтузиазм, на практике они редко используют приёмы в виду того, что на тренировку не получается уделять достаточно времени во время аудиторных занятий (к сожалению, дополнительные домашние задания выполняются лишь небольшим количеством студентов). В результате, не развивая объём оперативной памяти, студенты сталкиваются с проблемами запоминания в дальнейшем.

При переводе текстов и устных сообщений на первых этапах обучения студенты часто начинают переводить дословно, как привыкли делать на обычных занятиях по английскому языку. Необходимо всегда делать акцент именно на формировании переводческих навыков и умений: вначале перевести дословно, затем попросить объяснить, что «звучит странно», и в конце прийти к содержательному и благозвучному переводу.

Также на начальном этапе следует уделять внимание устойчивым языковым клише на исходном языке и языке перевода. Используя их автоматически, студенты меньше нервничают, а значит, лучше улавливают и передают оставшуюся информацию. Тем не менее, по мере усложнения текстов всё чаще встречаются новые незнакомые для студентов слова, что пугает обучающихся. Наша цель – избавить их от этого страха: просить перевести то, что поняли. Следует отметить, что в большинстве случаев перевод корректен и не искажает исходный текст.

При этом довольно часто ошибки возникают из-за отсутствия фоновых знаний, даже на начальном этапе при переводе текстов общей тематики. Так, на устном последовательном переводе мы переводили интервью с создателем дудла к фильму «Иван Васильевич меняет профессию» Л. Гайдая. Не обладая развитой оперативной памятью, студенты не смогли запомнить имена и фамилии персонажей и исполнителей ролей. Однако могли бы их воссоздать благодаря фоновым знаниям, что, к сожалению, не произошло.

Удивительно, но подобные ошибки возникают и при переводе текстов исторической тематики. Так, в тексте о Второй мировой войне встретилось «Pearl Harbor», что некоторые студенты перевели как «генерал Перл Харбор». В обоих приведенных примерах речь идет о систематическом недостатке фоновых знаний, так как ситуации возникали в нескольких группах разных годов обучения.

Тем не менее, обучение иностранному языку посредством художественной литературы исторической тематики, первые попытки перевода исторических текстов и документов способствуют развитию интереса к переводоведческим дисциплинам у студентов-международников. Желая получить более глубокие знания, они проходят обучение по программе профессиональной переподготовки «Перевод и межкультурная коммуникация».

Список использованных источников

1. Двинина С. Ю. Пространство в модели мира историографического метаромана А. Торпа «Алвертон» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №20. С. 49–52.
2. McEwan I. Atonement. Vintage, 2007. 384 p.
3. Mitchell D. Black Swan Green. Sceptre, 2006. 384 p.
4. Thorpe A. Ulverton. Vintage, 2012. 415 p.

УДК 81'255

**ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ПЕРЕВОДЧИКА
(ОПЫТ В СФЕРЕ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА)****Л. А. Демешева,***дипломированный переводчик, проект-менеджер
переводческого бюро Wordcrafts, Гамбург***С. Е. Перепечкина,***кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается специфика работы письменного переводчика, даются некоторые рекомендации для начинающих фрилансеров. Основная цель заключается в акцентировании тех аспектов переводческой деятельности, значимость которых подтверждается опытом в области перевода научно-технической, нормативной и иной специализированной документации.

Ключевые слова: письменный перевод, техническая документация, стандарты качества, личность переводчика, внештатный переводчик.

Summary. This paper is based on the experience in translation of scientific, technical, normative and other specialized documentation and aims to highlight some of the most significant aspects of the translator's work as well offering some guidance for beginner freelancers.

Key words: translation of technical documentation, quality standards, the identity of the translator, freelance translator.

История письменного перевода уходит в глубокую древность, ко времени появления у народов письменности. Известное выражение Иеронима Стридонского (ок. 342–420 гг.), выполнившего перевод Библии на народную латынь (Вульгата), содержит один из важнейших критериев переводческого искусства: «В переводе /.../, кроме перевода Священного Писания, в котором и расположение слов есть тайна, я передаю не слово в слово, а мысль в мысль» [2]. Теоретики перевода особо выделяют в этой связи понятие эквивалентности – многоуровневое, связанное с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими и жанровыми характеристиками [См.: 1; 3].

Сложная мыслительная деятельность переводчика едва ли поддается описанию при помощи каких-либо теоретических моделей и схем, в отличие от ее конечного «продукта» – текста. Переводной текст оценивается в терминах эквивалентности, адекватности, точности или верности, каждый из которых лишь отчасти может передать сущность его соответствия оригиналу. В современный век стремительно развивающихся технологий и роста потребности в многоязычной коммуникации, обусловленной множеством причин политико-экономического и культурно-социального

характера, вопросы использования теоретических положений в практике перевода остаются по-прежнему актуальными. Целью данной статьи является акцентирование наиболее значимых аспектов практической деятельности переводчика технической, нормативной и иной специализированной документации.

Профессиональный переводчик работает, как правило, либо в условиях фриланса (*free-lance*), когда требуется еще и умение самостоятельно вести дела, либо в штате переводческого агентства. Профессионализм, хотя не подразумевает обязательного наличия языкового диплома, всегда требует высокого уровня мастерства и является необходимой предпосылкой для «выживания» при высокой конкуренции на рынке переводческих услуг. В некоторых случаях преимущество могут получить члены профессиональных союзов переводчиков (Союз переводчиков России, *der Bundesverband der Dolmetscher und Übersetzer* в Германии, *American Translators Association* и др.), которые, в частности, проводят сертификационные экзамены по ряду языковых пар и аффилированы с Международной федерацией переводчиков (FIT). Наличие титула «присяжный переводчик» (для официального перевода юридических документов на территории юрисдикции того или иного суда в Западной Европе) также способно вызвать большее доверие у потенциальных заказчиков.

Требования к качеству перевода. Для сферы переводческих услуг существуют определенные стандарты, определяющие права и обязанности переводческих компаний и заказчиков, например, DIN 2345 и его последующие обновленные версии в Германии (*Deutsches Institut für Normung e.V.*), европейский стандарт EN 15038:2006 *Translation Service – Service Requirements* (только для письменного перевода), американский ASTM F2575-06 (*Standard Guide for Quality Assurance in Translation*), ГОСТ Р ИСО 9001-2008 «Системы менеджмента качества» и др. Они являются достаточно ценным инструментом регулирования отношений поставщика услуг и потребителя, в них определены основные требования к переводческой деятельности, включая компетентность исполнителей перевода, технического обеспечения и контроля качества. Так, в немецком стандарте понятие «качество» в отношении письменного перевода технической и иной документации означает:

- 1) полноту (т.е. ни один фрагмент текста не должен быть пропущен);
- 2) верную передачу содержания текста-источника (никаких погрешностей против смысла, никакого собственного толкования);
- 3) отсутствие грамматических, орфографических и стилистических ошибок;
- 4) точность в выборе терминов;
- 5) когерентность, т.е. логико-семантическая, грамматическая и стилистическая соотнесенность оригинала и переводного текста;

б) сохранение структуры документа, формата файла, корректное цитирование. В итоге – конечный текст должен читаться (восприниматься) как оригинал.

Факторы, влияющие на качество переводного текста:

1) Фактор времени. Если заказчик требует быстро обработать текст, качество перевода страдает. Необходимо объяснить клиенту, что для безукоризненно исполненного перевода необходимо время.

2) Недостаточное качество исходного текста (нелогичность, несвязность, неясность мысли, смешение стилей). Залог успешного перевода – выверенный с лингвистической и технической точки зрения исходный текст.

3) Переоценка своих возможностей (знаний и умений). Браться за перевод малопонятного или незнакомого еще и непродуктивно (сначала придется изучить эту область, на что уйдет много времени и сил), и экономически невыгодно.

К личности переводчика предъявляются определенные *требования*, основные из которых: высокий уровень компетентности в области родного и иностранного языков, знание специфики переводческого процесса, широкие общие и специализированные знания, знание конкретной предметной области и ее терминологии, очень хорошее чувство языка и – в идеальном случае – талант. Всякое дарование, однако, необходимо преумножать, прилагая максимум усилий.

Фоновые знания чрезвычайно важны для переводчика, они обеспечиваются дополнительной специализацией, опытом работы в конкретной сфере, самообразованием. Знание одной или нескольких предметных областей (компьютерной, финансовой, законодательной, медицинской и т.д.), производственных процессов или структур бизнеса (*Holding, verbundene Unternehmen, Franchise, Wertschöpfungskette* и т.п.) позволяет правильно выбрать термин, избежать языковой избыточности, применив принятое сокращение. Так, все переводчики, сотрудничающие с агентством Wordcrafts по переводу и локализации программного обеспечения от Apple, сами работают на Mac, а также пользуются прочей техникой Apple (iPhone, iPad, часы и др.), т.е. не только являются лингвистами-экспертами в области адаптации ПО иноязычной культуре, но и хорошо знакомы с объектом перевода.

Принцип перевода на родной язык предпочтителен, поэтому в случае, если переводчик долгое время живет за границей, необходимо поддерживать родной язык – слушать, читать, изучать на нем материалы по специализации. Переводчики-профессионалы этот принцип, как правило, соблюдают, однако иногда обстоятельства требуют иного подхода. Так, чтобы не потерять часть потенциальных клиентов, которым эти правила могут быть неизвестны, или вовремя выполнить заказы, можно найти коллег, переводящих в обратном направлении, и сотрудничать, передавая друг другу текст для корректуры.

Интересен факт, упоминаемый известным переводчиком Р.К. Миньяром-Белоручевым, опровергающий тезис о возможности качественного последовательного или синхронного перевода *только* на родной язык: работу переводчиков-международников Андре Каминкера и Антуана Веллемана, имевших феноменальные способности и свободно переводивших на иностранные языки и обратно, можно назвать чудом [4, с. 70–71].

Использование компьютерных программ. Помимо электронных словарей и глоссариев, большинство переводческих бюро и внештатных переводчиков используют т.н. CAT tools (Computer Aided /Assisted Translation Tools) – программы, повышающие эффективность работы в результате использования накопителей перевода (переводческой памяти), или ТМ (Translation Memory). Наиболее распространенной на сегодня является программа SDL Trados, однако существуют и альтернативы (Wordfast, memoQ). Помимо экономии времени, накопители переводов позволяют добиться единообразия терминологии, что особенно важно при совместной работе нескольких переводчиков над одним заказом.

Система измерения объема текста. Единицами измерения объема выполненной работы в Германии служит либо слово, либо типовая строка в 55 символов, а также – для дополнительных видов работ, таких как редактирование или форматирование – час (почасовая ставка). Стоимость слова более сложных текстов (к примеру, при локализации программного обеспечения), как правило, выше. Использование инструментов переводческой памяти на аккордную цену радикально не влияет.

Начинающему переводчику-фрилансеру, работающему самостоятельно (не с агентством), очень полезными будут книги опытных специалистов, подробно излагающих тонкости ведения дела (см., напр., [5]). Схема взаимодействия переводчика и прямого заказчика выглядит так: клиент посылает переводчику запрос (*Anfrage*), получает ясное предложение (*Angebot*) и после распределения заказа (*Auftragserteilung*) и выполнения его переводчиком (*Auftragserledigung*) – тот продукт, который он заказал (т.е. перевод).

Предложение содержит четкую информацию о переводчике и одновременно определяет ряд условий для выполнения работы:

объем текста (количество слов или строк), комбинацию языков и направление перевода, предметную область (которую рекомендуется обозначать более подробно, чем просто «техника» или «медицина»), тип файла (Word, Excel...), использование CAT tool / ТМ, срок сдачи работы и условия оплаты труда (предлагаются переводчиком).

Ж. Шомьен-Веттерауэр (Giselle Chaumien-Wetterauer, „Tipps für Übersetzer“, <http://www.gcw-com.de>) рекомендует согласовывать сроки сдачи перевода только по получении текста. В противном случае следует подчеркнуть, что вы отправите перевод до... (дата) только при условии получения текста оригинала до ... (дата). (Нем.: „*Lieferung per Email bis (Datum/Uhrzeit) bei Erteilung des Auftrags bis (Datum/Uhrzeit)*“).

Важно: 1. Иметь свой веб-сайт, даже если это будет одна страница. Доменом лучше выбирать фамилию и имя (если они не являются слишком распространенными), а не типичные словосочетания с „trans“ и „lingua“, которые могут оказаться доменом у конкурента.

2. Учитывать формальности электронной корреспонденции, а именно:

а) структура письма должна содержать все компоненты: формулу приветствия, краткий текст (не более 15 строк), завершение. Для легкости восприятия все абзацы разделяются пустой строкой. Тема письма формулируется ёмко и отображает его суть: не просто «Перевод», а перевод заказа № ... (или его название). Обязательна полная сигнатура в конце письма (имя и фамилия, фирма, должность, контакты – телефоны, факс);

б) корреспонденция – это коммуникация, и ее успех определяется не только сутью, но и тоном письма: корректным и приветливым (*Der Ton macht die Musik*). Менее формальный тон – в ответ на такое же обращение заказчика – часто создает приятную атмосферу для общения: „Guten Tag, Frau ...“, „Hallo ...“ или „Moin“ (на севере Германии) вместо официального „Sehr geehrte Frau ...“;

в) почту необходимо проверять хотя бы несколько раз в день, отвечать на письма – в течение 24 часов.

3. Вычитывать текст до отправки заказчику (автоматическая проверка орфографии, двойных пробелов и т.п.). Полезна вычитка в «четыре глаза», т.е. другим человеком.

4. Обязательно соблюдать сроки. Если есть вопросы, выяснить их у заказчика заранее.

В завершение отметим, что перевод специализированной документации – один из самых сложных видов перевода, требующий от исполнителя максимального внимания и профессионального подхода, исключающего право на ошибку.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 815 с.
2. Иероним Стридонский. Письмо к Паммахию о наилучшем способе перевода [Электронный ресурс] // Альфа и Омега. – 1995. – №4 (7). – С. 173–187. – https://azbuka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/k_pammahiu (дата обращения 23.01.2018)
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 463 с.
4. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? / Отв. ред. М. Я. Блох. М.: «Готика», 1999. 176 с.
5. Neidhardt, Miriam. Überleben als Übersetzer. Das Handbuch für freiberufliche Übersetzerinnen. Oldenburg: CreateSpace, 2012. 199 S.

УДК 130.2 : 314.743

**НА ГРАНИЦЕ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»:
ГЕРМЕНЕВТИКА ПЕРЕВОДА****О. Р. Демидова,***доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена культур-философским проблемам перевода, рассматриваемого с прагматической и сущностной точек зрения. В первом случае перевод представляет собой основной канал меж- и внутрикультурной коммуникации, обуславливая как ее возможность, так и структуру, режим и механизмы меж- и внутрикультурного взаимодействия. Во втором случае перевод предстает как цепь герменевтических процедур, последовательно разворачиваемых в пространстве / времени коммуникативных актов, каждый из которых является частью единого поликультурного дискурса.

Ключевые слова: перевод, переводчик, культура, коммуникация, культурный дискурс, герменевтический анализ, взаимодействие культур.

Summary. The article discusses cultural and philosophical problems of translation treated in the pragmatic and essential perspectives. In the former case, translation serves as the main channel of inter- and intracultural communication, making it possible and determining its structure, format, and mechanisms. In the latter case, translation presents itself as a chain of hermeneutic procedures used in the time and space of communicative acts, each of the said acts forming as integral part of the uniform poly-cultural discourse.

Key words: translation, translator, culture, communication, cultural discourse, hermeneutic analysis, cultural interrelations.

В самом общем виде проблема перевода есть проблема понимания, и вполне позволительно предположить, что как таковая она сделалась предметом осмысления еще с дописьменных времен, поскольку понимание является залогом любой коммуникации, одно из древнейших свидетельств чему – библейское предание о Вавилонской башне (Быт. 11:1–9). Письменные тексты, посвященные переводу, восходят к античности; один из самых известных – трактат Цицерона «О переводчиках (о наилучшем виде ораторов)», написанный как предисловие к сделанному автором переводу двух самых знаменитых речей «вождей аттического красноречия»: «Против Ктесифонта» Эсхина и ответной речи Демосфена «О венке». Полемизируя с противниками перевода как такового, утверждавшими, что речи греческих авторов следует читать в оригинале, Цицерон по сути дела выдвигает ряд принципиальных положений, не утративших значимости до сего дня: о культурной функции перевода, о его адекватности и критериях ее оценки и о понимании как основной телеологической установке, ср.: «V. 14. Перевел я их не как толмач, а как оратор: я сохранил и мысли, и их построение – их физиономию, так сказать – но в подборе слов руководился

условиями нашего языка. При таком отношении к делу я не имел надобности переводить слово в слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов; я полагаю, что читатель будет требовать от меня точности не по с ч е т у, а – если можно так выразиться – по в е с у (разрядка Цицерона – О. Д.). 15. Цель моей работы – та, чтобы наши соотечественники *поняли* (курсив мой – О. Д.), чего им требовать от представителей аттического направления и какое к ним прилагать мерило красноречия» [7].

Перевод и понимание неразрывно связаны друг с другом, образуя нечто вроде замкнутого круга: для того, чтобы понять, следует перевести, однако сделать это невозможно без понимания, путь к которому – длинная цепь вопросов и вызывающих новые вопросы ответов, стремящаяся вглубь, в центр, в самую сердцевину культурного текста, постигаемого как целое, образованное многообразием его составляющих. При этом задача состоит не в том, чтобы выйти из герменевтического круга, а в том, чтобы в него войти, погрузившись в текст, без чего невозможны ни понимание, ни перевод, ни коммуникация.

Исходя из этого, перевод следует рассматривать как культурно-философский феномен, что ни в коей мере не отрицает значимости сугубо лингвистической стороны, а, напротив, позволяет глубже ее осмыслить, поскольку языковая традиция, в которой укоренен человек, составляет одновременно и предмет понимания, и его основу, а коммуникация последовательно разворачивается на уровнях языка – культуры – семиотической системы в режиме возрастания. Соответственно, можно предложить некоторое рабочее определение феномена перевода, основанное на: а) универсальности перевода как человеческой деятельности [6], б) семиотической природе перевода [10], в) его телеологических и аксиологических характеристиках и г) функциональной специфике и развернутое в герменевтическом поле, если осмысливать герменевтику как искусство понимания и постижения смыслов и значений культурных знаков, с одной стороны, и как теорию и общие правила интерпретации культурных текстов, с другой. ***Перевод представляет собой некий интеллектуально-деятельностный континуум, направленный на понимание, формирующийся и функционирующий в режиме прирастающего поступания и осциллирующий на грани культур, субкультур и индивидуального экзистенциально-культурного опыта личности.***

Стремление понять является предпосылкой и обязательным основанием любой коммуникации; следовательно, перевод представляет собой способ / инструмент не только межкультурной, но и внутрикультурной коммуникации, т.е., общения человека с внешним миром. Ф. Шлейермахер в лекции 1813 г. «О разных методах перевода» утверждал, что перевод возможен и как внутриязыковое явление в силу потребности «перевести для себя речь другого, даже похожего на нас

человека иных взглядов и иного характера, когда мы чувствуем, что те же слова в наших устах имеют совершенно иной смысл» [9; 3, с. 134].

Для профессиональных переводчиков перевод – всегда диалог с оригинальным текстом, его автором, языком оригинала и культурой, в пространстве которой последний был создан, а равно и с языком и культурой перевода, поэтому одно из необходимых переводчику умений – умение «слушать» текст, сквозь который говорит автор. Переводческое чтение текста – это всегда протяженный во времени разговор с ним, поэтому переводчик – самый внимательный из читателей. Еще Плиний Младший утверждал: «То, что ускользнуло от читателя, не может укрыться от переводчика» [4, с. 122; курсив мой – О. Д.].

Однако прежде, чем вступить в этот диалог, профессиональный переводчик непременно задается целым рядом принципиально важных вопросов: что / кого переводить; для чего; для кого; на какую систему ценностей опираться, поскольку любой перевод ориентирован на определенный культурный код, который переводчик расценивает как «свой», т.е., на определенную аксиологическую иерархию; наконец, как переводить, какие сугубо переводческие задачи разрешать и какие стратегии использовать. Иными словами, прагматика, телеология и аксиология определяют эстетическую и художественную составляющие перевода, что, в свою очередь, задает вектор оценки по шкале «хороший – плохой перевод», основанный на критериях оценки качества перевода, зависящих от того, «что считается наиболее важным в переводимом тексте и как переводчик воспринимает текст на чужом языке. Он может видеть в нем материал для усовершенствования (это было характерно для французской переводческой традиции), образец для максимально точной передачи (священные тексты в любые периоды и в любых культурах), источник новых приемов литературного письма и так далее» [2, с. 27]. В русской переводческой традиции восемнадцатого – первой трети девятнадцатого века перевод иноязычных текстов рассматривался, прежде всего, как способ развития и обогащения, «осовременивания» родного языка и культуры [см., напр.: 5, с. 28–171]. Еще один критерий – направленность движения между автором и читателем, то, «кого к кому должен приблизить переводчик: читателя к автору – или автора к читателю? Это порождает совершенно различные стратегии. При движении от читателя к автору перевод более внимателен к специфике подлинника, а при движении от автора к читателю – к возможностям языка перевода и уровню читателей» [2, с. 27].

При оценке перевода неизменно возникает вопрос об искажениях, при этом термину придается некое универсальное значение, что, как представляется, не вполне корректно. Прежде всего, если понимать искажение как изменение, перевод как таковой есть искажение подлинника, поскольку он является пересозданием оригинального текста на другом языке и вписыванием его в пространство другой культуры. Размышляя о

многочисленных переводах «Слова о полку Игореве», К. Чуковский в статье «Переводы прежде и теперь» пишет, что в каждом из них «отразилась и личность переводчика со всеми ее индивидуальными качествами, и та эпоха, когда был создан перевод, так как каждый переводчик вносил в свою версию именно те элементы, которые составляли основу актуальной в то время эстетики. <...> каждая эпоха давала переводчикам свой собственный рецепт отклонений от подлинника, и этого рецепта они строго придерживались, причем их современникам именно в данных отклонениях и чудилось главное достоинство перевода» [8, с. 236].

При более узком понимании термина как вольного или невольного искажения заложенных в тексте авторских интенций, необходимо попытаться понять причины, в силу которых переводчик его допустил. Основная причина – эстетические несовпадения культур, которые вынужден преодолевать переводчик, см., например, замечание Н. Ванханен о переводе испанской народной поэзии: «Невесомое в переводе часто становится банальным, а ведь в оригинале оно таким не было» [2, с. 159]. В этом же ряду – перевод аллюзивных названий, отсылающих к понятным носителям языка реалиям культуры оригинала, ср. размышления И. Гуровой о переводе названия романа Фолкнера: «Англоязычный читатель понимает, что название романа “The Sound and The Fury” – отсылка к “Буре” Шекспира. Конечно, более точное название “Тот шум и та ярость”, но русскому уху оно ничего не говорит» [2, с. 194]. К другим причинам можно отнести индивидуальные творческие установки переводчика, его стремление приблизить текст к иноязычному читателю, пресловутый «социальный заказ» и требования цензуры, наконец, непонимание текста в силу недостаточного знания языка и культуры оригинала и недобросовестное отношение к своему делу. Две последние из указанных причин в сочетании с буквалистским переводом грамматических конструкций рожают тот переводческий стиль, который Н. Трауберг называла смесью канцелярита с феней [2, с. 505].

Амбивалентная сущность перевода, его «мерцающая» природа, сопротивляющаяся любым попыткам сугубо научных исчерпывающе-точных определений, породила множество самых разнообразных определений метафорических, принадлежащих самим переводчикам определений, от серьезных до сугубо игровых, шуточных и иронических определений-перевертышей, представляющих сущность перевода от противного. П. Грушко и Д. Веделянин рассматривают перевод в категориях эстетического, назвав его «таинственным и прекрасным жанром» и «школой вкуса» соответственно [2, с. 176, 111]. С. Александровский, В. Гольшев, Н. Ванханен эксплицируют двойственность природы перевода, его изменчивость и текучесть, называя перевод «изменчивым двойником», «отраженным светом» и «акварельной живописью» [2, с. 30, 168, 106]. По мнению М. Яснова, перевод есть «искусство потерь» [2, с. 541]; Лео Бек считает перевод комментарием к оригиналу [1]. Чуковский считал перевод

высоким искусством, с одной стороны, и автопортретом переводчика – с другой [8, с. 18], а Гумбольдт в письме А.Шлегелю от 23 июля 1796 г. категорически заявил, что перевод вообще невозможен [3, с. 137].

При всем разнообразии и кажущейся несопоставимости процитированных и многих других определений, в совокупности создается некий феноменологический инвариант: перевод предстает как явление амбивалентной эстетической природы, осциллирующее на грани возможного и невозможного, своего и чужого, объективного и субъективного, научного (рационального) и художественного (творческого); как искусство, по праву занимающее место в ряду родственных ему и / или сопологаемых с ним изобразительных и выразительных искусств.

Список использованных источников

1. Афоризмы и цитаты про переводы [Электронный ресурс] – <http://www.citatu.ru/aforizmy-i-citatu-pro-perevody> (дата обращения 14. 01. 2018).
2. Калашникова Е. По-русски с любовью: Беседы с переводчиками. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 608 с.
3. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. М.: Флинта, 2006. 416 с.
4. Письма Плиния младшего. Кн. I – X. М.: Наука, 1982. 407 с.
5. Русские писатели о переводе (XVIII – XX вв.). Л.: Советский писатель, 1960. 696 с.
6. Тороп П. Тотальный перевод. Тарту: Издательство Тартусского университета, 1995. 220 с.
7. Цицерон М. Т. Полное собрание сочинений в русском переводе / Пер. В. А. Алексеева и Ф. Ф. Зелинского. – Т. 1. СПб., 1901 // <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1285148370> (дата обращения 14. 01. 2018).
8. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1988. 349 с.
9. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода. [Электронный ресурс] – philol.msu.ru (дата обращения 14. 01. 2018).
10. Lotman Yu. M. Universe of the Mind. A Semiotic Theory of Culture. London; New York: I. B.Tauris, 1990. 288 p.

УДК 821.111

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

М. Г. Дещенко,

преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена обобщению практического опыта решения специфических задач, с которыми сталкиваются переводчики жанра фэнтези, и их теоретического осмысления в современной научной литературе. Выбор темы исследования продиктован актуальностью проблематики перевода безэквивалентной лексики. Формулируется обобщенный взгляд на требования, предъявляемые к адекватному переводу

безэквивалентных элементов содержания; приоритет отдается полной передаче творческой позиции, реализованной в авторском идиолекте.

Ключевые слова: фэнтези, жанр, перевод, эквивалентность, адекватность, идиолект.

Summary. The article is devoted to the consolidation of the practical experience in specific problem solving by the translators of phantasy genre, as well as the modern scientific view on the problem. The choice of the topic is urged by the importance of the issues in translation of nonequivalent lexis. The generalized judgment on the requirements to the adequate translation is formulated; the priority is given to the full communication of the author's position, which tends to be realized through the idiolect of the author.

Keywords: fantasy, genre, translation, equivalency, adequacy, idiolect.

Жанр фэнтези, оформившийся как направление западноевропейской литературы в середине XX века, на рубеже тысячелетий приобрел особую популярность. Единого мнения относительно социокультурного уровня феномена фэнтези к настоящему моменту не выработано: научное сообщество обозначает широту диапазона его востребованности весьма свободно – от элитарной до поп-культуры. Функционально фэнтези является разновидностью развлекательной литературы; содержательный его аспект демонстрирует синтетическую природу жанра, обнаруживая генетическую связь как с фольклором (мифом, сказкой, героическим эпосом), так и с традиционным европейским романом различных видов (готическим, романтическим, приключенческим). Вслед за Ю. В. Романовой, утверждающей, что фэнтези «синтезирует, переплавляет признаки» жанров, явившихся его субстратом, «образуя новое жанровое образование, отвечающее задачам современной эпохи», отметим характерные свойства фэнтези: усложненность сюжета, языковую и смысловую игру, философско-символические обобщения, динамичность повествования, интерактивность (вовлечение читателя в процесс сотворчества) [7, с. 8].

Нетривиальность задачи, встающей перед автором перевода фэнтези, усугубляется диффузностью жанра, которую в качестве характерной особенности выделяют многие исследователи, в частности, В. Н. Комиссаров [6], Т. М. Тимошенкова [9], А. А. Рубашка [8]. Способность к переосмыслению наследия жанров-субстратов обусловлена специфической жанровой доминантой, мифопоэтически связывающей произведение фэнтези с национальной фольклорной и литературной традицией. Нельзя не согласиться с мнением И. В. Блинец относительно наличия комплекса приемов конструирования художественной реальности фэнтези: анимизм, пантеизм, космоцентризм и романтизм жанра обусловлены содержательными требованиями фантазийной картины мира литературного произведения [2].

В. Н. Комиссаров рассматривает процесс переводческой интерпретации художественного произведения как комплексную задачу,

включающую следующие аспекты: (1) переводческая рецепция оригинального текста: восприятие как очевидного, так и имплицитного содержания, включая анализ на всех уровнях, от лексико-семантического до сюжетно-образного; (2) создание второй сигнальной системы, реализованной в тексте перевода: поиск максимально эффективных средств передачи содержания оригинала языком перевода. Основное требование, предъявляемое к переводчику – «рассматривать каждое предложение как часть целого, передавать не только то, что в нем говорится, но и работать над созданием художественного образа, общего настроения, характеристики атмосферы, персонажей и т. п. Здесь важен и выбор отдельного слова, и синтаксической структуры, и других элементов» [6, с. 60].

Фундаментальными критериями оценки перевода являются его эквивалентность и адекватность. По нашему мнению, эти требования могут находиться в прямом соответствии с задачами передачи эксплицитного и имплицитного содержания произведения. С учетом жанровой доминанты фэнтези, содержательный аспект которого неизменно обогащен как обращениями к национальной культурной традиции, так и широким использованием творческого потенциала автора, создающего особый мир, основной трудностью является задача *адекватности* перевода, поскольку в стремлении сделать содержание понятным носителям иной культуры бывает достаточно сложно сохранить идиостиль автора. Нами замечено, что подбор переводческих приемов для передачи этого безэквивалентного художественного явления необходим ввиду существования целого ряда различий лингвистического, культурологического и эмотивного характера, обуславливающих читательскую рецепцию носителей языка оригинала и языка перевода [4, с.104]. А. А. Рубашка высказывает аналогичное мнение о стремлении воссоздать глобальное содержание исходного текста с учетом историко-культурного контекста и авторских особенностей текста как сверхзадаче переводчика произведений жанра фэнтези [8, с.160].

Жанровые особенности обуславливают возникновение типичных проблем практического перевода фэнтези. Распространенной проблемой является адекватная и эквивалентная интерпретация понятий, по причине межкультурных различий, не воспринимаемых иноязычными читателями, однако еще более серьезную трудность представляет собой перевод лексических единиц, отсутствующих и в языке оригинала, поскольку они были созданы автором непосредственно для отражения явлений художественной действительности конкретного произведения. Таким образом, особого внимания требует поиск эффективных средств интерпретации многочисленных аллюзий и мифологизмов [5], окказионализмов [1], неологизмов и реалий [9].

Проблематичность адекватного перевода безэквивалентной лексики вообще обусловлена невозможностью передачи ее смысла путем копирования; трудности перевода реалий жанра фэнтези связаны, прежде всего, с частичным или полным несоответствием национальных систем

фантастических образов. Распространенными недочетами перевода реалий в фэнтези является неполная передача смысла, искажение смысла реалии в переводе по причине неполного понимания ее имплицитного содержания, а также утрата национальной специфики в угоду передаче смысла. Во избежание подобных искажений работа переводчика подразделена на три этапа: (1) анализ значения реалии; (2) уточнение авторских интенций; (3) поиск эквивалентного и адекватного перевода [9].

По мнению В. С. Виноградова [3], успешный перевод неологизмов может быть обеспечен тремя способами (1) создание эквивалентного неологизма в языке перевода; (2) передача звучания авторского неологизма (транскрипция либо транслитерация); (3) описательный перевод. Отдавая должное роли творческого поиска в работе переводчика фэнтези, опытные практики Т. М. Тимошенко и В. Ю. Переверзев [9] в качестве основного критерия адекватности перевода реалий выделяют требования соблюдения равновесия между эквивалентностью в языке перевода и утратой оригинального национального колорита, составляющего жанровую доминанту фэнтези, отдавая предпочтение передаче авторского звучания безэквивалентной лексики в расчете на имплицитное эстетическое воздействие такого перевода.

Специфика работы переводчика произведений жанра фэнтези характеризуется рядом факторов, основным из которых является задача сохранения и передача национальных и авторских особенностей текста на всех содержательных уровнях, от лексико-семантического до сюжетно-образного. Жанровое своеобразие фэнтези обуславливает обилие безэквивалентной лексики, требующей максимально полной передачи; искажение ее смысла грозит искажением авторского замысла. Отмечая сложность задачи переводчика по сохранению равновесия интерпретации эксплицитного и имплицитного содержания текста, приоритет отдается адекватной передаче идиолекта автора как первоисточника художественной реальности конкретного текста. Творческий поиск переводчика, таким образом, ограничен авторским замыслом, и выбор способов ее реализации в языке перевода призван его адекватно передавать, избегая искажений, пусть даже в пользу эквивалентности.

Список использованных источников

1. Биаловонс (Каменная) Е. Ю. Перевод окказионализмов в произведениях современной фантастики [Электронный ресурс] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2011. – №1. – <http://cyberleninka.ru/article/n/perevod-okkazionalizmov-v-proizvedeniyah-sovremennoy-fantastiki> (дата обращения: 31.01.2018).
2. Блинец И. В. К проблеме определения жанра фэнтези в современном искусстве [Электронный ресурс] // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – №1. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=20306941> (дата обращения: 31.01.2018).
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

4. Дещенко М. Г. Роль переводческих трансформаций при передаче идиостиля автора // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С.101–105.
5. Егорова Л. А., Никашина Н. В., Хабрянкина А. А. Мифологизм и аллюзия в произведениях жанра фэнтези: межкультурный диалог в переводе [Электронный ресурс] // Альманах «Казачество». – 2017. – № 25 (1). – <https://elibrary.ru/item.asp?id=29062955> (дата обращения 31.01.2018).
6. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо, 1999. 134 с.
7. Романова Ю. В. Фэнтези: между массовой и элитарной культурой [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2015. – №1 (17). – <http://cyberleninka.ru/article/n/fentezi-mezhdu-massovoy-i-elitarnoy-kulturoy> (дата обращения: 31.01.2018).
8. Рубашка А. А. Трудности перевода художественных произведений жанра фэнтези // Молодой исследователь Дона. Ростов-на-Дону, ДГТУ, 2017. – № 3 (6). С.157–160.
9. Тимошенкова Т. М., Переверзев В. Ю. О передаче реалий при переводе произведений жанра «фэнтези» [Электронный ресурс] // Вестник Харьковского университета. – 1991. – № 352. – <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/vhy.shtml> (дата обращения 31.01.2018).

УДК 82–1/–9.09

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА)

А. А. Дзюба,

ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Институт филологии, истории и искусств, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Ялта

Аннотация. В настоящее время современному литературному процессу характерна трансформация одних жанров в другие. За счёт перехода жанровых форм происходит трансформация образов героев. В статье проанализирован роман «Джейн Эйротика» К. Рос (*Jane Eyrotica* К. Rose) с позиции видоизменения викторианского романа в современный эротический роман на примере образа героя. С помощью метода интертекстуального анализа была выявлена жанровая трансформация образа Джейн Эйр: образ главной героини получился «сниженным».

Ключевые слова: интертекстуальность, трансформации образа героя, современная литература, эротический роман.

Summary. Nowadays the modern literary process is characterized by the transformation of one genre to another. The characters' images are transformed due to the transition of genre forms. In the article the novel *Jane Eyrotica* by К. Rose is analyzed from the position of modifying the Victorian novel into a

modern erotic novel based on the image of the hero. Using the method of intertextual analysis there was revealed the genre transformation of the image of Jane Eyre: the way the main character was «reduced».

Key words: intertextuality, transformations of the heroine's image, modern literature, erotic novel.

Современные изменения социума и культуры приводят к переосмыслению моральных и традиционных ценностных ориентиров со стороны исследователей. Происходит пересмотр исторического культурного наследия.

В конце 60-х выдающийся лингвист и филолог, теоретик постструктурализма Ю. Кристева ввела новый термин «интертекстуальность», который провозгласил новое видение взаимоотношений между текстами [3; с. 97]. Данное понятие, по мнению Е. Михайловой, относится к сфере постмодернистской текстологии, и, устанавливая связи между текстом и семиотической культурной средой, создаёт новое пространство повествования – интертекстуальный дискурс [4, с. 22]. Здесь следует сказать о том, что практически каждый текст является интертекстом, так как в той или иной степени состоит из «отрывков общепринятых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагментов социальных идиом» и других текстов (претекстов) [2, с. 208–209].

Принцип множественности интерпретаций в рамках интертекстуального подхода к рассмотрению текстов подразумевает свойственную литературе постмодернизма вариативность значений художественных произведений [1, с. 44].

Опираясь на принцип множественности интерпретаций, в статье проанализирован роман «Джейн Эйр» Ш. Бронте (*Jane Eyre* С. Brontë) в трактовке К. Рос (*Jane Eyrotica* К. Rose) как роман, рассматривающий ещё одну – чувственную – сторону главной героини романа. Целью данной работы является рассмотрение романа «Джейн Эйротика» К. Рос с позиции трансформации викторианского романа в современный эротический роман на примере образа героя.

Современная американская писательница К. Рос в своём творчестве обратилась к известному роману XIX в. «Джейн Эйр», написанному английской писательницей Ш. Бронте практически два века назад. Автор привнесла нотки новизны в хорошо известное произведение. Способ, который избрала писательница, вполне соответствует современным веяниям: роман наполнен эротическими подробностями, раскрывающими для читателя совершенно другую Джейн, которая живёт «в мире страсти, желания и секса» (“in a world of passion, desire and sex”). Роман К. Рос «Джейн Эйротика» – это роман, создающий совершенно новый образ Джейн Эйр.

В настоящее время литературный процесс характеризуется общей тенденцией к динамичности жанров. Моделирование новых жанровых форм влияет на видоизменение образов героев классической европейской литературы, которые приобретают новые характеристики.

Образ литературного героя является частью общей системы художественных образов в литературных произведениях. При помощи ряда художественных средств автор создаёт живое воплощение героя.

Исследователи выделяют разные составляющие художественного образа. Для анализа за основу была взята классификация ряда элементов, которые выделила исследователь А. Я. Эсалнек. Таким образом, характеристика персонажа Джейн Эйр осуществляется посредством следующих элементов:

- 1) Имени, фамилии, прозвища и т.п.;
- 2) Пейзажа – картины природы могут быть созвучны душевному состоянию героя или контрастировать с ним, чтобы оттенить глубину его внутренних переживаний;
- 3) Предмета как составной части образа персонажа;
- 4) Проявление характера посредством действий;
- 5) Речевой характеристики:
 - оценочного высказывания в адрес героя от лица других персонажей;
 - речи героя о самом себе [7; с. 52].

Рассмотрим элементы, создающие образ главной героини в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр»:

1) **Имя героини.** Если обратиться к фамилии главной героини, то “Eyre” переводится как «выездная сессия суда». Джейн Эйр действительно была придирчива к себе и справедлива к другим;

2) **Пейзаж.** Радостное состояние природы отражает будущее, которое ожидает главную героиню – она счастлива. Её *внутренняя гармония и светлые чувства* переданы в следующем отрывке: “A splendid Midsummer shone over England: skies so pure, suns so radiant as were then seen in long succession, seldom favour even singly, our wave-girt land” [p. 292];

3) **Предмет как составная часть образа персонажа.** Чёрный мериносовый плащ и чёрная касторовая шляпка Джейн являются воплощением её педантичности, скромности: “He stopped, ran his eye over my dress, which, as usual, was quite simple: a black merino cloak, a black beaver bonnet; neither of them half fine enough for a lady’s-maid. He seemed puzzled to decide what I was; I helped him” “I am the governess” [p. 173];

4) **Проявление характера посредством действий.** Джейн Эйр:

- *строга к себе:* она пишет автопортрет, не упуская ни единого изъяна – это способ самодисциплины, позволяющий увидеть, насколько прекрасна её соперница, и насколько ничтожно малы её собственные шансы: “Listen, then, Jane Eyre, to your sentence: to-morrow, place the glass before you, and draw in chalk your own picture, faithfully, without softening one defect” [p. 186];

• *наблюдательна:* наблюдая за поведением леди Ингрэм, Джейн безошибочно характеризует её как глупую и заносчивую особу: “She was

very showy, but she was not genuine: she had a fine person, many brilliant attainments; but her mind was poor, her heart barren by nature. She was not good; she was not original: she used to repeat sounding phrases from books: she never offered, nor had, an opinion of her own” [p. 213];

б) Речевая характеристика:

оценочное высказывание в адрес героя от лица других персонажей

- Мистер Рочестер, говоря о Джейн Эйр, *называет её*: переодетой богиней “disguised deity” [p. 160], неземным существом “you almost unearthly thing” [p. 392]; нежной и воздушной красавицей: “You are a beauty in my eyes, and a beauty just after the desire of my heart, — delicate and aerial” [p. 308];

речь героя о самом себе

- Джейн *характеризует себя* иначе: одинокая, неимущая дурнушка “disconnected, poor, and plain” [p. 244]; скромная и ничтожная “puny and insignificant” [с. 399].

Итак, из вышеприведённых примеров видно, что:

✓ В первичном тексте много внимания уделено *становлению и развитию личности* главной героини, её трезвости мысли и рассудительности;

✓ В романе Ш. Бронте Джейн *скромна и целомудренна* (в викторианской Англии для девушек считалось недопустимым добрые интимные связи).

Теперь для сопоставления характеристик романов важно указать главную отличительную черту вторичного произведения «Джейн Эйротика» от первичного – «Джейн Эйр». Во вторичном романе главная героиня, не достигнув совершеннолетия

- *вступает в интимную связь с двоюродным братом Джоном*, которого в романе-оригинале она ненавидит и презирает: “Wicked and cruel boy! You are like a murderer—you are like a slave-driver—you are like the Roman emperors!” [p.8];

- во время эпидемии тифа Джейн *встретила «нового партнёра по играм»* (“altogether different playmate”): “Jack was the stable lad who tended to the ponies at Lowood” [p. 67]; “He grunted and moved in and out of me exquisitely slowly, sending shoots of pleasure shivering up my body” [p.70];

- по дороге в Хэй Джейн *отдалась незнакомцу*, который впоследствии оказался её хозяином мистером Рочестером (mister Rochester) и *очередным любовником*: “...barely knowing who or what I was [...] He pulled out of me and grunted, coming. We were both for a moment as he lay over me.” [p. 104]; “This was unlike anything I had ever done with John Reed or Jack [p. 130-131].

Теперь сопоставим данные характеристики «Джейн Эйр» Ш. Бронте со вторичным романом «Джейн Эйротика» К. Рос:

✓ В первичном и вторичном текстах в образе героини прослеживаются *общие черты* (доброта, рассудительность, твёрдость, дисциплинированность героини);

✓ В романе К. Рос *развитие и становление личности* Джейн показано в самых общих чертах, за счёт чего образ не получает глубины;

✓ В романе К. Рос описывается множество сексуальных контактов главной героини. Следовательно, основное отличие новой Джейн Эйр – её *сексуальная раскрепощённость*;

✓ Джейн выглядит *приземлённой и распущенной*, так как главный акцент делается на чувственной стороне повествования. Данная мера отклонения от оригинала способствовала трансформации образа Джейн Эйр и *формированию «сниженного» образа* главной героини.

Таким образом, в настоящее время отличительной особенностью в литературе является трансформация одних жанров в другие жанров. Жанровая парадигма претерпевает изменения: за счёт перехода жанровых форм происходит трансформация образов героев. Образы европейской классической литературы в контексте современного литературного пространства приобретают новые характеристики, проявление которых отражено в романе «Джейн Эйротика» К. Рос. Проанализировав сходные и различные черты главной героини в романе «Джейн Эйр» Ш. Бронте и «Джейн Эйротика» К. Рос, была выявлена жанровая трансформация образа Джейн Эйр: из скромной, проницательной, интересной Джейн она превратилась во вторичном романе в приземлённую и распущенную Джейн. Следовательно, образ главной героини стал «сниженным».

Список использованных источников

1. Ивлева А. Ю. Художник-текст-реципиент / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2008. С. 44–108.
2. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. – 2000. – Т. 9. С. 97–124.
4. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1999. 22 с.
5. Сержант Н. Л. Принципы жанрового моделирования в современном постмодернистском романе [Электронный ресурс] // [http://elib.bspu.by/bitstream/doc/1515/1/Сержант%20Принципы%20жанрового%20моделирования%20\(1\).pdf](http://elib.bspu.by/bitstream/doc/1515/1/Сержант%20Принципы%20жанрового%20моделирования%20(1).pdf) (дата обращения 06.01.2018).
6. Шичкина М. Г. Интертекстуальность и прагматическая адаптация при переводе художественных англо- и немецкоязычных текстов [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2016. – № 10. С. 1513–1516. <https://moluch.ru/archive/114/30061/> (дата обращения: 06.01.2018).
7. Эсалнек А. Я.: Теория литературы. М.: Флинта, 2010. 208 с.
8. Brontë C. Jane Eyre [Электронный ресурс] // <http://www.literaturepage.com/read/janeeyre.html> (дата обращения 25.10.2017).
9. Brontë C., Rose K. Jane Eyrotica / Charlotte Brontë Karena Rose [пер. с англ. Ю. А. Милоградской]. NY.: Skyhorse Publishing, 2013. 384 p.

УДК 81'25

**ПЕРЕВОД СТОГИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ И ВЕРЛБИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. ДЕ ЛА ВЕГА
И Х. М. МАРКОСА)*****А. В. Дзюба,****преподаватель кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону****В. М. Кадария,****студентка третьего курса кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы поэтического перевода двух жанров: сонета эпохи Возрождения и современного верлибра. Также внимание уделяется проблеме соблюдения стиля автора, «точности» и «вольности» перевода и потерям в процессе перевода.

Ключевые слова: поэтический перевод, поэзия, испанский язык.

Summary. The main objective of this paper is to examine the translation problems of two genres: a Renaissance sonnet and a contemporary free verse, as well as the notion of 'accuracy of a translation', author's style and losses during the process of translating.

Key words: translation of poetry, poetry, Spanish language.

Вопрос о возможности создания адекватного поэтического перевода волнует учёных и поэтов уже многие столетия. В целом, можно утверждать, что доминируют две точки зрения, согласно одной из которых перевести стихотворения невозможно в любом случае, в то время как сторонники другой теории утверждают, что адекватный перевод возможен, хотя потери неизбежны.

В настоящей статье мы постараемся показать, что поэтический перевод вполне осуществим. С этой целью будут рассмотрены два авторских перевода: сонета XVI в. и свободного стиха современного автора. Такие жанры были выбраны в связи с тем, что «современная поэзия представлена, прежде всего, силлаботоникой (размер-рифма) и верлибром (сложный алгоритм, построенный на неравномерном чередовании ударений и неударных слогов, часто подкрепляется повторами)» [1, с. 138]. Таким образом, мы постараемся доказать, что сохранение как формы, так и содержания возможно при любом виде поэтического перевода, а также продемонстрируем важность сохранения стиля автора для его правильного восприятия читателями, не владеющими языком оригинала.

До настоящего момента, к сожалению, не выработано четких критериев определения «верности» поэтического перевода. Одним из методов определения «точности» и «вольности» перевода является

разработанный М. Л. Гаспаровым количественный метод, согласно которому подсчитывается количество лексических единиц, совпадающих в оригинальном и переводном текстах. Однако, как справедливо отмечает К. Ю. Игнатов, применивший этот метод для анализа переводов М. И. Цветаевой на английский язык, понятия точность и вольность перевода не имеют «прямой связи с эстетической оценкой перевода, которая даётся в соответствии с литературными традициями лингвокультуры и индивидуальным вкусом читателя, с учётом множества факторов» [3, с. 156]. Таким образом, стопроцентное лексическое соответствие не всегда может служить доказательством адекватности поэтического перевода.

Начинающий переводчик может задаться вопросом: как же мне переводить, если даже метод одного из известнейших переводчиков и литературоведов не даёт стопроцентного результата, и попытаться найти ответ в одной из интереснейших работ, посвященных художественному переводу в целом – книге К. Чуковского «Высокое искусство». Но даже здесь на протяжении всего текста зачастую высказываются абсолютно противоположные идеи, касающиеся поэтического перевода. Создаётся впечатление, что переводчику, в первую очередь, нужно доверять своей интуиции и чутью. Так, автор утверждает, что ни один переводчик, руководствующийся исключительно формальными правилами (передачей строфики, ритмики, количества строк и т.д.) никогда не добьется поэтической точности [4, с. 76] и, кроме того, если мы попытаемся с максимальной точностью передать каждое слово текста, не передав его поэтичности, достигнутая точность будет равняться нулю [4, с. 87]. Перевод может оказаться верным воспроизведением подлинника, если переводчик попытается передать ритмику, смысл и стиль данной поэзии, отказавшись от «буквальной точности» [4, с. 368] и, говоря о переводе Т. Шевченко, автор настаивает, что переводчик может заменять одни слова другими, главное, чтобы они звучали в духе украинского автора, но при этом критикует английских переводчиков, добавивших в его детские стихотворения слова, которых там не было и которые в «духе подлинника» не звучат [4, с. 290]. Автор ругает переводы И. Введенского, не понимавшего английские фразеологизмы, и в то же время хвалит целые абзацы, добавленные в текст Ч. Диккенса этим переводчиком, говоря о том, что, если бы Диккенс говорил по-русски, он бы тоже добавил эти фразы [4, с. 327–332]. Итак, мы видим, что даже в рамках одной книги одного автора встречаются абсолютно противоположные концепции, и в случае поэтического перевода удовлетворить всех невозможно.

В любом случае, если мы имеем дело со строгим жанром, например, сонетами, мы должны в первую очередь сохранить форму и рифмовку, а потом максимально передать содержание, что и мы попытались сделать при переводе сонета Гарсиласо де ла Вега. Сохранение формальной составляющей произведения в данном случае необходимо хотя бы потому, что именно этот поэт перенес в испанскую поэзию новые формы (сонет,

элегию, кансону, эпистолу) из более развитой в то время итальянской поэзии и кроме того это были «формы, связанные с определенным содержанием и дающие возможность это содержание выразить» [5, с. 91–92]. Поэтому перевод сонета вряд ли можно считать адекватным, если не была сохранена оригинальная авторская рифмовка, а количество строк не равно четырнадцати. Приведём для сравнения оригинал сонета XXIII Г. де ла Вега и затем наш перевод (в связи с ограниченным объемом статьи, оригинал и перевод будут приведены в виде сплошного текста с указанием номера строк): (1) En tanto que de rosa y de azucena (2) se muestra la color en vuestro gesto, (3) y que vuestro mirar ardiente, honesto, (4) enciende al corazón y lo refrena; (5) y en tanto que el cabello, que en la vena (6) del oro se escogió, con vuelo presto (7) por el hermoso cuello blanco, enhiesto, (8) el viento mueve, esparce y desordena: (9) coged de vuestra alegre primavera (10) el dulce fruto antes que el tiempo airado (11) cubra de nieve la hermosa cumbre. (12) Marchitará la rosa el viento helado, (13) todo lo mudará la edad ligera (14) por no hacer mudanza en su costumbre.

Наш перевод, в котором сохранена оригинальная форма сонета: (1) Пока пылает розою румянец на щеках (2) И белой лилией лицо цветёт, (3) Пока горящий честный взгляд вперёд (4) Страсть разжигает и малит в сердцах; 5) Пока сияет солнце ярко в завитках (6) Волос, пока чудесный их ручей плывёт (7) По белой стройной шее, терпеливо ждёт, (8) Когда резвится ветер в золотых волнах: (9) Сорвите сладкий плод, весной цветущий, (10) Скорее, чем покроют снегом годы (11) Златые ваши девичьи косички. (12) Увянет роза от морозной непогоды. (13) А злое время всё изменит всемогуще, (14) Ничуть не изменив своей привычке.

Однако, несмотря на то, что ни в каком другом тексте форма не имеет такого значения, как в поэтических текстах, при переводе мы должны обращать внимание не только на форму, но и на содержание, которое выражается в сложности образов, складывающихся в определенную систему [1, с. 138–139]. Очевидно, что было необходимо передать образ молодой прекрасной девушки и метафору, связанную со сменой времен года, олицетворяющих молодость и старость. При этом не обошлось без потерь: например, «золотой рудник» был заменён «золотым ручьём», а «красивая вершина», под которой автор имеет в виду голову, - «златыми девичьими косичками». Однако в целом система образов и эпитетов была сохранена.

В том, что касается свободных жанров вроде верлибра, мы обязаны, прежде всего, передать стиль автора, его видение мира, метафоры, не боясь того, что эти метафоры могут быть непонятны читателям переводного текста: ведь автор не боялся использовать данные средства, когда писал стихотворение. Следует отметить, что переводчику необходимо попытаться сохранить все авторские метафоры, какими бы странными они ни казались в переведенном виде: скорее всего они кажутся не менее странными и для читателя, являющегося носителем языка; такова задумка автора. К сожалению, среди критиков перевода существует требование украшать

стиль или упрощать слог автора. Главным аргументом при этом указывается мысль «отечественный читатель текст не поймёт», то есть такие критики отказывают читателю в возможности прочувствовать какое-либо поэтическое произведение сложнее стандартного рифмованного стиха. В действительности при переводе метафор единственным критерием, ограничивающим переводчика, является понятие лексической сочетаемости, иначе переводчик может быть обвинен в незнании русского языка. Кроме того, нельзя забывать о том, что многие метафоры, которые могут показаться недостаточно подготовленному переводчику свежими и оригинальными, на самом деле являются стёртыми для носителей языка.

При чтении перевода, нерафинированный читатель, привыкший к пятистопному ямбу и рифмованным стихотворениям, может возмутиться, сказав, что перевод «неправильный», так как в нем отсутствуют указанные выше элементы. Однако мы считаем, что переводчик не имеет права приукрашивать оригинал и, тем более, давать рифму там, где она отсутствует. Тем более, что С. Ф. Гончаренко в своей монографии «Основы теории испанской поэтической речи» дает определения стиховой и поэтической речи. Под стиховой понимается речь, разделенная на условно-приравняемые между собой отрезки (строки, стихи), не обязательно совпадающие с единицами смыслового и синтаксического членения. Поэтическая же речь – это стиховая речь, достигшая такой степени структурно-содержательной организации, при которой обеспечивается поэтическая коммуникация и осуществляется одновременная передача смысловой и эстетической информации [2, с. 12]. В обоих определениях обращает на себя внимание отсутствие обязательного наличия такого элемента как рифма в поэтической речи, следовательно, стихотворение не должно таковым называться только благодаря наличию конечных созвучий в строках.

Итак, приведём произведение Х. М. Маркоса, современного парагвайского поэта и писателя: (1) Este es un llamamiento (2) para que tú te asomes al fuego de la vida (3) y en sus llamas de horror te purifiques, (4) para que tú te lances al río de los otros (5) y en su tibio caudal te reconozcas, (6) para que tú bebas de golpe la alegría (7) y en esa plenitud te desparrames, (8) para que tú te abrases al primero que pasa (9) y le invites a caminar contigo, (10) para que tú te duermas en un beso tranquilo (11) y no tranques la puerta de tu casa, (12) para que tú amanezcas con los ojos hinchados (13) al cabo de un insomnio de sueños taladrados (14) y sin embargo aspire contento la mañana (15) sonriendo al escuchar que esa muchacha (16) está roncando un poco, todavía. (17) Porque tienes derecho al pan, al libro, al aire, (18) al fugitivo amor y a la esperanza, (19) yo te nombro de nuevo en este llamamiento (20) ¡y te hago mundial esta semana!

Наш перевод: (1) Это я призываю тебя, (2) чтобы ты заглянул в огонь жизни (3) и в его ужасном пламени ты очистился, (4) чтобы ты бросился в реку других (5) и в её теплом течении ты себя познал, (6) чтобы ты разом наполнился радостью (7) и в этом изобилии ты рассеялся, (8) чтобы обнял первого встречного (9) и предложил ему пойти с тобой, (10) чтобы ты заснул

от тихого поцелуя (11) и не запирает дверь своего дома, (12) чтобы ты встречал рассвет, глядя глазами, (13) опухшими от бессонницы пронзающих снов, (14) и все же, ты вдыхал довольно утро, (15) улыбаясь, услышав, как эта девушка (16) все еще сопит в постели. (17) Потому что ты имеешь право на хлеб, книгу, воздух, (18) мимолетную любовь и надежду, (19) и я вновь обращаюсь к тебе с этим призывом (20) и обещаю устроить тебе прекрасную неделю!

В данном стихотворении автор эксплицитно призывает неизвестного собеседника радоваться жизни и получать удовольствие от любых мелочей. В контексте времени – периода диктатуры А. Стресснера – Х.М. Маркос подчеркивает, что каждый человек имеет право на жизнь. Автор призывает лирического героя жить эмоциями, безоглядно радоваться и растворяться в этой же радости, быть непосредственным и открытым для мира. Нужно наслаждаться каждым моментом жизни: рассветом, который встречают с опухшими от бессонницы глазами, ранним утром, спящей девушке, ведь каждый человек имеет право на простые радости жизни. При этом автор не использует возвышенную лексику, следовательно, и мы придерживаемся такого же стиля. Именно обыденностью ситуации, описываемой достаточно простым языком (*ojos hinchados*, опухшие глаза, *roncar*, храпеть), автор передает душевность и жизненность, характерную для его лирических произведений.

Некоторые неясные моменты, присутствующие в переводе, неясны и читателю оригинала: поэзия для того и существует, чтобы подвергаться интерпретациям. Например, как парагвайский, так и русский читатель не может однозначно утверждать, что имел в виду автор под «рекой других»: любовь, дружбу или что-либо еще. Поэтому переводчик не должен расшифровывать скрытые смыслы в самом тексте стихотворения: он может предоставить соответствующий переводческий комментарий. Так, является обязательным требование пояснять реалии, отсутствующие в ПЯ: к примеру, в другом произведении Х. М. Маркоса, который мы также переводили, встречается слово «*piragüe*» (букв. гуарани «волосатая нога») – стукач, доносчик, информатор полиции.

Таким образом, при переводе любого поэтического произведения необходимо, во-первых, сохранить стиль автора, во-вторых, максимально передать содержание, и, в-третьих, не менять форму переводимого произведения, особенно в случае с такими строгими жанрами, как сонет. При этом переводчику не следует «упрощать жизнь» читателю, убирая необычные метафоры или явно поясняя потайной смысл стихотворения. Именно тогда русскоязычный любитель поэзии, прочитав перевод, сможет получить максимальное удовольствие от чтения.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
2. Гончаренко С. Ф. Основы теории поэтической речи // Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. Монографии. М.: Рема, 1995. 299 с.
3. Игнатов К. Ю. О количественной оценке стихотворного перевода (на примере стихотворения М. Цветаевой) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы I всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: Ариал. С. 8 – 13.
4. Чуковский К. Высокое искусство. Спб.: Азбука, 2016. 416 с.
5. Штейн А. Л. История испанской литературы. М.: Едиториал УРСС, 2001. 608 с.

УДК 821.111

**ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
АНГЛИЙСКОГО СВОБОДНОГО СТИХА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА***М. С. Дроздова,**кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
методики обучения английскому языку и деловой коммуникации,
Институт иностранных языков, ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет», Москва*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей художественного перевода английского свободного стиха второй половины XX века. Целью статьи является изучение герменевтического перевода поэзии на примере стихотворения Дж. Фаулза, переведенного автором статьи. Анализ стихотворения осуществляется посредством методов литературной герменевтики и рецептивной эстетики. Автор делает вывод об эффективности герменевтического перевода поэзии, особенно в научных целях.

Ключевые слова: поэзия, перевод, свободный стих (верлибр), литературная герменевтика, рецептивная эстетика.

Summary. The paper focuses on artistic translation of English late XX century free verse. The author aims to study hermeneutic translation of poetry illustrating it with her own translation of J. Fowles's poem. The methods of literary hermeneutics and reception-aesthetics are used to analyze the poem. The author draws a conclusion about the efficiency of the hermeneutic method of translating poetry, especially for academic purposes.

Key words: poetry, translation, free verse, literary hermeneutics, reception-aesthetics.

Как известно, перевод поэтического текста занимает особое место в теории и практике перевода. Несмотря на существующую теорию непереводимости поэзии, основанную на серьезных различиях стихотворной формы в разных языках, «современное переводоведение

стоит на позициях возможности создания эквивалентного оригиналу поэтического текста» [3, с. 45]. Современные ученые (Л. С. Бархударов, Л. Т. Идиатуллина, Ю. П. Солодуб) считают залогом успешности поэтического перевода сохранение оригинальных ритма и рифмы, а также стилистических приемов на всех языковых уровнях, что возможно только при глубоком понимании переводчиком идейно-тематического содержания подлинника и авторских интенций [3, с. 48–49].

Сходные идеи высказывает основоположник научной герменевтики Ф. Шлейермахер в лекции «О разных методах перевода», где он обращается к проблеме понимания и интерпретации текста переводчиком, а затем и читателем. Философ выделяет два метода перевода. В первом случае, переводчик должен настолько «вжиться» в образ автора, чтобы у читателя возникло ощущение, что он читает текст в оригинале. Второй метод перевода заключается в переделывании авторского произведения таким образом, чтобы читатель воспринимал его как текст, написанный своим соотечественником [5, с. 7–12]. Другими словами, цель герменевтического метода, по мнению Шлейермахера – понять автора лучше его самого. Если толкователь все время следует за мыслями автора, то он со временем выведет на уровень сознания многое, что оставалось неосознанным для самого автора, т.е. поймет его лучше, чем тот понимал сам себя.

Нам представляется особенно актуальным осуществлять герменевтический перевод поэзии в научных целях, когда в качестве читателя выступают профессиональные литературоведы. Для этого обратимся к одному из современных методов изучения литературы – методу литературной герменевтики. Он эффективен при изучении художественной литературы как системы «автор – произведение – читатель». Метод литературной герменевтики направлен главным образом на анализ процесса понимания текста, которое происходит по так называемому «герменевтическому» кругу, подразумевающему наличие нескольких уровней понимания с постепенным углублением [2, с. 154–155]. Данный метод позволяет изучить поэтический текст с глубоким пониманием авторского замысла прежде, чем приступить к переводу.

Рассмотрим такой герменевтический перевод на примере стихотворения «Protect the Word» [6] английского писателя Джона Фаулза (John Robert Fowles, 1926–2005), переведенного нами на русский язык. Данное стихотворение было выбрано нами для примера художественного перевода, так как оно не было переведено ранее и обладает глубоким философским смыслом. Нами намеренно было избрано сложное для перевода стихотворение, которое характеризуется интертекстуальностью (реминисценциями и аллюзиями на жизнь и творчество предшественников). Стихотворение написано в 1960-х годах свободным стихом, берущим начало в поэзии символистов и популярным в западной лирике по сей день. Под свободным стихом (или верлибром) в литературоведении принято понимать «ряд своеобразных формаций стиха, отличающихся от

равносложного силлабического и равносложного силлаботонического стиха» [4, с. 75]. Другими словами, это стихотворение с нечеткой ритмической структурой, а также частичным или полным отсутствием рифмы.

Действительно, ритм в данном стихотворении не является постоянным, однако большая часть стиха написана двустопным ямбом. В последнем четверостишии наблюдается парная перекрестная мужская рифма, в середине стихотворения – парная перекрестная мужская тавтологическая рифма («Are not of help»).

Protect the Word

Protect the word,
Protect and cherish the word,
Cherish and preserve.
The word has many enemies;
Things as they are
Are not of help.
Music-lovers, lovers of art,
Empty shells, mere seeing eyes,
Are not of help.
At the beginning was the word,
Before the image or the sound.
In chaos, order is its heart,
In order freedom is its soul.
It is the art in which to feel
Is not enough, and yet in which
The best are not the most skilled.
There seemed many great auks
Till the last one was killed.

Цените Слово

Цените Слово,
Цените и чтите Слово,
Чтите и храните.
У Слова множество врагов;
Вещи в себе
Не помогают.
Музыканты и живописцы,
Толпы праздных, очи слепые
Не помогают.
А ведь в начале было Слово,
Давно, до образа и звука.
И в сердце хаоса – порядок,
Душа порядка есть свобода.
В искусстве Слова одного
Лишь чувства мало и
Не хватит одного усилья.
Казалось, много есть гагарок,
Но вот последнюю убили.

На лексическом уровне можно выделить несколько метафор. Стихотворение заканчивается предложением «There seemed many great auks till the last one was killed» (в нашем переводе «Казалось, много есть гагарок, но вот последнюю убили»). В данном случае речь идет о бескрылой гагарке – биологическом виде, исчезнувшем в середине XIX века. Дж. Фаулз отождествляет эту птицу с искусством слова – поэзией, которой посвящено стихотворение. Автор призывает беречь слово, поэта и поэзию, чтобы они также не исчезли с лица Земли в ближайшем будущем.

Особое место в стихотворении «Цените Слово» занимает олицетворение. У хаоса, как у живого существа, есть сердце, а у порядка – душа («In chaos, order is its heart, in order freedom is its soul»), и этой душой, по мнению Фаулза, является свобода. Анализируемая метафора подразумевает вывод автора о том, что только вербализированное искусство может быть упорядоченным, при этом творец всегда свободен в выборе слов. Здесь следует обратить внимание на то, что все стихотворение Фаулза построено на развернутом олицетворении, сохраненном в переводе. В

первую очередь, это относится к Слову, у которого, как у человека, есть множество врагов («The word has many enemies»).

Образ Слова занимает центральное место в стихотворении. Фаулз употребляет лексическую единицу «word» («слово») с определенным артиклем «the», чтобы подчеркнуть: 1) его исключительность, уникальность; 2) обобщенное значение (в нашем переводе данные функции выполняет заглавная буква, так как в русском языке отсутствуют артикли). Слово у Фаулза – это больше, чем просто лексическая единица, это понятие включает в себя язык, речь и литературу.

На лексическом уровне стихотворения присутствует также стилистический прием метонимии. Выражение «mere seeing eyes» (дословно: «всего лишь видящие глаза», в нашем переводе «очи слепые»), то есть глаза, не способные замечать суть вещей, употребляется для обозначения людей, невнимательных к окружающему миру. Образ невидящих глаз получает дальнейшее развитие в творчестве Фаулза. В 1971 году он пишет эссе «Незрячее око» («The Blinded Eye») о потребительском отношении к природе, где рассмотренная метонимия употребляется со сходным смыслом. Данное обстоятельство сближает измененный стилистический прием в переводе с идеями и замыслом Фаулза.

На синтаксическом уровне в исследуемом стихотворении выделяются повторы: 1) Protect the word / Protect and cherish the word / Cherish and preserve; 2) Are not of help; 3) In chaos, order is its heart, / In order freedom is its soul. В первом случае повтор нужен для усиления стилистического приема градации: глаголы расположены в порядке возрастания важности передаваемых ими действий. Во втором случае монотонность повтора вызывает у читателя ощущение безнадежности. В третьем случае мы имеем дело с параллельными конструкциями. Следует обратить внимание, что строки в этой части стихотворения написаны одним размером – четырехстопным ямбом. Указанные конструкции сохранены в нашем переводе.

Представляется необходимым также рассмотреть данное стихотворение с точки зрения интертекстуальности. Нами были обнаружены эксплицитная библейская реминисценция и имплицитная аллюзия на поэму Горация «Наука поэзии».

Библейская реминисценция представлена строкой «At the beginning was the word» («В начале было Слово»). На первом уровне герменевтического круга очевидно, что реминисценция взята из Пролога Евангелия от Иоанна, первая строка которого рассказывает о премирном бытии Божественного Слова (Логоса) – второй Ипостаси Святой Троицы, то есть Иисуса Христа, Сына Божия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Первый стих Евангелия от Иоанна говорит о том, что Божественное Слово существовало изначально, вне сотворенного Им мира. Данный стих утверждает бытийную связь Божественного Слова с первой Ипостасью Святой Троицы – Ипостасью Отца, свидетельствует о Божественной природе Слова.

На глубоком уровне понимания стихотворения Джона Фаулза рассматриваемая реминисценция несколько преломляется. Если в Евангелии от Иоанна под Словом подразумевается Сын Божий Иисус Христос, то Фаулз понимает слово в его буквальном смысле, то есть как словесность вообще, язык и речь. С помощью данной библейской реминисценции Фаулз призывает относиться к слову как Божьему дару, который делает человека человеком и который нужно ценить, чтить и хранить. Интерпретируя библейскую реминисценцию применительно к идее своего стихотворения, автор утверждает, что слово существовало до всего остального в мире, называя его «сердцем хаоса» и «душой порядка». Рассмотренная реминисценция сохранена в нашем переводе: «...в начале было Слово», что соответствует синодальному переводу Евангелия от Иоанна на русский язык (Ин. 1:1).

Далее поэт переходит к рассуждениям о тонкостях искусства слова: «It is the art in which to feel is not enough, and yet in which the best are not the most skilled» (в нашем переводе «В искусстве Слова одного лишь чувства мало и не хватит одного усилья»). В данном случае мы имеем дело с имплицитной аллюзией на поэму Горация «Наука поэзии». В «Науке поэзии» Гораций призывает младших поэтов придерживаться выработанного им правила «золотой середины». Те же мысли высказывает в своем стихотворении и Фаулз, утверждая, что одного чувства недостаточно, так же, как и одного мастерства. Таким образом, аллюзия сохраняется в переводе.

Осуществив перевод стихотворения Дж. Фаулза «Protect the Word» с предшествующим анализом посредством методов литературной герменевтики и рецептивной эстетики, отметим, что, несмотря на сложность данного стихотворения с точки зрения формы и содержания, нам удалось получить текст, эквивалентный оригиналу.

Заменив отдельные слова и конструкции, мы, тем не менее, смогли сохранить ритмическую структуру стихотворения, рифму (там, где она присутствует у автора), лексические приемы на разных языковых уровнях (три метафоры, метонимию, три повтора), а также интертекст (эксплицитную реминисценцию и имплицитную аллюзию). Это стало возможным, благодаря герменевтическому переводу с детальным анализом стихотворения в контексте творчества Дж. Фаулза, что позволяет нам сделать вывод о необходимости и эффективности такого метода перевода, результат которого может быть применен к литературоведческому изучению стихов автора наравне с его оригинальным произведением.

Список использованных источников

1. Библия. РБО, 2013. 1248 с.
2. Зинченко В. Г. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход: учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. М.: Флинта: Наука, 2011. 280 с.

3. Идиатуллина Л. Т. Проблема перевода поэзии в исследованиях современных ученых // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – №1. С. 44–29.
4. Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 375 с.
5. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода // Вестник МГУ. – 2000. – Сер. 9, №2. С. 12–144.
6. Fowles J. R. Selected Poems. Hoxham: Flambard Press, 2012. 132 p.

УДК 491.7

**ЯЗЫКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ**

О. В. Ермоленко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода текстов профессиональной направленности, выделены когнитивные аспекты перевода, делается акцент на дискурсивном подходе, способствующем преодолению трудностей перевода обучающимися.

Ключевые слова: перевод, когнитивные действия, когнитивность, профессионально-информативная ценность.

Summary. The article is aimed at the ESP-texts translation; the cognitive aspects of translation are emphasized; the discourse approach contributing to the translation difficulties overcoming is stressed.

Key words: translation, cognitive actions, cognitivity, professional-informative value.

В современном социально-политическом, экономическом и социокультурном контексте развития общества есть все основания рассматривать владение иностранным языком (преимущественно, английским) в качестве необходимого условия становления высококвалифицированной «профессиональной личности» (Л. В. Яроцкая) выпускников неязыкового направления подготовки специалистов высших учебных заведений. Знание иностранного языка обогащает профессиональную картину мира будущего выпускника, причем целью обучения иностранному языку в высшей школе должно стать владение языком профессиональной коммуникации с целью его практического использования в будущей профессиональной деятельности. Более того, расширение международных научных и профессиональных контактов способствует увеличению объема поступающей иноязычной информации, которая, в свою очередь, требует определённых знаний иностранного языка для её адекватной обработки. Следовательно, по-прежнему актуален вопрос

перевода различных материалов с иностранного или на иностранный язык с целью извлечения или передачи информации профессиональной направленности, поэтому очевиден факт необходимости обучения базовым стратегиям перевода будущих выпускников неязыковых факультетов, несмотря на ограниченное количество часов, обеспечивающих изучение иностранного языка в высшей школе.

«Практика перевода в целом определяется исследователями как когнитивные действия переводчика в процессе его систематической устной и/ или письменной переводческой деятельности» [1, с. 177]. Для осуществления перевода студенту необходимо владеть достаточным набором лексических единиц, в том числе специальной терминологией в специальной области знаний, владеть грамматическими знаниями, техникой перевода, уметь эффективно пользоваться специальными словарями, глоссариями, справочниками по специальности и обладать определенными профессиональными знаниями, поскольку перевод научного, научно-популярного или технического текста требует не просто знания иностранного языка, но глубокого понимания узкопрофессиональной тематики. Безусловно, переводимый текст должен вызывать познавательный интерес у обучающихся, представлять профессионально-информативную ценность, т.е. обучение должно строиться на основе качественного образовательного контента – на базе материала, отражающего современные профессиональные проблемы и способы их практического решения. Ранее мы говорили о том, что иностранный язык является средством получения специализированной информации по профилирующему предмету, поскольку «знание языка обеспечивает возможность знакомства с достижениями в профессиональной сфере за рубежом, количественного и качественного повышения знаний из специальной профильной области, способствуя более глубокому формированию знаний профессиональной направленности потенциального специалиста» [3, с. 38], когда проявляется ещё одна значимая функция иностранного языка – когнитивная. Отметим кстати, что термин «когнитивность» используется в нескольких отличающихся друг от друга контекстах, как то способность индивида к умственному восприятию и переработке информации (психическое состояние), а также само познание или знание (культурно-социальный смысл).

Переводческая работа студентов с текстами профессиональной направленности способствует интеграции иностранного языка в содержание профессионально-ориентированного обучения и установления межпредметных связей в процессе приобретения общеакадемических навыков. Работа с профессионально-ориентированными текстами в процессе перевода позволяет использовать знания как в области профессиональных дисциплин, так и в области лингвистики, что видится очевидным преимуществом для студентов, получающих знания по определённым направлениям подготовки, поскольку они значительно

активизируют понимание иноязычного специального текста, а психолого-когнитивные возможности активизируют перцептивно-мыслительную деятельность по узнаванию профессионально значимых концептов, способствуют развитию языковой догадки, выявлению различного рода смысловых связей в тексте, тогда как знания, получаемые обучающимися на иностранном языке, обеспечивают возможность более успешного усвоения дисциплин направления подготовки, будь то энергетическая отрасль, химическая промышленность, финансы, право, аэрокосмическая промышленность, электроника, биомедицина или агропромышленная сфера.

Обучение стратегиям перевода (устного или письменного) студентов неязыковых специальностей обусловлено рядом лингводискурсивных и психокогнитивных особенностей. Речь идёт об умении переводчика делать предпереводческий анализ (деление текстового материала на смысловые части, восприятие и понимание текста как единой смысловой структуры, выявление смысловых опор и ключевых слов, соотнесённых с текстовым материалом – контекстом и т.д.), принимать переводческие решения (поиск верных лексических эквивалентов или умение распознать безэквивалентную лексику, осуществление лексических и грамматических трансформаций), редактировать выполненный перевод, работать с лингвострановедческой информацией; уметь анализировать и синтезировать, классифицировать, обобщать, конкретизировать. В. В. Гусев [2] выделяет три взаимосвязанных уровня в когнитивной схеме перевода: когнитивные схемы видов речи, входящих в состав перевода как рецептивно-репродуктивной речевой деятельности (для письменного перевода это когнитивные схемы чтения и письма), нормативные модели перевода (знания, составляющие теоретическую основу формирования навыков перевода) и адаптивные модели перевода, развивающиеся у субъекта деятельности в соответствии с его индивидуальным стилем. Одним из примеров адаптивной модели может послужить пример адаптации переводчика к условиям устного последовательного перевода, когда включаются в работу сложные умственные механизмы переводчика, по мнению Р.К. Миньяра-Белоручева, слуховое однократное восприятие исходного текста, временные ограничения в процессе перехода с одного языка на другой язык, нагрузка на память при устном и однократном оформлении перевода.

Преодоление трудностей, возникающих из сути самого процесса перевода, возможно, по мнению современных исследователей в области стратегий перевода (А. Н. Базуева, Н. Н. Сергеева), решать с помощью дискурсивного подхода, способствующего пониманию того, в каких отношениях находятся собеседники, в какой ситуации осуществляется общение и как в зависимости от этих факторов надлежит строить последующее высказывание.

Список использованных источников

1. Базуева Е. В., Сергеева Н. Н. Типология упражнений, направленных на обучение стратегиям перевода англоязычного юридического дискурса // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 6. С. 175–181.
2. Гусев В. В. Эмпатическая модель в формировании стратегии перевода [Электронный ресурс] <http://www.thinkaloud.ru/scienceak.html>. (дата обращения 30. 01. 2016).
3. Ермоленко О.В. Языки профессиональной коммуникации: конвергенция когнитивных и социогуманитарных практик // Современные тенденции формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов (естественнонаучные специальности): монография / под общ. ред. проф. А.Д. Петренко. Симферополь: ООО «Антиква», 2017. С. 35–50.

УДК 882-821

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. М. КАРАМЗИНА***Е. А. Жесткова,***

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики дошкольного и начального образования, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), Арзамас

Аннотация. Цель данной статьи - рассмотреть переводное наследие Н. М. Карамзина в его неотделимости от всего творчества великого деятеля русской культуры. Его переводы характеризуются широчайшими хронологическими рамками, простирающимися от античности до современного Карамзину времени, разнообразием представленных национальных литератур, включающих античную древность, Европу, Восток, Америку.

Ключевые слова: переводческая деятельность, творчество, сентиментализм, политика, журналистская деятельность.

Summary. The purpose of this article is to consider the translation heritage of N. M. Karamzin in its inseparability from the entire work of the great figure of Russian culture. His translations are characterized by the widest chronological framework, ranging from antiquity to modern Karamzin time, a variety of represented national literature, including ancient antiquity, Europe, the East, America.

Key words: translation activity, creativity, sentimentalism, politics, journalistic activity.

Н. М. Карамзин – великий русский историк, писатель, государственный деятель – более двадцати лет своей жизни занимался переводческой деятельностью. Его переводы характеризуются широчайшими хронологическими рамками, простирающимися от античности до современного Карамзину времени, разнообразием представленных национальных литератур, включающих античную

древность, Европу, Восток, Америку [4]. При жизни было издано 9 томов его переводов: «Пантеон иностранной словесности» (3 тома), «Разные повести» (2 тома), «Сказки Ж. Ф. Мармонтеля (2 тома), «Повести С. Ф. Жанлис» (2 тома). Однако сюда не вошли переводы, сделанные Карамзиным в ранний период творчества, а также многочисленные публикации в «Вестнике Европы», «Московском журнале».

Благодаря переводческой деятельности Карамзина русские читатели познакомились с творчеством Демосфена, Плутарха, Цицерона, Саллюстия, Лукана, Оссиана, Калидасы, Саади, Шекспира, Томсона, Стерна, Лессинга, Шиллера, Морица, Бартеlemi и др. Он стремился рассказать о самых интересных явлениях всемирной культуры и литературы, «распространяя в русском обществе познания, образованность, вкус и охоту к чтению» [1, с. 99-131]. Карамзин довольно часто сопровождал свои переводы предисловиями, пояснениями или примечаниями, в которых раскрывал значимость того или иного произведения. Так, развернутое предисловие содержат переводы трагедий Шекспира «Юлий Цезарь» и Лессинга «Эмилия Галотти».

Карамзин черпал материалы исторического, философского, психологического характера из периодических изданий. В своих переводах он старался указывать автора, произведение, источник, из которого был взят текст произведения. Особой любовью у него пользовались немецкие журналы: «Der Neue Deutsche Merkur», «Minerva», «Freimuehige», «Zeitung fuer die elegante Welt», «Politisches Journal». Довольно часто Карамзин использовал французские периодические издания: «Mercure de France», «Décade», «Spectateur du Nord», «Magasin encyclopédique», «Bibliothèque britannique», «Nouvelle Bibliothèque des romans», «Journal des dames et des modes», «Moniteur universel», «Journal de Paris», «Gazette de France». Карамзин обращался к английским журналам: «Argus», «Times», «British Mercury», «Critical Review», «The Philosophical magazine», «Morning Chronicle».

Обращаясь к менее значимым статьям занимательного и информативного характера, Карамзин использовал следующие сокращенные обозначения: «Перевод с немецкого», «С немец. яз.», «С французского», «С француз.» и т.д.

Карамзину было важно не исказить смысл произведения. Он считал, что переводчик должен обладать языковым чутьем, способностью свободно пользоваться богатствами родного языка, чтобы, «не впадая в буквализм, сохранить верность оригиналу» [4].

Карамзин свободно владел немецким и французским языками. Чуть хуже он знал английский язык, несоответствие устной и письменной речи в котором несколько удручало молодого исследователя [4]. Именно по этой причине многие английские авторы переводились им через языки-посредники: немецкий или французский. Так, к примеру, выше упомянутая трагедия Шекспира «Юлий Цезарь» была переведена не с языка оригинала, а с немецкого перевода И. Эшенбурга [6]. Однако практика, полученная

Карамзиным во время довольно продолжительного пребывания в Англии, дала свои результаты: материалы для «Вестника Европы» он стал черпать именно из английских источников.

Следует отметить, что переводческая деятельность явилась началом литературной карьеры Карамзина. В 1783 году, когда молодому человеку было шестнадцать лет, он перевел с немецкого языка идиллию С. Геснера «Das hoelzerne Vein», несколько позже философские работы А. Галлера, Ш. Боне, беллетристские произведения С. Ф. Жанлис. Благодаря своим первым переводам Карамзин учился выражать собственные мысли, понимать природу человеческого бытия.

Второй период переводческой деятельности Карамзина связан с изданием «Московского журнала» (1791–1792), в котором переводы заменяли отсутствующих сотрудников, а также заполняли большую часть каждой книжки, входя в отделы «Иностранная словесность», «О книгах», «Парижские театры». Следует отметить, что в данный период творчества Карамзин достиг определенных успехов в переводческой деятельности. Кроме того, путешествие по Европе позволило усовершенствовать знание основных европейских языков, что способствовало знакомству с современной ему западноевропейской литературой, театром, периодическими изданиями. Вершиной переводческого искусства явились переводы из Оссиана. Карамзин был первым, кто перевел «Картон» и «Сельмские песни» с языка оригинала, при этом полностью передавая стиль автора.

К началу 90-х годов XVIII века у Карамзина сложились собственные эстетические и этические предпочтения. На страницах «Московского журнала» он публикует не только «Бедную Лизу», «Наталью, боярскую дочь» – лучшие образцы сентиментальной прозы, но и переводы «Новых нравоучительных сказок» Ж.-Ф. Мармонтеля, Ж. К. Флориана, прозаических произведений А. Коцебу, Л. Мерсье и др., которые утверждали в литературе чувственное начало.

Карамзин обращался к тем произведениям западноевропейской литературы, которые служили образцами предромантизма. Для теоретического обоснования сентиментализма он пользовался сочинениями немецких авторов: Энгеля, Бутервека, Морица, которые утверждали «об исторической изменчивости вкуса, относительности эстетического идеала и основополагающей роли чувства в восприятии прекрасного» [5]. Образ «чувствительного» автора Карамзин позаимствовал из книги Л. Мейстера «Charakteristik deutscher Dichter» («Характеристика немецких писателей»).

Определенный опыт в построении сентиментального сюжета Карамзин приобрел благодаря переводу с французского языка «Новых нравоучительных сказок» Ж. Ф. Мармонтеля. Художественные особенности данного произведения: идеализация обыденного и будничного, культ чувствительности, фабульная простота, динамизм повествования – использованы Карамзиным при создании им повести «Бедная Лиза».

В 1798 году Карамзин выпустил трехтомник «Пантеон иностранной словесности», в который вошли лучшие, по мнению самого литератора, произведения либо фрагменты произведений древних и современных ему авторов.

Следующий этап переводческой деятельности связан с изданием «Вестника Европы», состоящего из двух полноправных разделов «Политика» и «Литература и смесь». Цель Карамзина – рассмотреть с разных сторон события политической и общественной жизни, найти компромисс в решении довольно сложных вопросов. Одна из главных фигур очерков того времени – Наполеон Бонапарт. Карамзин, обращаясь к журналам разных европейских стран, пытается разобраться в феномене этого видного политического деятеля. Как и многие современники, вначале он видел в нем чувственную натуру, обладающую гениальными способностями. Однако чуть позже Наполеон перестанет быть идеалом. Его тщеславие, властолюбие полностью разочаруют молодого литератора. Для объективности восприятия созданного в европейской публицистике образа императора Наполеона Карамзин будет обращаться не только к французским, но и немецким и английским периодическим изданиям.

Таким образом, переводческая деятельность Карамзина на протяжении двадцати лет способствовала становлению его как писателя, журналиста, историографа, политика, повлияла на формирование его литературно-эстетических принципов.

Список использованных источников

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т.7.
2. Жесткова Е. А. К вопросу о жанровом своеобразии «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2016. – № 2. С.117-123.
3. Жесткова Е. А. Н. М. Карамзин в художественном сознании М. Ю. Лермонтова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2015. – № 10(1). С.135-138.
4. Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783-1800) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. – Сб. 16. С. 319-327
5. Кафанова О. Б. Н. М. Карамзин – теоретик и критик перевода. (К постановке вопроса о сентименталистском методе перевода) // Художественное творчество и литературный процесс. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. – Вып. 3. С. 142-155.
6. Кафанова О. Б. «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // Русская литература. – 1983. – № 2. С. 158-163.

УДК 811.13

**СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ НАТАЛИ САРРОТ «ДЕТСТВО»****К. А. Заикина,**

студентка первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Перевод реалий с одного языка на другой нередко вызывает трудности. Главной сложностью передачи реалий является отсутствие эквивалента в языке перевода, таким образом возникает вопрос выбора способа перевода. В статье рассматриваются реалии, встречающиеся в произведении Натали Саррот «Детство» и способы их передачи на русский язык.

Ключевые слова: реалия, перевод, повесть, Натали Саррот, транслитерация, транскрипция, калька.

Summary. Translation of realia from one language to another often causes difficulties. The main difficulty in the translation of realia is the absence of an equivalent in the target language, so the question arises to the choice of the method of translation. In the article, the realia found in the story of Natalie Sarrot «Childhood» have been considered as well as the methods of their translation into Russian.

Keywords: realia, translation, story, Nathalie Sarraute, transliteration, transcription, calque.

Материалом исследования послужила автобиографическая повесть Натали Саррот «Детство» и перевод данного произведения на русский язык Л. Зониной. Выбор данной повести обусловлен тем, что в этом произведении изображён опыт соприкосновения Натали Саррот с русской культурой. В повести «Детство» этот опыт из-за самой специфики произведения является особенно отчетливым – и в образности, которая своеобразно наполнена русскими приметами, и в самом содержании произведения, насыщенного реалиями русской действительности. Автор художественного произведения, являясь носителем, в нашем случае, французского языка, транслирует реалии своей культуры народа, который он представляет. Переводчик, в свою очередь, выступает связующим звеном некоего межкультурного общения, позволяя читателю окунуться в мировоззрение другого человека и другой нации.

Цель статьи заключается в определении способов передачи реалий с французского на русский язык при переводе произведения Натали Саррот «Детство».

В литературном дискурсе «реалию» обозначают как наличие инаковости, выдуманной идентичности. Реалия может создать непередаваемый текст, если в языке перевода нет эквивалентов данной реалии. Инаковость в литературном дискурсе состоит из маркеров всех жанров, таких как слова, включая имена собственные, высказывания, из которых они формируются, не говоря уже о метафорах и коннотациях (главные компоненты идентичности языка перевода, в частности, в рамках литературного текста, призванного играть ключевую роль в передаче культурных особенностей). Литературный текст полон реалий — слов и словосочетаний, выражающих отсутствующие в данной культуре и в данном языке понятия. Они имеют национальную, историческую, культурную и бытовую окраску. Особая эмоциональность писателя проявляется в употреблении реалий, которые автор внедряет в своё творчество.

Существует несколько классификаций реалий, предложенных разными исследователями. При составлении классификаций они обычно основываются на содержании реалии, ее фоновую информацию. К наиболее полной классификации можно отнести классификацию С. И. Влахова и С. П. Флорина [2, с. 50], которая включает в себя предметное, временное и местное деления.

Предметное деление содержит: географические (топонимы); этнографические реалии (описывающие быт и культуру народа, этнические понятия (клички), меры и деньги); общественно-политические реалии (административно-территориальное деление, наименования носителей и органов власти, наименования понятий общественно-политической жизни, военные реалии).

К временному делению относят такие реалии как: современные реалии, которые употребляются некоторыми языковыми коллективами и обозначающие понятия, существующие в данное время; исторические реалии, обозначающие понятия, характерные для прошлого определенной социальной группы.

Местное деление включает в себя следующие реалии: в плоскости одного языка (свои реалии – исконные слова данного языка и чужие реалии – либо заимствования, либо транскрибированные реалии другого языка); в плоскости пары языков (реалии рассматриваются с точки зрения перевода) [2, с. 50–53].

В данной статье рассматривается классификация способов перевода реалий в художественном тексте В. Н. Комиссарова [5, с. 148]. В результате сравнения выявлено, что транслитерация и транскрипция являются достаточно употребительными способами передачи реалий, так как они способствуют передачи экспрессивности и различных коннотаций

оригинальности. Чаще всего они применяются при передаче географических реалий, то есть топонимов. Транскрипция используется в таких названиях как: *la rue Flatters* – улица Флаттер, *la place Médicis* – площадь Медичи, *Kamenetz-Podolsk* – Каменец-Подольский. В следующих примерах передача топонимов осуществлена с помощью транслитерации: *Ivanovo* – Иваново, *Interlaken* – Интерлакен, *Beatenberg* – Беатенберг.

Натали Саррот является носителем французского языка, однако она родилась в России и прожила в ней 8 лет. Из этого следует, что в её автобиографической повести «Детство» присутствуют русские реалии (в основном имена собственные), которые были переданы на французский язык, а затем с французского на русский с помощью транскрипции. Например: *Kolia* – Коля, *Gricha Chatounovski* – Гриша Шатуновский, *Lola* – Леля, *Petia* – Петя, *Natacha* – Наташа, *Aniouta* – Анюта и др. А также этнические понятия, к которым относятся прозвища, в данном произведении также были переведены способом транскрипции: *Tachok* – Ташок, *Tachotchek* – Ташочек, *Pigalitza* – Пугалица.

Многие этнографические реалии также были переданы транскрипцией: *sabots* – сабо (обувь на деревянной подошве), *pince-nez* – пенсне (вид очков), *bonnes et gouvernantes* – бонн и гувернантки, *piapia* – няня, *cerceaux* – серсо (игра в обруч), *calomel* – каломель (ртуть).

Для передачи реалий также используются соответствия-аналоги (уподобляющий перевод — основан на использовании функционального эквивалента): *baquet* – деревянная кадка, *bonne* – няня, *boutique* – лавка, *desbouts* – торцы, *baraquement* – барак, *basquets flottantes* – фалды, *auvents de bois* – деревянные наличники, *le lorgnon* – лорнет, *voiture fermée* – экипаж.

В некоторых случаях перевода реалий употребляется метод калькирования, причём одна часть переводится, а другая передаётся с помощью транслитерации: *стена бульвара Пор-Руаяль* – *le mur du boulevard Port-Royal*.

Таким образом, проблематика передачи русских и французских реалий заключается в том, что они, как правило, не имеют эквивалента в языке перевода, который бы точно передавал национальную, историческую, культурную и бытовую окраску. Проанализировав перевод французских и русских реалий в произведении Натали Саррот «Детство», можно отметить, что существуют несколько способов передачи реалий в художественном произведении. Транслитерация и транскрипция в данной повести используются для передачи географических, этнографических реалий и имён собственных; калькирование – также используется для перевода топонимов; перевод с использованием функционального аналога употребляется для того, чтобы отразить этнографические реалии. Реалии служат для передачи культурного колорита в тексте произведения. Каждый раз, сталкиваясь с реалией в тексте оригинала, переводчик должен выбрать наиболее адекватный способ передачи реалии, от чего и будет зависеть, насколько понятным будет текст для носителей иного языка.

Список использованных источников

1. Алексеева Е. А. Достижение эквивалентности при переводе художественного текста (на основе опыта французской переводоведческой школы) // Филологич. науки. Вопросы теории и практики: сб. статей. – Тамбов: Грамота. – № 4. – Ч. 1. – 2015. С. 19–22.
2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
3. Гак В. Г. Теория и практика перевода: французский язык. М.: Интердиалект+, 2000. 456 с.
4. Зубанова Т. Французские реалии и способы их передачи на русский язык (на материале романа А. Гавальда «Просто вместе»): науч. работа / Научно-практическая конференция исследовательских работ учащихся «Эрудит-2010». Кемерово, 2014. 35 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
6. Саррот Н. Детство / [перевод Л. Зониной]. 1986. 161 с.
7. Sarraute N. Enfance. P.: Edition Gallimard, 1983. P. 182 p.

УДК 811.12

**ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛИНАРНЫЕ РЕЦЕПТЫ
НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ
В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Т. А. Захарова,

*студент четвертого курса кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Н. П. Козел,

*старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые лексико-грамматические особенности перевода традиционных национальных рецептов. Исследование основано на материале кулинарных книг народов Северной и Южной Америки и выделяет культурно-лингвистические особенности мексиканской и американской кухни. Дается детальный анализ перевода отрывков гастрономических текстов и отдельных словарных единиц. Особое внимание уделяется выбору лексических трансформаций при переводе, таких как заимствованная, интернациональная лексика и слова-реалии, а также целям их использования.

Ключевые слова: кулинарный рецепт, перевод, способ перевода, трансформация, гастрономический текст.

Summary. The article deals with some lexical and grammatical features of traditional national recipes translation. The study is based on the material of the

culinary books of the peoples in North and South America and singles out the cultural and linguistic features of Mexican and American cuisine. It gives a detailed translation analysis of passages of gastronomic texts and separate language units. Particular attention is paid to the choice of lexical transformations in the translation, such as borrowed, international vocabulary and words-realias, as well as the purposes for their use.

Key words: culinary recipe, translation, translation method, transformation, gastronomic text.

На сегодняшний день кулинарный рецепт как составная часть гастрономического дискурса вызывает особый интерес с точки зрения его перевода в связи с особенностями жанрового построения и подачи для целевой аудитории. Цель данной статьи – рассмотреть особенности текстов локального кулинарного рецепта на материале английского и испанского языков, а также проанализировать способы их перевода, руководствуясь выбранной переводческой задачей.

Исследование социально-религиозных, культурных и других норм и обычаев питания этносов различных стран (в частности, стран Северной и Южной Америки), структурных и когнитивно-функциональных особенностей текстов кулинарных рецептов, в свою очередь, предопределяет выбор адекватных переводческих решений для установления контентно-смысловых, образно-символических соответствий между исходным и переводимым текстами [3, с. 31–33].

При переводе текстов кулинарных рецептов стран Северной и Южной Америки мы сталкиваемся с множеством лексических единиц, представляющих собой гастрономические термины, заимствования, кулинарные интернационализмы, слова-реалии и т.д., требующих адекватного перевода с целью правильного восприятия текста реципиентом.

Достижение адекватности при переводе текстов данного типа требует применения определенных переводческих трансформаций. Анализ трансформационных операций позволяет описать переводческие стратегии, направленные на преобразования смыслов, совершаемые при помощи этих операций. Проблема воссоздания уникальности гастрономических реалий, с одной стороны, и конкретная цель перевода, с другой, оказывают прямое и непосредственное влияние на принимаемое переводческое решение в соответствии с конкретной переводческой ситуацией [5, с. 8].

В качестве примера для анализа лексических особенностей текстов кулинарных рецептов стран Северной и Южной Америки были взяты поваренная книга Gordon Ramsey «Chef for all seasons» [10] на английском языке и книга традиционных мексиканских рецептов Diana Herrera «Recetas Mexicanas Tradicionales» [9] на испанском, а также переводы данных книг на русский язык.

Рассмотрим фрагмент оригинального английского текста: «*Heat the oil in a large saucepan and gently sauté the onion and carrot for about 5 minutes. Add the butter and, when melted, stir in the chopped asparagus and thyme. Sauté*

for 5 minutes, then cover and sweat over a low heat for a further 15 minutes until the asparagus is nicely softened, stirring occasionally» [10, с. 33–34].

Перейдем к анализу перевода, выполненного Е. Костиной: «*В большом сотейнике нагрейте оливковое масло и слегка пассеруйте лук и морковь в течение примерно 5 минут. Добавьте сливочное масло, и, когда оно растопится, добавьте нарезанную спаржу и тимьян. Обжаривайте 5 минут, потом накройте и томите на медленном огне в течение 15 минут, периодически помешивая, пока спаржа не станет мягкой»* [8, с. 39–40].

В первую очередь отметим наличие в оригинальном тексте заимствования из французского языка: лексема «sauté» означает «жарить в небольшом количестве жира». Мы видим, что переводчик отказался от описательного перевода в пользу эквивалентного, адаптировав перевод для реципиента, обладающего определенным уровнем компетенции в кулинарной сфере. На наш взгляд, следовало бы употребить этот глагол в форме несовершенного вида «пассеруйте» с целью подчеркнуть продолжительность, а не результат процесса, как переведены два других глагола: «обжаривайте» и «томите» [7]. Глагол «sweat» в выражении «sweat over a low heat» в переводе передан как «томиться», тогда, как в англо-русском кулинарном словаре указано значение «тушить мясо или овощи». Таким образом, переводчик счел конкретизацию лучшим способом перевода, делая акцент на времени и температуре приготовления блюда [4].

В книге рецептов на испанском языке «*Recetas Mexicanas Tradicionales*» читаем: «*Calienta muy ligeramente cada tortilla sobre una plancha a baja intensidad (se recomienda engrasar ligeramente la plancha para que no se peguen o se ennegrezcan). Hay que hacerlo rápido para que no se endurezcan las tortillas*» [9, с.21].

Читаем перевод данного фрагмента: «*Слегка разогрейте каждую лепешку на сковороде при низкой температуре (слегка смажьте сковороду маслом, чтобы лепешки не пригорели). Делать это следует быстро, чтобы лепешки не затвердели*» [4].

В оригинальном тексте автор обращается к читателю на «ты»: «*calienta*», в русской кулинарной традиции более уместна императивная форма второго лица «вы», поэтому в переводе появились «*разогрейте*», «*смажьте*». Инфинитивная форма «*hacerlo*» в переводе сохранена – «*делать это*», формы испанского сослагательного наклонения в составе придаточных цели переведены аналогичными конструкциями.

Среди лексических особенностей отметим употребление реалии «*tortilla*» – «*тонкая лепёшка из кукурузной или пшеничной муки, употребляемая в пищу главным образом в Мексике, странах Центральной Америки и США*» и «*plancha*» (изначально испанская реалия, означающая не «гриль» и не «сковороду», а специальное кухонное приспособление, представляющее собой электрический противень, работающий автономно и предназначенный для жарки вне духовки) [6].

Необходимо отметить, что и в том, и в другом случае переводчик использовал прием прагматической адаптации текста, т.е. адаптации, с помощью которой обеспечивается адекватное понимание сообщения реципиентом перевода. Ориентируясь на «усредненного» реципиента, переводчик учитывает, что сообщение, понятное читателям оригинала, может быть непонятым читателями перевода, так как у них отсутствуют необходимые фоновые знания [4].

На основе рецептов из книг «Chef for all seasons» и «Recetas Mexicanas Tradicionales» мы отметили наиболее частотные особенности лексического характера, свойственные как английскому (American English), так и испанскому (Español Mexicano) языкам:

1. Наличие нейтральной лексики с вкраплениями эмоционально-окрашенных слов (например, описание рецепта после заголовка блюда): *This is a lovely dish with which to welcome spring to your table, chic and yet quite casual in presentation* [10, с. 45–46]. – Это **отличное блюдо** для встречи весны – изысканное и в то же время простое в подаче [8, с. 42–43]. *El conjunto del tequila, cítricos y chiles dan un sabor especial y exquisite.* – Сочетание текилы, цитрусовых и перца чили придает блюду **особый изысканный аромат** [9, с.32].

В первом случае проведена контекстуальная замена слова *lovely* на «очаровательный, милый», поскольку переводчик стремится к сохранению официального стиля текста рецепта, при этом добавляя эмоциональный компонент для создания наиболее яркого впечатления о блюде. Во втором примере отметим опущение при переводе с испанского языка союза «у», что объясняется стремлением переводчика обеспечить соответствие норм и правил употребления прилагательных в русском языке [1].

2. Обилие терминологии:

– термины профессионального кулинарного языка: *to sweat / estofar* – тушить мясо и овощи; *to bread / empanar* – панировать и т.д.;

– кулинарные понятия, также употребляемые в бытовой речи: *to cut / cortar* – резать, *to heat / calentar* – подогревать, *to grind / triturar* – размельчать, *to fill / llenar* – наполнять и др.[4].

При переводе гастрономической терминологии переводчик прибегает к калькированию, поскольку эквивалентный перевод в данном случае полностью передает нужное значение слова.

– Термины, используемые исключительно в национальных кухнях (**гастрономические реалии**): *croûte* (фр.) – крут (пирог с хрустящей корочкой); *risotto* (ит.) – ризотто (рис с помидорами, сыром и курицей); *quenelle* (фр.) – кнель (блюдо из мяса или рыбы); *gnocchi* (ит.) – ньокки (небольшие картофельные клецки овальной формы) [10, с. 19–26].

Наиболее частотными трансформациями при переводе слов–реалий в текстах рассмотренных переводов являются транскрипция и транслитерация, поскольку целью переводчика было не только донести

гастрономическое понятие, но и сохранить его национально–культурный колорит.

3. Наличие **заимствований** – слов, пришедших в язык из чужой культуры и имеющие непосредственную связь с другими народами [2, с. 18]. В связи с тем, что шеф–повара зачастую путешествуют с целью пополнения запаса рецептов из национальных кухонь со всего мира, в названиях рецептов, а также в списке ингредиентов часто можно встретить следующие заимствования:

В английском языке: из латинского: *zucchini* – кабачок; *asparagus* – спаржа; *olive* – олива, маслина; *spatula* – кухонная лопатка и др.; из французского: *caramel* – карамель; *sauce* – соус; *soup* – суп; *onion* – репчатый лук; *spinach* – шпинат; *meringue* – безе, *soufflé* – суфле; *fricassé* – фрикассе; *purée* – пюре и др.; из итальянского: *spaghetti*– спагетти; *broccoli* – брокколи; *salami* – салями; *mascarpone* – маскарпоне (мягкий сливочный сыр); *pistachio* – фисташка и др.; из испанского: *taco* – тако; *tortilla* – тортилья; *tomato* – помидор; *potato* – картофель; *chorizo* – чоризо и др [10, с. 67–72].

В испанском языке (mexicano): из английского: *lunch* – полдник, обед (вместо кастильского *almuerzo*); из языка аборигенов (индихенизмы): *avocado* – авокадо, *chocolate* – шоколад, *chile* – чили; из языка индейцев (сохранились только в мексиканском варианте испанского): *pozole* – блюдо из кукурузы, *jícara* – (расписная) миска, *turush* – посуда племен майя и др. [9, с. 10–25].

В данном случае переводчик использует 2 наиболее подходящих способа перевода: транскрипция и экспликация (описательный перевод), иногда прибегая к комбинации обоих, с целью сохранения национальной окраски слова.

4. Использование **интернациональной лексики**, пришедшей, главным образом, из французского языка: меню – *menu/ menú*, ресторан – *restaurant/ restaurante*, желе – *jelly/ jalea*, суп – *soup/ sopa*, рагу – *ragout/ ragú*, пюре – *puree/ pure* и др. Отметим наиболее частотное использование транскрипции и транслитерации при переводе. С течением времени кулинарные интернационализмы теряют свою схожесть и приобретают новое звучание и написание, все глубже ассимилируя в новый язык [9, с. 25–36].

Таким образом, в ходе исследования нами определены типичные лексические и грамматические особенности традиционных кулинарных рецептов стран Северной и Южной Америки на примере книг «Chef for all seasons» и «Recetas Mexicanas Tradicionales», а также выполнен анализ трансформаций, использованных при их переводе на русский язык.

Список использованных источников

1. Англо-русский электронный словарь Multitran. [Электронный ресурс] – <https://www.multitran.ru/c/m.exe?&l1=1&l2=2&CL=1&a=0/> (дата обращения 11.01.2018 г.)

2. Бахтина С. В. Заимствованная лексика в составе тематической группы «пища и напитки»: историко–функциональное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 199 с.
3. Беленко Е. В. Концептосфера «Продукты питания» в национальной языковой картине мира: дис. ... канд. филол. н. Челябинск, 2006. 243 с.
4. Испанско-русский электронный словарь Multitran [Электронный ресурс]. – <https://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=5&l2=2&CL=1&a=0> (дата обращения 11.01.2018).
5. Княжева Е. А., Макарова М. В. Герменевтический и трансформационный аспекты перевода реалий английской лингвокультурной сферы «Гастрономия». Воронеж, 2010. 28с.
6. Моя еда [Электронный ресурс]: инструменты, приборы. – <https://instruments.my-foods.online/domestic-appliances/plancha> (дата обращения 12.01.2018).
7. Найман А., Наринская Г. Процесс еды и беседы. 100 кулинарных и интеллектуальных рецептов [Электронный ресурс]/ Национальный корпус русского языка// М.: Вагриус, 2003. – <http://search1.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения 16.01.2018).
8. Рамзи Г. Времена года. Москва, 2001. 230 с.
9. Herrera D. Recetas Mexicanas Tradicionales. Córdoba, Argentina: Editorial Imagen, 2012.
10. Ramsey G. Chef for all seasons. Quaddrille Publishing Ltd, 2000.

УДК 811.111.42.25

ПРЕДТЕРМИНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

А. Т. Козлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются специальные лексемы, временно используемые для называния новых понятий в англоязычной экономической терминосистеме. В современной литературе по терминоведению их считают предтерминами. Целью данной работы является определить понятие «предтермин», учитывая основные формы отображения понятийного содержания экономической терминологии, определить типы предтерминов и описать основные трудности перевода. Впервые на основе детального анализа оригинальных текстов на английском языке и их перевода на русский язык выделяются виды

многокомпонентных оборотов, словосочетаний и сочетаний, обычно выступающих предтерминами в тексте перевода.

Ключевые слова: термин, предтермин, квазитермин, терминологическая номинация, экономический дискурс, перевод, специальный перевод.

Abstracts: The article considers specific kind of lexemes temporarily used for newly appeared nominations in the English economic discourse and known in the theory of terminology as preterms. While analyzing the authentic economic texts and their versions in translation, basic types of multi component word-combinations and collocations are defined which are examined further as the preterms of the English economic discourse. The purpose of the article is to reveal, to describe and to explain the notion of a preterm as well as factors of preterm occurrence, their types and the key ways of translation in the mentioned discourse.

Keywords: term, preterm, terminological nomination, economic discourse, translation, specialty-related texts.

Как свидетельствует опыт, переводчик в любой предметной (научной, технической, экономической) области не может плодотворно работать, если он не обладает хотя бы минимальными профессиональными знаниями данной сферы, ограничивая себя лишь знанием терминов и их иноязычных эквивалентов. С изменением экономического курса формируется новое понятийное пространство экономики России, что вызывает необходимость заполнения информационного и номинативного пространства. Заполнения информационных лагун происходит в основном через переводные учебники всемирно известных американских авторов, авторитетные журналы, освещающие экономические вопросы и т.д., что находит отражение и в использовании единиц особого вида.

Незнание терминологии в любой из сфер экономики приводит к неполной компетенции переводчика и трудностям в его работе. Существует ряд объективных причин: быстрая смена понятий и систем понятий в сфере экономики, что непосредственно влияет на появление информационных лагун, вариативности терминологических наименований; теоретический плюрализм в трактовке сущности понятий сферы экономики; многозначность понятий в рамках одного терминологического поля. Английская терминология предлагает узуальные обозначения ключевых макрозон номинативного пространства экономики. Специфика терминологического наименования в сопоставлении с другими лексическими единицами общего языка проявляется, прежде всего, на семантическом уровне в связи с проблемой определения семантической природы термина, характера терминологического значения и его связи со специальным понятием. Общеизвестно, что термин обеспечивает точность, ясность и понимание научной мысли. «Для термина именуемое понятие одновременно и есть именуемый объект, т. е. доминирует связь „имя – понятие“. За термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной мысли, ограниченной определенным полем» [12, с. 34].

По мнению М. В. Косовой: «терминология рождается в текстах, в них меняются ее значение и форма, то есть детерминирующим в оппозиции „стандарт – текст“ является текст, что время от времени требует корректировки стандартов, приведения их в соответствие с состоянием науки и, следовательно, упорядочения обозначающих научные понятия терминов» [8, с. 9]. Традиционно к «хорошему» термину предъявляются следующие основные требования: однозначность, точность, краткость, системность, эмоционально-экспрессивная нейтральность, отсутствие модальной и стилистической функции, безразличие к контексту, отсутствие синонимов и омонимов в пределах одной терминосистемы. Однако помимо терминов к единицам терминологической номинации относятся и предтермины.

По мнению М. В. Лейчика, С. В. Гринева, Е. Л. Хохловой, предтермин – это специальная номинация, используемая для названия новых сформировавшихся понятий, но не отвечающая требованиям краткости, точности, стилистической нейтральности, предъявляемым к термину [5, с. 133–136].

Многое в понимании содержания нового или редкого понятия зависит от разъяснений автора специального текста, которые бывают иногда крайне неудачными, и тогда это мешает правильной трактовке термина и, следовательно, его адекватной передаче на языке перевода. Так, например, по мнению Н. Н. Лантюховой: «Требование краткости также нельзя считать обязательным. Более того, требование краткости может противоречить требованиям точности и системности» [9, с. 42–45]. Как справедливо указывает А. В. Суперанская, «термин не есть обиходное слово, и точность в нем важнее краткости. В связи с этим нельзя рассматривать многословность термина как его недостаток. Если какое-либо понятие обозначено с помощью фразы, состоящей из группы хорошо согласующихся друг с другом слов, это и обеспечивает системность термина, и показывает связь данного понятия с другими» [12, с. 131].

В качестве иллюстративного материала данного исследования выбран англоязычный экономический дискурс (далее АЭД), который рассматривается как «совокупность экономических текстов, объединенных общей темой и направленных на реализацию определенной цели. Детальный анализ англоязычного экономического дискурса открывает возможности для нового восприятия экономики через осмысление ее текстов» [6, с. 44]. В своем арсенале АЭД имеет специальные единицы, которые могут вызвать особые трудности терминологического характера при переводе текста оригинала на русский язык. «Верный перевод терминов как ключевых единиц специального текста является необходимым условием точности перевода всего специального текста. Между тем, при работе с текстами по специальности у неспециалистов довольно часто возникают трудности, связанные с правильным пониманием и переводом терминов» [1, с. 170].

Конечно, «при переводе терминов сложно говорить о дословном переводе, поскольку само понятие применимо, скорее, к переводу текстов

или предложений, а не отдельных слов. Вообще создание подобных классификаций призвано упростить процесс перевода и проведения предпереводческого анализа, поэтому отнесение слов к той или иной группе порой носит субъективный характер» [1, с. 173].

В процессе перевода экономических текстов предтермины (согласно С. В. Гриневу) обычно передаются как: (а) описательный оборот – многословное номинативное словосочетание, используемое для называния понятия и позволяющее точно описать его сущность, но не отвечающее требованию краткости; (б) сочинительное словосочетание с союзом *and*; (в) сочетание, содержащее причастный или деепричастный оборот [3, с. 44–45]. Например, с помощью описательного перевода в русскоязычные тексты попадает значительное количество новых единиц: *capital budgeting* – 1) составление сметы капиталовложений и их окупаемости; 2) расчет рентабельности капиталовложений; *double-entry bookkeeping* – система бухгалтерского учета с двойной записью; *Backup withholding* – практика обязательного удержания налога на доходы тех инвесторов, которые не подали отчетность, свидетельствующую о том, что на них этот налог не распространяется и т.д.

Трудно не согласиться с мнением И. М. Хавкина о том, что «каждый язык «выбирает» для себя сам ту внутреннюю идею, тот образ, который ложится в основу слова или выражения» [13, с. 175]. «Иногда даже в голову не придет термин, который может употребить иностранный специалист, поскольку в разных языках мотивированность термина диктует разное его содержание. Этот фактор надо учитывать, для того чтобы при переводе избежать буквальных калек» [13, с. 177]. Как например, следующий предтермин: *Book runner* переведен как «управляющий андеррайтер» для новой эмиссии акций, который ведет учет размещенных акций. В русском языке есть эквивалент «регистратор; банк, ведущий учет по облигационному займу». Ради справедливости стоит отметить, что часто исторически сложившееся иноязычное выражение, которое отражает какую-нибудь местную реалию и вполне понятно носителю данного языка, требует в ряде случаев не буквального перевода, а определенного смыслового уточнения в тексте перевода. Выражение *Big Board* означает буквально «Большое табло», экономистам известное как название Нью-Йоркской фондовой биржи, основанной в 1792 г., которая является старейшей и крупнейшей биржей в США, где торгуют более 2000 обыкновенными и привилегированными акциями; *Big Bang* буквально – «Большой удар». Термин обозначает либерализацию Лондонской фондовой биржи 1986 г., когда торги были автоматизированы при помощи компьютеров. *Matching* – мэтчинг «принцип бухгалтерского учета в США, по которому понесенные расходы должны точно соответствовать доходам». Также в качестве предтерминов выступают **сочинительные словосочетания**, например: *boom-and-bust* – бум с последующей депрессией; *pump-and-dump* – раскачивание рынка; *lean and mean* (худой и

жалкий) – о компании, недавно сократившей производство или персонал и др. Часто предложным англоязычным беспредложным словосочетаниям соответствуют предложные: *paperless office* – офис без бумаг; а также перевод с помощью родительного падежа: *record-keeping* – ведение учета; *portfolio turnover* – оборачиваемость портфеля и др. В качестве сочетаний, содержащих причастный или деепричастный оборот, можно рассмотреть следующие: *agency passthroughs* – Облигации, обеспеченные закладными под жилые здания; *availability float* – чеки, ожидающие клиринга; *a single outlet retailer* – предприятие розничной торговли, состоящее из одной торговой точки; *outstanding shares* – акции, выпущенные в обращение и т.д. Безусловно данные многокомпонентные терминосочетания в русском языке являются предтерминами.

В итоге, можно отметить, что, как правило, со временем предтермину находится более компактная замена, которая и получает статус термина и подобные явления неизбежны и являются следствием отличий развития экономической терминологии в английском и русском языках.

Список использованных источников

1. Волгина М. Ю. Перевод терминов как ключевых единиц специального текста. // Перспективы науки и образования. – 2013. – №6. С.170–175.
2. Гринев С. В. Основы лексикографического описания терминосистем: дис. ... доктора филол. наук. М., 1990. 318 с.
3. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 304 с.
4. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 243 с.
5. Демидова Г. В. Основные модели образования многокомпонентных терминологических словосочетаний в терминосистеме англоязычного переводоведения // Международный журнал экспериментального образования. – № 2. – 2016. С. 133–136.
6. Евтушина Т. А., Ковальская Н. А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] // Вестник ЧелГУ. – 2014. – №6 (335). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-diskurs-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 14.01.2018)
7. Кожевникова И. Г. Русская спортивная лексика: (структурно-семантическое описание). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 264 с.
8. Косова М. В. Специальная лексика в документном тексте: аспекты лингвистического анализа [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. – Серия 2: Языкознание. – 2010. – №2-12. – <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-leksika-v-dokumentnom-tekste-aspekty-lingvisticheskogo-analiza>
9. Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его сущностные признаки [Электронный ресурс] // Вестник ВИ ГПС МЧС России. – 2013. – №1 (6).

– <http://cyberleninka.ru/article/n/termin-opredelenie-ponyatiya-i-ego-suschnostnye-priznaki> (дата обращения: 28.01.2018).

10. Лапоногова Н. А. Языковые реалии американского бизнеса. К.: Парламентское изд-во, 2004. 224 с.

11. Стрельцов А. А. Научно-технические тексты: от понимания к переводу: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2012. 398 с.

12. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Либроком, 2012. 248 с.

13. Хавкин И. М. Занимательный специальный перевод: Пособие для начинающих переводчиков с примерами типичных ошибок (на материале английского и некоторых романских языков). М.: Издательские решения, 2015. 390 с.

УДК 811.12

**К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ
ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

М. Г. Зеленцова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

В. В. Лапоног,

*студентка первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода безэквивалентных грамматических форм и конструкций с английского языка на русский на примере одной из частей речи – глагола. Выявляются различия в грамматических системах русского и английского языков, которые порождают безэквивалентные единицы перевода и связанный с этим поиск эквивалентов путем применения переводческих трансформаций.

Ключевые слова: английский язык, теория перевода, безэквивалентные единицы, грамматические формы, грамматические конструкции.

Summary. The article is dedicated to the problem of English-Russian translation of non-equivalent grammatical forms and constructions of verb as one of the parts of speech. We point out the differences in the grammatical systems of English and Russian languages which cause non-equivalent units in translation and the related search of equivalents through the use of transformations.

Key words: English, theory of translation, non-equivalent units, grammatical forms, grammatical constructions.

Целью данной работы является описание различий в грамматических категориях глагола в английском и русском языках, а также применяемых к безэквивалентным грамматическим формам и конструкциям трансформаций. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- сделать обзор исследований в области перевода грамматических единиц и конструкций с английского на русский язык;
- дать определение и разграничить понятия «безэквивалентная грамматическая форма» и «безэквивалентная грамматическая конструкция»;
- выявить общие и различные для двух языков грамматические (глагольные) формы и конструкции;
- определить основные принципы переводческого процесса в отношении несовпадения грамматических конструкций текста оригинала и текста перевода.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: методы сопоставительного, контекстуального и трансформационного анализа и метод сплошной выборки. В качестве источника иллюстративного материала использовалась работа Дж. Иствуда *Oxford guide to English language* [14].

Несмотря на долгую историю изучения переводческих решений относительно безэквивалентных единиц и конструкций различных уровней языка, не перестает быть актуальным вопрос их перевода с применением трансформаций (И. М. Тетерукова [11], Е. В. Соколюк [10], Е. А. Акбилек [1], Ю. С. Чернякова [12]). Продолжаются исследования в области сопоставления грамматики английского и русского языков (Е. С. Петрова [7]) и в области перевода грамматических форм и конструкций (О. Я. Карпеева [4], А. С. Крипакова, И. И. Данилова [6]).

Как отмечает Комиссаров, безэквивалентные грамматические единицы – это «грамматические формы и структуры языка оригинала, не имеющие односторонних соответствий в языке перевода» [5, с. 407]. Грамматическая конструкция при этом определяется Д. Э. Розенталем как «синтаксическое целое (словосочетание, оборот), в состав которого входят объединенные в речи языковые единицы, сочетающиеся благодаря присущим им грамматическим свойствам» [8, с. 301]. Термин грамматическая форма мы будем понимать как «языковые средства, служащие для выражения грамматических значений» и как «разновидности одного и того же слова, тождественные лексически и противопоставленные друг другу по своим грамматическим значениям» [13, с. 129]. Кратко представим сопоставительный анализ грамматических систем английского и русского языков по основным категориям глагола с опорой на описание категорий глагола в работах М. Я. Блоха [3], Дж. Иствуда [14], Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [9].

Как в русском, так и в английском выделяют 3 лица и 2 числа, а также безличные глаголы. За некоторым исключением, морфологически данные категории в английском не выражены и имеют относительный характер.

Категория времени в русском представлена 3 временами (настоящее, прошедшее и будущее), и 5 формами времени. В английском выделяются 2 временные категории, которые представлены абсолютными и относительными временными формами. Абсолютные временные формы в русском, в отличие от английского, могут становиться относительными. Модальность будущего времени в русском языке передается преимущественно за счет лексического наполнения, тогда как в английском этому способствуют вспомогательные глаголы *will* и *shall*, которые также являются также модальными глаголами.

You shall be the first to know [с. 97]. – Я скажу тебе первому (обещание). *You will leave the building immediately* [с. 97]. – Ты немедленно покинешь здание (приказ).

Категория вида в русском четко выражена морфологически и представлена глаголами, имеющими формы совершенного и несовершенного вида. В английском в случае форм *indefinite* видовое значение морфологически не выражено и накладывается на временное или лексическое [2, с. 120].

I went in the shop yesterday [с. 87]. – Вчера я *ходил/сходил* в магазин.

Также видовое значение на английском передается видовой категорией развития (*continuous* и *indefinite*) и категорией ретроспекции (*perfect* и *non-perfect*) [3, с. 144]. Таким образом, если в русском две формы в категории вида, в английском их четыре – *perfect continuous*, *perfect*, *continuous*, *indefinite*. Часто маркированность по данным категориям дополняется лексическим наполнением. При необходимости, если лексическое наполнение оригинала не способствует раскрытию видовых категорий (особенно их сочетания), прибегают к компенсации.

Everything had been going so well up to then [с. 93]. – Все было хорошо, пока это не произошло.

И в русском, и английском языке активность и пассивность передаются категорией залога (действительный и страдательный залого). В английском пассив используется гораздо чаще русского, поскольку на место подлежащего может переходить любое из дополнений, число которых доходит до трех. Глагол в русском обычно имеет только прямое дополнение, и не все переходные глаголы русского употребляются в страдательном залоге. При переводе используются конструкции с безличными и возвратными глаголами или действительный залог.

The pupils were all given certificates [с. 103]. – Всем ученикам дали сертификаты.

В обоих языках есть возвратные глаголы, которые морфологически четко выражены постфиксом *-ся* в русском. В английском возвратность

может передаваться аналитическими средствами (местоимениями *myself, each other*), но часто не имеет морфологического выражения.

Английский имеет те же наклонения, что и русский. Показателем сослагательного наклонения в русском является частица *бы* (в том числе в составе союзов), но в английском форм для выражения сослагательного наклонения больше, они бывают синтетические и аналитические (формы изъявительного наклонения в сложноподчиненных предложениях, конструкции с модальными глаголами: *I wish I ..., may/might + Infinitive, should + Infinitive, let + Objective Substantive + Infinitive*) [3, с. 150].

Модальные глаголы с английского могут переводиться как соответствующими модальными глаголами на русский, так и наречиями, частицами с модальным значением, безличными глаголами, причастиями, частями сложного предложения.

We've had to make a few changes [с. 116]. – Нам пришлось внести кое-какие изменения. *I may drive up to London on Saturday* [с. 122]. – Возможно, я поеду в Лондон в субботу.

Последними в статье затрагиваются неспрягаемые/неличные формы глагола, к которым в русском относится инфинитив, причастие и деепричастие, а в английском – инфинитив, причастие и герундий. Как видим, форм герундия (в английском их 2) в русском нет; его переводят как существительное, инфинитив, местоимение с придаточной определительной частью (в составе сложного герундиального оборота) [6].

I'm fed up with Sarah/Sarah's laughing at my accent [с. 160]. – Я сыт по горло тем, что Сара насмехается над моим акцентом.

Причастие прошедшего времени в английском соответствует прошедшему причастию в страдательном залоге в русском. Причастие настоящего времени в английском совмещает черты прилагательного и наречия и переводится либо причастием настоящего и прошедшего времени действительного залога, либо деепричастием.

The team was welcomed by cheering crowds [с. 169]. Команду приветствовала ликующая толпа. *Not feeling very well, James decided to lie down* [с. 172]. – Почувствовав себя плохо, Джеймс решил прилечь.

Конструкции с причастием в английском (объектный и субъектный предикативные, абсолютные причастные обороты) часто переводятся на русский сложноподчиненным предложением [6].

The lights having gone out, we couldn't see a thing [с. 168]. – Когда погасли огни, мы ничего не могли разглядеть.

Инфинитив в английском и русском имеет одни и те же категории, поэтому перевод отдельных инфинитивов не вызывает трудностей, но инфинитивные конструкции (объектный и субъектный предикативные инфинитивные обороты, инфинитивные обороты с предлогом *for*) не имеют эквивалента и переводятся на русский язык придаточными дополнительными предложениями (вводимым союзами *что, чтобы*) [6].

I didn't expect you to change your mind suddenly [с. 147]. – *He ожидал, что ты так быстро изменишь свое мнение.*

В качестве вывода отметим, что английский и русский языки обладают одними и теми же категориями глагола, формы и конструкции которых не всегда имеют прямые эквиваленты. В результате сравнения были выявлены следующие формы глагола английского языка, которые не имеют однотипных соответствий в русском: причастие настоящего времени, герундий, формы *past* и *future indefinite* в плане видового значения, относительные временные формы, формы пассивного залога, основа глагола (сослагательное наклонение), модальные глаголы. Английский язык обладает большим числом безэквивалентных для русского языка конструкций, таких как: сложный герундиальный оборот, объектный и субъектный предикативные инфинитивные и причастные обороты, абсолютная именительная причастная конструкция и абсолютная причастная конструкция с предлогом, конструкции с модальными глаголами. Основными трансформациями являются членение предложения, замены, компенсация лексическими средствами. Для перевода безэквивалентных грамматических единиц, переводчик должен знать особенности грамматического строя английского и русского языков, а также лексические единицы (поскольку некоторые грамматические значения компенсируются за счет них) и основы теории перевода (включая применяемые трансформации для безэквивалентных единиц).

Список использованных источников

1. Акбилек Е. А. Проблема перевода инфинитива и инфинитивных конструкций с английского на немецкий и русский языки: на материале переводов произведений Ч. Диккенса «Тяжелые времена», «Давид Копперфилд» и «Оливер Твист»: автореф. дис. канд. фил. наук. М., 2007. 165 с.
2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. – 3 изд. М.: ФИЗМАЛИТ, 2005. 232 с.
3. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка (на английском языке): учебник. для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. пдвузов. М.: Высшая школа, 1983. 383 с.
4. Карпеева О. Я. Некоторые виды грамматических преобразований при переводе с английского языка на русский [Электронный ресурс] // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-vidy-grammaticheskikh-preobrazovaniy-pri-perevode-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения 16.01.2018).
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС. 2002. 424 с.
6. Крипакова А. С. Перевод безэквивалентных грамматических конструкций (на примере неличных форм глагола). Таганрог: Технологический институт Южного федерального университета, 2012.
7. Петрова Е. С. Сопоставительная типология английского и русского языков: грамматика: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2011. 368 с.

8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
9. Розенталь Д. Э. Современный русский язык. – 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
10. Соколюк Е. В. Грамматические трансформации при переводе Евангелия от Матфея: автореф. дис. канд. фил. наук. Москва, 2010. 227 с.
11. Тетерукова И. М. Грамматические трансформации текста при переводе: автореф. дис. канд. фил. наук. М., 2009. 188 с.
12. Чернякова Ю. С. Способы достижения функциональной эквивалентности в переводе художественного текста: на материале английского и русского языков. М., 2008. 185 с.
13. Шанский Н. М. Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов С 56 по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология – 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
14. Eastwood J. Oxford guide to English language. Hong Kong: Oxford University Press, 2002.

УДК: 378.147:811.111

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

М. В. Золотова,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Н. В. Каминская,

старший преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть ряд проблем, связанных с обучением основам перевода в разноуровневой группе русскоговорящих и иностранных студентов. Авторы использовали материалы своих наблюдений и опыт работы. Исследование показывает, что междисциплинарный подход и работа в команде могут повысить эффективность освоения переводческих компетенций и мотивацию обучающихся.

Ключевые слова: родной язык (L1), переводящий язык, исходный язык, иностранные студенты, разноуровневая группа

Summary. In this article the authors seek to outline some issues of teaching basic translation skills in a mixed-ability group of Russian and international students based on their own observations and experience in the field. The study shows that interdisciplinary approach and teamwork may enhance students' motivation and translation competencies.

Key words: mother tongue (L1), target language, source language, international students, mixed-ability group

В российских вузах иностранные студенты всё чаще обучаются совместно с русскоговорящими студентами, и за последние годы уже накопился определённый опыт работы в этом направлении. При обучении English и EAP на уровне бакалавриата и магистратуры эта ситуация имеет множество положительных моментов: 1) искусственность условий обучения снижается, соответственно, увеличивается внутренняя мотивация студентов к изучению и использованию иностранного языка; 2) русскоязычные обучающиеся получают возможность слышать различные варианты английского языка, так как иностранные студенты имеют разное произношение и акцент; 3) у студентов растёт интерес к изучению культуры и образа жизни разных народов; 4) многие иностранные студенты владеют несколькими языками, что служит стимулом для российских студентов к овладению хотя бы одним иностранным языком (см. подробнее [1]).

Тем не менее, по некоторым направлениям подготовки магистрантов (например, 39.04.01 «Социология») ФГОС ВО предусматривает не только формирование «способности свободно пользоваться русским и иностранными языками как средством делового общения», но и владение «навыками редактирования и перевода профессиональных текстов» [3]. На факультете социальных наук (ФСН) ННГУ им. Н. И. Лобачевского формирование и развитие этой компетенции у магистрантов-социологов должно осуществляться в рамках дисциплины «Иностранный язык: профессиональная терминология и основы перевода научного текста». Она обязательна для изучения в первом семестре (2 контактных часа в неделю), в качестве промежуточной аттестации студенты сдают зачет.

Цель данной работы – рассмотреть вопросы, которые возникли при совместном обучении на программах магистратуры русскоязычных и иностранных студентов основам перевода научного текста.

В настоящее время доступны множество научных статей, методических пособий и учебной литературы, посвященных преподаванию практики перевода и переводоведческих дисциплин в языковом вузе по соответствующим направлениям подготовки, где на первый план выходит формирование переводческих компетенций. В таких условиях обучение ведется в моноязычных группах, чаще всего родной язык (L1) студентов – русский. Для нас также очень ценным является опыт подготовки иностранных студентов-переводчиков, описанный О. П. Поповым. Автор сообщает об успешном совмещении «традиционных занятий по практике перевода с элементами преподавания теоретических основ науки о переводе» [4, с. 64]. Обучение переводу профессиональных текстов в неязыковом вузе также достаточно хорошо изучено, при этом опыт авторов и их рекомендации относятся к работе в одноязычных группах или группах иностранных студентов (например, в медицинских вузах).

Однако в условиях совместного обучения иностранных и русскоязычных студентов неязыкового вуза ситуация иная. В то время как работа с иностранными студентами из стран ближнего зарубежья, которые свободно владеют русским языком, практически не отличается от работы с русскоязычными студентами, обучение переводу в разноязычных группах представляет определенную сложность.

Очевидно, что, руководствуясь здравым смыслом и требованиями ФГОС, мы, при всём разнообразии L1 в конкретной группе, должны учить наших студентов работать с языковой парой Английский язык <=> Русский язык (направление перевода ФГОС не указывает).

Процесс формирования навыков перевода профессиональных текстов предполагает определенный уровень владения исходным языком (ИЯ) и переводящим языком (ПЯ). В нашем случае совместно обучаются русскоязычные студенты и иностранные студенты с разными L1 и разной степенью владения английским и русским языками: 1) уровень русского языка достаточен для осуществления учебной деятельности в русскоязычном вузе, но студент слабо владеет английским, ниже уровня A1 (по результатам Placement Test, подробнее см. [2]); 2) студент достаточно хорошо владеет английским (L1 или уровень B1 и выше), но русский язык вызывает серьёзные проблемы; 3) студент достаточно уверенно владеет и русским, и английским (B1 и выше); 4) обучающийся находится на начальном этапе изучения русского языка и практически не владеет английским (False Beginner). Разумеется, иностранные студенты совершают ошибки, как и большинство начинающих (смысловое и/или стилистическое несоответствие оригиналу, буквализм и т.д.), но эти проблемы у них встречаются чаще, а искажения носят более существенный характер. Слабо владея ИЯ и/или ПЯ, иностранные студенты используют L1 для промежуточного перевода, то есть, на выходе получается вторичный перевод. Кроме того, для иностранцев характерны ошибки в переводном тексте (ПТ), относительно редко встречающиеся у русскоговорящих студентов: неправильное употребление окончаний, предлогов, нарушение узуса. Полезными упражнениями в нашей ситуации стали задания на склонение базовых терминологических единиц терминосистемы социологии и спряжение наиболее распространенных глаголов, что относится, скорее, к преподаванию РКИ.

Важнейшим условием адекватного перевода является понимание существенных экстралингвистических факторов. В случае с разноязычной группой влияние культуры, представлений и стереотипов обучающихся на восприятие текста (как исходного, так и переводного) особенно заметно. Иностранцам студентам в большей мере, чем российским, не хватает страноведческих знаний об англоговорящих странах, о России, о регионах мира, отличных от их места рождения. Недостаток знаний о России иностранцам помогают восполнить (с разной степенью успешности) русскоговорящие студенты, объясняя им реалии и идиомы, описывая

исторические события и их значение для нашей культуры. Для российских студентов это бесценный опыт межкультурной коммуникации.

Наконец, для осуществления перевода в профессиональной сфере студент должен сам в некоторой степени разбираться в предметной области переводимого им текста. Сейчас не все магистранты знакомы с той отраслью науки, которую решили изучать, так как смена направления в магистратуре становится общепринятой практикой. Иностранные студенты – не исключение, и опереться на профессиональные знания при переводе текстов по специальности могут не всегда.

В описанных условиях работа в мини-группах (по 3 человека с разной степенью подготовки по социологии, ИЯ и ПЯ) позволила снять некоторые сложности и оказалась достаточно эффективной.

Это лишь незначительная часть проблем, с которыми мы столкнулись при совместном обучении русскоязычных и иностранных студентов основам перевода научного текста.

В связи с вышесказанным для преподавателя важно понимание разных целей профессионального перевода – «обеспечить коммуникацию между разноязычными субъектами общей предметной деятельности» – и учебного – «...обеспечить развитие профессиональных переводческих компетенций» [5, с. 490]. Разделяя точку зрения В. В. Сдобникова, мы видим своей задачей «... научить студентов видеть переводческие проблемы с учетом особенностей той ситуации, в которой реальный текст мог бы переводиться в реальной жизни...» [5, с. 490]. Если студент осознает практическую ценность формируемого навыка, его мотивация будет достаточно высока, и он будет готов работать для достижения достойного результата.

Список использованных источников

1. Вихарева Т. М., Каминская Н. В. Совместное обучение российских и иностранных студентов на занятиях по английскому языку // Проблемы языковой подготовки в высшей школе: Мат-лы Всероссийской научно-практической конф. с международным участием 13 апреля 2012 года. Нижний Новгород: НГПУ, 2012. С. 173–176.
2. Золотова М. В., Делягина Л. К., Каминская Н. В., Мартыанова Т. В. Компьютерные адаптивные тесты и достоверность результатов тестирования по английскому языку // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – №3–4. – 2014. С. 63–66.
3. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 39.04.01 Социология (уровень магистратуры): приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 марта 2015 г. – № 326.
4. Попов О. П. Сочетание традиционных и инновационных методов обучения иностранных студентов по дисциплине «Теория перевода» // Ученые записки Российского государственного социального университета. Изд-во: Российский государственный социальный университет. – №3 – Т.1. 2013. С. 63–67.

5. Сдобников В. В. Профессиональный перевод vs учебный перевод: проблема оценки качества // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Мат-лы VIII междунар. научн. конф.: в 2-х томах. Отв. редактор Л. А. Нефедова. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 489–493.

УДК 81'255.2

**THIS BE THE VERSE:
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ОБСЦЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ**

К. Ю. Игнатов,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований
факультета иностранных языков и регионоведения, Московский
государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В статье на основе стихотворения ‘This Be The Verse’ британского поэта Филипа Ларкина и его нескольких переводов на русский язык анализируются подходы к переводу поэзии, содержащей обценную лексику. Отмечено, что в виду различных функций, которые выполняет бранная лексика в поэзии на русском языке и в англоязычной поэзии, дословный перевод или попытки «компенсации» с помощью иных табуированных выражений русского языка оказываются неперспективными. Достичь смысловой точности и художественной выразительности в русском языке удаётся без использования нецензурных выражений.

Ключевые слова: обценная лексика, бранная лексика, поэзия, перевод, Филип Ларкин.

Summary. An analysis of approaches to the translation of poems that contain obscene language into Russian is presented in the paper on the material of the text of Philip Larkin’s poem ‘This Be The Verse’ and several of its translations into Russian. It is shown that the functions that obscene lexical units perform in poems in Russian and English are different, so attempts to translate the texts verbatim or try to find other obscene expressions to compensate the omission of the original ones are futile. Semantic accuracy and artistic expressiveness can be achieved without the use of profanity.

Key words: obscene language, profanity, poetry, translation, Philip Larkin.

Обценная лексика включает в себя вульгарные, грубые и непристойные бранные выражения. Чаще всего такие слова используются для выражения спонтанной речевой реакции на ситуацию. Самым распространённым пластом обценной лексики в русском языке являются матерные выражения, хотя есть и нематерные слова, в первую очередь – эвфемизмы мата, также считающиеся табуированными.

К сожалению, часто исследования обценной лексики сводятся к этимологическим изысканиям, семантическому анализу и категориальной классификации, не уделяя должного внимания изучению тех функций, которые бранные слова выполняют в речи, и, в частности, в художественной

литературе. В то же время нужно отметить, что, например, в поэме «Лука Мудищев» этот пласт лексики выполняет существенно иные функции, чем, например, обсценная лексика в близких по времени создания «непечатных» стихотворениях А. С. Пушкина. Ещё более важно такое различие для разных лингвокультур.

Вызывает удивление зависимость, которую некоторые лингвисты пытаются установить, между демократизацией общества и распространённостью бранной лексики [1]. Прежде всего, если количественное изменение доли обсценных выражений в речи и их частотность ещё можно измерить, то что считать «степенью демократизации общества»? Кроме того, можно ли такую зависимость установить для разных лингвокультур, или она характерна только для русского языка?

Бранные слова в поэме «Вопль» (1955) Аллена Гинзберга используются иначе (прежде всего, как средство художественной выразительности), чем в поэме «V» Тони Харрисона 1985 года (как художественные детали).

В отношении русского языка исследователи отмечают, что в литературе, как классической, так и современной, писатели предпочитают использовать эвфемизмы, которые не являются вульгаризмами [1], и этот приём оказывается достаточным для достижения языковой экспрессии. При этом отмечается и «расширение сферы употребления мата и в какой-то мере его частичная "легализация" в художественной литературе и средствах массовой информации» [1, с. 73]. Как же обстоит дело с переводом?

Обратимся к стихотворению «This Be the Verse» (1971), одному из наиболее известных стихотворений Филипа Ларкина [5, p. 88].

They fuck you up, your mum and dad.
They may not mean to, but they do.
They fill you with the faults they had
And add some extra, just for you.

But they were fucked up in their turn
By fools in old-style hats and coats,
Who half the time were soppu-stern
And half at one another's throats.

Man hands on misery to man.
It deepens like a coastal shelf.
Get out as early as you can,
And don't have any kids yourself.

Очевидная цель использования фразовых глаголов-вульгаризмов в первой и второй строфе – шокировать читателя, особенно в сочетании с упоминанием родителей. Это видно и из сильной позиции (начало стихотворения) и из синтаксиса строки. Кроме того, в выражениях помимо эмоциональной составляющей актуализируются два значения: прямое (половой акт, зачатие) и два переносных (испортить и сбить с толку).

Отметим также, что в названии стихотворения заключена отсылка к пятой строчке стихотворения Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894) «Реквием» (1884) («This be the verse you grave for me»), которое по его указанию использовано в качестве эпитафии на его могиле на одном из островов Самоа в Тихом океане:

Under the wide and starry sky
Dig the grave and let me lie:
Glad did I live and gladly die,
And I laid me down with a will.

*This be the verse you grave for me:
Here he lies where he long'd to be;
Home is the sailor, home from the sea,
And the hunter home from the hill.*

В интертекстуальной отсылке проявляется третья функция использования обценного выражения: Ларкин намеренно отталкивается от «слащавости» Стивенсона и противопоставляет лирического героя своего стихотворения обманчивой лучезарности жизни.

Рассмотрим, как выражены эти функции в переводе. Известность стихотворения обеспечила ему много переводов на русский язык, большинство из которых собраны в источнике [2]. Можно с радостью отметить, что, в отличие от многих сфер речевой жизни, поэтический перевод недостаточно «одемократился», и бранная лексика практически не используется (за исключением потуг на доступный в сети Интернет «вольный перевод» Александра Волкова, который создатели переводческого сайта [2] справедливо не включили в своё собрание). К переводам [2] мы добавили Владимира Гандельсмана [4] и приводим их полностью.

П1. Владимир Гандельсман	П2. Георгий Яропольский
<p>***</p> <p>Родив тебя, отец и мать рот в рот дыханием своим тебя надули, так сказать, чтоб ты своё добавил к ним.</p> <p>А их надули в свой черёд предтечи-выродки, снуя своим хозяйством взад-вперёд, не понимая ни...чего.</p> <p>Усугубляя зло, урод плодится, в бога душу мать. Умри. Не продолжай свой род, чтоб никого не надувать.</p>	<p>Стих на надгробье</p> <p>Задалбливают мать с отцом: тебе суют они, «любя», свои огрехи, все, гуртом, плюс кучку сверх – лишь для тебя.</p> <p>Но их долбали, в свой черёд, глупцы, что, затхлостью дыша, за мёд свой выдавали гнёт, друг дружку муча и душа.</p> <p>Свою ничтожность человек в потомстве множит через край. Скорей решайся на побег – и сам детишек не строгай.</p>

В П1 вместо вульгаризма используется однокоренной с современным эвфемизмом «вдуть» глагол «надуть», что актуализирует значение «обмануть», близкое к «испортить» и «сбить с толку». В П2 используется эвфемизмы «задолбать» и «долбать», не реализующие указанные значения, но позволяющие шокировать читателя.

П3. Яков Фельдман	П4. Антон Нестеров
<p>***</p> <p>Они тебя надули, папа с мамой, Всучив тебе свой залежалый опыт. И специальных глупостей добавив, Но зла тебе, конечно, не желая.</p> <p>Их, правда, одурачили другие, – В больших плащах и шляпах старомодных, Наивно и слегка сентиментально Вцепившиеся – все – друг в друга в глотку.</p> <p>Жиреющие на чужом несчастье... И это нарастает с каждым годом! Что делать нам? Уйти как можно раньше, Не оставляя по себе потомства.</p>	<p>И ещё одна заповедь...</p> <p>Родители засрут мозги Тебе, из самых лучших чувств: Иди по жизни и тащи Все их ошибки, злость, и чушь, –</p> <p>Ведь им вложили дурь в башку Угрюмцы в твидовых пальто, Умевшие пустить слезу – И встать на горло, если что.</p> <p>В наследство дрянь передаём, Что копится в душе за жизнь. Не мешкай в мире, дураком Не будь. И лучше – не плодись...</p>

Вторая пара переводов, очевидно, идёт по пути первой: П3 использует глагол «надуть» (только вместо его повторения во второй строфе используется синоним «одурачить»), а П4 глагол, близкий к глаголу «долбать» (при этом достигается и эффект неожиданности и реализуется сема «сбить с толку»; также вместо его повторения во второй строфе используется перифраз с сохранением смысла).

П5. Александр Бренер	П6. Эмма
<p>Из английской поэзии Мама и папа, конечно, любя, Могут угробить, малютка, тебя: Страх свой и желчь в твоё тельце вольют, Словно мочу в туалетный сосуд.</p> <p>В прошлом их тоже согнули в дугу, Только про это они ни гугу. Хвостиком машут, на лапки привстав, Ну а чуть что, друг на друга: гав-гав!</p> <p>Всех доконали в положенный срок. Так извлеки, моя детка, урок: Смойся подальше от этих людей. И, ради Бога, не делай детей.</p>	<p>А вот вам стих Сгнобят тебя отец и мать, Пусть не нарочно, но сгнобят. Своих сомнений, страхов рать – Плюс пару свеженьких – внедрят.</p> <p>Гнобили прежде их самих Придурки в шляпах «прошлый век» – Слащаво-строгие для них И желчно-злобные для всех.</p> <p>Несчастье въелась в ДНК, Растёт как тесто на дрожжах. Беги «родного очага» И сам детей не нарожай.</p>

В П5 переводчик пытается «распределить» исходные значения вульгаризмов по всему стихотворению, но получающийся интересный результат страдает нарушением размера, поскольку ямб заменяется хореем. В П6 глагол «гнобить» не передаёт семантику, а лишь сохраняет, в определённой степени, эффект неожиданности вульгаризма оригинала.

П1 и П3–П6 не актуализируют аллюзию к Стивенсону, что резко нарушает весь художественный строй стихотворения. «Реквием» Стивенсона переводился на русский язык, по крайней мере, три раза: А. Сергеевым, З. Житомирской и В. Роговым. Тем не менее, это стихотворение в русскоязычной культуре малоизвестно, и даже прямая цитата («написать на моей плите гробовой»; «на камне на моём вы напишите так»; «а на могиле выбейте так» [3, с. 229; 326; 327]) не воссоздала бы интертекстуальной связи. В этом отношении лучшее решение находит Георгий Яропольский, когда называет стихотворение «Стих на надгробье», «раскрывая» смысл аллюзии без её сохранения.

Таким образом, можно отметить, что в переводе на русский язык англоязычных стихотворений с обценной лексикой можно достичь художественного эффекта оригинала без использования вульгаризмов. Кроме того, часто в работе над их передачей переводчики забывают о других важных художественных особенностях стихотворения, в частности, аллюзиях. Важнейшую роль в переводе играет учёт тех функций, которые выполняет лексическая единица в тексте оригинала, и поиск такого выражения в языке перевода, которое выполняло бы те же функции, причём это выражение должно соответствовать правилам и нормам культуры языка перевода, и верное переводческое решение возможно только в случае высокой межкультурной компетентности переводчика.

Список использованных источников

1. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / Русистика. Берлин. – 1994. – № 1/2. С. 50-73.
2. Собрание переводов стихотворений английского поэта Филипа Ларкина . [Электронный ресурс]. – <https://zdapress.wordpress.com/2015/09/27/selected-poems-by-philip-arthur-larkin> (Дата обращения: 31.01.2018).
3. Стивенсон Р. Л. Детский сад стихов и другие стихотворения. М.: Радуга, 2001.
4. Филип Ларкин: портрет поэта [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». – <https://www.svoboda.org/a/27440605.html> (дата обращения: 31.01.2018)
5. Larkin Philip. The Complete Poems. N.-Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2012.

УДК 82-313.2:81'255.4

К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АССИМИЛИРОВАННЫХ СЛОВ И СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

И. Ю. Извекова,

аспирант кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», Горловка

Аннотация. Целью статьи является выявление общего и различного в языковых картинах мира русского варианта романа Т. Толстой «Кысь» и его англоязычного перевода, а также ознакомление с особенностями лексического наполнения художественного текста романа. В статье рассматриваются такие понятия как культурная адаптация и переводческий комментарий. Фрагментарный анализ перевода романа Т. Толстой на английский язык подтверждает то, что воспроизведение лексических единиц просторечного характера представляет значительные переводческие трудности.

Ключевые слова: жанр антиутопии, перевод, интерпретация.

Summary. The main purpose of the article is to reveal the Russian version of the novel «The Slynx» by T. Tolstaya and its English translation, as well as to get acquainted with the peculiarities of the lexical filling of the artistic text of the novel. The article deals with such concepts as cultural adaptation and translation comment. Fragmentary analysis of the translation of the novel by T. Tolstaya into English confirms that the reproduction of lexical units of a nonverbal character presents significant translation difficulties.

Keywords: dystopia, translation, interpretation.

В настоящее время художественный перевод современной литературы является одной из наиболее актуальных и важных проблем теории и практики перевода. Художественный перевод служит своеобразным мостом от оригинального текста к переведенному, и от того, какие языковые средства переводчик использовал, зависит целостное восприятие всего произведения. Перевод только тогда будет иметь успех,

когда переводчик сумел передать все реалии оригинального текста, трансформируя их в реалии перевода. По мнению исследователя Н. Т. Федоренко, «перевод должен обладать силой жизни в той же мере, что и оригинал» [8] и для того чтобы литературное произведение, написанное на другом языке, начало функционировать как произведение искусства, переводчик художественной литературы должен повторить процесс его создания. В ходе данного процесса произведение возрождается заново на другом языке благодаря силе таланта переводчика.

Проблемы художественного перевода стали предметом научных интересов В. М. Алексеева, Н. Т. Федоренко, Ю. Сорокина, М. М. Бахтина, А. Веселовского, И. Кашкина, В. Комиссарова, П. Копанева и др.

В современном литературоведении существует множество научных концепций, между представителями которых не стихают дискуссии по вопросам теории, практики и особенности художественного перевода. Общетеоретические вопросы перевода исследуются в трудах известных ученых: Л. С. Бархударов «Язык и перевод» [1]; И. Левый «Искусство перевода» [3]; А. Федоров «Основы общей теории перевода» [9]; С. Флорин «Муки переводческие» [10] и др.

Роман Т. Толстой «Кысь» был назван одним из самых ярких литературных событий. Интерес к роману был вызван и личностью автора, и необычным сюжетом, и, конечно, языком произведения. Разнообразие стилистических средств, используемых автором, создало неповторимый колорит произведения и поставило новые задачи перед переводчиками художественных текстов. Мы рассмотрим ряд языковых явлений, которые придают стилю романа своеобразие и одновременно способствуют отражению его философской концепции.

В романе Т. Толстая уделяет особое внимание традиционной для антиутопической литературы мифологеме – «*сакральное значение*» или «*сакральная речь*». Важность обращения к данной мифологеме акцентируется с начала повествования, включающего в себя рамочный текст романа. Так, оглавление составлено таким образом, что названия глав образуют древнерусскую азбуку, привнося в произведение дополнительные культурологические смыслы. При переводе романа на английский язык, данный авторский ход сохраняется.

Следует заметить, что произведение насыщено своеобразными языковыми явлениями. Особое внимание автор уделяет фольклорному тексту – цитированию сказок, заговоров, песен, т.е. жанровым включениям, которые требуют от переводчика более тщательного анализа содержания оригинального текста вследствие их этнокультурной сложности, отражающей национальную идентичность. Именно поэтому многие исследователи констатируют немалый процент потерь при переводе, тем самым подтверждая тщетность попыток переводчиков преодолеть культурные барьеры. Следовательно, автору перевода романа «Кысь» Джейми Гамбрелл (Jamey Gambrell) приходится прибегать к упрощению или

к так называемому процессу минимизации значения, что позволяет найти аналог нужного значения в родном языке. Одним из ярких примеров упрощения оригинального текста при переводе может служить следующий отрывок из произведения: «*В кои-то веки с терема сошел с ясного, с крутоверхого, с-под резных курдалясин, что под кровлей понадрючены, с-под маковок багряных, молодой ржавью крашенных, боботюкалками утыканых, кукумокалкамиизузоренных!*» [7]. Перевод на английский: «*Once in a blue moon he comes out of his terem, his bright terem adorned with sharp spires, eaves trimmed with carved curlicues, crimson onion domes painted with young rusht, decorated with whorls, embellished with frillery and frippery!*» [12].

В анализируемом отрывке отчетливо видна замена и потеря лексических единиц, присущих оригиналу, а также явное ослабление метафорической образности. Таким образом, переводчику приходится прибегать к описательному переводу, пытаясь компенсировать потерю путем введения в текст перевода дополнительных образов, усиливающих экспрессию. Как отмечает В. Набоков, «переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии. <...> Он должен обладать способностью к мимикрии, действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизведя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [5].

Следует заметить, что основная масса слов в романе по своей функционально-стилистической окраске может быть охарактеризована как просторечная. Текст произведения полон ассимилированных слов и словосочетаний, близких к просторечию, например, таких как «могозин», «аружье», «оверверстецкоеабразавание», «осфальт», «тродицыя», «калидор», «тульпан», «спрятамышь», «ходять», «ихний» и т. д. В данном случае переводчику пришлось интерпретировать подобные лексические единицы без учета просторечной окраски («могозин» – «shop», «тродицыя» - «tradition», «тульпан» - «tulip»).

В некоторых случаях переводчику приходится прибегать к расширению, сужению или допустимой подмене информации, содержащейся в оригинальном тексте произведения. Подобные расхождения обусловлены объективной невозможностью прямых соответствий между лексическими единицами английского и русского языков. Например, «*Like I said, I wasn't afraid of nothing. Not mermaids or water bubbles or wrigglers that live under stones. I even caught a whirly tooth fish in a bucket*» [12]. Оригинальный текст: «*Ничего, я говорю, не боялся. Ни русалок, ни пузыря водяного, ни кочевряжки подкаменной. Я даже рыбку-вертизубку ведром поймал*» [7]. При переводе таких слов как «*wriggler*» (в романе «*кочевряжка*») и «*whirly tooth*» («*вертизубка*») автору пришлось прибегнуть к незначительной подмене информации, так как данные лексические единицы в английском языке имеют немного иные значения («*wriggler*» – пронира, «*whirly tooth*» – жёсткий зуб).

Интерес при переводе представляет имя главного героя романа. Автор выбирает для своего героя многозначительное имя Бенедикт («*benedictum*»), которое в переводе с латинского означает «*благословенный*» или буквально «*тот, о котором хорошо (пред)сказано*». Тот же корень, что и «*dictum*» имеет, кстати говоря, латинское «*diction*» («*слово*», «*речь*»). Что касается интерпретации имени главного героя на английский язык, то «*blessed*» может означать «*благословенный*», но также и «*проклятый*» или «*чертов*».

При переводе романа «Кысь» Джейми Гамбрелл (Jamey Gambrell) прибегает к такому вспомогательному средству как переводческий комментарий. Данный прием является одним из основных способов компенсации смысла при переводе, к нему следует прибегать в тех случаях, когда передача смысла в рамках текста оказывается невозможной. Образцом использования комментария к переводам с русского на другие языки в истории мировой литературы может служить комментарий В. Набокова к его же переводу «Евгения Онегина» А. С. Пушкина [4].

Для того чтобы передать национальные реалии русской культуры, переводчица романа «Кысь» составила глоссарий, транслитерировала слова и дополнила их соответствующими пояснениями. Например, «1) *Blin (bliny, pl): large, thin pancake, rather like a crepe; 2) Golubchik (m), Golubushka (f): my dear, my good fellow, often used ironically. In the novel it is used as a form of address, like comrade*» [12].

Рассмотрим отдельные варианты перевода на примере таких слов как «*баня*» и «*веник*». Например, в переводе романа «Кысь» автор англоязычного варианта называет русскую баню «*bathhouse*», а веник – «*branches*». В английском словаре определение слова «*bathhouse*» интерпретируется следующим образом: «*Bathhouse – 1). a building with baths for communal use; 2). a building where swimmer change clothes*». То есть, это либо ванная комната, либо комната для переодевания в бассейне. Что касается слова «*branches*», то это «*a part of a tree that grows out from the trunk or from a bough*», т.е. ветвь, либо прут. Таким образом, можно констатировать, что при ознакомлении с текстом произведения, при наличии подобных вариантов перевода, у англоязычного читателя не будет достаточно фоновых знаний для полного понимания реалий русской национальной культуры.

Следовательно, если лексическую составляющую текста автор-переводчик смог адаптировать к английскому языку, то глобальной проблемой остается адаптация культурной составляющей произведения. К культурной адаптации следует прибегать с особой осторожностью, поскольку она может привести к утрате национального колорита. Таким образом, интерпретация культурной составляющей и языковой картины мира при переводе оказывается более сложной для передачи, чем лексическая.

В своем романе Т. Толстая часто прибегает к цитированию текстов известных песен, таких как «*Песенка о хорошем настроении*», «*Миллион алых роз*», «*Из-за острова на стрежень*», «*А я люблю женатого*». Для адаптации данных участков текста переводчику англоязычного варианта

пришлось прибегнуть к замене приведенных автором песен на известные за рубежом тексты русских песен, такие как «*Очи чёрные*», а также песни популярных британских исполнителей (*The Beatles «I want to hold your hand»*) и американских («*For Hes Jolly Good Fellow*»).

Таким образом, вышеперечисленные примеры дают нам основания утверждать, что при переводе литературного текста с русского языка на английский, наблюдается почти полное сохранение объема информации, но при этом целевые отношения могут передаваться разными языковыми средствами. Существующий перевод на английский язык романа Т. Толстой «Кысь» не дает представления о глубине всех культурных пластов, лежащих в основе мировоззрения автора. С самого начала проявляются значительные отличия оригинала и англоязычного перевода художественного текста. Следует заметить, что данные отличия обусловлены, в первую очередь, этнокультурной спецификой. Как верно заметила Т. Казакова, «точный перевод, по определению, невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по простому количеству слов, не говоря уже о различии культур» [2].

Следовательно, даже фрагментарный анализ перевода романа Т. Толстой на английский язык подтверждает то, что воспроизведение лексических единиц просторечного характера представляет значительные переводческие трудности и требует от переводчика высокого уровня мастерства и творчества для того, чтобы продукт перевода был доступным и понятным целевой аудитории.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода [Электронный ресурс]. М.: Советский писатель, 1975. 238 с. – <https://studfiles.net/preview/4267259/page:3/> (дата обращения 05.01.2018).
2. Казакова Т. А. Практические основы перевода: учебное пособие. СПб.: Лениздат; Издательство «Союз», 2000. 320 с.
3. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 394 с.
4. Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» А. Пушкина: пер. с англ. Ин-т науч. информ. по обществен. наукам РАН. М.: Интелвак, 1999. 1008 с.
5. Набоков В. В. Лекции по русской литературе: пер. с англ. М.: Независимая Газета, 1996. 440 с.
6. Сорокин Ю. Переводоведение. Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003. С.73.
7. Толстая Т. Н. Кысь: Роман. [Электронный ресурс]. М.: Подкова, 2000. 384 с. - http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_ty/tolstt01.htm?1/31 (дата обращения 15.12.2017).
8. Федоренко Н. Т. Перевод и истолкование текста // Проблемы Дальнего Востока. – 1979. - № 2. 287 с.
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и факультетов иностр. языков . 5-е изд.

СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 348 с.

10. Флорин С. Муки переводческие: практика перевода. М.: Высшая школа, 1983. 213 с.

11. Knowles L. C. Linguistic and Cultural Aspects of the Russian Postmodern Novel and its Translation: *Кысь* by Tatyana Tolstaya. The University of Edinburgh, 2007. 210 p.

12. Tolstaya T. The Slynx. [Electronic Resource]. // New York Review Books. 2007. 312 p. – Mode of access: URL: <http://www.chron.com/life/article/The-Slynx-by-Tatyana-Tolstaya-2111478.php> (дата обращения 27.01.2018).

УДК 81'27

**К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗНАЧИМЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ПАРАМЕТРА «ПОНИМАНИЕ»
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Э. Ш. Исаев,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

О. В. Исаева,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу современных подходов к определению понятия «понимание» с точки зрения современной теории коммуникации. Целью статьи является определение базовых характеристик параметра «понимание». Для решения поставленных задач применяются следующие методы социолингвистического исследования: индуктивно-дедуктивный метод, метод сопоставительного анализа и описательный метод. Подчеркивается особая роль исследований по межкультурной коммуникации в языковом, историческом, эстетическом, бытовом и других аспектах, а также необходимость междисциплинарного диалога лингвистов, социологов, психологов, этнологов, педагогов и специалистов сферы теории коммуникации.

Ключевые слова: социолингвистика, коммуникация, межкультурная коммуникация, понимание.

Summary. The article analyzes current approaches to the definition of «comprehension» in terms of modern theory of communication. The purpose of the article is to define the basic characteristics of «comprehension». To solve the problems posed, the following methods of sociolinguistic research are used: inductive-deductive method, method of comparative analysis and descriptive method. The special role of intercultural communication investigations in the language, aesthetic, historic, domestic and other aspects is stressed, as well as the

need for interdisciplinary dialogue of linguists, sociologists, psychologists, ethnologists, pedagogues and experts in the field of theory of communication.

Key words: sociolinguistics, communication, intercultural communication, comprehension.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью описания особенностей функционирования механизмов обмена информацией для достижения наиболее полного взаимопонимания участников коммуникации в условиях усиливающихся процессов глобализации.

Важно отметить, что в конце 20-го века А. Д. Петренко справедливо отмечал, что «в сферу проблем изучения включены такие крупные темы, как двуязычие и многоязычие, языковая вариативность и социальное расслоение говорящих, развивающиеся языковые изменения. Одним из главных стимулов данного развития являются те социальные процессы и явления, которые происходят буквально на глазах нынешнего поколения. Основной задачей лингвистов, представляющих социолингвистическое направление, становится анализ функционирования языка в обществе» [1, с. 3].

Для достижения понимания на языковом уровне необходимо участие как минимум двух сторон: говорящего и слушающего. Говорящий намеревается донести информацию до слушающего, слушающий желает понять говорящего. В процессе коммуникации роли сторон, как правило, меняются (предполагается, что мы можем как излагать высказывания, предложения, тексты, так и усваивать их).

Подробный анализ различных моделей коммуникации предложен Г. Почепцовым [2], по мнению которого, различные рассматриваемые модели коммуникации возникают в зависимости от задач, которые стоят перед исследователем. Это могут быть социологические и психологические модели, модели коммуникации с точки зрения «паблик рилейшенз», рекламы и пропаганды, семиотические модели коммуникации, модели мифологической коммуникации, модели психотерапевтической коммуникации, модели коммуникации в различных областях знаний.

Освоение языка в детском возрасте начинается с понимания: первый опыт языкового общения ребенок получает на этапе попыток понимания того, что говорят другие. Дети постигают значения слов и предложений в процессе общения, а затем применяют полученные знания в подходящих ситуациях. Нередкими являются случаи ошибочной трактовки содержания высказывания не только на этапе освоения языка в детском возрасте, но и во взрослой коммуникации.

Таким образом, возникает необходимость более подробного рассмотрения понятия «понимание» как коммуникативного явления. Некоторые возможные трактовки значения данного понятия включают в себя следующие варианты:

- понимать слово (знать его значение);
- понимать текст (вникнуть в смысл);

- понимать предложение (понять его значение);
- понимать язык (владеть языком);
- понимать высказывание говорящего (распознать его намерения, находить взаимопонимание).

Последний вариант является основополагающим с точки зрения характеристики смысла человеческого общения как одного из основных направлений человеческой деятельности. Трактовка намерений говорящего не всегда логически следует из универсальных знаков, которые он использует. Общие намерения говорящего могут быть распознаны без точной расшифровки значений отдельных лексических единиц. Толкование, интерпретация (*Deutung*) выходят далеко за рамки значения (*Bedeutung*).

Главным критерием для слушающего является понимание интенций говорящего. Понимание – это не свободная игра слов с целью поиска наиболее изысканного толкования. Понимание – это часть коммуникации, которая преследует главную цель – понять другого. Разгадать намерения партнера можно через коммуникацию и понимание.

Каждый текст допускает неопределенное количество толкований. Пояснения таких интерпретаций снова становятся текстами, допускающими отличия в трактовке. В исследованиях по герменевтике содержится ответ на вопрос о происхождении различных толкований: текст, знак не являются объективными структурами, знак не является универсальным воплощением значения, его значение следует из его понимания определенным числом индивидов. Границы понимания становятся основой для понимания. Исследование границ понимания является одной из основных проблем современной теории коммуникации. Таким образом, исследователями не ставится задача отрицания правила об однородности знака, а делается акцент на необходимости изучения такого важного параметра, как влияние внутреннего мира коммуникантов на конкретное (текущее) понимание содержания общения.

Не существует единого определенного заранее критерия для вынесения оценки о верном или неверном, хорошем или плохом понимании содержания высказывания. Все остается неопределенным до момента, когда наступает удовлетворение содержанием общения между партнерами по коммуникации, когда коммуниканты приходят к выводу, что их устраивает достигнутое понимание, которое не порождает новые проблемы.

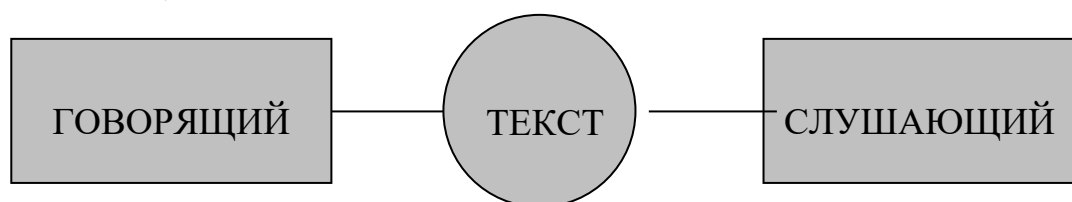
Один из ведущих принципов герменевтики гласит, что коммуниканты по-разному воспринимают содержание текста в зависимости от исходных знаний и опыта. Но это отнюдь не означает, что это происходит осознанно, и что слушающий произвольно создает необходимую ему картину понимания, далекую от разумного содержания. Предшествующие знания в любой форме являются той основой, на которой базируется понимание текста. Знакомые сценарии автоматически выстраиваются в определенную цепочку понимания. Конечно, возможно представить себе картину, когда слушающий отдает предпочтение альтернативным трактовкам понимания,

но это происходит, если он сомневается, если он не уверен, если ни одна из существующих трактовок его не устраивает. В таком случае возникает необходимость самостоятельной интерпретации. Такого рода деятельность присуща, например, научным работникам. В большинстве сфер коммуникации принято все же опираться на знакомые сценарии.

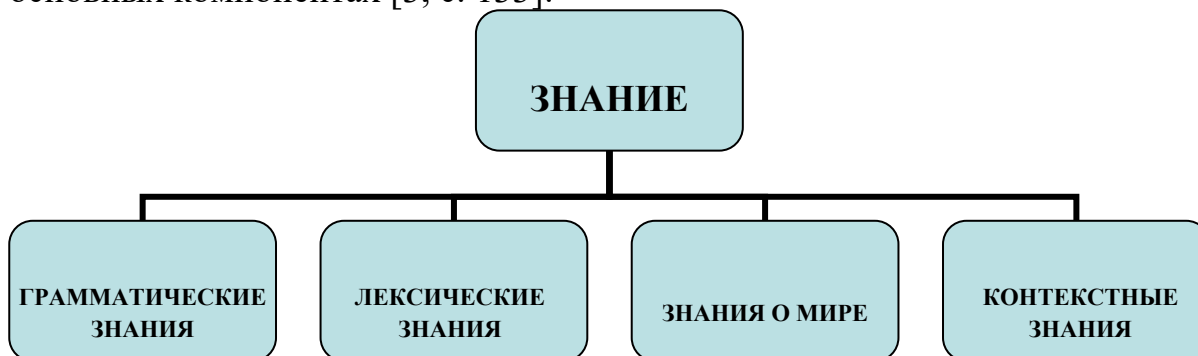
Х. Херингер [3, с. 49] предлагает следующие способы активизации понимания содержания в процессе коммуникации:

- выделение значимых элементов;
- повторения;
- перефразирование;
- встречные вопросы.

Принято выделять две основные характеристики понимания: текст и внутренний мир коммуникантов. Чтобы понять смысл сказанного необходимо не только понять значение слов и предложений, но и зачастую выйти за пределы отдельных значений. Общее понимание не всегда складывается из понимания отдельных составляющих. Не существует прямого взаимодействия между говорящим и слушающим, связь между отправителем и получателем осуществляется через высказывания, через текст как основу взаимодействия:

Но одного текста недостаточно, текст сам по себе не несет понимания. Только благодаря фоновым знаниям коммуникантов текст обретает смысл, ту или иную трактовку. Знак получает значение через совместное знание. Понимание текста складывается из способностей и знаний участников коммуникативного акта. Совместное знание базируется на четырех основных компонентах [3, с. 133]:

– грамматические знания – знания правил о допустимых комбинациях слов и их интерпретации;

– лексические знания – знания значений лексических единиц, а также в каких конструкциях они применимы;

– знания о мире не только в узком естественнонаучном значении, но и в социальном плане: знания о культуре, социальных нормах, системе ценностей;

– контекстные знания следуют из контекста ситуации общения и постоянно изменяются.

В конечном итоге весь процесс общения осуществляется в соответствии с универсальными основами и стратегиями коммуникации: мы предполагаем, что наш партнер говорит осмысленно; мы исходим из того, что он говорит связно; мы не принимаем на веру противоречивые суждения.

При рассмотрении понимания как коммуникативной характеристики нельзя обойти вниманием такой важный компонент как интеркультурная составляющая процесса коммуникации.

В межкультурном общении индивиды опираются, в первую очередь, на предыдущий опыт, знания, отражающиеся в стереотипах. Для систематизации анализа эти знания можно разделить на отдельные аспекты: мировоззрение, национальный характер, религия, работа, пища, язык, жесты и мимика, социальные отношения, модели поведения, образ мышления и др. Для некоторых аспектов можно определить параметры противопоставления с точки зрения их важности в отдельно взятой культуре, например: процесс – цель, гармония – доминирование, индивидуализм – коллективизм, открытость – закрытость, прошлое – будущее и др.

Отличия в отношении к отдельным значимым ценностям, присущие выходцам из разных культурных регионов, влияют и на степень понимания/взаимопонимания между коммуникантами в процессе межкультурного диалога. Под межкультурным диалогом следует понимать не только интернациональный диалог, т.е. общение между государствами и нациями, но также и содержательное понятие, включающее в себя противоположности внутри государства или нации.

Межкультурное общение рассматривается сегодня не только как взаимодействие между представителями разных государств, но и этнических групп или профессий. Межкультурное обучение направлено на воспитание межкультурной компетенции. Под этим понимается комплекс социальных умений и навыков, при помощи которых индивидуум успешно осуществляет общение с партнерами из других культур, как в бытовом, так и в профессиональном контексте.

Социолингвистические и этнолингвистические исследования повлекли за собой проблематику кросс-культурного понимания и диалога культур. Зона совпадения интересов представителей разных культур является полем для коммуникации. Диалог культур, мультикультурализм понимаются сегодня как основная идея нового века и как социальная реальность. Коммуникация через народы и их культуры делает возможным понимание чужих/иных культур.

Список использованных источников

1. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. Киев, 1998. 254 с.
2. Почепцов Г. Теория коммуникации. М., 2001. 656 с.
3. Heringer H. Interkulturelle Kommunikation. Tübingen/Basel, 2004. 240 P.

УДК 81'25

ПЕРЕВОД КАК КУЛЬТУРНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО***Т. А. Казакова,****доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии
и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Одним из системных дескрипторов перевода как деятельности можно считать культурное посредничество. Создание переводного (вторичного) текста сопровождается воздействием различных факторов, в частности, межъязыковой асимметрией, инструкциями (указаниями) заказчика, мерой определенности контекста, личной установкой переводчика, социальным статусом исходного и предполагаемого переводного текстов, и т.д. Среди таких факторов не последнее место занимает потребность целевой культуры в переводном варианте исходного текста и готовность к его восприятию. В межкультурном аспекте одним из самых сложных и уязвимых объектов перевода являются мифоэпические произведения. Если перевод авторской литературы (художественные, философские, научно-популярные, публицистические и другие жанры) на самых разных языках сравнительно освоен с технической (языковой) и информационной (содержательной) точки зрения, то «территория фольклора» нередко оказывается неожиданным камнем преткновения как для переводчика, так и для целевой аудитории. Статья посвящена рассмотрению некоторых осложнений в процессе создания и восприятия мифоэпического переводного текста, когда переводчик выступает в качестве посредника, представляющего исходный материал в иноязычном культурном пространстве.

Ключевые слова: системный дескриптор; совместимость; культурное посредничество; мифоэпический перевод; установка переводчика; культурное пространство.

Summary. One of the systemic descriptors of translation as activity is cultural mediation. The creation of the target (secondary) text is influenced by a number of various factors, such as asymmetry of languages, client's instructions, uncertainty of context, translator's personal attitude, comparative social status of the source and target texts, etc. Significant is also the need of the target culture in the translation. Interculturally, one of the most difficult objects for translation is mythology. Translation of literature is more or less assimilated with different languages and cultures while the *folklore realm* often appears as a stumbling block for both the translator and target audience. The article considers certain

complications in translating and perceiving mythoepic texts in a different cultural space.

Key words: systemic descriptor; compatibility; cultural mediation; mythoepic translation; translator's attitude; cultural space.

Фольклор, например, миф, обрядовая поэзия и эпос, занимает важное место в культурном пространстве, в частности, у народов-носителей древних традиций, независимо от того, сохраняются или прерываются такие традиции. Источником особо ценного традиционного наследия можно считать т.н. «малые» культуры, пользующиеся или пользовавшиеся «малыми» языками. Само понятие «малости» (minor) сформировалось в социолингвистике, лингвокультурологии и переводоведении сравнительно недавно – в конце прошлого века [Рум], но используется достаточно часто, хотя и не обладает отчетливой семантикой, а потому, как правило, сопровождается кавычками. Сразу оговорюсь, что в этот термин здесь не вкладывается никаких отрицательных или пренебрежительных коннотаций: он применен для обозначения культурных традиций и языков, мало известных или вообще не знакомых представителям крупных индустриально-технических цивилизаций. Например, кто в Англии, Германии или даже России знает якутский, тувинский или удмуртский языки – языки народов России? Между тем, это не такие уж «малые» языки (по распространенности и числу носителей), не говоря уже о богатейшем фольклорном наследии, нередко составляющем существенную часть современных национальных литератур. А ведь именно миф, эпос, обрядовая поэзия, сказания, даже гораздо более поздние по происхождению сказки, лежат в основе не только языка, но и этических и эстетических ценностей любого народа, то есть в основе всякой национальной культуры. Разрабатывая социологическую теорию мифа, Б. Малиновский совершенно справедливо обращал внимание на то, что «священное предание племени является мощным средством, помогающим человеку», и «огромная роль, какую миф играет в примитивной культуре, непосредственно связана с религиозным ритуалом, моральными факторами и социальными принципами» [2, с. 96].

Когда к этому наследию обращаются переводчики, проявляются не только межъязыковые, но и межкультурные осложнения, от которых зависит, в том числе, и установка переводчика. В работе с такими осложнениями не существует жесткой регламентации, поскольку переводимые тексты, как правило, носят уникальный характер, не имеющий подобия в других национальных традициях. Переводчик может выбрать нейтральную установку на языковую точность, то есть на тщательную передачу исходных языковых единиц посредством единиц другого языка, и тогда системными дескрипторами для описания свойств переводного текста становятся межъязыковые подобия: соответствие, синонимия, неопределенность, порядок слов и т.п. С другой стороны, переводчик может предпочесть установку на культурное посредничество. В таком случае

системными дескрипторами становятся лингвокультурологические подобию: реалья, символ, метафора, мифологема и т.п. Нередко ошибкой первых собирателей мифов становилась характерная для христианской культуры аналитичность, дуализм «абстрактное – конкретное», в то время как «для мифологического образа была характерна бескачественность представлений, так называемый полисемантизм, то есть смысловое тождество образов» [6, с. 182].

Большинство имеющихся на русском языке мифоэпических текстов основаны на переводе с английского языка, поскольку оригиналы этих произведений труднодоступны (в спецхранилищах и архивах немногих американских библиотек), а индейские языки переданы условным слоговым письмом, мало известным за пределами узкого круга специалистов. Однако интерес к этому наследию в русской культуре несомненен, особенно в связи с современным возрождением индейских культурных традиций и их отражении в англоязычной американской культуре и литературе: «Изучение точек соприкосновения индейского фольклора с англо-американской культурой представляет собой актуальную задачу еще и потому, что во второй половине XX столетия историко-эпическому фольклору было суждено своеобразное возрождение — в виде творческой основы для развития литературы современных индейцев» [1, с. 6–7]. Например, откуда в русскую традицию пришло именование «Гром-птица», или «Громовая птица»? На языке лакота (группа языков сиу) эта птица называется *Wakȟya* – от слов *kȟya* («крылатый») и *wakȟá* («священный, таинственный») – и более «точным» переводом, то есть лексико-семантической калькой в первичном переводе на английский язык было бы выражение *sacred winged being* («священное крылатое существо / крылатый дух»); похожая внутренняя форма характерна для этого названия в языке оджибве (группа алгонкинских языков): *animikii* (*nimkii*). Однако в англоязычной записи устных высказываний, содержащих данное имя, прослеживается не столько установка на межъязыковую точность, сколько на межкультурное посредничество, возможно обусловленная тем, что *sacred winged being* кажется несколько двусмысленным для англоязычной христианской культуры и при этом недостаточно «языческим». Поскольку за этим не вполне приемлемым для христианской культуры именованием стоит вполне конкретная мифологема, включающая такие дескрипторы, как *thunder*, *wind*, *storm*, более уместной для англоязычных собирателей оказалась не межъязыковое соответствие, а метафора *bird*. В мифах самых разных индейских народностей от тихоокеанского побережья до юго-востока Великих равнин говорится, что это может быть дух птицы, или птица-дух, и гигантские крылья этого таинственного крылатого существа поднимают ветер, а щелканье клюва сопровождается громом. Следует отметить, что англоязычные собиратели индейских мифов изначально пользовались не столько точным воспроизведением исходных индейских выражений, тем более их сакральным значением, сколько истолкованием исходного термина

на основе расспросов информантов: в большинстве записанных на английском языке мифоэпических текстов это таинственное существование фигурирует как *Thunder-bird* (*Thunderbird*). В данном случае в качестве системного дескриптора выступает олицетворение. Однако такая конкретизация не вполне безобидна для понимания сути этого имени, поскольку упрощает исходный концепт и, в известной мере, приводит к его десакрализации. В результате сложная и в значительной мере абстрактная универсалия «священный крылатый дух» превращается в конкретно-образное именование, или метафору *Thunder-bird*. По мнению Б. А. Успенского, такая неизбежная метафоризация имеет место во всех попытках перевода мифологического текста на культурные языки немифологического типа: «В области науки это порождает логические версии мифологических текстов, в области искусства – а в ряде случаев и при простом переводе на естественный язык – МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ» [5, с. 306].

Олицетворенное стихийное явление вследствие концептуального раздвоения закономерно теряет и свой символический потенциал, что способствует нарастанию когнитивной энтропии: по сути, вместо религиозно-философского конструкта появляется сказочный образ, и серьезный миф об устройстве мира превращается в сказку, то есть происходит профанация исходного мифоэпического термина. Эта сказочность распространялась через английские записи в переводах на другие языки, в частности, на русском языке это передавалось как «Гром-птица» или «Громовая птица», вызывая ассоциации с Жар-птицей, Царь-рыбой, Серым волком и аналогичными сказочными персонажами, утратившими мифологические корни.

Однако у многих народов американского северо-запада это существо, обладая некоторыми «птичьими признаками», не вполне совпадает с птицей. В частности, оно почитается в качестве тотемного предка или помощника Создателя мира, иногда изображается в виде условно-орнаментального птицеподобного существа. При этом характерно существование мифов (и соответствующих изображений) о превращении человека в *nimkii* – или наоборот. Таким образом, выражение «священный крылатый дух», хотя и подразумевает пересечение с такими объектами, как «гроза, гром, буря», но при этом не исчерпывается ими в качестве характерных свойств и является более сложным культурно-детерминированным знаком [4, с. 120-121], для передачи которого в ту или иную целевую культуру требуется обращение к термину на оригинальном языке и его функционированию в ряде сопоставляемых контекстов. При этом контексты могут иметь как языковой, так и экстралингвистический характер. В частности, по свидетельству одного из известных собирателей мифов и исследователя индейских традиций, Люиса Спенса, крылатые, покрытые перьями существа, птицы воспринимались североамериканскими индейскими племенами как нечто

непостижимое и таинственное: «The bird is always incomprehensible to the savage. Its power of flight, its appearance in the heavens and its musical songs combine in his sight a being of mystery, possessing capabilities far above his own. From it he conceives the idea of the winged spirit» [9, p. 108]. Спенс также свидетельствует о том, что алгонкинские племенные традиции включали представление о крылатом духе ветра, тучах-крыльях и связывали «крылатых» то с духами предков, то с опасными чудовищами, обитающими на вершинах гор, то с воплощением грозы и т.п. [9, 169]. В современном энциклопедическом справочнике понятие Thunderbird(s) описывается более подробно на основе мифов лакота (языки сиу), где такое существо именуется *Waha Kinya(n)* – «таинственный (сокровенный) крылатый дух»: «The *Wakinyan* had mighty wings, a huge beak, sharp teeth and claws, and lightning flashed from his eye. The sound of his voice was the booming thunder. The little *wakinyan* echo after the great thunder is heard. It was *Wakinyan* who oversaw the growth of living things, controlled the clouds and weather, and destroyed those bent on evil. This purpose was given to Tate, the Wind, as well. One of the great enemies of the *Wakinyan* was the water monster. The *Wakinyan* lived on a high mountain in the west, near the west wind» [7, p. 193]. Это непостижимое существо, посланец Создателя мира, повелевает ветрами, тучами, погодой – и борется со злом, в частности, с его воплощением – Водяным монстром.

В связи с «Гром-птицей» любопытно отметить ситуацию с художником Норвалем Мориссо (оджибве по происхождению, индейское имя – Copper Thunderbird): когда его картины были впервые выставлены в галерее Поллака в Торонто (1962 г.), старейшины племени постановили изгнать его за то, что он «разгласил сокровенные тайны оджибве» в своих картинах, в частности, изобразив таких персонажей, как Виндиго, Нимкии и др. [3, p. 26]. Так что вполне вероятно, индейские информанты в 17–19 веках могли намеренно десакрализировать многие понятия, истолковывая их для англоязычных собирателей в условно сказочном варианте. С подобной дезинформацией нередко встречаются этнографы, в связи с чем возникает идея о «непереводимости» мифоэпических имен и знаков [8, p. 148–149].

Таким образом, метафора (олицетворение) в качестве дескриптора может вводить в заблуждение не только собирателя, но и все последующие целевые аудитории, имеющие дело не с оригинальным, а промежуточным, переводным текстом в качестве исходного. Точность перевода исходного термина оказывается важным условием межкультурного посредничества, когда дело касается фундаментальных терминов исходной культурной традиции. Можно предположить, что в таких случаях посредническая функция переводчика отчасти зависит и от его собственной целевой установки, и от назначения переводного текста. Целью перевода может служить распространение мифоэпического материала для широкой аудитории – в таком случае метафоризация вполне уместна, поскольку

способствует усилению образной (эмоционально-экспрессивной) информации, а, следовательно, и облегчению восприятия. Но эта же информация оказывается избыточной или вообще неуместной, когда требуется усиление предметно-логической информационной составляющей, например, в переводе для более узкого круга специалистов или для сохранения сакрального статуса текста. Тогда более подходящим способом можно считать лексическое или лексико-семантическое калькирование.

Пути переводческого межкультурного посредничества извилисты и не всегда очевидны, будучи зависимы от многих причин: чаще всего от сочетания и взаимодействия языковой, когнитивной, эмотивной, аксиологической и иных компетенций, обусловленных культурным пространством, в котором формируется установка переводчика, и расстоянием между исходной и целевой культурами. Переводчик может хорошо владеть языком, но быть далеким от исходной культуры, например, по религиозным или этическим устоям; в этих условиях совместимость или несовместимость культурных традиций может в значительной степени определять последующую судьбу оригинального мифоэпического произведения, и требуется большая и кропотливая работа по восстановлению межъязыкового и межкультурного соответствия его важнейших понятий.

Список использованных источников

1. Ващенко А. В. Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев. Типология и поэтика. М.: Наука, 1989.
2. Малиновский Б. Магия. Наука. Религия. М.: «Рефл-бук», 1998.
3. Мориссо Норваль. Легенды моего народа – великих оджибвеев. Перев. с англ. С. Педченко. М.: Трубка мира, 2006.
4. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак. М.: «ГНОЗИС», 2005.
5. Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: ГНОЗИС, 1994.
6. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.
7. Bastian Dawn E. and Judy K. Mitchell. Handbook of Native American Mythology. ABC CLIO Inc., 2004
8. Pym Anthony. Exploring Translation Theories. London: Routledge, 2014
9. Spence Lewis. Myths and Legends of the North American Indians. London: CRW Publishing Ltd., 2005.

УДК 81'42

**ПЕРЕВОД СПЕЦИФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
В ДИСКУРСЕ БЛОГОВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ***А. И. Казина,**аспирант, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», Коломна*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема перевода специфических реалий в рамках дискурса блогов о путешествиях. Приводится попытка проиллюстрировать эмпирически классическую схему перевода реалий, предложенную В. Н. Комиссаровым. Делается вывод об обоснованности неизбежно возникающей интерференции при переводе.

Ключевые слова: блог, туристический блог, интерференция, перевод, транскрипция, транслитерация.

Summary. The article deals with the problem of translation of specific realities within the discourse of travel blogs. An attempt to illustrate empirically the classical scheme of translation suggested by V. N. Komissarov is made in the research. The conclusion highlights the validity of inevitable interference in the translation.

Key words: blog, travel blog, interference, translation, transcription, transliteration.

В центре нашего исследования находится дискурс блогов о путешествиях, следовательно, вопрос о переводе специфических реалий пользователями сети интернет представляется для нас особенно важным. Проблема перевода специфических реалий всегда была актуальной в лингвистике, однако сегодня, с увеличением сегмента онлайн коммуникации, она стоит остро. Более того, в блогосфере туризма каждый пользователь выступает не только в роли рассказчика, но и в роли переводчика, поэтому наша задача в данном исследовании – постараться сформировать общие закономерности перевода реалий в рамках дискурса блогов о путешествиях, а также ответить на вопрос, оправдана ли интерференция, которая неизбежно возникает в процессе адаптации лексических единиц в родном языке.

В своей работе мы предприняли попытку обосновать классическую схему, предложенную теоретиком перевода В. Н. Комиссаровым эмпирически, в рамках блогосферы туризма, и рассмотрели основные способы перевода реалий с одного языка на другой, обозначенные исследователем в труде «Теория перевода» [1, с. 148–150]:

1. Соответствия-заимствования, которые воспроизводят в переводящем языке форму или произношение реалии (транскрипция и транслитерация):

«One of the “tourist” things that I love to repeat here in New York is to get a ride on Staten Island Ferry. For those who do not know....» [12];

«Статен-Айленд Ферри – один из самых зрелищных бесплатных развлечений в Нью-Йорке... Открытый в 2009 году, Хай-Лайн превратился из заброшенной части центральной железной дороги Нью-Йорка в удобное общественное пространство [14]».

Однако данный способ характерен не только для специфических реалий, но и для общеупотребительной лексики и встречается в заметках или постах, посвященных бронированию авиабилетов, отелей, либо при описании тонкостей онлайн регистрации на какое-либо событие.

«Refresh your page at exactly 7:00 a.m. Pacific or 10:00 a.m. Eastern» [13];

«При этом много рефрешей уже не помогает — это поведение стабильно» [4].

«Bubble chairs, pink walls and an impressive poolside lounge will make you feel very relaxed after several hours of travel» [15];

«Пассажиры первого и бизнес-классов могут расслабиться перед полетом за бокалом шампанского в лаунж-зонах, которые созданы авиакомпаниями специально для них [5]»

2. Соответствия-кальки, воспроизводящие поморфемный состав слова или словосочетания:

При переводе географических названий используется как транскрипция, так и калькирование (в ряде случаев, калькирование сопровождается изменением порядка переводимых элементов).

Так, в блоге «California through my lens», нам встречается заметка о «Desert Queen Mine in Joshua Tree National Park» [9], последний элемент которой переводится пользователями русскоязычной блогосферы как «Национальный парк «Дерево Джошуа» [8], так и «Нацпарк Джошуа-Три» [7].

3. Соответствия-аналоги, а также соответствия-лексические замены, которые неизбежно возникают в процессе трансформаций при переводе:

«With a stay at My Favorite Place B&B in New York, you'll be close to Museum of the City of New York and Barney's. This apartment is within close proximity of Apollo Theater and Mount Sinai Hospital» [11];

«То, что известные отельные сети бдительно следят за качеством обслуживания гостей, неудивительно. Куда интереснее узнать, где есть достойные мини-отели или хорошие гостиницы [3]».

4. Описание, которое допустимо использовать в случае, если другие способы перевода не раскрывают концепт полностью:

«A staple date in many a celebrity's calendar, the annual Coachella festival draws the rich and famous from far and wide» [10];

«Коачелла — это трехдневный музыкальный фестиваль под открытым небом, который назван по месту своего проведения — долины Coachella. В апреле сюда ежегодно стекаются любители музыки и легкой, свободной, дружелюбной и невероятно зажигающей атмосферы. Это интернациональный фестиваль, и по масштабу его едва ли можно с чем-то сравнить» [5].

Как видим, несмотря на то, что количество вариаций переводов специфических реалий довольно масштабно, все представленные варианты имеют общие тенденции и могут быть отнесены к одному из классических способов перевода. Более того, по мнению одного из наиболее известных теоретиков перевода Г. Тури, при переводе специфических реалий мы можем говорить о «промежуточном языке» (interlanguage), который приобретает определенные особенности, подчеркивающие аутентичность переводимых реалий [2]. Поэтому в рамках дискурса блогов о путешествиях нам не приходится говорить о необоснованной интерференции английского и русского языков.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с
2. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода [Электронный ресурс] // Учебное пособие – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/12/komissarov.pdf (дата обращения 29.12.2017)
3. Лента.Ру [Электронный ресурс] Новостной портал – Режим доступа: URL: <https://lenta.ru/> (дата обращения 05.01.2018)
4. Малышев. Личный блог [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://blog.malyshev.com/> (дата обращения 30.12.2017)
5. FashionTime [Электронный ресурс] Модный портал – Режим доступа: URL: <http://www.fashiontime.ru/> (дата обращения 12.01.2018)
6. Masha. Личный блог [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://mashaivakova.com/> (дата обращения 18.01.2018)
7. <http://mashaivakova.com/> (дата обращения 18.01.2018)
8. Paikea – Дмитрий и Анастасия. Личный блог [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://paikea.ru/> (дата обращения 10.01.2018)
9. Поспелов Олег. Личный блог [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://sandiegofotki.com/> (дата обращения 09.01.2018)
10. California through my lens. Personal Blog [Electronic Resource] Mode of access: URL: <https://californiathroughmylens.com/> (дата обращения 08.01.2018)
11. Mirror [Electronic Resource] Online edition of The Mirror – Mode of access: URL: <https://www.mirror.co.uk/> (дата обращения 03.01.2018)
12. NYC [Electronic Resource] New York City's portal – Mode of access: URL: <https://www.nyc.com/> (дата обращения 05.01.2018)
13. Peruchi Laura. Personal Blog [Electronic Resource] Mode of access: URL: <http://www.lauraperuchi.com/> (дата обращения 08.01.2018)
14. Recreation.gov [Electronic Resource] Shop for trip planning – Mode of access: URL: <https://www.recreation.gov/> (дата обращения 03.01.2018)
15. Sentavia [Electronic Resource] Travel Company – Mode of access: URL: <http://sentavia.ru/> (дата обращения 05.01.2018)
16. Travel Stories. Personal Blog [Electronic Resource] Mode of access: URL: <http://www.edreams.com/blog/> (дата обращения 05.01.2018)

УДК 372.881.111.1

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ
ПЕРЕВОДЧИКОВ В ВОЕННОМ АВИАЦИОННОМ ВУЗЕ****О. А. Калашикова,***кандидат педагогических наук, профессор 107 кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А. К. Серова, Краснодар*

Аннотация. Статья посвящена методическим аспектам языковой подготовки переводчиков в военном авиационном вузе. На основе интегративного подхода и метода коммуникативного моделирования описывается содержание и организация обучения курсантов, получающих дополнительную квалификацию переводчика. Модульная организация учебного процесса, рассмотренная в статье, объясняет механизм формирования профессиональных компетенций в области военного перевода в контексте авиационной специальности.

Ключевые слова: интегративный подход, коммуникативное моделирование, профессиональная компетенция, жанры речи, модуль, практикум.

Summary. The article deals with methodological aspects of language training of interpreters in military academic setting. On the basis of integrative approach and the method of communicative simulation the content and organization of teaching process have been described with reference to cadets to be qualified as interpreters. Modular structure of educational process described in the article explains the mechanism of professional proficiency development in military translation in aviation-related context.

Key words: integrative approach, communicative simulation, professional competency, genres of speech, module, practical course.

Подготовка военных специалистов в современных условиях характеризуется обновлением содержания традиционных форм обучения, повышением требований к уровню их профессиональной компетентности, созданием дополнительных условий для ее достижения в вузе. Одним из направлений, обеспечивающих достижение задач профессионального военного образования, является подготовка офицеров по профилю военной специальности с получением дополнительной квалификации переводчика в сфере профессиональной коммуникации. Учитывая возросшую роль авиации в проведении миротворческих, гуманитарных, поисково-спасательных операций, а также тенденции развития международного военно-технического сотрудничества, задача подготовки переводчиков в авиационном вузе становится особенно актуальной.

Данная статья посвящена описанию методических аспектов обучения будущих переводчиков в контексте авиационной специальности.

Не смотря на то, что принципы методики преподавания языка для специальных целей (ESP) достаточно подробно описаны в научной литературе, проблема подготовки военных переводчиков в неязыковом вузе

требует отдельного рассмотрения. Основанием для этого является ряд факторов, которые связаны с соблюдением требований профессиональной направленности, учетом особых условий обучения курсантов в военном учебном заведении, планированием и организацией в нем учебного процесса в целом. В частности, обучение переводчиков по программе дополнительного образования в летном вузе проводится на этапе общеобразовательной подготовки, когда курсанты проходят основной языковой курс, что требует соблюдения преемственности в плане достижения учебных целей и использования дидактического материала. Отсутствие учебной литературы, в полной мере отвечающей целям подготовки военных переводчиков, в сочетании с вышеперечисленными факторами определяют необходимость научно-обоснованного подхода к вопросам организации их обучения в летном вузе с целью его внедрения в практику обучения. В данной статье представлены промежуточные результаты научной работы, которая проводится в этом направлении кафедрой иностранных языков КВВАУЛ.

Программа подготовки переводчиков в военных вузах дает общее представление о тех компетенциях, которыми должен владеть специалист для выполнения переводческой (ПК-4) и референтской деятельности (РК-1). Чтобы данные компетенции были сформированы у военного летчика, требуется интегративный научный подход, позволяющий конкретизировать содержание обучения в профессиональных целях, и научный метод, применение которого позволяет реализовать его на практике. В основу этого подхода положены основные принципы теории профессионального образования, методики преподавания иностранных языков в неязыковых вузах, лингводидактики, теории речевой коммуникации и лингвистики. В логике данного подхода анализируется деятельность летчика, сферы и формы опосредующего ее общения, ситуации и характер выполняемых задач. Использование метода коммуникативного моделирования позволяет воссоздавать условия профессиональной коммуникации в ходе обучения, формировать и отрабатывать навыки и умения, входящие в состав формируемых компетенций.

Анализ профессии военного летчика позволяет выделить эксплуатационную, организационно-управленческую, военно-техническую и военно-научную сферы деятельности и определить характер задач, выполняемых посредством вербального общения. С позиции коммуникативного и профессионально ориентированного подходов, общение летчика реализуется в виде жанров устной и письменной речи, опосредующих выполнение служебных обязанностей в определенных ситуациях. В частности, жанры устной речи включают монологические высказывания, к которым относятся информационное сообщение, инструктаж, монолог-описание, монолог с элементами классификации, монолог с элементами оценки. Наряду с монологическими формами, общение летчика актуализируется в виде диалогической речи с целью

обмена информацией, диалога в виде опроса, регулятивного диалога и радиообмена. Жанры письменной речи включают военно-публицистические, военно-технические, военно-научные тексты, образцы служебной документации, включая боевые приказы, распоряжения и деловые письма. Моделирование выделенных жанров на основе аутентичного материала и приемов работы с ним в ситуациях, имитирующих условия профессиональной деятельности, составляет основу содержания обучения переводчиков.

Для реализации этой концепции в практическом плане предлагается модель обучения, основанная на модульном принципе организации учебного процесса и учете целевых компетенций как конечных целей. На основе определения модульного обучения, данного О. Г. Проворовой, как «способа организации учебного процесса на основе блочно-модульного построения учебной информации» [2, с. 19], предлагается организовать процесс обучения в виде следующих модулей:

«Основы теории языка»

«Практикум по устной речи»

«Практикум по чтению и реферированию»

«Профессионально-ориентированный перевод»

Каждый модуль представляет собой относительно самостоятельную организационно-методическую часть учебного процесса, построенную с учетом целевых компетенций, формирование которых осуществляется на основе междисциплинарных или внутри-дисциплинарных связей посредством тематически организованного учебного материала. Признавая в качестве целевых компетенций переводческую и референтскую деятельность, следует отметить, что их формирование осуществляется на основе и в тесном единстве с общепрофессиональными компетенциями, описанными исследователями языковой подготовки летчиков. Разделяя подход И. А. Матвеевой к описанию иноязычной коммуникативной компетентности военного летчика в виде «лингвистического, социолингвистического, социокультурного, социального, дискурсивного и стратегического компонентов» [1], можно констатировать, что с таких позиций проектирование модульного обучения становится более целенаправленным и содержательным, а промежуточные и конечные цели обучения объединяются едиными требованиями к уровню подготовки специалистов.

Модуль «Основы теории языка» предназначен для формирования лингвистической компетенции курсантов в плане овладения базовыми категориями таких смежных дисциплин, как фонология, лексикология, стилистика, теоретическая грамматика и систематизации на их основе полученных знаний с целью развития познавательной активности, повышения эффективности речевой деятельности в ходе обучения и в дальнейшем в профессиональном контексте.

Итоги работы в этом модуле связаны с получением курсантами ориентировочной основы действий с освоенным теоретическим материалом, необходимым для формирования фонетических, лексических и грамматических навыков и умений. В частности, обучаемые должны владеть основными интонационными моделями высказываний, знать и уметь использовать основные грамматические категории с учетом их признаков, иметь представление о лексическом составе языка и дифференцировать основные виды лексики, понимать особенности устной и письменной речи в сфере профессиональной коммуникации.

Модуль «Практикум устной речи» представляет организационную единицу учебного процесса, цель которой – формирование коммуникативной компетенции будущих переводчиков в единстве лингвистического, социокультурного, социолингвистического компонентов. Содержание модуля отражает последовательный переход от общеразговорных тем в рамках ситуаций повседневной жизни военнослужащих к общению на общепрофессиональные, а в дальнейшем и узкоспециализированные темы. Формирование лингвистической компетенции включает овладение общенаучной, военной и авиационной лексикой, необходимой для использования в определенных условиях общения, опору на алгоритмы построения и восприятия высказываний, умения оперировать разными жанрами речи в контексте решаемых коммуникативных задач. Социокультурный и социолингвистический аспекты речи связаны с особенностями устной коммуникации с учетом норм этикета, принятого в военной среде, культурных традиций, статуса общающихся и регистра общения. В ходе занятий основной акцент делается на отработку диалогического взаимодействия, развитие способности воспринимать речь на слух наряду с обучением монологическим формам речи, в большей степени отвечающих потребностям профессионального общения. Конечная цель обучения в модуле – способность курсантов осуществлять иноязычную речь интерактивно и опосредованно, используя средства графической наглядности и аудитивные тексты для общения на профессиональные темы.

Модуль «Чтение и реферирование» ориентирован на формирование компетенции, связанной с референтской деятельностью будущих переводчиков. Согласно требованиям квалификационных характеристик, переводчик должен уметь находить и оценивать профессионально значимую информацию из разных источников, включая интернет-ресурсы, средства печати, периодику. Немаловажной задачей является способность корректно передавать ее в устной или письменной форме. Учитывая сказанное, задачи модуля включают обучение гибкому чтению в опоре на жанровые и стилистические особенности военных текстов и приемам их аналитической обработки. Для организации обучения этим умениям используются преимущественно военно-научные и военно-публицистические тексты.

Модуль «Профессионально-ориентированный перевод» нацелен на формирование переводческой компетенции как одной из основных профессиональных компетенций авиационного специалиста. Она формируется путем двустороннего перевода устных и письменных текстов, которые представляют вышеописанные жанры. Традиционная методика обучения устному и письменному переводу в рамках самостоятельных дисциплин и отдельного планирования представляется не совсем эффективной, поскольку создает условия, при которых может дублироваться языковой материал, а акцент в обучении сдвигается преимущественно в сторону формирования лингвистической компетенции. Признавая ее особую роль в переводческой деятельности, тем не менее, важно, чтобы у переводчиков сформировались дискурсивная и стратегическая компетенции, что более естественно достигается при условии взаимосвязанного обучения устному и письменному переводу. В условиях неязыкового вуза методически оправдана организация обучения, основанная на комплексном решении профессионально-коммуникативных задач с привлечением графического текстового материала, на основе которого осуществляется зрительный устный и письменный перевод. Устно могут переводиться военно-публицистические тексты, несложные в языковом отношении научно-популярные тексты интернет-сайтов по военной тематике. Обучение письменному переводу проводится на основе аутентичных военно-научных, военно-технических текстов, боевых приказов и другой служебной документации. В целом, обучение переводу предполагает соблюдение нескольких этапов, к которым относятся предпереводческий анализ с целью определения стиля и жанра текста, степени его языковой трудности, изучение лексико-грамматических особенностей в виде терминологии, аббревиатур и сокращений, языковых реалий, грамматических структур. Следующий этап связан с членением текста на логические части по степени языковой трудности, детальным анализом наиболее сложных фрагментов на основе логико-грамматического анализа предложений, их синтагматического членения с подстановкой значений новых слов и последующим переводом на русский язык. На заключительном этапе текст переводится полностью с внесением определенных коррекций. Эффективность обучения переводчиков будет повышена, если информация, полученная на основе перевода текстов, будет предметом обсуждения в форме устного общения при соблюдении специфических особенностей языкового выражения в устном стиле речи.

В заключении следует отметить, что описанный подход к организации языковой подготовки будущих переводчиков проходит апробацию с целью верификации содержания обучения и поиска наиболее эффективных приемов обучения для повышения качества подготовки специалистов.

Список использованных источников

1. Матвеева И. А. Формирование профессионально-коммуникативной компетентности выпускников военного авиационного вуза средствами

деловой игры [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11, № 4(2) – 2009. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalno-kommu/1/12/17> (дата обращения 12.01.18).

2. Проворова О. Г. Принципы модульного обучения: Метод. разработка для преподавателей. Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 2006. 32 с.

УДК 81'253

ЗВУЧАЩАЯ РЕЧЬ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

А. Ю. Калинин,

*старший преподаватель факультета иностранных языков и
регионоведения, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В статье приводится обзор основных направлений и подходов к изучению последовательного и синхронного перевода, определяется статус звучащего текста перевода как особого продукта устноречевой деятельности. На основе критического анализа литературы и акустико-перцептивных экспериментов обоснована типологическая категоризация данного вида текстов как образцов квазиспонтанной речи и намечены перспективы их лингвистического описания.

Ключевые слова: устный перевод, звучащий текст, лингвистическое описание устного перевода, процессуальный и продуктивный аспекты устного текста, квазиспонтанная речь

Summary. The paper gives an overview of the main directions and approaches to the study of consecutive and simultaneous interpreting, determines the status of the interpretation text as a special product of oral speech activity. Based on the critical analysis of surveys and acoustic-perceptual experiments, the typological categorization of this text type as samples of quasi-spontaneous speech is settled and some prospects for their linguistic inquiry are defined.

Key words: interpreting, oral text, linguistic inquiry of interpretation, interpretation as a process and a product, quasi-spontaneous speech.

В последние десятилетия число международных мероприятий, конференций, двусторонних и многосторонних переговоров, на которых неотъемлемым элементом являются синхронный, последовательный или двусторонний перевод неуклонно растет. Данная тенденция наметилась еще с 20-х годов прошлого века. Если за 10 лет с 1920 по 1930 гг. в мире прошло около 1500 международных форумов, то за тот же период с 1950 по 1960 гг. их было уже 14000, а в 80-е по данным Г. В. Чернова в год проходило порядка 4000 международных конгрессов и конференций. [6]. Не стоит забывать и об устном переводе (УП) в постоянно действующих международных организациях, таких как ООН, аффилированные структуры и различные органы Евросоюза. Сегодня одна только Служба устных переводчиков Европейской комиссии обслуживает в год до 12000

международных мероприятий [12]. Причем вышеприведенная статистика отражает лишь приблизительное количество крупных и официальных международных форумов и совещаний (conference interpreting), большинство же ситуаций, в которых УП ежедневно используется как средство межязыковой и межкультурной коммуникации, – деловые встречи и переговоры (business interpreting), судебный и социальный перевод (court and community interpreting), устный перевод в аудиовизуальных СМИ (media interpreting), – просто не поддается статистическому учету. Растущая интернационализация общественной жизни приводит к тому, что в настоящее время УП уже не может рассматриваться в качестве маргинальной разновидности речевой деятельности, а речевые акты УП весьма частотны и разнообразны по ситуациям возникновения.

Вместе с тем, в современном языкознании, практически отсутствуют работы, посвященные лингвистическому описанию текстов УП [11]. И если до сравнительно недавнего времени этот факт объяснялся в основном тем, что лингвисты изучали преимущественно письменные тексты, то начиная с 1970-х годов, когда наметился устойчивый интерес исследователей к изучению устнопорождаемой речевой продукции, отсутствие дескриптивно-лингвистических работ по анализу УП следует признать одной из лакун в науке о языке и речи. Сказанное не означает, что УП не изучался в принципе, однако стоит отметить, что подавляющее число исследований в этой сфере носят по сути психолингвистический (реже психофизиологический) и дидактический характер и посвящены описанию УП (преимущественно синхронного) как процесса. Доминирование процессуально-ориентированного подхода к изучению УП имеет целый ряд вполне объективных причин. К их числу стоит отнести, во-первых, специфическую «эфмерность» данного вида речевой деятельности. Действительно в реальной коммуникативной ситуации УП существует *hic et nunc*: он в принципе не воспроизводим в абсолютной форме и не предназначен ни для графической, ни для аппаратной фиксации. Однако, на нынешнем этапе развития лингвистики, этот аргумент не выдерживает критики, поскольку, как мы знаем, сегодня лингвисты активно изучают т.н. «разговорную» (собственно спонтанную) речь, которая отличается теми же особенностями (невоспроизводимость, сиюминутный характер). Во-вторых, на раннем этапе исследований УП в 1950-е – 1980-е гг. ученых интересовали преимущественно психофизиологические и психолингвистические механизмы, позволяющие переводчику-синхронисту одновременно слушать и говорить на разных языках и сама потенциальная возможность такой когнитивной деятельности [6; 7; 9], а переводчику, работающему в последовательном режиме, – удерживать в памяти значительные объемы исходного звучащего текста, и кроме того (что верно для обоих видов перевода), осуществлять компрессию речевых сообщений без потери релевантного смысла. Начиная с 1990-х гг., когда синхронный перевод уже был повсеместно признан как особый вид

профессиональной переводческой деятельности, на первый план выходит концепт качества перевода, которое в упрощенном виде понимается преимущественно как степень информационного соответствия текста УП тексту исходного сообщения (*fidelity*), а также степень выраженности некоторых экстралингвистических параметров (*delivery*): иностранный акцент, приятный для слушателя голос, равномерная паузация и т.п. [10; 14; 15; 17]. И наконец, дидактически-ориентированный подход к изучению УП также уделяет основное внимание вопросам вычленения единиц информации (единиц перевода), поиску переводческих инвариантов, эквивалентов, аналогов и методике актуализации переводческих трансформаций [3] или технике девербализации [16]. Резюмируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что подавляющее большинство исследований устного перевода изучают либо сам процесс его осуществления, либо результат исключительно в той степени, в которой он соответствует оригиналу в информационно-содержательном отношении.

Вместе с тем УП, как и любой другой вид речевой деятельности имеет не только процессуальную, но и продуктивную сторону. Продуктом устнопереводческой деятельности является *мультимодальный звучащий текст*, который может быть зафиксирован в виде аудиовидеозаписи и вербальный аспект которого представляет несомненный интерес для лингвистики. Такие тексты, как мы видели выше, в силу их частотности в современном мире не могут рассматриваться как маргинальные образцы речевой деятельности и должны, на наш взгляд, стать объектом лингвистического описания сами по себе, независимо от того, насколько они коррелируют с текстом оригинала. Более того, их изучение представляет не только чисто теоретический интерес, но и очевидно может иметь вполне прикладное значение прежде всего с целью экспертной оценки перевода, разработки параметров качества и адмиссионных зон, а также для решения некоторых задач дидактики УП, в той степени, в которой с прагматической точки зрения перевод должен ориентироваться на получателя текста на переводящем языке. Эти соображения отчасти подтверждаются тем фактом, что в последние годы некоторый интерес к лингвистической стороне устнопереводческой продукции связан с развитием компьютерной и корпусной лингвистики, а именно с работой по созданию параллельных звуковых корпусов. Речь идет об электронных корпусах, созданных в последние 10 – 15 лет для некоторых пар языков стран Европейского союза и содержащих звучащие тексты на исходном языке и их переводы [8]. Принцип их построения однотипный: каждый субкорпус включает в себя видео- или аудиофайлы устного публичного выступления и его перевода и их графические транскрипции. Несмотря на то, что основная задача авторов таких корпусов сугубо прикладная (они, как и все параллельные корпуса, предназначены в первую очередь для сопоставления оригинальных и переводных текстов с целью дальнейшей экстракции релевантной переводческой информации и создания конкордансов), в ходе подготовки

каждый звучащий текст перевода проходит некоторые этапы лингвистической обработки: транскрипция, разметка и лемматизация.

Однако, систематическое лингвистическое описание данного вида текстов должно включать в себя их типологическую классификацию, то есть отвечать на вопрос об их принадлежности к тому или иному виду речи. Казалось бы, УП в отличие от письменного всегда линейен и представляет собой разновидность спонтанной устнопорождаемой речи. На деле не все так очевидно. Трудности однозначной категоризации звучащих текстов УП связаны прежде всего с многообразием ситуаций его использования и форм осуществления. Например, в практике синхронного перевода большое значение отводится подготовке к переводческому процессу. В ходе такой подготовки переводчик зачастую имеет возможность обратиться не только к различным справочным и вспомогательным материалам, но и к конспекту выступлений, которые ему предстоит переводить. Более того во многих международных организациях сегодня все чаще используется синхронный перевод с опорой на письменный текст речи оратора. Хотя доказано, что такой вид работы увеличивает когнитивную нагрузку за счет появления дополнительного информационного канала (переводчику приходится не только слушать оратора, но и следить за текстом выступления), порождаемая в ходе перевода речь оказывается частично подготовленной, поскольку исполнитель был заранее ознакомлен с содержанием исходного текста. В последовательном переводе исполнитель имеет определенную возможность заранее спланировать свой текст в тот момент пока он слушает выступление оратора и ведет свои записи. Еще один довод, не позволяющий отнести УП к спонтанной речи в ее абсолютном проявлении, состоит в том, что, опираясь на модель порождения высказывания, предложенную А.Н. Леонтьевым [4], переводчик свободен в выборе структуры речевого отрезка лишь на трех из пяти этапов: на этапах мотива и общего замысла речи, переводчик ограничен оратором, т.е. именно оратор, а не переводчик является инициатором смысла.

Эти соображения наводят на мысль о том, что чаще всего профессиональный УП следует рассматривать как *квазиспонтанную речь*, различной степени подготовленности. С лингвистической точки зрения в основе дифференциации спонтанная/квазиспонтанная речь лежит не столько качественный, сколько количественный фактор. Иными словами, и тот, и другой тип речи отличают ряд общих маркеров, проявляющихся прежде всего на фонетическом и синтаксическом уровнях: заполненные и незаполненные паузы хезитации, повторы, фальстарты и репризы, однако их частотность и дистрибуция различны, что и создает специфику стиля речи. Наши наблюдения за образцами устного синхронного [13] и последовательного [2] видов перевода устных публичных выступлений на русский язык, проводившихся методами перцептивного и акустического анализа показали в частности, что статистически показатели маркеров спонтанности приближают варианты УП (хоть и в разной степени) скорее к квазиспонтанной речи [1], нежели к собственно спонтанной [5]. Целесообразно предположить, что

причиной такого явления является целый ряд факторов: «небытовой», зачастую официальный характер коммуникативной ситуации, высокая степень речевого самоконтроля со стороны переводчика-профессионала, стремление к экономии языковых средств и клишированности речи и, наконец, наличие той или иной степени подготовленности высказывания. Категоризация текстов УП, порождаемых в наиболее распространенных ситуациях в качестве образцов квазиспонтанного стиля речи позволит, на наш взгляд на материале обширных звуковых корпусов осуществить их лингвистическое описание с опорой на особенности, свойственные непереводаемым текстам данного типа речи.

Список использованных источников

1. Златоустова Л. В. Просодические характеристики спонтанной и квазиспонтанной речи // *Когнитивная лингвистика XX века.* – Ч. 1. Минск, 1997. С. 115–117.
2. Калинин А. Ю. Естественный и искусственный билингвизм vs профессиональная переводческая компетентность в ситуации устного перевода // *Материалы международной научной конференции «Экспериментальные исследования языка и речи: билингвизм и многоязычие».* Томск: Издательство ТГУ, 2017. С. 39–40.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. стереотипное. М.: URSS, 2014. 312 с.
5. Ронжин А. Л., Евграфова К. В. Анализ вариативности спонтанной речи и способов устранения речевых сбоев // *Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки».* – 2011. – № 2 (3). – С. 227–231.
6. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. Изд. 2-е. М.: ЛКИ, 2007. 208 с.
7. Barik H.C. Simultaneous Interpretation: Qualitative and Linguistic Data // *Language and Speech.* – 1975. – Vol. 18, Part 3 P. 53–68.
8. Bendazzoli C. et al. Towards the Creation of an Electronic Corpus to Study Directionality in Simultaneous Interpreting // *Compiling and Processing Spoken Language Corpora. Proceedings of the 4th International Conference on Language Resources and Evaluation, 2004.* P. 33–39.
9. Gerver D. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation // *META.* – 1975. – Vol. 20, No 2. P. 71–83.
10. Gile D. Fidelity assessment in consecutive interpretation: an experiment // *Target.* – 1995. – No 7:1. P. 151–164.
11. Gile D. *Regards sur la recherche en interprétation.* Lille: Presses universitaires de Lille, 1995. 277 p.
12. Kahane E. Thoughts on the quality of interpretation [Electronic Resource] // *aiic.net*, May 13, 2000. <http://aiic.net/p/197>. (дата обращения 01.02.2018).

13. Kalinin A. Impact du support textuel sur la qualité de l'interprétation simultanée // ICIQ3. Proceedings of the 3d International Conference on Interpreting Quality, 5–7 October 2017. Granada: UGR, 2017. P. 60–62.
14. Kurz I. Conference interpretation: expectations of different user groups // The interpreters' newsletter. – 1993. – No 5. P.13–21.
15. Pöchhacker F. Quality in interpreting and its prerequisites. A framework for a comprehensive view. // Interpreting in the 21st Century. Proceedings of the 1st Conference on Interpreting Studies. Ams.: John Benjamin. P. 121–130.
16. Seleskovitch D., Lederer M. Pédagogie raisonnée de l'interprétation. 2ème édition revue et augmentée. Lux-P. : Didier Erudition, 2002. 282 p.
17. Shlesinger, M. Intonation in the Production and Perception of Simultaneous Interpretation // Bridging the gap. Empirical research in simultaneous interpretation. Ams./Philadelphia: John Benjamin, 1994. P. 225–236.

УДК 811.11

ЗАГОЛОВКИ СООБЩЕНИЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-, НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

В. Д. Калиущенко,

*доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
германской филологии, Донецкий национальный университет, Донецк*

Е. В. Коваленко,

*студент первого курса магистратуры кафедры теории и практики
перевода, Донецкий национальный университет, Донецк*

Аннотация. Исследование заголовков СМИ является важной частью изучения межкультурной коммуникации, так как они отражают не только тенденции, присущие какому-либо языку, но и особенности мировосприятия читателей. Объектом исследования являются способы привлечения внимания читателя в заголовках статей, посвященных новостям культуры. Материалом послужили 600 заголовков, отобранных методом сплошной выборки из англоязычного издания Spiegel Online International, немецкоязычного Spiegel Online и русскоязычного «Русский репортер». Цель исследования – провести анализ способов привлечения внимания читателя в заголовке. Для англоязычных заголовков наиболее характерно использование указаний на территориальную и национальную принадлежность, в то время как немецко- и русскоязычные заголовки характеризуются в большей степени использованием антропонимов.

Ключевые слова: особенности заголовков, привлечение внимания читателя, современная пресса.

Summary. The analysis of press headlines is an important part of cross-cultural communication, because they reflect not only tendencies in the languages, but also a worldview of the readers. This article deals with the means of drawing reader's attention in the headlines of articles devoted to cultural news. The material includes 600 headlines selected by continuous sampling method from English edition Spiegel Online International, German edition Spiegel Online and

Russian edition «Russkiy Reporter». The aim of analysis is to undertake a study of the means of drawing reader's attention. English headlines are characterized by usage of geographical and national indications while German and Russian headlines are characterized by usage of names of famous people and characters.

Key words: peculiarities of headlines, means of drawing of reader's attention, modern press.

Заголовки СМИ являются неотъемлемой частью межкультурной коммуникации, так как именно средства массовой информации, в частности, газеты и журналы, информируют читателей о событиях, которые происходят по всему миру. Материал должен быть не только доступен читателю, но также должен оказывать эмоциональный эффект, увлекая читателя, удерживая его внимание. Особую роль при этом играет заголовок.

Автор заголовка выбирает языковые средства выражения уже в процессе порождения заголовка, принимая во внимание особенности аудитории издания и наиболее эффективные способы привлечения ее внимания, что и формирует прагматический аспект заголовка. [4, с. 146] Все средства, используемые журналистом, должны служить реализации этой цели. [2, с. 50–51].

Одним из основных способов привлечения внимания читателя является использование количественных данных, антропонимов, указаний на территориальную и национальную принадлежность, названий произведений и проектов, которые помогают лучше представить образ того, о чем говорится в заголовке. Наличие в заголовке числовых данных ассоциируются с достоверной подачей материала, а также правдоподобием. [5, с. 63–98]

Всего было исследовано по 200 заголовков в каждом языке. В количественных данных, приведенных в таблице, отличается общее число заголовков, так как рассматриваемые способы привлечения внимания читателя используются не во всех заголовках.

Способы привлечения внимания читателя в заголовках

№	Язык	Англояз. заголовки	Немецкояз. заголовки	Русскояз. заголовки
	Способы привлечения внимания			
	Антропонимы	33 (24.44%)	48 (50%)	36 (33.33%)
	Количественные данные	10 (7.41%)	7 (7.29%)	9 (8.33%)
	Указания на территориальную и национальную принадлежность	88 (65.19%)	25 (26.04%)	33 (30.56%)
	Указание названий произведений и проектов	2 (1.48%)	15 (15.63%)	33 (30.56%)
	Упоминание названий событий, мероприятий	2 (1.48%)	1 (1.04%)	14 (12.96%)
	Всего:	135 (100%)	96 (100%)	108 (100%)

Среди используемых антропонимов встречаются имена известных людей и персонажей художественных произведений, которые неизбежно привлекают внимание читателей, пробуждая любопытство. [1, с. 87] Данный способ занимает первое место по частоте использования среди немецко- и русскоязычных заголовков (соответственно 50 % и 33.33 %) и находится на втором месте среди англоязычных (24.44 %). Первоначально они обращают внимания читателя на сам заголовок, выделяя его среди других заголовков, а затем способствуют тому, что проявившийся интерес читателя не угасает, и он обращается к тексту статьи за дальнейшими разъяснениями, например: «*Franz Ferdinand's Journey around the World*» «Кругосветное путешествие Франца Фердинанта» (Spiegel Online International 2013); «*Fotograf David Hamilton tot aufgefunden*» (Spiegel Online 2016); «*Кто сыграл роль Гоши Куценко на Бродвее?*» (Русский репортер 2016). Имена авторов, героев художественных произведений, выдающихся деятелей искусства, философов, политиков не только служат конкретизации сообщаемой информации, но при этом способствуют реализации рекламной функции заголовков: имена знаменитостей, за жизнью и творчеством которых следит весь мир, служат своеобразной «приманкой» для внимания читателя. [3, с. 97–108].

Указание на территориальную и национальную принадлежность не только позволяет передать реципиенту данные о том, где происходят рассказываемые в статье события, акцентировать внимание на месте действия, но также убедить его прочитать статью полностью. Данный способ наиболее часто используется в англоязычных заголовках (65.19 %) и реже в немецко- и русскоязычных (соответственно 26.04 % и 30.56 %), например: «*Weiwei's New Life in Europe*» – «Новая жизнь Ай Вэйвэй в Европе» (Spiegel Online International 2015); «*Der deutsche Bob Dylan*» – «Немецкий Боб Дилан» (Spiegel Online 2016); «*Северный Сингапур*» (Русский репортер 2014). Каждый человек, так или иначе, ассоциирует себя с определенной географической территорией в процессе самоидентификации. Кроме того, личные интересы и увлечения читателя, стереотипы, сложившиеся в обществе о той или иной стране, связь с историческими или текущими общественно-политическими событиями придают особую важность такому виду уточняющей информации в заголовке, как упоминание географических названий.

В качестве числовых данных могут использоваться указание даты или года, а также какие-либо количественные характеристики, как правило, выраженные цифрами, которые сразу бросаются в глаза. Данный способ характерен для 7.41 % англоязычных, 7.29 % немецкоязычных и 8.33 % русскоязычных заголовков, например: «*List of 25 Works from Munich Find Made Publi*» – «Обнародован список 25 произведений искусства, найденных в Мюнхене» (Spiegel Online International 2013); «*Bowies Kunstsammlung bringt 38 Millionen Euro*» – «Продажа коллекции Боуи принесла 38 млн евро» (Spiegel Online International 2016); «*10 книг о взрослении*» (Русский

репортер, 2015). Однако этот прием используется не очень часто из-за специфики культурных новостей, которые в большей степени направлены на описание событий или явлений.

В заголовках относительно редко используются названия самих произведений или творческих проектов, а также названия событий и проводимых мероприятий: соответственно 1.48 %, 15.63 % и 12.96 % и 1.48 %, 1.04 % и 14.81 % в англо-, немецко- и русскоязычных заголовках, например: «*New 'Heimat' Film Likely to Divide Viewers*» – «Из-за нового фильма «Родина» мнения читателей, вероятно, разделятся» (Spiegel Online International 2013); «*Marcel Beyer erhält Büchner-Preis*» – «Марсель Байер получает премию Георга Бюхнера» (Spiegel Online 2016); «*Артдокфест 2013*» (Русский репортер 2013). Значительное преобладание названий мероприятий среди русскоязычных заголовков объясняется тем, что русскоязычное издание выполняет также роль своеобразной афиши, информирующей читателя о значительных культурных событиях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее распространенными способами привлечения внимания являются использование указаний на территориальную и национальную принадлежность для англоязычных заголовков и использование антропонимов для русскоязычных и немецкоязычных заголовков. Это связано с тем, что англоязычное издание Spiegel Online International больше ориентируется на международную читательскую аудиторию, в то время как немецкоязычное издание Spiegel Online и русскоязычное «Русский репортер» – на читателей своей страны, что и заставляет их прибегать к привлечению внимания за счет упоминания широко известных имен.

Во всех трех языках реже используются количественные данные, а также названия произведений, проектов, событий и мероприятий. Это объясняется, с одной стороны, тематикой статей, так как описание событий культуры не предполагает широкого использования числовых данных, особенно таких, которые можно было бы вынести в заголовок и тем самым заинтересовать читателя. С другой стороны, хотя многие статьи посвящены отдельным событиям и произведением, часто авторы стараются сделать заголовок более привлекательным, не упоминая прямо, чему посвящена статья или же делая акцент на высказываемое по этому поводу мнение.

Список использованных источников

1. Гусякова Н. В. Функциональная специфика полиструктурных газетных заголовков // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – № 48. С. 87.
2. Наер В. Л. Прагматические аспекты языка газеты // Лингвистика и методика в высшей школе (XI): Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. – Вып. 205. М., 1983. С.49-58.
3. Негрышев А. А. Прагматика новостного газетного заголовка: механизмы преобразования информации в системе заголовков – текст //

Вестник Московского университета. – Сер.9. – Филология. – 2006. – №1. С. 97–108.

4. Шарипов А., Каримова Ф. Б. Прагматическая заданность газетных заголовков (на материале английских газет) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. – Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (43). С.146-150.

5. Heath C. Made to Stick. New York: Random House Publishing Group, 2008. P. 63–98.

УДК 81.37:811.111'11'161.1:656.612

**НОМИНАЦИЯ ЛИЦА В МОРСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА:
СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Е. А. Карасенко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии,
факультет иностранных языков,*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк

Аннотация. В представленной статье анализируются наименования моряков в современном английском языке на материале словарных дефиниций. Осуществлён комплексный лингвистический анализ лексических единиц, определены их семантические характеристики, выявлены функциональные особенности существительных, обозначающих моряков.

Ключевые слова: номинация лица, морская терминология, семантика, этимология.

Summary. This paper deals with the semantic and functional analysis of the dictionary definitions with meaning of a «seaman» in the modern English language. The complex linguistic analysis of the corpus of lexical units is determined; the semantic and functional characteristics of seamen nomination in the given language have been analyzed.

Key words: nomination of persons, Marine English, semantics, etymology.

Данная работа представляет собой результаты комплексного сопоставительного и типологического исследования номинации лица в профессиональной деятельности человека, а именно в морском деле. Научно-технический прогресс мотивирует появление новых профессий в современном обществе, что, в свою очередь, способствует семантическим и структурным преобразованиям в уже существующих словах или образованию новых лексем. Необходимость исследования особенностей номинации в морской терминологии очевидна, поскольку оно позволяет выявить специфические черты соответствующих лексических систем, а также лингвокультурологические корреляции между концептуальными моделями носителей разных языков в рамках исследовательской парадигмы.

Актуальность представленной работы обусловлена особым интересом лингвистов к проблеме номинация самого человека, т.е. словам, которые обозначают или характеризуют его в повседневной жизни, так и в различных профессиональных сферах деятельности в тот или иной исторический период. Ономастологическая группа «наименование лица» занимает одно из ведущих мест в системе любого лексикона по богатству и разнообразию структурно-семантических и грамматических форм и на протяжении многих лет привлекает внимание лингвистов, которые проводили исследования в разных направлениях на материале разных языков. Целью представленного исследования является определение семантических и функциональных особенностей наименований моряков (далее – НМ) в английском языке. Материалом исследования послужили 100 лексем, именующих людей, связанных с морским делом, отобранные из толкового словаря английского языка The Oxford English Dictionary [7], Словаря морских терминов и морской энциклопедии [8]. В качестве основной концептуальной единицы в работе было использовано первичное значение слова «моряк», поэтому в первую очередь были отобраны слова, в которых оно выражено эксплицитно, напр.: *seaman*, *sailor*. В ряде случаев при отборе материала учитывалась возможность выхода на значение «моряк» посредством ступенчатого дефиниционного анализа. Это касается, прежде всего, слов, представленных как синонимы, не имеющих вышеуказанных компонентов, однако употребляемых только для номинации моряков, напр.: *Senior Officer* «старший помощник капитана», *boot* «моряк-новобранец», *Jack Tar* «морской волк (старый моряк)», *landsmen* «неопытный моряк». Следует отметить, что в лексическом составе данного исследования есть слова разного стиля – профессиональная лексика общего характера, профессиональный сленг, жаргон, образные выражения. Несмотря на такое стилистическое разнообразие исследовательского материала, все лексеммы включают в себя эксплицитно или имплицитно значение «моряк», т.е. человека, который находится в море, работает в море, служит в морском флоте или который связан с морским делом.

Поскольку Великобритания является островным государством, реалии, связанные с морем, всегда имели для неё первостепенное значение. Таким образом, язык данной профессиональной деятельности человека является исторически обусловленным и вполне закономерным явлением. Немаловажной причиной использования морской лексики являются усиливающиеся международные контакты, что требует соответствия терминологического аппарата и определённых устойчивых языковых выражений, одинаково понимаемые всеми членами экипажа или тех, кто задействован в морской профессиональной деятельности.

Потребность в едином языке в рамках международного профессионального общения существовала всегда. В настоящее время основным языком международного общения и радиообмена в море выбран

английский язык, что способствовало повышенному интересу лингвистов к изучению английской морской терминологии [2–4].

Изучение истории языка направлено на определение закономерностей развития и функционирования языковых систем от давних времен до сегодняшних дней. Показательным относительно этого является система номинации, её критерии и признаки (семантические, словообразовательные, синтаксические, идеографические). Каждый процесс номинации начинается, по словам Ф. де Соссюра, из образования двухкомпонентной единицы (обозначающая + обозначаемая), образуемой под воздействием социально-психологических причин, когда перед оратором появляется новая реалья, и он противопоставляет её той, что уже существует [6, с. 134]. Таким образом, новая номинативная единица сохраняет интегральный признак старой лексемы, но вместе с тем получает свой дифференциальный. В результате этого постепенно формируется семантически и структурно маркированная микросистема.

Для многих современных школ характерным является понимание семантики как особенного компонента полноценного описания языка, как формальная упорядоченность, которая формирует поведение человека [5, с. 11]. В этом случае абсолютно уместным является использование компонентного анализа для изучения смысловой наполняемости языковой единицы, который в качестве своей цели имеет анализ минимальных составляющих, минимальных семантических компонентов (или сем) всего слова [5, с. 13].

Для более глубокого и объективного семантического анализа исследовательского материала был выбран концепт или значение «моряк», которое имплицитно или эксплицитно выражено в анализируемых лексемах. Следует отметить, что все НМ в английском языке представляют собой либо узкотерминологическую лексику (*maritime pilot* «лоцман», *purser* «судовой казначей») или стилистически маркированную лексику, т.е. слова, относящиеся к сленгу моряков (*plank owner* «моряк-ветеран, старожил корабля»), или образные выражения (*old sea dog* «бывалый моряк, старый волк»).

Семантический анализ английских НМ позволяет выделить следующие семантические подгруппы в номинации моряков, а именно:

- универсальное значение «моряк»: *mariner, seaman, sailor, sea person, sailorman*;

- опыт работы моряка (*sea dog* «морской волк, опытный моряк», *old seaman* «старый, опытный моряк», *old tar* «опытный моряк», *Jack Tar, Jack, Jacky* «морской волк, старый моряк», *old salt, seasoned salt, salted seaman, salty sailor* «морской волк, просоленный ветрами моряк», *old weather-beaten tar* «опытный моряк», *landlubber, lubber* «неопытный, неловкий моряк»);

- место профессиональной деятельности: военный флот (*naval man, navy man, navy sailor, marine*), торговый флот (*merchant seaman*), служба в пресных водах (*freshwater sailor* «моряк, служащий в пресноводных водах»),

служба на берегу (*beach mariner* «морьяк, служащий в береговой охране», *beach mariner* «морьяк, списанный с судна»);

- характерный для морского флота вид профессиональной деятельности: *able seaman, able-bodied seaman* «матрос, матрос первого класса», **boatswain, bosun «боцман»**, **cabin boy «юнга»**, *Captain, Master* «капитан», «командир корабля», *Cargo Officer* «помощник капитана по транспортировке груза» и др.;

- внешность: *white hat* «американский военный морьяк», *bluejacket, bluecoat, boy in blue, man in blue* «матрос американского или английского военного флота», *gold braid* «офицер-морьяк (США)»;

- возрастной критерий: *shipboy* «юнга», *old weather-beaten tar* «старый морьяк», *old seaman* «старый, опытный морьяк», *shellback* «старый, опытный морьяк»;

- ранг морьяка на корабле/судне: высший чин – *Captain, Master* «капитан, командир корабля», *Chief Officer, First Officer* «старший помощник капитана», низший чин – *able seaman, able-bodied seaman* «матрос, матрос первого класса», *ordinary seaman* «матрос 2-го класса», «младший матрос», *ship's boy, cabin boy* «юнга»;

- негативная характеристика: *swab (swabbie, swabby)* морячок, флотяга, **wolf in ship's clothing, polliwog** «морьяк, не пересёкший на корабле экватор», *sea-lawyer* «морьяк, любящий оспаривать приказы и критиковать начальство», *poor seaman* «плохой морьяк»;

- морьяк определённой страны: **lascar «ласкар, матрос-индиец (на европейских кораблях)»**;

- морьяк определённых морских вооружённых сил: *bluejacket (bluecoat, boy in blue, man in blue)* «матрос американского или английского военного флота», *white hat* (американский) «военный морьяк», *gob* «американский военный морьяк и др.»;

- пиратский промысел: *buccaneer* «буканир», *corsair* «корсар», *pirate* «пират»;

- прекращение/невозможность исполнения обязанностей по каким-либо причинам: *wrecked sailor, distressed sailor* «морьяк с потерпевшего крушение корабля», *beach, beach mariner* «морьяк, списанный с судна», *a one-time sailor* «морьяк в прошлом»;

- НМ, образованные от имен собственных: *Joe Gish* «матрос, морьяк, рядовой американского флота», *Jack Tar, Jack, Jacky* «морской волк».

Для некоторых обозначений лица в английской морской терминологии существует целый ряд синонимов. Так, капитана называют *Captain, Master*. Для номинации старшего помощника капитана служат такие слова как *Chief Mate, First Mate, Chief Officer, First officer*. Само значение «морьяк» эксплицируется в таких существительных как *swab, tar, gust, boot, bucko, dragon back* и др. Это доказывает тот факт, что и терминологическая система любого языка расширяется и развивается под

влиянием различных социолингвистических факторов, которые мотивируют изменять и дополнять номинативную систему языка.

Интересен тот факт, что некоторые НМ являются полисемантическими и имеют ряд определённых значений, что предполагает их отнесение к нескольким семантическим подгруппам.

Лексемы этой номинативной группы интересны не только с позиции семантики, но и с точки зрения этимологии. Семантический анализ лексем позволяет проследить изменения значения слова и объяснить – в рамках истории культуры – связь этих значений между собой. Этимологическое значение слова объясняет не только ономаσιологические критерии наименования, но и сохраняет его историческую и семантическую значимость в системно-структурной организации современного языка. Так, английские существительные *seaman*, *sailor*, *mariner* и *seafarer* имеют различные лингво-временные источники происхождения, поскольку они появляются в фонде английского языка в разные периоды его развития, что обусловлено и историческими событиями [3, с. 100–105].

Таким образом, комплексный лингвистический анализ НМ, их семантических характеристик и функциональных особенностей позволяет получить сведения об одном из самых значимых фрагментов картины мира носителей английского языка. Появление, распространение и исчезновение того или иного слова обусловлено, прежде всего, социокультурными факторами, а развитие и наполняемость языкового фонда любой нации напрямую связаны с историческими процессами развития общества в целом и отдельных его сегментов в частности, что ещё раз доказывает тесную и системную взаимосвязь языка с социальными и культурными явлениями в разные исторические периоды развития человеческого общества.

Имея тесную связь с научно-техническим прогрессом, морской флот находится в постоянном активном развитии, что мотивирует появление новых лексических единиц в этой профессиональной сфере деятельности, поэтому лингвистические исследования морской терминологии на материале разных языков являются актуальными и перспективными.

Список использованных источников

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
2. Беспмятная Л. В. Семантические типы терминов кораблестроения в германских и славянских языках (на материале композитов) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал. – 2016. – Т.12. – Вып. 2 (34). С. 36-46.
3. Карасенко Е. А. Историко-этимологический анализ лексем со значением «моряк» в английском языке // Материалы XIV Международного лингвистического семинара 14-15 ноября 2016 г. (Донецк-Пятигорск). – 2016. С. 100–105.

4. Качарян Ю. Г. Функциональные особенности американского военноморского сленга // Теория и практика общественного развития. Филологические науки. – 2012. – № 4. С. 395-398.
5. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986. 125 с.
6. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. К.: Знания, 2004. 326 с.
7. The Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>. (дата обращения 25.01.2018).
8. Словарь морских терминов и морская энциклопедия онлайн. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.onlinedics.ru/slovar/mor.html>. (дата обращения 25.01.2018).

УДК 81'255

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КАНАДСКОГО ЮМОРА

Н. А. Карелина,

кандидат географических наук, доцент кафедры региональных исследований и международных отношений, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Цель данного исследования – изучение канадских шуток и анекдотов, перевод которых может быть затруднен в связи с незнанием определенных социокультурных реалий этой страны. Анализ показал, что при переводе канадского юмора стоит учитывать определенные социокультурные особенности характера канадцев, их привычки, интересы, образ жизни, поведение, а также популярные национальные бренды и географические особенности страны.

Ключевые слова: перевод, шутка, анекдот, национальный юмор, Канада, социокультурные особенности, Тим Хортонс.

Summary. The aim of the work is to study Canadian jokes which can be found difficult to translate due to the lack of particular sociocultural knowledge about this country. The analysis has shown that while translating Canadian humour one should pay special attention to the national traits of character, habits, interests, way of life, behavior and also popular Canadian brands and the geography of the country.

Key words: translation, joke, national humour, Canada, sociocultural features, Tim Hortons.

Юмор представляет собой важный компонент человеческой культуры. Он емко отражает различные стороны повседневной жизни, особенности поведения людей, их быт, профессиональные качества, культурные ценности, традиции, язык и многое другое. Национальный юмор, понятный и разделяемый большинством представителей определенной культуры, выражает в целом особенности той или иной нации, этноса и имеет целый ряд социокультурных особенностей, а именно характер восприятия окружающей действительности представителями

одной нации, их мировоззренческие установки и социальные нормы, которые часто и обыгрываются в различных шутках и анекдотах. Поэтому с точки зрения перевода национального юмора, важно не только безупречно владеть иностранным языком, чтобы правильно передавать содержание шуток или анекдотов, но и представлять скрытые национально обусловленные социокультурные реалии, которые в большинстве случаев и определяют всю суть таких высказываний. Ведь зачастую то, над чем смеются одни нации, оказывается непонятным другим. Поэтому изучение, понимание и правильный перевод национального юмора представляет особый интерес с точки зрения не только лингвистики, но и эффективной межкультурной коммуникации.

Канадский юмор имеет свои специфичные черты, отражая определенные социокультурные реалии. Прежде всего, речь пойдет о шуточных комичных высказываниях, которые в нашем понимании классифицируются как шутки и анекдоты. Используя их, канадцы шутят в первую очередь о себе (определенных чертах национального характера и своих пристрастиях), о жителях отдельных провинций (Квебек, Ньюфаундленд, Альберта, Саскачеван), конечно, не забывают упомянуть о погоде, а также любят сравнивать себя с американцами.

Большой популярностью пользуются шутки *You're Canadian if – Вы канадец, если*, перевод которых требует дополнительных уточнений для лучшего понимания. Например:

... *someone accidentally stepped on your foot. You apologize.* – ... кто-то случайно наступил вам на ногу, вы извиняетесь. Здесь речь идет о том, что канадцы известны своей чрезмерной вежливостью.

... *you have Canadian Tire money in your kitchen drawers.* – ... у вас в кухонных ящиках лежат деньги Canadian Tire. Дословный перевод не отражает всю суть шутки. Здесь имеются ввиду купоны, которые выдаются покупателям канадской сети гипермаркетов Canadian Tire по программе лояльности и могут быть использованы для дальнейших покупок. Их внешний вид напоминает банковские купюры, поэтому и называться они стали деньгами.

... *you drink pop, not soda.* – ... вы пьете шипучку, а не газировку. Здесь отражена разница в канадском и американском варианте английского языка.

... *you go to the washroom, not the restroom or bathroom.* Все три слова washroom, restroom и bathroom на русский язык переводятся одинаково – туалет, однако подчеркивается, что washroom употребляют только канадцы в отличие от американцев и британцев соответственно.

... *you know what a tuque (toque?) is.* – вы знаете, что такое «тоук». Используется канадизм tuque (toque), который обозначает вязанную шерстяную шапочку.

... *you know how to pronounce and spell Saskatchewan without blinking.* – вы знаете как писать слово Саскачеван, не моргнув глазом. Сакачеван – одна из провинций Канады. Считается что, люди живут там в полной глуши.

... *you love your fries with routine.* – вам нравится картофель фри с кусочками сыра и горячей подливкой. Routine – одно из немногих блюд канадской кухни.

... *you order a «double-double» at Tim Hortons* – вы заказываете «дабл-дабл» в Тим Хортонс. Double-double – исключительно канадский вариант кофе с двойной порцией сливок и сахара, который продается в национальной сети кофеен Tim Hortons. Tim Hortons – это истинный канадский бренд, предмет гордости и всеобщей любви.

... *you know what a Robertson screwdriver is.* – вы знаете, что такое отвертка Робертсона. П. Л. Робертсон – канадский изобретатель, который в 1908 г. изобрел определенный тип отвертки. Стоит отметить, что в Канаде немного национальных героев (поэтов, художников, ученых, изобретателей и т.д.) поэтому те, кому удалось отличиться, пользуются особым уважением и почетом.

... *«eh» is a very important part of your vocabulary and you understand all the 1,000 different meanings of «eh», eh?* – «ей» важная составляющая вашего лексикона, и вы различаете тысячу значений этого слова. До сих пор бытует мнение, что отличительной особенностью произношения канадцев является очень частое употребление междометия eh (произносится [ei]). Оно стало канадизмом и выполняет роль «хвостика» во всех разделительных вопросах (tag-questions) и в зависимости от контекста может означать и «да?», и «что?», и «окей!», и «правда». Пример: *You are ready, eh?* (Ты готов, да?) На самом деле в речи канадцев eh звучит не так часто, как, возможно, того хотелось бы, и скорее характерно для жителя сельской местности, мужского пола, с низким социальным статусом и уровнем образования. “Eh” стало своего рода стереотипом о канадцах, хотя его используют и некоторые жители севера Среднего Запада США, Новой Зеландии, Севера Англии и Шотландии. В Канаде «eh» очень часто помещают на любую сувенирную продукцию [3].

Похожим форматом национальных шуток и анекдотов выступают высказывания, начинающиеся с фразы *You may be living in Canada if* (Возможно, вы живете в Канаде, если):

... *you've had a lengthy telephone conversation with someone who dialed the wrong number.* – вы долго болтаете по телефону с человеком, который ошибся номером. Конечно, в первую очередь речь опять идет о вежливости, тактичности и терпении канадцев.

... *you install security lights on your house and garage, but leave both unlocked.* – вы устанавливаете сигнализацию на дом и гараж и все оставляете открытым. Канада одна из самых безопасных стран мира для проживания. Уровень преступности здесь очень низкий, поэтому никто не устанавливает решетки на окна и не запирает свое имущество на все замки.

... *you've worn shorts and a parka at the same time.* – вы надели шорты и парку одновременно. Это значит, что никто не может гарантировать, что погода быстро не измениться.

...you have more miles on your snow blower than your car. – пробег вашего снегоочистителя больше, чем пробег вашего автомобиля. Канада – северная страна, поэтому зимы на большей территории страны холодные, снежные, и канадцы к этому готовы. Резкая смена погоды и сильно отрицательные температуры никого не удивляют, а наоборот забавляют. Погода, климат, долгая зима являются частым предметом канадских шуток и анекдотов.

Значительная часть шуточных высказываний построена в формате Q&A – Вопрос/Ответ, что также характерно и для американцев. Поэтому в переводе стоит обращать внимание на их интонационную составляющую.

Q: How many Canadians does it take to change a lightbulb?

A: None. Canadians don't try to change lightbulbs, we accept them as they are.

B: Сколько канадцев требуется, чтобы поменять лампочку?

O: Нисколько. Канадцы не меняют лампочек, они принимают их такими, какие они есть. В данной шутке речь идет о толерантности канадцев. Канада – многонациональная страна, до сих пор проводящая политику мультикультурализма и ежегодно принимающая до 250 тыс. иммигрантов [1].

Q: How do you call a French Canadian that can speak English?

A: A bilingual.

Q: How do you call an English Canadian that can speak French?

A: A miracle.

B: Как вы называете франкоканадца, который говорит на английском?

O: Билингвом.

B: Как вы называете англоканадца, который говорит на французском?

O: Чудом.

Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки, так и здесь юмор изначально связан с историческим противостоянием двух основополагающих наций: французской и британской. В Канаде достаточно большое количество анекдотов, которые связаны с франкоканадцами, живущими в Квебеке. Помимо квебекцев часто высмеиваются жители острова Ньюфаундленд, входящего в состав провинции Ньюфаундленд и Лабрадор. Для них придумали и название “newfies” (“ньюфи”), которое звучит не очень вежливо.

- The Newfies really want Quebec to separate, because the drive to Toronto will be so much shorter.

- Ньюфаундлендцы действительно хотят, чтобы Квебек отделился, потому что поездка в Торонто станет гораздо короче.

-A newfie rolls into his factory job at 10:30. The floor manager comes up to him and says, «You should have been here at nine o'clock,» to which the newfie responds «Why, what happened?»

- Ньюфи (скорее всего пьяный) вваливается на завод в 10 часов 30 минут. Дежурный администратор подходит к нему и говорит: «Ты должен был быть здесь в 9 часов», на что ньюфи отвечает: «Почему, что случилось?». Во всех таких анекдотах ньюфаундлендцы выглядят простаками, отличаются недалеким умом, много пьют и говорят с ирландским акцентом.

Некоторые канадские шутки и анекдоты строятся на игре слов, их многозначности, но при этом также обыгрывают специфичные социокультурные реалии. Например:

Q: What's the difference between a Canadian and a canoe?

A: A canoe tips.

B: В чем разница между Канадцем и каноэ?

O: Каноэ переворачивается.

Смысл этого анекдота заключается в том, что канадцы не оставляют чаевые (глагол *tip* может переводиться и как переворачиваться, и как оставлять чаевые). В реальности это совсем не так, но стереотип существует.

Q: Why don't Canadian women wear sleeveless dresses?

A: They aren't allowed to bare arms.

B: Почему канадские женщины не носят платья без рукавов?

O: Им не разрешается оголять руки.

По звучанию последняя фраза тождественна тому, что им не разрешается носить оружие. Обыгрывается употребление омофонов. В отличие от законодательства США, в Канаде владение оружием запрещено законом. Его получение требует сдачи строгих экзаменов и получения лицензии.

Вообще канадцы любят сравнивать себя с американцами и указывать на то, что канадцы более воспитанные и благоразумные. Культурное противостояние двух стран является предметом шуток и анекдотов с давних времен.

Canada is a country whose main exports are hockey players and cold fronts. Our main imports are baseball players and acid rain – Pierre E. Trudeau .

Канада – это страна, которая в основном экспортирует хоккейных игроков и холодные фронты, а импортирует бейсбольных игроков и кислотные дожди. – П. Трюдо.

Надо понимать, что основным торговым партнером Канады является США. В настоящее время на долю США приходится 75 % канадского экспорта и 65 % канадского импорта [1]. Поэтому в этом шутовском высказывании П. Трюдо речь идет об экономической зависимости от южного соседа.

Q: What does America have that Canada does not?

A: Good Neighbours.

B: Что есть в США, чего нет у Канады?

O: Хороших соседей.

Итак, при переводе канадского юмора на английский язык следует обращать особое внимание не только на значение слов, поиск эквивалентов, использование определенных стилистических приемов, но и обладать определенными фоновыми знаниями, которые во многом должны учитывать социокультурные реалии этой страны: общие черты характера канадцев, их интересы, привычки, особенности поведения, быта и образа жизни. Все это позволит в максимальной степени обеспечить адекватность перевода и добиться правильного понимания всех шуток и анекдотов.

Список использованных источников

1. Статистическая служба Канады [Электронный ресурс] // <http://www.statcan.gov.ca> (дата обращения 14.12.2017).
2. Hershkowitz H. 101 Canadian jokes. Scholastic Canada Ltd., 2003.
3. Nosowitz D. Why Do Canadians Say «Eh»? English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.atlasobscura.com>. - <https://www.atlasobscura.com/articles/why-do-canadians-say-eh>. (дата обращения: 15.12. 2017).
4. Warner G. Great Canadian Joke book. Folklore Pub, 2009.
5. Young M. G. The Best Ever Book of Canadian Jokes: Lots and Lots of Jokes Specially Repurposed for You-Know-Who. Dolyttle&Seamore, New York, 2012.

УДК 81:37.016

ПРЕПОДАВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КАК ИНОСТРАННОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЗНАНИЯ

А. В. Карпенко,

*кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В статье автор делает попытку аргументировать положение о том, что процесс обучения иностранным языкам и формирование у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции неразрывно связан с социокультурными знаниями, часто незаслуженно отодвинутыми на второй план или вообще игнорируемыми. Автор рассматривает социокультурный компонент как неотъемлемую часть повышения эффективности обучения, расширения мультикультурных знаний обучающихся и их мотивации. В процессе национально ориентированного обучения иностранному языку преподаватель должен выводить на первый план межкультурный аспект, ориентируя обучение на решение задач и потребностей обучающихся и формирование личности на стыке культуры родного, второго и целевого иностранного языка, осуществляя процесс аккультурации обучающихся.

Ключевые слова: французский язык для специальных целей, антропологическая культура, коммуникация, аккультурация,

социокультурная составляющая, межкультурный компонент, билингвальная схема.

Summary. In the article the author makes an attempt to prove the thesis that the process of teaching foreign languages and the formation of the communicative competence among learners is inextricably connected with sociocultural knowledge, often undeservedly pushed to the background or ignored. The author also considers the sociocultural component as an integral part of improving the effectiveness of teaching, expanding the multicultural knowledge of students and their motivation. In the process of nationally oriented foreign language teaching, the tutor should highlight the intercultural aspect, solving the problems and needs of the students and shaping the personality at the meeting-point of the native, second and target foreign language cultures, carrying out the process of acculturation of the students.

Key words: French for specific purposes, anthropological culture, communication, acculturation, socio-cultural component, intercultural component, bilingual scheme.

Политические и экономические преобразования в современной России обусловили повышение роли иностранного языка в жизни государства и в профессиональной деятельности современных специалистов и обучающихся. Сегодня иностранный язык – средство межличностного, делового и международного общения. Иностранный язык дает возможность общаться с представителями других государств, получать различную информацию как профессионального, так и межкультурного характера, развивая профессиональный и личностный потенциал, запуская процессы профессиональной самореализации.

Общетеоретические аспекты проблемы обучения иностранному языку с позиции социокультурного и межкультурного подходов разрабатывались такими великими лингвистами как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, С. Г. Тер-Минасова, О. В. Лешер. В В. Сафонова, И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, И. А. Зимняя. Но сегодня мы вынуждены констатировать, что проблемы лингводидактических аспектов, связанные с местом и ролью социокультурных и мультикультурных знаний в процессе обучения второму иностранному языку, целевому иностранному языку и иностранному языку для специальных целей требуют продолжения исследования и дальнейшей разработки проблемы.

Объектом исследования является преподавание второго или целевого иностранного языка, а также иностранного языка для специальных целей.

Предметом исследования является формирование у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции в тесной связи с социокультурными знаниями.

Цель статьи – теоретически обосновать роль социокультурных знаний в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции на основе социокультурного подхода.

Для решения поставленных задач автор использовал теоретический метод, включающий индукцию и дедукцию, а также историко-типологический метод.

Язык – это не просто система организованных знаков. Он является суммой различных элементов, среди которых лингвистика – только один из многих. Если вы знаете грамматику, синтаксис, лексику языка, то в определенной ситуации возможен процесс коммуникации. И тогда встает вопрос о типе коммуникации. Конечно, о полном процессе коммуникации, позволяющем обеспечить доступ к полному смыслу произнесенных слов и пониманию того, кем является собеседник в своем социальном измерении, говорить трудно. Как культура антропологическая, так и культура культивируемая являются неотъемлемым компонентом, присущим каждому человеку и языку, на котором он выражает свои мысли. Если нет культуры без языка, также не существует языка без культуры [4, с. 12–16]. Каково же место, которое преподаватель должен отвести культуре целевого языка как при изучении иностранного языка вообще, так и языка для специальных целей? Место и роль социокультурных знаний в процессе преподавания иностранных языков вызывают живой интерес и массу вопросов как у теоретиков-лингводидактиков, так и у практиков, занимающихся преподаванием второго или целевого иностранного языка, а также иностранного языка для специальных целей.

Начнем с рассмотрения вопроса о роли культуры или, точнее, родной культуры и культуры целевого языка с учетом их роли в учебном процессе, а также роли методологических принципов, которые должны соблюдаться при введении целевой культуры в учебный процесс [5]. Слишком часто в процессе обучения социокультурный аспект остается незаслуженно забытым или недооцененным. Этот факт наносит чрезвычайный вред не только самому процессу обучения, но также отрицательно влияет на мотивацию обучающихся, значительно снижая их способности, делая менее привлекательным сам процесс изучения целевого языка. Не может быть понимания между двумя людьми, если нет четкого осмысления того, кто твой собеседник, и каковы способы его взаимодействия с людьми в его группе. Необходимо помнить об исключительно важной роли социокультурных знаний при изучении иностранного и/или второго иностранного языка, так как лингводидактика устанавливает область ссылок, вне которых языковое порождение не имеет смысла [6, с. 454]. Язык не сможет сформироваться и существовать, если он не является лингвистическим выражением культуры. Язык должен жить в контексте культуры, иначе он умрет [1]. Что следует понимать под концептом «культура»? В научном понимании культурой называют совокупность результатов и процессов любой социальной деятельности человека и противопоставляют ее природе, т. е. совокупности внешних, не зависящих от человека условий его существования [1, с. 24–25]. Зная, что существует не одна, а множество типов культур, даже субкультур, какую или какие из

них следует выбрать для того, чтобы интегрировать в процесс преподавания? Отвечая на первый вопрос, отметим, что это – всеобъемлющая проблема потому, что концепт культуры включает множество граней. Он касается одновременно как одного человека, так и группы людей как социальной единицы еще и потому, что существует опасность путаницы смысла между цивилизацией и культурой. Отметим, что цивилизация определяется как «способ бытия, сложившийся исторически и составляющий совокупность, состоящую из слаженности и противоречий» [6, с. 12–13]. Культура – это глобальное явление, причем некоторые ученые говорят о системе значений, в которой существуют подсистемы: например, социальная структура, наука и техника, искусство и т. д. Эти подсистемы выступают во взаимосвязи. Но более актуальным для нашей темы является ответ на второй вопрос, который предлагает нам задуматься о возможной типологии культур. Фактически, теперь уже признается как факт, что существуют два типа культуры: культивируемая культура и антропологическая культура. Культивируемая культура – это литература, живопись, скульптура, музыка и т.д. Вся человеческая и социальная деятельность генерирует культуру. Все человечество имеет доступ к этой культуре. Не существует людей просвещенных или культурных и не просвещенных [1, с. 10–12]. Есть только люди, более или менее подвергнутые аккультурации. Это зависит от семьи, профессиональной среды, социального окружения, возраста и т. д. Можно сказать, что существуют степени или уровни культуры, которые различаются в зависимости от личности.

Антропологическая культура – это набор общих практик, способность видеть, мыслить, которые могут определить принадлежность отдельных лиц. Таким образом, это разделяемое наследие, продуктами которого являются эти лица, и которые составляют часть своей собственной идентичности [7, с. 60].

Человек является результатом двух компонентов: своего генетического наследия (врожденное) и своего культурного наследия (приобретенное). В этом определении есть очень важное слово – «принадлежность», которую еще называют малой культурой. Это сексуальная культура (женщина или мужчина), культура поколений (срезы возраста), профессиональная культура, региональная культура, религиозная культура, иностранная культура. С дидактической точки зрения культура – это эталонная область, которая превращает язык в способ коммуникации. Любой человек, принадлежащий к какому-либо сообществу, получает в общую принадлежность язык, социальную и культурную идентичность. Этот аспект идентичности вписывается в родной, второй или иностранный язык и приобретает для обучающегося важное значение, но он не идентичен и варьирует в зависимости от выше указанных случаев.

Говоря об аспекте идентичности на родном языке, следует уточнить, что его характеризует. Обретение языка и культуры, порождает социальную

идентичность индивида. Социальная идентичность формирует принадлежность индивида к группе. Если отсутствует один из двух составных элементов этой социальной идентичности, не может быть принадлежности к данной группе. Если индивид не знаком с группой и не говорит на одном с ними языке, он не будет понят. Если он владеет языком, но не имеет ключей к составляющим элементам их социальной идентичности, социально он не будет принят и не сможет принадлежать к данной группе. Таким образом, мы подчеркиваем важность овладения не только лингвистическими аспектами целевого иностранного языка, но также его социокультурными аспектами, которые передает целевой язык.

Аспект идентичности в случае со вторым языком также очень важен. Действительно, в этом контексте аспект идентичности выстраивается в билингвальную схему (первый язык + второй язык). Другими словами, субъект, который находится в этом билингвальном контексте, становится культурной идентичностью, которая является результатом двух разных культур. И не важно, когда происходит процесс освоение второго языка, в школьные или в студенческие годы. Подобные процессы происходят и при изучении иностранного языка. В данном случае необходимо одновременно вводить в рабочие программы и социокультурную составляющую, то есть одновременно обучать языку и культуре.

Статус третьего языка – это третий тип проблемы идентичности. Третий иностранный язык для человека – язык, который он решил выучить по одному ему известным причинам, в отличие от второго языка, который ему часто навязывается. Итак, изучение языка соответствует приобретению умений и навыков в системе координат коммуникация + овладение социокультурной составляющей этого языка. Таким образом, для обучающегося речь идет о специфическом культурном выборе, который он будет интегрировать с большей или меньшей степенью успешности в культуру родного языка. Можно сказать, что обучающийся, в некотором роде, является культурной суммой двух соответствующих языков, даже если идентичность первого языка сохраняет доминирующий статус. Естественно, цель изучающегося иностранный язык – это стремление к интеграции с тем, что ученые называют «культурным капиталом человека». Здесь речь идет не о том, чтобы интегрироваться в группу носителей «культурного капитала», а о том, чтобы овладеть тем, что необходимо и достаточно, т.е. частью этого культурного капитала, чтобы иметь возможность породить смысловые единицы этого иностранного языка.

Теперь рассмотрим вопрос о прикладной практике французского языка для специальных целей (ФСЦ). Напомним, что ФСЦ – это педагогическая практика, которая основывается на уверенности в том, что существует специфический французский, свойственный каждому типу профессиональной деятельности (право, гостиничное дело, туризм, медицина, бизнес и т.д.). А раз так, то необходимо предложить преподавание языка, характерное для данной отрасли знания с учетом

культурных практик, передающих данный специфический тип французского языка. К сожалению, пока предлагаемые учебники по ФСЦ не обеспечивают обучающихся и их преподавателей всей гаммой комплексных знаний, необходимых для освоения всех типов языковых практик в тесном сочетании с социокультурными знаниями.

Подводя итоги, подчеркнем, что культура в своих двух версиях, как культивируемая, так и антропологическая, должны стать объектом изучения в курсе иностранного языка. Поскольку эти два типа культуры составляют культурное наследие каждого человека, они должны во всеобъемлющем понимании этого концепта являться неотъемлемой частью изучения иностранного языка. Таким образом, обучающийся, сформировавший как языковые, так и социокультурные компетенции, сможет найти выход из любых ситуаций, сложившихся как на профессиональном поприще, так и в процессе человеческого общения.

Список использованных источников

1. Верещагин Е. М. Язык и культура. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учебное пособие. М.: Академия, 2006. 336 с.
3. Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 11.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
5. Beacco J. C. Qu'est-ce que l'éducation plurilingue? // Le français dans le monde. Janvier-fevrier. – 2008. – №355. P.40–41.
6. Cuq J-P., Gruca I. Cours de didactique du français langue étrangère et seconde. Grenoble, Presses Universitaires de Grenoble, 2002. 454 p.
7. Porcher L. Le français langue étrangère : émergence et enseignement d'une discipline. Paris, CNDP Hachette-Education, 1995. 105 p.

УДК 811.12

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

А. Г. Касапская,

*студентка первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

М. А. Шевчук-Черногородова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Целью данной работы является анализ способов перевода французских фразеологизмов с компонентами-зоонимами на русский язык.

Для решения поставленных проблем были использованы следующие методы: описательный для исследования концептуальной основы французских и русских ФЕ; сопоставительный для сравнения и описания уникального и универсального в двух фразеологических микросистемах; метод компонентного анализа для выявления сходств и различий в плане выражения и содержания эквивалентных ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, зоонимы, перевод, фразеология.

Summary: The purpose of this work is the analysis of the ways of translation of the French phraseological units with components-zoonyms. To solve these problems, the authors used the following methods: a descriptive method of the conceptual basis of the French and Russian phraseological units; comparative method for the comparison and description of the unique and universal in two phraseological microsystems; the method of component analysis to identify similarities and differences in terms of expression and content of equivalent phraseological units.

Key words: phraseological units, zoonyms, translation, phraseology.

Фразеология представляет собой хранилище знаний народа об окружающем мире сквозь призму национального сознания. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами несут различные символические знания, которые веками складывались в той или иной культуре. Это представляет сложность как для тех, кто изучает другой язык и культуру, так и для тех, кто осуществляет перевод с французского на русский язык.

Фразеологические единицы представляют особый интерес, так как зачастую, неся в себе дополнительное значение, обладают яркой национальной маркированностью для инокультурного реципиента. Такую маркированность называют национально-культурной спецификой. Фразеологизмы, обладающие национально-культурной спецификой, могут формироваться на основе не только таких понятий как метафора, символ, образ, но и на основе стереотипа (в том числе языкового), эталона, штампа речевого поведения или культурной ассоциации. В основе таких единиц могут лежать такие компоненты как флороним, зооним, топоним, название части тела, языковое клише, имя литературного героя или колористический элемент. В этой статье мы рассмотрим фразеологизмы с компонентом-зоонимом.

В исследуемую группу сочетаний были взяты те фразеологические единицы, в лексическом составе которых есть компонент, указывающий на животных, птиц, пресмыкающихся, рыб и т.д., или на название частей тела животного, ономотопею или другие анималистические компоненты. Для определения содержания термина «зооним» было взято определение слова «bête (f)», зафиксированное в толковом словаре французского языка «Le Petit Larousse»: «bête – tout animal autre que l'homme» [6, с. 138].

Большинство исследователей, среди которых В. Н. Комиссаров, Л. В. Дмитриева, Н. Ф. Смирнова, Е. А. Мартинкевич и С. Е. Кунцевич,

выделяют четыре основных способа перевода образной фразеологии [2, с. 147]. Первый тип **фразеологические эквиваленты**. При использовании таких соответствий лучше всего сохраняется значение переводимой единицы. В этом случае в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала. Использование такого эквивалента позволяет наиболее полно воспроизвести иноязычный фразеологизм, и переводчик прежде всего пытается его отыскать.

Согласно классификации Е.Ф. Арсентьевой, [1, с. 101] эквиваленты подразделяются на полные и неполные. **Полные эквиваленты** имеют одинаковое значение, грамматическую организацию, передаются с помощью одних и тех же образов и совпадают стилистически. Например:

fier comme un raon – гордый как павлин;
rusé comme un renard – хитрый как лис;
doux comme un agneau – нежный как ягнёнок;
verser des larmes de crocodile – лить крокодиловы слёзы;
revenons à nos moutons – вернемся к нашим баранам.

Неполные фразеологические эквиваленты характеризуются незначительными различиями. В большинстве случаев они отличаются компонентным составом, причем в качестве различающихся компонентов, как правило, выступают лексемы сходной понятийной или смежной семантики. Например:

tuet comme une carpe – немой как рыба (фр. – как карп);
souffler comme un rhocue – дышать как загнанная лошадь (фр. – как тюлень);
bête (или sot) comme une oie – глупый как осел (фр. – как гусь).

Метод фразеологического аналога. Применение метода фразеологического аналога, то есть подбор в языке перевода такого фразеологизма, который передавал бы его значение иным образом, согласно В. Н. Комиссарову, является наиболее удачным в случае, когда в языке перевода не существует фразеологического эквивалента [3, с. 14]. Например:

retourner qn. comme une peau de lievre – согнуть кого-л. в бараний рог;
le mariage de la carpe et du lapin – поженились рак да щука.

В группе фразеологических аналогов в русском языке зоонимические компоненты могут отсутствовать:

être comme un coq en pâte – как сыр в масле кататься (фр. как петух в тесте);
appeler un chat un chat – называть вещи своими именами (фр. называть коша котом);
poyer le poisson – заговорить зубы (фр. утопить рыбу).

Национально-окрашенные фразеологизмы можно передавать русскими фразеологическими единицами, в которых национальная окраска отсутствует:

un mouton de Panurge - бездумный, слепой подражатель;

faire comme le chien de Cadet Rousselle – избегать встречи с кем-л. (букв, поступать как собака Кадэ Русселя, героя песни, чья собака имела странность убежать, когда ее звали);

être comme l'âne de Buridan – быть нерешительным (фразеологизм появился из теории Жана Буридана, согласно которой осёл, находясь на одинаковом расстоянии от ведра с водой и овсом, скорее бы умер, чем решился бы сделать выбор [3, с.19].

Дословный перевод фразеологизмов (калькирование). В том случае, если дословный перевод поможет наиболее полно передать смысл фразеологической единицы, сохранит национальную специфику, но в то же время, несмотря на отсутствие аналога в языке перевода, будет понятен его носителям, целесообразно использование калькирования. Например:

brave comme un lapin – храбрый как заяц;

faire comme l'autriche – поступить как страус;

souffler comme un boeuf – сопеть как бык;

patient comme un chat qui se brule les pattes – терпелив как кошка, которая обожгла себе лапы.

Описательный перевод лучше всего подходит в тех случаях, когда в языке перевода нет эквивалента фразеологической единице языка оригинала. Например:

sobre comme un chateau – очень воздержанный в еде и питье (букв. воздержанный в еде как верблюд);

rire comme une baleine – смеяться, широко разевая рот;

bailler comme une huitre – зевать во весь рот;

poser un lapin – не явиться на назначенное свидание, на встречу;

honteux comme un renard qu'une poule aurait pris – очень сконфуженный, смущенный (букв, пристыженный как лисица, пойманная курицей);

vif (или eveille) comme une portee de souris – очень резвый, подвижный (букв. живой как выводок мышей) [4, с. 34].

При переводе фразеологизмов основной проблемой является то, что дословный перевод чаще всего является неприемлемым, так как в таком случае теряется образность выражения, а подобрать эквивалент не всегда представляется возможным. Следует заметить, что существуют различные классификации методов перевода. Таким образом проблемы, связанные с переводом фразеологизмов, по-разному рассматриваются учеными, ведь стандартного решения здесь быть не может. Осуществляя перевод, необходимо отталкиваться от конкретной речевой ситуации, стиля произведения и авторской интенции, чтобы не потерять образность выражения или его национальную специфику, но в то же время наилучшим образом передать смысл фразеологической единицы для носителей языка перевода.

Список использованных источников

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека в английском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1983. 213 с.

2. Дмитриева Л. Ф., Смирнова Н. Ф., Мартинкевич Е. А., Кунцевич С. Е. Английский для студентов. Курс перевода. Ростов-на-Дону: Март, 2005. 300 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
5. Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка. Фразеологизмы. М.: Наука, 1965. 200 с.
6. Le petit Larousse illustré. P.: Larousse, 1995. 1784 p.

УДК 81-26 347.78.034

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ САТИРИЧЕСКОГО ЖАНРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Л. О. Каширина,

студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению понятия «юмор» с точки зрения отечественных и зарубежных ученых в области переводоведения. Выявлены основные черты русского и английского юмора. Определены особенности перевода юмористических элементов сатирического жанра с русского на английский на примере рассказа А. П. Чехова «Хамелеон».

Ключевые слова: перевод, юмор, русский юмор, английский юмор, юмористический элемент, юмористический эффект.

Abstract. This article is devoted to consider the concept of "humor" from the point of view of Russian and foreign researchers in the field of translation studies. The main features of Russian and English humor are defined. The peculiarities of translation of humorous elements of satirical genre from Russian into English on the example of Anton Chekhov's short story «Chameleon» are pointed out.

Key words: translation, humorous element, humor, Russian humor, English humor, humorous effect.

В современном переводоведении юмористические тексты вызывают определенные переводческие трудности. В художественном тексте юмор является частью культуры автора и основывается на представлениях и нормах, присущих его культуре. Читатель, который также принадлежит к

той же культуре, воспринимает юмор через призму тех понятий и представлений, которыми обладает сам автор. Читатель, который не принадлежит к культуре автора, воспринимает юмор через призму тех понятий и представлений, которыми обладает он сам. Следовательно, роль переводчика как посредника между культурами заключается в обеспечении максимально точного понимания юмора в тексте, созданного в рамках другой культуры.

В силу своей специфики, понятие «юмор» всегда привлекало внимание многих отечественных и зарубежных лингвистов, в частности таких, как Ю. Боров, Л. Вайсгербер, Б. Дземидок, Д. Мекке, С. Походня, Г. Почепцов и др.

Как известно, Г. Почепцов занимается изучением лингвистической основы английского юмора. Ученый считает, что: «Юмор требует от человека наличия высоких интеллектуальных способностей и способен существовать только при наличии определенных специфических социолингвистических условий любви к родному языку и как результат, получения эстетического удовольствия от его использования» [5].

Согласно словарю литературоведческих терминов: «Юмор – это вид комического, в котором пороки осмеиваются не беспощадно, как в сатире, а доброжелательно подчеркиваются недостатки и слабости человека или явления, напоминая о том, что они часто лишь продолжение или изнанка наших достоинств» [6].

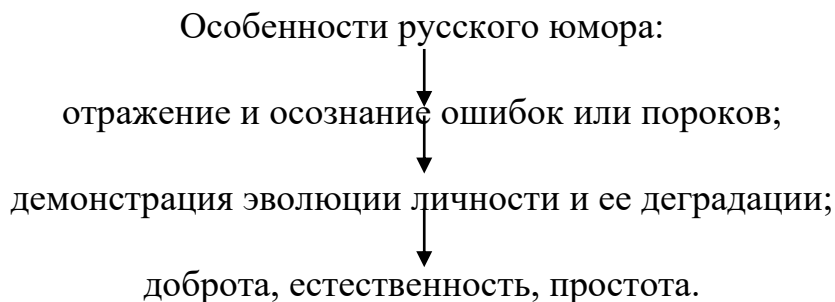
Толковый словарь Д. Н. Ушакова дает следующее определение юмору: «незлобивая насмешка, добродушный смех; проникнутое таким настроением отношение к чему-нибудь (к чьим-нибудь недостаткам, слабостям, к злоключениям)» [4]. В. И. Карасик говорит о том, что: «Индивидуальная концептуализация сущностей является одним из приемов создания юмористического эффекта» [2].

Необходимо отметить, что русский юмор, как и английский, имеют ряд своих особенностей и воспринимаются как национальная черта характера. Принимая во внимание особенности русского юмора, необходимо отметить тот факт, что он не всегда понятен человеку из другой страны. Это касается и английского юмора. Журналист А. В. Сафир считает, что юмор англичан достаточно саркастичен, практичен и немного холоден. Он выделяет следующие особенности английского юмора.

Особенности английского юмора:

1. отсутствие скрытого смысла,
ироничная прямота;
2. высмеивание глупости,
недалекости;
3. доведение нелепой ситуации до абсурда.

Говоря о русском юморе, Н. А. Вальянов считает, что: «Важными особенностями русского юмора являются воздействие слова и последующая реакция на него, а также стремление к модифицированию» Русский юмор имеет свойство меняться, приобретая глубокие смыслы и новые формы, что характерно особенно для современного юмора [1]. Вальянов представляет следующую классификацию особенностей русского юмора.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русский и английский юмор сильно отличаются друг от друга, не только в сфере литературы, но и в сфере общения людей.

В данной статье было разработано определение понятия «юмористический элемент», согласно которому «юмористический элемент» представляет собой особое комическое средство, которое помогает раскрыть определенное жизненное противоречие путем смеха. Сатирический жанр строится на таких юмористических элементах, как: юмор, ирония, парадокс, пародия. Также, могут использоваться антитеза, художественная деталь, речь персонажей, каламбуры с говорящими именами и фамилиями, которые необходимы для создания комического эффекта.

Перевод произведений А. П. Чехова является достаточно сложным процессом. Это связано с его уникальным художественным стилем, а также проявляется в постоянном использовании автором большого количества различных идиоматических выражений. Кроме того, в тексте его произведений прослеживается широкое использование слов и фраз, придуманных именно самим Чеховым. По мнению М. В. Кузнецовой: «английский перевод сатирического рассказа А.П. Чехова «Хамелеон», выполненный К. Гарнетт «A Chameleon», поможет нам проследить с одной стороны, специфику перевода юмористических элементов сатирического жанра, и с другой стороны, как культурные традиции народа и особенности языка оказывают влияние при переводе юмора на другой язык» [3].

Так, к примеру, в произведении Чехова «Хамелеон» заметна некая двусмысленность. Как известно, главное действующее лицо в рассказе персонаж по фамилии Очумелов. Фамилия прекрасно передает характер героя, его истинную сущность, а самое главное – болезнь общества – «хамелеонство», которому и посвящено данное произведение. Поведение героя Очумелова вызывает у читателя одновременно и смех и слезы. Ведь он потому и «хамелеон» так, как воплощает в себе суть своей должности.

Возможно, сам по себе он не плохой человек, но ему приходится одновременно быть бессловесным холопом и надменным повелителем. В данном случае, это служит проявлением иронии.

Еще одним из юмористических элементов сатирического жанра, который использует Чехов, является антитеза. Антитезой является проявление отношения Очумелова к людям низшего и высшего от него по социальному статусу. Кроме того, большое внимание автор уделяет говорящим фамилиям, которые являются проявлением юмора. Однако в тексте перевода сама фамилия не переводится. Таким образом, переводчик произвел транслитерацию: «*Otchumyelov*». Но, к сожалению, это ни о чем не говорит англоязычному читателю. Такой же переводческий прием был использован при переводе другой говорящей фамилии «Хрюкин», которая была транслитерирована как «*Hryukin*». В итоге, это приводит к потере юмористического эффекта в тексте перевода.

В своем произведении Чехов использует такое идиоматическое выражение, как «Я покажу ему Кузькину мать!». К. Гарнетт заменяет это выражение следующим образом: «*I'll give him a lesson!*», что означает «Я преподам ему урок!». В результате, при переводе на английский язык данное выражение теряет свою эмоциональность, национально-культурный колорит и юмористический эффект.

Еще одним примером потери юмористического эффекта при переводе исходного текста может служить пример обращения Очумелова к Хрюкину, когда он употребляет разговорное слово: «...а ты ведь вон какой здоровила!». В переводе используется такое выражение, как «...*and you are a great hulking fellow!*», что означает: «а ты великий неуклюжий парень». В исходном тексте Чехов употребляет эмоционально-окрашенное слово для передачи отношения главного героя к человеку, который ниже по статусу. Переводчик же, в свою очередь, заменяет это слово на более вежливый и нейтральный оборот. Это связано с характерной чертой для русской культуры, а именно эмоциональностью, импульсивностью и традиционно выраженной у англичан сдержанностью, скупостью в проявлении эмоций.

Также, на протяжении всего текста присутствует выражение «Очумелов в новой шинели», которое заменено переводчиком: «*overcoat*», которое переводится, как «пальто». В результате, также утрачивается весь тот смысл, который закладывал сам автор и который он хотел донести до читателя. Именно «Новая шинель» является значимой художественной деталью, которая служит одним из главных юмористических элементов сатирического жанра. Другим важным юмористическим элементом сатирического жанра служит речь персонажей. Так, к примеру, разговор Очумелова с Хрюкиным, который демонстрирует низкий культурный уровень самого Очумелова и придает комичность ситуации. Очумелов говорит: «*Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить*». Гарнетт переводит следующим образом: «*It could be a costly one, and if every swine takes to*

sticking a cigarette in her mouth it won't take long to ruin her». Кроме того, повторение, которое так часто использует Чехов в своем произведении, также является юмористическим элементом. На протяжении всего рассказа автор повторяет фразу: «*Чья собака?*». Никаких трудностей при переводе данная фраза не вызывает. Гарнетт переводит: «*And who's is this dog?*».

Таким образом, используемые автором юмористические элементы, характерные для сатирического жанра такие, как: каламбуры с говорящими именами и фамилиями, повторения, антитеза, речь персонажей, художественная деталь, юмор и ирония, придают рассказу Чехова «Хамелеон» комический эффект и имеют определенные особенности при переводе на английский язык. Необходимо отметить, что, несомненно, при переводе юмористических элементов сатирического жанра переводчик применяет не только один конкретный переводческий прием, а целый комплекс переводческих приемов.

Во-первых, переводчик старается избегать использования дословного перевода, так как это приводит к потере необходимого комического эффекта. Для этого он использует различные лексико-семантические преобразования, в частности смысловое развитие, при помощи которого при переводе усиливается сатирический эффект. Во-вторых, он заменяет слова автора прямой речью, тем самым оживляя картину и создавая яркие комичные образы героев. Также, переводчик сохраняет смысл «говорящих» имен и фамилий, используя при этом способ грамматической трансформации и членения предложений. Кроме того, переводчик активно использует восклицательные предложения для того, чтобы передать выразительную интонацию. Так, как русский язык более эмоциональный язык, чем английский, переводчику необходимо использовать много эмоционально окрашенных слов не только для сохранения, но и для усиления сатирического эффекта.

Список использованных источников

1. Вальянов Н. А. Специфика русского юмора [Электронный ресурс] // Студенческий научный форум. <http://www.rae.ru/forum2012/19/3250> (дата обращения 20 декабря 2017).
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Издательство Гнозис, 2004. 390 с.
3. Кузнецова М. В. Творческая эволюция А. П. Чехова. Т.: Изд-во Томск, унта, 1978. 266 с.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство иностр. и нац. слов, 1940. 1445 с.
5. Pocheptsov G. G. Language and Humour. К.:Vysca skola Publishes. Head Publishing House, 1982. 325 p.
6. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456> (дата обращения 20 декабря 2017).

УДК 82.09

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ И УПОТРЕБЛЕНИИ ТЕРМИНОВ
ТЕОРИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ*****В. В. Кириченко,****студент второго курса магистратуры кафедры истории зарубежной
литературы Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Целью настоящей работы является описание сложностей перевода и употребления основных терминов теории возможных миров как литературоведческого метода анализа художественного произведения. Основными причинами особенного использования терминов является метафорическое понимание теории возможных миров и отсутствие перевода фундаментальных работ в этой области.

Ключевые слова: возможный мир, художественный мир, перевод, термин.

Summary. The objective of current paper is description of translation and usage difficulties of main terms of possible-worlds theory which is an analytical method for literature studies. The principal reasons of unusual term usage are connected with metaphorical comprehension of possible-worlds theory and absence of Russian translation of fundamental works.

Key words: possible world, fictional world translation, term.

Впервые термин «возможный мир» возникает в работе Лейбница «Теодицея» [2]. Философ использовал понятие для анализа модальностей возможности, необходимости и пр. Мир рассматривался как некоторый из бесконечного множества логических возможных миров, при этом наш актуальный (реальный) мир объявлялся лучшим из них, потому что на него обращено внимание Бога.

Во второй половине XX в. философы аналитической школы (С. Крипке, Д. Льюис, Я. Хинтиikka, А. Плантига) возобновили работу с термином «возможный мир». Они изучали применение «возможного мира» в модальной логике.

Справедливо заметить, что не только философы и логики интересовались возможными мирами. В 1950-х гг. в трудах Х. Эверетта появляется «многомировая интерпретация» (англ. many-worlds interpretation), которая относится к области квантовой механики и предполагает существование «параллельных вселенных», в каждой из которых наличествуют те же самые законы природы и которые характеризуются одинаковыми мировыми постоянными, но различными состояниями. Подробное сопоставление этой теории с подходом возможных миров можно обнаружить в работе М.-Л. Райан [11].

Американский философ Дэвид Льюис совершил первую попытку применения возможных миров в области литературы, написав работу о Шерлоке Холмсе и его актуальности как присутствию в нашем мире [8]. Дальнейшие изыскания, возникшие в области литературоведения как

последствия этой работы, воспринимают теорию возможных миров метафорически. К фундаментальным исследователям относятся: Мари-Лор Райан [10], Любомир Долежел [6], Томас Павел [12], Умберто Эко [5], Рут Ронен [9] и др. Сконструировав совместными усилиями целый литературоведческий метод, каждый из ученых имел собственную точку зрения на анализ художественного произведения и тем более на то, как нужно проводить исследование, руководствуясь этой теорией. Именно здесь возникает множество вопросов, связанных с употреблением и переводом терминов теории возможных миров в литературоведении, учитывая, что ни одно из фундаментальных исследований по данному методу не переведено на русский язык, кроме книги «Роль читателя» У. Эко.

В первую очередь, интересно само понятие «возможный мир». Стандартно под этим понимается некоторая точка зрения на положение дел, воспроизводимая с определенной пространственно-временной позиции, т. е. обладающая актуальностью для нее средой / миром. Однако, в большинстве случаев сам термин не получает конкретного определения в фундаментальных работах, что связано с его метафорическим использованием.

Одним из проблемных мест теории возможных миров можно считать вопрос о (не)равнозначности возможного и вымышленного. Так, например, большинство теоретиков используют термин «возможный мир» (англ. *possible world*, фр. *monde possible*), в то время как Томас Павел, Рут Ронен и другие ученые прибегают либо к понятию «вымышленный мир» (англ. *fictional world*, фр. *monde / univers fictif*), либо к термину «выступающей вселенной» (фр. «*univers saillant*»). С одной стороны, возникают два основополагающих понятия «возможный мир» и «вымышленный мир», которые могут быть использованы как синонимы, а, с другой, появляется своеобразная путаница, которая особенно заметна в русском языке. Если «вымышленный мир» используется как синоним «возможного мира», тогда каждое положение дел определяется «выдуманностью», и это, скорее всего, более уместно при анализе чисто фиктивных по содержанию текстов, но не очень подходит для изучения, например, романов в жанре автовымысла (фр. *autofiction*), ошибочно переводимого как «вымышленная автобиография», или мемуаров. Стоит обратить внимание на синонимичное употребление во французском и английском языках понятий «мир» / «вселенная» (англ. *world / universe*, фр. *monde / univers*), в русском же предпочтение отдается слову «мир».

Не менее любопытным моментом кажется проблема чисто русского словоупотребления: в русском литературоведении прочно закрепилось понятие «внутреннего художественного мира произведения», в частности, использованного М.М. Бахтиным, Ю.М. Лотманом, Д.С. Лихачевым. Данное понятие обладает обобщающим характером и включает такие литературоведческие категории, как пространство, время, образы и т. д., что

в определенной степени близко «возможному» и еще ближе «вымышленному миру».

Интересным образом решает эту проблему исследователь И.В. Неронова в своей диссертации [3]: она использует термин «художественный мир» как включающий «возможные миры» произведения, что никак не противоречит теории возможных миров, у необходимо учитывать стойкую разницу в том, что художественный мир произведения – единичен, возможных миров же всегда множество. По мнению У. Эко, возможных миров в произведении минимум три: 1) мир автора; 2) мир читателя; 3) мир персонажа [5, с. 484]. Важно также понимать, что «художественный мир» относится только к полю искусства, в то время как «возможные миры» выходят за рамки фикционального, например, могут использоваться в культурно-исторических исследованиях [7]. Обычно при исследовании с инструментарием теории возможных миров не затрагивают проблему миров читателя и автора, т. к. в настоящее время этим больше занята рецептивная критика.

Воспроизведенный по-русски термин «вымышленный мир» не отсылает (как это происходит в английском, французском и других языках) к «художественной литературе». Проблема перевода слова «fiction» часто остро возникает при упоминании теоретиков возможных миров, которые используют это слово в таком контексте, когда можно перевести и как «вымысел», и как «художественное произведение». Также наблюдается проблема разделения в русском языке «фиктивного» (англ. fictive) и «фикционального» (англ. fictional): оба слова могут передаваться с помощью слова «вымышленный», но тогда утрачивается их отличие, которое было точно описано в работе В. Шмида «Нарратология»: фиктивным может быть содержание, а фикциональным – произведение [4, с. 36-39]. По этим причинам понятие «вымышленного мира» несколько расплывчато в русском языке, в связи с чем рекомендуется использование термина «возможный мир».

Теория возможных миров затронула фундаментальные вопросы фикциональности, пытаясь ответить на вопрос о том, что истинно и что ложно в произведении. Например, «Эмма Бовари ведет себя как верная жена» является либо ложным высказыванием по отношению к нашему актуальному миру, либо истинным, но сильно удаленным от нашего мира. В соответствии с этим начались исследования в области истинности передаваемой информации нарратором («надежный / ненадежный» повествователь), его влиянии на понимание правды читателем («аутентификация» Долежела), проблемы «похожего / претендующего на истинное» (англ. make-believe, фр. faire-semblant), – этот термин часто передается на русский язык как «правдоподобное», что не учитывает всех нюансов оригинального выражения.

Говоря о «возможных мирах», Т. Павел использовал термин «univers saillant» (фр.), что в русском языке не имеет подходящего аналога, кроме

буквального перевода «выступающей (- его) вселенной (мира)». Павел пояснял, что «Я называю «выступающими» (saillants) двойственные структуры, в которых вторичная вселенная является экзистенциально новаторской и содержит сущности и положения дел, не относящиеся к первичной вселенной» [12, р. 79]. «Выступающие вселенные» разделяются на внутренние возможные миры, функционирующие только в рамках произведения, и на внешние, существующие вне произведения, т. е. обретающие историко-культурный смысл. Например, памятник Медному всаднику, находящийся в Санкт-Петербурге, является внешней «выступающей вселенной» по отношению к одноименной поэме (стихотворной повести) А.С. Пушкина. Принимая во внимание, что *saillant* – еще и «привлекающий внимание», «яркий», «видный», «поразительный», можно предположить, что наиболее подходящий перевод – «выделяющийся мир». Это выражение одновременно учитывает оригинальные семы «выпуклости» (частично), «положительного отличия» и «заметности». Термин редко используется в современных работах, больше предпочитают употреблять стандартное понятие «возможный мир».

Л. Долежел разрабатывает собственный аналитический метод в работе «Heterocosmica: Fiction and possible worlds». В его исследовании много достаточно сложных и неоднозначных для перевода терминов, но попробуем остановиться на наиболее существенных, а именно на «экстенциональных элементах» [6, р. 96–134] и «интенциональных функциях» [6, р. 145–184]. Экстенциональные элементы происходят от логического термина «экстенционал» (англ., фр. *extension*), что означает некоторое предметное, конкретно-языковое воплощение [1, с. 192]. В свою очередь, термин «интенциональная функция» является производной от логического «интенционала» (англ., фр. *intension*), который обозначает смысл, семантическое наполнение чего-либо [1, с. 192]. Если первый случай особых вопросов не вызывает, то второй оказывается несколько проблематичным в связи с тем, что похож на слова «интенция», «интенциональный» (англ., фр. *intention*). Долежел предупреждает о схожести этих терминов и об их очевидно различном значении, но использование «интенции» как одного из ключевых понятий в разделе об «экстенциональных элементах», где происходит разделение между «интенциональным действием» и «неинтенциональным процессом», все же приводит к некоторой неясности употребления.

Долежел говорит только о двух интенциональных функциях: 1) «аутентификация»; 2) «сатурация». «Аутентификация» (англ., фр. *authentication*) неплохо переводится русский как «удостоверение» / «подтверждение», хотя его латинизированный вариант на русском тоже уже прижился в связи с распространением интернет-технологий и не кажется чем-то из ряда вон выходящим, в то время как о «сатурации» такого сказать нельзя. Под «аутентификацией» Долежел понимает такую деятельность повествователя, которая удостоверяет читателя в том, что изображаемый

возможный мир имеет или не имеет прямого отношения к его актуальному миру. «Сатурация» (англ., фр. saturation) может переводиться как «наполнение» или «насыщенность», но, будучи изначально термином, заимствованным из химии, в литературоведении получает метафорическое осмысление. Долежел понимает под «насыщенностью» три поля содержания художественного текста: 1) эксплицитная текстура (англ. explicit texture); 2) имплицитная текстура (англ. implicit texture); 3) нулевая текстура, или лакуны (англ. zero texture, lacuna). Каждое произведение в зависимости от множества факторов (время написания, направление, жанр и пр.) по-разному уравнивает «текстуры». Соответственно, изучение соотношения этих текстур в произведении позволяет установить его насыщенность.

В заключении отметим, что теория возможных миров предлагает значительный инструментарий для формализации анализа произведения. Ее интердисциплинарный характер лишь подчеркивает широту использования данного метода. Отсутствие профессиональных переводов фундаментальных работ теоретиков возможных миров, а также не сильная популярность самой теории в России не позволяет говорить об проработанности терминологического аппарата на русском языке. Изначально метафорическое восприятие теории возможных миров в литературоведении приводит к тому, что начинают заимствоваться философские, логические, химические и физические термины для анализа художественного произведения. Различные точки зрения на метод производят отличные термины, порой запутывающие использование уже устоявшихся понятий, в связи с чем рекомендуется применение обобщенного выражения «возможный мир». В конце концов, вечной проблемой остается банальное несоответствие между структурами языков, содержащими разные формы для выражения мысли.

Список использованных источников

1. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М., 1997. 384 с.
2. Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 т. Т.4. М., 1989. С. 49–554.
3. Неронова И.В. Художественный мир и его конструирование в творчестве А. Н. и Б. Н. Стругацких 1980-х гг. дисс. на соиск. уч. степ. к. филол. н. Ярославль, 2015 209 с.
4. Шмид В. Нарратология. М: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
5. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2016. 640 с.
6. Dolezel L. Heterocosmica: Fiction and possible worlds. Baltimore; London: Johns Hopkins univ. press, 1998. 339 p.
7. Dolezel L. Possible Worlds of Fiction and History // New Literary History Vol. 29, No. 4, Critics without Schools? 1998. P. 785–809.
8. Lewis D. Truth in Fiction // American Philosophical Quarterly 15. 1978. P. 37–46.

9. Ronen R. Possible worlds in literary theory. Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. 244 p.
10. Ryan M.-L. Possible worlds, artificial intelligence, and narrative theory. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, cop. 1991. 291 p.
11. Ryan M.-L. From Parallel Universes to Possible Worlds: Ontological Pluralism in Physics, Narratology, and Narrative // *Poetics Today* 27:4, 2006. P. 634–674.
12. Pavel Th. G. Univers de la fiction. Paris: ed. du Seuil, 1986. 211 p.

УДК 81

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ РЕТРОСПЕКЦИИ В РАССКАЗАХ ДЖОНА АПДАЙКА

А. Н. Клюева,

аспирант кафедры теории языка и русского языка,

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Статья посвящена выявлению языковых особенностей выражения категории ретроспекции в художественном тексте. Материалом исследования послужили англоязычные тексты рассказов из сборника «The early stories: 1953–1975» Джона Апдайка. Цель исследования заключается в доказательстве того, что категория ретроспекции характеризуется определенными языковыми единицами, которые при переводе должны сохранять авторскую интенцию – словесно передавать ретроспективные образы из жизни героев рассказов. В ходе анализа было выявлено, что авторское внимание в прошлое актуализируется во многих рассказах посредством употребления времени Past Perfect, глаголов умственной деятельности to remember, to recollect, to remind, to realize, существительных memory, childhood, scene, recollection. Писатель вводит ретроспективные фрагменты не только как текстообразующие элементы, но и наделяет их чувствами, переживаниями героев.

Ключевые слова: рассказ, категория ретроспекции, текстовая категория, ретроспективный образ, Джон Апдайк.

Summary. The article is devoted to the identification of linguistic features of expressing of the retrospective category in the fiction text. The material of the article was English texts from the story collection «The early stories: 1953-1975» by John Updike. The purpose of the research is to prove that the retrospective category is characterized by certain linguistic units, which after translation should preserve the author's intention – to convey the retrospective images from the character's life in the stories. Analyzing the stories there was revealed that the author's attention to the past is actualized in many stories through the use of Past Perfect, the verbs of mental activity to remember, to recollect, to remind, to realize, such nouns as memory, childhood, scene, recollection. The writer introduces retrospective fragments not only as the text-forming elements, but also empowers them with the characters' feelings and tensions.

Key words: story, retrospective category, textual category, retrospective image, John Updike.

В последние годы в науке о языке вырос интерес к лингвистической стороне текста, его стилистическим особенностям и специфичным чертам текстов. В связи с этим учёные рассматривают в своих исследованиях различные категории художественных текстов, выявляя определённые особенности их функционирования. Категория ретроспекции является одной из видов текстовых категорий (более подробно см. [1; 2]) в функциональной стилистике.

Категория ретроспекции с лингвистической стороны представлена в художественном тексте в виде определенного набора лингвистических средств, которые выражают намерения писателя вернуть читателя к тем моментам из прошлого, которые наиболее значимы в сюжете произведения. Мышление писателя представляет определенный творческий процесс, который затрагивает его познавательную способность воспринимать и кодировать действительность. Ранее пережитые моменты жизни находят своё отражение в сознании писателя, а затем и на страницах книги. В этом же ключе Котова и Кудряшов исследуют авторское мышление, с выделением точки зрения писателя и способов её актуализации в тексте художественного произведения [3].

Гальперин отмечал, что для текстов со вставками из прошлого, то есть для текстов с наличием категории ретроспекции, свойственна когезия, под которой он понимал связность различного временного повествования. Благодаря этому читатель может связывать вставки из прошлого с целым повествованием художественного произведения [1]. Термин ретроспекция понимается Гальпериным, как «грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [2, с. 106].

Чиговская-Назарова отмечает, что категория ретроспекции в художественном тексте осуществляет связь событий в общей ткани авторского повествования, при этом данная категория участвует в раскрытии глубинных временных пластов текста, превращая солирующую тему повествования в полифоническую многоуровневость художественного произведения [4].

У американского писателя Джона Апдайка (1932–2009) достаточно развита картина ретроспективных образов в текстах коротких рассказов. И недостаточная изученность данной стороны вызывает большой интерес. Благодаря сборнику рассказов «The early stories: 1953–1975» был отобран обширный языковой материал, раскрывающий лингвистическое выражение категории ретроспекции в художественном тексте.

В ходе анализа оригинальных произведений из сборника ранних рассказов писателя было выявлено, что при каждой попытке обратиться к событиям из прошлого автор предпринимает отвлечение от основного текста рассказа и переходит на уровень образов. Ретроспективные образы

создаются благодаря включению экстралингвистических факторов из жизни писателя. При этом у читателя начинает работать ассоциативное мышление и подключаются интерпретативные возможности. Другими словами, закодированный ретроспективный образ претерпевает декодирование со стороны реципиента.

В текстах рассказов американского писателя категория ретроспекции в основном актуализируется эксплицитными сигналами, которые выражаются определенными языковыми показателями событий, имеющих место в прошлом. Анализ ретроспективных образов в рассказах позволил выявить, что воспоминания персонажам являются из детства, при рассматривании фотографии, при описании портретной характеристики героев и пейзажных описаний природы. Возвращаясь в прошлое, зачастую герои рассказов рассказывают читателю о своём опыте и чувствах.

С лингвистической стороны категория ретроспекции выявляется благодаря следующим языковым единицам:

Во-первых, в сочетаниях с существительными *recollection, memory, scene, childhood*:

«*his head brimmed with irrelevant recollections*» [5, p. 281] – его голова была заполнена лишними воспоминаниями; «*her recollection had expanded a few incidents*» [5, p. 1119] – ее воспоминание обогатило несколько событий из жизни; «*in her memory*» [5, p. 1119] – в её памяти; «*this grotesque and tender misestimate of the world flares in my memory of our conversation*» [5, p. 100] – это абсурдное, незрелое неверное суждение о нашем разговоре, как вспышки в моей памяти; «*the maples, macadam, shadows, houses, cars were to his violated eyes as brilliant as a scene remembered*» [5, p. 143] – клены, мостовая, тени, дома, машины были для его плохого зрения столь же яркими, как и сцена из воспоминания; «*in my earliest memories of her*» [5, p. 146] – в моих самых ранних воспоминаниях о ней; «*he had remembered how in his childhood his mother*» [5, p. 708] – он вспомнил, как в детстве его мать.

Во-вторых, при употреблении глаголов *to remember, to realize, to remind, to recollect*:

«*experience is so vicarious these days, only recollecting it makes it actual*» [5, p. 818] – переживания так далеки в наши дни, только вспоминая, мы оживляем их; «*I distinctly remember*» [5, p. 172] – я отчетливо помню; «*while I still remembered many of her words, I realized how touchingly gauche our assumption was*» [5, p. 100] – пока я все ещё помнил многие её слова, я понял, насколько грубо было наше предположение; «*remembering the incident so depressed Burton*» [5, p. 279] – вспоминая случай, столь угнетающий Бертона; «*yet, ever since he could remember*» [5, p. 322] – до сих пор он не мог вспомнить; «*yet she remembered some things excellently*» [5, p. 354] – до сих пор она помнила некоторые вещи превосходно; «*remembering certain trials of his own childhood*» [5, p. 494] – вспоминая некоторые испытания из своего детства; «*her hair, he remembered, had tickled his shoulders*» [5, p. 629] – он помнил как её волосы щекотали его плечи; «*trying to remember exactly what*

has been said to each» [5, p. 758] – пытаюсь точно вспомнить то, что было сказано каждому; «*Lynne was reminded, in these hours of holding and waiting, of a childhood episode scarcely remembered for thirty years»* [5, p. 1119] – Эти часы задержки и ожидания Линне напомнили эпизод из детства, который едва она помнила на протяжении тридцати лет.

В-третьих, использование в текстах *Past Perfect* (время, обозначающее действие в прошлом, которое предшествовало другому действию / событию из прошлого):

«*where he had been a boy»* [5, p. 1120] – где он был мальчиком; «*it had been reconstructed as a historical front»* [5, p. 926] – он был воссоздан как событие исторического фронта; «*I remembered a movie that had frightened me as a child»* [5, p. 173] – я вспомнил фильм, который испугал меня в детстве; «*he tried to remember how his mother had arranged his bureau drawers at home»* [5, p. 247] – он попытался вспомнить, как дома его мать привела в порядок свой письменный стол с ящиками; «*but it had left him feeling hollow, fragile, transparent»* [5, p. 322] – но это дало ему почувствовать себя пустым, слабым, открытым; «*Ben had bent his face close into the dainty forgotten smell of gun oil and remembered the Christmas noon when his father had taken him out to the barn»* [5, p. 679] – Бен склонил лицо, чтобы понюхать нежный забытый запах ружейного масла и вспомнил рождественский полдень, когда его отец отвел его в сарай.

Нами была рассмотрена лишь часть языковых единиц, выражающих категорию ретроспекции в рассказах Джона Апдайка, но уже на данном этапе исследования думается, что данная категория художественного текста способна выразить темп создания и развития событий в сюжете произведения и тем самым является текстообразующей категорией рассказа. Кроме этого, при переводе ретроспективных фрагментов следует учитывать данные лингвистических особенностей выражения категории ретроспекции, чтобы не была потеряна авторская интенция в раскрытии повторных переживаний, переосмыслений ретроспективных образов из жизни героев рассказов.

Список использованных источников

1. Гальперин И. Р. Ретроспекция и проспекция в тексте // Филологические науки. М., 1980. № 5. С. 44–52.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 144 с.
3. Котова Н. С., Кудряшов И. А. Проблема выражения точки зрения автора и персонажа-рассказчика в художественном тексте // European Social Science Journal. 2013. № 8–1(35). С. 235–242.
4. Чиговская-Назарова Я. А. Textoобразующие категории проспекции и ретроспекции в научном тексте (сравнительно с художественным) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 6. С. 31–34.

5. Updike J. The early stories: 1953–1975. NY: Random House Trade Paperbacks by Alfred A. Knopf, Inc, 2003. 1152 p.

УДК 811. 111

АНГЛИЙСКИЕ СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Н. А. Князева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, Симферополь

Аннотация. Исследовательский материал данной статьи сосредоточен на анализе ряда английских сложносоставных прилагательных с точки зрения поиска переводческих соответствий для достижения экспрессивной эквивалентности при переводе на русский язык. Одна из главных задач, связанных с семантической трактовкой словообразовательных единиц, решается на основе выявления факторов, влияющих на оценочную выразительность словесной структуры, заложенной в ее компонентном составе. Наличие образной мотивированности, созданной в результате семантической трансформации первичного значения прилагательного, рассматривается автором как один из главных стимулов к поиску соответствующих языковых средств в языке перевода.

Ключевые слова: сложносоставные прилагательные, эквивалентность, соответствия, выразительность, образность, мотивированность.

Summary. The achievement of equivalence is particularly problematic in translating compound adjectives, where direct translation is in many cases insufficient to convey expressive connotations caused by transferred figurative meanings embedded in their morphemic structure. The relevance of the study is due to the need to specify some peculiarities of translation because of the diversity of semantic relations, on which the conjoining of compound words is based. The aim of the research is to reveal certain factors influencing choice of translation techniques dependent on types of correspondence between compound elements of lexical systems in source language and target language.

Key words: compound adjectives, equivalence, correspondence, expressive connotation, figurative meaning.

Переводческий процесс, как элемент межкультурного общения, требует создания условий для максимально адекватной коммуникации, реализация которой во многом зависит от понимания лексико-семантических особенностей языка оригинала и перевода. В системе морфологических ресурсов английского и русского языков (АЯ и РЯ) особое место отводится имени прилагательному как части речи, в семантике которого доминирует понятие качественного признака, определяющего предметное наименование. Актуальным в связи с этим является обращение к языковым единицам, которые не только бы называли предмет и его

признак, но и обладали бы оценочным, эмоционально-экспрессивным зарядом, а именно, к парадигме сложносоставных прилагательных (как объекту проводимого исследования), образованных путем соединения в одно целое нескольких основ, занимающих промежуточное положение между морфологическими и синтаксическими способами образования частей речи. Обратимся к примерам: *many-faceted image* – многоликий образ; *on-budget expenditure* – бюджетные расходы; *the-better-than-anticipated results* – показатели выше запланированных; *sweet-scented flower* – душистый цветок; *soul-stirring music* – волнующая душу музыка; *seen-it-all customer* – осведомленный клиент. Однако широкая гамма оттенков признака обнаруживает разную активность в моделях производства сложносоставных прилагательных. Сравним: *eco-friendly*, *easy-going*, *outgoing*, *face-to-face*, *watered-down*, *self-possessed*, *multinational*, *eye-catching*, *in-flight*; сногшибательный, кроваво-красный, разудалый, наитруднейший, повседневный, морозостойкий, высокооплачиваемый, сердобольный, свежесжатый.

С одной стороны, в обоих языках в именных названиях наблюдается система сложносоставных прилагательных, основным предназначением которых является конкретизация предметного значения; с другой стороны, очевидными являются различные выразительные возможности передаваемых оценочных значений. Можно предположить, таким образом, о наличии некой универсальности содержательных аспектов языков, их семантического пространства, специфика которого проявляется в способности языка соответствующим образом отражать смысловой потенциал, ассоциируемый с определенными формами проявления. Другими словами, данное понятийное содержание актуализируется через ту или иную языковую модель, основанную на соответствующих способах выражения инвариантного значения (здесь: признака) в морфологической, лексической парадигматике, а также дистрибутивной синтагматике.

Анализ ряда английских сложносоставных прилагательных с точки зрения поиска переводческих соответствий показывает, что далеко не все значения, воплощенные в эту словообразовательную форму, являются адекватно выраженными в русском языке: *dead-end job* – бесперспективная работа, *sure-fire solution* – стопроцентное решение, *thought-provoking reading* – чтение, дающее пищу для размышления, *ever-lasting laws* – вечные законы, *split-second decision* – мгновенное решение, *low-key affair* – бессмысленное дело, *hard-core football supporter* – закоренелый футбольный болельщик. Данные примеры подтверждают гипотезу, выдвигаемую в статье: понятия, передаваемые в АЯ средствами словообразовательной морфологии, в РЯ выходят в область синтаксиса словосочетания; отсутствие или недостаточность парадигматического выражения какого-то значения не исключает возможности его передачи другими способами, в зависимости от структурного своеобразия языка. Несмотря на очевидность вариативной выразительности анализируемых английских прилагательных,

возникает вопрос, который и определяет круг поставленных в исследовании задач: насколько возможна точность передачи их смысловой, экспрессивной наполненности при переводе на русский язык при наличии признаков, определяющих их морфологическую, словообразовательную и мотивационную структуру. Неоднозначность семантической трактовки, состоящей из нескольких корневых основ словесной структуры, требует реализации исследовательской цели, направленной на более детальное рассмотрение в языке оригинала факторов (морфологической, лексической парадигматики и дистрибутивной синтагматики), влияющих на оценочную выразительности для выработки адекватной переводческой стратегии. Недостаточное освещение таких проблем в разделе словообразования английской грамматики обусловило обращение к работам исследователей русского языка наряду с анализом теоретических источников по переводоведению, что позволило создать определенную методологическую основу исследования: Е. А. Земская [4], Е. С. Кубрякова [5], Н. М. Улуханов [8], Л. А. Араева [2]; А. Д. Швейцер [9], Ю. П. Солодуб [7], Е. В. Бреус [3], В. В. Алимов [1], Р. К. Миньяр-Белоручев [6].

Сравнительный анализ морфемного состава прилагательных позволяет выявить как изоморфные, так и алломорфные признаки их структурирования в обоих языках, обращая внимание на возможность транспозиции на синтаксическом уровне. Например, полный и частичный изоморфизм наблюдается с корневыми морфемами (наречие+причастие прошедшее, прилагательное+причастие прошедшее/настоящее, существительное+причастие настоящее/прошедшее: well-educated, specially-built, broad-brimmed, short-breathed, evil-smelling, sharp-cutting, labour-consuming, plum-coloured: хорошообразованный, специально построенный, широкополый, тяжело дышащий, зловонный, острорежущий, трудоемкий, сливового цвета), а также с усеченной и полной корневой морфемой (multi / over / self / all / eco / above: multinational, over-land, self-assured, all-consuming, eco-friendly, above-ground: многонациональный, сухопутный, самоуверенный, всепоглощающий, экологически чистый, неземной) – и фразеологизированной корневой морфемой (на основе свободно связанного словосочетания: award-winning, off-high-ways, bad-fitting: отмеченный наградой, вне дорожный, плохо сидящий). Алломорфизм выявляется на парадигматическом и синтагматическом уровне при наличии добавочного смысла, который накладывается на уже выраженное денотативное и сигнификативное содержание (наибольшая частотность отмечается в случае фразеологизированной корневой морфемой на основе устойчивого словосочетания): happy-go-lucky, leading-edge, drip-cry, expense-accounted, out-of-town, hard-mouthed: беспечный, прогрессивный, быстросохнувший, требующий больших затрат, приезжий, крикливый.

Анализ конституирующих единиц английских сложносоставных прилагательных показывает, что их морфемы воспринимаются как

отдельные языковые единицы, однако их речевая значимость выявляется только на уровне членимого единства, каковым является само прилагательное. Другими словами, каждая из морфем в порядке следования создает определенную контекстуальную микросферу, что оказывает влияние на переосмысление морфем в структуре слова, точнее, в его словообразовательной модели в зависимости от степени мотивированности внутренней формы прилагательного и связанности с лексическим значением. Именно данный фактор оказывает существенное воздействие на поиск соответствий для достижения адекватности перевода. И поэтому наблюдаемые закономерности касаются не только структурирования словоформы, но и компонентного состава лексического значения, выявляемого через процедуру семного анализа, осуществляемого на основе сигнификативно-денотативного содержания с привлечением коннотативного компонента. Проблема семантической трактовки сложносоставного прилагательного, необходимой для принятия переводческого решения, осложняется тем, что его семантика связана с одновременной актуализацией ряда значений, приводящей к целостному переосмыслению всей внутренней формы. Понятийно-сигнификативный компонент, отражающий сформированные в сознании представления об определенном круге денотатов, дает возможность выделить предметно-вещественную денотативную направленность лексического значения как признаковость, которая называет: материальный состав (*sugar-free*), структурные характеристики (*metal-rimmed*), узко специфические черты (*cost-effective*), постоянные признаки (*computer-aided*), физическое состояние (*sweet-scented*), психо-эмоциональное состояние (*panic-stricken*), физические внешние черты (*good-looking*), поведенческие характеристики (*law-abiding*), воздействующий эффект (*mind-boggling*), признак по ассоциации (*cat-like*) и т.д. Выполняя номинативную функцию, прилагательное называет признаки предмета, которые характеризуются через коннотативную функцию, передающую его эмоционально-оценочные возможности, основанные на степени экспрессивной выразительности. Анализ языкового материала показывает, что невозможность точной передачи экспрессивной наполненности английских прилагательных делает их лексические соответствия в РЯ менее выразительными в коннотативном отношении. Отметим, например, возможные коннотативные потери в корневых морфемах *brand*, *cost*, *ground*, *edge*, *fledged* в таких словах, как *brand-new* (совершенно новый), *cost-effective* (прибыльный), *ground-breaking* (революционный), *leading-edge* (прогрессивный), *fully-fledged* (полноценный).

Поиск языковых средств в РЯ, способных к реализации эмоциональности и оценочности, приводит к системе нейтральных словесных единиц с прямым номинативным значением и к экспрессивно-стилистическим синонимам с номинативно-коннотативным значением. Кроме того, признак предмета обозначается с определенной устойчивой

позитивной/негативной оценкой, связанной с соответствующей эмоциональной тональностью: *least-worst* (непредсказуемый), *pamby-pamby* (жеманный), *smooth-talking* (сладкоречивый), *two-bit* (мелочный), *tender-hearted* (сердечный), *off-the-shelf* (ширпотреб). Значительно чаще коннотация создается образными средствами, т.е. вторичной образностью, с переносными вторичными значениями с совмещением вторичной номинативной функции. Коннотативный компонент в таких случаях характеризуется образной мотивированностью, созданной в результате семантической трансформации первичного значения через метафоризацию, расширение, сужение, олицетворение, гипербололизацию, сравнение: *hard-hitting* (труднодостижимый), *weather-resistant* (погодоустойчивый), *high-earning* (высокооплачиваемый), *cheese-paring* (скупой), *ill-omened* (предвещающий беду), *tounge-tied* (косноязычный). Далее следует отметить, что семантическая трансформация исходного значения приводит к различной степени широты лексико-семантической валентности слова. Наблюдения выявили вариативность сочетаемости со словами одной или нескольких лексико-семантических групп (*wide-spread* – широкораспространенный / *trend, idea, policy*; *long-awaited* – долгожданный / *visit, event, journey*) и ограниченную валентность, обусловленную фразеологически связанном значении, реализуемом в узком микроконтексте (*swollen-headed* – тщеславный / *person*; *all-wool* – чисто шерстяной / *fabric*; *overtime* – сверхурочный / *work*).

Представленный исследовательский материал приводит к выводу о том, что морфемная, словообразовательная и мотивационная структура составных прилагательных определяет ряд специфических признаков, влияющих на поиск переводческих соответствий, среди которых выделяем характер переосмысления составляющих морфем, модификации значения производящей основы, тесно связанной с мотивированностью, под чем подразумевается взаимосвязь производящего и производного через осмысление соответствующего значения, словообразовательного концепта, складывающегося из денотативно-сигнификативного и экспрессивно-оценочного компонентов. Выработывая определенную переводческую стратегию, необходимо принимать во внимание тезис, что слово переводится как единое семантическое целое с учетом роли каждого конституента. Поэтому словоформу для перевода следует рассматривать как элемент парадигмы в пределах ее семантического функционирования, сфера которой характеризуется следующими признаками: наличие определенной языковой модели выражения признака предметного качества через морфо-лексические и дистрибутивные ресурсы языка; допустимость межуровневой транспозиции во избежание недостаточности парадигматического выражения; мотивированность производящей основы, степень изобразительной выразительности сложносоставных прилагательных при передаче денотативно-коннотативного содержания; функционально-стилевая закреплённость в зависимости от лексико-семантической валентности слова.

Список использованных источников

1. Алимов В. В. Теория перевода. М.: КомКнига, 2009. 160 с.
2. Араева Л. А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования // Лингвистика как форма жизни. 2002. С.4–24.
3. Бреус Е. В. Курс перевода с английского языка на русский: учебное пособие. М.: Р.Валент, 2007. 320 с.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 119 с.
6. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.
7. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода. М.: ИЦ «Академия», 2005. 304 с.
8. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: ИЦ «Азбуковник», 2005. 314 с.
9. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

УДК 811.12

**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИДИОСТИЛИЯ АВТОРА ПРИ
ПЕРЕВОДЕ СЕРИЙ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ
МАЙКЛА КОНЕЛЛИ**

Н. П. Козел,

*старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема сохранения авторского стиля при переводе серии детективных произведений, связанных общим сюжетом и наличием общих действующих лиц. Цель предлагаемых стратегий – стремление донести до читателя оригинальный замысел в исходном виде, без ощущения вмешательства личности переводчика, а также необходимость избежать двусмысленности, искажений, недосказанности либо излишней трансформации текста.

Ключевые слова: переводческая трансформации, детективный роман, судебный дискурс.

Summary. This article analyses the problem of maintaining the author's style while translating a series of detective novels mixed up by general storyline and existence of the same characters. The aim of the proposed strategies is the desire to convey to the reader the original plot in its initial form, without influence of translator's personality participation, as well as the necessity to avoid ambiguity, distortion, understatement or excessive transformation of the text.

Key words: translation transformations, detective novel, judicial discourse.

Общение в суде, наполненные большим количеством разнообразной терминологии, по ряду причин являются неотъемлемой частью современной общественной жизни. Теме перевода судебной документации и судопроизводства посвящено много исследований, но функционирование юридической лексики в художественной литературе – тема относительно новая, это придает нашей работе актуальность. Целям обеспечения судебной коммуникации служит судебный дискурс, являясь по определению Т.В. Дубровской, «вербально—знаковым выражением процесса коммуникации в ходе судебного процесса» [1, 16].

Известный американский писатель Майкл Конелли, в прошлом криминальный репортер, в своих произведениях очень точно и детально описывает судебные процессы, давая читателю представление об особенностях судебной системы США. От прочтения некоторых его романов остается ощущение личного присутствия в зале суда, на месте совершения преступления, ощущение причастности к осуществлению правосудия.

К настоящему моменту вышли и переведены на русский язык пять романов Конелли о Микки Холлере, талантливом и успешном адвокате: «Линкольн для адвоката» («The Lincoln Lawyer», 2005), «Пуля для адвоката» («The Brass Verdict», 2008), «Ловушка для адвоката» («The Reversal», 2011), «Пятый свидетель» («The Fifth Witness», 2011) и «Револьвер для адвоката» («The Gods of Guilt», 2013). Интересно отметить, что переводились все эти романы разными людьми, четверьмя мужчинами и одной женщиной, а публиковались в одном месте – в издательстве АТС, что, по-видимому, объясняет стремление закрепить успех первого романа, созданием серии «все-подряд-для-адвоката», жертвуя оригинальными названиями ради коммерческих целей. К примеру, в романе «The Gods of Guilt» («Револьвер для адвоката» в переводе Е. Абаевой, 2015) многократно упоминается именно прямое значение «боги вины», подразумевая коллегия присяжных. Обратившись к тексту оригинала, читаем:

«Your father always called the jurors the ‘gods of guilt’. You remember that? »

«Yep. Because they decide guilty or not guilty. What’s your point? Legal?»

«The point is that there are plenty of people out there judging us every day of our lives and for every move we make. The gods of guilt are many. You don’t need to add to them. »

Legal looked confused by my response. He didn’t recognize the names. I, of course, would never forget them.

“The mother and daughter Gallagher killed. They’re my gods of guilt”. [5]

В переводе авторская идея сохранена:

– Твой отец всегда называл присяжных «богами вины». Помнишь?

– Ну да. Они ведь решают, виновен или нет. К чему ты клонишь, Зак?

– К тому, что куча народа судит нас каждый день, за каждый наш шаг. Богов вины предостаточно. Не стоит увеличивать их количество.

– Сэнди Паттерсон и ее дочь Кэти, – не смог удержаться я. Похоже, Зака мой ответ сбил с толку, он не вспомнил имена. А вот я их никогда не забуду.

– Мать и дочь, которых убил Галлаэр. Вот мои боги вины [3].

К чести издателей стоит отметить, что в последнее время в онлайн-версиях заголовки романов «Пуля для адвоката», «Ловушка для адвоката», «Револьвер для адвоката» приводятся в двух вариантах, с добавлением в скобках или через слеш названий «Свинцовый вердикт», «Аннулирование» и «Боги вины», соответственно. В процитированном фрагменте перевода вызывает вопрос решение переводчика заменить уважительное прозвище пожилого адвоката «Legal», указывающее на его принадлежность к профессии и жизненное кредо, на нейтральное имя «Зак», часто заменяемое в тексте на полную версию «Законник». По нашему мнению, перевод не передает авторский замысел, хотя переводчик успешно справлялся с другими подобными задачами, например: «Bumper Car Bandit» – «Бандит– стукни–по– бамперу», «Mr. Lucky» – «Мистер Везунчик». Одна из частей романа носит «говорящее» название «Glory Days», переданное транслитерацией – «Глори Дейз», поскольку читатель должен воспринять его как псевдоним одного из персонажей, а не какие-то непонятные «дни славы». Имена остальных персонажей передаются транслитерацией: Kristina Medina – Кристина Медина; либо транскрипцией: Mickey Haller – Микки Холлер, Hayley – Хейли, Claire Welton – Клэр Уэлтон, Leonard Watts – Леонард Уоттс, Michael Siebecker – Майкл Сибеккер, Sean Gallagher – Шон Галлаэр, Katie Patterson – Кэти Паттерсон, Cisco Woiciechowski – Сиско Войцеховский; а также традиционным соответствием: Hector Arrande Moya – Гектор Арранде Мойя, Andre La Crosse – Андре Лакосс; Giselle Dallinger – Жизель Деллинджер. В романе также встречаются прецедентные имена: Mickey Mouse – Микки Маус и Скорсезе.

Отдельный интерес при переводе романа состоял в расшифровке множества разных аббревиатур, с чем, на наш взгляд, переводчик успешно справился. Рассмотрим пример вкрапления аббревиатуры в предложение: «**Every time the DA filed a multi-defendant case, the PD could take on only one defendant, putting all others in conflict.**» [5] – «Каждый раз, когда окружной прокурор регистрировал дело с несколькими ответчиками, государственный защитник мог взять только одного, а остальные оказывались в зоне конфликта интересов» [3]. Очевидно, что DA – многозначное сокращение – в данном случае подразумевает District Attorney, а PD – **Public Defender**. Во фразе: «Call me ASAP – 187» зашифровано сообщение: «**Call me as soon as possible. Murder.**» – «Срочно позвони мне. Убийство». Использована инициальная общеупотребительная аббревиатура и числовой код из Уголовного кодекса Калифорнии. Другой случай комбинированного сокращения: LAPD West Bureau Homicide – Департамент полиции Лос-Анджелеса Западный отдел по расследованию убийств. Для перевода таких сокращений, как правило, необходимы отраслевые словари и фоновые знания. В первом романе из серии о Микки Холлере «Линкольн для

адвоката» встречаются и более узкие однозначные сокращения: «The cops booked him for ag-assault, GBI and attempted rape for starters.» [4] – «Пока что копы вменяют ему нападение при отягчающих обстоятельствах, нанесение тяжких телесных повреждений и попытку изнасилования» [2]. В «Револьвере» есть авторские сокращения, придуманные специально для этого романа: ППД – предприговорный доклад, ЗПП – Заранее Провести Переговоры и ЗПС – Заранее Подготовиться к Суду; УОА – years of age – переданные как «взр.» - возраст [3].

Говоря о терминосистеме судебного дискурса в проекции перевода, необходимо отметить, что в детективах М. Конелли представлены почти все ее элементы: наименования правовых документов, обозначения участников судебного процесса, должностей, названия судов, деяний, подчиненных и вышестоящих организаций, названия пенитарных учреждений, типы правовых отношений, термины из прикладных юридических наук: судебной медицины, психиатрической экспертизы; криминологической, криминалистической экспертиз; экспертизы денежных знаков; искусствоведческая экспертиза и т.д. Очевидно, что для обеспечения качественного перевода судебной составляющей художественного текста необходимы глубокие знания отраслевой терминологии и широкие фоновые знания. Для перевода лексических единиц, не имеющих аналога в русском языке, подходит описательный перевод. Например, в предложении «This information was passed to the sheriff's drug squad, which arranged for an unmarked helicopter to fly over the ranch with a thermal imaging camera» [4] – «Информацию передали оперативной группе по борьбе с наркотиками при ведомстве шерифа, которая организовала облет ранчо на вертолете – без полицейских опознавательных знаков, зато с инфракрасной камерой ночного видения» [3]. В данном случае перевод термина «drug squad» производится с помощью описания: «оперативный отдел по борьбе с наркотиками». Выражение «murder book» также не имеет эквивалента в русском языке и переводится описательным способом: «папка с материалами по делу об убийстве», еще пример – «background investigation» – «изучение прошлого жертвы». «The conflict app» – «наша база»; специальная компьютерная программа, позволяющая за секунды определять, не проходил ли потенциальный подзащитный как свидетель, жертва или клиент в предыдущих делах» [3].

Поскольку Микки Холлер постоянно прибегает к использованию экспрессивно-выразительных средств, таких как метафора, повтор, анафора, эпитет, ирония, градация, инверсия, перевод некоторых его фраз требует времени на размышление. На наш взгляд, переводчику не стоит увлекаться излишней «адаптацией» текста в расчете на русскоязычного реципиента, используя слишком часто сленговые и просторечные выражения, там, где у автора сохраняется нейтральный оттенок. Многочисленные фразы типа: «крутились деньги», «у клиента водятся деньжата», «отобьешь год работы», «пытаться скостить срок», «мне нужны бабки, чтобы удержаться на плаву»,

«устроил разборку», «его стандартный прикид», «малость прищучил», «держат хвост пистолетом», «дело верняк» [3], особенно в тех случаях, когда автор выражает эти идеи более нейтральной лексикой, создает ощущение «русификации» романа. Не следует забывать главное правило переводчика: каждый читатель имеет право прочитать книгу в том виде, какой ее задумал автор, тем более такой, как М. Конелли.

Список использованной литературы

1. Дубровская Т.В., Судебный дискурс: речевое поведение судьи. М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
2. Коннелии М. Линкольн для адвоката. М.: Изд-во АТС, 2009. 448 с.
3. Коннелии М. Револьвер для адвоката. М.: Изд-во АТС, 2015. 384 с.
4. Konnelly M.. The Lincoln Lawyer. New York: Grand Central Publishing, 2005.
5. Konnelly M. The Gods of Guilt. Orion Kindle Edition, 2013.

УДК 821.111

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ МАГИЧЕСКОГО И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Р.РИГГЗА «ДОМ СТРАННЫХ ДЕТЕЙ»)

В. Г. Корончик

*старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики
обучения, Гуманитарно-педагогический институт,
Севастопольский государственный университет,
Севастополь*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу лексических средств, которые используют авторы направления магический реализм для описания ирреального мира. В статье анализируется произведение американского писателя Ренсома Риггза «Дом странных детей» и его перевод, выполненный Еленой Боровой. Результаты анализа показали, что в переводе сохраняется концепция и фактуальная информация оригинала.

Ключевые слова: магический реализм, ирреальный мир, лексические средства, странный.

Summary. The article is devoted to the analysis of the lexical means which are used by the authors of the magical realism to describe an unreal world. The article analyzes «Miss Peregrine's Home for Peculiar Children» written by an American writer Ransom Riggs and its translation done by E. Borovaya. The results of the analysis prove that the translator renders the author's conceptual idea and factual information of the original.

Key words: magical realism, unreal world, lexical means, peculiar.

Магическое и ирреальное всегда привлекало внимание людей, поэтому авторы стараются привнести что-то сверхъестественное, необычное и волшебное в свои произведения. Так появились такие литературные направления, как фантастика и фэнтези. Однако в начале XX века англоязычные писатели решили перешагнуть и эту грань, и магическое в их произведениях стало частью реального мира и наоборот.

Таким образом появился новый термин «*магический реализм*». Первоначально его применяли для описания нового, неореалистического стиля в немецкой живописи, а позднее к ряду произведений литературы Латинской Америки. В настоящее время *магический реализм* является одним из самых важных современных направлений в мировой художественной литературе.

Характерными чертами магического реализма являются:

- 1) Наличие двойной реальности (двух миров): первичной и скрытой. Причем эти два мира переплетаются настолько тесно, что происходит сосуществование и взаимопроникновение реального и ирреального.
- 2) Искажение пространства и времени, которое может проявляться, например, через мотив сна, однако в произведении показывается реальностью.
- 3) Мотивы магического в тексте объясняются способностью автора и героя увидеть реальность под определенным углом [6, с. 230].

Как уже было сказано выше, произведения магического реализма предполагают наличие двух миров: реального и ирреального. Для того, чтобы читатель почувствовал разницу между этими мирами, авторы используют разнообразные лексические средства. В данной статье мы рассмотрим лексические средства, которые используются в романе Ренсома Риггза «Дом странных детей» («*Miss Peregrine's Home for Peculiar Children*» by Ransom Riggs) для обозначения ирреального мира. Выбор этого произведения определяется тем, что в нем ярко выражены характерные черты магического реализма.

Начнем с названия романа, в котором употребляется слово *peculiar* (словарное значение – «особенный, наделенный особыми свойствами» [2, с. 634]). Переводчик романа «*Miss Peregrine's Home for Peculiar Children*» Елена Боровая предлагает нам свой вариант перевода слова *peculiar* – «странный», что создает особое ощущение магического. В словарях С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова приводится следующее значение словарной единицы «странный»: «необычный, непонятный, вызывающий недоумение, трудно объяснимый». Взяв именно такой эквивалент перевода, переводчик как бы расширил это понятие. Герои этой книги – дети, которые не просто «странные», т.е. не похожие на всех остальных. Они обладают сверхъестественными способностями, поэтому являются «особенными». Слово *peculiar* используется автором и в качестве существительного, которым он называет героев-детей, а также для описания обстановки, например «*peculiar spirit*», что переводится Е. Боровой как «странный дух».

Анализируя оригинал, мы выделили две группы лексических единиц:

- 1) Лексические единицы, обозначающие персонажей книги. Данную группу мы разделили на две подгруппы: положительные и отрицательные персонажи.
- 2) Лексические единицы для обозначения предметов и явлений.

В подгруппу положительных персонажей мы отнесли лексические единицы, которые использует автор для обозначения детей. Это *resulgar* и *magical*. В анализируемом переводе использован вариант «странный», что показывает, что эти персонажи не похожи на нас, что они обладают необычными, сверхъестественными способностями, которые вызывают недоумение, и их трудно объяснить. Кроме того, в эту группу входят имена персонажей-учителей, которые охраняли и защищали детей от злых сил. Стоит отметить, что все имена учителей являются названиями птиц, так как у этих персонажей есть способность превращаться в птиц для того, чтобы преодолеть временной барьер. Мы проанализировали лексические единицы, которые использовал переводчик, и перечень значений слов, которые предлагаются в словаре. В некоторых случаях вариант перевода, который использует переводчик, не совпадает с тем, что приводится в словаре. Например, *Miss Gannett* – мисс Чайка (словарное значение – «баклан») и *Miss Nightjar* – мисс Иволга (в словаре – «козодой»). Вариант, который предлагает переводчик, не нарушает идею автора о том, что учителя в книге являются особами женского пола. В ряде случаев перевод Е. Боровой не совпадает со словарным значением слов. Например, *Miss Avocet* – мисс Зарянка (словарный перевод «шилоклювка»), а *Miss Treecreeper* – мисс Синица («ложнопищуха»). Выбор переводчика можно объяснить желанием сохранить благозвучие. Анализ также показал, что перевод имени одной из главных героинь точно совпадает со словарным переводом (*Miss Peregrine* – мисс Сапсан), что объясняется наличием описания этой героини в книге. «...a woman smoking a pipe, ...curved and drooping from her lips» («женщина, курящая изогнутую трубку»). Изогнутая трубка по форме напоминает клюв этой хищной птицы. Кроме того, мисс Сапсан одна из немногих смогла защитить свой маленький мирок странных детей от нападений чудовищ. Переводчик использует словарный перевод и не пытается подобрать какие-либо более благозвучные слова женского рода, показывая характер и внешность этой героини. Автор также использует для обозначения учителей авторское новообразование – *Ymbrines*, что в переводе дается как «имбрины». *Ymbrines* является англосаксонским словом, образованным от слов *ymb* – «время» и *ryne* – «цикл», и означает «те, кто может манипулировать временем» [4, с.429].

Группа отрицательных персонажей представлена словами *monster* (в переводе «чудовище»), *wight* («тварь») и «*hollows*» («пустоты»). Слово *wight* имеет значение «тварь, создание». Однако переводчик ассоциирует его со словом «чудовище». Лексическая единица «*hollows*» в оригинальном тексте и переводе приводится всегда во множественном числе, что создает ощущение у читателя, что этих персонажей немало. Кроме того, в переводе сохраняется словарное значение слова «*hollows*». Характерной чертой данных героев является пустота, они не содержат в своем теле ничего, и для

того, чтобы существовать, им необходимо наполнять свое тело положительными персонажами.

Во вторую группу входят лексические единицы, называющие предметы и явления, связанные с местом пребывания детей и их описанием. Подчеркивая странность этих детей, автор использует следующие словосочетания: «fantastic places» («фантастические места»), «fairy boy» («зачарованный мальчик»), «strange clothes» («странная одежда»), «weird haircuts» («странные прически»). В романе можно проследить большой синонимический ряд прилагательных, описывающих необычные сверхъестественные вещи: ridiculous, awkward, awesome, imaginary. Словарное значение слова «ridiculous» – «смешной», «awkward» – «неловкий», «awesome» – «внушающий страх», «imaginary» – «воображаемый». Для перевода всех этих слов Е. Боровая использует слово «странный», тем самым подчеркивая необычность этого ирреального мира.

Таким образом, анализ лексических средств, которые используются автором для описания ирреального мира в оригинале и переводе позволяет сделать вывод о том, что в целом в переводе сохраняется концепция и фактуальная информация оригинала.

Список использованных источников

1. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (феномен и некоторые пути его осмысления)». Доклады Научного центра славяно-германских исследований (2). М., 1988. 118 с.
2. Мюллер В. Англо-русский словарь. М.: РГГУ, 1977. 888 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л. И. Скворцов. М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. 1376 с.
4. Риггз Р. Дом странных детей / пер. с англ. Елены Боровой. Белгород: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2015. 432 с.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: Около 100 000 слов. М.: Аделант, 2013. 800 с.
6. Шаршун С. И. Магический реализм / под ред. Оцупа Н. А. // Числа. - Париж. - 1932. - № 6. С. 229–231.
7. Riggs R. Miss Peregrine's Home for Peculiar Children. Philadelphia: Quirk Books, 2011. 352 p.

УДК 81

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ГАЗЕТНОГО
ЗАГОЛОВКА НА ПРИМЕРЕ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ****Ю. В. Костюченко,**

студент первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается проблема интерпретации газетных заголовков, разработанных на основе преимущественно предписывающих прагматических указаний или норм. Целью исследования является выявление специфических черт современных заголовков публицистических текстов на примере франкоязычной прессы. Основные рассмотренные вопросы касаются соотношения «соответствующих заголовков» с точки зрения писателя с «эффективными заголовками» с точки зрения читателя, а также восприятия и интерпретации заголовков читателями газеты.

Ключевые слова: заголовок, пресса, газета, информация, читатель, восприятие, значимость.

Summary. This paper addresses the issue of newspaper-headline interpretation on the basis of largely prescriptive pragmatic guidelines or norms. The aim of this research is to investigate the specific features of modern newspaper's headlines in journalistic genre. The main questions examined is how to converge «appropriate headlines» from the writer's perspective with «effective headlines» from the reader's perspective, the perception and interpretation of the headlines by the readers of the newspaper.

Key words: headline, press, newspaper, information, reader, perception, relevance.

В публицистике заголовок является важным элементом дискурса, с которого начинается ознакомление читателя с публикацией. Это означает, что он должен выполнять две основные функции:

- 1) резюмировать информацию;
- 2) привлекать внимание читателя к публикации.

Однако каким бы существенным не казался заголовок, резюмирующая функция заголовков сомнительна, так как они не всегда точно передают информацию, содержащуюся в статье [2; 3]. Некоторые исследователи также утверждают, что заголовки не улучшают восприятие материала читателем и не вмещают важную информацию. В подобных ситуациях видно, что заголовки выступают в качестве элементов

публицистического дискурса, которые могут исказить читательское восприятие. Основными недостатками таких заголовков выступают: направление внимания читателя к определённым аспектам истории, необъективное, но интригующее освещение материала, а также прагматичное упрощение публикации, скрывающее актуальную информацию. Именно в результате недостаточного или чрезмерного раскрытия информации, в газетном заголовке искажаются новости и предыдущие знания читателей. Следовательно, сложные читательские стратегии играют важную роль в понимании заложенной информации [5, с. 101–102], [2, с. 715].

Если заголовок не имеет информативной ценности по отношению к публикации, то на передний план выходит функция привлечения внимания. На данный момент не существует единого мнения, каким образом определенные характеристики влияют на читателя. Мастерство создания заголовков основывается на определенных рекомендациях для авторов публицистических текстов. Среди них: использование простых и понятных слов, избегание употребления вспомогательных глаголов, отсутствие артиклей, упор на глаголы и отсутствие авторского мнения. Данный перечень конкретных правил указывает на механический, ограничительный и иногда неумолимый подход к построению заголовков. Вопрос о том, совпадает ли взгляд читателей на «эффективные» заголовки и читательские привычки с концепцией дизайна заголовков некоторых газет, также остается открытым.

Лингвистами также были предприняты попытки выделить особенности создания «правильных» заголовков, основываясь на профессиональную интуицию. Д. Дор выделяет следующие важные свойства эффективного заголовка [4, с. 708–716]:

1. максимальная краткость;
2. ясность, понятность и однозначность;
3. привлекательность;
4. содержание новой информации;
5. отсутствие информации, неизвестной читателям;
6. включение имен и понятий с высокой «новостной ценностью» для читателей;
7. отсутствие имен и понятий с низкой «новостной ценностью» для читателей;
8. связь истории с ранее известными фактами и событиями;
9. соотнесение истории с предыдущими ожиданиями и предположениями;
10. оформление публикации.

Возникает ряд вопросов при использовании подобных рекомендаций. Есть ли одно общее свойство? Свойство (3) кажется достаточно общим и центральным в связи с тем, что остальные свойства либо раскрывают его, например, (4) и (6), либо должны быть нарушены, чтобы сохранить его,

например, (2) и (5). Необходимо ли создавать заголовки таким образом, чтобы они соответствовали всем свойствам? Если нет, то существует ли иерархия с точки зрения определения приоритетов предлагаемых свойств? Например, считаются ли краткость (1) и ясность (2) более важными, чем привлекательность (3) и соотнесение истории с предыдущими предположениями или ожиданиями (9)? Если да, то есть ли эмпирические доказательства со стороны читателя в защиту такой иерархии?

Если предположить, что свойство (3) главное, а остальные направлены на его достижение, можно сделать следующее заключение. Интересные заголовки могут быть таковыми благодаря новой информации, однако зачастую семантически неформлены, потому передача информации невозможна из-за расплывчатых понятий или из-за осознанной синтаксической или лексической неоднозначности.

Например:

1) *Espionnage chez Ikea: le parquet de Versailles demande un procès contre l'enseigne*

2) *Trump ouvert à des pourparlers avec Pyongyang, Séoul prêt à un sommet*

3) *Tout l'argent du monde : Wahlberg payé 1500 fois plus que Williams, scandale à Hollywood*

4) *Deux ONG portent plainte contre Samsung pour pratiques trompeuses*

Заголовок может быть интересным вне зависимости от длины (свойство (1)), или передаваемой информации (свойства (4)–(8)). Цитирующие заголовки могут пренебречь краткостью ради специфической информации, в то время как вопросительные заголовки обращаются к проблеме, не приводя новую информацию или не содержа имен или понятий с высокой новостной ценностью.

Например:

1) *Trois raisons de lire Et moi je vis toujours..., le livre posthume de Jean d'Ormesson*

2) *Ces biens immobiliers qui valent de plus en plus cher... et ceux qui ne valent plus grand-chose*

3) *Charles Jaigu : «Musulmans de France, encore un effort!»*

4) *Éric Zemmour : «Trappes la communautariste ou Martine en banlieue»*

5) *Lactalis : comment se déroule la procédure de rappel ?*

6) *Limitation à 80 km/h : comment contester son PV?*

7) *Une maison bio en algue, paille et herbe recyclés, ça vous tente ?*

Более того, большое количество утвердительных заголовков могут быть интригующими, нарушая вышеупомянутые свойства (1-10). Они могут содержать семантически неопределенную информацию, будучи расплывчатыми и неясными в разной степени, вследствие чего может возникнуть неопределенное количество толкований из-за недостаточного количества заложенной информации.

Авторы заголовков часто нарушают свойство (2) «ясность, понятность и однозначность», создавая запоминающиеся заголовки, преднамеренно прибегая к неоднозначности, следовательно, снижая ясность высказывания.

Например:

1) *Collectif #MeToo : Catherine Deneuve lynchée sur les réseaux sociaux*

2) *La «gent(e)» féminine : ne faites plus la faute !*

3) *Christophe Castaner, un «narvalo(w)»... Mais d'où vient ce mot ?*

Объем предполагаемой информации, которую могут получить отдельные читатели, может варьироваться, но даже в случае ограниченной информации или в случае отсутствия предполагаемой информации, заголовки могут быть привлекающими внимание или интригующими по ряду причин. Свойства (1) «краткость», и (6) «включение имен и понятий с высокой «новостной ценностью» для читателей», также не являются ни необходимыми, ни достаточными условиями для интересных заголовков. Тем не менее, длинные заголовки могут заинтересовать из-за поднятой темы, в то время как имена и понятия с «новостной ценностью» подойдут ограниченному кругу читателей.

Например:

1) *Peaky Blinders versus "cool kids", les looks des hommes à la Fashion Week de Florence*

2) *Rachel Vanier, 29 ans, à la tête de la communication de Station F et romancière*

3) *Guy Savoy, à point et à vif*

Вышеприведенные наблюдения свидетельствуют о том, что заголовки, построенные на подобных рекомендациях, могут противоречить самим себе (например, наблюдается коллизия свойств (4) и (8), несоответствие свойств (5) и (8)) или быть малоэффективными при восприятии читателем. Как отмечает Д. Дор, сами редакторы слабо представляют «правильный» заголовок, но они могут легко выбрать «предпочтительный» заголовок из ряда предложенных [4, с. 710]. Это свидетельствует об ослаблении конкретных норм, принципов или свойств и смещении акцента на привлекательность заголовка для потребителя. Несмотря на утверждение, что «каждое из этих свойств сводится к стратегии, ориентированной на правильное восприятие публикации», исследователь описывает это следующим образом: заголовок может улучшить понимание благодаря минимальным усилиям при восприятии текста (краткость, ясность и однозначность), благодаря предоставлению для читателя правильного контекста (избегание незнакомых пресуппозиций, содержание концептов с высокой «новостной ценностью», связь статьи с ранее известными фактами) [4, с. 716]. Как видно из примеров, тяжело создать заголовок, который бы обладал всеми десятью свойствами. Искусство создания заголовков заключается в их формулировании, отвечающим максимальному количеству вышеперечисленных условий,

обеспечивая тем самым оптимальное соотношение между контекстуальным эффектом и легкостью восприятия.

Однако нельзя с уверенностью утверждать, что указанные свойства способствуют достижению желаемого эффекта на читателя. Возможно, читатели не считают ясные, однозначные или короткие заголовки интересными. Возможно, что легко читаемые заголовки, лишённые «неизвестного элемента» не являются достаточно интригующими. Более того, неясно, как читатели выстраивают «правильный контекст для восприятия» в случае языковых фрагментов вне контекста дискурса. И мало очевидно, каким образом авторы заголовков могут убедиться, что заголовок в достаточной мере представляет публикацию.

Существуют также сомнения относительно роли заголовка в качестве связующего звена между читателем и газетным материалом. В таком случае стоит рассмотреть заголовки как автономные элементы публицистического дискурса, а не зависимые строки публикаций, которых они представляют читателю. Искренне заинтересованные читатели газет перейдут от заголовка к прочтению статьи для детального ознакомления с материалом, но это не всегда возможно. В большинстве случаев заголовки просматриваются для быстрого ознакомления с текущей новостной ситуацией, например, с утра на странице новостного агрегатора в интернете или на витрине газетного киоска. В таком случае они создаются как самостоятельные значимые конструкции и должны толковаться как таковые. «Такие заголовки выразительны сами по себе, в основном понятны еще до прочтения текста» [1, с. 62].

Чтение заголовков в виде автономных текстов может иметь двойкий прагматический эффект. Во-первых, заголовки могут быть «искаженно» истолкованы, так как существует риск неправильного восприятия новости, в случае, если статья будет не полностью прочитана. Во-вторых, заголовки читают не только ради содержащихся в них информации, но и для последующей оценки и обработки статьи. Из чего следует, что после прочтения заинтересовавшего заголовка необходимо уделить внимание и последующему сопроводительному материалу для того, чтобы получить наиболее точную информацию.

Список использованных источников

1. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. К.: Знання, 2004. 387 с.
2. Althaus S. L. Using substitutes for full-text news stories in content analysis: which text is best? / S. L. Althaus, J. A. Edy, P. F. Phalen // *American Journal of Political Science*, 2001. – № 45. Pp. 707–723.
3. Blake A. C. Media-generated Shortcuts: Do Newspaper Headlines Present Another Roadblock for Low-information Rationality? Vol. 12 // *The Harvard International Journal of Press*, 2007. Pp. 24–43.
4. Dor D. On newspaper headlines as relevance optimizers // *Journal of Pragmatics*, 2003. – № 35. Pp. 695–721.

5. Leon J. A. The effects of headlines and summaries on news comprehension and recall // *Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal*, 1997. – № 9. Pp. 85–106.
6. Le Figaro [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <http://www.lefigaro.fr/>. (дата обращения 11.01.2018).

УДК 82.0

**РОМАН ДЖ. ЛИТТЕЛЛА «БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ»: ПРОЦЕСС
ДЕСТРУКЦИИ ГЕРОЯ В ОРИГИНАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

С. А. Кочетова,

доктор филологических наук, профессор,

*Образовательная организация высшего профессионального образования
«Горловский институт иностранных языков», Горловка*

К. А. Кочетова,

студентка II курса магистратуры филологического факультета,

*Образовательная организация высшего профессионального образования
«Горловский институт иностранных языков», Горловка*

Аннотация. Статья посвящена проблемам переложения романа Дж. Литтелла на русский язык. Авторы статьи рассматривают перевод литературного произведения с точки зрения отображения образа главного героя, детализации его портрета и картины происходящих в произведении событий. Целью статьи был анализ удачных и неудавшихся стилистических переложений авторских приемов, передачи авторского стиля и почерка в произведении.

Ключевые слова: перевод, стилистика, образ героя.

Summary. The article is dedicated to problems of translation of J. Littell's novel into Russian. The authors of the article consider the literary work's translation in terms of the main character's representation, the detail of his portrait and the scenes of the events in the novel. The main aim of the article was to analyze the right and failed stylistic transpositions of the author's techniques, the translation of the author's style in the work.

Key words: translation, stylistics, the main character's image.

На сегодняшний день проблемы перевода литературных художественных произведений рассматриваются в целом ряде научных работ известных учёных, что позволяет говорить о сложившихся традициях изучения работы переводчиков в отечественном литературоведении, их упущений и достижений.

Как отмечал известный художник словесного искусства, писатель и блестящий переводчик В. Набоков: «В причудливом мире словесных превращений существует три вида грехов. Первое и самое невинное зло – очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию. Это обычная человеческая слабость – и вполне простительная. Следующий шаг в ад делает переводчик, сознательно пропускающий те слова и абзацы, в

смысл которых он не потрудился вникнуть или же те, что, по его мнению, могут показаться непонятными или неприличными смутно воображаемому читателю. Он не брезгует самым поверхностным значением слова, которое к его услугам предоставляет словарь, или жертвует ученостью ради мнимой точности: он заранее готов знать меньше автора, считая при этом, что знает больше. Третье – и самое большое – зло в цепи грехопадений настигает переводчика, когда он принимается полировать и приглаживать шедевр, гнусно приукрашивая его, подлаживаясь к вкусам и предрассудкам читателей. За это преступление надо подвергать жесточайшим пыткам, как в средние века за плагиат» [4, с. 389].

Одним из примеров «словесных превращений» при переводе произведения на русский язык является роман современного французского писателя Джонатана Литтелла «Благоволительницы». Сюжет романа сосредоточен на истории жизни этнического немца и убежденного нациста. Главным героем произведения является Максимилиан Ауэ, офицер СС, с 1941 по 1945 год прошедший все вехи Второй мировой войны. География его передвижений чрезвычайно обширна, охватывает оккупированные фашистами Украину, Кавказ, Польшу, Германию. Он, будучи нацистским преступником, после краха Третьего Рейха тайно перебрался во Францию, где, спустя несколько десятков лет жизни инкогнито, решает воссоздать в мемуарах события жизни.

В ретроспективном субъективном взгляде персонажа на свою жизнь и ключевые события истории XX века перед читателем постепенно раскрывается истинное лицо персонажа. Под внешностью директора завода кружев и примерного семьянина скрывается бывший нацист, о чем автор сообщает читателю с первых страниц книги. При этом под личиной примерного офицера и преданного сторонника фюрера скрывался глубоко закомплексованный человек с серьезными сексуальными патологиями. После 1943 г., когда в Сталинградской битве Максимилиан Ауэ становится жертвой советской пули, он постепенно теряет рассудок.

Умственное помешательство, вызванное личными переживаниями и тяжелым ранением в голову, приводит к периодическому «отключению» героя от реальности. Его природа все больше дает о себе знать, скрытые им от сослуживцев собственные девиации обнаруживают себя все более, приводя героя все ближе к краю гибели.

Исследователи творчества Джонатана Литтелла традиционно признают степень глубины обработанного исторического материала, представленного в качестве фона событий жизни немецкого офицера СС, детально прописанных исторических реалий. В то же время, активные научные дискуссии вызывают вопросы, связанные с изучением художественного стиля писателя Дж. Литтелла [6]. Так, по мнению исследователей, неровность стиля, в первую очередь, становится очевидной при рассмотрении сравнений и метафор, к которым обращается писатель. Необходимо подчеркнуть, что угловатость стиля оригинального

произведения, созданного на французском языке, отражается и в русском переводе романа. Переводчик усугубил ситуацию, поскольку, как показало исследование, при переводе художественного произведения на русский язык он перевёл текст практически дословно, не учитывая множество художественных смыслов, возникающих при представлении образа литературного произведения: «J'aurais pu m'en douter. Mes collègues me considèrent comme un homme calme, posé, réfléchi. Calme, certes ; mais très souvent dans la journée ma tête se met à rugir, sourdement *comme un four crématoire*» [7, с. 3] («Раньше я бы так не рассуждал. Среди коллег я слыл человеком спокойным, невозмутимым, рассудительным. Да, разумеется, я спокойный, хотя часто в течение дня голова моя гудит, глухо, *словно печь в крематории*» [2, с. 8]), «Peut-être est-ce pour cela que je rédige ces souvenirs: pour me *remuer le sang*, voir si je peux encore ressentir quelque chose, si je sais encore souffrir un peu» [7, с. 7] («Возможно, и за воспоминания-то я принялся, *чтобы кровь живее бежала*, чтобы проверить, сохранилась ли во мне способность чувствовать и страдать» [2, с. 12]). В ряде случаев буквальный перевод при допустимой на языке оригинала перегруженности фразы на почве другой национальной языковой культуры, в нашем случае – русской, значительно искажает стилистическую окраску переводного варианта: «Oui, je reste calme, quoi qu'il advienne, <...> impassible, <...> comme les petits vieux sur les bancs des parcs avec leurs cannes et leurs médailles...» [7, с. 3] («Да, я спокоен, что бы ни стряслось <...>, застывший, <...> как старички в медалях и с палками на лавках в парках...» [2, с. 8]).

Главный герой, претерпев значительные метаморфозы под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, в целях самозащиты «сливается с толпой», прикрывая свое прошлое слоем обыденности и типичности. Данный факт находит свое отражение и в выражениях, использованных автором для детализации портрета, представленного героем. Так, в предложении «Je parle, je discute, je prends des décisions, *comme tout le monde...*» [7, с. 3] особую роль играет расхожее во французском языке выражение «*comme tout le monde*», являющееся метафорическим переводом русской конструкции «*как все*». Однако, в русском тексте представлены лишь основные элементы предложения: «Я поддерживаю беседу, спорю, принимаю решения...» [2, с. 8]. В силу необозначенных причин переводчик не приводит анализируемое нами выше выражение, тем самым универсализировав смысловую нагрузку предложения. Эффект намеренной *типичности* героя, его обыденности, подчеркнутый автором путем добавления метафорического выражения, в русском варианте практически не продемонстрирован.

Роман оканчивается сценой в павильоне берлинского зоопарка, где алогичность и безумие действий центрального персонажа Ауэ достигает своего пика: в необъясненном им самим порыве он убивает своего единственного друга Томаса, который двумя минутами ранее спас его жизнь. В финальном абзаце романа стремительность, неразрывность фраз

первоисточника передает читателю эмоциональное напряжение героя. Длинная фраза, нетипичная для повествования, казалось бы, призвана нам сообщить чувство беспокойства загнанного зверя, которым чувствует себя Максимилиан, а также внезапность его чувств: «Je ressentais d'un coup tout le poids du passé, de la douleur de la vie et de la mémoire inaltérable, je restais seul avec l'hippopotame agonisant, quelques autruches et les cadavres, seul avec le temps et la tristesse et la peine du souvenir, la cruauté de mon existence et de ma mort encore à venir» [7, с. 531]. Погоня достигает пика – краткой и броской финальной фразой оборвана непрерывность агонии загнанной добычи: «Les Bienveillantes avaient retrouvé ma trace» [7, с. 531]. Но в переводном тексте сознательно удлиненная автором фраза разбита на две: «Я вдруг ощутил всю тяжесть прошлого, боль жизни и неумолимой памяти. Я остался один на один с умирающим гиппопотамом, страусами и трупами, один на один со временем, печалью, горькими воспоминаниями, жестокостью своего существования и грядущей смерти» [2, с. 800]. «Сухое», почти «протокольное» повествование в ключевой момент романа не меняет своего темпа. Как следствие, теряется ощущение напряженности, лексико-стилистические находки автора «не востребованы» в переводном варианте текста.

Таким образом, можно сказать, что представленные в оригинальном тексте романа и в его русском варианте картины преобразования главного героя подробны и обогащены дополнительными деталями. Однако, переведенный вариант во многом буквально следует первоисточнику, что позволяет утверждать о его точности и близости к оригиналу. Вместе с тем, в рассмотренных нами примерах мы видим, что при переводе стилистическая окраска и важные для повествования смысловые элементы отдельных предложений были частично утрачены. В то же время отметим, что ряд стилистических недочётов, характеризующих несовершенство стиля Дж. Литтелла, были успешно переданы переводчиком в русском варианте.

Список использованных источников

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Литтелл Дж. Благовоительницы. М.: Ad Marginem, 2011. 800 с.
3. Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Пер. с англ. / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 1999. 1008 с., илл.
4. Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Пер. с англ. Предисловие Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.
5. Bienveillante Académie – Le Canard enchaîné. 8 novembre 2006.
6. Jean Solchany. *Les Bienveillantes* ou l'histoire à l'épreuve de la fiction. Revue d'histoire moderne et contemporaine, 7. 2007. P. 159–178.
7. Littell J. *Les Bienveillants*. GALLIMARD: Éditions Gallimard pour la présente édition, 2006. 537 с.

УДК 811.111(73)'25:821(73)"312"

**ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД
В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЭНН РАЙС «СКРИПКА»)*****А. А. Красиловская,****аспирант кафедры иностранной филологии и методики преподавания,
Институт филологии, истории и искусств,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Ялта*

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов интерсемиотического перевода на материале романа Энн Райс «Скрипка». Основное внимание сконцентрировано на внутритекстовых связях, реализуемых посредством взаимодействия художественных кодов разных видов искусства. Выявлено, что интерсемиотический перевод в романе писательницы реализуется с помощью музыкального экфрасиса.

Ключевые слова: интерсемиотичность, экфрасис, синтез искусств, музыка, знаковые системы.

Summary. The article discloses one of the intersemiotic translation aspects based on example of Anne Rice's novel "Violin". The main attention is paid to intertext connections, which are realized with the different art codes interaction. It is detected that intersemiotic translation in the writer's novel is represented with musical ekphrasis functioning.

Key words: intersemiotic, ekphrasis, art synthesis, music, semiotic systems.

Развитие литературоведческой мысли характеризуется обновлением теоретико-методологической базы. И все чаще исследователи обращают внимание на интердисциплинарность современного художественного процесса.

Современная литература отображает специфику внутритекстовых связей, вызванных взаимодействием разных семиотических систем. Развитию теоретических исследований способствует расширение толкования понятия «текст». Активизация коммуникационных технологий в будущем влияет на понимание текста. В современном глобализованном мире функционирует множество способов информационного кодирования, привлекающих различные семиотические элементы (фотографии, аудио, анимация и др.) для формирования смысловой структуры текста. В связи с этим особую значимость приобретает интерсемиотический перевод, теоретическое обоснование которому дал Р. Якобсон, выделяя внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический переводы. Под последним автор подразумевает своеобразную трансмутацию знаков, когда знаки одной семиотической системы интерпретируются посредством другой семиотической системы [5].

О. С. Ахманова, взяв за основу теоретические разработки Р. Якобсона, в Словаре лингвистических терминов дает такое определение интерсемиотическому переводу: «Перевод интерсемиотический – передача

данного содержания не средствами того же или другого естественного («словесного») языка, а средствами какой-либо несловесной семиотической системы, такой как хореография, музыка и т. п., с одной стороны, и информационно-логические языки – с другой».

В связи с изучением взаимодействия и синтеза разных знаковых систем существует понятие транзакционизма (С. Гринблатт), которое означает заимствование, реинтерпретацию и применение в авторских целях материалов из других «культурных зон» [1, с. 7]. Расширение художественных границ современной литературы провоцирует интеграцию разнотипных знаковых систем. Целью нашей статьи является установление особенностей интерсемиотической трансформации.

С активизацией междисциплинарных вкраплений в современную литературу возникает необходимость поиска выразительных средств, реализующих процесс интерсемиотического перевода. Одним из наиболее часто используемых способов привлечения элементов других семиотических систем в литературе является экфрасис.

Исследуя проблему взаимодействия разных видов искусства, А. И. Мазаев обращает внимание на то, что «синтез искусств – это не просто контактная связь разных искусств, но органическое соединение их в одно художественное целое, которое не сводится к простой сумме слагаемых, а представляет собой качественно новое художественное явление и самостоятельную ценность» [3, с. 29]. В процессе формирования художественной целостности, включающей в себя элементы разных знаковых систем, как способ ретрансляции реализуется экфрасис, посредством которого качественные характеристики определенной знаковой системы вербализуются и начинают функционировать в литературном произведении. Так, во вступительной статье сборника «Экфрасис в русской литературе» под редакцией Л. Геллера, ученый предлагает расширить рамки данного понятия, определяя его как «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» [2]. В зависимости от вида искусства выделяются четыре вида экфрасиса: живописный, скульптурный, архитектурный, музыкальный. Следовательно, это понятие можем считать художественным приемом, посредством которого реализуется интерсемиотический перевод.

Особого внимания заслуживает взаимодействие литературы и музыки, которое формируется благодаря наличию музыкального экфрасиса. В данной работе на материале романа Энн Райс «Скрипка» проанализируем процесс интерсемиотического перевода посредством музыкального экфрасиса.

Энн Райс – современная американская писательница, сценарист и продюсер. Она является автором серии романов «Вампирские хроники», «Спящая красавица», «Мэйферские ведьмы» и др. Многие романы были экранизированы, что сделало их автора известным. В своих романах Энн Райс часто обращается к музыке, которая является неотъемлемой составляющей

сюжета. Ярким примером функционирования музыкальных элементов в литературном произведении следует считать роман «Скрипка» (1997).

Произведение начинается с пролога, в котором писательница уже делает акцент на музыкальной составляющей произведения: «То, что я пытаюсь здесь делать, вероятно, вообще неосуществимо с помощью слов. Вероятно, этого можно добиться только в музыке. Я же хочу попытаться сделать это словами» [4]. Художественный мир романа раскрывается перед читателем сквозь призму чувственного восприятия происходящего главной героиней Трианой, супруг которой, Карл, долго страдавший от СПИДа, умирает. Она не желает его отпускать, закрывшись в доме с мертвым мужем, и под музыкальное сопровождение предаётся воспоминаниям. Девятая симфония Моцарта вербализируется устами героини: «Эта музыка была написана словно для того, чтобы помогать идти вперед, упрямо и почти мстительно карабкаться в гору. Она зовет вперед, вперед и вперед, не позволяя останавливаться. А затем наступает затишье, как в венском лесу, словно у человека внезапно перехватило в горле от вида города, куда он стремится, и тогда он раскидывает руки в стороны и принимается танцевать по кругу. Тут вступает валторна, каждый раз заставляющая вспоминать о лесах, долинах и пастухах, и возникает ощущение покоя и неподвижности леса и того плато, где стоит счастливый человек, но затем... затем вступают барабаны. И он вновь начинает карабкаться вверх по склону, решительно идет дальше. Шагает и шагает...» [4]. Вербальное описание музыкального произведения реализуется параллельно с описанием чувственных переживаний героини. Данный фрагмент демонстрирует результат интерсемиотического перевода, реализованного посредством использованного автором экфрасиса.

Душевные переживания главной героини отражены в произведении посредством звучания классической музыки, которая привлекает в жизнь Трианы загадочного скрипача, который сопровождает её во время скорби, усугубляя внутренний конфликт – борьбу с безграничным чувством вины и мучительными воспоминаниями о смерти близких людей.

Стефан – молодой скрипач-призрак, который «услышал» необыкновенную любовь женщины к музыке его учителя – легендарного Бетховена. Именно её он решил провести в мир прошлого, чтобы показать губительную силу музыкального искусства. Скрипка Антонио Страдивари, из-за которой Стефан убил своего отца и во имя которой отдал собственную жизнь, становится проводником призрака в реальный мир. Путешествие во времени скрипача и Трианы сопровождается множеством музыкальных вкраплений. Так, слушая музыку, героиня пробует описать звучание словесно: «Я услышала, что звук стал насыщеннее, сочнее и круглее. Да-да, то самое туше, как раз такое, как нужно, – когда дотрагиваешься смычком до струн, почти не оказывая на них давления, и одна фраза следует за другой» [4]. Экфрасис создает художественную ситуацию, в которой реципиент посредством слов начинает «слышать» музыкальную композицию. Детализация процесса музицирования и его конечного

результата реализует двойной код, формируя процесс интерсемиотического перевода, который в романе реализуется на двух уровнях формирования образа героини: «Триана – слушатель» и «Триана-музыкант».

Ретрансляционные функции экфрасиса наиболее активно проявляются в сюжете, когда героиня находится в роли слушателя. Показательным является то, что в процессе вербальной реализации музыкального произведения читатель получает возможность углубиться в мир эмоциональных переживаний героини. Так, находясь в роли слушателя, Триана предаётся тоске и грустным воспоминаниям, доказательством чего служат описанные музыкальные произведения (чаще всего «Девятая симфония» Бетховена): «Бетховен – Маэстро Моего Горестного Сердца, капитан моей разбитой жизни и всех неудач» [4].

Путешествия с призраком во времени делают Триану смелее, и она отказывается принимать роль слушателя. Теперь в её руках волшебная скрипка, и женщина начинает творить: «Она ничего не весила, скрипка, – она лишь слегка давила на плечо, отчего я почувствовала головокружение. Но песня вела меня вперед. Я не знала нот, не знала мелодий. Я знала лишь эти блуждающие фразы горя и меланхолии, эти бесконечные сладостные гаэльские стенания, вплетавшиеся одно в другое. Но песня лилась, всемилостивый Боже, она лилась и лилась...» [4]. Экфрастическое описание становится более динамичным, что позволяет реализовать процесс интерсемиотического перевода в полной мере.

Таким образом, интерсемиотический перевод в контексте литературного произведения репрезентирует возможность соприкосновения и синтеза разных видов искусств. Следует отметить, что за основу берется текст одной вторичной моделирующей системы, который переводится на образы других знаковых систем. Ярким примером взаимодействия литературы и музыки является роман Энн Райс «Скрипка», который демонстрирует важную роль экфрасиса в сложном процессе интерсемиотического перевода. Особого внимания заслуживает сам принцип «перекодирования» образов, который использует писательница: она не просто передает средствами литературы музыкальные образы, но и моделирует с их помощью сюжет и характеристики персонажей.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: сб. тр. Лозан. симп. / под ред. Л. Геллера. М. : МиК, 2002. С. 8.
3. Мазаев А. И. Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма. М.: Наука, 1992. 326 с.
4. Райс Э. [Электронный ресурс] – <http://book-online.com.ua/read.php?book=5158>. (дата обращения 4.01.2018).

5. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

УДК 811.11

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Л. Э. Кузнецова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Институт русской и иностранной филологии Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

Аннотация. Целью исследования явилось обнаружение сходств и различий в содержательных признаках концепта «любовь» в языковом сознании на материале русского и английского паремиологического фонда. Основным методом был определен интерпретативный анализ, устанавливающий характер преломления концепта в языковом сознании на основе различных средств его реализации. Корпус исследуемого паремиологического материала в русском языке составил около 200 паремий, в английском языке – около 170. В результате исследования выяснилось, что в пословицах и поговорках отражен личный опыт говорящего, что показывают взаимоисключающие (частично или полностью) пословицы обоих языков.

Ключевые слова: концепт, пословица.

Summary. The aim of the study was to find similarities and differences in the content of the concept "love" in linguistic consciousness on the basis of Russian and English proverbs. The main method was the interpretative analysis which establishes the character of the refraction of the concept in the linguistic consciousness on the basis of various means of its realization. The body of the studied material in the Russian language was about 200 proverbs, in English – about 170. As a result, it turned out that proverbs and sayings reflect the personal experience of the speaker, what is shown by the mutually exclusive (partially or completely) proverbs of both languages.

Key words: concept, proverb.

В паремиологии пословицы, фраземы, поговорки принято считать отражением норм поведения общества и его морали. Моральные нормы определяются, в частности, взаимоотношениями между индивидами сообщества. Не последнюю роль в этих взаимоотношениях играет любовь – общечеловеческая универсалия.

Вопрос о том, как именно отражается конкретная этнокультурная модель в семантике паремиологического фонда, на сегодняшний день остается открытым. Известно, что установленные этнокультурные нормы на основании анализа пословиц и поговорок отражают ценностную картину мира не полностью. Паремиологические представления о любви, как и языковая картина мира в целом, несколько архаизованы и не всегда отражают установки современного этнического сознания [3, с. 68]. Более

полное отражение такой картины требует привлечения данных как лингвистики, так и смежных дисциплин, и должно включать исследование речевых реализаций концепта как в письменных текстах (публицистика, художественные произведения), так и в устных (опрос информантов, интервью). А. Вежицкая подчеркивает, что «народные представления об эмоциях» позволяют проводить глубокий анализ структуры эмоций и природы эмоциональной жизни [1, с. 347].

Пословицы, объединенные признаком «немотивированность чувства» представлены в целом пропорционально в русском и английском пословичном фондах. Здесь встречается калька, которая имеется в ряде языков романо-германской группы: «Love is blind»/«Любовь слепа», а также близкие по смыслу пословицы: «Любовь ни зги не видит», «Каждому своя милая – самая красивая», «Миленок – и не умыт беленок»; «Love sees no faults», «If Jack's in love, he's no judge of Jill's beauty».

Немотивированность чувства любви, ее «иррациональность» представлена в следующих пословицах и поговорках: «Полюбится сова лучше ясного сокола», «Любовь зла, полюбишь и козла», «Деревенщина Ермил, да посадским бабам мил»; «Love is without reason», «One cannot love and be wise», «Lovers are madmen». Как видно из примеров, немотивированность любви в русском языке противопоставляется иррациональности (нелогичности) чувства в английском, хотя оба эти признака пересекаются в некоторых вариантах лексического значения.

В английском языке широко представлены афоризмы, отправляющие к представлениям носителей языка о любви как о высшей человеческой ценности и высшем человеческом благе: «A penny weight of love is worth a pound of law», «Love covers many infirmities», «Love is free», «In love is no lack», «All the world loves a lover», «Love is a touchstone of virtue».

В русском языке признак ценности выражен не так широко, однако более глубоко: «Нет ценности супротив любви», «Где любовь, тут и Бог», «Бог – любовь», «Деньги прах, одежда тоже, а любовь всего дороже».

Типичным для английского языка является представление о всесильности, всемогуществе любви: «Love conquers all», «Love makes the world go round», «Love makes all men equal», «Love will find a way», «Love will go through stone walls», «A man has choice to begin love, but not to end it», «Love as strong as death», «Love rules his kingdom without a sword» – «Любовь управляет своим королевством без меча».

Признак всесильности, всемогущества любви в русской паремиологии отражен скупой, лишь в двух паремиях из всего ряда рассмотренных единиц: «Любовь все побеждает», «Любовь не пожар, а загорится – не потушишь». В обоих языковых пословичных фондах прослеживается идея любви как вечного чувства. Идейный признак вечности чувства любви отражен в следующих английских пословицах: «Old love will not be forgotten», «Old love does not rust», «True love never grows old».

В русском языке встречается ряд пословиц, выражающих постоянство и вечность любви: «Старая любовь долго помнится», «Люби да помни», «Старый друг лучше новых двух», «Забудется милый, так вспомнянется», «Любовь – кольцо, а у кольца нет конца». Противоположная идея о любви как о чувстве переходящем отражена в немногочисленном ряде русских поговорок: «Миловались долго, а расстались скоро», «Был милый, стал постылый», «Цвели цветики, да поблекли», «Любил молодец красавицу, да покинул», «По утрам был хорош, а к вечеру стал непригож». В английском языке обнаружены следующие идейные эквиваленты: «Never rely on love or the weather», «Of honey and gall in love there is store», «Love is sweet in the beginning but sour in the ending».

Следующая группа пословиц объединена по принципу путей возникновения любви, ее истокам: «Congruity is the mother of love», «Likeness causes liking», «Love begets love», «Love is the fruit of idleness».

Если в английской паремиологии истоки возникновения чувства любви оторваны друг от друга и не имеют логической взаимосвязи, то в русском пословичном фонде причины и истоки рождения этого чувства более очевидны и менее абстрактны: «Равные обычаи – крепкая любовь», «Не гляди на лицо, гляди на обычай» (обычай – здесь: «образец поведения, привычки»), «Одна думка, одно и сердце», «От вражды любовь произойти не может», «Подобный подобного любит».

Общими для обоих языков являются указания на связь любви с ревностью: «Love is never without jealousy», «Love and lordship like no fellowship», «Love being jealous, makes a good eye look asquint»; «Ревностная любовь заставляет и здоровый глаз косить», «Кто не ревнует, тот не любит».

Лишь в английском фонде пословиц представлена идея о связи между любовью и деньгами, в русской паремиологии количество подобных паремий ничтожно мало: «Love does much, money does everything», «Love lasts as long as money endures», «Money is the sinews of love as well as of war», «When poverty comes in at the door, love flies out of the window».

Количественное превосходство таких паремий свидетельствует о большей значимости материальных благ для английского языкового сознания. Этот факт находит свое подтверждение в работах этнопсихологов: «Деньги – кумир англичан. Ни у кого богатство не пользуется таким почетом. Каково бы ни было общественное положение англичанина, будь то ученый, адвокат, политический деятель или священнослужитель, он прежде всего коммерсант. На каждом поприще он уделяет много времени добыванию денег. Его первая забота всегда и везде – нажать как можно больше» [4, с. 134–134].

«Каритативный блок» в русском языке представлен паремиями: «Ради милого и себя не жаль», «Для милого дружка и сережку из ушка», «За милого и на себя поступлюсь», «Для милого не жаль потерять и многого», «От того терплю, что больше всех люблю», «От того терплю, кого больше всех люблю», «Горе с тобою, беда без тебя», «Любить – чужое горе носить,

не любить – свое сокрушить», «Любовь не знает мести, а дружба лести», «Любить тяжело, не любить – тяжелее того». Что касается английской паремиологии, то нам не удалось найти пословицы, которая выражала бы идею самопожертвования во имя любви.

«Любовь и ненависть традиционно противопоставляют, вполне справедливо рассматривая их как чувства, обладающие полярным характером... Они относятся к апостериорным (опытным, эмпирическим) концептам культуры, или константам, так как «существуют в культуре постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [5, с. 54].

Представление о том, что понятия «любовь» и «ненависть» соположены, находит эксплицитное подтверждение в языке. Анализ паремиологического фонда русского и английского языков подтверждает идею о том, что «ненависть не только неожиданным образом постоянный спутник любви, не только частый ее предшественник в человеческих отношениях, но и ... ненависть при различных условиях превращается в любовь, а любовь – в ненависть» [3, с. 71]. Так, например, для русской ментальности в большей степени свойственно соположение концептов «любовь – любить» и «ненависть – ненавидеть» в пределах единого контекста: «От любви до ненависти – один шаг», «О ком сокрушаюсь, того нет, кого ненавижу, завсегда при мне», «Любовь согласие водит, а от ненависти вражда исходит».

Паремии, отражающие соположенность концептов «любовь» и «ненависть» в английском языке, преимущественно выражает идею непосредственной близости этих двух социальных концептов. Это подтверждают и результаты ассоциативных экспериментов: «Love and hate are blood relations», «He that cannot hate cannot love», «They that too deeply loved too deeply hate», «The greatest hate springs from the greatest love», «Hatred is blind, as well as love», «Better a dinner of herbs where love is than a stalled ox where hate is».

В русском языке признак произвольности чувства любви, ее неподконтрольности сознанию и воле представлен пословицами: «Насильно мил не будешь», «Насилу не быть милу», «Крестом любви не свяжешь», «Бояться себя заставишь, а любить не принудишь», «Любовь не пожар, а загорится – не потушишь», «Сердцу не прикажешь», «Любовь рассудку не подвластна», «Любовь закона не знает, годов не считает», «Он с нею и себя не помнит, и нас не поминает», «Из сердца не выкинешь, и в сердце не вложишь». В английском языке – «Love cannot be compelled/forced», «Love and a cough/light/fire/smoke/an itch/gout cannot be hid» cannot be hid», «A man has a choice to begin love, but not to end it».

Общим для обоих языков является представление о связи зрительного восприятия и любви. Однако блок русских пословиц значительно богаче: «Речисты у милого глаза», «Глаза говорят, глаза слушают», «Тошно тому, кто любит кого, а тошнее того, кто не видит его», «Тоска западает на сердце глазами, ушами и устами (от взгляда, от речей, от беседы)», «Куда сердце

летит, туда око бежит», «Где больно, там рука, где мило, там глаза», «Любовь начинается с глаз», «Ни пить, ни есть, лишь бы на милую глядеть», «Он к тебе оком, а ты к нему боком», «Нет лучше игры, как в переглядушки», «Реже видишь, милее будешь», «Глазами влюбляются»; «The eyes are the window of the heart», «The heart's letter is read in the eyes».

Психосоматические проявления любви относятся к числу энциклопедических семантических признаков концепта любви в обыденном сознании. Этот блок представлен преимущественно русскими пословицами и поговорками: «Люби, огня да кашля от людей не утаишь (не спрячешь)», «Как увидал, так голова вокруг пошла», «Как увидал, так и сам не свой стал», «Не спится, не ложится, все про милого грустится», «Милый не злодей, а иссушил до костей», «Милый далеко – сердцу нелегко»; «Love and a cough cannot be hid».

Об амбивалентном характере любви чаще упоминается в ряде русских паремий: «Горе с тобою, беда без тебя», «Вместе скучно, а розно тошно», «Любить не люблю, а отстать не могу», «Любовь хоть и мука, а без нее скука», «Нельзя не любить, да нельзя и не тужить», «И любишь, да губишь».

В английском и русском языках представлен ряд пословиц, объединенных идеей о связи любви и веры: «Где любовь, тут и Бог», «Бог – любовь», «Не от коль взялся, Бог дал», «Где совет, тут и свет, где любовь, тут и Бог»; «Love asks faith, and faith asks firmness», «Where love is, there is faith», «Where there is no trust there is no love».

Безответность любви отражена в некоторых английских и русских пословицах: «Мое сердце в тебе, а твое в камени», «Он к тебе оком, а ты к нему боком», «Одно сердце страдает, другое не знает»; «Love without return is like a question without an answer», «There is more pleasure in loving than is being beloved».

Анализируя сопоставление пословичных фондов русского и английского языков, мы обнаружили, что в обоих языках имеются противоречивые утверждения, указывающие на тот или иной аспект проявления любви в языке. Такие примеры еще раз подтверждают тот факт, что в рамках обыденного сознания лексические единицы стремятся к «антитерминологичности – многозначности и неопределенности семантических границ – и их семантическое представление тяготеет к интерпретативности» [2, с. 56].

Список использованных источников

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 780 с.
2. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т. 2002. 142 с.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.

4. Сухарев В. А., Сухарев М. В. Европейцы и американцы глазами психолога. М.: Беларусь, 2000. 366 с.
5. Тананина А. В. От любви до ненависти (опыт концептуального анализа) // Язык. Сознание. Коммуникация. – Вып. 24. Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Макс-пресс, 2003. С. 54–60.
6. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М., 1990. 164 с.

УДК 81.25

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРОСТРАНСТВО ИГРЫ И МЕТАИГРЫ ПЕРЕВОДЧИКА

Е. Ю. Куницына,

*доктор филологических наук, профессор кафедры перевода
и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и
медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению переводческого дискурса как пространства игры и метаигры переводчика. Метаигра перевода понимается как набор правил, обеспечивающих идентичность игры, разрабатываемых переводчиком и вносимых на рассмотрение других переводчиков. Метаигра также позиционируется как прескриптивная игра. Агонистический а priori характер аргументации, с одной стороны, дискурсивно-жанровая трансгрессия и многообразные формы языковой игры, используемые переводчиками в своем ПД, с другой стороны, доказывают людическую природу дискурса переводчика и подтверждают его статус как *ego играющего*.

Ключевые слова: переводческий дискурс, аргументация, игра, метаигра, прескриптивная игра, правила игры.

Summary. The paper addresses the issue of translatorial discourse in terms of play and metagame. The approach rests on the premises of the author's game/play-based theory of translation. The metagame, viewed as the developing of a set of rules the translator is to follow, is otherwise referred to as a prescriptive game. Argumentative and thus *Agôn*-like nature of translatorial discourse, on the one hand, transcending the boundaries of rational argumentation toward rhetoric and poetics involving diverse language games and play, on the other, make translatorial discourse a perfect instance of the translation metagame, *playing* which the translator does insistently prove him/herself as *ego ludens*.

Key words: translation, translatorial discourse, argumentation, game, play, metagame, prescriptive game, rule.

Задача настоящей статьи – обозначить переводческий дискурс (далее – ПД) как пространство игры и метаигры переводчика. В центре нашего внимания собственно переводческий дискурс, то есть дискурс переводчика, который, в отличие от других типов переводческого дискурса, представлен большим разнообразием жанров и включает предисловие или послесловие к переводу, комментарии, примечания, переписку переводчика с издателем или редактором, критиком. ПД охватывает также научно-популярные и

научные труды переводчиков, включая монографии – в этом случае ПД пересекается с научным дискурсом, дискурсом переводоведческим. Не меньший интерес и ценность представляют периферийные жанры ПД, к которым относятся личная переписка переводчика (с близкими, друзьями), затрагивающая вопросы перевода, интервью, беседы, мемуары и переводческая беллетристика [9].

ПД квалифицируется как аргументативный дискурс, в ходе которого протагонист, «используя рациональные средства и приемы», должен «убедить антагониста в приемлемости / неприемлемости» конкретной точки зрения на переводческие решения [3, с. 71]. Термины *протагонист* и *антагонист* изначально указывают на игровую, состязательную природу аргументации (ср. *Агон*¹, ср. тж. определение аргументации как *rule-governed behaviour* у Ф. Емерена и Р. Гроотендорста, основоположников теории аргументации (см. [9])). Обнаруживаемая ПД дискурсивно-жанровая трансгрессия как в случае с научными трудами, с одной стороны, и беллетризованными переводческими штудиями и сочинениями (см. далее), с другой, есть еще одно неопровержимое свидетельство игрового характера ПД, онтологически призванного реализовать метаигровые цели.

Метаигра является внешней по отношению к игре [18]. Метаигра – это процесс выработки и увеличения полезности набора правил, обеспечивающих идентичность игры. Метаигрок, соответственно, понимается «как лицо, вносящее на рассмотрение всего коллектива игроков некоторый проект, затрагивающий интересы каждого игрока» [2, с. 660]. Дополнительным принципом оптимального поведения игрока выступает «наилучшее использование ошибок противника» [2, с. 674], что наглядно отражает ПД. Метаигра обладает всеми признаками прескриптивной игры. Прескрипция в переводе означает предписание приемов переводческой игры, которые гарантировали бы приемлемость переводческих решений и, в конечном итоге, эквивалентность / адекватность, тождество перевода (см., например, [8; 20; 21]; об инстанциях метаигры перевода подробнее см. [10]).

Тезис Х.-Г. Гадамера о том, что игра подчиняет себе играющего [4], касается не только процесса перевода как такового, но и переводческой теоретической рефлексии, репрезентированной в ПД. Наблюдения показывают, что, иницируя, задавая метаигру, переводчик вдохновенно играет как творческая языковая личность. Яркие языковые личности переводчиков являют ПД Н. Гумилева и В. Набокова, Н. Галь и К. И Чуковского, авторов журнала переводчиков «Мосты», который по праву можно назвать популярной и авторитетной площадкой метаигры перевода, прескриптивной переводческой игры (см., например, [5; 6; 12-14; 15]). Игровое, как правило, ироничное, название статьи или главы книги (впрочем, даже целых словарей, вспомним знаменитый «Мой несистематический словарь» П. Р. Палажченко и англо-русский словарь

¹ Агон – Agôn – одна из разновидностей игр по классификации Р. Кайуа [7].

библеизмов «Ищите и найдете» М. А. Загота) в сочетании с местами ироничным тоном повествования формирует игровую интенцию, настраивая читателя на увлекательное чтение. При этом увлекательность не отменяет серьезности и ответственности, необходимых читателю для уяснения сути проблемы и рекомендаций по ее решению. Игровой подход, избираемый переводчиками в вопросах профессиональной деонтологии, как нельзя лучше воплощает «заповедь» (прескрипцию) Платона о том, что детей науками питать играючи² должно, ибо хорошая игра способствует развитию у детей уважения к законам [11, с. 274]. В контексте напрашивающегося тезиса о взаимообусловленности и комплементарности перевода и ПД важно обратить внимание на следующее обстоятельство.

Представляется, что жесткую регламентированность специального, институционального перевода, интенциональную доминанту которого составляет *ludus* (лат. игра), дисциплинирующий, подчиняющий «проказы» «произвольным, императивным и намеренно стеснительным конвенциям, все более и более сковывающим и затрудняющим достижение желаемого результата» и потому требующий «все больше и больше усилий, терпения, ловкости или хитроумия» [7, с. 51], переводчику как *ego играющему* компенсирует возможность в полной мере реализовать свой креативный потенциал и насладиться свободой творчества в игре в ее *paidia*-измерении уже в своем ПД. *Paidia* (греческий термин, этимон которого подразумевает относящееся к детям (ср. *ребячество* у Й. Хейзинги [19])) связан с принципом «развлечения, шалости, вольной импровизации и радостной беспечности» [7, с. 51] (ср. англ. *fun*) (о взаимоотношении понятий *ludus*, *paidia*, *game* и *play* см. подробнее в [9; 10]). Иными словами, *paidia* ПД возмещает строгую ограничительность игры (*ludus*) самого перевода. Разумеется, «шалость» и «радостная беспечность» в ПД – это маска, позволяющая переводчику-метаигроку сделать обсуждение серьезных проблем приятным и доставить читателю своей игрой интеллектуальное удовольствие. Не случайно в журнале «Мосты» есть специальная рубрика «Cum grano salis», где публикуются юмористические статьи и заметки о переводе.

В продолжение темы интеллектуального и, добавлю, эстетического удовольствия, непревзойденный образец действия платонова принципа «питать <...> науками играючи» со всем основанием являет собой «переводческий дискурс» У. Я. Полуэктовича. Этого загадочного автора охотно печатают на своих страницах «Мосты», известно и «собрание» его сочинений в виде «Самого избранного» (рукопись, 2013) и отдельного издания «Толмачи на завалинке» [16]. У. Я. Полуэктович – литературная маска (ср. выше) творческой группы переводчиков, сатирически, в пародийной форме высмеивающей переводческие пороки, а также пороки

² Игры, имитирующие работу переводчика, в терминах Р. Кайуа, игры подражания, миметические игры (*Mimicry*) [7], являются и должны быть неотъемлемой частью процесса обучения переводчиков (см. в т. ч. [17; 22]).

общества в его отношении к переводу и переводчику. Это своего рода Козьма Прутков от перевода, «насмешкой высекающий» [lurkmore.to] все, что «полу-» (ср. *Полуэктович*), т. е. не полное, не цельное, не перевод, не переводчик, но к таковым желающее быть причисленным.

ПД У. Я. Полуэктовича – пример тотальной дискурсивно-жанровой трансгрессии, которая служит инструментом реализации игровой интенции автора. Мы имеем дело с ПД, преодолевающим границы институциональности в сторону персональности и демонстрирующим отказ от рациональной аргументации в пользу риторики и поэтики. Ирония и самоирония, игра слов и образов, жонглирование жанрами, стилями, «кристаллизованные» в пастишах, прозаических и поэтических, включая русские сказки и частушки, японские танка и хайку [1], а также пастишах «дидактических» – в виде «теста по теории перевода» или назидательных переводческих баек, написанных языком петровской эпохи, и даже научных пастишах – в виде псевдорецензий, научных статей или материалов «научно-поучительных» (sic) переводческих конференций и мн. др., – все эти языковые игры, в том числе в их витгенштейновском понимании, делают данную переводческую метаигру пространством вдохновенной, азартной, почти экстатической, большой переводческой игры, играть (в) которую могут только преданные своему делу люди, влюбленные в перевод, готовые щедро, при этом весело и задорно, делиться знаниями, опытом и просто наблюдениями с коллегами и будущими переводчиками, и ревностно оберегающие свою профессию от недобросовестности и посредственности.

В заключение остается подчеркнуть, что ПД, в первую очередь собственно переводческий дискурс, т.е. дискурс переводчика, – это пространство игры и метаигры. Метаигра переводчика ориентирована на выработку правил, приемов перевода, алгоритмов переводческих действий и т. д., того, что или следование чему позволит считать перевод переводом, а переводчика – переводчиком. Полезность набора правил, формулируемых переводчиком, увеличивает собственный переводческий опыт, профессиональное мастерство автора ПД, его экспертное знание и способность передавать этот опыт и знания, делать эти правила понятными для усвоения, используя не только рациональную аргументацию, академические и академичные приемы и методы, но и нестандартные, оригинальные, игровые (играющие) риторико-поэтические формы профессионального воздействия. Перевод это игра [9], потому логично, целесообразно и, вне всякого сомнения, эффективно пропагандировать этику перевода, прививать будущим переводчикам (и культивировать у действующих) уважение к этой имеющей много «семейного сходства» с другими играми и в то же время совершенно уникальной игре, развивать у них чувство ответственности за ее исход, т. е. результат, *через игру*, что отчетливо демонстрирует ПД. Таким образом, о переводческом дискурсе как пространстве метаигры перевода, переводчика можно с уверенностью сказать: «Пусть *мета-*, но *игра!*»

Список использованных источников

1. Бамбуковая флейта толмача. Японская поэзия в переводах У. Я. Полуэктовича. Мосты. Журнал переводчиков. № 1 (45). 2015. С. 75–76.
2. Воробьев Н. Н. Развитие теории игр // Дж. фон Нейман, О. Morgenstern. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. С. 631–694.
3. Воскобойник Г. Д. Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Лингвистика. 2004. Вып. 499. 181 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Ермолович Д. И. Детская болезнь «размазни» в последовательном переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2005. № 1 (5). С. 47–57.
6. Зубанова И. В. Нелегкий труд стрекозы. О передаче образных и идиоматических выражений в устном переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2014. № 1 (41). С. 31–39.
7. Кайуа Р. Игры и люди: Эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
8. Комиссаров В. Н. Нормативные аспекты перевода // Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. С. 227–245.
9. Куницына Е. Ю. Лингвистические основы юридической теории художественного перевода: дис. ...д-ра фил. н. Иркутск, 2011. 474 с.
10. Куницына Е. Ю. Что перевод? Игра! // Перевод: ремесло, искусство, наука: коллективная монография / науч. ред. А. М. Каплуненко; [под общ. ред. В. Е. Горшковой]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 18–57.
11. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974. 598 с.
12. Некрасова Т. П. Юридический перевод. С русского юридического на английский общепонятный: сборник статей. М.: Р.Валент, 2012. 304 с.
13. Некрасова Т. П. Карты, деньги, два мешка. Азартные игры в юридическом переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2014. № 2 (42). С. 12–28.
14. Некрасова Т. П. «Нынче в нашей фауне...», или Как пробраться через канцелярские джунгли. О вреде и некоторой пользе канцеляризмов в языке и перевод // Мосты. Журнал переводчиков. – 2014. – № 3 (43). С. 15–24.
15. Орёл М. А. О баталиях рукопашных и переводческих. Ответ на статью А. Фалалеева «Устный перевод глазами тренера» // Мосты. Журнал переводчиков. – 2015. – № 1 (45). С. 60–72.
16. Полуэктович У. Я. Толмачи на завалинке. Рассказы, стихи и ньюслеттеры о переводе и переводчиках. М.: Р.Валент, 2014. 192 с.
17. Сдобников В. В. Принципы обучения переводу или О чем еще не было сказано // Мосты. Журнал переводчиков. 2015. № 1 (45). С. 51–59.
18. Фон Нейман, Дж., Morgenstern О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 707 с.

19. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Статьи по истории культуры. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
20. Эко У. Открытое письмо переводчикам «Острова накануне» // У. Эко. Остров накануне. СПб.: Symposium, 2007. С. 505–507.
21. Eco U. Mouse or Rat? Translation as Negotiation. Phoenix, 2006. 200 p.
22. Translation and Interpreting Pedagogy in Dialogue with Other Disciplines / Ed. by S. Colina and C.V. Angelelli. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. 154 p.

УДК 811.12

**НЕПЕРЕВОДИМОЕ В ПЕРЕВОДЕ:
АМЕРИКАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СЛЕНГ**

П. И. Кучелкова,

*студент первого курса кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

М. Г. Зеленцова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена определению понятия американского экономического сленга. Рассмотрены особенности такого языкового явления как сленг, и основные теоретические положения по переводу специального текста. Выявлены непереводаемые лексические единицы экономического сленга на материале словаря «Oxford Dictionary of Slang» и определены приёмы и способы их перевода на русский язык.

Ключевые слова: сленг, американский сленг, экономический сленг, специальный текст, перевод, приёмы перевода.

Summary. This article is devoted to the definition of the American economic slang. The main peculiarities of the linguistic phenomenon as slang and general theoretical basis of the specialty-oriented text translation are defined. The non-translatable lexical units of economic slang on the material of «Oxford Dictionary of Slang» are considered as well as their ways of translation into Russian.

Key words: slang, American slang, economic slang, specialty-oriented text, translation, ways of translation.

В современном мире можно наблюдать тенденцию употребления сленга в речи у людей из самых разных слоёв общества. Всё это происходит за счёт роста коммуникативных технологий, процесса глобализации, что приводит к развитию межнациональной и межъязыковой коммуникации. Таким образом, в результате крупных социальных, политических, экономических и культурных событий, происходит возникновение новых современных слов, которым необходимо дать новые наименования.

Тенденция к образованию новых неологизмов, сленга, жаргона, профессионализмов, вульгаризмов, а также терминов проявляется в основном в зарубежных странах.

Американский сленг является отличительной чертой американизмов, что влияет на развитие американского варианта английского языка. Американский сленг – это продукт американской культуры и американского общества. Тем не менее, его можно охарактеризовать как совокупность слов и выражений, часто используемых большей частью американской общественностью, но не воспринимаемых его большинством нормой литературного языка.

Для свободной коммуникации в сфере экономики и финансов и для работы с узкопрофильной литературой и документацией, человеку необходимо овладеть профессиональным иностранным языком. Как выше упоминалось, с развитием коммуникативных технологий, общение с зарубежными представителями стало обыденным делом. В результате этого, увеличивается интерес к изучению деловой коммуникации, цель которой является установление взаимоотношений между компаниями и предприятиями и их дальнейшее развитие, сотрудничество, а также достижение успешных результатов в переговорах. В этих случаях необходим переводчик, который предоставит адекватный и качественный перевод и будет специализироваться в сфере экономики, бизнеса, финансов, менеджмента и коммерции.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) сделать обзор научной литературы по теоретическим положениям;
- 2) изучить и выявить американские сленговые единицы методом сплошной выборки из словаря-справочника «Oxford Dictionary of Slang» [6];
- 3) определить способы и приёмы передачи сленга.

Актуальность данной статьи заключается в возрастающем появлении американского сленга в специальных текстах, что вызывает огромный интерес многих лингвистов. В настоящее время американские сленгизмы активно используется и пополняется новыми словами и выражениями в экономической сфере, что влияет на развитие новой терминологии в английском языке.

Термин «сленг» стал упоминаться в словарях и в трудах зарубежных лексикологов приблизительно еще в XIX в. Однако, точного значения этого термина до сих пор нет. На протяжении многих лет ученые – лингвисты выдвигали свои интерпретации этого понятия, но все они были вынуждены признать полисемантическую природу сленга.

Известны такие зарубежные и отечественные лингвисты, которые посветили свои труды по изучению сленга как Э. Партридж, О. Есперсен, Г. Бредли, Дж. Гринок и К. И. Киттридж, Г. В. Фаулер и Ф. Г. Фаулер, А. Д. Швейцер, В. А. Хомяков, И. Р. Гальперин, Г. А. Судзиловский и т.д.

Свой значительный вклад в работу над исследованием такого языкового явления как сленг внёс британский лексикограф Э. Партридж. В

его книге «Slang Today and Yesterday» под «сленгом» подразумевается «разговорная речь, неапробированная установленными языковыми нормами» [5]. Другие же английские лексикографы Г. В. Фаулер и Ф. Г. Фаулер в книге «The King's English», говорят о сленге следующее: «Сленг уместен в жизни» (т. е. в разговорной практике)» [2, с. 108]. В словаре «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахманова считает, что «сленг сочетает в себе элементы разговорной речи профессиональной или социальной группы, которые проникая в литературный язык или в речь людей приобретают эмоционально-экспрессивную окраску» [1, с. 408]. Более полное и точное определение сленга дал отечественный лингвист В. А. Хомяков, он считает, что: «это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт, компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [4].

Таким образом, опираясь на трактовки понятия вышеперечисленных лингвистов, можно сделать вывод, что сленг – это неофициально признанный, разговорный, широко употребляемый лексический пласт в той или иной профессиональной сфере деятельности или же в обществе, который включает в себя фамильярную и эмоционально окрашенную лексику.

Стоит учитывать тот факт, что язык стремительно развивается, происходит ассимиляция слов из-за тесного соприкосновения сферы действия языка друг с другом. Зарубежные лексикологи утверждают, что большинство сленговой лексики и оборотов стали стандартными единицами в литературном языке. Сленгизмы являются частью языка, которые обычно выходят за рамки обычного или стандартного использования и могут состоять как из вновь придуманных слов и фраз, так и из новых или более расширенных значений, прилагаемых к установленным терминам, а также к словам. Важно отметить, что своё начало сленг берет в периоды крупных социальных изменений, войн, экономических и культурных сдвигов, когда необходимо именовать то новое, с чем приходится сталкиваться каждый день.

Так, появление бизнеса в Америке и последующее развитие страны, в этой профессиональной сфере деятельности, привело к возникновению американского экономического сленга. Экономический сленг отличается своей информационной насыщенностью, экспрессивностью и лаконичностью. Его употребляет исключительно та группа лиц, которая специализируется в более узкой экономической сфере. Особое проявление сленга можно наблюдать в экономических специальных текстах. Перевод специального текста – это перевод текста научного, делового, общественно-политического и бытового характера. Экономический перевод во многом отличается от других типов перевода тем, что требует от переводчика особых знаний и понимания различий, и особенностей, существующих в

практике перевода специальных текстов. Во-первых, для эквивалентного перевода, переводчик должен иметь высокий уровень знания родного и иностранного языков, их грамматический строй, категории форм и конструкции. Во-вторых, он должен хорошо специализироваться в сфере экономики, бизнеса, менеджмента. В-третьих, переводчик должен уметь быстро сориентироваться в такой языковой системе как сленг, для того, чтобы дать эквивалентную соотнесенность. Однако, это не все пункты, которыми должен обладать профессиональный переводчик. Как утверждает, М. Г. Зеленцова, «перевод специальных текстов, как и любых других, требует от переводчика не только достаточно глубокого знакомства с описываемыми в тексте явлениями, наличие определенной теоретической подготовки в области лингвистики, переводоведения, стилистики, но и подготовки в области терминоведения» [3, с. 380]. Для адекватного и качественного перевода сленга, переводчик должен прибегнуть к использованию приёмов перевода и переводческих трансформаций, благодаря которым переводчик будет способен дать перевод безэквивалентным лексическим единицам.

Первым делом при переводе сленгизмов исходного языка следует найти возможные аналоги сниженной лексики в языке перевода. При отсутствии эквивалентного соответствия, стоит прибегнуть к использованию просторечия, так как эти категории языка являются смежными. Примером являются такие лексические единицы американского экономического сленга как *rock* – *кормушка* «правительственные дотации, привилегии и т.п., предоставляемые по политическим соображениям»; *jew down* – *жидиться* «торговаться с продавцом, чтобы снизить запрошенную цену», этот сленгизм появился от влияния стереотипа касаясь того, что евреи жадные; *dead cert* – *верняк* «несомненный успех, выигрыш с гарантией». Большинство эквивалентных соответствий можно встретить в сленге связанных со значением денег, особенно такие лексические единицы как *cabbage*, *mazuma*, *kale*, *lettuce* – *капуста* «деньги, часто эта дефиниция применяется специально к бумажным деньгам, т.к. они зеленого цвета и имеют длинные и хрустящие листья, что и является схожестью с долларовой купюрой»; *hustle* – *пропихнуть* «быстро продать или навязать товар какой-то организации, предприятию».

С помощью приёмов калькирования и транслитерации можно перевести такие примеры: *angel* – *ангел* «лицо, осуществляющее финансовую поддержку организации, предприятию»; *lemon* – *лимон* «ненужный товар или вещь, которую хотят всучить, выдавая за качественную»; *knock down* – *нокдаун* (бук. сбить с ног) «сниженная, минимально низкая цена». Использовать такой приём возможно лишь в том случае, когда значение слова понятно из контекста без дополнительного комментария и перевод сленга не нарушает узусные нормы ПЯ.

При отсутствии эквивалента в ПЯ часто используется приём экспликации, а точнее описательный перевод. Такой приём значительно

может увеличить объем текста, но с его помощью можно передать полное значение безэквивалентных лексических единиц, к примеру: *kitty* – «сумма денег, которую собрали несколько людей, общий «котёл», это слово образовалось от *kitbag* (солдатский ранец), который часто использовался для того, чтобы складывать в него деньги, выигранные в карты»; *boodle* – «незаконно заработанные деньги»; *chicken-feed* (букв. куриный корм) «незначительная сумма денег; от дешевого мелкого зерна, которым кормят курей»; *gofer* – «мальчик на побегушках; сотрудник выполняющий поручения товарищей по работе по принципу «поди-подай»»; *shillaber* – «подставное лицо, которое изображает потенциального или реального клиента и помогает продавцу продать товар другим покупателем»; *punter* – «спекулянт на фондовой бирже, на рынках финансовых фьючерсов или товаров, в первую очередь такой, который рассчитывает на быстрое получение прибыли»; *suit* – «сотрудник, который носит только костюмы».

Благодаря метафорическому переосмыслению переводчики могут добиться адекватного перевода некоторых сленгизмов: *money-spinner* (бук. прядильщик денег) – *прибыльное дело*; *cube farm* – офис для индивидуальной работы, заполненный кабинками»; *chainsaw consultant* (бук. консультант бензопил) – эксперт со стороны, привлечённый для сокращения численности сотрудников, при этом «оставляя руки руководства чистыми»; *open-collar workers* – (букв. сотрудники «без галстука») – люди, которые работают дома или дистанционно; *egg-head* (бук. яйцеголовый) – *умный, образованный человек* «ученый или инженер»; *butter-and-egg man* – *денежный мешок*; *frogskin* – *долларовая бумажка* «взята характеристика лягушачьей шкурки зеленого цвета».

При приёме лексического добавления подразумевается расширением текста использование лексических единиц в ПЯ, которые отсутствуют или опущены в тексте ИЯ. Так, например, *roll* – *пачка денег* «скрученная в рулон»; *slush fund* – *фонд для подкупа влиятельных лиц*.

В ходе проведённого анализа, можно сделать вывод, что американский сленг стал общеупотребительным не только в разговорной речи, но и в профессиональной сфере деятельности по всему миру. Появления бизнеса в Америке сыграло огромную роль в создании сленга, общение на простом и понятном языке, которым пользуются лишь представители какого-то определенного рода деятельности.

При переводе экономического сленга, переводчику следует иметь высокие знания как иностранного, так и родного языка, их структуру, грамматические категории и конструкции, а также специализироваться в экономической сфере, для того, чтобы предоставить адекватный перевод данных единиц специального текста.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 408.

2. Гальперин И. Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. – № 6. – 1956. С. 107–114.
3. Зеленцова М. Г. Когнитивные основы экономического перевода (на материале терминологии менеджмента) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах материалы VIII Междунар. Науч. конф. / отв.ред. Л.А. Нефедова. – Т. 1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 380–383.
4. Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода. Автореф. докт. дис., канд. филол. наук. Л., 1980.
5. Partridge E. Slang Today and Yesterday. London, 1961.
6. Oxford Dictionary of Slang / Ed. by J. Ayto. Oxford: Oxford University Press, 2003. 480 p.

УДК 811.111'253:372.8

ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СЛУШАТЕЛЕЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФАКУЛЬТЕТА ВЕТЕРИНАРНОЙ МЕДИЦИНЫ

Т. И. Кушнарёва,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

И. И. Кириллова,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Обучение межкультурному общению в неязыковом вузе является профессионально-ориентированной, познавательной и культурной подготовкой студентов с использованием родного и иностранного языков. Цель данной статьи состоит в рассмотрении компонентов профессионально-ориентированной переводческой компетенции, поскольку определение знаний, навыков и умений является важной предпосылкой для научно обоснованной системы подготовки будущих специалистов. В статье дано определение переводческой компетенции и её взаимосвязанных компонентов.

Ключевые слова: переводческая компетенция, компоненты переводческой компетенции, слушатели дополнительного профессионального образования.

Summary. The purpose of this article is to consider the components of professionally-oriented translation competence, since the definition of knowledge, skills and abilities of students is an important prerequisite for a scientifically based system of training future specialists. It was given the definition of translation competence. The components of the translation competence were singled out. The translation competence formation is based on

the competences gained by students in the course of studying in the higher educational institution. All these components are interrelated, interdependent; they are based on professional knowledge and skills.

Key words: translation competence, the components of the translation competence, students of additional professional education.

Профессионально-ориентированная организация занятий по практике перевода, на которых формируется переводческая компетенция слушателей дополнительного профессионального образования факультета ветеринарной медицины, становится всё более актуальной. Целью данной статьи является рассмотрение компонентов профессионально-ориентированной переводческой компетенции, поскольку определение знаний, навыков и умений слушателей является важной предпосылкой научно обоснованной системы подготовки специалистов.

Проблема определения составляющих переводческой компетенции имеет дискуссионный характер. Понятие «переводческая компетенция», обсуждаемое в многочисленных работах [1; 3; 4; 6; 9; 11–16], в наиболее общем смысле рассматривается как способность переводить (устно или письменно) на профессиональном уровне. Проведенный нами анализ вышеупомянутых научных работ свидетельствует о том, что осуществленные исследования не исчерпывают всех аспектов проблемы формирования профессионально-ориентированной переводческой компетенции. В частности, не определенным остается понятие «профессионально-ориентированная переводческая компетенция слушателей дополнительного профессионального образования». Обобщение существующих точек зрения позволяет предположить, что содержание профессионально-ориентированной переводческой компетенции включает в себя коммуникативный, профессионально-технический, текстообразующий, прагматический, стратегический и морально-этический компоненты.

Коммуникативный компонент [4; 11; 17] имеет следующие составляющие: языковую, речевую и социокультурную. Языковая компетенция означает определенную степень осознания принципов системной организации языков и закономерностей их функционирования, готовность использовать язык как средство речевой и умственной деятельности. Речевая компетенция является одновременно основой для осуществления всех видов речевой деятельности и результатом их формирования. Она обеспечивает не только восприятие и порождение текстов во время естественного общения, но и фазу «перекодировки» в условиях устного или письменного перевода.

Социокультурная компетенция состоит из страноведческой, лингвострановедческой [4] и предметной компетенций [14]. Страноведческая составляющая – это знания о культуре страны изучаемого языка. Лингвострановедческая компетенция предполагает осознание особенностей речевого и неречевого поведения носителей языка в

различных ситуациях общения. Предметная составляющая социокультурной компетенции – это владение определенными фоновыми знаниями, которые связаны с соответствующей специальностью [1; 3; 4; 6; 12; 13; 14] и без которых невозможен качественный отраслевой перевод. Адекватный уровень знаний здесь должен обеспечиваться мотивированным отбором тематического содержания обучения.

Профессионально-техническая компетенция слушателя [4] предполагает наличие знаний общих принципов теории и практики перевода, а также навыков и умений тех видов перевода, которые необходимы в профессиональной сфере деятельности.

Текстообразующая компетенция означает осознание и практическое применение правил построения различных видов текстов, отражающих ситуацию и сферу общения. Тексту присущи связность, логичность и организация. Текстообразующая компетенция обеспечивает порождение целостного текста с использованием различных средств смыслового и формального видов связи [4].

Прагматическая компетенция [1; 4] определяется как потенциальное воздействие текста оригинала на его потребителей. Задачей переводчика является распознавание степени такого влияния и выбор соответствующих приемов для обеспечения эквивалентного воздействия на адресатов текста перевода по сравнению с действием текста оригинала.

Стратегическая составляющая предусматривает способность осознавать глубинный смысл оригинала, а также способность применения адекватных переводческих стратегий для его сохранения в тексте перевода. Содержание понятия «переводческая стратегия» составляет порядок и суть действий переводчика при переводе определенного текста [1; 4].

Морально-этический компонент переводческой компетенции касается личностных качеств, которые должны присутствовать у каждого переводчика. Это – ответственность, объективность, презентабельность, психологическая устойчивость, коммуникабельность и др. [4].

Рассмотрев данные составляющие, под профессионально-ориентированной переводческой компетенцией мы понимаем способность реализовывать переводческую компетенцию в различных условиях речевого общения (встречи, переговоры, конференции, собрания, фестивали, выставки и т.д.), что предполагает овладение слушателями дополнительного профессионального образования совокупностью знаний, навыков и умений, которые обеспечивают их готовность к успешному межъязыковому и межкультурному общению.

Учитывая цель данного исследования, остановимся на изучении социокультурной компетенции слушателя, в частности на ее предметной составляющей. Формирование этого компонента рассматривается как одна из основных задач формирования умений профессионального перевода. Социокультурный компонент коммуникативной компетенции получает разные обозначения у разных авторов: фоновые знания [1; 3–6; 13],

вертикальный контекст [2; 3], когнитивная пресуппозиция или прагматическая презумпция [7; 10].

Некоторые авторы [11; 17] рассматривают социокультурную составляющую как знание социокультурного контекста и опыт общения и использование языка в различных социокультурных ситуациях. Содержание, структура и классификация фоновых знаний как объекта обучения варьируются в зависимости от принципов преподавания в конкретных высших учебных заведениях. С точки зрения лингвострановедческого подхода [11; 17], содержание социокультурного аспекта включает национальную ментальность (мировоззрение, формы вербального и невербального поведения, этикет, модели коммуникативного поведения в повседневной жизни страны изучаемого языка); национальные достояния (наука и искусство, история и религия, национальные памятники т. д.), а также опыт общения. Последний компонент подразумевает приемлемый стиль коммуникации, правильную интерпретацию проявлений иноязычной культуры, прогнозирование моделей восприятия речевых актов носителями языка и речевого поведения последних, отсутствие культурного шока, способность толерантно решать социокультурные конфликты, наличие в сознании индивида социокультурного портрета страны изучаемого языка.

Обобщая результаты анализа, изложенного выше, можно сделать вывод, что наиболее целесообразным обозначением маркированной социокультурной информации для задач нашего исследования является термин «фоновые знания». Фоновые знания являются неоднородными. По степени распространенности различают три вида фоновых знаний: общечеловеческие, региональные и страноведческие [2; 4]. Сюда можно отнести и социально-групповые фоновые знания, присущие определенным социальным общностям: ветеринарным врачам, юристам, педагогам и т. д. Важность фоновых знаний по тематическому признаку неоднократно подчеркивалась в специальной литературе [1; 3; 4; 6; 9]. Осознанное или неосознанное частичное непонимание текста оригинала вызывает искажение информации, нарушение норм и, возможно, недоразумение или даже конфликт между коммуникантами. Следовательно, задача подготовки слушателей состоит также в том, чтобы максимально расширять объем фоновой информации за счет увеличения номенклатуры тематических блоков и таким образом уменьшить риск возникновения переводческих трудностей по причине отсутствия соответствующих знаний.

Таким образом, рассматриваемый нами компонентный состав профессионально-ориентированной переводческой компетенции слушателей дополнительного профессионального образования факультета ветеринарной медицины является основой для создания научно обоснованной системы подготовки будущих специалистов.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак-тов. высш. учеб. заведений. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема. // *Вопр. языкознания*. – 1977. – № 6. С. 44-60.
3. Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: учеб. пособие. М.: КДУ, 2004. 240 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
5. Крюков А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // *Этнопсихоллингвистика: сб. ст.* М.: Наука, 1988. С. 19–34.
6. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие по подготовке переводчиков (с немецкого языка). М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.
7. Леонтьев А. А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.
8. Липатова В. В., Литвинов В. В. Современная модель профессиональной компетенции переводчика в контексте системы подготовки переводчиков в российских языковых вузах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. – 2012. – № 2. С.13–32.
9. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
10. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление. // *Вопр. языкознания*. – 1995. – № 6. С. 17–29.
11. Сысоев П. В. Концепция языкового поликультурного образования: (на материале культуроведения США). М.: Еврошкола, 2003. 406 с.
12. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта-Наука, 2003. 320 с.
13. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, М.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.
14. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. М.: Воен. изд-во Мин. обороны СССР, 1979. 183 с.
15. Явари Ю. В., Шилова О. Г. Требования к профессиональной компетенции переводчика при работе с реалиями // *Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»*. – 2017. – Выпуск 1. С. 87–96.
16. Competences for professional translators, experts in multilingual and multimedia communication [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competences_translators_en.pdf (дата обращения 26.12.2017).
17. Kramsch C. J. Context and culture in language teaching. Hong Kong: Oxford University Press, 1996. 295 p.

УДК 81

**THE MAIN TRANSLATION TECHNIQUES
AND TRANSFORMATIONS USED IN THE MILITARY DISCOURSE
INTERPRETATION TO ACHIEVE ADEQUACY**

В. А. Лазарев,

*доктор филологических наук, профессор кафедры перевода
и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный
университет, Ростов-на-Дону*

А. А. Калмыкова,

*студентка кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных переводческих приемов и трансформаций, используемых при переводе текстов военного (военного) дискурса. Отражены основные лексико-семантические и структурные несоответствия между двумя языками в интерпретации военного дискурса, которые требуют при переводе с одного языка на другой перестройки синтаксической структуры предложения либо лексической замены английского слова, не имеющего эквивалента в русском языке.

Ключевые слова: военный дискурс, переводческие приемы и трансформации, перестановки, инверсия, конкретизация, генерализация.

Summary. The article is devoted to the consideration of the main translation techniques and transformations used in the translation of texts of military discourse to achieve adequacy. The main lexical-semantic and structural discrepancies between the two languages in the interpretation of military discourse are reflected. They require the restructuring of the syntactic structure of the sentence or the lexical replacement of an English word that does not have an equivalent in the Russian language, when translating from one language to another.

Key words: military discourse, translation techniques and transformations, transposition, inversion, specification, generalization.

The scientific and technical translation of military texts differs significantly from the translation of fiction or the publicistic texts. As a rule, they do not contain information aimed at the transmission of emotions and feelings. The language of scientific and technical literature fulfills, first of all, a communicative function in contrast to the language of the journalistic and artistic texts. Consequently, the translation in this case is regarded as the process of converting text in one language into text on the other while maintaining a relatively unchanged content [5, p. 37].

When translating from one language to another, lexico-semantic and structural discrepancies between the two languages require the syntactic structure of a sentence or the lexical replacement of an English word that does not have an

equivalent in the Russian language. Such substitutions or transformations in the course of the transition from the original language units to the translation units are called translational (interlingual) transformations and are regarded as translation techniques. For example, Ya. I. Retsker defines transformations as "methods of logical thinking, by means of which we reveal the meaning of a foreign word in the context and find a Russian correspondence that does not coincide with the dictionary one" [4, p. 134]. By transforming both the form and the meaning of the original units, the translation transformations are formal-semantic.

Despite the variety of classifications of translation transformations available at the moment, most linguists pay attention primarily to the nature of linguistic units, which are considered as initial in the transformation operation. They (L. S. Barkhudarov, L. K. Latyshev, T. R. Levitskaya, A. M. Fiterman, V. N. Komissarov, Ya. I. Retsker) subdivide all transformations when translating into lexical, grammatical and stylistic. However, considering the information capacity of a language unit to be translated, we take into account not only the lexical and semantic meaning of words and their combinations, but also their grammatical properties, which can have a significant effect on the order of the translated message. Therefore, there is a need to distinguish a group of lexical-grammatical transformations, when the transformations affect both the content plan and the expression plan of the linguistic unit to be translated. Transformations can also be combined with each other, assuming the nature of complex transformations. In addition, according to Z. D. Lvovskaya, between different types of transformations there is no blind wall, the same transformations can sometimes be a controversial case and they can be attributed to different types. [1] Let us dwell on some of the transformations used in translating scientific and technical texts of a military nature.

L. S. Barkhudarov suggests the following methods, distinguished by formal characteristics: transposition, additions, substitutions, omissions. [1]

Transpositions are changes in the location (order) of the language elements in the translation text compared with the original text. The reorganization of the syntactic structure of the sentence when translated into Russian is due primarily to the special role of word order in the English sentence. It is not always easy for Russian speakers to get used to the fact that the English sentence has a strictly fixed order of words, whereas in Russian, due to the presence of case endings, it is completely permissible to change the members of the sentence. The main meaning of the statement is almost unchanged. Transpositions in the Russian text when translated from English are possible, and sometimes even necessary for the logical correspondence of the text in Russian.

For example:

- It is necessary to protect the chamber, receiver and recoil mechanism with a special lube which also prevents its surface from wrecking corrosion [7]

- Для защиты патронника, ствольной коробки и противооткатного механизма от коррозии применяется специальное смазывающее вещество.

However, one should not forget about this phenomenon in English as an inversion. Sometimes authors use the «wrong» word order – inversion – to focus on one word or another in the sentence. There are different types of inversion.

Let us consider the cases of transformations in the translation of sentences with inversion occurring in a professional text:

1. It this weapon is given the gas mechanism which unlocks the breechblock [3].

In this example, there is a simple inversion; the case when the predicate «is given» is moved to the position before the subject «the gas». The basic principle guided by the authors of the scientific and technical text is the phenomenon of the weakening of the semantic saturation at the end of the English sentence. Therefore, the closer the word is to the beginning of the sentence, the more important from the author's point of view is the semantics of the given word. When translating such sentences, it is necessary to preserve the order of words of the English sentence.

Translation:

«В пушке находится механизм отвода газов, который отворяет затвор».

2. The most for its type are multi-role military helicopters [2].

At the beginning of the sentence, the semantic part of the complex predicate «useful» is taken out, and the subject stands after the verb-link «be». Thus, there is a double inversion. The translation of such constructions should begin with the circumstance «if it exists», and connect the semantic part to the verb be and coordinate with the subject.

Translation: «По своему типу самыми применяемыми являются многоцелевые военные вертолеты».

Another type of transformation is replacement, which involves the replacement of words, parts of speech, sentence members, syntactic links, and lexical substitutions, as well as lexical substitutions. Lexico-semantic substitutions are a way of translating lexical units of a foreign language by using translation units that do not match value with the initial, but can be derived logically.

The addition, omission, generalization, concretization and reception of semantic development, etc can be attributed to lexical substitutions.

In the example above, we observe a substitution of the type of syntactic connection:

- It is necessary to protect the chamber, receiver and recoil mechanism with a special lub which also prevents its surface from wrecking corrosion [7]

- Для защиты патронника, ствольной коробки и противооткатного механизма от коррозии применяется специальное смазывающее вещество (Добавление).

In the English version, the sentence was a complex structure with a subordinate cliche introduced by the connective word *which* (которые). As a result of the transformation, the sentence in the Russian version acquired the structure of a simple sentence complicated by homogeneous additions. An addition was also used. Additions involve the use of additional words in

translation that do not have correspondences in the original *from wrecking corrosion* – from the harmful effect of corrosion (if translated literally – «от пагубной коррозии»).

Sometimes in the English sentence, couplets are used. They are translated into Russian in one word: *Just and equitable treatment* – *справедливое отношение*. In this case, there is an omission, i.e. omission of certain words in the translation.

Specification is the replacement of a word or phrase with a broader subject-logical meaning of the source language for a word or phrase of a translation language with a narrower subject-logical meaning. In English there is a large group of words with a broad conceptual basis, referring to different parts of speech, the meaning of which in the translation has to be concretized in context. [6] These are such nouns as: *thing, roint, stuff, affiir*; *adjectives nice, fine, bad*; *verbs to say, to get, to go, to involve, to take, etc.*

Translation:

But later there came a remarkable series of mechanical [3].

Generalization of the lexical-semantic transformation, in which the replacement of the unit of the original language, which has a narrower meaning, is performed by the unit of the translation language with a wider meaning. Generalization should be used if the language of translation does not have specific concepts similar to the concepts of the source language. This technique is manifested in the example: *enginemoonts* – *подвески*. Here we see the omission of the word «*engine*» in translation. This can be explained by the fact that the company of JSC «ERSELL» works exclusively with engines (nacelles), therefore the addition to the term of the qualifying word «*двигатель*» is inappropriate here. because it is clear to the recipient of this term without specifying which pendants are being discussed.

So, to achieve the adequacy of the translation of the text of military content, various transformations which consist either in restructuring the syntactic structure of the sentence, or in lexico-grammatical replacement of the word or phrase of the original language are used. The need for transformation arises when there is no equivalent in the translation language. The task of an interpreter at achievement of adequacy is to select the necessary technique to use it skillfully.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Akimova O. V. Term as a unit of the terminological field and professional discourse in the difference-structured languages (On the material of the terminology of the macrofield «Civil Aviation Radio Exchange» in Russian and English): Dis. Cand. philol. Sciences: Kazan: Kazan State University. ped. University, 2004. 254 p.
2. Arutyunova N. D. Discourse // Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: «Soviet Encyclopedia», 1990. 688 p.
3. <http://gtmarket.ru/concepts/6987> "Discourse. Humanitarian Encyclopedia » [Electronic resource] // Center for Humanitarian Technologies, 2010-2016 (last revised: 30.10.2016).

4. Jane's Defence Weekly. 10–16 November. – 1993. P.32
5. Lysenko S. V, Plotnikov V. V. Aviation English: air-to-ground radio exchange: textbook. Moscow Aviation Institute (state technical university); Institute of Foreign Languages. Moscow: Digital, 2009. 84 p.
6. Nelyubin L. L. Dormidontov A. A, Vasilchenko A. A Military translation and its features. Moscow: Military Publishing, 1984. 440 p.
7. Transport patrol [Electronic resource]. Electron. Dan. Moscow, 2007. Access mode: <http://transsbes.som/info/avia/airesr-lider.html>.

УДК 811.12

ПЕРЕВОД КАК КОММУНИКАЦИЯ КУЛЬТУР И КАРТИН МИРА

Часть I. ПРАКТИКА

Э. В. Ларина-Кааби,

*руководитель он-лайн Бюро переводов Ларина Транслейшн,
член Ассоциации литературных переводчиков Франции, Орибо-сюр-Сиань*

О. В. Шимельфениг,

*кандидат физико-математических наук, доцент кафедры геометрии,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов*

Аннотация. В предлагаемом исследовании в двух частях перевод интерпретируется как деятельность по организации такого диалога между коммуникантами, при котором не только переводчик, но и каждый из собеседников должен осознать наличие проблемы межкультурной коммуникации, пытаться понять картины мира (культурные коды) как партнёра, так и свои собственные; в чём-то они могут оказаться близкими, а в чём-то даже антагонистичными, что делает перевод более трудной проблемой, вынуждая всех участников к поиску компромисса. Для текстов мировоззренческого характера во многих случаях проблема может оказаться неразрешимой.

Ключевые слова: перевод, культурный код, язык, картина мира, коммуникация, понимание, проблема.

Summary. In the proposed study, the translation is interpreted as the organization of such dialogue between communicants, in which not only the translator, but each of the interlocutors should be aware of the existence of the problem of intercultural communication, to try to understand the pattern of the world (cultural codes) of a partner, as well as their own; in some ways they can be intimate and even somewhat antagonistic, which makes the translation more difficult problem, forcing all parties to compromise. For texts of ideological character, in many cases, the problem may be insoluble.

Key words: translation, cultural code, language, world view, communication, understanding, problem.

*Перевод – это процедура, которая проходит под знаком переговоров
Эко Умберто*

«Плохой переводчик переводит слова, хороший – смысл»
(Цитата неизвестного автора с форума Переводы и Переводчики)

Данный эпиграф взят далеко не случайно: дело в том, что переводчикам зачастую приходится сталкиваться с такими ситуациями, когда определяющим является не столько безукоризненная грамотность и правильность переводимых фраз, сколько умение уловить межкультурные различия, которые порой выражаются не через слова, а трансляцию некоего культурный кода – и если найти способ верно передать этот **культурный код** (здесь важную роль играет **шестое чувство переводчика, его интуиция и знания культурных особенностей**), то некоторые грамматические шероховатости (если только они не приводят к возможности двоякой интерпретации) не являются препятствием для продуктивного межкультурного диалога и поиска взаимопонимания.

Что же является «**культурным кодом**»? На наш взгляд, это разница менталитетов, быта, особенности поведенческих привычек представителей разных культур и национальностей, что даже при безукоризненно правильном с точки зрения вербального выражения перевода, может привести к недопониманию между участниками общения, несмотря на формальное присутствие переводчика. **Какие стратегии можно применить, чтобы верно транслировать культурный код**, то есть, чтобы участники общения достигли своих целей (именно, это, а не «идеальность» перевода с точки зрения его вербального выражения, является критерием хорошего/плохого перевода)?

Рассмотрим несколько примеров из практики.

Пример 1. Двое русских задержаны во Франции в связи с тем, что при досмотре у одного из них были обнаружены поддельные водительские права. При допросе адвокат задает вопрос: «Было ли Вам известно, что Ваши водительские права – поддельные?». Ответ – «Нет». Следующий вопрос адвоката: «Платили ли Вы в неформальном порядке какую-либо сумму должностному лицу с целью получения прав?». Ответ – «Да, так же, как и все платят».

Если бы в данной ситуации переводчик ограничился лишь дословным переводом, то несчастный задержанный мог вполне получить достаточно суровый приговор – три года тюремного заключения. Во Франции «платить должностному лицу в неформальном порядке за получение водительских прав» – это фактически означает, что полученные таким образом права поддельные и получившее их лицо осознавало, что его права – недействительные, действительные права получить во Франции путем взятки практически нереально, таким образом практика «неформальной оплаты» получения водительских прав во Франции не так распространена, как в России, где существуют «полуформальные» тарифы по принципу: не заплатишь – намеренно создадут на экзамене такие условия, что сдать его будет невозможно.

Поэтому задержанный с такой неподдельной «искренностью» и сообщил адвокату, что «заплатил так же, как и все» – и если бы переводчик не сделал соответствующих пояснений, адвокат решил, что «использование поддельных прав было сознательным актом, то есть, налицо, такой аспект состава правонарушения, как прямой умысел». Но, благодаря, объяснениям переводчика, адвокату стало ясно, что намеренного использования поддельных водительских прав возможно и не было, так как в связи с коррумпированностью системы, в России часто вполне «заслуженные» и действительные водительские права можно получить, только через взятку.

Так что в данном случае переводчик транслировал культурный код и способствовал межкультурной коммуникации, **ознакомив представителя одной культуры с жизненными реалиями другой культуры**, и таким образом помог более детально расшифровать смысл высказывания – в случае менее детальной расшифровки, могли иметь место не совсем приятные юридические последствия.

Пример 2. Перевод в школе для детей, у которых есть проблемы со слухом, беседы родителей русскоязычного ребенка с преподавательским коллективом. Преподаватели перед началом беседы сообщают переводчику, что «русские очень холодно себя ведут и никогда не улыбаются», что создаёт напряженности при общении с ними. Переводчик делает предположение, что, возможно, родители ребенка чувствуют себя некомфортно и неуверенно, так как не могут адекватно выражать свои мысли на французском языке, а также поясняет, что в целом представители русской культуры улыбаются реже, чем европейцы, и крайне редко делают это из «простой вежливости», поэтому порой европейцы думают, что русские – «хмурые и недоброжелательные».

Благодаря посредничеству переводчика, беседа преподавателей и родителей успешно состоялась, причем родители смогли полностью выразить свои мысли, почувствовали себя расслаблено и улыбались. Преподаватели были приятно удивлены, и после беседы сказали переводчику, что «родители этой девочки, оказывается, милые и приятные люди, мы, наконец, нашли с ними общий язык».

Первый шаг для этого был сделан переводчиком – еще до начала самой беседы, он, пояснив и расшифровав поведенческие особенности, непонятные преподавателям, помог им настроиться на более дружеский и расслабленный тон – родители ученицы это почувствовали, и ответили тем же, и таким образом, «лед был сломан» (продолжение истории – мама девочки в течение следующего года прекрасно освоила французский язык и в дальнейшем успешно общалась с преподавателями уже без участия переводчика).

Пример 3. Переводчику на деловой встрече предлагают продолжить русско-английский перевод, который до прибытия на место переводчика делал не профессиональный переводчик, а один из деловых партнеров. В ходе беседы переводчик понимает, что деловой партнер, который говорит

по-английски, француз. Переводчик, владеющий как английским, так и французским языком, предлагает перейти этому участнику переговоров на его родной, французский язык (несмотря на тот факт, что переговоры без существенных потерь смысла можно было продолжить на английском, которым француз превосходно владеет). Французский партнер оценил этот жест – специально для него пригласили переводчика с его родного языка. В результате переговоры прошли в крайне дружеском ключе и стали основой для дальнейшего продуктивного сотрудничества между сторонами.

Переводчик не просто из вежливости перешел на родной язык французского партнера – это было сознательное переключение культурных кодов, ведь даже владея другим языком в совершенстве, человек все равно сам с собой разговаривает чаще всего на своем первом, родном языке, выражая свои мысли на родном языке, мы чувствуем себя более уверенно, поэтому обращаясь к человеку на его родном языке, можно обеспечить ему большее раскрепощение и чувство комфорта и безопасности, что приведет к большей открытости в общении, что так важно во время деловых переговоров.

Язык – это, несомненно, ключ к культурному коду и его переключению, ведь именно средствами языка, порой можно выразить и неязыковые, невербальные особенности культуры.

Пример 4. Перевод в бухгалтерском кабинете диалога между собственником ресторана, уволившем одного из своих сотрудников, и бухгалтером, который ведет его дела. Собственник в ярости от того, что во время прошлой встречи бухгалтер сообщил, что «увольнение этого сотрудника не будет Вам стоить слишком дорого», а в результате собственник должен выплатить уволенному сотруднику компенсацию в размере более 30 тысяч евро. Ни собственник, ни бухгалтер, не понимают, как могло возникнуть такое чудовищное недопонимание.

А недопонимание возникло в связи с тем, что переводчик, который работал на предыдущей встрече, хорошо выполнил перевод отдельных слов и фраз: «Дорого ли мне будет стоить увольнение этого сотрудника?» «Нет, не дорого». Переводчик в данном случае осуществил **чисто вербальную, но не культурную коммуникацию**. Переводчику следовало предположить, что французский бухгалтер не знаком с правилами увольнения в России и размерами выплачиваемых их компенсаций (и для него действительно, 30 тысяч евро – сравнительно небольшая компенсация), а собственник ресторана, в свою очередь, не знает французского трудового законодательства и не имеет представления о том, как рассчитываются суммы компенсаций при увольнении. По этой причине переводчику для осуществления межкультурной коммуникации следовало во время перевода задать бухгалтеру уточняющий вопрос: «Обозначьте, пожалуйста, конкретную сумму, которую будет необходимо в случае увольнения выплатить в данной ситуации сотруднику». И тогда у собственника ресторана сложилось бы более ясное представление о размере компенсации.

Таким образом, переводчик для того, чтобы верно передать культурный код, верно его транслировать средствами другого языка, должен быть не только специалистом в области собственно языка, но и грамотным и чутким психологом, хорошо знать культуры как переводимого языка, так и языка перевода, проявлять умеренную и разумную инициативу, осуществляя посредничество при общении представителей разных культур, обусловленных языком и иными обстоятельствами картин мира (в ряде случаев, делать пояснения, задавать уточняющие вопросы).

УДК 811.12

ПЕРЕВОД КАК КОММУНИКАЦИЯ КУЛЬТУР И КАРТИН МИРА

Часть II. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Э. В. Ларина-Кааби, О. В. Шимельфениг

Каждый человек употребляет слово для выражения своей особенной личности: оно всегда истекает от отдельного лица и каждое лицо пользуется им, прежде всего, для самого себя ... никто не думает при известном слове именно того, что другой.

Александр фон Гумбольдт

Во второй части нашего совместного исследования мы попробуем акцентировать и углубить мировоззренческий, философский аспект проблемы перевода. Эта тема становится всё более актуальной в современном мире, когда, с одной стороны, фантастически упрощается возможность контактов разноязычных людей по всему земному шару, а, с другой стороны, делаются всё более доступными средства убийства и разрушения между непонимающими друг друга и потому конфликтующими людьми. Если философски осмыслить эту проблему межкультурной коммуникации, то становится ясно, что мировоззренческие дискуссии и споры, по сути, подобны рассмотренным выше в первой части ситуациям трансляции различных индивидуальных (и коллективных) картин мира, даже когда собеседники говорят на одном и том же языке, особенно при недостаточном осознании исходных посылок каждого. Например, слово «Бог» человек верующий и атеист понимают совершенно по-разному, что может оказаться решающим в восприятии основного смысла текста и даже приводить к беспощадным религиозным войнам.

Если действительно подходить строго – *sensu stricto*, нужно понять, что вроде бы один и тот же родной язык, включая «теоретический», употребляемый коммуникантами, на самом деле имеет собственную индивидуальную интерпретацию для каждого из них. То есть ситуация гораздо хуже, коварнее, чем встреча с иностранцем, где мы отдаем себе отчет, что говорим на разных языках. А тут обычно не возникает даже мысли о принципиальном разнопонимании, - в точности как у персонажей диалога жестами у Раблэ - Панурга и Тоумаста, которые были очень

довольны процессом своей коммуникации, только в результате оказалось, что каждый из них понимал все жесты по-своему...

Невольный, но убедительный эксперимент на эту тему в массовом масштабе поставила советская власть в России, - создав коммунальные квартиры. В некоторых из них разные семьи и люди жили душа в душу и с ностальгией вспоминали потом эти времена. А в других бывали ситуации постоянных конфликтов вплоть до физического насилия, доносов и даже убийств. В чем же дело? Все были советскими людьми и говорили на русском языке, - но во втором случае глубинной причиной всех трагедий были несовместные, в основном даже неосознаваемые, представления о реальности.

Суфии сотни лет назад прекрасно понимали эту глубочайшую проблему передачи знания об Универсуме, введя триаду: **место, время, люди**, вне учета которой мировоззренческая коммуникация бессмысленна. Писать абстрактный теоретический текст от имени «объективного» «никого» к «объективному» «никому» - совершенно нелепо, но именно такими текстами чаще всего наполнены «философские» издания. И мы с тобой, читатель, находимся в дурацком положении – мы не видим и не слышим твоей реакции на наш текст и почти не можем контролировать самый фантастический ход мыслей, который может у тебя возникать в процессе чтения. Мы в состоянии только - на основе уже имеющегося опыта восприятия наших идей и их обсуждения – как-то среднестатистически предугадывать твое восприятие и корректировать его различными пояснениями, примерами, историями, в том числе и из собственной жизни. И никакая одна только - «самая строгая теория» тут не поможет – **дай Бог** что-то передать с помощью **всех** средств человеческой культуры, в том числе, конечно, и формально-логических.

Сократ говорит: «В этом, Федр, ужасная особенность письменности, поистине сходной с живописью: ее порождения стоят, как живые, а спроси их – они величественно молчат. То же самое и с сочинениями. Думаешь, будто они говорят, как мыслящие существа, а если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда твердят одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде - и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому вовсе не пристало читать его, - и не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо ругают его, оно нуждается в помощи своего отца, а само неспособно ни защищаться, ни помочь себе» [3, с. 185]. Переводчик же может выступить в роли помощника и заступника каждого собеседника.

Итак, **задача мировоззренческой коммуникации распадается на три относительно самостоятельных *тяжелейших* проблемы.**

Сначала надо понять самого себя (не слабо, да, - реализовать экзистенциальное задание древнегреческих мудрецов: «Познай самого себя!») и четко осознать **свой язык автокоммуникации** – что ты сам

вкладываешь в ключевые для тебя термины и понятия. Это усиление в сторону индивидуализации употребления родного языка тезиса из нашей Части I, отражающего типичную жизненную ситуацию: «человек всё равно сам с собой разговаривает чаще всего на своем первом, родном языке».

Затем, имея в виду конкретного собеседника, попытаться сделать аналогичную работу за него, ибо, даже если он ее для себя совершил, и вербализовал свое представление о мире, его языка ты все равно не поймешь, пока не влезешь в его шкуру, не ощутишь себя им, - как талантливый актер по системе Станиславского.

Причем, повторимся, самое ужасное, что слова обоих языков автокоммуникации – твой и его – будут в основном те же, из родного словаря, но с совершенно разными оттенками смысла и сюжетами жизни, стоящими за ними. Хотя, конечно, могут быть группы очень близких по отношению к миру людей, что и создает у них иллюзию «объективности» и «истинности» мировосприятия и своей «философии».

И наконец, следующая – третья задача – построить сценарий, который хоть как-то создаст возможности передачи **моего** понимания мира другому человеку с учетом знания **его** языка и **его** представления о реальности. **При этом употребляемые обоими общие слова и термины чаще всего будут искажать смысл, создавая иллюзию понимания, так как автоматически интерпретируются каждым в разных смыслах.** Поэтому более эффективным и менее трудоемким будет живое непосредственное общение с взаимной обратной связью. Поэтому-то большинство мудрецов всех времен и народов предпочитали письму прямой диалог и до нас дошли записи лишь некоторых из них. Именно к подобному выводу приходит Умберто Эко [7, с. 6], что перевод – это процедура, которая проходит под знаком переговоров.

Известный испанский философ Ортега-и-Гассет [4] частично подошел к этой тяжелой «**тройной проблеме**», говоря о необходимости анализа каждого слова, а затем и фразы философского текста. Но он все же остановился на том уровне абстракции, который не учитывает – явно – глубинных представлений о мире каждого из участников общения:

«Философию нельзя читать – нужно проделать нечто противоположное чтению, т. е. продумывать каждую фразу, а это значит дробить ее на отдельные слова, брать каждое из них и, не довольствуясь созерцанием его привлекательной наружности, проникать в него умом, погружаться в него, спускаться в глубины его значения (всё верно, но это лишь полпути к взаимопониманию, так как неизбежно возникают вопросы: **«значения» для кого? и с точки зрения кого?** – Э. Л., О. Ш.), исследовать его анатомию и его границы (опять – **для кого?** и т.д. – Э. Л., О. Ш.), чтобы затем вновь выйти на поверхность, владея его сокровенной тайной (Нет никакой «тайны» для абстрактного персонажа – для «никого» – опять же, как это в другом месте прекрасно выразил сам автор: «ложная утопия – истина без местоимения, видимая с «никого» места» [4, с. 48], но эффект

Эдиповой слепоты – неузнавания определенного сюжета, в данном случае даже своего собственного, – чаще всего неумолимо управляет поведением... – Э. Л., О. Ш.). Если проделать это со всеми словами фразы, то они уже не будут просто стоять друг за другом, а сплетутся в глубине самыми корнями идей, и только тогда действительно составят философскую фразу. («Фразу», высвечивающую, выхватывающую блик на **поверхности образа мира данного мыслителя**, текст которого исследует опять же **другой философ**, смотря на описание жизни «вселенной» первого со своей «планеты» – Э. Л., О. Ш.). От скользящего, горизонтального чтения, от умственного катания на коньках нужно перейти к чтению вертикальному (мы бы углубили образ – не вообще «вертикальному», а и к **чтению персональному – осознанному** – в смысле постоянного уточнения взаимных исходных «посылок» – представлений о глубинных картинах мира своей и исследуемой – Э.Л., О. Ш.), к погружению в крохотную бездну каждого слова (за которым скрываются, по крайней мере, **две огромных** бездны образов мира коммуникантов – Э.Л., О. Ш.), к нырянию без скафандра в поисках сокровищ» [4, с. 86].

Таким образом, то, что обычно разумеется само собой при общении двух людей на родном языке, - в мировоззренческой коммуникации на главную тему – об устройстве мира в целом – вырастает в три проблемы фантастической сложности!

А если мы обращаемся сразу ко **многим** людям? По крайней мере, две последних из этих трех проблем умножаются на число дополнительных коммуникантов. Все остальные «философские проблемы» – детский сад по сравнению с этими. Чтобы их успешно решать - надо обладать, очевидно, кроме культурного багажа, навыками психоаналитика, сценариста, режиссера, актера, внимательного слушателя, зрителя и, наконец, даже дипломата, к какому выводу, по существу, мы пришли и в первой части нашей работы, посвящённой практике устного перевода.

Однако, следуя главному принципу диалектики – о развитии сюжета Жизни через борьбу и взаимопереход противоположностей – необходимо рассмотреть и неизбежную своеобразную антитезу к обсуждавшимся выше действиям переводчика, приводящим к взаимопониманию и согласию всех сторон процесса коммуникации, – это неустранимость до конца разнопонимания практически любого текста, даже на одном родном языке, и даже более того, – благотворность этого, вроде бы, негативного явления для развития культуры человечества. Ещё в 90-е годы прошлого столетия, когда только начала формироваться модель современной единой Европы, Ю. М. Лотман обратил внимание на необходимость разнопонимания реальности: «Сейчас делается попытка создать мировое пространство – экономическое и культурное... Ощущение рубежности, пограничности становится этическим, переходит внутрь человека, то есть, мы пытаемся создать общечеловеческую цивилизацию. Единство состоит не в том, чтобы все были одинаковыми. **“Понимаемость”**, к которой мы так стремимся, -

это один полюс; другой необходимый полюс - “непонимаемость”, потому что непонимание делает понимание мучительным и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность... Будущее – не в стирании национальных границ, а в понимании чужого, в понимании **необходимости чужого**: чужой, инакомыслящий, иначе устроенный для меня мучительно необходим и составляет моё мучительное счастье...» [3, с. 74].

Эта идея Лотмана перекликается с мыслью Умберто Эко: «...я замечал возможности: иначе говоря, я замечал, как при соприкосновении с другим языком текст выказывал потенциалы истолкования, которые не были известны мне самому, и как подчас перевод мог улучшить оригинал (я говорю “улучшить” именно в отношении к тому *намерению*, которое сам текст внезапно проявлял, независимо от того исходного намерения, которое было у меня как у эмпирического автора)» [7, с. 9].

Для продолжения демонстрации полезности этой идеи приведём свои комментарии к ещё нескольким высказываниям Умберто Эко из той же работы. Перевод «всегда должен стремиться к тому, чтобы воспроизвести намерение – не скажу «автора», но *намерение текста*: то, что текст говорит или на что он намекает, исходя из языка, на котором он выражен, и из культурного контекста, в котором он появился. ... переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая *в известном смысле* может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-символическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник» [7, с. 9–10].

Это близко к нашему предложению в первой части данной работы – обращаться в процессе перевода к «культурным кодам» коммуникантов. Но здесь следует обратить внимание на существование некой принципиальной когнитивной границы для множества людей, стремящихся адекватно воспринять некоторые, например, философско-религиозные тексты, а также научные, да, и многие другие. О вневременных и внепространственных трудностях понимания некоторых древних текстов писал в одной из своих статей по буддизму [6, с. 425] известный философ и востоковед А. М. Пятигорский: «...не следует думать, будто бы буддийский текст трудно понимать только из-за удалённости во времени и чуждости культур. Я думаю, что не было времени, когда бы такой текст понимался как современный, и не было культуры, где бы он ощущался как от неё произошедший. <В любые времена он и должен пониматься с трудом>».

Действительно, чтобы понять подобные тексты нужно то, о чём в разнообразных сюжетных контекстах говорим мы и Умберто Эко: «чтобы понять какой-либо текст (и тем более, чтобы перевести его), нужно выдвинуть гипотезу о *возможном мире*, который он представляет» [7, с. 34], но, очевидно, далеко не каждый человек способен, подобно сценаристу и

режиссёру, генерировать нетривиальные внутренние состояния и восприятия разнообразных действующих лиц Вселенской Драмы и собирать их в некую гармоничную целостность, осознанно направляя в ту или иную сторону развитие сюжета жизни. Дело в том, что любой текст, любая информация погружается в картину мира (во многом бессознательную) конкретного воспринимающего и «перемалывается» в ней её «программами» переработки, его «культурным кодом», давая на выходе свой «фирменный» продукт. Правда, если адресат уже готов к следующему шагу духовного и интеллектуального развития, а информация максимально задевает его, сталкивая с привычных позиций, то возможно чудо трансформации: «Говоря лингвистически и культурологически, текст – это джунгли, где туземный носитель языка порою впервые придает смысл тем словам, которыми он пользуется, и этот смысл может не соответствовать тому смыслу, который те же самые слова могут принимать в ином контексте» [7, с. 34].

Если же читатель (или слушатель, зритель) не готов к иному восприятию мира как Целого, намертво привязан к своим догмам, включая неосознаваемые программы, то он не сможет понять «намерение» автора и не сумеет «действовать сообразно с содержанием» [7, с. 78]. Таким образом, и в общем случае, как правило, «при переводе *никогда не говорится то же самое*» [7, с. 78], равно как и «один и тот же» текст на родном языке не воспринимается одинаково разными лицами, и даже одним и тем же человеком в разное время, что кажется незначительным эффектом обычным людям, но открывается как фундаментальная дифференциация индивидов истинным мыслителям: **«можно ли к тому, что воспринимается разными лицами, прилагать, тем не менее, термин “то же самое”»** (Беркли [1, с. 343]); «Ни один человек не понимает другого вполне, ...никто под теми же самыми словами не понимает того же, что другие, и разговор или чтение книги у разных лиц вызывает разный ход мыслей» (Гёте [2, с. 199]). Но именно это неизбежное разнопонимание реальности служит двигателем разворачивающегося Сюжета Жизни.

Список использованных источников

1. Беркли Дж. Сочинения. М., 1978. 556 с.
2. Гете. Избранные философские произведения. М., 1964. 519 с.
3. Лотман Ю.М. Разговор о пространстве // Воспитание души. СПб. 2005. 624 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. 408 с.
5. Платон. Собр. Соч. в 4 т., Т.2, М., 1993. 528 с.
6. Пятигорский А.М. О.О. Розенберг и проблема языка описания в буддологии. // Труды по знаковым системам 5. Тарту, 1971. С. 423–436.
7. Эко, Умберто. Сказать почти тоже самое. Опыты о переводе. М., 2015. 100 с.

УДК 811.11 – 112

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА
В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА***А. Э. Левицкий,**доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода
и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков
и регионоведения, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В статье с позиций современной когнитивно-дискурсивной парадигмы определяется подход к анализу основных положений теории перевода. Цель работы состоит в раскрытии особенностей процесса перевода, а также перспектив использования когнитивно-дискурсивного подхода для определения качества перевода и его оценки. Анализ теоретических источников по когнитивной лингвистике и дискурсологии, а также практический опыт работы стали основанием для получения результатов. Выявлена роль когнитивных и дискурсивных факторов в ходе транскодирования информации переводчиком.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная парадигма, теория и практика перевода, категориальные ориентации, компетенции, стратегии.

Summary. The article deals with the analysis of the main notions of translation theory within the framework of present-day cognitive-and-discursive paradigm in linguistics. The aim of the paper is to specify the perspectives of further application of cognitive-and-discursive approach attributed for improving the quality of translation as well as shaping the specifics of translation process. The review of theoretical sources on cognitive linguistics and discourse studies with regard to practical investigations served as a ground for obtaining the results. The role of the cognitive and discursive factors while transcoding the information by translators have been pinpointed.

Key words: cognitive-and discursive paradigm, translation theory and practice, categorical orientations, competences, strategies.

Среди основных мировоззренческих перспектив лингвистики начала XXI века неслучайно на передний план выходят исследования процессов познания индивидом окружающего мира на основе языковых и речевых данных. Эти научные поиски базируются на тенденциях, заложенных в языкознании в предыдущие периоды его развития. Современное же состояние лингвистики как науки отмечается полипарадигмальностью [7], её наиболее значимыми чертами являются антропоцентризм, экспланаторность и функционализм [7]. Их действие способствует перспективности изучения механизма познавательных процессов и ословливания окружающего мира, а также процесса транскодирования как переводческой деятельности в когнитивном и дискурсивном аспектах. При этом речь идет об освещении актуальных вопросов взаимосвязи языка и мышления, смежных с ним – языка и общества, языка и культуры, что раскрывает суть современной лингвистической теории перевода. Таким

способом проявляется гуманитарный характер языкознания как науки и антропоцентричность процесса перевода.

Актуальность подобных исследований раскрывает междисциплинарный характер современной науки, поскольку они могут выполняться только с учётом данных психологии, социологии и культурологии. Так, в пределах когнитивно-дискурсивной парадигмы [7] постулируется анализ “ословливания” информации о действительности, которая основывается на особенностях мировосприятия индивида, его социальной или этнокультурной принадлежности. Безусловно, профессиональный переводчик обязан учитывать особенности интеракции в исходном тексте, которые высвечивают ситуативный параметр процесса общения, индивидуально-психологические свойства (психическое состояние и темперамент) автора исходного текста, его социальные (возрастные, гендерные и статусные) и этнокультурные характеристики. Переводчик посредством анализа номинативно-коммуникативной деятельности человека с учетом этнокультурных, социальных, индивидуально-психологических и ситуативных фильтров опирается на прототипические черты организации разных дискурсов, речевых жанров и коммуникативных ситуаций для последующей алгоритмизации своей деятельности. Таким образом, открываются новые горизонты учёта данных когнитивно-дискурсивной парадигмы для оптимизации практической деятельности переводчика и исследовательской работы переводоведа.

Выявление алгоритма отражения категориальных ориентаций, стереотипов, компетенций, стратегий, тактик и ходов номинативно-коммуникативной деятельности индивидов или их этнических группировок в целевом тексте являются существенными для проведения исследовательской работы переводоведа и практической деятельности и переводчика.

В лингвистическом аспекте объект исследования – это лексические и фразеологические единицы, которые используются как средство вербализации определенных концептов и формируют языковую картину мира этноса. Лексические и фразеологические единицы, с одной стороны, являются совокупностью символов для номинации объектов окружающей среды. С другой стороны, именно лексика и фразеология выступают хранилищем информации, содержащейся в исходном тексте, которая требует поиска аналогов в целевом языке для репрезентации в тексте перевода. Значительную роль приобретает рассмотрение семантического аспекта этнически маркированных лексических единиц, которые обозначают предметы, понятия и явления, характерные и существенные для некоего языкового сообщества, однако отсутствующие в другом или незначительные для его носителей. Своеобразие таких лексических единиц прослеживается также в способе словесной фиксации определенных фоновых знаний, которые, определяются как двустороннее знание реалий тем, кто говорит, и тем, кто слушает, и которое является основой языкового общения [1, с. 498] как одной из манифестаций перевода.

Кроме того, в лингвистическом аспекте особого внимания для переводчика заслуживают прецедентные феномены (имена, тексты и высказывания [4, с. 90–140]); композиционное строение текстов разных жанров, стилей и регистров. Кроме того, в фокус исследователя попадает определенный дискурс в референтной, текстовой, дискурсивной и коммуникативной ипостасях, а также культурных сценариев [2, с. 164], например, «отказ», «просьба», «требование», «комплимент», «критика», «несогласие», основывающиеся на семантических примитивах.

В результате исследования продуктов перевода мы можем раскрыть категориальные ориентации переводчика. Категориальные **ориентации** [8] суть продукты мышления, интенции, оценки и установки индивидуально-психологического, социального и этнокультурного характера, которые нуждаются в соответствующей вербализации. В таком смысле значительную роль приобретают коммуникативные стереотипы, которые зависят от этнокультурных, социальных и индивидуально-психологических факторов и проявляются в языковой форме.

Другая составляющая коммуникативного процесса зависит от способности переводчика формулировать результаты своей познавательной деятельности в языковой форме. Речь идет о разных проявлениях его **компетенций** (ср. [11]): языковой – умение подбирать нормативные языковые средства для адекватного выражения информации, содержащейся в исходном тексте; речевой – корректно использовать языковые средства в процессе деятельности; коммуникативной – целесообразно употреблять языковые и речевые средства коммуникации для максимально полного донесения информации из исходного текста в ткани целевого сообщения. От уровня сформированности данных компетенций зависит успешность акта коммуникации, то есть адекватная передача иноязычной информации. При этом целесообразно говорить о разноаспектности соответствующих **стратегий, тактик и ходов**. В частности, во время вербализации информации индивид использует определенные когнитивные стратегии, тактики и ходы, которые отражают его базовые гносеологические установки; номинативные стратегии, тактики и ходы отражают особенности восприятия информации, закодированной в исходном тексте; коммуникативные стратегии, тактики и ходы, целью которых являются языковая (ходы), речевая (тактики) и собственно коммуникативная (стратегии) вербализация глубинных речевых замыслов.

Когнитивные стратегии (ср. [9, с. 63]) определяют распределение и систематизацию вербализованной информации за счет выбора и сочетания предикативных единиц, обозначающих определенные концептуальные структуры, находящиеся в основе формирования идей. Когнитивные же тактики предопределяют выбор и распределение в высказывании единиц, с целью отображения внутренней организации концептуальных структур. Когнитивные ходы призваны активизировать определенные элементы концептуальной картины мира авторов оригинала и перевода.

Сам же язык как знаковая система выступает одним из главных путей его реализации [6, с. 14]. Следовательно, в процессе вербализации полученной информации индивид руководствуется целым рядом **номинативных** процедур, имеющие когнитивную основу (ср. [10]). Их направленность на конкретные концептуальные структуры получателя информации обеспечивает организацию процесса общения, а также выбор и аранжировку определенных номинативных единиц.

При выборе номинативной тактики значение приобретает также действие механизма аналогии, но уже не ментального хода, а языкового, поскольку речь идет о вербализации полученной информации.

Номинативная тактика предопределена системными характеристиками языковых явлений, специфическими способами представления языковой информации, в частности, содержанием компетенции авторов оригинала и перевода. Для современного английского языка из-за особенностей его структуры характерна значительная зависимость семантики слова от «узкого» контекста. В частности, английское слово может изменять функциональные характеристики без изменения формы, например, *The ship sails today* и *Ship the sails today*.

Номинативная же стратегия заключается в использовании определенной лексической единицы, что позволяет раскрыть взаимосвязь с другими предметами и явлениями. Такой подход доказывает, что в процессе перевода именованию подлежат не реальные объекты, явления, события и т.п., а фрагменты внеязыковой действительности, выделенные индивидуальным сознанием переводчика в процессе классификационной деятельности. Очевидно, что от выбора номинативной единицы зависит адекватность передачи информации, выраженной языковой формой.

Следовательно, в процессе создания текста переводчик на основе соответствующих когнитивных установок, в первую очередь, выбирает номинативную стратегию, то есть занимается выбором слов, тем самым, конструируя высказывание, а затем обращает внимание на тактику – выбор конкретного языкового материала. Перед ним стоит задание осуществить отбор необходимых лексических единиц и грамматических структур для адекватной передачи информации, а также для экономного, экспрессивного и эффективного воздействия на читателя / слушателя.

Однако формулировка высказывания не является полной без учета собственно **коммуникативных** стратегий, тактик и ходов. Коммуникативная стратегия зависит от намерения продуцента высказывания [12, с. 38], т.е. переводчика, основой которого является выбор оптимальных языковых ресурсов [5, с. 10]. Их активация осуществляется посредством коммуникативных ходов на начальном этапе построения высказывания. Обеспечение стратегических целей процесса общения достигается и на промежуточном уровне с помощью коммуникативных тактик – приемов и средств достижения целей, линий поведения на соответствующем этапе передачи информации. Коммуникативные ходы, стратегии и тактики

являются моделями коммуникативной деятельности индивидов в конкретных ситуациях переводческой деятельности.

Предложенный подход позволяет поставить человека в центр исследования общения, вскрыть причины его поведения в ходе переводческой деятельности; выделить языковые и речевые формы вербализации информации. Сопоставление полученных языковых данных создаст представление о социальных и этнокультурных факторах, являющихся существенными в процессе перевода.

Социально и культурно обусловленными выступают не только средства языкового кода, но и элементы коммуникативного кодекса. Максимы общения [3], на первый взгляд, являются универсальными, то есть характеризующими любой язык и его функциональные особенности. Однако некоторые из этих максим нарушаются в зависимости от социальных и национально-культурных особенностей.

Таким образом, перспективными направлениями раскрытия особенностей переводческой деятельности можно считать: выявление категориальных ориентаций, соответствующих компетенций, стратегий, тактик и ходов. Новые подходы позволяют конкретизировать наше представление о системах и структурах языков; раскрыть роль этнокультурного фактора в обеспечении отображения действительности вербальными средствами.

Список использованных источников:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энц., 1966. 608 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XXI. С. 217–237.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
6. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1996. 160 с.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 560 с.
8. Лиепинь Э. К. Категориальные ориентации познания. Рига: Зинатне, 1986. 210 с.
9. Павлов Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 62–64.
10. Потапенко С. І. Композиція англомовних друкованих новин: роль когнітивно-дискурсивних стратегій // Проблеми семантики, прагматики

- та когнітивної лінгвістики. К.: Вид-во Київського нац. ун-ту ім. Т. Шевченка, 2006. Вип. 10. С. 265–271.
11. Хомский Н. Вопросы теории порождения грамматики // Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 99–140.
12. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

УДК 398+801.6+81'25

ЭПИЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ СТИХ В НАУЧНОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКИ

Ю. В. Лиморенко,

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск

Аннотация. Цель доклада – описать типичные проблемы научного перевода эпического стиха и предложить нестандартные решения двух связанных проблем, апробированные в ходе работы над томами академических серий «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и «Эпос народов Европы и Азии». Методом сопоставительного анализа различных вариантов перевода показано, что нерегулярные случаи создания аллитерирующих фрагментов текста и ритмизации стиховых строк на языке перевода возможны без отступления от норм научного перевода, с сохранением смысловой точности текста. Указанные приёмы не могут применяться как общие принципы перевода, однако их использование при возможности помогает переводному тексту сохранить художественно-стилевые черты поэтического оригинала.

Ключевые слова: эпический стих, перевод фольклорных текстов, эпос народов Сибири, издание эпоса, ритмизация строк, аллитерация, тюркский стих.

Summary. The aim of the report is to describe the typical problems of the scientific translation of the epic verse and to propose non-standard solutions to two related problems, tested during the work on the volumes of the academic series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East" and "The Epic of the Peoples of Europe and Asia". Using the method of comparative analysis of variants of translation it is shown that irregular cases of creating alliterative fragments of text and the rhythmization of verse lines in the translation language are possible without deviating from the norms of scientific translation, while preserving the semantic accuracy of the text. These techniques can not be used as general principles of translation, but their use, if possible, helps the translation text preserve the artistic and stylistic features of the poetic original.

Keywords. Epic verse, translation of folk texts, epos of the peoples of Siberia, publication of epos, rhythmization of verse lines, alliteration, Turkic verse.

В современности, благодаря сложившейся в науке традиции, в переводе народных эпических произведений для научного издания переводчики и издатели придерживаются нескольких общих принципов:

перевод строка в строку (количество и содержание строк совпадают в оригинале и в переводе), запрет немотивированной перестановки строк, запрет изменений в составе строки. Эти принципы, касающиеся добросовестности подачи фольклорного материала, сегодня стали общепризнанными; нас же интересуют другие аспекты перевода эпического стиха, на которые также сложился вполне устоявшийся взгляд.

Переводчики, работающие над публикацией народного эпоса, в целом согласны, что природа оригинального стиха лишь в малой степени подлежит отражению в переводе, тем более если перевод научный, а не литературный (читай: приблизительный). В. М. Гацак, один из виднейших теоретиков в области перевода фольклора, прямо указывает: первична суть стихотворной строки, её содержание, а форма в научном переводе поневоле должна занять подчинённое положение [2, с. 184]. Из этого же принципа исходят переводчики сказаний тюркских народов, опубликованных в серии «Эпос народов СССР» (ныне «Эпос народов Европы и Азии») [3; 4; 5]. В комментариях к переводу эпических текстов они оговаривают, какие элементы языка и поэтики оригинала были ими не сохранены и почему. С. С. Суразаков, переводчик алтайского героического сказания «Маадай-Кара», соглашается с этой мыслью, но с любопытной оговоркой: «Переводчик старался сохранить в переводе параллелизм, но ритмический строй, рифму и особенно богатейшую аллитерацию и ассонанс *в полной мере* (выделение наше. - Ю. Л.) сохранить, конечно, не удалось» [6, с. 63]. В полной мере не удалось – значит, не в полной мере, отчасти, местами такие попытки делались и принесли свои плоды!

Между тем, практика работы над научным переводом эпических текстов в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» показывает, что ряд проблем перевода, которые ранее названы не подлежащими адекватному решению, в частных случаях могут быть решены, хотя приемы таких решений мы ни в коем случае не предлагаем сделать основополагающими принципами работы над переводом вообще. Возможность применения таких решений зависит от целей и задач издания, от компетентности переводчика, степени его владения языком оригинала и перевода; при удачном стечении этих обстоятельств рождается текст, не только научно и лингвистически точный, но и художественный совершенный.

Аллитерация в переводе. Сама постановка вопроса о передаче аллитерации оригинала средствами перевода вызывает у профессиональных переводчиков неприятие. Соображения о разности структуры и фонетическом строе языков, о различных принципах организации стиха совершенно справедливы, и в общем случае нет нужды требовать от научного перевода художественного текста (в этой формулировке важно каждое слово) полной передачи аллитерирующей природы оригинала. Однако отдельные находки в этой области, вполне реальные, например, для случаев перевода на русский язык, позволяют преодолеть почти

неизбежную бедность стиля перевода. Отдельные возможности передать эти признаки стиха мы можем использовать свободно, но это исключения, подтверждающие правило. Посмотрим, как это происходит с переводом тюркоязычных эпических текстов на русский.

Сказания «Очи-Бала» и «Кан-Алтын» [1] переведены на русский З. С. Казагачевой – замечательным знатоком алтайской фольклорной традиции. Обратимся к текстам сказаний и великолепно сделанным переводам.

В приведённом примере русский текст украшен аллитерациями намного меньше, чем оригинал (имеющиеся выделены жирным), поэтому посмотрим на другие строки – там переводчик нашла аллитерирующую форму:

Алтын тонду алыптар
Анданыжып наады.

Золотошубые **алыпы**
Кувыркoм **к**атились [1, стк. 791–792].

Көббөн-көчин токум салат,
Жалан-жансар кејим салат,

Пушистый, как хлопок, **п**отник
кладет,
Просторный, как луг, **ч**епрак
набрасывает... [1, стк. 167–178]

Түрүлгектү талайларым кечип
јүрет,
Түдүскектү тайкаларын ажып
јүрет...

Реки с **к**рутыми волнами
переплывает,
Горы, **м**аревом **с**крытые,
переваливает... [1, стк. 219–220]

Как видим, русская аллитерация занимает другие места в строке, чем алтайская³, и организована несколько по-другому: достаточно часто это сочетание согласных, в то время как в тюркских языках созвучны обычно слоги (согласный + гласный). В русских аллитерирующих созвучиях глухие согласные могут чередоваться со звонкими (пр — бр), гласные в сочетаниях «согласный + гласный» варьируются (ло — лы, про — пра), иногда созвучие возникает на стыке слов (**с крутыми** – **скрытые**), что в тюркском стихе не встречается.

Всё сказанное выше означает, что русский язык позволяет иногда добиваться аллитерации в стихотворных строках, не меняя существенно их содержания по сравнению с оригиналом, но пользоваться этим приёмом постоянно у переводчика нет возможности. Такие удачные находки редки, но бояться их не следует – они в любом случае украсят текст и придадут ему ненавязчиво стилизованное звучание.

Приёмы ритмизации в переводе поэтического фольклора. Как отмечают эпосоведы, поэтическим эпическим текстам свойственно стремление к равносложности, что даёт основания говорить об эпических стихотворных размерах. Для каждой эпической традиции характерны свои

3 Правильнее сказать, что она вообще не привязана к определённой позиции в строке.

эпические размеры, определяемые в первую очередь количеством слогов в строке и наличием (или отсутствием) регулярных чередований строк разной длины. Конечно, ни в одном эпосе нельзя встретить строго равносложных строк, чаще говорят о преобладающей длине строки, отмечая возможные вариации.

Строки перевода, ориентированные в первую очередь на передачу смысла текста, как правило, не стремятся приводить к единообразию по длине, поэтому в переводах нередко можно увидеть сочетание очень коротких и очень длинных строк, чтение которых не создаёт ощущения поэтической речи. Однако даже в научном издании, где передача смысла фольклорного текста – главная задача, не обязательно всегда приносить ритмику строки в жертву смыслу. Компромисс достигается даже путём ритмизации (в первую очередь по равносложности) хотя бы части строк, выравнивающих общее звучание текста. В распоряжении переводчика несколько способов управления длиной строки и её внутренним ритмом. Покажем эти способы на примерах с разбором. Примеры взяты из перевода улигера «Осоодор Мэргэн», двуязычное издание которого готовится в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Составитель тома и переводчик – Е. Н. Кузьмина, автор настоящего доклада выступает редактором перевода сказания.

Перестановка слов. Перестановка слов в переводе – простое, но мощное средство управления структурой строки, поскольку в русском порядок слов значительно более свободен, чем в большинстве других языков.

Возьмём строку оригинала из 7 слогов (это в пределах типичного 7–8-сложного ритма улигера):

Ангар өхэ далайн.

Первоначальный перевод, передающий только смысл, был таким:

Огромное море Ангара.

Строка выбивается из общего ритма окружающих русских строк за счёт стечения безударных слогов, а также за счёт последнего ударного слога: море Ангара. Простейшей перестановкой, несколько не меняющей смысл, получаем значительно более благозвучную строку:

Ангара — море огромное.

Подбор словоформ

Ещё один приём ритмизации – подбор наиболее подходящих словоформ. Русский язык и здесь достаточно гибок, предоставляя переводчику удобный инструмент стилизации. Посмотрим на строки оригинала, восьми- и девятисложную:

17 *Шагаабартайхан турадаа*

18 *Шаганалтай онтохо хэлэээ...*

Первоначальный перевод был хорошим и точным, но соседние строки сильно разнились по длине – в первой 7 слогов, во второй 10:

17 В нашей юрте с окнами

18 Интересную сказку расскажем...

Выровнять длину строк и одновременно несколько уйти от нейтрального стиля помогает замена единственной словоформы:

17 В нашей юрте с оконцами

18 Интересную сказку расскажем...

Слово «оконце» (в отличие, например, от «окошка») малоупотребительно в повседневной речи, ярко маркировано как слово художественного стиля. И здесь оно чрезвычайно уместно, выполняя, к тому же, функцию ритмизации строки.

Подбор синонимов. Гибкий инструмент ритмизации перевода – замена не подходящих по ритму слов синонимами, благо фольклорная поэтика позволяет большое их разнообразие. Посмотрим на пример (8–сложные сроки):

73 Хүүни гараар бүтөөгүи

74 Бурхани гараар бүтэһэн...

В переводе первоначально:

73 Не руками человека сотворённый,

74 А руками бурхана возведённый...

В русских строках 12 и 11 слогов соответственно – они звучат довольно ровно. Некоторая неточность перевода – замена формы от одной и той же основы *бүтэхэ*- ‘выполняться, осуществляться’ двумя разными словами: «сотворённый» и «возведённый». Во втором варианте:

73 Не рукой человека построенный,

74 А рукой бурхана созданный...

Причастия опять от разных основ, но слогов уже меньше – 9 и 11 соответственно, ритм стал ровнее. Чтобы ещё улучшить строки, предлагается третий вариант перевода:

73 Не рукой человеческой созданный,

74 А рукою бурхана созданный...

Подводя итог этого раздела, мы можем заключить, что некоторая степень ритмизации перевода эпического текста делает его более простым для восприятия, помогает адекватно отображать поэтическую структуру оригинальных строк и не упустить существенные элементы эпической поэтики, такие как лексико-синтаксический параллелизм.

Список использованных источников

1. Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука. Сиб. издат-полиграф. и книготорг. предприятие РАН, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15.)
2. Гацак В. М. Проблема фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 182–196.
3. Кидайш-Покровская Н. В. Перевод тюркоязычных памятников в Академической серии // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 128–166.
4. Мирбадалева А. С. Текстология тюркоязычного эпоса: теоретические и методические аспекты двуязычного научного издания «Манаса» и других эпических памятников / Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 50 с.

5. Мирбадалева А. С., Кидайш-Покровская Н. В. О принципах перевода и комментирования текста // Манас. Киргизский героический эпос. Книга 1. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1984.
6. Суразаков С. С. От переводчика // Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1973. С. 61–64.

УДК 81'25

ШЕКСПИРОВСКИЙ ТЕКСТ В XXI В.: ТЕНДЕНЦИИ К ОБНОВЛЕНИЮ ВОСПРИЯТИЯ АРХЕТИПОВ

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Всемирная классическая художественная литература, отражая эмпирические практики и эстетические воззрения ее создателей, способствовала формированию системы мировоззренческих и аксиологических стереотипов – мифов. Эта система отражает интеллектуально-духовный потенциал общества и стремится к закладыванию новых представлений с параллельным пересмотром старых. Процессы глобализации изменяют представления о стабильности сложившихся стереотипов, поэтому новое переосмысление, реинтерпретация культурных шедевров за счет переводов и театральных постановок – вполне закономерный процесс. В исследовании использовались сравнительный, герменевтический и игровой методы. Результатом исследования является выявление тенденций обновленного восприятия литературных архетипов и стратегий для их достижения в результате сопоставления переводческих и/или сценических воплощений.

Ключевые слова: архетип, стереотип, интермедальность, перевод, сценическое воплощение, игровой подход.

Summary. World classic literature, reflecting the empirical practices and aesthetic views of its creators, contributed to the formation of a system of ideological and axiological stereotypes - myths. This system reflects the intellectual and spiritual potential of society and seeks to lay new ideas with a parallel revision of the old. Globalization processes change the perception of the stability of existing stereotypes, so attributing new reinterpreted meanings, reinterpreting cultural masterpieces through translations and theatrical productions, is quite a natural process. The study uses comparative, hermeneutic and gaming methods. The result of the study is the identification of trends in the renewed perception of literary archetypes and strategies for their achievement as a result of the comparison of translation and / or stage implementations.

Key words: archetype, stereotype, intermediality, translation, stage embodiment, game approach.

Вопрос о ценностях актуализируется на рубеже переходных эпох, когда размываются старые ценности и складываются новые. Система ценностей формирует общественные стереотипы. Фундаментальные основы стереотипов складывались со времен античности, и искусство слова сыграло в этом важную роль.

Всплеск интереса к творчеству В. Шекспира усиливается в период кризисных этапов развития литературы, культуры и общества –Эллинизма, Ренессанса и Постмодернизма. Шекспир жил и творил в переломную эпоху, а его герои являются порождением переломных эпох. Поведение персонажей в вечных ситуациях власти и мести, любви и ревности, жестокости и гуманизма стали своеобразными литературными стереотипами.

Сама фигура Шекспира – драматурга и актера в образе своих персонажей также является мифом, стереотипом, переросшим в своеобразный архетип. Этому процессу способствует фантомная идея шекспировского вопроса: загадка, мистика и миф Шекспира или группы авторов под его именем. Идея эта особенно привлекательна в современную эпоху виртуальных идей и симулякров.

Выражаясь современно, Шекспир стал своего рода первой суперзвездой массовой культуры. Его произведения через 400 лет считаются неумирающей классикой, но писались они для массовой аудитории, выполняя функцию массовой культуры удовлетворять запросы масс. Современная массовая культура является полем восприятия и обновления архетипов и стереотипов каких упрощенных вариантов.

Главное отличие архетипа от стереотипа в том, что стереотип - это стандартизированное, привычное, общепринятое восприятие, навязанное обществом. Архетипы же универсальны; они заложены в коллективном бессознательном и побуждают человека относиться к ситуации определенным образом, они представляют собой прообраз, первичную модель мышления конкретного человека.

Для формирования стереотипов требуется много времени и множество однотипных, узнаваемых персонажей. Стереотип, использованный известным автором, приобретает особый вес. Следующим шагом на пути стереотипа является архетип, который представляет образ, закрепленный в легендах, мифах, в произведениях искусства определенного автора в определенном времени. Стереотипы копируют установки социума, в котором они появились на свет и настолько окрепли, что внедрились в массовое сознание.

Швейцарский психиатр Карл Густав Юнг определял архетип как содержание бессознательного, которое раскрывает себя сознанию всегда с некоторым искажением, привносимом в непосредственное восприятие культурой и индивидуальными склонностями человека. Юнг заметил, что мифологическое наследие в разных странах содержит более или менее схожие фольклорные, религиозные и др. образы. Упорядоченные знания, были выявлены и классифицированы в подоплеки архетипов, и позднее

преобразованы в архетипы. По классификации К.Г. Юнга, существует несколько образов, которые мы попытаемся соотнести с шекспировскими персонажами. Основанием является тот факт, что действующими лицами пьес Шекспира нередко являлись мифологизированные образы, в своем творчестве драматург широко использовал не только произведения античных авторов, но и народные сказания и легенды. Это свидетельствует об архетипичности избранных Шекспиром сюжетов и образов героев. Присутствие в пьесах Шекспира архетипических фигур объясняет силу эмоционального воздействия его постановок на зрителей. Заимствование традиционных со времен античности сюжетов и образов героев позволило Шекспиру вскрыть пласт подлинно архетипических феноменов [1].

Рассмотрим, как некоторые из основных архетипов К. Юнга проецируются на героев шекспировских пьес: **1. Повелитель/ правитель/отец:** власть, статус, контроль, авторитет (Король Лир); **2. Воин/ герой/ антигерой (злодей):** предприимчивость, ловкость, готовность принимать вызовы судьбы (Ричард III как антигерой); **3. Мыслитель/ мудрец/ философ/ странник/ искатель:** индивидуальность, ум, осмысление мира, структурирование информации, объективность, поиск истины, поиск своего предназначения в жизни (Гамлет).

В реальной жизни не бывает «чистых» архетипов. Они являются системой координат для анализа реальных человеческих характеров, на изображение которых претендовал Шекспир, в произведениях которого, нашла свое отражение система общечеловеческих ценностей и идеалов, лежащая в основе любого цивилизованного общества.

Роль литературы, использующей теорию архетипов, трудно переоценить. Как отмечает А. Ю. Большакова из сферы отвлеченных эстетических фантазий проблема архетипа перемещается в область формирования идеологии как системы ценностных ориентаций современного человека и общества [2].

Известно, что Шекспир заложил своим творчеством основы интермедиальности в силу театральности его произведений. Поэтому в формировании читательского / зрительского восприятия основная роль принадлежит переводам и сценическим воплощениям оригинального текста. Эти два направления подлежат постоянному переосмыслению, поскольку: 1) «Переводы редко живут на сцене по полвека, ведь язык, как и стрелки часов, все время незримо смещается»; 2) «Шекспир продолжает жить в театре, и вокруг его произведений по-прежнему происходит борьба направлений современной идеологии и художественной мысли. Секрет успеха не только в сценическом мастерстве как таковом, но и в том, чтобы найти в драмах Шекспира те мотивы, которые отвечают самым важным запросам современности» [1].

Переводы пьес Шекспира А. И. Дружинина, Н. М. Сатина, А. А. Григорьева, П. И. Вейнберга и других основывались на реалистическом принципе адекватности, исходящем из сопоставления

языковых стилистических систем. В более поздней переводческой деятельности наметились два основных этапа развития. Первый состоял в стремлении приблизиться к подлинному тексту, что сказалось в воспроизведении сложных образов и метафор Шекспира, сохранением разностильности языка, вплоть до «грубости» шекспировских изречений. Таковы переводы А. Радловой, М. Лозинского, М. Кузмина. Новая переводческая манера была введена Б. Пастернаком, который отказался от дословности и стремился воспроизвести тексты Шекспира живым современным языком. Его принципы воплотились в переводах С. Маршака, В. Левика, Ю. Корнеева, М. Донского, Т. Гнедич, П. Мелковой, в которых сочетается необходимая точность с поэтической свободой и естественностью русской речи.

Переосмыслению подлежат и театральные постановки – от реалистической, иногда идеологически «черно-белой» трактовки до воплощения экспериментальных режиссерских замыслов, ставших возможными благодаря технологическим решениям и коммерциализации искусства.

Проблема соотнесенности переводов и сценических версий в том, что в настоящее время мало постановок, опирающихся на специально сделанный для них перевод. Исключение составляют, например, переводы М. Донского («Ричард III» – театр Е. Б. Вахтангова), А. Чернова («Гамлет» – Московский драматический театр им. К. С. Станиславского), Д. Додиной («Король Лир» – Петербургский Малый драматический театр – Театр Европы). Часто авангардные спектакли используют либо «нарезки» из совершенно разных по стилю переводов, например, М. Лозинского и Б. Пастернака («Гамлет. Коллаж» – Театр Наций), А. Дружинина и Г. Бена («Ричард III» – театр «Сатириконт»), либо вольные переводы Б. Пастернака. Таким образом, обновление восприятия архетипов шекспировских героев происходит, в основном, за счет театральных постановок.

Особенность стилистики Шекспира, заставляет режиссеров искать пути сценического воплощения его текстов с учетом особенностей восприятия современного зрителя. В этой связи В. В. Чепурина выделяет игровой подход, как один из подходов к трансляции текста. Этот подход активно заявил о себе в театре конца XX – начала XXI вв. и основан на принципе освобождения от доминирования авторского слова. В спектаклях, использующих такой подход, театр идет на конфликт с текстом. Режиссер-интерпретатор утверждает свое право не только на истолкование, но и на изменение, а иногда на «пересоздание» произведения. Театральная практика позволяет выделить два основных варианта игры с классическим текстом.

Первый вариант связан с трансформацией исходного текста (сочетанием разных версий перевода или изменением структуры текстового материала). Начало XXI века отмечается в театре разрушением традиций обращения к признанным переводам с языка оригинала. Нередко востребованным становится неблагозвучный, прозаизированный текст.

Сочетание разных переводов приводит к многоголосию стилей, что свидетельствует о поиске современного адекватного языка для диалога со зрителем. Игровая структура театра реализуется и в изменении жанра (превращение трагедии в трагикомедию, буффонаду, фарс), что смещает авторские акценты. Второй вариант игры с классическим текстом заключается в том, что ставка делается на приоритет визуального ряда над вербальным – закономерный результат расставления акцентов в соответствии с предпочтениями и восприятием современного зрителя [4].

Приведем примеры эволюции архетипов на примере Ричарда III, Гамлета и Короля Лира.

Персонажи	Традиционный	Обновленный
Ричард III	Масштабный, мрачный, жестокий, коварный, подлый злодей, интриган, способный на самые низкие поступки и утративший человеческую сущность.	Смешон, инфантилен, в облике отсутствует мощь, актер, больше всего увлеченный игрой и способностью переиграть всех, умник, интриган, невероятно обаятелен, деятелен и талантлив.
Гамлет	Мыслитель, мудрец, философ, гуманист, прогрессивный, передовой человек своего времени в конфликте с миром зла, где нет абсолютной истины, где все относительно.	Актер, сменяющий десятки масок в «распатавшемся» мире, где есть только один человек, призванный восстановить связь времен, остальные – лишь фантомы.
Король Лир	Типично средневековый патриархальный король, упоенный иллюзией своего всемогущества, делящий и раздаривающий свое царство, как ему вздумается, простодушная жертва бессердечных дочерей, по вине которых теряет разум и жизнь.	Взбалмошный, ограниченный эгоист, жертва собственных ошибок, бессердечия и слепоты, несущий за ответственность за отцовскую жестокость и невнимание к дочерям.

Подводя итог наблюдениям А. Чернова о двух возможностях переводчика: наделить переводимого автора собственным стилем, либо выбрать из языка перевода другой, чужой стиль и привить его иноязычному поэту и соответственно четырех стратегиях перевода: 1) вольно и на чужой стиль; 2) дословно и на чужой стиль; 3) дословно и на свой стиль; 4) вольно и на свой стиль [4], можно добавить еще одну актуальную стратегию – переводить адекватно с установкой на авторский текст, как первооснову

авторского замысла с использованием игрового подхода для адаптации под восприятие современной аудитории.

Список использованных источников

1. Аникст А. Сценическая история драматургии Уильяма Шекспира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shaksp_o.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 26.01.2018).
2. Большакова А. Ю. Архетип, миф и память культуры // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: Материалы Межд. заоч. науч. конф. Астрахань, 19-24. 04. 2010. С. 5–14.
3. Поройков С. Ю. Характеры героев Шекспира [Электронный ресурс] // М.: ИНФРА, Научная мысль, 2014. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2014/04/14/1212> (дата обращения 28.01.2018).
4. Чепурина В. В. Игра с текстом как способ театральной репрезентации трагедий В. Шекспира (на материале спектаклей Ю. Бутусова) // Театр и Драма: Эстетический опыт эпохи. – № 2. Новосибирск: Новосибирский государственный театральный институт, 2015. С. 59–66.
5. Шекспир У. Гамлет. Трагедия Гамлета, Принца Датского. Пьеса в 3 актах. Пер. А. Чернова. Спб.: Сетиздат, 2017. С. 2–17.

УДК 81'26

ИГРА ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ К. Э. ДАФФИ)

М. Ю. Лукинова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Л. Н. Глухенькая,

*студентка первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Среди актуальных вопросов современной науки о переводе находится переосмысление процесса перевода через призму игровой теории. Целью статьи является классификация переводческих игр и практический анализ стратегии решения ситуаций «игра перевода» и «игра перевода языковой игры». В исследовании использовались метод переводческого анализа и игровой метод. На примере детской поэзии К. Э. Даффи был проведен анализ стратегий переводчиков в работе с языковой игрой и определены типы переводческих игр, что представляет собой новый подход к изучению языковой игры и ее перевода в рамках людической теории перевода.

Ключевые слова: игра, языковая игра, перевод, переводческая игра, переводческая стратегия, К. Э. Даффи.

Summary. Reconsideration of the translation process through the prism of game theory happened to be one of the urgent issues of theory and practice of translation today. The article presents the classification of the translation games, with the focus set upon analysis of solution-strategies for “game of translation” and “game of language games translation” (based on C.A. Duffy’s poetry for children). The research is based upon the method of translation analysis and translation games. On the example of children's poetry by C. A. Duffy the strategies of translators in the work with the language game are analyzed. The identification of types of translation games represents a new approach to the study of the language game and its translation.

Key words: game, language game, translation, translation game, translation strategy, C. A. Duffy.

Феномен игры издревле интересовал мыслителей, но в поле зрения ученых он попал только в конце XVIII века. Гуманитарные игровые теории И. Канта [5], Й. Хёйзинги [9], Р. Кайуа [4] и Х.-Г. Гадамера [2], а позже и математическая теория игр О. Моргенштерна и Дж. Фон Неймана [8] повлияли на становление игровой теории перевода. Взяв за основу термины экономической теории игр, чешский критик и переводчик И. Леви предложил новую модель процесса принятий решений в переводе, которую в последствии разработал его последователь М. Кронин, в которой «переводчик делает выбор в пользу одного из возможных решений, которое предполагает максимальный эффект при минимальных усилиях. Другими словами, он интуитивно обращается к стратегии минимакса» (перевод мой – Л. Н.) [16, с. 1179]. Такой процесс можно назвать одновременной текстовой игрой (игрой толкования) [12, с. 92]. Решение переводческой проблемы происходит путем дефинитивной и селективной переводческих установок. Такой процесс можно назвать последовательной текстовой игрой (собственно перевод текста) [12, с. 92], а когда текстов-переводов много – игрой вариантов перевода. Чтение текстов – это диалог автора и читателя, и тексты формируются согласно авторским стратегиям писателя, а воспроизводятся согласно толковательным стратегиям читателям [11, с. 158]; для переводчика характерны обе стратегии.

Таким образом, можно выделить шесть типов переводческих игр:

1) одновременная текстовая игра; 2) последовательная текстовая игра; 3) игра вариантов перевода; 4) антагонистическая игра автора (переводчика) и читателя; 5) кооперативная игра автора (переводчика) и читателя; 6) игра со смешанной стратегией.

Первые три типа игр заложены сущностью перевода, поскольку перевод – явление с ориентацией на множественность. Антагонистическая, кооперативная и смешанная игры продиктованы запросами современной эпохи и взаимозаменяемы.

Ссылаясь на трактовку языковой игры Л. Витгенштейном [1], людическую модель перевода Е. Ю. Куницыной [6] и теорию доместикации и форенизации Ф. Шлейермахера [10], мы можем рассматривать

переводческую деятельность как особый вид языковой игры. Порядок переводческой игры зависит от выбранной переводчиком стратегии, которая находит отражение в трех типах переводческих игр.

Игра перевода. Если целевой установкой для переводчика является сохранение лингвостилистических особенностей оригинала и колорита произведения, то мы имеем дело со стратегией форенизации. Степень свободы переводчика в таком случае низкая. Сохранение формы и содержания характерно для кооперативной игры, сохранение только содержания – для игры со смешанной стратегией, тяготеющей к кооперативной, а сохранение только формы – для игры со смешанной стратегией, тяготеющей к антагонистической. Если же целевой установкой для переводчика является сглаживание тех черт, которые не будут приняты читателями перевода, то мы имеем дело со стратегией доместикации. Степень свободы переводчика в таком случае высокая. Сохранение формы и содержания характерно для антагонистической игры, сохранение только содержания – для игры со смешанной стратегией, тяготеющей к антагонистической, а сохранение только формы – для игры со смешанной стратегией, тяготеющей к кооперативной.

Языковая игра как лексико-стилистический прием возможна в разной степени на всех языковых уровнях. В качестве яркого примера реализации игрового материала на практике может послужить поэзия для детей с потенциально высоким уровнем игризации. В соответствии с целями и задачами данного исследования обратимся к поэзии К.Э. Даффи.

Каламбур строится на полисемии или омонимии. В стихотворении *Irish Rats Rhymed to Death* присутствует обыгрывание омонимии окказионального *demouse* (рус. избавлять от мышей) и *demise* (рус. сдавать в аренду): «*Do you want to get rid of a Scottish mouse? / I can advise how to de-mouse your house*» [14, с. 4]. **Повтор** появляется в детской поэзии с целью сделать ее максимально доступной и запоминающейся: «*Peggy, Peggy Guggenheim, / favourite drink Italian wine. / Peggy, Peggy Guggenheim, / favourite smell is turpentine. / Peggy, Peggy Guggenheim, / favourite jeans by Calvin Klein. / Peggy, Peggy Guggenheim, / favourite herb is lemon thyme*» [14, с. 237]. **Звукоподражание.** В стихотворении *Johann Sebastian Baa* главный герой – барашек Ганс (Иоганн) – носит имя известного композитора, шуточно обыгранное как овечье бляние: «*Johann Sebastian Baa / was a very talented sheep. / He could write the most sublime music / in his sleep*» [14, с. 104]. **Аллитерация и ассонанс** фигурируют во многих названиях стихотворений Даффи (*Meeting Midnight, Safe Sounds* и *F for Fox, Brave Dave*). Для творчества К.Э. Даффи характерно также **нарушение орфографических норм** (графон): *The Alphabest*: «*Wicked! to waffles with chocolate sauce. / Xcellent! to XXX (means I love you, of course.)*» [15, с. 52].

При переводе переводчик становится соавтором, и поэтому его задача – отвечать на каждый оригинальный игровой ход автора своим оригинальным переводческим ходом, в то время как неудачный перевод

языковой игры может привести к нарушению связности игровых ходов в дуэте автора и переводчика.

Игра перевода языковой игры. Заменяя и обыгрываемый элемент, и механизм создания языковой игры переводчик вступает в антагонистическую игру и может либо одержать победу, либо проиграть. Буквальный перевод ведет к проигрышу переводчика в антагонистической игре. В игре со смешанной стратегией, тяготеющей к антагонистической, экспликация обыгрываемого элемента в примечаниях дает такие результаты: ничья с автором; проигрыш переводчику, справившемуся с заменой обыгрываемого элемента; выигрыш у переводчика, выбравшего путь калькирования.

Замена обыгрываемого элемента при сохранении механизма создания языковой игры приведет к выигрышу/проигрышу переводчика в игре со смешанной стратегией, тяготеющей к кооперативной. Замена механизма создания языковой игры при сохранении обыгрываемого элемента приведет к выигрышу/проигрышу переводчика в игре со смешанной стратегией, тяготеющей к кооперативной. Сохраняя и механизм, и элемент языковой игры, переводчик может претендовать на выигрыш в кооперативной игре. В качестве примера нами было проанализировано стихотворение К. Э. Даффи *The Blue Family* и четыре неофициальных перевода.

The Blue Family (C.A. Duffy)	Семья Луи (Перевод З. Куртнизировой)	Семейство Грустилки (Перевод А. Кисель)
The Blues, the Blues, have lost their shoes. Where can they be? Here's news, here's news, the family's shoes are lost at sea.	Луи, Луи Потеряли тапочки свои. Куда могли деться они? Тапки семьи, Как выяснилось вскоре, Потерялись в море.	Мистер Грустилки и Миссис Грустилки Потеряли свои ботинки. Где же они? А вот они, вот они, Ботинки Грустилкиных Канули в лету.
Семейка Блюз (Перевод И. Исупова [3])		
Блюз, ей-богу, вечный блюз! Я чего повесил ус: я, жена и дочки-бу́ки — все остались без обувки. Вот ведь как бывает: обувь вдруг сплывает. Пап, в газете есть детали! Нас, увы, не обокрали. Хватит тешить горе: обувь вышла в море. Без остатка, вся! Обуви косяк.		

The Blue Family – шестистишие с рифмовкой aabaab из цикла «голубой» поэзии, куда вошли стихотворения, в названиях которых содержится слово blue – *Blue Room, Blue, The Blue Family, Blue Woman* и т.д.

В основе стихотворения лежит история семьи Блу (англ. *Blue*), которая потеряла обувь в море.

В своем переводе Игорь Исупов сделал выбор в пользу содержания, не сохранив форму. При переводе фамилии он отказывается от транслитерации. Выбор переводчика продиктован отсутствием в русском языке той же семантической связи между словами *blue* и *blues*, которая есть в английском языке. Таким образом, перевод игры слов в названии стихотворения, выполненный И. Исуповым, – это пример игры со смешанной стратегией, тяготеющей к кооперативной. Способ переывражения – попытка заменить только механизм создания языковой игры при сохранении обыгрываемого элемента.

Стратегия перевода названия стихотворения ближе к форенизации, но не является ярко выраженным ее примером. С другой стороны, текст перевода изобилует стилистически окрашенной просторечной лексикой: семейка, ей-богу, повесил ус, дочки-бу́ки, обувки, тешить горе, косяк, что свидетельствует о доместикации.

Рассмотрим другой, студенческий, перевод стихотворения, выполненный А. Кисель, в котором была предпринята попытка доместикации английской фамилии. Переводчик решил заменить обыгрываемый элемент при сохранении механизма создания языковой игры, т.е. создать компенсационную языковую игру, которая пусть и не строится на оригинальной полисемии, но опредмечивает те же содержание и смысл, что и в оригинале. Так перед взором юных читателей появляются Грустилки. С другой стороны, английское обращение выдает стремление восполнить иноязычной колорит в произведении. При этом переводчик попытался сохранить форму стихотворения. Впрочем, А. Кисель отказывается от образа моря, утрачивая цветовой компонент, который «синей» нитью проходит сквозь стихотворение и отвечает за гностическую функцию порождения мира автором и познании его читателем. Тем не менее, простота и доступность изложения – достоинства данного перевода. Юный читатель скорее проникнется чувством сопереживания к Семейству Грустилок, чем к Семейке Блюз, а значит можно сказать, что прагматический эффект достигнут.

Примером антагонистической переводческой игры может служить перевод З. Куртнизировой. Она заменила и обыгрываемый элемент, и механизм создания оригинальной языковой игры, построенной на полисемии, содержащейся в фамилии главных героев. При этом сохранены форма и содержание стихотворения.

В данном исследовании были выделены 6 типов переводческих игр, из которых первые три типа игр отражают сущность процесса перевода, ориентированного на множественность, а остальные могут взаимоисключать друг друга и имеют прямое отношение к переводу языковой игры.

Список использованных источников

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. 347с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Исупов И. Грустно на голубом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isrv.ru/?p=6131> (дата обращения 15.01.18).
4. Кайуа Р. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ., 2007. 304 с.
5. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
6. Куницына Е. Ю. Лингвистические основы юридической теории художественного перевода: автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. д-ра фил. наук. Иркутск, 2011. 35 с.
7. Мишкуроев Э. Н. Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингвофилософском и лингвокультурологическом осмыслении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода, 2012. №1. С. 5–16.
8. Моргенштерн О., фон Нейман Дж. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 708 с.
9. Хёйзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
10. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода: лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник Московского университета. Серия 9 "Филология": Науч. журнал. 07/2000. №2. С. 127–145.
11. Bruss E. The Game of Literature and Some Literary Games // New Literary History. 1977. Vol. 9. № 1. P. 153–72.
12. Cronin M. Game Theory and Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. N.Y.: Routledge, 2001. P. 91–93.
13. Cronin M. Keeping One's Distance: Translation and the Play of Possibility // TTR: traduction, terminologie, redaction. 1995. Vol. 8. № 2. P. 227–243.
14. Duffy C. A. New and Collected Poems for Children. London: Faber & Faber, 2014. 288 p.
15. Duffy C. A. The Hat / C. A. Duffy. – London: Faber & Faber, 2008. 112 p.
16. Levý J. Translation as a Decision Making Process // To Honour Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday. The Hague: Mouton, 1967. Vol. 2. P. 1171–1182.

УДК 82-3

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА СТИВЕНА КИНГА «СИЯНИЕ»
И ДИАНЫ СЕТТЕРФИЛД «ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА»)****М. Ю. Лукинова,**

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Д. С. Шулатова,

студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается эволюция жанра готического романа начиная с его возникновения и до настоящего момента. Особое внимание уделяется 20 и 21 веку, а именно романам Стивена Кинга и Дианы Сеттерфилд. В их творчестве прослеживается явное влияние готических традиций. Однако, возможно из-за особенностей восприятия современной читательской аудитории, возможно из-за определённых творческих предпочтений авторов, они частично трансформируют жанр готического романа: какие-то элементы опускают, а какие-то наоборот добавляют в ходе повествования. В исследовании используются методы сопоставительного и жанрово-стилистического анализов. Результаты исследования позволяют наметить основные тенденции в эволюции жанра.

Ключевые слова: готический роман, трансформация жанра, неоготика.

Summary. The article deals with the evolution of the gothic novel genre from its appearance to the present days. Great attention is payed to the 20th and 21st centuries, mainly to Stephen King's and Dianna Setterfield's novels. Gothic traditions evidently influence their novels. However, perhaps because of the perception of the modern readership, perhaps because of certain creative preferences of the authors, they partially transform the genre of the gothic novel: some elements are omitted, and some are added in the course of the narrative. The research uses methods of comparative and genre-stylistic analysis. The results of the research allow us to outline the main trends in the evolution of the genre.

Keywords: gothic novel, transformation of the genre, neo-gothic prose.

Готический роман начинает своё формирование как жанр со второй половины 18 века. В это время в Европе обостряется кризис просветительской идеологии, появляется интерес к Средневековью, к рыцарской культуре и тому иррациональному началу, которое господствовало в той эпохе. Этот жанр, как и многие другие, переживал периоды развития и упадка, насыщался новыми идеями и прошёл через множество трансформаций [3].

Первым готическим романом принято считать роман Горация Уолпола «Замок Отранто», который вышел в 1764 году. После этого жанр готического романа на несколько лет пропал с литературной арены, пока в 1777 году не появился роман Клары Рив «Старый английский барон». Она же, в отличие от Горация Уолпола, старалась в конце романа объяснить таинственные события естественными причинами.

Следующей за жанр взялась Анна Радклиф и написала пять готических романов, четвертый из которых, «Тайны Удольфо», считают самым совершенным воплощением жанра. Анна Радклиф, также, как и Клара Рив, завершала повествование разумными объяснениями того, что изначально казалось сверхъестественным. Роман «Монах» М. Г. Льюиса из-за картин порока и насилия остается самым шокирующим и самым сильным образцом жанра [1].

На рубеже 18–19 вв. готические романы продолжали появляться. Самыми известными считаются «Франкенштейн» Мэри Шелли и «Мельмот Скиталец» Чарльза Мэтьюрина. Также «Падение дома Ашеров» Эдгара По – выдающееся произведение готического жанра. Эдгар По большое внимание уделяет психологии персонажей и их мотивам. Ближе к нашему времени – «Остров доктора Моро» Герберта Уэллса, «Дракула» Брэма Стокера и рассказы Алджерона Блэквуда и Уолтера Деламаара [4].

В 20 и 21 веках готический жанр продолжался не столько в произведениях, сколько в воздействии его элементов на них. Так, например, в романе Стивена Кинга «Сияние» явно прослеживаются элементы готического жанра. Но Стивен Кинг раскрывает некоторые из них по-своему. Вместо замка или особняка, здесь старый отель «Оверлук», тоже населённый призраками и насыщенный духом событий прошлого.

Есть злодей – Джек Торранс и есть жертва – но не девушка, как в классическом готическом романе, а его сын Денни. Однако, в романе отель становится активным элементом, а злодей – пассивным. Злые силы, которые живут в отеле, постепенно овладевают сознанием Джека Торранса и в итоге заставляют убить всю свою семью [2].

Денни тоже не простой ребёнок. У него есть дар – дар «сиять», то есть он может читать мысли людей, видеть события, которые произошли в прошлом или произойдут в будущем. Стивен Кинг не объясняет эту сверхъестественную способность мальчика разумными причинами. У Денни просто есть этот дар и он им пользуется.

Стивен Кинг вообще не оправдывает события, происходящие в отеле, естественными причинами. Он признаёт существование иррационального и верит в то, что дом с привидениями – это психический аккумулятор, поглощающий эмоции. Обитатели дома, умерев, могут оставить некие психические следы, которые в последствии повлияют на новых жильцов [2].

Автор соблюдает ещё один элемент готического романа – изолированность от общества. Семья Торрансов находилась в этом отеле одна. Сам же отель стоял высоко в горах, далеко от поселков и городов.

Плохие погодные условия – снегопад, завывающий ветер, а также скрипы, странные звуки в отеле дополняют общую картину романа.

Однако, здесь нет одного из самых главных признаков – это разорванность временной организации. В готических романах действие может происходить в настоящем или прошлом, но оно определённо должно быть связанным с какой-то древней тайной или легендой. Тут же действие происходит только в настоящем и не связано с какой-то давней тайной или загадкой. Да, в отеле происходили какие-то странные события, умирали люди или же их убивали, но это никак не связано с семьёй Торрансов [2].

Роман «Тринадцатая сказка» Дианы Сеттерфилд, написанный в 2007 году, больше похож на классический готический роман, но в нём так же прослеживаются изменённые элементы.

Первое, что бы хотелось отметить – это разорванность временной организации. События происходят в настоящем, но они связаны с давней историей целого рода – рода Анджелфилд, а также с его секретами и преступлениями. Повествование выстроено таким образом, что события настоящего и рассказ о событиях прошлого чередуются. Сюжет строится вокруг тайны, которая обычно раскрывается в финале произведения [5].

Диана Сеттерфилд дописывает пассивный элемент – особняк Анджелфилд, а активный элемент – злодея – раскрывает не до конца. Его нет как такового. Есть просто секреты прошлого, о которых рассказывает один из участников этого прошлого – писательница Вида Винтер. В принципе, её можно считать злодеем, который в конце концов решил искупить свои грехи и рассказать правду о себе и о преступлениях, которые он совершил в прошлом.

Особняк описан как во всех готических романах: огромный, с тёмными коридорами, с тайными закрытыми комнатами и подвалами. И ещё один главный элемент – привидение. Привидение, которое бродит по поместью, перекладывает вещи, открывает или закрывает комнаты. В финале существование привидения объясняется разумными причинами. Это была незаконнорождённая дочь хозяина дома, которая тайно жила там.

Повествование окутано атмосферой страха и ужаса – кажется, что главным героям всегда что-то или кто-то угрожает. Дремучие леса, кладбище, склепы, плохие погодные условия, странные звуки или наоборот мёртвая тишина в особняке только усиливают атмосферу мистики и ужаса [5].

Можно выделить три главных изменения. Во-первых, трансформируется место действия. Это уже не только замок как в ранних готических романах. Местом действия могут быть и монастыри, и старые дома, и отели, то есть любое место, которое подразумевает под собой закрытое пространство или же западню, в которую попадают главные герои. В общем, сохраняется замкнутость пространства, ощущение безысходности, ловушки, а меняется место действия, но воздействие, которое оно оказывает на персонажей и читателей, остаётся тем же.

формы интертекстуальности, жанровое и стилевое многообразие, а также появление новых жанров и литературных направлений, ироничный и пародийный модусы повествования, создание циклов произведений. От переводчика требуется изучение широкого культурного контекста, в котором существует данное произведение, учет ассоциативных связей и литературно-исторических основ.

Ключевые слова: постмодернизм, интертекстуальность, жанровое многообразие, ирония, пародия, литературный перевод.

Summary. Basic tendencies in postmodern literature appeared to be a new challenge for a translator. They are the following: intertextuality, genre diversity, irony, parody, creation of new genres and literary trends and some others. Translators can not but take into consideration a wide cultural and historic context in which a book for translation is written, different associations it may arise and literary sources it is based on.

Key words: postmodernism, intertextuality, genre diversity, irony, parody, literary translation.

Постмодернизм в настоящее время является значимым явлением мировой художественной литературы и искусства в целом. Даже те писатели, которые не признают данное направление и ставят своей целью писать в ином ключе, не могут избежать его влияния.

Специфика и отличительные особенности постмодернистской литературы являются объектом пристального внимания литературоведов и лингвистов, предметом исследования которых выступают идейно-тематические, структурные, композиционные, жанровые, образные, нарративные, лингвостилистические и некоторые другие характеристики данных произведений (Л. Г. Андреев, Д. А. Аникин, И. П. Ильин, Ж-Ф. Лиотар, Г. Ю. Литвинцева, Н. Е. Лихина, О. А. Митрошенков, В. О. Пигулевский, В. П. Руднев, А. А. Федоров, С. И. Чудинов, В. Б. Шамина и другие).

На основании обзора наиболее значимых трудов, посвященных литературе постмодерна, можно выделить ее ведущие черты. На идейно-тематическом уровне это широта и многообразие тем, вплоть до таких, которые ранее считались запрещенными. Это также особая форма психологизма, доведенного до рассмотрения самых глубинных, потаенных уголков подсознания человека.

Структурно-композиционный уровень отличается сложностью и сознательным нарушением канонов традиционных норм и правил литературы предшествующих эпох. Становится характерным нелинейное повествование, переплетение проспективных и ретроспективных техник. Фрагментарность некоторых произведений ставит под сомнение их целостность, поскольку отдельные главы одной и той же книги зачастую отличаются по темпоральным и локальным параметрам, системе образов, типам повествования, жанровой отнесенности и лингвостилистическим особенностям. Одновременно получает широкое распространение

противоположная тенденция к созданию циклов произведений, объединенных общей тематикой, персонажами, сюжетными линиями.

Имеет место большое разнообразие типов повествования, причем в одном произведении могут быть использованы разные рассказчики-повествователи, одни и те же события подаются с точки зрения разных персонажей, рождая полифонию и возможность более широкой вариативности интерпретаций.

Развитие жанров в постмодернизме также имеет свою специфику, которая заключается в нечеткости, размытости жанровых границ, сочетании элементов разных жанров в одном и том же произведении, появлении новых жанров и поджанров.

Интертекстуальность постмодернистской литературы становится ее неотъемлемой составляющей, приобретает иные формы и выполняет принципиально новые функции. Во-первых, целый ряд произведений создается на основе текстов мировой литературы, трансформируя написанные в предшествующие эпохи книги с целью переосмысления, новой интерпретации, своеобразной полемики, пародирования. Тем самым художественная литература выступает в роли литературной критики, выполняя ее задачи художественными средствами. Во-вторых, цитатный характер некоторых произведений превращает их в пастиш, предмет литературной игры, и, как следствие, основной задачей чтения становится угадывание источников цитирования, определение функций цитат в новом тексте и результирующего эффекта их взаимодействия.

Постмодерну свойственен также ироничный и пародийный модусы повествования. Тотальная ирония и пародия уже стали его постоянной характеристикой. Главное отличие постмодернистской иронии и пародии заключается в их имплицитном характере, в отсутствии эксплицитных маркеров, сигнализирующих об этих модусах, что было свойственно литературе прошлого.

Эти и другие характерные черты постмодернизма являются определенным вызовом для переводчиков, так как ставят новые переводческие задачи, требующие новых решений.

На этапе предпереводческой работы с текстом любой переводчик художественного произведения осуществляет интерпретацию этого текста, и только в роли интерпретатора, в роли пристрастного читателя, у него есть некоторая свобода выбора – выбора одного из значений слова, выбора имплицитивных смыслов, выбора идейно-образной трактовки и прагматических установок. Однако переводчик-интерпретатор не имеет права навязывать свою интерпретацию. В этом смысле можно провести параллель между требованиями к переводчику и к герою романа Кусчюя Непомы «Иохим Воль, передвигатель шахматных фигур». Представителю этой странной профессии *«вменяется в обязанность передвигать шахматные фигуры сообразно с волей и желанием игроков в шахматы»* [2, с. 9]. В следующем диалоге из этого романа очень четко сформулирована

главная и самая трудная задача передвигателя фигур, которая, на наш взгляд, полностью совпадает с задачей литературного переводчика.

– *Что я должен уметь делать?*

– *Лучше запомни, что ты не должен делать.*

– *И что же?*

– *Ты не должен передвигать фигуры так, как бы тебе этого хотелось.*

– *Так это же легче всего, – изумился Иохим.*

– *Это сложнее всего. Потому что едва ты передвинешь фигуру так, как бы ты этого хотел, это будет уже твой ход, а не ход игрока, и ты сразу перестанешь быть передвигателем фигур, а станешь игроком [2, с. 13].*

Подобно вымышленному герою романа Кусчуй Непомы переводчик должен пересоздавать текст на языке перевода «сообразно с волей и желанием» автора произведения. Постмодернистский текст, обладающий вышеперечисленными чертами, значительно усложняет задачу распознавания этой воли и желания.

На первом месте шкалы переводческих трудностей, очевидно, оказывается интертекстуальность, актуализация которой невозможна без наличия у потенциальных читателей так называемой коллективной библиотеки. Остановимся на этом аспекте более подробно. Термином «коллективная библиотека», предложенным П. Байяром, именуется довольно большая группа книг, «которые представляются важными для определенной группы в данный момент» [1, с. 25]. Цитатный характер постмодернистской литературы предполагает умение узнавать эти цитаты и соответственно воспринимать их взаимодействие, а иногда и взаимоотталкивание, их калейдоскопическое переплетение в новом тексте. Во всяком случае, такая осведомленность необходима переводчику, он оказывается перед необходимостью решать, как переводить цитируемый текст – предлагать свой перевод или находить уже существующие переводы, если таковые имеются, сохранять стиль цитируемого автора\ов или стиль переводимой книги в целом, не говоря уже про чисто формальные задачи передачи имен собственных, уже бытующих в коллективной библиотеке. Переводчику необходимо одновременно обладать способностью «понять место книги в коллективной библиотеке и ориентироваться внутри самой книги» [1, с. 43].

Многочисленные названия современных брендов, известных достопримечательностей и прочих реалий социального вертикального контекста также представляют собой сложности для передачи на язык перевода. По справедливому замечанию Е. Э. Овчаровой, «достаточно сложно, если вообще возможно, сделать понятным перевод реалий, практически неизвестных российскому читателю, что влечет за собой необходимость использования комментария переводчика» [3, с. 317].

Перевод интертекстуальных жанров, как традиционных (пародия, стилизация), так и новых, активно развивающихся в настоящее время

(сиквел, приквел, мидквел, мэшап, свингоф), также ставит перед переводчиком особые задачи, поскольку вторичный текст – текст, основанный на определенном тексте или текстах, сочетает в себе стилевые особенности как минимум двух произведений, в нем в какой-то степени сохранены и в то же время трансформированы сюжетные линии, переосмыслены ведущие идеи, модифицированы образы персонажей текста предшественника. Это означает, что переводчику необходимо передать эту стилевую палитру, изучить оба текста и, что особенно важно, интерпретацию первичного текста во вторичном. По сути, такой перевод предполагает интерпретацию интерпретации. Кроме того, следует принимать во внимание, что объект пародирования, стилизации, дописывания и других модификаций может быть неизвестен или малоизвестен читателю той культуры, которой принадлежит переводчик.

Коротко обозначим другие черты постмодернизма, вызывающие дополнительные трудности при переводе.

Постмодернистская ирония требует особой техники для передачи ее на языке перевода вследствие ее имплицитного характера. Известны случаи, когда ироничная прагматика оригинала на языке перевода теряется, и в результате произведение воспринимается в совершенно ином ключе. Так пьесы американского драматурга М. МакДонаха на родине воспринимаются как юмористические, ироничные, как фарс, иногда доведенный до абсурда, а для русскоязычного читателя звучат серьезно, как пафосное осуждение насилия в современном обществе.

Произведения, сочетающие в себе разножанровые и разностилевые характеристики, что свойственно постмодернизму, также ставят ряд вопросов по поводу их перевода. Как должен переводчик следовать традициям определенного жанра, если в рамках одной книги их несколько? Стоит ли переводчику подчеркивать или нивелировать черты разных функциональных стилей и регистров, присутствующие в произведении?

Не меньшие проблемы возникают и при переводе книг, являющихся частями циклов. Должен ли переводчик отдельного произведения ориентироваться на переводы других произведений этого же цикла и, как следствие, учитывать переводческую манеру других переводчиков, сохранять их стиль, или это необязательно, и переводчик может принимать собственные решения.

Подобные вопросы ставятся и при переводе произведений, принадлежащих новым жанрам и направлениям. Так, например, исследователи стимпанка говорят о том, что «для того, чтобы переводчик мог определить свою стратегию в отношении стимпанковых произведений, ему нужно представлять доминирующие жанровые черты переводимого текста» [5, с. 398]. То же самое касается и других новых жанров. Также нет однозначного ответа на вопрос, должно ли быть единство в переводе наименований ирреальных героев, фантастических существ, атрибутов магического, актов волшебства или переводчик имеет право на творчество,

имеет право предлагать свои варианты передачи этих наименований на язык перевода.

Бесспорным оказывается тот факт, что для адекватной интерпретации и передачи прагматики текста постмодерна «переводчику необходимо вычленить характерные лингвостилистические особенности текста, оценить их воздействие на реципиента текста, а также учитывать наличие/отсутствие определенных фоновых знаний у представителей целевой аудитории» [4, с. 301].

Сопоставительный анализ оригинала и переводов ряда произведений постмодернистских писателей показывает, что переводчики по-разному решают продиктованные постмодернизмом задачи, многие из которых требуют глубоких осмыслений, интеллектуальных усилий и мастерского применения переводческих приемов.

Список использованных источников

1. Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали / Пер. с фр. А. Поповой. М.: Текст, 2012. 189 с.
2. Кусчуй Непома. Иохим Воль, передвигатель шахматных фигур, повести. Луганск: Шико, 2011. 276 с.
3. Овчарова Е. Э. К проблеме перевода аллюзий в литературном тексте // Материалы I всероссийской научно-практической конференции Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. 27–29 апреля. Симферополь, 2017. С. 317–322.
4. Сигарева Н. В. Тексты потребительской технической рекламы и прагматика их перевода // Концепт и культура: сборник статей (VI Международная научная конференция, Кемерово – Ялта, 25–27 сентября 2016 г.). Кемерово – Ялта, 2016. С. 298–304.
5. Скороходько С. А. Keep Calm and Steampunk: Особенности переводческого подхода к новым жанрам // Материалы I всероссийской научно-практической конференции Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. 27–29 апреля. Симферополь, 2017. С. 396–401.

УДК 821.581

ВЫЗОВ ТРУДНОСТЯМ: ПЕРЕВОД РАБОТ В. ШКЛОВСКОГО НА КИТАЙСКИЙ

Мяовэнь Лю,

*аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и
современного литературного процесса филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва*

Аннотация: статья посвящена длительному и сложному процессу распространения в Китае произведений и идей Виктора Шкловского, сложностям, возникающим в процессе перевода. Рассматриваются роль китайских русистов в пропаганде идей формальной школы. Дается представление о китайских ученых, переводчиках и издателях,

принимавших участие в приобщении китайской аудитории к теоретическим и художественным работам Виктора Шкловского.

Ключевые слова: Виктор Шкловский, литературный перевод, китайский язык, издатели, переводчики, исследователи.

Summary: The article is devoted to long and difficult process of distribution of Victor Shklovsky's works and ideas in China, to the difficulties arising in translation process. The role of the Chinese specialists in Russian philology in promotion of the ideas of formal school is considered. What's more, an idea of the Chinese scientists, translators and publishers who were taking part in familiarizing of the Chinese audience to theoretical and literary works by Victor Shklovsky is given.

Key words: Viktor Shklovsky, Literary Translation, Chinese, publishers, translators, researchers.

«Муравей кость точит» Виктор Шкловский был великим филологом, признанным не только в России, но и во всем мире. Его теория влияла на литературу и искусство на протяжении столетия. Сложен и долог был его путь в китайское литературоведение.

Несколько поколений китайских русистов приняло участие в переводе произведений В. Шкловского, в том числе Фан Шань (собрание статей русского формализма, 1989, Лю Цзунцы («О теории прозы», 1994), Ань Голян («Лев Толстой», 2005), Чжао Сяобинь, Ян Юйбо, Чжэн Яньхун и др. На вопрос, как переведен Виктор Шкловский на китайский, у каждого из них был свой ответ. Но вот 23-ого августа 2017-ого года свой ответ дали китайская пресса и читатели: на конкурсе «Ежегодный отбор книжной индустрии» в номинации «Премия за перевод» премию получил китайский перевод «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» и «Третья фабрика». Это было величайшей честью для переводчиков, признанием их работы, руководителем которой была Чжао Сяобинь, профессор института славянских языков Харбинского педагогического университета, где был создан Центр научных исследований русской литературы и искусства. В него входили преподаватели и магистранты Института славянских языков Харбинского педагогического университета: доцент Ян Юйбо, доктора Чжэн Яньхун и Ян Янь, магистранты Хоу Цзяси, Хань Цзинфан, Лю Мяовэнь и др. Глава этой группы исследователей - доктор филологических наук, профессор Чжао Сяобинь. В последние три года группа занималась изучением прозы Виктора Шкловского. На китайский язык было переведено несколько его книг, в том числе автобиографическая трилогия 1920-х годов «Сентиментальное путешествие» (пер. Ян Юйбо, 2014), «Zoo, или письма не о любви, или третья Элоиза» (пер. Чжао Сяобинь, 2016), «Третья фабрика» (пер. Чжэн Яньхун, 2016)) и исторический роман «Марко Поло» (пер. Ян Юйбо, 2016).

Профессор Чжао Сяобинь полагала, «что в основе переводческой деятельности должно лежать знание об авторе и его произведениях. Например, приступая к переводу «Третьей фабрики» – самого сложного

произведения писателя – и других книг Шкловского, она и возглавляемые ею переводчики должны были изучить контекст творчества автора, социально-исторический и культурный контексты, чтобы разобраться в непростом «лабиринте сцеплений» художественной прозы Шкловского. Во-вторых, необходимо было освоить круг идей автора, его философские, эстетические и литературоведческие позиции. В-третьих, овладеть его стилем. При этом никакая теория перевода не могла помочь, оставался только опыт, проверка на чтение и понимание, филологическая школа. В-четвертых, нужно было выбрать идеальные китайские выражения, чтобы точно передать смысл созданного В. Шкловским, в этом процессе фактически проверялся уровень китайского языка переводчика» [2, с. 3].

В процессе перевода прозы «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» (с 2014 по 2016), профессор Чжао Сяобинь собрала много материалов о берлинской жизни Виктора Шкловского, написала две статьи, где анализировала прозаический стиль Виктора Шкловского и применение приёма остранения. («Приём остранения в прозе В. Шкловского» (журнал «Русская литература и искусство» 2015, № 2, с. 45–53.), «Сентиментальное путешествие»: филологическая проза В. Шкловского» (журнал «Иностранный язык и обучение» 2016, № 2, с. 86–91)). На основе этих работ, она начала переводить прозу «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза». Только так, а не иначе могла быть переведена на китайский язык сложная метафорическая и ассоциативная художественная проза В. Б. Шкловского.

Добившись значительных результатов, профессор Чжао Сяобинь критично отнеслась к итогам своей работы. В послесловии к книге «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза, Третья фабрика» она пишет: «В исследовании Виктора Шкловского мы прошли первый шаг в Великом походе, <...> я хотела бы, чтобы все больше более китайских русистов могли приобщиться к научным работам и художественным произведениям Виктора Шкловского, чтобы рано или поздно перевести его Собрание сочинений на китайский язык. Мы будем действовать по принципу “муравей кость точит”, продолжать двигаться по этой дороге, не прекращать перевод работ В. Шкловского, вносить свой вклад в исследование В. Шкловского в Китае» [2, с. 264].

«Плясать в кандалах». Известный английский поэт и переводчик Джон Драйден (1631–1700) считал, что перевод подобен пляске акробата, идущего в кандалах по канату (dance on the ropes with fettered legs). [5, с. 365]. Таким акробатом чувствует себя переводчик при работе с произведениями Виктора Шкловского.

Вызов переводчику бросает сама формалистическая теория. Поэтому чтобы передать смысл произведений Виктора Шкловского, переводчику необходимо овладеть теорией формалистов. Такова, например, теория остранения.

Известно, что Виктор Шкловский сам изобрёл слово «остранение», который означает описание в художественном произведении человека, предмета или явления, как бы впервые увиденным, и приобретающему новые признаки. Написание «остранение» через одно «н», а не два, было опiskeй, но прижилось именно в таком виде. Как и отметил Шкловский, «термин вошел в жизнь с 1916 года именно в таком написании» [3, с. 230]. Это слово не может адекватно найти перевод в китайском языке, поэтому в Китае появились несколько вариантов перевода, как «Циихуа» (奇异化, необыкновенность), «Фаньчанхуа» (反常化, ненормальность, китайская русистка, профессор Пекинского педагогического университета Фан Шань перевела его на «Фаньчанхуа»), «Мошэнхуа» (陌生化, неведомость и неизвестность, в книге «обзор западной литературной теории XX века», Чжан Лунси, Издательство книжного магазина «Саньянь», 1986, Пекин), «Цитэхуа» (奇特化, оригинальность, в книге «Избранные теории литературы русско-советского формализма» издательство Академии общественных наук Китая, 1989, Пекин) и так далее. По мере развития стандартизации литературных терминов, и по инициативе известных китайских литературоведов, таких как профессора Пекинского университета Чжан Лунси, профессора Нанкинского университета Цянь Цзяожу, в начале 1990 годов, большинство китайских ученых приняли вариант перевода «Мошэнхуа» (陌生化). Это длинная история в восприятии Виктора Шкловского в Китае. Перевод термина «остранение» может отразить трудность перевода научных работ на китайский язык.

У каждого писателя есть свой стиль. Поэтому для литературного переводчика важность заключается не только в том, чтобы точно передать смысл авторской концепции, но и в том, чтобы передать оригинальный стиль автора. Это, наверное, самая трудная часть в литературном переводе. А у прозы Виктора Шкловского очень своеобразный стиль. Как адекватно передать средствами китайского языка метафорическую и ассоциативную авторскую прозу? Как создать не только текст перевода (словесный ряд), но и вписать его в контекст, передать подтекст, учесть сложную интертекстуальность? Как не выйти за границы жанра? Как пишет доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета Г. Р. Романова в предисловии к китайскому переводу книги «Zoo, или письма не о любви, или третья Элоиза»: «Нужно сказать еще об одной трудности, с которой столкнулись переводчики: это сравнения, образующие существенную особенность стиля Шкловского. Часто автор создает развернутые картины сравнений» [1, с. 9].

Приведем пример: «Третья фабрика» – самая сложная проза Виктора Шкловского. В своей книге автор создал сложный «метафорический лабиринт». Заглавие «Третья фабрика» имеет метафорический смысл.

Прямой смысл словосочетания очень прост он обозначает кинофабрику, где он работал в 1920–1930 годах. Но из словосочетания «фабрика обрабатывает материал» рождаются метафоры «фабрика жизни», «жизнь обрабатывает человека». То есть, это не только кинофабрика, но и фабрика жизни, фабрика формализма ОПОЯЗ и искусства. Три фабрики, это значит три самых главных этапа становления и развития автора: первая фабрика – семья, детство, школа; вторая фабрика – литературная группа ОПОЯЗ; третья фабрика – кинофабрика и «формальная школа». Разработка этой метафоры сможет привести к пониманию структуры «Третьей фабрики». Это начальная работа для перевода.

Переводчику нужно было передать своеобразный язык «Третьей фабрики». Это очень трудно сделать на китайском языке, так как речь Шкловского ассоциативна, метафорична. Например, образ «лен на стлище». Это центральная метафора в книге «Третья фабрика». Метафора создает образ судьбы интеллигентов в советскую эпоху. «Мы «лен на стлище», так называется поле, на котором стелют лен. Лежим плоскими полосами. Нас обрабатывает солнцем бактерии» [4, с. 117]. Для автора, русские интеллигенты являются льном на стлище, и сам автор и поэт Маяковский. Лен попадает под гнет. Потом лен мнут и треплют. Но «лен не кричат в мялке» [4, с. 118]. Так автор дает представление о своей позиции: он выбирает молчание, как лен в мялке. Эта информация для понимания книги очень важна. Метафора – ключ к прозе Виктора Шкловского. Поэтому переводчик должен найти эти ключи, потом пользоваться ими, чтобы открыть замок прозы Виктора Шкловского.

Список использованных источников

1. Романова Г. Р. Предисловие к переводу на китайский язык художественной прозы Виктора Шкловского. Чэнду: Издательство Сычуанжэньминь, 2016. 9 с.
2. Шкловский В. Б. Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элоиза, Третья фабрика. Чэнду: Издательство Сычуанжэньминь, 2016. 26 с.
3. Шкловский В. Б. Тетива: О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. 230 с.
4. Шкловский В. Б. Третья фабрика // Самое Шкловское. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 117–118.
5. W. Arrow smith & R. Shattuck (eds): The craft and context of the translation. New York: An-ckor Books, 1964. 365 p.

УДК 811.16

**ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО
УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА****Е. Д. Мадей,***студентка первого курса аспирантуры, Университет
им. Я. А. Коменского в Братиславе, Братислава*

Аннотация. В настоящей статье представлены и проанализированы некоторые особенности дипломатического устного последовательного перевода. Исходя из характеристики коммуникативного акта в межъязыковой коммуникации, автор настоящей статьи попытался выявить основные отличия дипломатического устного перевода от других видов устного перевода, заостря внимание на особенностях участников коммуникации, коммуникативного канала, содержания коммуникации, средств выражения и коммуникативного эффекта, ожидаемого от дипломатического коммуникативного акта.

Ключевые слова: дипломатический устный перевод, межъязыковая коммуникация, языковое посредничество, медиатор, компетенции переводчика

Summary. This paper presents and analyses some specifics of the diplomatic consecutive interpreting. Based on characteristics of the communication act within the interlingual communication, the author of this paper will strive to point out the main differences between the diplomatic interpreting and other types of interpreting. The attention will be paid to the specifics of communicants, communication channel, content of communication, means of expression and communication effect expected from the diplomatic communication act.

Key words: diplomatic interpreting, interlingual communication, language mediation, mediator, competences of interpreter.

Переводческая деятельность относится к сфере межъязыковой коммуникации, «основной трудностью которой является то, что участники коммуникативного акта не владеют или владеют не в полной мере кодом общения собеседника» [7, с. 96]. В таком случае они прибегают к языковому посредничеству – участию в коммуникативном акте субъекта, владеющего обоими кодами. Согласно теории коммуникации В. Ламсера каждый коммуникативный акт предполагает наличие следующих элементов: коммуникатор (*оратор, отправитель*), коммуникант (*рецептор, получатель*), направление коммуникации, канал передачи данных, содержание коммуникации, средства выражения и замысел и эффект коммуникации [11, с. 31–32]. Поскольку перевод относится к сфере межъязыковой коммуникации, требующей участия языкового посредника, то при добавлении в данную схему медиатора (*переводчика, посредника*) настоящая теория коммуникации соответствует переводоведческому представлению о коммуникативном акте.

Каждый межъязыковой коммуникативный акт в зависимости от реализуемой коммуникативной ситуации имеет ряд своих особенностей. Так, ряд характерных черт имеет коммуникативный акт, осуществляемый в дипломатической среде между ораторами-дипломатами с участием профессионального медиатора-переводчика и называемый дипломатическим устным переводом. В чем заключаются основные особенности такого вида перевода?

Участники коммуникации. В дипломатическом коммуникативном акте принимают участие представители высшего (главы государств и правительств) и высокого уровня (министры иностранных дел, специальные представители глав государств и правительств, руководители международных организаций) [8, с. 21], а также дипломаты – «сотрудники ведомства иностранных дел, осуществляющие внешнеполитические связи своей страны с другим государством» [5, с. 25].

Медиатор. В качестве посредника между вышеупомянутыми участниками коммуникации выступает переводчик, способный обеспечить высококлассное качество устного перевода и владеющий рядом других непереvodческих (языковых и внеязыковых) компетенций. Под языковой компетенцией диппереводчика следует понимать блестящее владение не только литературным вариантом исходного и переводящего языка, но и их нелитературными формами. Особенно это касается национальных языков, имеющих множество диалектов. Во избежание искажений в переводе переводчик обязан по крайней мере пассивно владеть диалектическими вариантами языка и знать их отличия от литературной формы. [6, с. 55].

К языковой компетенции дипломатического переводчика также следует отнести умение искусно переводить фразеологизмы, устойчивые и крылатые выражения, паремии, тропы и другие тяжело переводимые элементы речи, как, например, цитаты из Библии и мировой литературы, прецедентные тексты, безэквивалентную лексику и прочие логоэпистемы [10, с. 30]. Если трудно переводимые фрагменты в информативном устном переводе медиатор вправе перевести экспликационно (описательным переводом), передавая исключительно смысл высказывания, то в дипломатическом переводе он должен сохранить образность речи коммуникатора, производя на коммуниканта впечатление того, что тот воспринимает оригинальный текст: «ведь перевод, как воздух, - его замечают, когда он плох, несвеж». Так, А. Чужакин пишет: «...Н. С. Хрущев часто ставил в тупик тем, что откладывал в сторону заготовленную речь и импровизировал, жонглируя народными присловьями: “мы не ноздрями мух ловим”, “всяк кулик свое болото хвалит”, “кузькина мать”. Приходилось выкручиваться» [9, с. 72]. Умение грамотно «выкручиваться», являющееся частью следующей – эвристической – компетенции, т.е. умения находить выход из нестандартных ситуаций, отличает любого хорошего профессионала [3, с. 138].

К внеязыковым компетенциям диппереводчика можно отнести наличие у медиатора блестящего воспитания, интеллигентности, психологической культуры, чувства такта и пр. Будучи участником различных дипломатических коммуникативных ситуаций и осознавая значимость этих ситуаций, переводчик обязан знать, как себя вести, чтобы не только не подвести своего оратора, но и сохранить и укрепить международный авторитет своей страны. Так, переводчик В. Суходрев, обладая хорошо развитой психологической культурой, не раз выручал своих ораторов и престиж государства посредством вносимых в перевод изменений. С необходимостью исправлять ситуацию сталкивался не только В. Суходрев, но и переводчики Брежнева В. Бережков [2] и Э. Капский, переводчик Горбачева П. Палажченко и переводчица Ельцина И. Кириллова и др. [9, с. 69–79]. Дипломатический устный перевод отличается от других видов устного перевода тем, что при необходимости позволяет медиатору менять смысл исходного текста, о чем в своих трудах упоминает Роланд Р. А., Бродский М. Ю., Алексеева И. С. и др. Однако переводчик обязан владеть т.н. умением антиципации – способностью верно предугадать, какую информацию из исходного текста он может не перенести в переводящий текст вообще или перенести в откорректированном виде. Неверная оценка значимости информации может обернуться весьма неблагоприятными последствиями как для переводчика и оратора, так и для всей страны: «Искажения в диппереводке могут иметь очень серьезные последствия – политические конфликты, материальные потери, человеческие жертвы и даже Чернобыль» [4, с. 87].

К внеязыковым компетенциям дипломатического переводчика также относится владение правилами дипломатического протокола и этикета: «хорошее знание норм дипломатического протокола важно и необходимо, чтобы самому правильно применять их и чтобы уметь распознавать их значение, в особенности, когда они содержат в себе преднамеренное желание нанести протокольной формой ущерб престижу государства, его руководителям или официальным представителям» [8, с. 6].

Дипломатический переводчик должен быть эрудированным, начитанным, образованным, досконально владеть предметом разговора – это значит, не только уметь перевести определенный термин, но и знать, что за этим термином и его дефиницией стоит. Помимо прочего, медиатор обязан знать официальную позицию государства, интересы которого он представляет, он сам должен быть дипломатом.

Особенностью дипломатического устного перевода является и то, что присутствие медиатора в настоящем коммуникативном акте необходимо не по причине того, что один из участников коммуникации не владеет кодом общения, а потому что этого требует дипломатический протокол, согласно которому между коммуникатором и коммуникантом присутствие языкового посредника обязательно.

Канал передачи данных. В дипломатическом устном переводе в качестве коммуникативного канала выступает естественный канал: передача сообщения осуществляется прямо участниками коммуникации без участия технических устройств. Дипломатический устный перевод – это последовательный перевод, требующий непосредственного присутствия и участия ораторов-дипломатов и медиатора. В случае синхронного перевода на конференциях, проводимых международными организациями, саммитах и пр. можно говорить об официальном переводе или конференц-переводе. Под дипломатическим устным переводом следует понимать именно последовательный перевод, в процессе осуществления которого участники коммуникации, в т.ч. и медиатор, демонстрируют свои дипломатические способности и применяют на практике знания дипломатического протокола и этикета.

Содержание коммуникации. Особенностью содержания дипломатического коммуникативного акта является конфиденциальность и особая значимость упоминаемой ораторами информации. В отличие от информативного перевода в дипломатическом переводе зачастую обсуждаются вопросы, которые могут повлиять на ход мировой истории: устами дипломатического переводчика «объявляются войны и заключается мир, переводятся фразы, определяющие судьбы миллионов» [9, с. 69]. Содержание разговоров настолько деликатно и конфиденциально, что за разглашение доверенной информации предусматривается уголовная ответственность за государственную измену. Дипломатический переводчик обязан хранить молчание о содержании переговоров не только потому, что этого требует любая переводческая этика (так же, как и в случае информативного устного перевода), но и в целях безопасности и интересов представляемого государства. Кроме того, переводчик должен уметь идентифицировать, декодировать и правильно излагать в переводящем языке коннотативные значения сказанного, выражаемые в виде намеков, аллегорий, переносных значений, подтекстов и пр.

Средства выражения. Особенностью средств выражения в дипломатическом коммуникативном акте можно считать образность и красочность высказываний. Под образностью высказываний следует понимать частое употребление в речи коммуникатора изобразительных средств (иногда это вызвано тем, что речь оратора готовится специалистами, филологами заранее, вследствие чего тексты имеют патетический характер, обилие тропов, цитат), аллюзий на события, имена и факты, цитат из Библии, древнеримской и древнегреческой мифологии, литературы и кинематографа. Дипломатический устный перевод предполагает сохранение образности исходного текста в тексте переводящем.

Замысел и эффект коммуникации. Согласно вышеупомянутой теории коммуникации «каждый текст имеет определенный коммуникативный замысел, целью которого является достижение определенного

коммуникативного эффекта» [11, с. 47], посредством передачи коммуникативного замысла автор исходного текста ожидает от рецептора определенного коммуникативного эффекта. Задача переводчика заключается в идентификации замысла оратора и переносе его в переводящий текст таким образом, чтобы со стороны коммуниканта был реализован ожидаемый коммуникатором эффект.

Эффект, ожидаемый обоими собеседниками от дипломатической межъязыковой коммуникации с участием медиатора, заключается в успешном проведении дипломатических переговоров, в результате которых ораторы придут к договоренности и останутся довольными состоявшейся встречей. Стремясь к достижению настоящей цели, дипломатический переводчик несет огромную ответственность за процесс языкового и коммуникативного посредничества, «выполняет функцию вспомогательного лица в поддержке дипломатических отношений, препятствуя их осложнению» [1, с. 30].

Успешность и результаты проводимых дипломатических переговоров сказываются на отношениях между государствами и их официальными представителями. Непосредственную роль в поддержании, укреплении и улучшении таких отношений играет переводчик, являющийся как языковым посредником и лингвистом, так и дипломатом и психологом в одном лице.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и линг. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 352 с.
2. Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993. 400 с.
3. Бродский М. Ю. Устный перевод: история и современность. Екатеринбург: АМБ, 2012. 261 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Изд-во ЭТС, 2002. 210 с.
5. Никифоров Д. С., Борунков А. Ф. Дипломатический протокол в СССР. М.: Международные отношения, 1988. 336 с.
6. Попов В. И. Современная дипломатия. М.: Международные отношения, 2004. 571 с.
7. Раренко М. Б., Опарина Е. О. Основные понятия переводоведения: терминологический словарь-справочник. М., 2010. 261 с.
8. Семилетников Н. А. Дипломатический и деловой протокол. Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2008. 170 с.
9. Чужакин А. П. Лидеры и их тени (фрагменты истории) [Электронный ресурс] // Мосты. Журнал переводчиков. – 2004. – №1. – <https://studfiles.net/preview/5358651/#5358651> (дата обращения 15.01.2018).
10. Dulebová I. Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka. Interkultúrny a lingvodidaktický aspekt. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2015. 150 с.

11. Keníž A. Úvod do komunikačnej teórie tlmočenia. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1980. 108 с.

УДК 81

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «ГОРДОСТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

С. А. Малахова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, институт русской и иностранной филологии, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

Аннотация. В статье на материале лексикографических источников рассматривается семантическая структура эмоционального концепта «гордость» в английском языке. На основе этимологического анализа изучается семантика слов, номинирующих данный концепт в диахронической плоскости английского языка. Проведенный дефиниционный анализ позволил описать семантическое содержание номинативных единиц, репрезентирующих эмоцию гордости. Исследование языковых реализаций концепта с использованием лексикографических источников показывает, что у слова *гордость* в английском языке существует два направления развития значения: «положительное» и «отрицательное». В английском языке гордость связана с понятием ценности личности, самоуважением и успешностью, со стремлением субъекта соответствовать определенным стандартам – личностным или социальным.

Ключевые слова: концепт «гордость», эмоция, дефиниционный анализ, этимология, лингвокультурная специфика.

Summary. According to lexicographic sources there is considered the semantic structure of the emotional concept «pride» in the English language. Based on the etymological analysis there is shown the semantics of words denoting the concept in diachrony. There is given the definition analysis that allows to describe the semantics of nominative units representing the emotion of pride. The research of this concept using lexicographic sources shows that the word «pride» in the English language has two directions for the development of meaning: «positive» and «negative». In English, pride is associated with the concept of personal worth, self-esteem and success, with the person's desire to correspond to personal or social standards.

Key words: concept, «pride», emotion, definition analysis, etymology, linguistic and cultural specificity.

Сфера эмоций становится сегодня не только объектом психологии, философии, социологии, но и лингвистики и является одной из наиболее сложных областей описания лингвокультурной специфики того или иного народа [2, с. 150].

Эмоции и их проявление связаны с национальным характером культуры и находят свое выражение в языке посредством особого видения

мира. Как отмечает В. И. Шаховский, лингвистическая концепция эмоций в обобщенном виде заключается в существовании мира как объекта, и человека как субъекта, который способен отражать в своем языковом сознании окружающий его мир. «Фиксирование отражения эмоциональных оцениваний действительности говорящими субъектами проходит через психический механизм их отображения в семантике слов, словосочетаний и языковых структур, используемых для вербализации» [5, с. 13].

Рассмотрим семантику концепта «гордость» («pride») в английском языке как номинанта соответствующей эмоции.

Английское слово *pride* происходит от англо-саксонского *pryde, prut*, что означает «гордый, храбрый, доблестный, знатный» (*proud, valiant, notable*) и имеет также французские корни, где слово имело значение «благородный по происхождению», «знатный» [7]. М. М. Маковский считает, что английское *proud* может восходить к и.-е. *preu- / bhreu* (*раздуться, пухнуть*) [3, с. 374].

В словаре XVIII века Johnson' Dictionary (1836) значение близкое к этимологии у лексемы *pride* не отмечается. Напротив, словарная статья поясняет существительное *pride* как «inordinate self-esteem» (чрезмерное самолюбие), а также «haughtiness, insolent exultation» (оскорбительное высокомерие). Значение глагола *to pride* поясняется следующим образом: «to rate himself high» (высоко себя оценивать) [8, p. 265].

В современных толковых словарях английского языка обычно указывают на несколько значений слова *pride*:

1) feeling of satisfaction arising from what one has done, or from persons, things, etc one is concerned with: *look with pride at one's garden* [6, с. 157]; the trait of being spurred on by a dislike of falling below your standards;

2) self-respect; knowledge of one's worth and character: *He has no pride. His pride prevents him from doing anything dishonourable*; a feeling of self-respect and personal worth [9]; self-esteem, dignity [11];

3) object of pride: *a girl who is her mother's pride and joy* [6];

4) too high an opinion of oneself, one's position, possessions, etc; arrogance: *the sin of pride* [6]; feeling of importance (disapproving) [9].

5) the prime, flower, of: *in the pride of one's youth* (в расцвете сил).

Oxford Dictionary of Advance English дает значения лексемы *pride*, которые наиболее близки русскому слову *гордость*: это прежде всего «чувство удовлетворения от достижений» (a feeling of pleasure or satisfaction you get when people who are connected with you have done sth well or own sth that other people admire): *The sight of her son graduating filled her with pride.* [11].

Второе значение – это «предмет гордости» (a person or a thing that gives people a feeling of pleasure or satisfaction): *The new sports stadium is the pride of the town.*

На третьем месте значение «самоуважение» (the feeling of respect that you have for yourself): *Pride would not allow him to accept the money.*

На последнем месте словарной статьи указано значение «the feeling that you are better or more important than other people» (чувство превосходства, осознание собственной важности) с пометкой «disapproving»: *Male pride forced him to suffer in silence.*

Однако в словаре Webster's New World Thesaurus на первое место словарной статьи вынесено значение «the quality of being vain» (тщеславие); далее дается следующее пояснение значения слова *pride*: conduct growing from pride, sense (чувство; поведение, связанное с проявлением гордости); sense of personal satisfaction (чувство удовлетворения); a source of satisfaction (предмет гордости, то, чем гордятся) [12].

Возможно, это связано с историей создания словаря, который, хотя и претерпел многочисленные переиздания и изменения, но впервые появился в начале XIX века и отражал в основном негативное отношение к проявлению гордости в обыденном языковом сознании. В издании 1828 г. на первом месте видим следующее значение существительного *pride*: «Inordinate self-esteem, an unreasonable conceit of one's own superiority in talents, beauty, wealth etc.» а также «insolence; rude treatment of others» Положительное значение лексемы *pride* отмечено как «благородное состояние сердца» (generous elation of heart) и сближается по значению с понятием чести (noble pride, honest pride). В современной on-line версии того же словаря *pride* – the quality or state of being proud as: 1) inordinate self-esteem (conceit); 2) reasonable self-respect [12].

В английских толковых словарях выделяют такое понятие, как *civic pride* (гражданская гордость). При этом Longman Dictionary уточняет семантическое различие между понятиями *national pride* и *civic pride*: *national pride* – a feeling that you are proud of your country; *civic pride* – a feeling that you are proud of your town or city [9].

Подводя итог, можно сказать, что толковые словари английского языка дают подробную характеристику гордости, рассматривая её как эмоцию (feeling, emotion), как отличительную черту характера (trait, distinguishing feature of your personal nature), как объект (object of pride). Гордость связывают с понятием ценности личности (personal worth), самоуважением (self-respect) и успешностью (you have done sth. well; own sth. that other people admire; your or another achievements). Словарная статья отмечает, что гордость как черта характера связана со стремлением субъекта соответствовать определенным стандартам (личностным или социальным): «spurred on by dislike of falling below your standards». Это может быть положительное качество – self-esteem, self-respect, либо отрицательное – unreasonable, inordinate self-esteem. Отрицательная оценка безосновательной гордости выражается в такой характеристике, как «one of the deadly sins».

Дефиниционный анализ основных номинантов концепта «pride» существенно дополняется анализом его деривационного потенциала.

Прилагательное *proud* имеет обычно несколько значений:

- 1) feeling pleased and satisfied about sth that you own or have done, or are connected with;
- 2) causing sb to feel pride (only before noun);
- 3) (disapproving) feeling that you are better and more important than other people.
- 4) having respect for yourself and not wanting to lose the respect of others;
- 5) (*literary*) beautiful, tall and impressive. [9].

Английскому *to be proud of sth.* соответствует русское *гордиться чем-либо*. В словаре выделяется также прилагательное *house-proud* – «spending a lot of time making your house look clean and attractive, and thinking that this is important» (увлекающийся созданием уюта, ведением домашнего хозяйства) [6]. В русском языке подобных эквивалентов среди прилагательных, номинирующих лексему *гордость*, не значится. Очевидно, что для носителей англоязычной культуры понятия «дом» и «материальное благосостояние» являются более приоритетными по сравнению со шкалой ментальных ценностей русского этноса.

Прилагательное *proud* в значении «arrogant» имеет достаточно большое количество синонимов. Хотя большинство синонимов не являются полными и между ними есть определенные семантические различия. Наиболее близкие по значению к прилагательному *proud*: *bloated* (надутый, напыщенный), *cavalier* (надменный), *domineering* (высокомерный), *insolent* (высокомерный, дерзкий), *presumptuous* (самонадеянный), *stuck-up* (высокомерный, заносчивый от *stuck up* – торчать, выдаваться), *vain* (тщеславный, самодовольный).

В Англо-русском синонимическом словаре представлены следующие синонимы, которые описывают эмоцию гордости: *proud, arrogant, overbearing, haughty, lordly, supercilious, disdainful*.

Haughty (высокомерный, самодовольный, чванный, спесивый) – такой, который ставит себе в заслугу свое положение, звание, богатство и свысока третирует других людей, у которых он не находит этих преимуществ [1, с. 337].

Прилагательное *disdainful*, как характеристика человека, указывает на пренебрежение и презрительность в чем-либо поведении по отношению к окружающим: «*a tall slender woman of the high world ... very remote, disdainful*» [1, с. 337].

Arrogant (надменный, заносчивый, самонадеянный) – тот, кто постоянно подчеркивает свое превосходство, часто мнимое и переходящее в пренебрежение к другим, склонный повелевать, навязывать свое мнение или свою волю [1].

Overbearing (самоуверенный, властный) близко по значению к *arrogant*, но в большей мере подчеркивает склонность подчинять себе. Прилагательное *lordly* (напыщенный, заносчиво величавый) – преисполненный сознанием собственного величия и превосходства над другими людьми [1].

Прилагательное *lofty* может использоваться в значении «спесивый», а «также высокомерный, надменный».

Анализ языковых реализаций концепта «pride» с использованием лексикографических источников показывает, что у слова *гордость* в английском языке существует два направления развития значения: «положительное» и «отрицательное». Положительные оценки эмоции связаны с ощущением счастья (*pride: happy*), успеха (*pride: success, prestige, grandeur*); переживанием личных достижений (*pride: achievement, perfection*). Гордость соотносят с понятием чести и достоинства (*pride: dignity, honour, honesty*). Предметом гордости могут быть личные достижения (*pride: son, home, job, dress, skill*). Вызвать чувство гордости могут и достижения различных социальных общностей (страны, города, коллектива). Тогда говорят о таком понятии, как «национальная гордость».

Гордость понимается как актуальное чувство (когда человек гордится чем-то определенным) и как свойство его характера. Гордость как актуальное чувство не подвергается обычно этической оценке, конечно, если не ведет к высокомерному поведению в отношении окружающих. Гордость как общая установка, сближаясь с чувством собственного достоинства, одобряется английским социумом. Достаточно высокая плотность синонимического ряда лексемы *pride (proud)* может свидетельствовать о психологической и культурной ценности эмоции для английского этноса.

Список использованных источников

1. Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; Под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. М.: Рус. яз., 1979. 544 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного английского языка. М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005. 526 с.
4. Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского словаря для продвинутого этапа. М.: Издательство «Русский язык», 1982. – Т. II. 528 с.
5. Шаховский В. И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: Сб. науч.тр. ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1995. С. 5–15.
6. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1775 p.
7. Etymology Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://www.etymonline.com>
8. Johnson's Dictionary Improved by [Henry] Todd. Boston: published by Charles J. Hendee, 1836. 443 p.
9. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic Resource]. URL: <http://www.ldoceonline.com>

10. Merriam-Webster On-line Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://www.1828.mshaffer.com>

11. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://www.oup.com>

12. Webster's New Word Thesaurus [Electronic Resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com>

УДК 372.881.1

**ВОЗМОЖНОСТИ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ**

Т. А. Мальковская,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков
имени А. К. Серова, Краснодар*

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования письменного перевода как средства обучения языку для специальных целей. Дается краткая характеристика специальному языку, приводится классификация упражнений, уточняются преимущества письменного перевода и условия успешного применения этого приема на практических занятиях.

Ключевые слова: язык для специальных целей, письменный учебный перевод, преимущества письменного перевода

Summary. The article deals with the problem of applying of the written form of translation as a means of special language teaching. It also contains brief characteristics of aviation language and gives the set of exercises to develop translating skills. The advantages of written form of translation and the requirements for the most efficient application of this method during lessons are specified.

Keywords: language for special purpose, written form of translation, advantages of written form of translation.

Вопрос использования родного языка при обучении иноязычной речи остается открытым, дискуссионным и актуальным. Разброс мнений по этому вопросу охватывает практически всю шкалу: от полного отказа до широкого применения родного языка на практических занятиях.

История обучения иностранным языкам знает целый ряд методов, в основе которых лежат приемы перевода на родной язык (грамматико-переводной метод, текстуально-переводной метод). Основываясь на признании синтеза и анализа ведущими процессами логического мышления, признавая письменную речь как основу обучения, применение таких методов предполагает усвоение языка путем заучивания и перевода.

К основным достижениям переводных методов можно отнести некоторые приемы работы с текстом, которые применяются в современной практике обучения (анализ и перевод отдельных трудных частей текста, поиск изучаемого лексического и грамматического материала, аналогия с

родным языком). В нашей работе мы придерживаемся коммуникативного подхода к обучению и используем перевод как средство обучения в рамках этого метода.

Владение иностранным языком для современного специалиста является важным показателем уровня его профессиональной подготовки. «Профессионализм в современном обществе – это не только знания и умения конкретного человека, но и его владение определенным понятийно-категориальным аппаратом, нормами и правилами языковой деятельности, связанными с этим профессиональным узусом» [4, с. 37].

Дифференциация языка на сферы, которые он обслуживает, в языкознании послужила основой для развития направления, изучающего языки для специальных целей, а в областях дидактики и методики преподавания востребованными оказались вопросы теоретической и практической основы их преподавания.

Одним из широко используемых специальных языков в практической деятельности сегодня является авиационный английский язык.

В этой связи обучение специальному подъязыку, авиационному английскому языку (ААЯ), становится важной составляющей общего языкового курса обучения военных летчиков.

Мы принимаем определение В. П. Коровушкина, который под термином «подъязык» понимает «совокупность фонетических, грамматических и лексических средств национального языка, обслуживающих речевое общение определенного социума, характеризующегося единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой социальных понятий» [2, с. 171].

В документах ИКАО (Международной организации гражданской авиации) говорится, что «цель требований ИКАО к владению языком заключается в том, чтобы обеспечить соответствующий уровень языковой компетентности пилотов и диспетчеров УВД, который позволяет максимально сократить число случаев неадекватной коммуникации, а также дает возможность пилотам и диспетчерам выявить и устранить возникшее недопонимание, чтобы оно не привело к сбою в коммуникации» [5, с. 4].

Требования ИКАО к уровню владения авиационным английским языком, продиктованные необходимостью обеспечения безопасности полетов, являются критерием, который учитывается при отборе учебного материала, методов и приемов работы с ним, составлению тестовых заданий и приоритетном развитии таких речевых навыков как аудирование и устная речь.

Так как в реальном общении ни один из видов речевой деятельности не существует отдельно, так и в учебном процессе обучение любому виду должно быть интегрированным. В нашей работе мы исходим из положения о взаимосвязи аудирования, устной речи, письма и чтения, и возможности

использования навыка одного вида в формировании и развитии навыка другого вида речевой деятельности.

Некоторые исследователи считают перевод самостоятельным видом речевой деятельности, при помощи которого осуществляется акт общения. Мы придерживаемся положения о том, что письменный перевод можно характеризовать как комплексный, особый вид речевой деятельности, имеющий свои специфические черты [1, с. 123].

В рамках программы языкового обучения военных летчиков мы не ставим перед собой задачу подготовки квалифицированных переводчиков. Цель языкового образования в нашем вузе – формирование профессиональной языковой компетенции, что позволит нашим выпускникам при необходимости решать профессиональные задачи с использованием английского языка. Это позволяет рассматривать перевод как один из приемов обучения. Пользуясь военной терминологией, стратегической целью использования перевода является формирование коммуникативной компетенции, а именно, использование информации печатных текстов для решения профессиональных задач. Тактическая цель – пополнение словаря, усвоение грамматического материала, и, как результат, декодирование иноязычной речи, т.е. развитие понимания.

Не рассматривая детально классификацию видов перевода, под термином «письменный перевод» мы понимаем учебный перевод печатного текста с английского языка на русский в письменной форме. Учебный перевод понимается как воспроизведение исходного текста при особом внимании к языковым составляющим различного уровня.

Использование письменного учебного перевода в процессе обучения имеет определенные преимущества перед другими видами перевода, например, устным. Отличительные черты письменной формы перевода, а именно, возможность просматривать текст оригинала и перевода, перерабатывать и редактировать собственный вариант, используя словари и справочный материал, сосредоточиться на сложных грамматических, лексических или смысловых фрагментах исходного текста без необходимости запоминания, делают такую форму работы на занятии эффективной для формирования и развития языковой компетенции. Кроме этого, возможность сопоставления с образцом и сравнения с другими вариантами одного и того же перевода дает обучаемым возможность оценить собственные достижения и промахи.

Письменный перевод как прием обучения требует ознакомления с базовыми переводческими приемами и формирования первичных переводческих навыков. Упражнения, которые используются для этой цели, условно подразделяются на две группы: подготовительные/ практические. Цель подготовительных упражнений – ознакомить со стилистическими особенностями текстов, основными приемами перевода и работы с двуязычным словарем. Практические упражнения – перевод текстов по специальности с использованием всего комплекса полученных знаний.

Практика показывает, что такое деление не всегда эффективно в условиях ограниченных временных рамок. Кроме этого, решение практических задач всегда интереснее, чем рутинная работа по оттачиванию мастерства на примере отдельных фрагментов. Поэтому мы стараемся на практике совмещать обучение приемам перевода с формированием первичных переводческих навыков.

На различных этапах и для решения конкретных задач обучения объектами письменного перевода могут быть отдельные слова, словосочетания, предложения и связанный текст.

Применительно к обучению языку для специальных целей, передача значения слова или словосочетания – это работа над расширением терминологического словаря, активного и пассивного. Синтаксический способ образования терминов, образования терминов в виде цепочек слов, является наиболее распространенным в области авиационного языка. Многокомпонентные термины представляют основную трудность при переводе.

Именно при переводе терминов, простых и многокомпонентных, используются основные стратегии перевода, а именно, подбор эквивалентов, калькирование, транскрибирование, транслитерация, перевод с использованием предлогов и поясняющих слов, перевод с изменением порядка компонентов атрибутивной цепочки.

Письменная форма перевода позволяет наглядно иллюстрировать связь слов в сочетании, проследить последовательность перевода компонентов и выявить определенные закономерности трансформации.

Практическая работа над авиационной терминологией заключается в подборе эквивалентов, а письменная форма фиксации – это способ запоминания значений.

Перевод используется как прием работы с предложением, когда внимание обращено на построение предложения, его структуру, характерную только для данного языка. Это помогает понять разницу грамматического строя двух языков, возможность выражения одной и той же мысли разными грамматическими конструкциями, формирует более осмысленное отношение к языку.

Однако возможности перевода как средства обучения в полной мере раскрываются при работе со связанным текстом.

Регулярное использование комплексных заданий при работе с текстом подразумевает работу над одним и тем же материалом с использованием разных видов речевой деятельности. Практика показывает, что такой подход обеспечивает более прочное овладение этими навыками.

Работа над связанным текстом условно делится на три этапа: 1) подготовительные упражнения; 2) собственно письменный перевод; 3) (само)контроль текста перевода, работа над ошибками.

Подготовительные упражнения условно можно разделить на две подгруппы: а) развивающие интенциональные умения; б) прагматические, развивающие операциональные умения перевода [3, с. 8].

К первой группе упражнений относятся упражнения на развитие умений «в области целеполагания» [3, с. 8]. Так как в основе перевода лежит понимание текста на уровне смысла, на этом этапе работы необходимо ознакомиться с содержанием текста и понять общий смысл.

Прагматические упражнения – набор отдельных типовых заданий, каждое из которых содержит лишь одну конкретную переводческую задачу.

Использование письменного перевода на занятиях в рамках коммуникативной методики может быть эффективно и методически оправдано. Очевидно, что это требует выполнения ряда условий, а именно, материал для перевода по сложности должен соответствовать языковому уровню обучаемых. Кроме этого, должен быть обеспечен достаточный уровень мотивации. Этого можно достичь, предлагая для работы материал профессиональной направленности и ясным представлением применения его в практике общения. Кроме этого, для работы такого вида необходима подготовительная работа со стороны преподавателя, которая выражается в разработке четкой последовательности предлагаемых заданий. Необходимым условием является также доступность справочных источников и рациональное использование учебного времени.

Письменный перевод как методический прием доказал свою востребованность в учебном процессе на всех этапах обучения: на начальном уровне, когда требуется расшифровка языкового материала для понимания и сравнения его с родным языком, и на продвинутом, когда и процесс, и результат переводческой деятельности способствует обогащению словаря, закреплению грамматического материала, что в конечном результате приближает к достижению заявленной цели обучения – формированию и развитию коммуникативной компетентности.

Список использованных источников

1. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
2. Коровушкин В. П. Военный подъязык как экзистенциальная форма английского и русского языков (основные понятия контрастивного описания) // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений: межвуз. сб. научн. тр. Пятигорск, 2002. Вып 1. С. 169–184.
3. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
4. Мальковская Т. А. Обучение аудированию: проблема или решение // Личность курсанта: психологические особенности бытия: материалы междунар. научно-практич. конференции. Краснодар. 2012. С. 37–42.

5. Manual on Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements, 2010 [электронный ресурс] http://www.aviadocs.net/icaodocs/docs/9835_cons_ru.pdf. (дата обращения 05.12.2017)

УДК 81'25

**ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ЦИТАТ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА
ТЕКСТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ)**

С. А. Маник,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет, Иваново

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению способов перевода цитат с русского языка на английский и наоборот в современном медиадискурсе. На материале более 100 медиа текстов января 2018 г. описываются основные трансформации при интерпретации высказываний российского и американского президентов. Формы, содержание и функции цитаты при переводе многообразны, зависят от целей и установок издания. Являясь частью композиции нового медиа текста, перевод цитат подчеркивает и подкрепляет идеи статьи, зачастую меняя первоначальный смысл.

Ключевые слова: медиа текст, перевод общественно-политических текстов, цитата, трансформация.

Summary. The article deals with the ways of citation translation from the Russian language into English and vv in contemporary media discourse. As exemplified by over 100 media texts dated January 2018 major transformations while interpreting the speech of Russian and American presidents are described. The forms, content and functions of citation translated are diverse and depend on goals and purposes of the edition. Being the key element of the composition of a new media text, the translation of citation emphasizes and confirms the article ideas, often transforming the original sense.

Key words: media text, translation of socio-political texts, citation, transformation.

Современный медиадискурс стал довольно мощным механизмом формирования, моделирования и определения мировоззрения людей, поскольку человек погружен в информационное пространство, объединяющее различные медиа потоки. Ссылка на авторитет традиционно считается важным аргументом в убеждении, поэтому цитирование политика, видного общественного деятеля или обобщенного социального института широко распространено в медиа источниках.

Теория интертекстуальности формирует новые перспективы в осознании медиа текста как открытого феномена, когда текст понимается в непосредственной связи с обществом, культурой и иными текстами. Цитата служит основным маркером интертекстуальности и передает содержательно-фактуальную и содержательно-концептуальную

информацию. В зависимости от вида цитаты, места, которое она занимает в тексте, ее типа и способа введения в текст, как подчеркивает С. А. Чубай, меняется и ее функция, отрывок чужой речи приобретает новые значения, способствует созданию различных приемов на газетной полосе [2, с. 154].

В свою очередь, многие исследователи отмечают изменение сущности цитирования в средствах массовой коммуникации. Как справедливо отмечает В. В. Варченко, цитируемый отрезок речи далеко не всегда представлен в тексте в том виде, в котором он существовал в оригинале. Разного рода трансформации цитаты затрагивают не только ее форму, но и содержание, и, как следствие, оказывают влияние на ее функциональную нагрузку [1]. Перевод общественно-политических текстов, богатых на цитаты, представляет большой интерес, поскольку журналист (не)осознанно также прибегает к определенным трансформациям, чтобы оказать воздействие на реципиента, сформировать нужную точку зрения. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть варианты перевода цитат В. В. Путина и Д. Трампа в СМИ на материале русско- и англоязычных медиа тестов начала 2018 г.

Обратимся к случаям перевода цитирования в *англоязычных изданиях*. Во-первых, в медиа источниках целесообразно выделить полный перевод-цитирование, когда высказывание передано точно или дословно с указанием автора или источника. Так, например, в российской газете Ведомости журналист так оформил цитату:

«Думаю, что господин Ким Чен Ын, безусловно, эту партию выиграл. Он решил свою стратегическую задачу: у него есть ядерный заряд, есть теперь ракета глобальной дальности до 13 000 км, которая может достичь почти любой точки на территории его вероятного противника», – сказал он на встрече с руководителями российских информагентств и печатных СМИ (<https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/01/11/747558-putin-ina>).

Во многих зарубежных изданиях журналисты в переводе на английский язык также сохранили целостность и законченность этого высказывания российского президента, но перевод концовки, безусловно, претерпел семантические трансформации: «I think that Mr. Kim Jong Un has obviously won this round. He has completed his strategic task: he has a nuclear weapon, he has missiles of global reach, up to 13,000 km, which can reach almost any point of the globe,» Putin told Russian journalists at a televised meeting (<https://www.cnbc.com/2018/01/11/putin-says-shrewd-and-mature-kim-jong-un-has-won-this-round.html>).

Как мы видим фраза президента «которая может достичь почти любой точки на территории его вероятного противника» переведена не точно, отсутствует ссылка на территорию предполагаемого врага (США), журналист убирает уточнение и обобщает высказывание, принципиально смещая акценты («любой точки земного шара»). Для читателя такое высказывание звучит как угроза, создается образ врага всего человечества.

В свою очередь издательство Newsweek и News.com.au, с одной стороны, более точно передают предложение В. В. Путина («на территории его вероятного противника»), с другой стороны, добавляют «любую точку на планете/в мире»: «I believe Mr. Kim Jong Un has certainly won this round», Putin said, according to Russian state news outlet RT. «He has a nuclear [charge] and a...missile with a range of up to 13,000 kilometers that can reach almost any place on Earth, or at least any territory of his potential adversary», he added (<http://www.newsweek.com/vladimir-putin-praises-kim-jong-un-nuclear-standoff-778641>).

Привлекает внимание выбор слов «adversary» (Newsweek) и «enemy» (news.com.au). Ресурс Wikidiff.com подчеркивает, что «adversary – это оппонент или конкурент, в то время как enemy – это тот, кто враждебен, испытывает ненависть, противостоит интересам или желает зла кому-либо» (<https://wikidiff.com/adversary/enemy>). Вероятно, подобное различие соответствует русским словам «противник – враг», поэтому выбор российского президента, на наш взгляд, более политически корректен, а предпочтение слову «враг» при переводе с русского на английский подтверждает мысль о холодной, информационной войне, желании зарубежных журналистов укрепить в умах читателей образ врага/противника/зла.

В публикации New York Daily News цитирование фрагментарно, поскольку высказывания В. В. Путина встроены в общий текст статьи, цитата получилась логичной, но, как мы видим, предложение смонтировано, фактологический смысл в некоторой степени в переводе искажен, что позволяет интерпретировать сказанное по-своему:

He said Kim «is an absolutely competent and already mature politician» who has «solved his strategic task – he has a nuclear warhead and a global-range missile» (<http://www.nydailynews.com/news/politics/putin-admits-kim-jong-won-latest-standoff-nuclear-weapons-article-1.3751426>).

Косвенное перевод-цитирование (пересказ высказываний В. В. Путина своими словами и со своей интерпретацией, оценкой и пониманием) и фрагментарное цитирование также довольно широко распространены в англоязычных СМИ. Например:

«The Kremlin strongman said Thursday that Kim Jong Un was “shrewd and mature” and had won the latest standoff with the West over his nuclear and missile program» (<http://www.nydailynews.com/news/politics/putin-admits-kim-jong-won-latest-standoff-nuclear-weapons-article-1.3751426>).

Выделение кавычками “shrewd and mature” привлекает внимание читателя. Однако перевод прилагательного «грамотный», который скорее соответствует английскому «competent», а не «shrewd» (сообразительный; пронизательный; хитрый и ловкий в делах) вносит иное значение: акцент смещен на некую игру или манипулятивный характер действий корейского лидера. Если в русском контексте слова звучат как комплимент и одобрение, то употребление «shrewd» вносит отрицательную оценку.

Таким образом, в англоязычных СМИ при переводе цитат российского президента возможны следующие трансформации: пропуск слов и смена акцента на другую часть высказывания; замена определенных слов оригинального высказывания на другие с отличной коннотацией; моделирование нового высказывания, изменяя порядок слов/фраз, объединяя/сокращая/добавляя новые коннотативные оттенки.

Далее обратимся к случаям перевода цитирования американского президента в русскоязычных изданиях. Также как и в англоязычных СМИ, виды цитирования многообразны: от полного до косвенного, скрытого, фрагментарного, обобщенного. Например, выступление американского президента на экономическом форуме в Давосе в январе 2018 г. претерпело трансформации не только при цитировании, но и при переводе. Наибольший резонанс во всех медиа источниках вызвало следующее высказывание Д. Трампа:

«I believe in America. As president of the United States I will always put America first just like the leaders of other countries should put their country first also. But America first does not mean America alone. When the United States grows, so does the world» (<https://www.politico.com/story/2018/01/26/full-text-trump-davos-speech-transcript-370861>).

В некоторых изданиях эта часть речи переведена полностью, но привлекает внимание трансформация фразы «America alone» и некоторые пунктуационные добавления (кавычки), например, в издании Звезда:

«Как президент США я всегда буду ставить Америку на первое место! Точно так же, как поступили бы главы других стран. Но “сначала Америка” не значит “только Америка”. Когда есть рост в США, весь остальной мир тоже “растет”. Процветание Америки помогает создать капиталы и рабочие места по всему миру», – подчеркнул Трамп (https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201801261947-v6j6.htm).

Если журналист Звезды интерпретировал высказывание президента «только Америка», сменив акцент оригинала, и выделил кавычками части, ссылаясь на предвыборный лозунг Трампа, то в издании Газета сохранили семантику:

«Я верю в Америку и всегда буду ставить ее интересы на первое место. Я поступаю, как должен поступать лидер любой страны, который отстаивает интересы своего государства. Но Америка на первом месте не означает, что она одинока. Когда Америка становится мощнее, и мир следует за ней», – заявил Трамп (https://www.gazeta.ru/politics/2018/01/26_a_11626927.shtml).

Некоторые сокращения и пропуск аллюзии на предвыборную кампанию наблюдаются в переводе в российском издании Евроньюз:

«Президент США Дональд Трамп: «Как президент Соединенных Штатов я всегда буду ставить Америку на первое место, как и лидеры других государств должны ставить интересы своих стран на первое место, но это не означает, что Соединенные Штаты будут работать в одиночку.

Когда США развиваются, развивается и весь мир» (<http://ru.euronews.com/2018/01/26/laughed-at-and-booped-donald-trump-spoke-at-davos>).

Важно подчеркнуть, что прерывистое цитирование-перевод также является наиболее продуктивным и распространенным видом передачи цитат в российских СМИ, поскольку комментарий журналиста, выбор вводных глаголов дает возможность толковать высказывание согласно своей позиции и цели. В публикации 1 канала обобщаются основные положения речи Д. Трампа:

«Центральными темами небольшой речи американского президента были достижения его администрации во внутренней политике, значимость налоговых реформ и правильность принципа “Америка прежде всего”. “Я здесь, чтобы рассказать об интересах американских людей и чтобы убедить вас в том, что дружба и партнерские отношения с Америкой помогут построить лучший мир”, – с этих слов Трамп и начал свое выступление» (https://www.1tv.ru/news/2018-01-26/340082-na_ekonomicheskom_forume_v_davose_vystupil_donald_tramp).

В данном косвенном цитировании-переводе журналист создает образ американского президента, заинтересованного в партнерских отношениях со всеми, включая Россию, тем самым подкрепляется его дружеский для нас образ. В свою очередь, в статье газеты Корреспондент автор предпочел оставить ключевые фразы на английском языке, вероятно, ссылаясь на лингвистические знания читателей и их определенный ассоциативный ряд с выборами в Америке:

«America First ≠ America Alone

Для Трампа, как президента США, Америка всегда будет стоять на первом месте – «как для лидера любой другой страны интересы его страны всегда идут первыми».

Однако “Америка превыше всего” не значит “Америка в одиночку”, подчеркнул лидер США.

Он отметил, что “когда Америка растет, то растет и весь мир”. США подстегивают творчество новаторов, создают важные изобретения, которые помогают людям жить» (<https://korrespondent.net/world/3933611-zhdet-lysh-poleznykh-myhrantov-rech-trampa-v-davose>).

Таким образом, в русскоязычных СМИ при переводе цитат американского президента также зафиксированы замены слов оригинального высказывания, смена акцентов и моделирование нового обобщенного предложения с учетом определенной установки и ожиданий читательской аудитории. Вместе с тем, отмечены случаи использования английских фраз, которые носят аллюзивный характер, что, на наш взгляд, сделано журналистом осознанно.

Формы, содержание и функции цитаты при переводе многообразны, зависят от целей и установок издания. Являясь частью композиции нового

медиа текста, перевод цитат подчеркивает и подкрепляет идеи статьи, зачастую меняя первоначальный смысл.

Список использованных источников

1. Варченко В. В. *Формы и функции цитатной речи в медиа-тексте: на материале английского языка: дис. ... кандидата филол. наук.* Москва, 2007. 180 с.
2. Чубай С. А. *Воздействующая функция цитирования в политической коммуникации // International Journal of Professional Science. – 2016. – №1. – <http://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvuyuschaya-funktsiya-tsitirovaniya-v-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 19.01.2018).*

УДК 82–9

ТРАВЕЛОГ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ АВТОРА И ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

Е. Б. Мартынюк,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение жанра травелога как одного из самых специфических, своеобразных жанров современной литературы. Травелог позволяет почувствовать многомерность пространства, существование множества культур от традиционной до постиндустриальной. Травелог должен быть прежде всего личностной историей, т.е. обязательно заключать в себе описание собственных впечатлений и мыслей героя от встречи с каким-то объектом или местом. Это всегда авторское переживание пространства, его атмосферы.

Ключевые слова. Травелог, литература путешествий, личная история автора, пространство, культурный контекст, жанровая специфика

Summary. The purpose of this article is to consider a genre of travelogue as one of the most specific, peculiar genres of modern literature. Travelogue allows to feel multidimensionality of space, variety of cultures from traditional to post-industrial ones. Travelogue has to be first of all a personal history, it should contain the description of hero's thoughts and impressions after meeting with some object or place. It is always the author's experience of space, and its atmosphere.

Key words. Travelogue, literature of travel, personal history of the author, linear space, cultural context, genre specifics.

В современном литературоведении жанровый подход к травелогу является актуальным и перспективным. Когда-то путешествие было делом отчаянных смельчаков, делом опасным и романтическим. Записи и дневники путешественников древних времен или эпохи Великих географических открытий были полны невероятных историй, интересных исторических

свидетельств и личных историй героев. Но со временем путешествие перестало быть чем-то из ряда вон выходящим и стало достаточно доступным и простым. Сейчас книги о путешествиях рассказывают не просто о перемещении в пространстве, но показывают личную историю автора, его взаимодействие с новой культурой, внутреннее взросление или переосмысление своих взглядов, заставляют иначе взглянуть на уже известные вещи.

Именно поэтому травелог – один из активно развивающихся и популярных жанров современной литературы. С каждым годом писатели, издатели, критики и читатели все больше уделяют внимания этому жанру литературы. Его особенность состоит в том, что с одной стороны он является одним из самых специфических, своеобразных жанров литературы, соединяющий в себе разные виды повествования и дискурсы. С другой стороны - при всей его современности и популярности он обладает весьма долгой историей развития. «Жанры травелога являются сколь древними, столь же разнообразными: описания дальних стран и странствия души в поисках сущностей и смыслов, отчеты экспедиций и дневники завоеваний и походов, путеводители и справочники, карты и лоции... Однако в этом причудливом многообразии есть некоторое единство: оно пронизано рядом мифологем или архетипических категорий, таких как Путь, Путник, Гость, Приключение, Мост, Древо Познания и др.» [6].

Исследованию жанра травелога посвящены многие работы (Е. Н. Деремедведь, А. А. Майга, Е. И. Пономарев, В. М. Русаков, В. А. Шачкова, Й. Фрейзер, В. А. Михайлов и др.), но единого определения этого термина в современном литературоведении не существует. Например, Е. Г. Милюгина и В. М. Строганов отмечают, что травелог - это гораздо больше, чем просто отчет о путешествии. Он предполагает «наличие бэкграунда, размышления и массу других вещей... Здесь не найдешь описания достопримечательностей из разряда *must-be-seen* или рекомендаций лучших местных кафешек и отелей. И это, конечно, не исторический экскурс в городское прошлое» [4].

Главное, что позволяет сделать травелог – настроиться на своеобразную волну того места, куда отправляется читатель, попытаться сверить свои ощущения и впечатления и личную историю с автором травелога. Это дает очень важное и своеобразное ощущение и понимание окружающего нас мира и пространства, которое многие люди воспринимают «одномерно», как расстояние от точки до точки. Травелог зачастую позволяет почувствовать многомерность пространства, вспомнить о том, что в мире «существуют множество культур от традиционной до постиндустриальной. Любое передвижение в пространстве, любое нахождение в нем, для людей разной культуры наполнены своей грамматикой, своей символикой, своим осмыслением» [4, с. 8]. Н. А. Быкова, Е. А. Куликова отмечают, что зачастую путешествие, перемену места мы воспринимаем как перемену времени [2]. Ведь отправляясь в путешествие, человек как бы выпадает из линейного

времени в некую область настоящего, «позволяя себе погрузиться в «здесь и сейчас», хотя частенько кажется, что жизнь, не обремененная прошлым и будущим – не настоящая... Человеку совершенно необходимо почувствовать себя в настоящем, избавиться от линейного времени, ибо только в этот момент он становится самим собой...» [2]. Исследователи указывают три основные причины, по которым человек отправляется в путь и его так манит путешествие и все, что с ним связано: бегство, поиск и возвращение. Это бегство от себя, поиск себя, возвращение к себе. Многие писатели, работающие в жанре травелога, удивительно точно пытаются передать это в личной истории автора, его размышлениях и взаимодействии с общекультурным контекстом, менталитетом, обычаями и традициями народа.

Весьма интересный компонент жанра травелога – его отношение к стереотипам. Написав травелог, автор постоянно будет наталкиваться на стереотипы, и внимательный автор должен пытаться это изменить, посмотреть на все глазами другого человека, представителя другой культуры, знающего иной культурный контекст. Хотя, стоит отметить, что очень часто путешествующая проза использовалась для создания стереотипов целенаправленно.... Ярким примером такого использования личной истории автора, его опыта и впечатлений от знакомства и взаимодействия с новым, не знакомым ему национальным контекстом, для создания определенного стереотипа восприятия иной культуры и менталитета, может быть литература путешествий 18-19 веков, написанная так называемыми «имперскими» нациями – Британией, Францией, Испанией, и др. [3, с. 344]. Она существенно влияла на представления одних наций о других и способствовала созданию устойчивых стереотипов. Травелоги викторианского периода в Англии и в частности, африканские травелоги 19 века, демонстрируют такой образ главного героя и рассказывают и показывают личную историю автора в «архетипной роли» имперского героя – бесстрашного, решительного, храброго...» [1]. По-видимому, подобные тенденции являются характерными для всей литературы жанра травелог.

Характерной чертой травелога является особая активная роль автора – путешественника, участника событий, наблюдателя, носителя определенного мировоззрения. Образ автора является структурообразующим в жанре путешествия, это один из ключевых, «ядерных» элементов жанра травелога. «Травелог – это повествование, предполагающее обязательное наличие рассказчика-путешественника. Возможные типы рассказчика многообразны: от alter ego писателя до недостоверного повествователя – но именно он представляет единственный фокус изображения, единственную точку зрения на описываемое» [5]. Именно эта характерная особенность и отличает жанр травелога от иных литературных форм, в которых кроме точки зрения самого путешественника, почти всегда присутствует и точка зрения автора, который может обладать большим знанием [5].

Личные переживания, личная история автора - основа качественного травелога. О. Антонова также подчеркивает, что травелог никогда не был и не будет просто путеводителем или туристическим описанием. Это всегда «личный сюжет, диалог авторского «я» или героя с местом, с городом, со своим прошлым, со своим настоящим, со своей историей, культурой... «Кто я такой?» – главный вопрос любого травелога, любого писателя» [8].

Одной из интересных особенностей жанра современного травелога является личная история автора, показанная как бегство от себя. Во многих травелогах в последнее время появляется тенденция, когда история автора становится историей «дауншифтера». Дауншифтеры – это очень успешные люди, которые достигли значительных высот в карьере и положении в обществе, но которые в какой-то момент решают все бросить ради мечты жить в гармонии с собой и с природой какой-то красивой и теплой страны. «Дауншифтинг бывает идейным и не очень. Кто-то переезжает в бедную африканскую страну, чтобы помогать другим, а кто-то приобретает бунгало на океанском побережье с одной лишь целью – наслаждаться жизнью» [2]. Такими людьми руководит желание вырваться из порочного, бесконечного круга жизни, общества потребления и ценностей, навязываемых современному человеку обществом. Именно такие персонажи зачастую и становятся авторами и героями книг – травелогов, содержащих массу интересных рассуждений, детали истории и культурный контекст своей новой страны и т.п. Причем интересно отметить, что за таким дауншифтингом весьма часто может последовать так называемый «апшифтинг». Сначала герой отказывается от ставших чуждыми ему ценностей, как бы спускается вниз «по лестнице чужих ценностей», а потом начинает медленно подниматься по лестнице своих собственных и стремиться к тому, что важно именно для него. Поэтому многие исследователи, например, Н. А. Быкова, Е. А. Куликова [2], трактуют это явление как движение и изменение ради начала новой, настоящей, искренней, наполненной радостью жизни.

Примером такого явления могут служить травелоги британского писателя Питера Мейля «Отель Пастис», «Год в Провансе», посвященные переезду во Францию в Прованс, и жизни в маленьком городке или на маленькой ферме героя, который до этого был весьма преуспевающим бизнесменом в крупной компании в Великобритании. Герой испытывает разочарование в европейских ценностях, усталость от погони за деньгами, стремится к чему-то новому, а скорее, к старому - спокойному, позитивному, патриархальному, гедонистическому укладу жизни, восприятию реальности и себя в ней как составляющей части такой картины мира. Эти книги как раз являются яркой иллюстрацией такой личной истории автора, описывают и его размышления, и новую для него страну, культуру, обычаи, и имеют дополнительные интересные сюжетные линии. Сюда же можно отнести книгу Брюса Чатвина «В Патагонии». Лоренса Даррелла «Греческие острова», травелог Марии Арбатовой «Дегустация Индии» и др.

Говоря о травелогах, некоторые исследователи, в частности, И. Г. Савельева, отмечают такое понятие как «дух места», который может являться важной составляющей любой культуры. «...Дух места является важнейшей составляющей любой культуры ... человек носит в себе отпечаток местности, где он живет, и даже более того – является её отражением». Целью писателя-путешественника, автора истории путешествия является увидеть в людях их коренное начало, происхождение их культуры, которое отражается непосредственно в местности и пейзажах, в культуре, и во всем том, что окружает их [7].

О. Андреева в своем интервью «Сибирскому форуму» отмечает, что любая книга – это путешествие в другую культуру, в другого человека, но в травелоге «перемещение как физическое действие имеет свой смысл». Говоря о жанровой специфике травелога, автор отмечает, что она также заключается в «способности автора включить в актуальный, личностно-важный, личностно-структурирующий контекст максимально большее количество внешних сигналов. Это опыт перевода ... в универсальный, пронзительный, личностно-важный смысл, не туристический. Очень важно понять: в травелоге надо забыть о достопримечательностях, вы говорите только о том, что переворачивает вашу душу, является частью вашего личного путешествия, текстовыми ступенями, по которым вы восходите к смыслу, к самому себе» [8].

Таким образом, травелог должен быть прежде всего личностной историей, т.е. обязательно заключать в себе описание собственных впечатлений и мыслей от встречи с каким-то объектом или явлением, а не быть только перечнем посещенных мест. Это всегда авторское переживание пространства, его атмосферы.

Список использованных источников

1. Афанасьева А. Э. Наука, литература и империя: африканские травелоги британцев 1850–х–1870–х гг. // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39. С. 106–123.
2. Быкова Н. А., Куликова Е. А. Путешествие как бегство от себя // Дискурс ПИ. Екатеринбург, Издательский дом «Дискурс–Пи». 2010. №9–10. С. 211–213.
3. Мартынюк Е. Б. К вопросу об истории развития жанра литературы путешествия («травелог») // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, Симферополь, 4–5 мая 2017 г. / гл. ред. А. Д. Петренко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 340–346.
4. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора-путешественника в травелоге нового времени // Культура и текст. Тверской гос. ун–т. 2014 (18). № 3. С. 6–18.
5. Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–30–х годов: дис....доктора .филол. наук. С-Пб., 2014. 577 с.

6. Романова К. С. Невербальные формы освоения чужой культуры в травелоге // Дискурс ПИ. Екатеринбург, Издательский дом «Дискурс – Пи». 2010. №9–10. С. 206–209.
7. Савельева И. Г. Место травелога как литературного жанра в творческом наследии Лоренса Даррелла // «Молодой учёный». № 21(80). Декабрь, 2014. С. 798–800.
8. Сибирский форум – интеллектуальный диалог: интервью О. А. Андреевой [Электронный ресурс] // Сибирский форум – 2015. – Режим доступа URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/776> (дата обращения 27.01.2018)
9. Травелогги, или как писать о путешествиях [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: <https://eco-turizm.net/8721-travelogi-ili-kak-pisat-o-puteshestviyah.html> (дата обращения 27.01.2018)

УДК 821.111

ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Ж. Н. Маслова,

доктор филологических наук, профессор кафедры педагогики, психологии и переводоведения, Институт гуманитарных и социальных наук, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассмотрено искусство поэзии как часть культуры. В центре рассмотрения – система оценок, которая складывается в рамках культуры и влияет непосредственно на суть изображаемых в тексте явлений, а также на ассоциативный ряд. Изучено, как система оценок трансформируется при переводе, который является частью процесса художественной коммуникации. На основе анализа вариантов перевода доказано, что в переводе преобладает общая тенденция воспроизведения традиционных для исходной культуры эмоционально-оценочных координат.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, оценочность, перевод, поэтический текст.

Summary. The art of poetry is considered as a part of culture in the article. The attention is focused on a rating system that develops within the culture and directly affects the essence of the phenomena depicted in the text, as well as the associative series. It is considered how the rating system is transformed in translation, which is part of the process of artistic communication. Based on the analysis of the variants of the translation, it is proved that the general tendency of replicating of traditional for reference culture emotional evaluations dominates in translation.

Key words: cross-cultural communication, translation, poetry.

Человек существует в культурном пространстве, где литература – одна из форм организации этого пространства. Определений культуры множество, и многие из них заостряют ценностную составляющую

феномена: «культура есть практическая реализация *общечеловеческих и духовных ценностей*» [2, с. 9], «исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в *создаваемых ими материальных и духовных ценностях*» [1]. Таким образом, в рамках отдельной культуры формируются особенности восприятия и оценки, характерные именно для данного социума. Они ярко проявляются в искусстве. В нашем случае мы рассматриваем вербальное искусство – поэзию.

Система оценок влияет непосредственно на суть изображаемых в тексте явлений и на ассоциативный ряд. Проникнуть в особенности инокультурного восприятия мира возможно через непосредственное знакомство с оригинальными текстами, однако основной формой передачи информации и преодоления языкового межкультурного барьера является перевод. Через перевод осуществляется отсроченная во времени художественная коммуникация, знакомство с ценностными ориентирами, которые влияют на отношение к повседневным событиям жизни.

Черникова В. Е. определяет художественную коммуникацию как сложное явление, характеризующееся такими понятиями, как «образный», «символический», «воображаемый». Художественная коммуникация как процесс приобщения человека к культуре представляет собой один из фундаментальных факторов формирования менталитета, который определяет отношение личности к миру, его творчество и ответственность [5].

Ключевым в процессе художественной коммуникации является тот факт, что произведение искусства должно производить эффект не только на аудиторию, но и на самого художника; впечатление, которое художественное творение оказывает на одного воспринимающего субъекта, должно быть идентично тому, какое оно оказывает на «другого», иными словами, должен осуществиться процесс «принятия установки другого» [5]. Чтобы принятие установки другого состоялось, необходимо сохранить в переводе исходный эмоциональный образ.

Поэзия является языковой репрезентацией определенных ментальных структур и субъективных оценок поэта. В поэтическом тексте ценностный компонент ярко выражен. Система оценок закреплена всей совокупностью поэтических текстов, она относительно устойчива, но изменяется на протяжении всей истории поэзии. Единичный поэтический текст вписан в систему оценок, потому что каждый текст – лишь звено в цепи отсроченной художественной коммуникации. Система оценок иерархична. На верхнем конце шкалы находится «высокое», «идеальное», «поэтическое», на нижнем конце – «низкое», «повседневное», «непоэтическое».

Формирование системы оценок обусловлено также историческим развитием поэтического искусства. Экскурс в русскую поэтическую традицию обнаруживает важность понятий *ВЫСОКОЕ*, *НИЗКОЕ* и балансирование между двумя крайними точками («высокое» и «низкое») практически при отсутствии нейтральной зоны. Это подтверждается

исследованиями Б. А. Успенского, который выявляет важную специфику русского языкового и культурного сознания: «...в условиях диглоссии как языкового и культурного механизма принципиально отсутствует нейтральная семантическая зона» [4, с. 40]. В условиях диглоссии «каждый язык оказывается соотнесен с самостоятельным миром ситуаций, который организуется как семантическое целое» [4, с. 38]. На языковом уровне «высокое» изначально отождествлялось со старославянизмами, а «низкое» – прежде всего, с разговорным языком. Об этом свидетельствуют вехи развития русского поэтического дискурса [3].

Оценка влияет не только на возможные ассоциации, но и на видение ключевых для поэтического сознания, экзистенциальных ситуаций. Например, в строчках стихотворения «Toads» «Why should I let *the toad work* / Squat on my life?» (Ph. Larkin) [8] чувство омерзения по отношению к работе концептуализируется в репрезентации метафоры РАБОТА-ЖАБА. Ассоциация с жабой вызвана именно совпадающей оценкой. Различия в оценке явлений служат одним из источников формирования национального своеобразия поэтического восприятия и изображения явлений жизни. Как следствие, формируются существенные различия в сочетаниях художественных образов вокруг таких центральных поэтических тем как ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ, ЖИЗНЬ и т.д.

Результат проявляется при взаимодействии национальных поэтических традиций, когда выявляются несовпадающие оценки объектов, включение данных объектов в несвойственный родной культуре ассоциативный ряд. Например, в русском поэтическом дискурсе ведущей тенденцией является подчеркивание пафосности зла, и трагедия маркируется как нечто несовместимое с обычным жизнеустройством: «Флейтист на корточках сидит. / Змея глядит и не мигает, / И тихой музыки магнит / Ее из петель поднимает. / Так заговаривают зло / И острый слух его тиранят» (А. Кушнер), «Бродят люди. Бродит злоба.../ В чреве каменного гроба / Мщенья плавится металл» (А. Богданов). В англо-американской поэтической традиции зло оценочно маркировано, оно лишь имеет иные ценностные акценты и рассматривается как часть обыденности: «*Evil is unspectacular and always human, / And shares our bed and eats at our own table*» (W. H. Auden).

Это одно из самых важных различий, которое создает трудности перевода. На восприятие текста влияет несовпадающая система оценок ключевых понятий, различия в поэтическом дискурсе.

Процесс диалога культур в поэзии может быть иллюстрирован следующими примерами из материалов конкурса перевода «LITTERA SCRIPTA – 2017» [9]. Анализ состоит в сравнении вариантов переводов (59 текстов) стихотворения Х. Морт (H. Mort, *The word for snow*, 2007) [9].

В одном фрагменте текста представлены образы смерти и детей, которые в отечественной поэтической традиции ярко и однозначно маркированы. Данная оценка не совпадает с англоязычной поэтической

традицией, в связи с чем происходит разнонаправленный процесс в переводах – с одной стороны, это заострение коннотаций в переводах с помощью изменений. С другой стороны, стремление к буквальному воспроизведению содержания текста.

Рассмотрим фрагмент оригинального текста: «*in this town ... I learned the name / for round hills built on plastic / and bothered by seagulls, the bridge / where a man was killed in the strike / and where they want to put street lamps / to keep away the kids*».

Близким вариантом перевода является следующий: «Того моста, где человек был убит в забастовке, / И где хотят поставить фонари, / Чтобы обезопасить детей».

Участники ситуации наделяются дополнительными чертами за счет включения отдельных слов и фрагментов:

«Где есть мост, / На котором *была убита смелость* / Человека – участника стачки, / Где хотят поставить фонари, / Включить лампочки, / Уберечь детей...» – эксплицируется смелость погибшего в стачке человека.

«Я узнаю мост, на котором человека / Убил в разборках кто-то, / *Каждый холм мне вокруг знаком*, / И, конечно, беспокоящиеся птицы рядом... / Это город, что когда-то хотел зажечь фонари, / Где *родители сейчас гонят детей прочь от семьи...*» – немного меняется позиция лирического героя по отношению к объектам, социальное неблагополучие заострено через выражение конфликта между родителями и детьми.

Анализ показывает, что в переводах образ погибшего варьируется и в большинстве случаев наделяется разными деталями: *человек, человек в толпе; бунтовщик умерщвленный; паренек, что принял участие в стычке; демонстрант; мужчина, нависший жертвой пикета; один из шахтеров; кто-то.*

Подвергается интерпретации и сама ситуация. В оригинале использовано слово *strike*, – «забастовка, стачка» – поэтому ситуация имеет явный политический подтекст. «Strike – a period of time when a group of workers deliberately stop working because of a disagreement about pay, working conditions etc.» [7].

В переводах слово *strike* представлено как *забастовка, протест, потасовка, убийство, стычка, разборки*. В отдельном случае появляется *толпа, по-вражески настроенная*, мост становится *известным гибелью людей*. Появляются и новые элементы ситуации: *и где они хотели засеять поля, где кто-то погиб, / и для фонарей на мосту -/ затих в ожидании*.

Фонари являются значимой деталью ситуации, потому что они символизируют безопасность и противопоставлены общему напряжению фрагмента, поэтому они практически всегда сохраняются при переводе в том или ином виде (*уличные лампы, прожектора*). Здесь также возникают трансформации: *улица с фонарными столбами, мост, с недавно проведенным освещением*, либо – ближе к тексту – *фонари хотят зажечь / разместить*.

Английское слово *kids* [7] маркируется в словаре как *informal*. В переводах мотив спасения детей заостряется и сохраняется тенденция использования неформальной лексики: *спаса детвору!, чтоб не совалась детвора, чтоб детям спокойнее стало, держать подальше ребятишек*. Появляются более вольные интерпретации: *чтоб хулиганов отгонять*.

В качестве вывода следует сказать, что в переводах преобладает общая тенденция воспроизведения традиционных для отечественной культуры эмоционально-оценочных координат. Переводчиками на русский язык увеличивается пафос стихотворения, в то время как для англоязычной поэтической традиции свойственна приглушенная интонация. Однако в переносе на русскоязычную почву данная интонация не воспринимается читателем как гармоничная, поэтому переводчики стремятся воспроизвести принятые для данных контекстов эмоциональные коннотации.

Список использованных источников

1. Большая советская энциклопедия. В 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978.
2. Ионин Л. Г. История слова «культура». Социология культуры. М.: Логос, 1998. С. 9–12.
3. Маслова Ж. Н. Творческое языковое сознание: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 300 с.
4. Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языков // Избранные труды в 3-х томах. Т. 2. Язык и культура. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 29–58.
5. Черникова В. Е. Художественная коммуникация как объект философского исследования: на материале зарубежных теорий XX в.: дис. ... доктора филос. наук. Харьков, 1998. 359 с.
6. Mort H. The word for snow [Electronic Resource] // Poetry p f. – Mode of access: <http://www.poetrypf.co.uk/helenmortpoems.html#p2>. (дата обращения 10.12.2017).
7. Longman Dictionary of Contemporary English. [Electronic Resource] – Mode of access: <https://www.ldoceonline.com>. (дата обращения 8.12.2017).
8. Quote Addicts. [Electronic Resource] – Mode of access: <http://quoteaddicts.com/503033>. (дата обращения 7.12.2017).
9. XVI Международный Молодёжный Конкурс Перевода LITTERA SCRIPTA–2017 [Электронный ресурс] – Mode of access: <http://lingvu.ru/forum/viewforum.php?id=37>. (дата обращения 5.12.2017).

УДК 81-26 347.78.034

**ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕСТАХ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ*****М. С. Меленцова,****студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь****М. Г. Зеленцова,****кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Выявление специфики вариативности английского языка прессы Великобритании, США и Канады, а также их зависимость от ряда лингвистических и экстралингвистических факторов составляет цель данного исследования. В статье определяются причины возникновения языковой вариативности на всех языковых уровнях. Одна из основных проблем перевода публицистических текстов – это «терминологическая вариативность» с учетом межязыковой вариативности английского языка. Основной стратегией решения этой проблемы при переводе является детальная классификация таких единиц, и умение работать с подобным явлением, выбирая соответствующий прием перевода.

Ключевые слова: вариативность, языковая вариативность, терминологическая вариативность, публицистический текст, перевод.

Summary. The purpose of this article is to have a closer look at phenomenon of English language sign variability of modern mass media texts (published in England, USA and Canada). The reasons of linguistic variation are defined in all levels. Taking into account the interlingual variation of English one specific problem in mass media texts translating is revealed in this article which is called “terminological variation”. The key strategy of solving this problem while translating is to work out a detailed classification of such lexemes which have terminological variations within the publicistic texts.

Key words: variability, linguistic variation, terminological variation, mass media texts, translation.

СМИ активно внедряются в общественную жизнь, формируя мнение людей посредством истолкования новостного материала, который попадает в поле зрения журналистов. Читателями публицистических текстов является самая широкая аудитория. Но, стоит отметить, что в письменной публицистике – особенно в отраслевых журналах и газетах, рассчитанных на профессионалов и специалистов в той или иной области знания или деятельности, – речь журналиста, автора статьи будет приближаться к научному или официально-деловому стилю (т.е. сдвигаться влево по шкале функциональных стилей). Это скажется на характере избираемых для

изложения лингвистических средств: большое число терминов, более сложный синтаксис, характерный для письменной речи и т.д. Конечно, все эти черты должен будет вобрать в себя и перевод. Именно на этом уровне перевода возникает проблема языковой терминологической вариативности.

Основными терминами теории языковой вариативности являются: «вариативность», «вариантность», «варьирование», «вариант», «инвариант», «норма». Некоторые авторы (Г. М. Вишневецкая, В. М. Солнцев) используют первые два термина синонимично. Вариативность определяют как характеристику всякой языковой переменчивости, модификации, являющейся результатом эволюции, применения различных речевых средств для обозначения схожих явлений; а также, как характеристику образа существования и функционирования лексических единиц в синхронии. Остальные же (А. Д. Травкина, Д. А. Шахбагова) дифференцируют данные термины. Они утверждают, что «варьированием» следует называть само явление или понятие, а «вариативность» применять к результатам процесса. Тем не менее, «можно использовать термин вариативность для обозначения свойства подвижности единиц языка, тогда как термин вариантность имеет более широкое значение. Он служит для обозначения вариантов языковой системы» [3, с. 31–42].

Изучая точки зрения А. Д. Травкиной и Д. А. Шахбаговой по поводу различий между этими понятиями, мы можем сделать вывод, что, варьирование – процесс, феномен, сопутствующий развитию языка; вариативность – свойство языка, которое является критерием этого процесса, а также вариантность – результат этого процесса, обозначающий существование разных вариантов языка. Отдельные исследователи (Г. В. Степанов, А. Д. Швейцер, В. Н. Ярцева и др.) изучают проблему языковой вариативности с позиций семантического варьирования, т.е. варьирования значения в пределах одного слова, конструкции или формы. Существует широкое и узкое толкование рассматриваемого термина. При понимании вариативности, как изменчивости языка, нет надобности в противопоставлении варианта инварианту. В узком смысле вариативность определяется как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии. Здесь рассматривается дихотомия «вариант-инвариант», где инвариант выступает в качестве абстракции, носителя признаков класса, отвлечения от конкретного реализуемого набора вариантов.

Переводчик, выступающий в роли посредника в политическом конфликте, может неосознанно «манипулировать» сознанием читателя текста СМИ на политическую тему из-за неверно подобранного варианта перевода. Мириам Салама-Карр на основе теории культурных конфликтов разделяет политические конфликты на мягкие и жесткие. Если обсуждение политических противоречий подавляется, мы можем говорить о мягких конфликтах, а в случае, когда какой-либо конфликт направлен на определенного адресата, мы имеем дело с открытым/жестким конфликтом. Данная ситуация дает возможность переводчику нивелировать различные

политические разногласия, но это предполагает постоянное повышение уровня политической осведомленности переводчика.

Как утверждает Касальда Перес: «Учитывая специфику перевода публицистических текстов политической направленности, стоит отметить, что переводчики, опираясь на свои кросс-культурные навыки, умения и стратегии, могут стать «идеальными посредниками в конфликтах» [8, с. 149–165]. Опираясь на классификацию цензуры и нулевого перевода Кальсада Перес заключает, что переводчики, как производители текста, могут легко достигать и создавать точки решения проблем с помощью переводов через «акцентирование внимания на консенсус» [8, с. 156] или могут смягчить уровень разногласия. Эти данные свидетельствуют о том, что переводчики могут также вмешиваться в политику.

Данные исследования показывают, что переводчики политических текстов в публицистических изданиях часто находятся на «передовой»: особенности и качество их работы будут влиять как на получение готового продукта перевода, так и на политические события, связанные с этими текстами. В этой связи, Кэрол Майер призывает к более глубокому пониманию различных конфликтных ситуаций, с которыми переводчики могут столкнуться. Исследование Кэрала Майера затрагивает взаимосвязь между трудовой этикой и переводом политических текстов, которые отражены в СМИ. Одной из таких трудностей перевода политически направленных текстов является именно терминологическая вариативность.

Проблема формальной терминологической вариативности в настоящее время считается достаточно изученной, но, несмотря на это, решение ее не является единым. Более спорным считается вопрос именно о внутриязыковой вариативности терминов. Наименее изученной и наиболее спорной, по-видимому, остается смысловая внутриязыковая вариативность терминов не только в связи со спорностью вопроса о семантическом единстве термина, обладающего различными значениями, но и в связи с многомерностью и многофакторностью семантических отношений между лексическими и синтаксическими составляющими терминов. В понятийном арсенале терминоведения имеются также примыкающие понятия дублетности (дублетов) и эквивалентности (эквивалентов), отношения которых к вариативности и синонимии и между собой принципиально зависят от уточнения последних.

«Поскольку считается, что каждый термин должен быть соотнесён только с одним специальным понятием, то синонимия и полисемия рассматриваются как крайне нежелательные явления в терминологии. Тем не менее, поскольку термины – это единицы естественного языка, им свойственны все особенности языкового знака, включая асимметрию. Поэтому в современных терминологиях синонимия и полисемия представлены достаточно широко. Нежелательной при этом является абсолютная синонимия. Традиционное исключение составляют пары абсолютных синонимов, один из которых, зачастую являясь

интернационализмом, построен на материале древнегреческого или латинского языка, а другой – на собственном языковом материале. Абсолютные синонимы образуют терминологические дублеты в узком смысле слова, именно в таком значении употребляется номинация терминологические дублеты» [2, с. 179–180].

Используя классификацию групп дублетов в тексте оригинала и в тексте перевода [1, с. 181–184], можно рассмотреть политические дублеты в проанализированных нами публицистических статьях (дефиниции терминов даны в соответствии с «A Plain English Guide to Political Terms»):

1) дублеты относятся к одному и тому же понятию, но имеют разные формы выражения в языке-оригинале: *barrister* AmE: городской представитель по вопросам права // BrE: адвокат, который консультирует клиентов в вопросах права, может представлять клиентов в суде [4], *attorney* – адвокат AmE.

2) межвариантные термины-дублеты (согласно британскому и американскому вариантам английского языка): BrE *black economy* // AmE *underground economy* – теневая экономика.

3) дублеты, образующие синонимические ряды в языке оригинала: BrE *(the) poor* бедные [5], AmE *(the) neediest* нуждающиеся, BrE *(the) needy*, AmE *(the) ill-provided* необеспеченные, BrE *(the) deprived* лишенные благ, AmE *(the) socially deprived*, социально обездоленные, BrE *low-income people* малообеспеченные [7].

4) семантические дублеты: BrE *lawmaker*, AmE *member* – депутат.

5) словообразовательные дублеты (в образовании участвуют и национальные элементы и заимствованные): *co-organisers* – соорганизаторы, *coexistence* – сосуществование AmE, BrE.

6) синтаксические дублеты: AmE *affirmative action* – политика, направленная на выделение рабочих мест для групп людей, которые подверглись дискриминации [6], BrE *affirmative action* – политика, направленная на выделение рабочих мест для групп людей, которые подверглись дискриминации, а также помощь в получении образования таким людям, AmE *policy of pressure*, BrE *pressure group* – политика нажима.

7) дублеты с эпонимами: BrE *Blairism*, BrE *Blairist*, BrE *Blairite*, AmE *Blairification* – экономическая и политическая программа, проводимая Тони Блэром (британский премьер) в жизнь, блэризм; *Boycott* – бойкот (политический термин, названный по фамилии английского управляющего Чарльза Бойкота (1832–1897), с которым в 1880 г. полностью прекратили общаться ирландские арендаторы, заявив, таким образом, свой экономический и политический протест.

8) метафорические термины-дублеты: *iron curtain* – железный занавес, информационный, политический и пограничный барьер, *Lame duck* – хромя утка, неформальное прозвище президента, который вскоре покинет свой пост, проиграв очередные выборы AmE.

9) дублиеты-аббревиатуры (одновременно употребляются аббревиатура и её полная форма): *EXP, Export* – экспорт. Вывоз товара за границы страны, *NDA, Non-Disclosure Agreement*- соглашение о неразглашении AmE.

Практический аспект перевода определенно нуждается в более подробном изучении данного явления, так как именно на практике в процессе интерпретации переводчики вынуждены работать как с внутриязыковой, так и межъязыковой вариативностью. Все чаще в лингвисты обсуждают вопрос вариативности решений переводчика, которую можно определить спецификой стилистической направленности и ориентации текста, будь то журналистский очерк, газетная статья, публицистика, критика, литературоведческое эссе, художественное произведение (пьеса, роман, детектив).

Основные стратегии решения проблемы языковой вариативности:

- Постоянно улучшать качество фоновых знаний. Знания о культуре страны ПЯ, осведомленность с определенной в тексте реальной ситуацией можно определить, как важнейшую составляющую переводческой компетенции; в процессе перевода, переводчик должен внимательно определять относительную значимость отдельных элементов текста, которые важны при построении грамматически и семантически верного высказывания. Следует подбирать вариант, который будет нести наименьшие потери и обеспечивать максимально точное изложение текста.

- Постоянно придерживаться установленного вида адекватности, т.е. за счет формирования алгоритма перевода, переводчик будет способен контролировать процесс перевода, в частности: появляется возможность вывести перевод с бессознательного процесса, на уровень осознанных переводческих решений, что дает возможность переводчикам пополнять свой опыт сознательно.

Совокупность перечисленных нами характерных особенностей работы переводчика с публицистическими текстами определяет сложность решения коммуникативной задачи. Наиболее важным, по нашему мнению, остается тот факт, что в процессе перевода, переводчик должен учитывать разнообразие языковых вариантов и максимально правильно раскрыть позицию автора статьи, в нашем случае журналиста, так как чаще всего очень легко исказить прагматический посыл текста, не имея достаточных знаний о вариативности в языке.

Список использованных источников

1. Зеленцова М. Г., Козлова А. Т. Особенности терминологической номинации в англоязычном экономическом дискурсе: от понимания к переводу // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы I всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. С. 129–134.
2. Петренко А. Д. Современные тенденции формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов (естественнонаучные специальности): монография. Симферополь: ООО «Антиква», 2017.

3. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. С. 31–42.
4. Adams Guy [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-5094637/Legal-chambers-crisis-star-barrister-accused-groping.html> (дата обращения 8.10.2017).
5. Bernstein Joe, Draper Rob [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <http://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-5320689/Guardiola-Manchester-City-afford-match-rivals.html> (дата обращения 8.10.2017).
6. Board Editorial [Electronic Resource] – Mode of access: URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/does-the-nation-still-need-affirmative-action/2017/08/06/bdd56db4-77cb-11e7-9eac-d56bd5568db8_story.html?utm_term=.772039589853 (дата обращения 11.01.2018).
7. Bulman May [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/poverty-low-income-children-sick-paediatricians-uk-inequality-health-problems-a7728416.html> (дата обращения 12.06.2017).
8. Calzada P. Translating Conflict Advertising in a Globalised Era. In M. Salama-Carr (ed.). Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. P.149-165.

УДК 81'253

ИДЕОЛОГЕМА КАК ПРОБЛЕМА УСТНОГО ПЕРЕВОДА: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

М. В. Михайловская,

*старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода
и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков
и регионоведения, Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В настоящее время глобальный вертикальный контекст исследуется как проблема устного перевода и изучается на материале звучащих текстов, составляющих общественно-политический дискурс. В ходе проведенного анализа была выделена группа неотъемлемых единиц данного дискурса – идеологем. Идеологема представляет собой «общенациональный» культурно-специфичный концепт, за которым стоит целая философия и который обладает ярко-выраженным идеологическим компонентом. Как правило, идеологема есть некий образ, метафора, нередко вербализованные с помощью единиц общественно-политической лексики и вызывающие определенные (не всегда одинаковые) ассоциации. Таким образом, в настоящей статье выделяется ряд характерных особенностей идеологем, позволяющих рассматривать данную единицу как элемент глобального вертикального контекста.

Ключевые слова: устный перевод, общественно-политический дискурс, идеологема, реалии, глобальный вертикальный контекст.

Summary. Global vertical context is currently being explored as an overall interpreting problem with special emphasis on oral texts that constitute socio-

political discourse. As the findings revealed, a group of lexical units enshrined in this type of discourse is represented primarily by ideologemes. It should be noted that an ideologeme is a “national” culture-specific concept that has a fully-fledged philosophy behind it, and, obviously, includes a marked ideological component. As well as this, it is a certain image or metaphor, predominantly verbalized by socio-political lexical units that may evoke specific (but not always similar) associations. Therefore, the present article aims to define the inherent features of an ideologeme that make it reasonable to refer to it as an integral element of global vertical context.

Key words: interpreting, socio-political discourse, ideologeme, realia, global vertical context.

Вопрос о глобальном вертикальном контексте был поставлен учеными, принадлежащими к школе англистики МГУ, в середине 1980-х годов в рамках развития теории вертикального контекста.

Под глобальным вертикальным контекстом прежде всего понимается «контекст эпохи, соотнесенный с системой взглядов и оценок писателя» [5, с. 161]. Было установлено, что именно глобальный вертикальный контекст «дает возможность читателю выделить в тексте языковые средства, которые характеризуют данного автора как представителя своей эпохи и своего класса, и проследить их развитие не только в творчестве его предшественников, но и в произведениях более позднего периода» [2, с. 79]. Таким образом, глобальный вертикальный контекст представляет собой не просто контекст эпохи, а скорее ее дискурсивный контекст, сконцентрированный в определенных словах и выражениях, запечатленный в них.

В настоящее время глобальный вертикальный контекст исследуется как проблема устного перевода и изучается на материале звучащих текстов, составляющих общественно-политический дискурс. В ходе проведенного анализа была выделена группа неотъемлемых лексических единиц данного типа дискурса, получившая название «идеологемы».

Впервые термин «идеологема» был использован М. М. Бахтиным. Надо отметить, что данное понятие имело несколько иное значение и служило для описания слов и мыслей героев романа, побуждающих читателя к определенным действиям [1, с. 146]. М. М. Бахтин определял идеологему как «идеологически полновесное слово (в большинстве случаев активное и действенное)», делая акцент на одной из главных функций данной единицы – оказании определенного воздействия.

В настоящее время существует ряд подходов к изучению идеологемы как лингвокогнитивного феномена. К примеру, Е. Г. Малышева рассматривает идеологему «как единицу когнитивного уровня – особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве,

нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [3, с. 35]. Исследователь делает акцент на том, что идеологема представляет собой «универсалию мыслительную, когнитивную, единицу идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем» [3, с. 34].

Проанализировав вышеизложенный материал, можно утверждать, что у процитированных авторов «сливаются» или плавно «переходят друг в друга» идеологемы и реалии, а также некоторые прецедентные феномены. Данный факт представляется вполне логичным, поскольку реалия есть слово, единица языка, а не только факт жизни. К примеру, «губернатор», «дума», «флаг», «гимн» и т.д. являются не только идеологемами, но и реалиями, точнее – идеологически нагруженными реалиями. Также еще раз подтверждается мысль Е. Г. Малышевой о том, что идеологема и концепт практически тождественны друг другу: нередко идеологема рассматривается как некая разновидность концепта.

Следует подчеркнуть, что с практической точки зрения для устного перевода из всех классификаций, изученных нами, особую значимость представляет разделение идеологем на общенациональные и интернациональные (международные идеологемы-интернационализмы) [4, с. 15], поскольку именно данные типы идеологем наиболее частотны в звучащих текстах, с которыми имеют дело устные переводчики, работающие на международной арене.

В качестве наглядного примера приведем понятие «**deep state**» (на русский язык его принято передавать с помощью калькирования – «глубинное государство»), ставшее идеологемой. Концепция «глубинного государства» зародилась в Турции (тур. *Derin devlet*) еще во времена Османской Империи. Как особый механизм управления страной «глубинное государство» возникает на территории Турции после 1911 года вместе с партией «Единение и прогресс» (1889–1918). После распада Османской Империи в 1922–1923 годах Кемаль Ататюрк использовал структуры «глубинного государства» как основной инструмент политики секуляризации и тюркизации. Периодом окончательной кристаллизации «глубинного государства» принято считать годы после Второй мировой войны, когда страны НАТО провели операцию «Гладио» с целью создания по всему миру тайных организаций, которые смогли бы оказать сопротивление в случае победы левых сил. О турецкой части операции «Гладио» стало известно только в 1973 году, когда о «дерин девлет» упомянул премьер-министр Бюлент Эджевит. В 1960-х годах структуры, выстроенные в странах НАТО в рамках «Гладио», постепенно прекратили свое существование. Но в Турции ситуация складывалась несколько по-иному. «Глубинное государство» разветвилось на сотни различных организаций: часть стала костяком правых кемалистских партий (например,

«Партии национального движения»), часть – ядром террористических ультраправых группировок, таких как «Бозкурт» («Серые волки»).

Таким образом, на территории Турецкой Республики понятие «глубинное государство» используется для обозначения предполагаемой группы влиятельных антидемократических коалиций в турецкой политической системе, состоящей из представителей разведывательных служб (отечественных и зарубежных), турецких военных, службы безопасности, судебной власти и мафии.

Не так давно данный термин начал использоваться для описания политики в таких странах, как Египет и Пакистан, то есть данное понятие вышло за пределы Турции и распространилось на соседние страны Востока с аналогичным пониманием политики и отношением к политической жизни.

В последнее время средства массовой информации начали писать о «глубинном государстве» в США, но уже в абсолютно ином ключе. 16 февраля 2017 года на страницах ведущей газеты США «The New York Times» появилась аналитическая статья под названием «As Leaks Multiply, Fears of a “Deep State” in America». В заголовок центральной газеты чуть ли не впервые попал термин «deep state» применительно к специфике государственной власти в США. Прежде столь открыто о параллельных тайных структурах, реально управляющих государством без какого-либо контроля со стороны общества, передовые издания не писали.

Сторонники Дональда Трампа стали использовать термин «глубинное государство» для обозначения сотрудников разведки и органов исполнительной власти и должностных лиц, которые определяют политику через утечки информации в различные средства массовой информации. Подозрения в попытках манипуляции особенно усилились после утечки информации от правительственных чиновников в «The Washington Post» и «The New York Times», вследствие чего Майкл Флинн, советник по национальной безопасности при Д. Трампе, был вынужден уйти в отставку.

Во время Большой пресс-конференции, состоявшейся 23 декабря 2016 года, Владимир Путин, отвечая на различные вопросы журналистов, употребил слово «оккупанты», которое, безусловно, является идеологемой, значение которой меняется в зависимости от того, что в него вкладывает представитель конкретной страны или сторонник определенной политической идеологии. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, слово «оккупант» означает «участник оккупации, захватчик» [6]. В. Путин дал следующий ответ на один из вопросов журналистов: «Кстати говоря, эти проекты были еще в царские времена, потом в советское время. Потом **оккупанты** его фактически построили, но построили не должным образом, его ледоходом снесло». В прямом эфире видеоагентства «Ruptly», входящего в состав телевизионной компании «Russia Today», данное высказывание было переведено синхронно: «By the way, these projects were initiated, you know, as early as the Tsarist times. Then the Soviet authorities tried to build, then, you know, the **Nazi Germany** tried to build it. And, well, they did it in a poor way, and it was

carried away». В данном случае идеологема «оккупанты» была передана с помощью довольно-таки смелой конкретизации. Данное переводческое решение представляется не совсем уместным, так как данный английский термин «Nazi Germany» более уместен для обозначения соответствующего периода истории Германии с 1933 по 1945 год, когда данная страна пребывала под диктаторским правлением Адольфа Гитлера [7].

Разберем еще один ответ В. Путина на вопрос журналистов, в котором фигурировала вышеупомянутая идеологема: «Хорошо было бы добиться того, чтобы на Донбассе украинскую армию не считали оккупантами в своей собственной стране». Синхронный перевод прозвучал следующим образом: «It would be great if the Ukrainian army wouldn't be considered as **occupants** in Donbass, in their own country». Для передачи идеологемы «**оккупанты**» переводчик использовал слово «**occupant**», что представляется неверным, так имеет совсем иное значение. Согласно одноязычному словарю, «occupant» - 1) a person who resides or is present in a house, vehicle, seat, etc., at a given time; 2) the holder of a position or office [8]. В данном случае корректным представляется соответствие «**occupier**» (a member of a group that takes possession of a country by force [9]).

Таким образом, проанализировав вышеизложенный материал, можно сделать следующие выводы. Прежде всего идеологема представляет собой культурно-специфичный, но в то же время, «межнациональный» концепт, за которым стоит целая философия и который обладает ярко выраженным идеологическим компонентом. Как правило, идеологема представляет собой некий образ, метафору, нередко вербализованные с помощью единиц общественно-политической лексики и вызывающие определенные ассоциации.

Идеологемы обладают «массовым характером», то есть воспринимаются одинаково большой группой лиц, представителями одной национальности, жителями одной страны или же людьми, разделяющими одни и те же политические взгляды. Идеологема «ограничена» во времени, так как понимание и восприятие той или иной лексической единицы со временем могут измениться кардинальным образом.

В заключение можно утверждать, что идеологема является характерным элементом глобального вертикального контекста, так как является некой отсылкой к той или иной эпохе, ее значение «оторвано» от непосредственных значений лексических единиц, ее составляющих. Адекватное понимание идеологемы возможно только в контексте соответствующей идеологии и контексте определенного периода времени. Безусловно, идеологема представляет собой объективную проблему для устного перевода, поскольку отнюдь не все данные единицы языка можно передать с помощью калькирования. На основе приведенных примеров можно сделать вывод о необходимости разработки тезауруса идеологем, наиболее частотных для общественно-политического дискурса, и их функциональных аналогов на русском и английском языках для оптимизации процесса устного перевода.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
3. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – №4. – АФ. 2009.
4. Пионтек Б. Общеязыковые факторы генезиса идеологема как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
5. Черезова Т. Л. О сопоставительном изучении вертикального контекста художественных произведений (на материале творчества Энтони Троллопа и Ч. П. Сноу): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.
6. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18298> (дата обращения 30.01.2018).
7. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nazi_Germany (дата обращения 30.01.2018).
8. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/occupant> (дата обращения 30.01.2018).
9. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/occupier> (дата обращения 30.01.2018).

УДК 81'25

ДИСФЕМИЗМЫ В ПЕРЕВОДЕ ЭРОТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

О. А. Москаленко,

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. Статья посвящена анализу трудностей, возникающих при переводе с английского языка на русский эротической прозы. На материале романа «Lady Chatterley's Lover» Г. Лоуренса и трех его переводов рассматривается функционирование дисфемизмов как средства выражения понятий, связанных с табуированными сферами жизни. Определяются переводческие ошибки.

Ключевые слова: эвфемизм, дисфемизм, табуированная лексика, художественный перевод, метафорическая номинация.

Summary. The article deals with the difficulties which emerge when the erotic prose is translated from English into Russian. *Lady Chatterley's Lover* by H. Lawrence and three translations into Russian are analyzed to interpret the dysphemism's functioning as a way to express the taboo sphere. Some translation mistakes are considered.

Key words: euphemism, dysphemism, taboo words, literary translation, metaphoric nomination.

Сложности при репрезентации на русском языке т.н. «образов телесного низа» (по М. Бахтину), объясняются не в последнюю очередь лексическим составом русского языка (условно «эротическая» лексика делится на анатомические термины и обценные слова) и социокультурными факторами. Категория лексики, связанная с сексуальной сферой жизни, выражается с помощью прямых наименований, эвфемизмов и дисфемизмов. Если задача эвфемизмов – «смягчение» откровенных понятий и процессов, то дисфемизм – намеренная замена нормативного, естественного слова или выражения более грубым или непристойным обозначением изначально нейтрального понятия.

Рассмотрим функционирование дисфемизмов в романе «Lady Chatterley's Lover» Д. Лоуренса и в трех его переводах на русский язык, выполненных Т. Лещенко-Сухомлиной («Любовник леди Чаттерлей», 1932), И. Багровым и М. Литвиновой («Любовник леди Чаттерли», конец 80-х–начало 90-х годов), В. Чухно («Любовник леди Чаттерлей», 2000). Автор не только подробно описывает физическую сторону полового акта, но и отмечает его большую значимость, открыто рассуждая о сексуальной стороне жизни как неотъемлемой части любовных отношений, в описании эротических сцен использует преимущественно метонимические эвфемизмы. В то же время в романе присутствует стилистически сниженная и табуированная лексика и т.н. «четырёхбуквенные» слова – яркие примеры дисфемизмов в английском языке, при дословной передаче которых может возникнуть неуместное огрубление, а значит – искажение авторского замысла, так как английские и русские дисфемизмы крайне редко эквивалентны друг другу.

Рассмотрим несколько примеров. Диалог Констанции и Меллорса после интимной близости:

Then he lifted his head and looked into her eyes, with his odd, faintly mocking grin, saying:

– *Ay-ay! Let's be together on oath.*

– *But really? – she said, her eyes filling with tears.*

– *Ay really! Heart an' belly an' cock' [1, с. 183].*

Замена двух компонентов английской клятвы *Heart, body, and soul* позволяет подчеркнуть интимную близость героев, поставив ее в один ряд с любовью. Т. Лещенко-Сухомлина прибегает к компенсации, обобщая слова *belly* и *cock* одним словом «тело»: *Меллорс предлагает клясться «Всем сердцем и телом» [2, с. 260].* И. Багров и М. Литвинова заменяют клятву: *Знаешь старинную клятву: гроб, могила, три креста, не разлюбим никогда [3, с. 284],* искажая основной посыл, так как Д. Лоуренс воспекает прежде всего любовь телесную. Конни воспринимает секс как продолжение жизни, а Меллорс считает его важной ее составляющей, поэтому вряд ли уместно привлекать символы смерти. В. Чухно использует перифразу: *Готов поклясться и сердцем, и животом, и тем, что в самом его низу! [4, с. 285].*

Слово *fuck* встречается в романе 26 раз. Рассмотрим, как работали с ним переводчики. Перед нами диалог Меллорса и Констанции, разговорная речь:

– *I believe especially in being warm-hearted in love, in fucking with a warm heart. I believe if men could fuck with warm hearts, and the women take it warm-heartedly, everything would come all right. It's all this cold-hearted fucking that is death and idiocy.*

– *But you don't fuck me cold-heartedly, – she protested.*

– *I don't want to fuck you at all. My heart's as cold as cold potatoes just now* [1, с. 181].

Перед переводчиком стоит задача не допустить излишнего огрубления их речи и не прибегать к использованию книжных слов. Т. Лещенко-Сухомлина переводит:

– *Я верю в сердечность, особенно в любви; в то, что совокупляться надо с тёплым сердцем. Я верю, что если бы мужчины входили в женщин сердечно и тепло – а женщины отдавались бы им тоже сердечно, – всё было бы хорошо. А эти холодные совокупления несут смерть и вырождение.*

– *Но вы не берёте меня с холодным сердцем, – сказала она.*

– *Я совсем не хочу вас сейчас. Моё сердце холодно, как холодная картошка* [2, с. 258].

Переводчик привлекает эвфемизм «совокупляться», который в русском скорее нейтрален. Помимо этого, мы наблюдаем метафорические выражения «входить в женщину» и «брать». Однако, с точки зрения сочетаемости эвфемизм «совокупляться» уместнее во втором случае, где речь идёт о «холодных совокуплениях». Выражение «совокупляться надо с тёплым сердцем» создает мало уместный иронический эффект. В переводе И. Багрова и М. Литвиновой мы видим замену понятий:

– *Я уверен, если мужчина обладает женщиной и в душе обоих нежность, все будет хорошо. А вот если любить с холодным сердцем – это идиотизм, это смерть.*

– *Но ты ведь чувствуешь ко мне нежность? Ты не просто так меня любишь ?*

– *Я не хочу больше любить . Мое сердце холоднее остывшей картошки* [3, с. 282].

Здесь использован эвфемизм «любить» вместо прямого наименования действия. Но речь идёт о половых отношениях как составляющей любовных чувств, а не о любви как таковой. Таким образом, происходит смешение понятий «любовь» и «секс». В. Чухно не переводит данное слово вовсе, а оставляет сноску, объясняя, что английское *fuck* является вульгаризмом. Переводчик создает для современного читателя комический эффект: слово воспринимается как ругательство или восклицание:

– *Зато верю, что если бы мужчины всегда могли fuck с тёплым сердцем, а женщины отдаваться им с нежностью в душе, то между ними*

никогда бы не было проблем. Но *fuck* с холодным сердцем – это идиотизм, это смерть.

– Но ты ведь *fuck* меня не с холодным сердцем, – проговорила она.

– В данный момент я вообще не хочу тебя *fuck*. Моё сердце сейчас холоднее остывшей картофелины [4, с. 283].

Стилистически сниженная лексическая единица *go off*, в зависимости от контекста и цели высказывания, может быть как эвфемизмом, так и дисфемизмом. Рассмотрим следующий пример.

Then there's the ones that love everything, every kind of feeling and cuddling and going off, every kind except the natural one. They always make you go off when you're not in the only place you should be, when you go off [1, с. 178].

Меллорс полон возмущения и злобы, описывая, какими могут быть женщины в постели. Трехжды повторяющийся фразовый глагол *go off* несет отрицательный, даже оскорбительный смысл. Стилистика предложения всецело отражает настроение героя. Т. Лещенко-Сухомилина воспользовалась прямой номинацией, таким образом показав решительность и намеренное нежелание Меллорса «смягчать» своё высказывание: *Ещё есть такие, которые любят всё – всяческие ласки и возбуждение и оргазмы, кроме естественных. Они всегда принуждают вас кончать, когда вы не там, где вы должны-бы кончить* [2, с. 254]. И. Багров и М. Литвинова используют целый спектр различных эвфемизмов: *Есть и еще один сорт женщин, те любят все – объятия, поцелуи, последнее содрогание, но чувственность у них разлита по всему телу. Такие женщины предпочитают все способы любви естественному. Они умеют вызвать заключительный аккорд, когда мужчина находится совсем не там, где ему в этот миг положено быть* [3, с. 277]. Умеренное использование эвфемистических выражений в данном контексте может придать высказыванию иронический эффект. Но переводчики явно переусердствовали. Метафорическая номинация «последнее содрогание» используется вместо прямого называния оргазма, но ведь он затрагивает и тему смерти, как и выражение «вызвать заключительный аккорд». С учетом специфики речи Меллорса, данное выражение является чересчур высокопарным и в данном контексте может использоваться только для придания иронического эффекта. К возвышенной лексике можно отнести также эвфемизм «этот миг». Помимо этого, мы наблюдаем свойственную переводу И. Багрова и М. Литвиновой замену понятий, обозначающих половой акт, на слова «любовь» и «любить». В данном контексте Меллорс высказывает презрение, поэтому подобное сравнение кажется неуместным. В. Чухно значительно расширяет речь Меллорса за счет эпитетов «пылкие» и «страстные»; вариант *это всё с отклонением от нормы* в большей степени относится к медицинской тематике и ассоциируется с патологией. Слово «место» в данном контексте вызывает ассоциации с географическим местоположением, а не половыми органами женщины: *Есть и такие, которым нравится всё: и пылкие чувства, и страстные объятия, и сам*

оргазм, – но только если это всё с отклонением от нормы. Они всегда заставляют мужчину кончать не в том единственном месте, где ему предназначено природой, а в любом другом месте [4, с. 278].

Тема физической стороны любви по-прежнему популярна в художественной литературе, а вопрос о репрезентации образов телесного низа в русском языке является малоизученным и, как мы видим, действительно представляет трудность для переводчика.

Список использованных источников

1. Lawrence D. H. *Lady Chatterley's lover*. London: Wordsworth Editions Limited, 2007. 277 p.
2. Лоренс Д. *Любовник леди Чаттерлей*. Свердловск: Уральский рабочий, 1991. 381 с.
3. Лоуренс Д. Г. *Любовник леди Чаттерли*. Москва: АСТ: Астрель, 2010. 411 с.
4. Лоуренс Д. Г. *Любовник леди Чаттерлей*. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. 592 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛА «ДОСТИЧЬ/ДОСТИГАТЬ» С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ (УПОТРЕБЛЕНИЕ “到达” И “达到”)

Му Синьюй,

аспирант второго курса кафедры теории и методологии перевода,

Высшая школа перевода, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Перевод может рассматриваться как крупномасштабный естественный эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух языках в реальных актах межъязыковой и межкультурной коммуникации. Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы провести анализ переводов глагола «достичь/достигать» с русского языка на китайский и сравнить перевод глаголов “到达(dàodá)” и “达到(dádào)”.

Ключевые слова: глагол «достигать», китайский иероглиф, перевод глагола, русский язык, перемещение в пространстве, семантика.

Summary. Translation can be considered as a natural experiment on the comparison of linguistic and speech units in two languages in real acts of interlingual and intercultural communication. The main purpose of this article is to analyze the translations of the Russian verb «достичь/достигать» into Chinese and compare translations of the verbs "到达 (dàodá)" and "达到 (dádào)".

Keywords: to achieve, Chinese hieroglyph, verb translation, Russian language, space movement, semantics.

Язык представляет собой средство выражения мыслей и средство общения. Конечно, у него есть и другие функции, но основной среди многочисленных функций языка является коммуникативная функция, предполагающая, что без языка любые формы общения людей становятся невозможными. Язык служит коммуникации. Это «главный, самый

эксплицитный, самый официальный и социально признанный из всех видов коммуникативного поведения» [1, с. 73].

Перевод является не только коммуникативной, но и когнитивной деятельностью, направленной «на раскрытие социообусловленных механизмов, участвующих в создании текста оригинала и затем перевода» [7, с. 398].

Анализ лингвистического материала, проведённый исследователями китайского языка, позволяет констатировать факт, что иероглифы могут обозначать звук, слог, часть слова или целое слово. Китайские иероглифы – это одна из самых многознаковых систем письменности.

Глаголы в китайском языке чаще всего состоят из одного или двух самостоятельных иероглифов. В зависимости от контекста иероглиф может иметь совсем иное значение. Основным объектом внимания в данной работе является современный китайский литературный язык «путунхуа» в его устной и письменной форме.

В русском языке семантике глагола «достигать/достигнуть» соответствует представление о перемещении в пространстве, причем субъект или субъекты достигают намеченной цели. Мы бы хотели показать особенности перевода глагола «достигать/достигнуть» в русском языке средствами китайского языка, отразив специфику их употребления в составе словосочетаний, фраз, предложений.

В русском языке глагол «достичь/достигать» соответствует паре глаголов 到达 (dào dá) и 达到 (dádào). В «Русско-китайском словаре (俄汉词典)» русский глагол «достигать» фиксируется в составе следующих словосочетаний, которым находят соответствия в китайском языке, ср.: *достигнуть границы* - 到达边 (dào dábiān jìng); *достичь совершеннолетия* - 达到成年 (dádào chéngnián); *достигнуть цели* - 达到目的 (dádào mù dì) [2, с. 104].

Кроме этого словарем указывается, что многозначный глагол «достичь/достигать» имеет достаточно большую частотность в бытовой речи. Многозначные слова имеют несколько лексических значений. Одно значение является прямым, остальные – переносными. Все значения многозначного слова связаны между собой метафорически или метонимически. Процессы метафоризации и метонимизации относятся к числу базовых когнитивных механизмов, обеспечивающих концептуализацию и категоризацию предметов и явлений внешнего и внутреннего мира человека [5, с. 137].

Глаголы «到达 (dàodá)» и «达到 (dádào)» состоят из двух иероглифов 到 (dào) и 达 (dá). Глагол 到 (dào) в «Китайско-русском словаре (汉俄词典)» имеет следующие значения: «прибыть куда-то; наступить, настать/прийти/приехать; идти/ехать/отправиться». Глагол 到 (dào) выражает определенное положение предмета в пространстве и абстрактное понятие о конкретных пространственных отношениях. Например:

1. 火车到上海了 (*huǒchē dào shànghǎi le*) Поезд дошёл до Шанхая [9, с. 176],
2. 到现在仍无消息 (*duò xià nǎn wú xiāo xī*) До сих пор (до настоящего времени) нет известий [9, с. 176]

В китайском языке существует группа сложных глаголов, состоящих из двух частей, первая из которых обозначает действие, а вторая - его результат, то есть качество или действие, появляющееся в результате первого действия. Глаголы, образованные таким образом, называются результативными, а вторая часть их, указывающая на результат действия - результативной морфемой или модификатором [8, с. 83]. Обычно глагол 到 (*dào*) используется как результативная морфема, которая добавляется к основному глаголу и означает полученный результат. В китайском языке часто используется результативная морфема 到 (*dào*), которая показывает, что достигнут результат действия. Например, 听 (*tīng*) означает, что субъект фокусирует свое слуховое внимание на чём-то и переводится как «слушать». В то же время с результативной морфемой 听到 (*tīng dào*) «услышать» он выражает, что мозг усвоил информацию, поступающую через органы чувств, и достигнут конечный результат действия.

Значение глагола 达 (*dá*) можно проследить до эпохи вэньянь. Вэньянь - это древнекитайский язык, который используется вплоть до XX века. Определение 达 (*dá*) в словаре древнекитайского языка как «сквозной, высокий (о должности) доходить/достигать/продвигать» [10, с. 269]. Например, предложение из книги «Лунь Юя» - главной книги конфуцианства - 欲速则不达 (*yù sù zé bù dá*) [11, с. 195], обозначает «если гонишься за быстротой - не достигнешь». В данном предложении 达 (*dá*) означает «достигать цели». В современном китайском языке часто употребляется 达 (*dá*) в значениях: «достигать цели/уровня или выразить что-нибудь», что говорит о том, что в общем сохранилось предыдущее значение в вэньяне.

Основные употребления глагола «достичь/достигать» в большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова: во-первых, «дойти, доехать до какого-л. места, предела»; во-вторых, «доходить по своим размерам, весу и т.п. до какого-л. уровня, до определенного предела»; в-третьих, «добиваться чего-либо, получать желаемое с усилием» [6, с. 279].

Ключевые иероглифы выступают как главные ориентиры значения. В рамках выражения глагольного значения в китайском языке было выявлено восемь словообразовательных моделей, наиболее продуктивной из которых явилась модель соединения вербальных компонентов по копулятивному типу связи ($V = V1 + V2$) [3, с. 34-35]. Двусложные слова используются в китайском языке в качестве основных, статистически доминирующих лексических единиц [4, с. 114]. Глаголы «到达 (*dàodá*)» и «达到 (*dádào*)» имеют одинаковые морфемы, расположенные в обратном порядке.

Глагол «到达(*dàodá*)» передает семантику пространственных отношений и отображает конечную цель однонаправленного передвижения активного субъекта в пространстве. Он означает «дойти, доехать до какого-либо места, предела». 到 (*dào*) обозначает действие, которое совершается до достижения конечной точки, цели перемещения в пространстве или во времени. 达 (*dá*) показывает, как правило, перемещение в пространстве. Например:

火车于五点到达北京 (*huǒchēyúwǔdiǎndàodáběijīng*) Поезд прибудет (придёт) в Пекин в 5 часов утра [9, с. 177].

我们两天后才能到达 (*wǒmenliǎngtiānhòucáonéngdàodá*) Мы прибудем только через два дня [9, с. 177].

В глаголе 达到 (*dádào*) иероглиф 到 (*dào*) стал результативной морфемой и указывает на какое-то длительное действие. 达到 (*dádào*) в «Китайско-русском словаре (汉俄词典)» описывается как второе и третье значения глагола «достичь/достигать». Например:

达到目的 (*dáduo mù dì*) достигнуть цели [9, с. 151],

达到顶点 (*dádǎodǐngdiǎn*) дойти до кульминации [9, с. 151],

达到国际水平 (*dádàoguó jìshuǐ píng*) достигнуть международного уровня [9, с. 151],

达到不可收拾的地步 (*dádàobùkěshōushidèdì bù*) дойти до того, что все стало непоправимым [9, с. 151].

Приведенные примеры показывают, что глаголы “到达(*dàodá*)” и “达到 (*dádào*)” предопределяют как пространственно-временные, так и причинно-следственные характеристики состава текста. Мы показали, что значительные трудности может представлять перевод слова «достичь/достигать» на русский язык, так как требуется понимание отдельного иероглифа и его сочетание с другими элементами. Сопоставление ряда примеров с их переводом помогает выявить зависимость реализации определенного значения слова «достичь/достигать» от контекста. Использование языковых соответствий всегда предполагает знание контекста, в котором используется та или иная языковая единица.

Список использованных источников

1. Андрейчик Н. И. Динамика Взаимодействия языка и культуры в процессе коммуникации // Искусство и культура. – 2012. – №4(8). С. 72–76.
2. Баранова З. И, Котов А. В. Русско-китайский словарь. М., 1990. 556 с.
3. Ваталева Н. В. Тенденции употребления глаголов речевой деятельности в современном разговорном китайском языке // Вестник БГУ. – 2014. – №8. С. 33–38.
4. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. М.: Просвещение, 1979. 192 с.

5. Козлова Л. А. Метафора и метонимия: сходство и различия // Вопросы когнитивной лингвистики – 2011. – № 4. С. 137–144.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. С. 279.
7. Манерко Л. А. Модели перевода современности через призму социообусловленности и мультимодальности знания в теории дискурса // Вестник МГЛУ дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – 2015. – №6(717). С. 389–401.
8. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Л.: Издательство ленинградского университета, 1957. С. 83–100.
9. 汉俄词典(hàn é cí diǎn).商务印书馆: 上海, – 1989. (Китайско-русский словарь. Шанхай: Коммерческое издательство, 1989)
10. 古汉语词典(gǔ hàn yǔ cí diǎn). 商务印书馆: 北京, 2003. С. 269. (Словарь древнего китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2003. С. 269)
11. 论语(lún yǔ). 中华书局: 北京, 2007. С.195. (Лунь Юя. Пекин: Издательство чжунхуа, 2007. С. 195)

УДК 81

НАЗВАНИЯ ПОЛОТЕН ФРАНЦУЗСКИХ ИМПРЕССИОНИСТОВ В РУССКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Н. М. Мухаметгареева,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
международного права и международных отношений, Институт права,
Башкирский государственный университет, Уфа*

Е. А. Яковлева,

*доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего
языкознания, Институт филологического образования и межкультурных
коммуникаций, Башкирский государственный педагогический университет
имени М. Акмуллы, Уфа*

Аннотация. В настоящей статье мы исследовали артионимы французских импрессионистов в плане их перевода на русский язык. Цель работы – провести сопоставительный лингвокультурологический анализ названий картин художников-импрессионистов на французском и русском языках; определить специфические характеристики русского артионима по сравнению с французским источником. В работе рассмотрены лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие формированию в русском искусствоведческом дискурсе названий картин художников-импрессионистов, обозначены различия русской и французской языковой картины мира.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, артионим, лингвокультурология, перевод, картина, художники-импрессионисты, натюрморт.

Summary. In this article we would like to analyze the proper names (artionyms). The purpose of the article is to compare the group of French and Russian artionyms of French impressionists' paintings and to find language and cultural tendencies appeared during their translation from one language into another. Artionym is a complex of linguistic and cultural factors that forms in Russian art discourse a unique system of associations appeared in native-speaker's conscious, that can be specific for each language and culture.

Key words: modern onomastic, proper name, artionym, nomination, painting, impressionists, translation.

Проблема перевода названий художественных произведений весьма актуальна, поскольку, как показало наше знакомство со специальной литературой, несмотря на то, что переводческая деятельность в современном мире приобретает все большие широкие масштабы и социальную значимость, исследованиям в области перевода названий различных произведений искусства уделяется еще недостаточно внимания. В то же время не следует забывать, что название картины – **артионм** – это то, что привлекает зрителя не меньше, чем она сама, ведь наименование или яркий художественный прием зачастую становится первой информацией о произведении и ее авторе, как бы визитной карточкой мастера, как это произошло, к примеру, с названием картины Ван Гога «*Подсолнухи*», наполненной горящим желтым цветом и жизнью, или знаменитыми *васильками* Марка Шагала, которые воспел Андрей Вознесенский: «*Дикорастущие сорные тюбики / с дьявольски / выдавленным / голубым!*».

Необходимость специального исследования данного пласта ономастики представляется закономерной потребностью современного языкознания и не вызывает сомнений. При этом весьма интересным, на наш взгляд, можно считать не только изучение собственно русских языковых единиц, но и штудирование переводных артионимов, которые в принципе должны четко соответствовать замыслу художника и вписываться в культурный дискурс другой страны. Новые названия при этом вступают в определенные парадигматические и синтагматические отношения с похожими единицами и желательно не противоречат стилистическим и текстообразующим нормам языка-реципиента. Изучение артионимов позволяет получить интересные результаты: выявить структурно-семантический тип и характерные особенности нового языкового феномена, а также оценить глубину и проникновения номинатора в художественный замысел автора. Цель нашей работы – показать, какова специфика переводных русских названий известных полотен французских импрессионистов и постимпрессионистов и как эти названия передают национально-культурный колорит художественного полотна.

Итак, вслед за Н. В. Подольской, под **артионимами** мы понимаем группу имен собственных, обозначающих названия произведений искусств (живописи и музыки) и отражающих культурное своеобразие любого языка, а также эстетический потенциал соответствующей эпохи [4, с. 38].

В данной статье мы обратились к одному из самых выразительных жанров живописи французских импрессионистов – натюрморту. Именно живописные произведения помогают зрителю увидеть окружающий мир глазами художников, наиболее тонко и эмоционально ощущавших его красоту.

С позиции лингвокультурологического анализа артионимов нас заинтересовал каталог (списочный состав) названий растений, изображенных на картинах художников Франции и России, их сопоставительный анализ и непосредственный перевод французских названий картин импрессионистов и постимпрессионистов на русский язык. Тема изображения растительного мира стала лейтмотивом творчества многих известных мировых художников, таких, как К. Моне, К. Писсаро, О. Ренуар, П. Сезанн, В. Ван Гог, В. Руллофс, Т. Коул, И. Шишкин, И. Айвазовский, И. Левитан и другие.

Натюрморт (фр. *nature morte* – «мёртвая природа») – изображение неодушевлённых предметов в изобразительном искусстве, в отличие от портретной, жанровой, исторической и пейзажной тематики [10]. Исходную точку раннего натюрморта можно найти уже в XV—XVI веках, когда он рассматривался как часть исторической или жанровой композиции. Долгое время натюрморт сохранял связь с религиозной картиной, обрамляя цветочными гирляндами фигуры Богородицы и Христа. Непосредственно как жанр живописи натюрморт появился в XVII веке в Голландии, Испании, Нидерландах.

Начиная с середины XIX века на развитие живописи, в том числе натюрморта, начал оказывать влияние французский импрессионизм. Вот небольшой перечень наиболее известных полотен: «*Les tournesols*» – «Подсолнухи»; «*Les iris*» – «Ирисы»; «*Roses et tournesols*» – «Натюрморт с розами и подсолнухами»; «*Le bouquet de marguerites et d'anémones*» – «Ваза с маргаритками и анемонами»; «*Vase avec des glaïeuls*» – «Ваза с гладиолусами»; «*Vase avec des glaïeuls et des oeillets*» – «Ваза гладиолусами и гвоздиками» (В. Ван Гог); «*Les marguerites*» – «Астры»; «*Les anémones*» – «Анемоны»; «*Les chrysanthèmes*» – «Хризантемы»; «*Vase avec des Coquelicots*» – «Ваза с маками»; «*Vase de lilas et de roses*» – «Ваза с сиренью и розами»; «*Nature morte avec un vase et des tulipes*» – «Натюрморт с вазой и тюльпанами» (К. Моне) и др. Как видим, многие названия картин отражают «цветочные» предпочтения французов, у которых существует своеобразный культ цветов.

Изображая растения, французские художники стали проявлять больше интереса к среде, с которой связан натюрморт, к передаче пространства, света, воздуха, игры цветовых и световых пятен на

поверхности предметов. В этом плане поистине мастером реалистического натюрморта стал Э. Мане, который возвел в культ этот жанр искусства. В творчестве остальных художников-импрессионистов натюрморт не был столь же важной темой.

Анализ названий картин-натюрмортов позволил сделать вывод о том, что в данной группе артионимов присутствует наибольшее количество номинаций с адекватным переводом, поскольку подобным названиям присуща определенная, свойственная только им лексика: «*Les tournesols*» – «Подсолнухи», «*Vase avec des fleurs de champ*» – «Ваза с полевыми цветами» (В. Ван Гог); «*Les chrysanthèmes*» – «Хризантемы» (К. Моне) и др. Следует отметить, что данная группа артионимов является самой немногочисленной, и это справедливо, так как при переводе с одного языка на другой мы сталкиваемся не только с лексико-грамматическими трудностями, но и с культурными и даже «растительными» особенностями той или иной страны.

Говоря об адекватных смысловых переводах названий картин импрессионистов, необходимо определиться с особенностями видов перевода, каковых в современной науке выделяют два: художественный и информативный [3, с. 74]. Однако в нашем случае, переводы артионимов могут включать в себя как информативные, так и художественные элементы, что связано с необходимостью передать историко-культурные нюансы. По этому признаку, скорее всего, следует выделить перевод артионимов в особый подвид переводов. Переводчик артионима должен учитывать базовые принципы своей работы: во-первых, выбор исходного текста (переводить можно непосредственно с оригиналов); во-вторых, следует принять решение в пользу либо буквального, либо смыслового перевода; в-третьих, новое название должно соответствовать традиции наименований, уже сложившихся в данной культуре; наконец, оно должно закрепиться в определенной сфере (ячейке) ассоциативно-вербальной сети сознания [1] отечественного зрителя. Итак, французские натюрморты, как правило, включают названия цветов и растений Франции.

Что касается России, то, как самостоятельный жанр живописи натюрморт появился в начале XVIII века. Вплоть до конца XIX века натюрморт, в отличие от портрета и исторической картины, рассматривался в качестве «низшего» жанра. В русском художественном творчестве к теме натюрмортов обращались следующие художники: «*Пионы*», «*Лесные фиалки и незабудки*», «*Одуванчики*», «*Белая сирень*», «*Сирень*», «*Колеус*», «*Осенние листья*» (И. Левитан); «*Гвоздики, фиалки в белой вазе*», «*Розы и фиалки*», «*Сирень*», «*Розы на фоне моря*» (К. Коровин); «*Черемуха в стакане*», «*Виноград и яблоко*», «*Яблоко и вишня*», «*Натюрморт с самоваром*» (К. Петров-Водкин); «*Корзина сирени*», «*Полевые цветы*», «*Яблоки на столе около печи*», «*Натюрморт с подносом и гроздьями рябины*» (П. Кончаловский); «*Букет полевых цветов с подсолнухом*», «*Лилии и настурции*», «*Натюрморт с фруктами и виноградом*» (А. Осмеркина).

Как видим, в России названия полотен включают истинно русские «растительные» предпочтения, к примеру, *полевые цветы – белоголовые ромашки, голубые васильки, желтые одуванчики и лютики, незабудки и ландыши*. В качестве любимых называют также *сирень и черемуху*. Сюда же можно отнести, разумеется, *ветви цветущих фруктовых деревьев*, а также экзотическую *розу*, стройные *гладиолусы* и др.

Сравнивая названия картин-натюрмортов русских и французских художников, следует отметить специфику языка, культурные особенности страны, которые отражаются в названиях русских и французских натюрмортов, и это вполне естественно, так как язык, согласно концепции лингвокультурологии, активно участвует во всех важнейших моментах культурного творчества. Ученые-лингвисты А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов в монографии «*Теория и методика ономастических исследований*» отмечают, что язык лингвокультурного сообщества интегрируется в его материальную и духовную культуру, а имена собственные, будучи явлением консервативным, переживают эпоху, в которую они были созданы, и тем самым они сохраняют и несут в себе свидетельства более древнего состояния языка, и содержат большую языковую и внеязыковую информацию [7, с. 9].

Итак, названия натюрмортов французских и русских художников, живущих в разных странах, с разными климатическими зонами, включают особый лексический набор названий растений. Если обратиться к французским названиям картин, то здесь мы встретим *les iris (ирисы), les marguerites (маргаритки), les anémones (анемоны), les glaïeuls (гладиолусы), les oeillets (гвоздики), les marguerites (астры), les chrysanthèmes (хризантемы), les coquelicots (маки), les tulipes (тюльпаны)*. А в собственно русских артионимах отмечены *лесные фиалки, незабудки, васильки, одуванчики, колеус, осенние листья, черемуха, вишня, полевые цветы, рябина, лилии, настурции, флоксы*.

Завершая статью, сделаем вывод о том, что артионимы как единицы, напрямую связанные с языком и культурой, с одной стороны, отражают лексические и грамматические особенности языка, который они представляют, а с другой – учитывают традиции, национальную специфику и культуру той или иной страны. Артионимы, отличающиеся сложной лингвокультурной спецификой, являются частью ономастической сферы языка, которая наряду с универсальными характеристиками включает черты специфического характера.

Список использованных источников

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; Ин-т языкознания АН СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
4. Столяров Д. Ю. Культурология: учеб. пособие / отв. ред. Д. Ю. Столяров. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 2003. 327 с.
5. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В. Теория и методика ономастических исследований [Текст]. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
6. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
7. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения 6.12.2017)/

УДК 81

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. О. Надеина,

*магистр, Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение Ростовской области*

«Ростовский торгово-экономический колледж», Ростов-на-Дону

Аннотация. Благодаря различным ситуативным упражнениям, разминкам, играм на иностранном языке, студенты неязыковых специальностей повышают свою социальную мобильность. Для того чтобы развить иноязычные компетенции, на занятиях применяются ролевые игры. Эти упражнения помогают закрепить полученные знания, отработать навыки, умения.

Ключевые слова: СПО, колледж, английский язык, разминка, игры.

Summary. Due to various situational exercises, warm-ups, games in a foreign language, students of non-language specialties increase their social mobility. In order to develop foreign language competencies, role plays are used in the classroom. These exercises help to consolidate students' knowledge and skills.

Key words: secondary vocational education (SVE), college, English, warm-up, games.

Опыт преподавания в системе среднего профессионального образования показывает, что одной из основных причин, затрудняющих коммуникацию на иностранном языке (ИЯ), является недостаточное знание и неадекватное употребление профессионального лексикона, включающего фразеологизмы различной направленности в их контекстно-ситуативной взаимосвязи [2, с. 10–13].

Формирование профессионального иноязычного лексикона в системе среднего образования представляет собой многогранную, многоаспектную методическую проблему специального английского языка.

Непосредственные знания иностранного языка, связанного с будущей профессией, ученики получают в колледжах. Здесь роль преподавателя очень велика. Он должен не только закрепить ранее полученные общеобразовательные знания по иностранному языку, но и раскрыть узконаправленный профиль.

Так как же раскрыть потенциал в будущих специалистах? Нужно учитывать несколько факторов:

- 1) Уровень знаний обучающегося;
- 2) Заинтересованность студентов в предмете;
- 3) Подростковая психология. [3, с.12]

На этапе предэкспериментального обучения осуществлена педагогическая диагностика направленности личности студента, проведен анализ уровня готовности студентов колледжа к учению, овладению иностранным языком с применением дидактического материала, построенного на профессионально значимых фразеологических единицах (ФЕ), разработано учебное пособие, основанное на материале ФЕ, проведена коррекция содержания рабочих материалов и алгоритма учебных действий субъектов учебной деятельности в первой серии эксперимента.

Для определения уровня знаний иностранного языка студентам предлагалось пройти входное тестирование. Студентам выдавался блок вопросов, охватывающие следующие темы:

- употребление определенного/неопределенного артиклей;
- спряжение глагола *to be* в настоящем и прошедшем временах;
- образование и употребление степени сравнения прилагательных;
- употребление исчисляемых/неисчисляемых существительных;
- употребление артиклей;
- употребление времен группы *Perfect*;
- употребление времен группы *Past*;
- употребление времен группы *Present*.

Во время тестирования, студентам, на основе полученных базовых школьных знаний, предлагалось выбрать один правильный вариант ответа из четырёх предложенных.

В результате тестирования, были получены результаты, и основываясь на них и ФГОС 3+, были составлены соответствующие профессиональные компетенции.

Основная цель изучения иностранного языка это коммуникативная и межкультурная компетенции, которые приводят к способности и готовности к адекватному взаимодействию в ситуациях межкультурного общения.

В образовании необходимость повышения качества профессиональной подготовки специалистов среднего звена, а важным положением содержания образования является обеспечение качества подготовки специалистов. В связи с этим обществу необходим компетентный специалист, который умеет самостоятельно добывать и применять знания,

умения и навыки на практике, может решить любые профессиональные задачи, стоящие перед ним, готовый к профессиональному росту. Формирование профессиональных компетенций происходит в студенческом возрасте, поскольку на этапе самосознания и собственного мировоззрения происходит формирование профессиональных интересов, усиливаются познавательные мотивы, принимаются самостоятельные решения, происходит профессиональное самосовершенствование и саморазвитие личности.

После прохождения входного контроля, проанализировав результаты тестирования, мною были предложены следующие иноязычные компетенции:

- общаться (устно и письменно) на иностранном языке на профессиональные и повседневные темы;
- переводить (со словарем) иностранные тексты профессиональной направленности;
- самостоятельно совершенствовать устную и письменную речь, пополнять словарный запас;
- знать: лексический (1200 – 1400 лексических единиц) и грамматический минимум, необходимый для чтения и перевода (со словарем) иностранных текстов профессиональной направленности [1, с. 4–5].

Для каждого блока компетенции, мною был подобран теоритический материал, закрепляющийся практическими упражнениями. На первый блок иноязычной компетенции «Общение (устное и письменное) на иностранном языке на профессиональные и повседневные темы» студенты изучали и заучивали лексику, которая была разбита на под темы. Для примера, мною была предложена тема профессионального английского «Food and drinks» (Еда и напитки). В этой теме студентам предлагается визуально ознакомиться с профессиональной лексикой с помощью Visual dictionary (далее Визуальный словарь). Мною был разработан блок теоритического и практического материала для изучения и закрепления пройденного материала. Визуальный словарь – это словарь, который изображает предметы, термины определенной темы. Студентам предлагается ознакомиться с лексикой и визуально запомнить ее, то есть провести параллель (картинка-слово). Это облегчает запоминание новой лексики. Изучив теоритический материал, студентам предлагается закрепить полученные знания.

Упражнение 1. Распределите продукты по группам: овощи, фрукты, мясо:

Cucumber, poultry, pork, grape, tomato, parsley, pineapple, melon, veal, beetroot, watermelon, beef, cabbage, pear, beans

Meat	Vegetable	Fruit

Пройдя юнит «Food and drinks», студентам предлагается распределить слова по категориям. Это упражнение нацелено на закрепление пройденного материала, которое нацелено на запоминание (устное, письменное). Подобные упражнения развивают у студентов визуализацию и развитие памяти. Для усложнения упражнения, можно добавить грамматический материал: распределив слова по группам, обучающимся предлагается составить полноценный текст, используя пройденную лексику и согласование времен (времена группы Past, Present, Future). Усложненное упражнение дает студентам возможность повторить ранее отработанный материал, и указать каким пройденным темам уделить большее внимание.

Упражнение 1.2 Распределив слова по колонкам в упражнение 1, образуйте предложения в утвердительной, вопросительной и отрицательной форм, используя Present Simple, Past Simple, Present Perfect.

Одним из главных аспектов при преподавании иностранного языка студентам – является их возраст. Преподавая подросткам, нужно учитывать подростковую психологию.

Студенческий возраст - это возраст формирования собственных взглядов, отношений, уникальный период жизни человека, где развиваются нравственное и эстетическое отражение окружающей действительности, происходит становление и укрепление черт характера, привычек и установок. В данном периоде происходит овладением всей системой социальных ролей взрослого человека: учебных, гражданских, профессиональных, трудовых, политических, выражающихся в самостоятельности студента [3, с. 12].

Учитывая подростковую психологию, следует подбирать задания на отработку пройденного материала. Например, это может быть ролевая игра: Студентам раздаются карточки, где прописаны их роли и действия. Например: шеф-повар (раздает указания и контролирует их), официант (приносит заказы, работает с посетителями), гость 1 (недоволен обслуживанием), гость 2 (не может определиться с заказом). Раздав карточки и используя пройденный грамматический и лексический материалы, нужно создать ситуацию, разыграть ее и прийти к логическому завершению.

Поэтому я предлагаю разминочные задания (Ice breakers). Основная цель разминки – «освежить» полученные лексические знания. Существует огромное количество Ice breakers, но я предлагаю наиболее распространенные:

- 1) Назвать как можно больше слов, начинающихся на определенную букву Английского алфавита. Это задание можно усложнить, если студенты будут называть слова из определенных тем.
- 2) Игра, по принципу «города». Студентам нужно назвать слово, которое начинается на последнюю букву предыдущего участника (например: cheese-egg-ginger -).

Подобные игры помогают студентам раскрыть свой потенциал, показать знания по пройденному материалу, закрепиться в коллективе. Наблюдая за игрой, можно выявить лидера и с помощью него привлечь к участию и других студентов в группе. Такие игры позволяют сформировать у студентов СПО профессиональные компетенции.

Благодаря ролевым играм, практические занятия, становятся более интересны, и актуальны. Студенты развивают иноязычные компетенции, повышают лексический и грамматический уровень. У студентов повышается социальная мобильность. Известно, что выпускники колледжей, знающие иностранный язык на среднем уровне, имеют большие перспективы при трудоустройстве. При формировании профессиональных компетенций у студентов СПО создаются компетенции, необходимые для обеспечения их конкурентоспособности на рынке труда. Это позволяет выпускникам соответствовать запросам работодателей и даёт возможность для дальнейшего продолжения образования. Формирование профессиональных компетенций происходит на всех этапах образовательного процесса, во время аудиторной и внеаудиторной деятельности, зависит от индивидуальных и личностных характеристик специалиста, умения использовать имеющиеся возможности и способности [4, с. 140–142].

Список использованных источников:

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.04.2014 г. N384, зарегистрированного Министерством юстиции Российской Федерации об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 19.02.10 Технология продукции общественного питания. С.4–5.
2. Беленкова, Г. А. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции студентов медицинских колледжей на основе продуктивного подхода (на материале английского и латинского языков. автореферат дис. ... кандидата пед. н. СПб. 2014. С. 10–13.
3. Галимзянова И. И. Педагогическая система формирования иноязычной коммуникативной компетентности будущих инженеров: автореферат дис. дис. ... доктора пед. наук. Казань, 2009. С.12.
4. Некрасова С. В. Формирование профессиональной компетентности обучающихся // Молодой ученый. – 2016. – №17. – С. 140–142. – URL <https://moluch.ru/archive/121/33405/> (дата обращения: 22.01.2018).

УДК 82

ПИСАТЕЛЬСКАЯ БИОГРАФИЯ КАК ИНТЕРЖАНР И ИНТЕРТЕКСТ ПЕРЕВОДНОЙ АНТОЛОГИИ/ХРЕСТОМАТИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

М. А. Новикова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Л. Р. Велилаева,

преподаватель кафедры английской филологии, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается писательская биография как особый интертекст внутри переводной антологии или хрестоматии – также как особого типа, но гипертекста. Определяется специфика такого интертекста в плане его 1) объема; 2) места в структуре гипертекста; 3) детерминированного контента. Отдельно освещаются его возможные трансформации при переводе.

Ключевые слова: авторская биография, антология, хрестоматия, интертекст, гипертекст, трансформации при переводе.

Summary. The paper focuses on the author's biography as a special intertext within a translated anthology or guide-book for reading as a hypertext. Its volume, structural position and its content determination are treated as its characteristic components. Genre problems, including possible translational transformations are also given much attention.

Key words. The author's biography, anthology, guide-book for reading, intertext, hypertext, transformations in translation.

Прелиминарии. Проблема интертекста (далее сокращенно ИнТ) как компонента некоего гипертекста (далее сокращенно ГиТ)) разрабатывается активно и уже достаточно давно. (Обзор научной литературы и терминологии см., в частности, в наших публикациях [6, 8, 9]). Практически не затронутым остаётся пока вопрос о соотношении интертекста и жанра его гипертекстов. Между тем, жанр ГиТ находится, с нашей точки зрения, в прямой связи с его ИнТ. Имеются в виду такие параметры, как 1) объем; 2) его место в композиционной структуре ГиТ; 3) его контент. Эти параметры и их корреляция с ГиТ, особенно с его жанром, становится вдвойне важными (но и проблематичными), когда жанр ГиТ более или менее жёстко детерминирован, а требования к ИнТ детерминированы столь же определенно.

Примером подобной двойной детерминации может служить писательская биография, сопровождающая подборку художественных текстов-иллюстраций в таких типах изданий (гипертекстах), как учебные и/или научно-популярные хрестоматии/антологии. Этот жанр и постоянно актуален, и прагматически значим для школьной и вузовской практики.

Однако система продуманных рекомендаций при отборе таких текстов в отечественной филологии не только ещё не выработана, но даже детально не обсуждена. Приглашение к её обсуждению авторы считают *целью* данной публикации.

Специфика писательской биографии в иножанровом контексте. Писательская биография как жанр может иметь разную степень текстуальной самостоятельности. Она может выступать в форме 1) авторской биографии; 2) биографии, излагаемой не автором, а журналистом/учёным, но внутри авторского биографического текста (предисловие/ послесловие/попутные комментарии); 3) биографии внутри небюграфического (иножанрового) текста. Последний случай как раз и репрезентирует писательская биография внутри учебной/научно-популярной переводной антологии/хрестоматии.

Такого рода биография в жанровом плане должна отвечать смешанным (гибридным) жанровым требованиям. Они призваны совмещать жанровые требования, выдвигаемые учебными (дидактическими) жанрами или жанрами научно-популярной (массовой) литературы, – и жанровые требования к текстам фактуально-меморативным или исповедально-лирическим. Даже из этого краткого перечня видно, что перечисленные двуединные требования (а отсюда и признаки ожидаемого текста) мало совместимы между собой.

Объем биографического интертекста. Анализ зарубежных оригинальных и отечественных переводных антологий/хрестоматий учебной или научно-популярной ориентации [10, 15-19] показал, что типовой объём писательских биографий колеблется в них между 0,5-2,5 стандартными страницами.

Увеличение этого объема при переводе мотивировано, как правило, не повышением фактуальности, а ростом лиризма и эстетизма ИнТ. Биография как жанр начинает при этом трансформироваться в эссе. И наоборот: заметное сокращение объема ИнТ приводит к превращению биографий в научные резюме. И те, и те превращения расшатывают жанровую адекватность переводного ГиТ.

Место биографического ИнТ в композиционной структуре ГиТ. Здесь возможны варианты. Биография писателя может занимать 1) инициальную, 2) финальную, или 3) медиальную позицию. Каждый из этих вариантов имеет, с жанровой точки зрения, свои достоинства и свои ограничения.

Инициальный вариант, особенно когда его используют в учебных целях и для переводных антологических/хрестоматийных текстов, заранее программирует читательское восприятие и тем самым облегчает адекватное понимание этих текстов.

Финальный вариант, наоборот, не предлагает предварительных подсказок. Т.о. его программирующая ценность снижается, зато ценность эстетическая и резюмирующая увеличивается.

Наконец, *медиаальный* вариант биографии, «сопровождающий» (в основном, в виде сносок) художественный ГиТ, создаёт «точечный» информационный эффект. Это позволяет не фиксировать чрезмерного внимания читателя/ученика/студента на «непонятном», зато фокусировать его (если надо) на инокультурных реалиях, а, следовательно, на «другой» жизни, отраженной в тексте.

Однако у всех перечисленных вариантов размещения биографий в структуре антологий/хрестоматий есть свои уязвимые стороны. Биографии до авторских текстов вызывают меньше читательского интереса. Биографии после подобных текстов заставляют читателей «проверять», насколько полно они отражаются в художественных произведениях, а такое прямое отражение не всегда является целью самого писателя. Наконец, биографии внутри авторских текстов (сноски, отсылки) разбивают единое читательское восприятие текстов литературных, в отличие от вполне допустимого разбиения при знакомстве с текстами, положим, научными.

Разный эффект вызывают и возможные сдвиги в *контенте* писательских биографий, если те функционируют как интертексты внутри антологий или хрестоматий.

Наиболее сложной проблемой является здесь *корреляция* между двумя контентами – текстами биографического и сопровождающих его текстов художественных. Ясно, что контенты биографических текстов не могут: 1) *противоречить* контенту текстов иллюстративных; 2) быть им *внеположными*. Иначе говоря, биография писателя в хрестоматийном/антологическом гипертексте призвана поддерживать и комментировать *ключевые* реалии, мотивы, символы, образы литературного наследия данного писателя. Вопрос в том, какие именно компоненты следует считать ключевыми.

С жанровых позиций эти компоненты обычно распределяются интерпретаторами (критиками, историками, переводчиками) по трём уровням.

Уровень первый – *ядерный*. Сюда входят все текстовые элементы, 1) инвариантные для того или иного жанра, и 2) облигаторные для него. Они должны попасть в биографию писателя – и в оригинале, и при переводе – в обязательном порядке.

Уровень второй – *периферийный*. К нему отойдут элементы 1) высокочастотные (но не облигаторные) и 2) вариативные. Их рекомендуется сохранять и в переводной писательской биографии. Однако количество таких сохраненных элементов и конкретная их текстуализация могут варьировать. Это будет зависеть от предполагаемой читательской аудитории (взрослая/детская, специальная/неспециальная и т.д.) и стратегии самого переводчика (перевод-репродукция/интерпретация/адаптация).

Уровень третий – *маргинальный*. Элементы этого содержательного уровня не влияют на то, к какому жанру отнесёт читатель перевод данного текста. Т.е. для читателя они жанрово иррелевантны.

Проиллюстрируем сказанное примерами. Стихотворение Дж.Г. Байрона «Лэчин-и-Гэр» (Lochnagar) носит признаки и фольклорной песни, и книжной романтической элегии. В специальной антологии шотландской поэзии [5, с. 218–219], в её биографических комментариях, подчёркивается принадлежность поэта (по материнской линии) к старинному шотландскому роду Гордонов; упоминается детство, проводившееся поэтом в Шотландии, акцентируется интерес Байрона к мифопоэтическому миру шотландского фольклора. Соответственно, в переводе М. Новиковой сохранены и/или амплифицированы (усилены) жанровые признаки песни и легенды. Этим данный перевод отличается от переводческой версии В. Брюсова, но близок к переводческой интерпретации Д. Паламарчука. Верно и обратное. В биографическом комментарии к Байрону, в том издании, где помещен перевод В. Брюсова, акцентируется не фольклорный, а романтический аспект Байронова творчества. Он же выдвинут на первый план переводчиком [1, 2, 4].

Аналогичная проблема прослеживаются в других переводных антологиях. Так, в переводной антологии шотландской поэзии США XIX века и в диссертации на ту же тему [3, 16] приходилось неоднократно отмечать различие между политическими причинами шотландской эмиграции, доминировавшими в XVIII в., после подавления национально-освободительных восстаний 1715, 1745–48 гг., – и причинами внеполитическими (статусными, образовательными, трудовыми), преобладавшими у эмиграции XIX в. Отсюда проистекает редкость или краткость собственно политических образов и мотивов в стихах «шотландских американцев» XX столетия, зато развёрнутая меморативная и/или мифопоэтическая образность, изображающая «Шотландию вечную» (Scotland Forever), живущую в детских воспоминаниях авторов или в национальных легендах. (Ср. историзм «Убийства в замке Холируд» (The murder at Holyrood) у В. Лайла и, по контрасту лирический мифологизм его же «Вереска ветки» («Bonnie wee sprig...»): текста, совмещающего жанры «песни и молитвы». Это же мы наблюдаем и в большинстве других эмигрантских патриотических текстов у «шотландцев США». Соответственно, «разведены» по разным ГИТ писательские биографии (в диссертации) и поэтические тексты (в антологии).

Столь же нелегко (и столь же необходимо) переводчикам и комментаторам следить за совместимостью информации биографической и информации собственно художественной при работе над любыми переводными хрестоматиями/антологиями.

Например, один из украинских ИнТ а именно – песня о матери-чайке, растящей своих птенцов при большой дороге, – регулярно входит в антологические издания украинской поэзии XVII-XVIII вв. [13, 14]. Учёные по-разному атрибутируют создателя/создателей этой песни, приводят различные текстологические её варианты [12]. Однако не прокомментированными остаются вопросы: каким образом на роль авторов

этой искусной реконструкции фольклорной лирики могут выдвигаться фигуры крупных политических деятелей Украины того времени, вплоть до гетманов? Следует ли в таком случае прочитывать (и переводить!) оригинал, не столько как обычную песню, сколько как аллегория или притчу о стране, ставшей разменной картой в игре разнонаправленных политических сил «эпохи Руины»? По крайней мере, без объяснений в биографическом ИнТ – у инокультурных читателей (из ближнего или дальнего зарубежья) могут остаться недоумения.

Заключение. Цель нашего сообщения была определена как постановка проблемы. Поэтому и выводы из наших наблюдений остаются проблемными, открытыми для дальнейшего обсуждения. При всем том, некоторые закономерности, как нам думается, можно сформулировать уже сейчас.

1. Соотношение функций между авторскими биографиями и авторскими художественными текстами в изданиях-антологиях или изданиях-хрестоматиях, – является проблемой реальной, а не надуманной, актуальной, а не отвлеченной.

2. Проблема эта особенно актуальна для национальных или исторических литературных антологий, если они предназначены школьникам/студентам, т.е. подчиненным специфичным дидактическим целям и возрастным ограничениям. Недостаток широкого историко-культурного фона у этой аудитории может приводить к серьезным концептуальным сдвигам при восприятии изучаемых текстов.

3. Потому выработка адекватных переводческих/издательских стратегий является, по нашему мнению, насущной задачей современной образовательной политики. Предлагаемое сообщение может стать одним из начальных шагов в этом направлении.

Список использованных источников

1. Байрон, Джордж Гордон. Лэчин-и-Гэр // Джордж Гордон Байрон. Избранное. М.-Л.: Государственное издательство детской литературы, 1951. С. 45–47 (пер. В. Брюсова).
2. Байрон, Джордж Гордон. Лэчин-и-Гэр // Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1953. С. 32 (пер. В. Иванова).
3. Байрон, Джордж Гордон. Лох-на-Гар // Шотландии кровавая луна. Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) // М. А. Новикова (сост., пер., комм.). Симферополь: СОНАТ; Крымский Архив, 2007. С. 218–219.
4. Велилаева Л.Р. Патриотические мотивы в шотландской эмиграционной поэзии США XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Симферополь, 2017. 22 с.
5. Новикова М.А. Байрон різний, але не всякий // Всесвіт. 1985. № 2. С. 145–148.
6. Новикова Марина. Любов і переклади // Всесвіт. 2017. № 1-2. С. 279–282.
7. Новикова М. А. Патриотический дискурс: болгарский вариант // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. Симферополь:

Издательский отдел ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского». №1 (13), 2016. С. 25–32.

8. Новикова М. А. Прекрасен наш союз: Литература – переводчик – жизнь. К.: Радянський письменник, 1986. 224 с.

9. Новикова М.А. Рунные надписи на камнях Швеции: переводческий аспект // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход». Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 299–305.

10. Новикова М. А. С Богом и платочек. Книга стихотворных переводов 1966 2000. М.: МХТ, 2000. 163 с.

11. Новикова М. О. Феофан Прокопович, «Володимир» // Міфи та місія. К.: Дух і літера, 2005. С. 372–374.

12. Ой, бѣда, бѣда мне, чайці небозі... // Українська література XVIII ст. Поетичні твори. Драматичні твори. Прозові твори. Вступ. стаття, упоряд. і примітки О. В. Мищанича. К.: Наукова думка, 1983. С. 390.

13. Українська поезія. Середина XVII ст. // Упоряд. В.І. Кречотень, М. М. Сулима. К.: Наукова думка, 1992. 680 с.

14. Українська література XVIII ст. Поетичні твори. Драматичні твори. Прозові твори. Вступ. стаття, упоряд. і примітки О.В. Мищанича. К.: Наук. думка, 1983. 696 с.

15. Шотландии кровавая луна: Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) // М. А. Новикова (сост., пер., комм.). Симферополь: СОНАТ; Крымский Архив, 2007. 320 с.

16. Шотландская поэзия США XIX века // М. А. Новикова (пер.). Художественные переводы проф. Новиковой М. А. Симферополь, 2017. 209 с.

17. Scott T. The Penguin book of Scottish Verse // intro. and ed. T. Scott. London: Penguin, 1976. 519 p.

18. The Edinburgh Anthology of Scottish Literature / Ed. by R. Irvine. Glasgow: Kennedy & Boyd, 2011. Vol. II. 312 p.

19. The Oxford Book of English Verse: 1250–1900. Oxford, 1918. 1084 p.

УДК 81'255.2

**АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЧАКА ПАЛАНИКА «КОЛЫБЕЛЬНАЯ»)**

М. В. Норец,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Р. А. Сёмченко,

студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются способы образования и особенности перевода авторских неологизмов, которые традиционно относятся к безэквивалентной лексике и представляют особый интерес для теории перевода. Сравнительно-сопоставительный анализ текстов перевода и оригинала произведения Чака Паланика «Колыбельная» способствует выявлению лексико-семантических и структурно-типологических особенностей авторских неологизмов.

Ключевые слова: авторские неологизмы, словообразовательные модели, способы перевода.

Summary. The article deals with the ways of formation and methods of translation of author's neologisms, which traditionally belong to the words with no direct equivalents and provide a special interest for translation theory. The comparative analysis of the original and translated text of Chuck Palahniuk's "Lullaby" contributes to defining the lexical-semantic and structural-typological peculiarities of the author's neologisms.

Key words: author's neologisms; word-formative models; methods of translation.

В языке художественной литературы постоянно ведутся поиски новых словообразовательных средств, которые вызваны стремлением к образному обозначению предметов или явлений новым словом, и представляют собой плод индивидуального словотворчества. Особенностью авторских неологизмов является переосмысление структуры и изменение функций словообразовательной системы языка. При создании новых слов автор довольно часто намеренно игнорирует ограничения наложенные языковой системой языка на тот или иной тип.

Принимая во внимание функциональную и смысловую значимость авторских неологизмов и то, что они не имеют готовых эквивалентов в языке перевода, перевод таких единиц представляет собой крайне важный и сложный процесс. При переводе авторских неологизмов на помощь переводчику приходит знание способа создания слова, используемого в тексте оригинала. Авторские

неологизмы передаются по существующей в языке перевода словообразовательной модели, аналогичной той, которую использовал автор, с сохранением семантики компонентов слова и стилистической окраски [1, с. 315].

В «Колыбельной» Чак Паланик использует следующие способы образования неологизмов:

- аффиксацию;
- словосложение;
- конверсию.

При словообразовательной деривации наиболее продуктивными способами образования неологизмов являются: префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ, а также аббревиация и сложение основ.

Приведем примеры аффиксального способа образования авторских неологизмов в романе «Колыбельная»:

– oholic / holic (суфф. – неприязнь страх): *talk-oholics, sound-oholics, rock-oholics, distraction-oholics, talk-oholic, drama-holics, noise-oholics, media-holics, music-oholics*;

– ophobic (суфф. – страдающий фобией): *listen-ophobics, quit-ophobics, focus-ophobics, peace-ophobics, calm-ophobics*;

– bio- (от греч. bios – жизнь): *bio-invasive*;

– eco- (знач. экологический): *eco-bullshit*.

Наряду с аффиксацией для образования новых лексических единиц автор использует **словосложение** в его различных вариантах: *magician-god, Herald-Monitor, Register-Sentinel; leather-smelling, lion-legged, fire-gilded, starling-filled; limned-oak; kidney-colored, pistol-grip-style*.

Конвертированные неологизмы в романе немногочисленны. Наиболее популярные способы конверсии – переход имен существительных в глаголы и наоборот: *pushpinned* (from push-pin), *bubonic-plagued* (from bubonic-plague), *pincushioned* (from pincushion).

Проанализировав способы образования авторских неологизмов, мы пришли к выводу, что наиболее продуктивным способом является аффиксация, составляющая 56% всех новообразований. Менее продуктивными являются словосложение (34%) и конвертация (3%).

Перевод авторских неологизмов представляет трудность, но не является невыполнимой задачей, ведь если «в системе языка данный знак отсутствует, его содержание всегда может быть передано в речи в конкретном тексте при помощи целого ряда средств» [2, с. 97].

В результате межъязыковой коммуникации был выработан ряд приемов перевода авторских неологизмов, которые позволяют выполнить перевод слов одного языка при помощи средств другого. К ним относятся: транскрибирование, транслитерация; калькирование; описательный перевод; прямое включение [3, с. 59]. Известно, что при переводе авторских неологизмов редко используется лишь один вид трансформаций, смешанный способ перевода является актуальным.

Рассмотрим несколько примеров перевода авторских неологизмов Ч. Паланика: «*These sound-oholics. These quiet-ophobics*» [5]. В данных предложениях мы встречаем новые слова *sound-oholics*, *quiet-ophobics*, которых нет в общем словаре и значение которых необходимо установить. Отделяем в словах суффиксы *-oholic* и *-ophobic* и определяем исходные формы *sound* и *quiet*. Находим в словаре значение слов *sound* – звук, звучание и *quiet* – тихий, спокойный. Учитываем, что суффиксы *-oholic* и *-ophobic* являются компонентами сложных слов и несут также смысловую нагрузку: *-oholic* (–голик, имеющий непреодолимое влечение) и *-ophobic* (боязнь чего-то). Соединяем компоненты и определяем значение слов, обращая внимание на окончание *-s*, которое в данном случае указывает на исчисляемое существительное в форме множественного числа. Исходя из контекста, переводим все предложение и подбираем подходящее значение. Что в свою очередь и сделала Т. Покидаева: «*Звуко-голики. Тишина-фобы*» [4, с. 23]. Все авторские неологизмы данного вида: *music-oholics*, *calm-ophobics*, *noise-oholics*, *quiet-ophobics*, *drama-oholics*, *peace-ophobics*, *talk-oholics*, *listen-ophobics*, *rock-oholics* были переведены с помощью приема **калькирования** (см. табл. 1), который заключается в переводе составляющих элементов слова или словосочетаний и объединении переведенных частей в целое. Также встречаются и смешанные случаи, например, когда одна часть слова транскрибируется, а другая – переводится.

Таблица 1

Оригинал	Перевод
<i>These music-oholics. These calm-ophobics</i> [5].	Эти музыка-голики. Эти тишина-фобы [4, с. 26].
<i>These noise-oholics. These quiet-ophobics</i> [5].	Эти звуко-голики. Эти тишина-фобы [4, с. 74].
<i>These drama-oholics. These peace-ophobics</i> [5].	Эти драма-голики. Эти покое-фобы [4, с. 109].
<i>These talk-oholics. These listen-ophobics</i> [5].	Эти поговорить-голики. Эти послушать-фобы [4, с. 149].
<i>This quiet-ophobic. This talk-oholic</i> [5].	Эти помолчать-фобы. Эти поговорить-голики [4, с. 162].
<i>These rock-oholics. These quiet-ophobics</i> [5].	Эти рок-голики. Эти тишина-фобы [4, с. 215].

В случае, когда переводчик не может подобрать адекватный перевод авторским неологизмам, возникает необходимость **лексико-семантической модификации**. Так, с целью сохранить смысловые и стилистические особенности художественного текста на помощь приходит **описательный перевод**. Приведем пример: «*These distraction-oholics. These focus-ophobics*» [5] – «Они отвлекают внимание. Они боятся сосредоточиться» [4, с. 27]. В этом примере авторские неологизмы

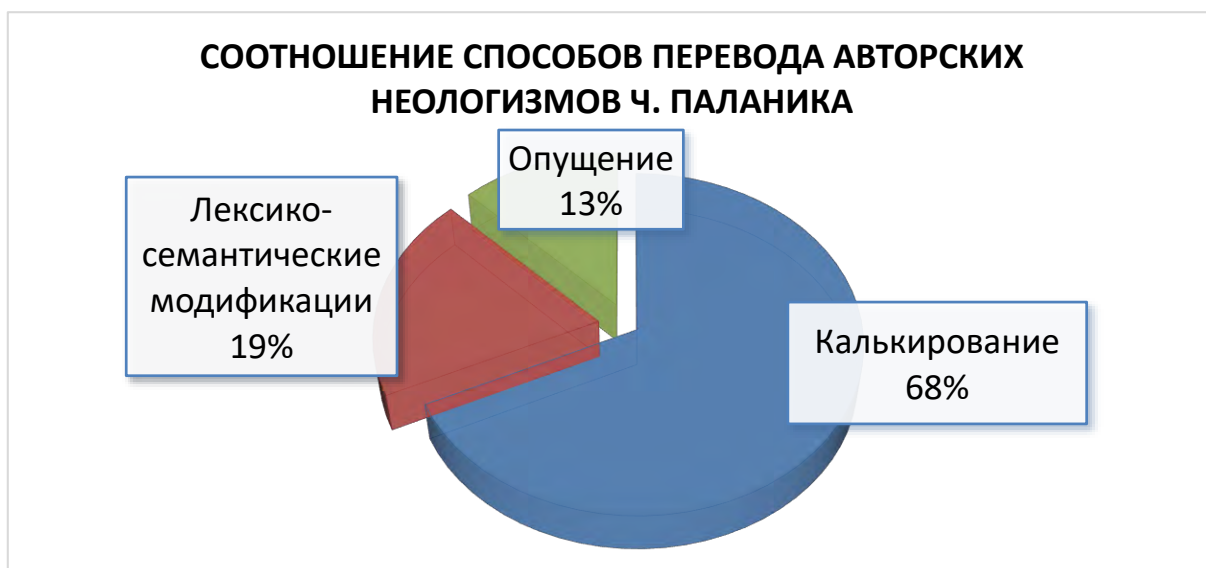
образованы с помощью суффиксов *-oholic* (имеющий непреодолимое влечение) и *-ophobic* (боязнь чего-то) и слов *distraction* (рассеянность, отвлечение), *focus* (фокусировать, сосредоточивать).

Пользуясь приемом смысловой **конкретизации**, переводчик заменяет обобщенные слова или словосочетания ИЯ более конкретными по значению единицами ПЯ. Таким способом был переведен следующий авторский неологизм: «The Loomis Place Apartments, eight stories, a kind of *kidney-colored brick*» [5] – «Лумис-плейс, многоквартирный восьмизэтажный дом из красного кирпича» [4, с. 78]. Авторский неологизм *kidney-colored* образован с целью передать выразительными средствами английского языка цвет кирпича дома. Это сложное слово состоит из двух слов *kidney*, которое имеет значение *почка, почечный* и *colored* – *окрашенный, цветной*. Как известно, цветовая характеристика органов человека может варьироваться от темно-красного до красного цвета, а в данном предложении речь идет именно о цвете, то вполне целесообразно употребить слово *красный*.

Для сокращения и упрощения текста при переводе применим **частичный перевод**, т.к. исходный текст предназначен для массового получателя. Такой способ перевода был применен в предложении: «A *limned-oak* Sheraton gateleg card table with a brass filigree railing, it says on the note card» [5] – «Дубовый карточный столик Шератон с раздвижными ножками и откидной крышкой, как написано на табличке» [4, с. 97]. Авторский неологизм *limned-oak* образован от словосочетания *limed oak* (беленый дуб), где в слово *limed* Ч. Паланик добавляет согласную *-n*. При переводе первый компонент авторского неологизма был опущен.

Незначительное количество авторских неологизмов, образованных Чаком Палаником в романе «Колыбельная», было проигнорировано Татьяной Покидаевой в процессе перевода, но значение предложения комплексно восстанавливается при переводе, где авторские неологизмы не несут важной смысловой нагрузки. Так, **способом лексического опущения** были переведены следующие предложения: «Lined up on the floor, against the back wall of the living room are more vases, each holding a block of green foam *pincushioned* with curled, wasted roses or black, spindly carnations growing gray mold» [5] – «На полу вдоль дальней стены гостиной – еще несколько ваз с цветами. Пожухлая зелень, сморщенные увядшие розы и черные гвоздики, покрытые сероватым налетом плесени» [4, с. 138]. Так авторский неологизм *pincushioned*, образованный от слова *pincushion* (подушечка для булавок) с добавлением окончания *-ed*, не был переведен. Приведем еще пример: «Separate hot and cold knobs, *pistol-grip-style* with porcelain handles» [5] – «Отдельные краны на горячую и холодную воду, ручки кранов фаянсовые» [4, с. 32]. При уяснении контекста слово *pistol-grip-style* не было переведено.

Соотношение способов перевода авторских неологизмов можно продемонстрировать количественными показателями в виде диаграммы, где способы перевода представлены по степени убывания сверху вниз:

Подводя итог, необходимо отметить, что при переводе авторских неологизмов, переводчик, в каждом случае, исходя из конкретного контекста, выбирает соответствующий вариант. Обязанность переводчика состоит в передаче не только того, что сказано, но и того, как это сказано. Перевод авторских неологизмов представляет собой сложную задачу и во многом зависит от словообразовательной модели нового слова. Перевод всегда требует от переводчика индивидуальных решений, а, значит, необходимо с большим вниманием относиться к словам автора.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
3. Зинкина Ю. А. Практикум по английскому языку. Уральск: ЗКАТУ им. Жангир хана, 2013. 121 с.
4. Паланик Ч. Колыбельная. М.: АСТ, 2016. 288 с.
5. Palahniuk Ch. Lullaby [Электронный ресурс]. New York.: Anchor, 2002. 272 p. – Mode of access: <http://knigger.org/palanik/lullaby/lang/en/> (дата обращения: 05.11.2017).

УДК 811.133

СЛОВОСЛИЯНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

Т. М. Норец,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Е. Н. Дмитриева,

студент первого курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Целью представленной статьи является изучение функционирования процесса словообразования с помощью словослияния в современной печатной прессе Франции и определение места и значимости неологии. Для реализации поставленной цели были использованы следующие методы: теоретический анализ лингвистической литературы, сравнение, описание, наблюдение. В ходе работы была определена роль словослияния при написании публицистических текстов, его функции и основные отрасли, в которых оно используется. Изучение многофункциональности словослияния позволяет сделать вывод о том, что данный способ сокращения является неотъемлемой частью современной французской прессы и в настоящее время этот процесс аббревиации обретает все большую популярность в печатных изданиях.

Ключевые слова: словообразование, словослияние, аббревиация, пресса, сокращения, язык, процесс, лексика.

Summary. The purpose of this work is to study the functioning of word formation with the help of blending in the modern print press of France, and to determine the place and the importance of neology. To achieve this goal, such methods as theoretical analysis of linguistic literature, comparison, description, observation were used. As a result of work the role of blending in the writing of publicistic texts, its functions and main branches where it functions were determined. The study of multi-functionality of blending allows to draw a conclusion that this method of reduction is an integral part of the modern French press and, nowadays, the process of abbreviation becomes more and more popular in printed editions.

Key words: word formation, blending, abbreviation, press, reductions, language, process, lexis.

Суть процесса словообразования основывается на понятии слова в целом. Так, исследователь И. А. Цыбова дает следующую трактовку этому процессу: «Словообразование – это раздел языкознания, изучающий способы образования слов» [2, с. 5]. Однако, на сегодняшний день не существует единого определения словообразования, так как лингвисты не могут найти однозначного толкования данному явлению.

Процесс словообразования неразрывно связан с лексикой. Это подтверждает тот факт, что с его помощью исследователи-лингвисты имеют возможность фиксировать изменения в лексическом словаре и сопоставлять их с событиями, которые служат базой для этих изменений. Основопологающей функцией процесса словообразования следует отметить номинацию различных фактов, явлений или предметов, которые впервые

встречаются в социуме. Из этого следует, что главной задачей словообразования является создание нового слова.

Несмотря на то, что словопроизводство подразумевает интенсивную работу с лексемами, этот процесс достаточно тесно связан с разделом грамматики. Данный факт объясняется тем, что грамматика, и морфология в частности, определяет модель поведения для слова. Однако не стоит путать понятие словообразования с морфологией. Исследователь Э. А. Халифман в своей работе о словообразовании во французском языке указывает отличительные черты морфологии и словообразования: «Хотя словообразование связано с грамматикой, точнее, с проблемами морфемного состава слова, оно отличается от морфологии как объектом, так и методом исследования. Морфология имеет дело со словом, готовой единицей языка, и изучает то, из чего сделано слово. Задача словообразования определить, как сделано слово» [1, с. 12]. Принимая за основу эту точку зрения, можно утверждать, что в процессе образования новых слов участвуют не только лексические, но и грамматические способы.

Образование лексем может основываться на присоединении к существующему слову тех или иных морфем. Словообразование включает в себя несколько подтипов: аффиксальное, префиксальное, основосложение, конверсия и аббревиация. Последний вид особенно актуален в настоящее время, так как является достаточно продуктивным способом для образования новых слов. С помощью аббревиации люди могут передать необходимую информацию с использованием минимального количества знаков.

Процесс аббревиации является характерным признаком большинства языков в мире. Аббревиатуры очень тесно связаны с исходной лексемой и являются одним из самых продуктивных способов словообразования. Согласно И. А. Цыбовой существует три вида аббревиатур: усечение, сокращение словосочетаний и словослияние. Последний вид получил широкое распространение в конце XIX века, тем не менее, его появление датируется многим ранее. И. А. Цыбова дает следующее определение этому виду аббревиации: «Словослияние (от франц. *télescope*) – это такой способ словообразования, при котором часть одного слова сливается, чтобы образовать единое целое с частью другого слова (слов) или с целым словом» [2, с. 96]. Следует отметить, что этот способ образования слов можно встретить практически во всех известных стилях: художественный, политический, научный, обиходно-бытовой и т.д.

Необходимо отметить, что в отличие от других методов словообразования, процесс словослияния не требует соединения лишь значимых частей лексической единицы, а допускает комбинации произвольных ее фрагментов. Таким образом, в процессе образования слова от исходной лексической единицы могут быть использованы всего несколько начальных букв в силу того, что словослияние не подчиняется

привычному разграничению на морфемы. Так, при образовании новой лексемы может быть использован и лишь один звук, и несколько слогов. Однако существует главный критерий, по которому можно судить об успешности образованного слова: в нем должны узнаваться исходные лексические единицы, с помощью которых слово было составлено. Л. В. Эрстлинг в своей работе «Телескопные слова во французском языке» приводит следующую классификацию словослияний, которые часто можно встретить в составе современного языка Франции:

«1) апокопа + афереза без звукового наложения: *caméscope* = *camé*[ra] + [magnéto]scope; *progiciel* «програмный пакет» = *pro*[duit] «продукт» + [lo]giciel «программа»;

со звуковым наложением: *clavardage* «общение по Интернету, чат» = *clav*[ier] «клавиатура» и [bav]ardage «болтовня»; *ludiciel* «игровая программа» = *ludi*[que] «игровой» + [logi]ciel;

2) апокопа + апокопа: *chloroforme* «хлороформ» = *chlor*[e] «хлор» + *form*[yle] «формил» + соединительная гласная;

3) только апокопа со звуковым наложением: *rurbain* «относящийся к деревням, превращающимся в пригороды» = *r*[ural] «сельский» + *urbain* «городской», *navion* «экраноплан» = [nav]ire «корабль» + *av*[ion] «самолет»;

4) только афереза без звукового наложения: *bureautique* «оргтехника» = *bureau* «бюро, контора» + [informa]tique «информатика, вычислительная техника»;

5) без усечения со звуковым наложением: *vélocation* «прокат велосипедов» = *vélo* «велосипед» + *location* «аренда»;

6) окказионализмы: *journal* «газета, в которой печатают только плохие новости» = *journal* «газета» + *mal* «зло», *autoritraire* «тот, кто при власти ведет себя укрядчиво» = *autorité* «власть, права» + *traire* «изменник» [3, с. 135]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сокращения путем словослияния достаточно разнообразны. Они создаются авторами статей для усиления экспрессивности текста. Данные слова используются для того, чтобы привлечь внимание читателей к той или иной информации, для увеличения заинтересованности аудитории.

Лексические единицы, образованные с помощью словослияния, способствуют обогащению языка. К тому же словослияние используется авторами в художественной литературе в качестве поэтического метода. В печатной прессе словослияние используется в качестве языковой игры, например, в рекламе. Рассмотрим некоторые примеры из французской прессы, которые наглядно демонстрируют употребление словослияний в повседневных публикациях:

«A Marseille, l'appareil judiciaire débordé par les affaires de *narcotrafic* et de grande criminalité» (*narco*[tique] + *trafic*) (только апокопа со звуковым наложением) [Le Monde, 2017].

«On lui doit également «*délyrer*» (croisement de délirer et de lyre qui s'applique à merveille à Edgar Poe), «*fantascience*» (genre fort prisé par Edgar

Poe)...» (dél[irer] + lyre, fanta[stique] + science) (только апокопа со звуковым наложением). [L'Express, 2001].

«...glorification adulescente des tribus trentenaires où se mêlent *célibattantes* et beaux gosses» (céliba[taire] + battante) (только апокопа со звуковым наложением) [L'Humanité, 2004].

«Du reste, *Merkozy* dicte alors sa loi à tous ceux qui veulent éviter le sabre de l'austérité» (Merk[el] + [Sar]kozy) (апокопа + афереза со звуковым наложением) [La Tribune, 2014].

«Ou comment, après avoir *ratiboisé* des champs entiers de leurs occupants naturels par le biais du remembrement...» (rati[sser] + [em]boiser) (апокопа + афереза без звукового наложения) [La Dépêche, 2017].

«...sorte de Babel-Ispahan-Smara *miragineuse* fleurissant le désert, est joliment tournée» (mirag[e] + [ima]giner) (апокопа + афереза со звуковым наложением) [Libération, 2010].

«...cette disposition englobait au départ toutes les entreprises disposant de logiciels comptables, logiciels de caisse ou *progiciels* de gestion» (pro[duit] + [lo]giciel) (апокопа + афереза без звукового наложения) [Les Echos, 2018].

«...la traditionnelle parade des forces armées aériennes pour l'anniversaire de la reine, le 11 juin, c'est à Kate Middleton qu'il veut montrer le gros *navion*» (nav[ire] + [a]vion) (апокопа + афереза со звуковым наложением) [Le Figaro, 2016].

«...au *webzine* «Happy beer time» et à la brasserie des Garrigues, elle pilote le premier festival de la bière artisanale, ou craft beer, de Montpellier» (web + [maga]zine) (только афереза без звукового наложения) [Midi Libre, 2017].

«Il ne va plus pêcher le homard de janvier de peur de "*débouliner*" (se casser la figure), dans un trou entre deux rochers...» (déboul[er] + [dégou]liner) (апокопа + афереза со звуковым наложением) [Ouest-France, 2017].

«Conseil évidemment ignoré par Nadine Morano: "*Sarkommence*... les tentatives d'affaires qu'on veut coller à l'ancien président..."» (Sarko[zy] + [rec]ommence) (апокопа + афереза со звуковым наложением) [Libération, 2014].

«Pourquoi Bruxelles veut *tripatouiller* le droit d'auteur» (trip[oter] + ratouiller) (только апокопа со звуковым наложением) [Challenges, 2016]. В ходе анализа цитат из французской прессы, содержащих словослияния, были определены наиболее часто встречающиеся способы образования таких слов: только апокопа со звуковым наложением – 38%, апокопа + афереза со звуковым наложением – 38%, апокопа + афереза без звукового наложения – 24%.

Таким образом, приведенные цитаты из публикаций французской прессы свидетельствуют о том, что словослияния как один из способов словообразования довольно часто встречаются на страницах печатных изданий. Подобные сокращения позволяют авторам статей не только придавать освещаемой информации больше экспрессивности, но также дают возможность увеличить объем освещаемой информации за счет освобождения пространства от объемных словосочетаний. Читатели легко распознают исходные лексические единицы, из которых было образовано

сокращение, что позволяет сократить время восприятия информации. К тому же легкость восприятия таких сокращений свидетельствует об успешности этого способа словообразования. В современном лексическом составе количество словослияний растет и даже создаются отдельные словари для подобного типа сокращений.

Список использованных источников

1. Халифман Э. А. Словообразование в современном французском языке. М.: Высш. школа, 1983. 128 с.
2. Цыбова И. А. Словообразование в современном французском языке. М.: Московский Лицей, 1996. 128 с.
3. Эрстлинг Л. В. Телескопные слова во французском языке. Вестник ПСТГУ III: Филология, 2010. – № 4 (22). – С. 132–142.
4. Challenges [Source électronique] // Journal électronique. 2016. – L'accès: <http://www.midilibre.fr/> (дата обращения: 11.01.2018).
5. L'Express [Source électronique] // Journal électronique. 2001. – L'accès: <http://www.midilibre.fr/> (дата обращения: 08.01.2018).
6. L'Humanité [Source électronique] // Journal électronique. 2004. – L'accès: <http://www.humanite.fr/> (дата обращения: 04.01.2018).
7. La Dépêche [Source électronique] // Journal électronique. 2017. – L'accès: <http://www.midilibre.fr/> (дата обращения: 09.01.2018).
8. La Tribune [Source électronique] // Journal électronique. 2014. – L'accès: <http://www.midilibre.fr/> (дата обращения: 08.01.2018).
9. Le Figaro [Source électronique] // Journal électronique. 2016. – L'accès: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 05.01.2018).
10. Le Monde [Source électronique] // Journal électronique. 2017–2018. – L'accès: <http://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 04.01.2018).
11. Les Echos [Source électronique] // Journal électronique. 2018. – L'accès: <http://www.midilibre.fr/> (дата обращения: 11.01.2018).
12. Libération [Source électronique] // Journal électronique. 2010–2014. – L'accès: <http://www.liberation.fr/> (дата обращения: 06.01.2018).
13. Midi Libre [Source électronique] // Journal électronique. 2017. – L'accès: <http://www.midilibre.fr/> (дата обращения: 06.01.2018).
14. Ouest-France [Source électronique] // Journal électronique. 2017. – L'accès: <http://www.midilibre.fr/> (дата обращения: 10.01.2018).

УДК 811

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ФЕ С СОЦИОЛЕКТНЫМ МАРКЕРОМ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Т. М. Норец,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

А. В. Каминская,

студентка второго курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению создания новых фразеологизмов с социолектным маркером с помощью метафорического переноса. Данный механизм обогащения фразеологического фонда языка является достаточно распространенным для каждого языка. ФЕ, созданные с помощью метафорического переноса, обладают отличительной эмоциональностью и образностью. На основе представленного материала сделан вывод о том, что расширение фразеологического вокабуляра за счет метафорического переноса в языке связано с потребностями носителей языка в субстандартной лексике как в источнике экспрессии, позволяющем ярко и образно описать значимые моменты повседневной жизни.

Ключевые слова: метафорический перенос, социолектный маркер, сленг, фразеологизм, компонент, социолект, ассоциативность.

Summary. The analysis of creation of new slang phraseological units in English and French languages due to metaphorical transfer is considered in the article. This mechanism of enrichment is widely-spread in the phraseology of both languages. Phraseological corpus based on metaphorical transfer possess distinguishing emotionality and imagery. As a result of the research the expansion of phraseology due to metaphorical transfer is connected to demands of native speakers in substandard lexis as source of expression which can brightly and vividly describe important moments of the life.

Key words: metaphorical transfer, sociolect marker, slang, phraseological unit, component, sociolect, associativity.

Фразеологический фонд базируется на вокабуляре данного языка, а значит, напрямую зависит от изменений, которые происходят в лексическом фонде. Таким образом, вокабуляр, представляя самую динамичную систему языка, влечет за собой такое же активное изменение фразеологического фонда данного языка. Главным образом, динамика систем проявляется в расширении языкового фонда.

Для ФЕ с субстандартным маркером важнейшим компонентом является именно субстандартная лексема, то есть арготическая во французском и сленговая в английском, которая дает право причислить фразеологизм к субстандартному фонду. Данный компонент фразеологизма может определять образность, которая является важным фактором формирования субстандартных фразеологизмов, влияя на эмоционально-экспрессивную коннотацию фразеологизма. Образность компонента достигается путем семантической деривации слова, иными словами, развитием его значения, появления производных значений и коннотаций.

Поскольку мотивация для создания фразеологизмов базируется на образности компонента, то метафорический перенос проявляет себя как

наиболее используемый механизм образования новых субстандартных ФЕ. Метафорический перенос является типом переносного значения, основанного на сходстве предметов, явлений. Сходства возникают между различными семантическими сферами языка: предметами и субъектами, животными и абстрактными понятиями, человеком и объектом, что означает, что весь фонд языка вовлечен в процесс метафоризации. Таким образом, данное разнообразие существующих метафорических переносов классифицируют по направлению перенесения признака из одной сферы в другую. Примем за основу классификацию Г. Н. Складневской [4], которая выделяет следующие виды метафорических переносов:

1. предмет → предмет;
2. животное → человек;
3. предмет → человек;
4. человек → человек;
5. предмет → физический мир;
6. предмет → психический мир;
7. предмет → абстракция;
8. физический мир → психический мир.

ФЕ, образованные с помощью метафорического переноса типа «предмет – физический мир» и «предмет – абстракция» встречаются довольно редко. Описание слов семантической сферы «абстракция» с помощью предмета не является используемым типом метафорического переноса, так как в ходе коммуникации ФЕ с субстандартным маркером используются для описания конкретных предметов, явлений и действий – проявлений бытовой сферы жизни, а не философских дискуссий, которые используют абстрактные понятия. Можно предположить, что данные сферы жизни (физический мир и абстракция) не являются достаточно обсуждаемыми с точки зрения эмоционально – экспрессивных диалогов и не нуждаются в создании соответствующих образных ФЕ, поэтому на этих видах переноса не имеет смысла фиксировать внимания.

Рассмотрим более распространенные типы метафорического переноса для создания новых фразеологизмов. Тип «предмет – предмет» представляет собой перенос свойств и качеств одного предмета на другой, что является достаточно распространенным как во французском, так и в английском языках. В основном данный тип переноса характерен для метафоры, основанной на внешней характеристике схожих предметов (длина, размер, привлекательность). Например, во французском: «boules de loto» (букв. шары лото) – выпуклые глаза, «coup de fourchette» (букв. удар вилок) – удар в глаза указательным и средним пальцами, «voyage au long court» (букв. путешествие в длинный путь) – ссылка. В английском: «bread and butter letter» (букв. письмо из хлеба с маслом) – вежливое письмо, «be in a jam» (букв. быть в джеме) – быть в трудной ситуации, «be in the soup» (букв. быть в супе) – быть в беде [См.: 1; 2; 5].

«Животное – человек» представляет собой вид ФЕ, где метафорический перенос основан на животном, символе какой-либо характеристики, специфичной черты, закреплённой в представлении носителей языка. Данное животное вследствие придает образность всей лексической единице. Во французском: «souris d'hotel» (букв. гостиничная мышь) – воровка в гостинице; в английском: «have bats in one's belfry» (букв. иметь летучих мышей в башне) – быть сумасшедшим [См.: 2; 3; 5].

Метафорический перенос «предмет – человек» является активно используемым для создания характерологических ФЕ. Такой вид переноса придает яркую коннотацию и оценочность фразеологизму. Во французском: «pain dur» (букв. «чёрствый хлеб») – скупой человек, «large girofle» (букв. большая гвоздика) – «красотка». В английском: «pain in the neck» (букв. боль в спине) – раздражающий человек, «apple polisher» (букв. яблочный полировщик) – подлиза [См.: 1; 2; 5].

«Человек – человек» представляет вид переноса, формирующийся на свойствах и признаках разных характеристик человека. Например, при сравнении характера и вида деятельности, профессии; при сравнении внешнего облика и социального статуса, семейного положения. При анализе фразеологического фонда обоих языков было определено, что данный вид переноса задействует такие прецедентные феномены как ядро метафоризации. Такими феноменами являются наиболее распространенные в стране мужские и женские имена. Например, во французском: «faire sa Joséphine» (букв. делать его Жозефину) – прикидываться скромницей. В английском: «Holy Joe» (букв. святой Джо) – священник, «good Joe», «Silly Billy» (букв. глупый Билли) – дурак [См.: 1; 3; 5].

Метафорический перенос «предмет – психический мир» представляет довольно многочисленный фонд ФЕ в обоих языках. Довольно распространена метафора перенесения свойств предмета на объекты психического мира, в которых также включают элементы культурной, социальной и духовной жизни человека. Более того, специфичностью данного вида переноса является конечное значение ФЕ, так как свойство предмета объективной реальности переносится по сходству не на объект психического мира, а чаще на действие психологического характера. Во французском: «avoir un poil dans la main» (букв. иметь волосинку в руке) – бездельничать, «faire sa poire» (букв. делать свою грушу) – задирать нос. В английском: «hit the ceiling» (букв. ударить потолок) – очень рассердиться, «have ants in one's pants» (букв. иметь муравьем в штанах) – нервничать [См.: 1; 3; 5].

Семантическое поле сферы «физический мир» дает разнообразный фонд для создания субстандартных фразеологизмов, передающих значение явлений, объектов и действий, относящихся к сфере «психический мир». Ассоциация между данными сферами основана на эмоциональном, чувственном компоненте объектов психического мира, которые приравниваются к физиологическим процессам и характеристикам

физического мира. Во французском: «prendre la lune avec les dents» – «сделать невозможное» (букв. взять луну зубами). В английском: «to pour cold water on something» (букв. лить холодную воду на что-то) – положить конец чему-либо [См.: 1; 3].

Таким образом, проанализировав примеры ФЕ обоих языков с точки зрения механизма метафорического переноса, можно сделать вывод о том, что данный вид образования новых субстандартных фразеологизмов является наиболее используемым за счет совпадения ключевых характеристик субстандартной лексики и метафоры. Такими характерными чертами являются образность и коннотативность. Англичане и французы, стараясь завуалировать свою речь и придать ей эмоциональности и экспрессивности, используют метафорический перенос для создания новых ФЕ.

Список использованных источников

1. Гак В. Г. Кунина И. А., Лалаев И. П., Мовшович Н. А., Хортик О. А. Французско-русский фразеологический словарь// под ред. Я. И. Рецкера. М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 1112 с.
2. Ричард А. Словарь американского сленга. М.: Рус. яз., 1991. 528 с.
3. Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 896 с.
4. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
5. Argot [Source électronique] – Mode d'accès: <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/usage/argot/1/> (дата обращения 27.12.2017).

УДК 811.12

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. М. Норец,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Я. Ю. Смирнова,

*студент первого курса магистратуры, кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является исследование особенностей функционирования метафоры во французском политическом дискурсе как средства манипулятивного воздействия. Манипулятивные технологии активно используются в политической коммуникации. На основе изученного материала был сделан вывод, что именно метафора является одним из наиболее эффективных средств манипулирования

общественным сознанием в политическом, в том числе предвыборном дискурсе.

Ключевые слова: манипуляция, дискурс, политический дискурс, метафора, концепт.

Summary. The purpose of this article is to research the features of the functioning of a metaphor in the French political discourse as means of manipulation influence. Manipulative technologies are actively used in political communication. On the basis of the studied material the conclusion was that metaphor is one of the most effective remedies of manipulation public consciousness in a political, including pre-election discourse.

Key words: manipulation, discourse, political discourse, metaphor, concept.

Механизмы языкового манипулирования во французском политическом дискурсе являются предметом пристального изучения лингвистов. Согласно французскому словарю «Определений и синонимов», термин «манипуляция», (manipulation) определяется как акт манипулирования, оккультное управление множеством людей с использованием предметов, явлений [1].

Национальный центр текстуальных и лексических средств (Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales) приводит следующее определение термина «манипуляция», а именно воздействие на предмет, человека, явление; а также результат манипулирования как процесса [3, с. 12].

Российский лингвист Елена Иосифовна Шейгал в своей работе «Семиотика политического дискурса» приводит значение термина «манипуляция» как акт воздействия на объекты или управления ими со сноровкой, особенно с пренебрежительной, унижительным контекстом, как незаметное управление, помыкание или обработка [4].

Технологии манипуляции общественным сознанием являются объектом исследования различных наук, таких как психология, политология, теория массовой коммуникации, лингвистика. Так, например, в научной работе С. Г. Кара-Мурза «Манипуляция сознанием. Средства массовой информации» описывает манипуляцию как «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [2, с. 16].

Принимая во внимание приведённые точки зрения лингвистов на термин «манипуляция», мы попытались дать обобщенное определение. Под понятием «манипуляция», мы понимаем вид психологического воздействия на адресата, с целью побуждения его к совершению определенных действий в результате внедрения в психику адресата желаний, намерений, установок, не совпадающих с теми, которые он мог бы сформировать самостоятельно. В соответствии с принятым определением «манипуляция», мы считаем необходимым проследить лингвистические характеристики данного явления.

Метафора, сравнение, риторический вопрос, эллипсис, эпитеты, олицетворение, метонимия, гипербола являются наиболее часто употребляемыми языковыми средствами, выделенные лингвистами в текстах предвыборных выступлений кандидатов на пост президента Франции.

Среди вышперечисленных лингвистических особенностей, мы обращаем особое внимание на метафору как языковое средство, характеризующее манипуляцию. Метафора является одним из наиболее эффективных средств манипулирования общественным сознанием в политическом, в том числе предвыборном дискурсе.

Метафору характеризуют как вид тропа, оборота речи, заключающий скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения, на основании признака, общего для обоих сопоставляемых предметов.

Русский литературовед, культуролог и семиотик Ю. М. Лотман привел описание некоторых признанных традиционных видов метафор и выделил: **резкую** метафору, объединяющую понятия, которые противопоставляются и, в принципе, несовместимы: *Ils se sont rencontrés. Poésie et la prose, la glace et le feu*; **стёртую** метафору или иначе говоря, общеупотребимую метафору, переносное значение не чувствуется: *famille politique, un torrent d'éloquence*; **развёрнутую** метафору, т.е. метафору, последовательно осуществляемую на протяжении большого фрагмента сообщения или всего сообщения в целом: *Nanon s'était laissée mettre au cou un collier garni de pointes dont les piqûres ne piquaient plus*; **метафору - формулу**, близкую к стёртой метафоре, но различие состоит в том, что она обладает большей стереотипностью и иногда возможностью преобразования в нефигуральную: *Il est brûlé par le ver des doutes*; **метафорическую оппозицию** «Свой-чужие»: «Свой» - *français, peuple* – французы, народ; «чужие» *oligarchie* – олигархи, политическая элита.

Говоря о видах метафоры, уместно будет обратить особое внимание на те функции, которые она выполняет. Вслед за лингвистом Анатолием Прокопьевичем Чудиновым, мы можем принять и выделить основные функции метафоры, а именно: номинативная функция для осознания существенных свойств существующей реалии; коммуникативная функция, которая реализует предоставление новой информации в сжатой и понятной для адресата форме; прагматическая функция, оказывающая влияние на адресата; эвристическая функция, способная объяснить новый объект исследования, базируясь на знания о других типах объектов; аргументативная функция как средство убеждения в правильности (правдоподобности) выдвигаемых тезисов или постулатов; интерактивная функция, позволяющая сгладить политические высказывания, затрагивающие спорные политические проблемы, тем самым, приводя к минимуму ответственность говорящего [5, с. 58].

Выделенные виды и функции метафор часто используются в политическом дискурсе с целью воздействия на электорат. Анализируя предвыборные выступления кандидатов, с точки зрения лингвистики, мы приходим к выводу, что в них довольно часто используются именно метафоры, как средство манипуляции на избирателей. В подтверждение данных слов стоит привести примеры из предвыборных выступлений Эммануэля Макрона и Марин Ле Пен.

Одна из наиболее часто используемых метафор политического лидера Эммануэля Макрона – способность образовать «Новую политическую партию, новую Францию, новую Европу». После первого тура голосования в предвыборной риторике Эммануэля Макрона появилась метафора: «Новая политическая партия, новая Франция, новая Европа». «*Nous voulons une Europe forte, parce que nous aurons une France forte, et nous le ferons!*»; «*La République que nouvelle, L'Europe nouvelle*». Делая выводы из приведенных выше примеров, можно сказать, что Эммануэль Макрон заявляет о себе как о лидере страны. Эту метафору можно отнести к типу развернутой метафоры.

Кроме того, Эммануэль Макрон считает, что Европа – идеальная цивилизация, защитница Франции. Лидер партии «*En marche*» единственный кандидат, который вел кампанию в пользу Европейского союза с использованием их финансового капитала. «*L'Europe doit être pour la France une protection supplémentaire*» («Европа должна быть для Франции дополнительной защитой»). Вышеприведенный пример метафоры относится к стертой метафоре.

Эммануэль Макрон утверждает, что Национальный Фронт – часть анти-Франции. Итоги первого тура показали, что число сторонников Марин Ле Пен растет во Франции. В связи с этим Эммануэль Макрон яростно ополчился против лидера «Национального фронта», манипулируя общественным сознанием, политик утверждает, что идеи Марин Ле Пен – вред государству, ведут к гражданской войне: «*Le Front National, c'est le parti de l'anti-France*». Данный пример характерен для развернутой метафоры.

Развернутая и стертая метафоры, достаточно часто употребляемые метафоры в речах и выступлениях Эммануэля Макрона.

Проанализировав выступления Марин Ле Пен, можно выделить самые употребляемые метафоры, которые базируются на образе матери-защитницы.

Марин Ле Пен – капитан корабля, «капитан» Франции. Политики часто используют морскую метафору говоря о Франции. В предвыборном рекламном ролике Марин Ле Пен используется образ матери-защитницы, успешного капитана, ведущего Францию в правильном направлении. Политик идентифицирует себя с народом и подчеркивает, что именно ее политическая сила реально сможет управлять «кораблем», защитить страну. «*Nous serons le bouclier des Français*». В данном примере можно четко увидеть метафору-формулу.

Свобода Франции и национальный суверенитет присутствуют в рекламных слоганах Марин Ле Пен. В одном из программных слоганов Марин Ле Пен, в выражении «France libre», реализуется скрытая концептуальная метафора, а именно оккупация Франции со стороны крупных финансовых кругов Евросоюза и США. «Je veux que les Français, puissent vivre libres dans une France indépendante» («Я хочу, чтобы французы жили в независимой Франции»). Эту метафору мы относим к стертой метафоре.

Выборы – это битва за власть. Выступая в Париже, перед вторым туром, Марин Ле Пен сказала о том, что «предстоящие выборы – это решающая схватка между патриотами и глобалистами» («la bataille entre patriotes et mondialistes»). Данный пример можно считать стертой метафорой.

Франция – мировой лидер, великая держава. Марин Ле Пен высказалась о возрождении величия Франции «Aujourd'hui nous parlons de grandeur», тем самым развивая идеи генерала Шарля де Голля. Метафора-формула четко видна в приведенном примере.

Марин Ле Пен – прообраз Жанны д'Арк. Данный образ активно используется политтехнологами Национально Фронта в сравнении с Марин Ле Пен. «Marine Le Pen – mère de la nation Française» («мать французской нации»); Ее отец ранее и сам пробовал посеять в головах избирателей аналогии со святой героиней. «Jeanne a reçu une mission pour libérer la France de l'occupation britannique, Marin est là pour libérer la France du joug de Bruxelles» («Жанна получила свыше миссию освободить Францию от английской оккупации, Марин здесь, чтобы освободить Францию от ига Брюсселя»), — заявлял однажды Жан-Мари Ле Пен. Принадлежность приведенных примеров к резкой метафоре неоспорима.

Метафорическая оппозиция «Свой-чужие». «Свой» - français, peuple – французы, народ; слоган Марин Ле Пен, как отмечалось уже выше, звучит как «Au nom du peuple!»; «чужие» oligarchie – олигархи, политическая элита, таким образом, Макрон – представитель от элит и олигархии, а значит «чужой». «J'ai le monopole dans ce second tour de la protection du peuple. Monsieur Macron est le candidat des élites, de l'oligarchie, des grands intérêts privés». Метафорическая оппозиция прослеживается в примере высказывания Марин Ле Пен.

Метафора-формула, стертая метафора, резкая метафора, а также метафорическая оппозиция характерны для предвыборных выступлений Марин Ле Пен.

Выборы – это битва кандидатов. Марин Ле Пен за выход Франции из ЕС и в случае своей победы на выборах, планирует провести соответствующий референдум. В свою очередь, Макрон поддерживает европейские ценности и подчеркивает, что будущее европейских стран – именно в их общности. «L'Europe, la ligne de démarcation des deux candidats»

(«Европа, демаркационная линия двух кандидатов»). Приведенный пример по своей структуре представляет собой развернутую метафору.

После итогов первого тура практически все политические силы, все государственные масс-медиа объединились в целях дискредитировать Марин Ле Пен оппонента Эммануэля Макрона. Значительную роль в этом сыграла в том числе политическая метафора. В политическом предвыборном дискурсе использование метафоры особенно актуально, так как она способна образовывать как положительный языковой политический штамп, так и отрицательный образ.

Метафора действительно является средством манипулятивного воздействия на электорат. Следует отметить, что именно развернутый и стертый вид метафор были более эффективными при убеждении избирателей в предвыборных речах Эммануэля Макрона, что в определенной мере, способствовало его победе на выборах.

Список использованных источников

1. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. // вступ. ст. и сост.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 32–50.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. – 2005. С. 16. Режим доступа: http://www.pseudology.org/information/KaraMurza_Manipulyaciya_soznaniem2.pdf (дата обращения 13.01.2018).
3. Пирогова Ю. К. Слоган в корпоративной рекламе. // Бюллетень финансовой информации: Аналитический банковский журнал, 1997. С. 12.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург, 2003. №5. С. 58
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 325 с.

УДК 82.0 (091) + 811.133.1

РУССКИЙ ПЕРЕВОД АЛЖИРСКИХ ДНЕВНИКОВ ЭЖЕНА ФРОМАНТЕНА И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИХ ЖАНРА

Е. Э. Овчарова,

*кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Творчество Эжена Фромантена (1820–1876) является удивительным феноменом середины XIX в., предвещающим особенности эстетики XX в. Особенность этого автора – удивительно гармоничное сочетание в его личности дара живописца и литературного дарования. В статье рассматриваются алжирские дневники Эжена Фромантена, часто воспринимаемые как произведение документального жанра, что является явной недооценкой значения этих произведений. В статье показано, что алжирские дневники являются весьма интересными и значимыми художественными произведениями. В статье восприятие алжирских дневников рассмотрено на примере их издания на русском языке.

Ключевые слова: Эжен Фромантен, алжирские дневники, документальный жанр, литература путешествий, фрагментарность, живописность, монтажная техника композиции, литературная кинематографичность.

Summary. The Eugène Fromentin's work is the amazing phenomenon of the mid-nineteenth century. His work foreshadows the features of the aesthetics of the 20th century. Notable feature of the artist is the harmonious combination of the talent of the writer and artist. The article observes The Algerian Journals, which are often considered as a documentary text. The article shows that The Algerian Journals are very interesting and meaningful works of art. In the article, the perception of the Algerian diary is considered on the example of their translation into Russian.

Key words: Eugène Fromentin, The Algerian Journals, documentary text, travel literature, fragmentariness, picturesqueness, editing method of design, literary cinematic.

Эжен Фромантен [Eugène Fromentin] (1820–1876), французский деятель культуры середины XIX в., стал известным в конце 40-х – начале 50-х годов XIX века как художник-ориенталист; его успешное участие в Салонах было отмечено еще 1847 г. Затем он приобрел известность и как литератор, создав сначала две книги в традиционной для литературы путешествий эпистолярной форме, так называемые алжирские дневники (*les récits algériens*): «Лето в Сахаре» («Un été dans le Sahara», первая журнальная публикация в 1854 г., книга вышла в 1857 г.) и «Год в Сахеле» («Une année dans le Sahel», журнальная публикация 1858 г., книга – 1859 г.), а затем роман «Доминик» («Dominique», 1862) и искусствоведческую работу «Старые мастера» («Les Maîtres d'autrefois», 1876).

Творчество Эжена Фромантена является удивительным феноменом середины XIX в., предвещающим особенности эстетики XX в. Особенностью этого автора является удивительно гармоничное сочетание в его личности дара живописца и литературного дарования. Опираясь на авторитетное мнение Шарля Бодлера можно с уверенностью утверждать, что Фромантен олицетворял собой в середине XIX в. синтез искусств. Знаменитый поэт в обзоре «Салон 1859 года» восхищался Фромантеном-художником, отмечая равнозначность его живописной и литературной ипостасей [1, с. 216–217].

Алжирские дневники Эжена Фромантена написаны в форме журнала путешествий, вследствие чего они часто рассматриваются как произведение документального жанра: именно так представлены они в изданиях на русском языке 1985 г. и 1990 г. [6, с.13]; сам перевод текста Фромантена в издательстве «Наука» [6; 7] сделан под тем же углом зрения, при этом некоторые, весьма существенные, особенности фромантеновской стилистики оставлены без должного внимания.

Отношение к произведениям алжирского цикла Фромантена как прежде всего к путевым заметкам, для издания которых нет необходимости

соблюдать ту тщательность, которая выпадает на долю эстетически значимых текстов, можно проследить на примере перевода этих книг на русский язык, вышедших в академическом издательстве «Наука». Думается, что те неточности и небрежности, которые допущены при переводе алжирских дневников, дают возможность увидеть *отношение* к переводимому автору. Очевидно, что отличия перевода от оригинала вызваны тем *смыслом*, который переводчик, известный специалист по переводу французских романов, выделяет, как *главный*, пренебрегая остальными.

Подобное обращение с текстом оригинала, несомненно, невозможное в серии «Литературные памятники», так как там каждый символ может иметь ключевое значение, вполне допустимо в серии «Рассказы о странах Востока», в которой было осуществлено издание перевода алжирских дневников. Здесь *форма* произведения оказывается второстепенной – или даже совершенно неважной для понимания содержания; упор же делается на простое *повествование* и изложение фактов, и вполне может быть принято решение о *модификации* текста на основании весьма далеких от литературоведческой науки соображений.

Отношение к тесту оригинала приводит к небрежности, проявляющейся порой в мелочах, небольших отклонениях – а порой и в значительном искажении смысла оригинала, пренебрежением ко всей творческой эволюции Фромантена, где предыдущее всегда содержало в зародыше последующее, а все было посвящено *синтезу* – прошлого, будущего, зрительных впечатлений и размышлений о сущности искусства, мимолетных настроений и философских обобщений, литературы и живописи.

Небрежность допущена уже при переводе названия книг. «Un été dans le Sahara» и «Une année dans le Sahel» в русском переводе озаглавлены соответственно как «Одно лето в Сахаре» и «Один год в Сахеле», тем самым неопределенному артиклю *un (une)* придано его второе значение числительного, говорящее о четком разграничении временных периодов (год, лето). Меж тем, время в этих произведениях совершенно неопределенно, события здесь имеют *вневременной* характер – так что речь идет о *неких* периодах, лишь имеющих некоторое отношение к сезонным периодам или году. Конкретная временная привязка для героя принципиально не важна, что подчеркивается в тексте неоднократно. Небрежность перевода названия обусловлена невнимательностью к Фромантену-писателю, поскольку он рассматривается лишь как путешественник, повествующий об увиденных местах и интересных событиях, случившихся по дороге – а для человека, совершающего длительный вояж, временной период является всегда величиной весьма значимой.

Предисловие 1874 г. к изданию, написанное Фромантенем за два года до смерти, в момент работы над книгой совсем иного жанра,

искусствоведческого труда, внутренне неразрывно связанного с блестящим дебютом писателя 1856–59 гг., с самого начала не имело значение лишь *вспомогательного пояснения*, не слишком необходимой преамбулы; на самом деле в здесь изложена *эстетическая программа* Фромантена. Именно таким образом оценивается предисловие в авторитетном французском академическом издании художественных произведений Фромантена (издательство Gallimard, серия Bibliothèque de la Pléiade) [8]. Однако при переводе к этому не отнеслись слишком серьезно [4, с. 29]. В переводе основного корпуса алжирских дневников также можно встретить не только сознательную перемену смыслов, но и невольную их подмену, скорее всего, обусловленную все тем же невниманием к оттенкам и полутонам. Более подробно вопрос о соотношении перевода и оригинала рассмотрен в работе автора [4].

Литературное наследие Фромантена может служить ярким примером воплощения особого принципа организации художественного произведения – так называемой *литературной кинематографичности*, основанной на *монтажной технике композиции* [2] литературного текста. Фрагментарность повествования дневников, имитирующая запись потока впечатлений являются здесь лишь *приемом*. Размытость текста, его организация в форме случайно наслаивающихся друг на друга событий, внешне не связанных нарративной рамкой, совершенно не свидетельствует о необходимости рассматривать текст Фромантена как подлинные записки путешественника.

Эжен Фромантен был одним из первых авторов, практически полностью отказавшихся от традиционного, линейного принципа повествования и также положивших в основу своих прозаических произведений принцип «живописать, а не описывать». Его дар художника вносит в повествование живописную логику.

Исследователями не всегда осознается тот несомненный факт, что оригинальность своей творческой манеры Фромантен проявил уже в художественном творчестве. Владая даром одинаково полно пользоваться как живописными, так и литературными средствами выражения, стремясь к полнокровному синтезу своих впечатлений от окружающего мира, Фромантен в обоих видах искусства создавал произведения, не укладывавшиеся в традиционные жанровые рамки. И этот новаторский синтез искусств не всегда встречал понимание. Своеобразие творческой манеры Фромантена воспринималось некоторыми как несовершенство технических навыков – упреки в слабости рисунка, прозвучали уже в критических обзорах авторитетного Максима дю Кана [Maxime Du Camp]. В обстоятельном обзоре Салона 1863 г. критик Эрнест Шесно [Ernest Chesneau] совершенно определенно отнес представленные в экспозиции полотна Фромантена в раздел жанровой живописи [8]. Тем не менее, поскольку африканские пейзажи Фромантена населены разнообразными персонажами и представляют собой некие картины жизни, Фромантена

часто рассматривали (и эта иллюзия сохраняется для неискушенного зрителя до сей поры) в качестве не только жанрового, но и *исторического* живописца. В то же время некоторые исследователи и критики, отталкиваясь от особенностей творческой манеры художника, считали, что его творчество не соответствует по своему художественному уровню высокому жанру *исторической* живописи и видели в Фромантене лишь *жанрового* живописца, а в системе живописных рангов историческая живопись стояла много выше жанровой. Так, один из первых биографов Фромантена, французский писатель Луис Гонза [Gonse], писал, что Фромантен, стремясь к некому высшему идеалу, всегда желал быть историческим живописцем, но, ограниченный недостатком профессиональных навыков, был, по сути, представителем жанровой живописи [12, с. 82]. Как заметила Давида Аронович [Davida Aronovitch], современный канадский культуролог и историк, несмотря на мнения и намерения самого Фромантена, существовало мнение, что он прилагал большие усилия в достижении звания исторического живописца – и достиг здесь больших успехов [8]. Так, Александр Дюма, большой поклонник как художественного, так и литературного творчества Фромантена, выразивший уверенность в духовном и профессиональном превосходстве художника над многими современниками, писал в своем обзоре Салона 1859 г., что полотна Фромантена представляют Восток чрезвычайно достоверно, изысканно и безупречно [9, с. 124]. Это мнение, вызванное необычайным умением Фромантена создавать *иллюзию достоверности* своего художественного мира, сохраняется среди поклонников его творчества до сей поры.

Действительно, иллюзорная точность деталей сцен, изображенных на картинах Фромантена вызывало (и вызывает) желание отнести его живопись в *исторический* (или даже *жанровый*) раздел, в то время как сам автор в своих рисунках, эскизах, полотнах – как позднее, в литературных произведениях – стремился выразить нечто *абсолютное*, вневременное, внеисторическое, хотел отразить движение, дыхание, трепет и цвет самой жизни. Его живопись, таким образом, явилась *смешением* жанров, *синтезом* исторической, пейзажной, и жанровой школ. Надо отметить, что на живописных полотнах Фромантена также нет и следа каких бы то ни было намерений автора отразить социальную проблематику, перед зрителем предстает или прекрасный, яркий мир, полный движения и света – или трагическая Страна жажды, место, невозможное для жизни, где песок поглощает людей как сама Смерть.

Алжирские дневники Фромантена часто недооценивают даже во французском литературоведении, относя лишь к классической литературы путешествий, хотя, как отмечает ряд зарубежных литературоведов, эти произведения располагаются в русле традиции самых проникновенных творений французской культуры. В частности, Ги Сань [Guy Sagnes] [11] в предисловии к академическому изданию произведений Фромантена

писал, что некоторые эпизоды «Года в Сахеле» ставят Фромантена во французской литературе на место между Шатобрианом и Прустом [10]. Именно алжирские дневники позволяют считать Эжена Фромантена живым воплощением синтеза искусств в середине XIX в. Дискурс алжирских дневников во многом предопределил те особенности, благодаря которым роман Фромантена, а также и искусствоведческий трактат, популярны и в наши дни – и не только среди специалистов по французской литературе и искусствоведов, но и среди обычной читательской аудитории [5]. Вычленение из наследия Фромантена столь значительных его составляющих ведет к недооценке его наследия. Ранним произведениям алжирского цикла должно быть отведено не менее важное место в его творчестве, чем роману и искусствоведческому труду.

Список использованных источников

1. Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Искусство, 1986. 422 с.
2. Мартынова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб.: САГА, 2002. 236 с.
3. Овчарова Е. Э. Алжирские дневники Эжена Фромантена и проблема жанра в литературе путешествий // Романский коллегийум: сб. междисциплинарных науч. тр. СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2007. Вып. 1. С. 77–93.
4. Овчарова Е. Э. Алжирские дневники Эжена Фромантена: значение, восприятие, дискурс / Вестник УДК 82.091 СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 1. С. 24–33.
5. Панкратов В. Союз двух муз Охота и рыбалка. XXI век. от 01.03.2004 <http://www.mk.ru/numbers/938/article26359.htm> (Дата обращения 26.09.2005).
6. Фромантен Э. Одно лето в Сахаре. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. 191 с.
7. Фромантен Э. Сахара и Сахель. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 367 с.
8. Aronovitch D. Great Imaginations: Eugène Fromentin and Artistic Identity / Davida Aronovitch – [Электронный ресурс] / URL <http://jps.library.utoronto.ca/index.php/UTAJ/article/viewFile/4845/1667> (Дата обращения 10.05.2017)
9. Dumas A. L'Art et les artistes contemporains au salon de 1859. Paris: A. Bourdilliat, 1859. 187 p.
10. Fromentin E. Oeuvres completes. Paris: Gallimard, 1984. XLVI+1802 p.
11. Cabanés J.-L. Voix De L'ecrivain: Melanges Offerts a Guy Sagnes. Presses universitaires du Mirail, 1996. 316 p.
12. Gonse, L. Eugene Fromentin, peintre et ecrivain. Ouvrage augmente d'Un voyage en Egypte et d'autre notes et morceaux inedits de Fromentin. Paris: A. Quantin, 1881. 363 p.

УДК 378.016:811

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА*****Е. С. Осипова,****кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы иностранных
языков, Санкт-Петербургский политехнический университет**Петра Великого, Санкт-Петербург*

Аннотация. Процесс перевода можно разделить на три этапа: понимание исходного текста, собственно перевод и редактирование переведенного текста. На каждом из этапов переводчик осуществляет анализ текста. Настоящая статья посвящена ресурсам корпусной лингвистики как ценному инструменту в осуществлении переводческого анализа на разных этапах. Автор говорит о важности использования параллельных текстов на этапе предпереводческого анализа, описывает возможности работы с опциями LIST, CHART, KWIC, COMPARE на этапе собственно перевода, а также отмечает преимущества корпусов над словарями на этапе редактирования текста.

Ключевые слова: перевод, переводческий анализ текста, корпусная лингвистика, конкорданс, коллокации.

Summary. The process of translation can be divided into three stages: the interpretation of the original text, translation proper, and editing of the translated text. At each stage an interpreter deals with the text analysis. This paper views corpus linguistic resources as an important tool of translation analysis at different stages. The author tells about the importance of using parallel texts at the pre-translation stage, describes the possibilities of LIST, CHART, KWIC, COMPARE options at the proper translation stage, and figures out the corpus advantages over dictionaries at the post-translation stage.

Key words: translation, translation text analysis, corpus linguistics, concordance, collocation.

Значительную роль в переводческой деятельности занимают аналитико-интерпретационные умения, которые способствуют адекватному пониманию исходного текста и дальнейшему его переводу. Анализ текста присутствует на всех этапах перевода: понимания, преобразования, проверки и редактирования. В переводоведении традиционно выделяют предпереводческий анализ текста, собственно перевод и постпереводческий анализ текста. Инструменты корпусной лингвистики могут оказаться полезными ресурсами на всех этапах переводческой деятельности.

Предпереводческий анализ текста представляет собой подготовку к осуществлению переводческой деятельности. На данном этапе использование ресурсов корпусной лингвистики имеет особое значение.

Так, использование параллельного корпуса может способствовать решению ряда переводческих задач. Работа с параллельными лингвистическими корпусами дает возможность найти (а) тексты, принадлежащие к одному и тому же стилистическому пласту, (б) тексты

определенных жанров, (в) тексты, схожие по тематике. Сопоставление найденных текстов дает возможность переводчику составить тематический глоссарий, выявить термины и ключевые фразеологизмы, распознать наиболее частотные обороты определенной профессиональной сферы, проследить за развитием мысли автора.

Собственно переводом можно считать непосредственно создание переводчиком письменного текста перевода (в случае письменного перевода). На этом этапе работы большое значение имеет владение компетенцией в области переводческих технологий [2, с. 84]. На наш взгляд, вышеназванная компетенция включает способность оптимизировать переводческую деятельность с помощью различных информационно-коммуникационных технологий, например, с помощью использования лингвистических корпусов.

На этапе собственно перевода важная роль принадлежит процессу формирования и развития переводческой гипотезы. Как отмечается в исследованиях, данный процесс носит ступенчатый характер: прежде всего переводчик использует накопленные когнитивные ресурсы, далее в его сознании возникает гипотетическое решение, в основе которого лежит интуитивная догадка, за которой следуют интеллектуальные операции, когда происходит аналитическое осмысление гипотезы, её оценка с точки зрения логических представлений, после чего происходит вербализация переводческого решения средствами языка перевода [4, с. 99].

Как на этапе формирования, так и на этапе проверки выдвинутой гипотезы большую роль в нахождении переводческого решения могут играть лингвистические корпусы. Наиболее полезными инструментами являются опции LIST, CHART, KWIC, COMPARE общедоступных английских корпусов, созданных Марком Дэвисом, профессором университета Бригама Янга (Brigham Young University, или BYU). Среди них Британский национальный корпус «The British National Corpus» (BNC), корпус современного американского английского языка «The Corpus of Contemporary American English» (COCA), корпус материалов журнала Time, «The Time Magazine Corpus» (TMC), исторический корпус американского английского языка «The Corpus of Historical American English» (COHA).

Опция LIST позволяет находить наиболее частотные коллокации и составлять списки контекстного употребления искомой единицы. Рассмотрим работу с опцией LIST на следующем примере.

Институт по образованию в области водных ресурсов действует под эгидой ЮНЕСКО.

При переводе данного предложения сложность вызывает фразеологизм *под эгидой*. В словаре находим 2 соответствия: *under the aegis of ...*, *under the auspices of smth*. Обращаемся к BNC, используя опцию LIST.

	☐	CONTEXT	FREQ	
1	☐	AEGIS	140	
	☐	CONTEXT	FREQ	
1	☐	AUSPICES	351	

Таблица 1. Результаты поиска в BNC – LIST.

По результатам поиска видно, что *auspices* – более частотно. Остановим свой выбор на этом соответствии.

Следующая задача – подобрать глагол к фразеологизму *under the auspices*. Выдвигаем гипотезу – *operate under the auspices*. Для проверки выдвинутой гипотезы запрашиваем список всех глаголов, которые сочетаются с изучаемым фразеологизмом, пользуясь опцией LIST.

1	☐	CONDUCTED UNDER THE AUSPICES	18	
2	☐	ESTABLISHED UNDER THE AUSPICES	9	
3	☐	PRODUCED UNDER THE AUSPICES	9	
4	☐	PERFORMED UNDER THE AUSPICES	8	
5	☐	WAS UNDER THE AUSPICES	7	
6	☐	DEVELOPED UNDER THE AUSPICES	7	
7	☐	OPERATED UNDER THE AUSPICES	7	
8	☐	HELD UNDER THE AUSPICES	6	
9	☐	<u>OPERATES UNDER THE AUSPICES</u>	6	

Таблица 2. Результат поиска в BNC–LIST.

Результаты корпусных данных подтверждают нашу гипотезу. Сочетание *operate the auspices* возможно и достаточно широко употребляемо.

Предполагаемый вариант перевода.

The Institute for Water Education is operating under the aegis of UNESCO.

Отметим, что название института без труда нашлось в COCA в академическом журнале BioScience (2011):

[...] *the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization's Institute for Water Education* [...].

Опция CHART позволяет составлять диаграммы частотности употребления лексической единицы по жанрам и годам. Проиллюстрируем работу с опцией CHART на примере перевода предложения разговорного дискурса.

Можете ли назвать ориентировочную стоимость вашей квартиры?

Can you give me a ballpark figure of how much your apartment costs.

Выдвинутую гипотезу – *a ballpark figure* – проверяем по корпусу COCA, используя опцию CHART.

SECTION (CLICK FOR SUBSECTIONS) (SEE ALL SECTIONS AT ONCE)	FR EQ	SIZE (M)	PER MIL	CLICK FOR CONTEXT (SEE ALL)
<u>SPOKEN</u>	20	116.7	0.17	
<u>FICTION</u>	5	111.8	0.04	
<u>MAGAZINE</u>	12	117.4	0.10	
<u>NEWSPAPER</u>	5	113.0	0.04	
<u>ACADEMIC</u>	0	111.4	0.00	
<u>1990-1994</u>	8	104.0	0.08	
<u>1995-1999</u>	9	103.4	0.09	
<u>2000-2004</u>	11	102.9	0.11	
<u>2005-2009</u>	11	102.0	0.11	
<u>2010-2014</u>	0	102.9	0.00	
<u>2015-2017</u>	3	62.3	0.05	
TOTAL	42			<u>SEE ALL TOKENS</u>

Таблица 3. Результат корпусного запроса *a ballpark figure*.

Корпус COCA-CHART.

Корпусный анализ доказывает, что выбранное соответствие не вышло из употребления и функционирует в разговорном дискурсе.

Следующим этапом работы было составление конкорданса к словосочетанию *a ballpark figure* с целью изучения левого и правого контекстов окружения. Для решения поставленной задачи используем опцию KWIC, которая дает возможность генерировать строки конкорданса, т.е. строки сочетаемости слова, упорядоченные относительно правого и левого контекстов. Анализ приведенных ниже корпусных данных позволил нам остановиться на варианте *give me a ballpark figure of*.

you ask) . # All of which translates into	a ballpark figure	of anywhere from 1 million to 2 million gay Canadians of
gaining critical mass ; 20,000 homes are listed . For	a ballpark figure	of how much your home (or a rival 's)
home of the Texas Rangers Diamondbacks have forked ones Give	a ballpark figure	Substance outlawed on hurried baseballs Threw the
Sports & Entertainment vice chairman Arn Tellem gave	a ballpark figure	to the Free Press late last year . # " We
in the house . Smith : Can you give me	a ballpark figure	what something like that might fetch ? What -- what do

Таблица 4. Результат поиска в COCA-KWIC.

С помощью опции COMPARE можно сравнивать частоту и устойчивость употребления двух слов по отношению к третьему. Данная опция очень важна в тех случаях, когда словарная статья предлагает два или более соответствия.

Звучать фальшиво, неискренне: it rings hollow/ it rings false;

По результатам поиска с использованием опции COMPARE наиболее частотным вариантом является *it rings falls*.

WORD 1 (W1): **HOLLOW** (0.34)

	WORD	W1	W2	W1/W2	SCORE
1	RING	80	13	6.2	18.2
2	RINGS	42	13	3.2	9.6
3	RANG	27	12	2.3	6.7

WORD 1 (W1): **HOLLOW** (0.34)

WORD 2 (W2): **FALSE** (2.96)

	WORD	W2	W1	W2/W1	SCORE
1	RANG	12	27	0.4	0.2
2	RINGS	13	42	0.3	0.1
3	RING	13	80	0.2	0.1

WORD 2 (W2): **FALSE** (2.96)

Таблица 5. Результат поиска в COCA-COMPARE.

Неотъемлемой частью переводческого процесса является постпереводческий анализ, который представляет собой редактирование переведенного текста. Исследователи отмечают, что большой проблемой переводчиков, особенно начинающих, является их неспособность критически и конструктивно оценивать качество собственного перевода, то есть низкая самооценка перевода [1; 3]. Использование ресурсов корпусной лингвистики может развить навыки самоконтроля, что позволит переводчикам различать слабые места и неточности стилистического и лексико-грамматического характера в своих переводах. По сравнению со словарями, лингвистические корпуса более удобны в использовании на этапе редактирования текста по ряду причин. Во-первых, лингвистические корпуса постоянно пополняются и дополняются, благодаря чему переводчик осведомлен о последних тенденциях в языке на основе анализа употребления той или иной лексической единицы или грамматической конструкции. Во-вторых, лингвистические корпуса более репрезентативны,

так как они больше по объему, следовательно, информация об изучаемой единице более объективна и точна [1, с. 10].

С помощью лингвистических корпусов на этапе постпереводческого анализа можно выявить стилистические ошибки, проверить лексико-грамматическую сочетаемость, орфографическое и пунктуационное оформление, проверить правильность выбора артикля и грамматической конструкции, уточнить допустимость буквального перевода.

Таким образом, грамотное использование ресурсов корпусной лингвистики на разных этапах переводческого анализа текста повышает качество перевода за счет снятия ряда трудностей. Во-первых, решается проблема межъязыковой интерференции, связанная с влиянием родного языка на выбор комбинации слов в предложении и сочетаемости отдельных слов в контексте. Во-вторых, учет корпусных диаграмм частотности снижает вероятность использования устаревших единиц или вышедших из употребления. В-третьих, конкордансы как источники большого количества примеров, иллюстрирующих комбинаторные способности лексических единиц, дают достаточно точные сведения об общепринятом контекстуальном словоупотреблении и подсказывают правильную синтаксическую конструкцию при переводе. В-четвертых, параллельные корпуса дают возможность изучить профессиональные переводы определенного жанра, стиля, составить тематический глоссарий терминов, фразеологизмов, устойчивых клише, сокращений и т.д. и служат эталоном перевода, на который могут опираться начинающие переводчики. Несомненным достоинством применения лингвистических корпусов является то, что переводчики получают возможность почувствовать себя исследователями, научиться отбирать, систематизировать и анализировать данные живого языка.

Список использованных источников

1. Владимов Н. В. Корпусный подход к решению переводческих проблем: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.
2. Голуб Л. Н. Предпереводческая обработка текста // Материалы VI Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 21–23 октября 2004. СПб.: 2005. С. 82–85.
3. Княжева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskiy-analiz-teksta-i-kachestvo-perevoda> (дата обращения: 19.01.2018).
4. Тарнаева Л. П. Перевод в сфере делового общения: диалог языков и культур (лингводидактический аспект): монография. СПб: ООО «Книжный дом», 2017. 134 с.

УДК 811.111

**ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
С ПОМОЩЬЮ ОНЛАЙН-ПРОГРАММ
(НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХ ПРОГРАММ, СОДЕРЖАЩИХ
АНГЛО-НЕМЕЦКО-РУССКУЮ ТЕРМИНОЛОГИЮ
ГОРНОЛЫЖНЫХ ВИДОВ СПОРТА)**

О. С. Осипчук,

*кандидат педагогических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой
романо-германских языков и культур Омского Государственного
университета имени Ф. М. Достоевского, Омск*

Т. В. Рехачева,

*студентка второго курса магистратуры кафедры романо-
германских языков и культур Омского Государственного университета
имени Ф. М. Достоевского, Омск*

Аннотация. В данной статье проводится анализ имеющихся интернет-ресурсов, которые могут быть использованы для изучения специализированной спортивной терминологии (терминологии горнолыжных видов спорта) на английском, немецком, русском языках. Описывается разрабатываемый на базе платформы Memrise онлайн-курс по изучению горнолыжной терминологии.

Ключевые слова: спортивная терминология, онлайн-программы, горнолыжный спорт.

Summary. This article contains brief description of existing Internet resources which can be used for learning specialized English, German and Russian sport vocabulary. The article describes a future on-line course based on Memrise platform. The course contains specified Alpine skiing sport vocabulary.

Key words: sport vocabulary, online courses, Alpine skiing.

В период подготовки к зимним Олимпийским играм в Сочи в 2014 г., а также непосредственно после проведения игр в России резко повысился интерес к горнолыжным видам спорта.

Российские спортсмены пока не могут похвастаться многочисленными победами в данных видах спорта. Вместе с тем появление в России горнолыжных курортов, таких как Шерегеш, Красная поляна и др., а также достаточно неплохих горнолыжных трасс, способствует тому, что данные виды спорта все больше и больше начинают привлекать россиян. Каждый год зимой люди едут в Сочи, на Кавказ, Кузбасс или Алтай, где можно покататься на горных лыжах. Возрастает число горнолыжных школ, витрины спортивных магазинов пестрят сотнями разных товаров, имеющих отношение к зимним видам спорта, в интернете появляются тысячи советов новичкам и профессионалам в данных видах спорта. Появляется интерес у любителей горных лыж и к специальной терминологии. Англоязычная и немецкоязычная горнолыжная терминология необходима как спортсменам, тренерам, спортивным функционерам для участия в международных соревнованиях и в период подготовки к ним, так и обычным гражданам

России, желающим покататься на австрийских и немецких горнолыжных трассах, пообщаться онлайн или лично с такими же любителями горных лыж со всего мира.

В последнее десятилетие активно разрабатываются различные интернет-платформы на которых можно изучать все, что душе угодно, однако специализированных курсов по спортивной терминологии пока мало, если не сказать, что их совсем нет.

В. П. Даниленко определяет «термин» как «слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [1, с. 34].

В соответствии с «Толковым словарем русского языка» Д. Н. Ушакова, терминология – это «совокупность терминов какой-нибудь области» [8]. Таким образом, спортивную терминологию можно считать совокупностью терминов различных (зимних и летних) видов спорта. Терминология горнолыжных дисциплин является составной частью более общей терминологии – терминологии лыжных видов спорта.

Соответственно, выстраивается следующая пирамида лексических групп спортивной терминологии (Рис. 1).

Рис. 1 Лексические группы спортивной терминологии

Как показало проведенное в 2014–2018 гг. исследование, каждый сайт, посвященный горнолыжным видам спорта, представляет свой небольшой глоссарий, в который обычно входят термины из первых двух групп (общеспортивные термины и термины лыжных видов спорта). Приведем пример: на сайте туристической компании «Нефертити» [5] http://nefe.ru/gornolyzhnyi_ghlossarii можно найти следующие термины: *горнолыжное снаряжение, подъемник, ратрак, ски-пас, прокат, слалом, офпист*. Из всех приведенных выше терминов только *офпист* можно считать термином горнолыжного спорта, поскольку данный термин обозначает катание по неподготовленным и немаркированным склонам.

Всю горнолыжную терминологию можно подразделить на группы терминов, характерных для отдельных горнолыжных дисциплин (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Термины, обозначающие названия горнолыжных дисциплин.

Лыжные виды спорта				
Северные дисциплины	Горнолыжные дисциплины	Фристайл	Сноуборд	Другие дисциплины
- Лыжные гонки - Прыжки на лыжах с трамплина - Полёты на лыжах - Лыжное двоеборье	- Скоростной спуск - Слалом - Гигантский слалом - Параллельный слалом - Горнолыжная комбинация - Командные соревнования	- Могул - Ски-кросс - Лыжная акробатика - Хафпайп - Слоуп-стайл	- Слалом - Гигантский слалом - Супергигант - Хафпайп - Биг-эйр	- Телемарк - Соревнования на траве - Соревнования на скорость

Имеющиеся на данный момент в открытом доступе онлайн-ресурсы, например, образовательная платформа Лингволео, во вкладке «Словари» имеет лишь несколько тематических словников: «Виды спорта», «Фристайл и сноуборд», «Биатлон и лыжные гонки». В каждом из этих мини-гlossариев по 100 слов, однако, большая часть из них повторяется [4].

Другая образовательная платформа, Memrise [3], предлагает glossарии, которые могут быть пополнены обычными пользователями. Анализ платформы показал, что 78 курсов на девяти языках дают лишь общеспортивные термины: названия видов спорта и часто используемого снаряжения (*лыжи, мяч, клюшка*).

Известный сайт Coursera, предлагающий массовые онлайн-курсы, имеет 30 курсов, посвященных тематике «Спорт». Однако только один из них (Spanish Vocabulary: Sports, Travel and the Home) посвящен непосредственно изучению спортивных терминов.

Перед крупными спортивными событиями организаторы поспешно разрабатывать хотя бы какие-то программы или материалы для изучения и отработки спортивной лексики. В частности, для проведения Зимних Олимпийских Игр в Сочи в 2014 году был создан ряд glossариев, которые были призваны ликвидировать пробелы в англо-русской, француско-русской и др. терминологии зимних видов спорта. Однако glossарии были выпущены достаточно поздно, и лишь ограниченный круг людей знал об их существовании. Еще одним минусом этих glossариев было то, что разработки ограничились лишь английским и французским языками [6; 7] (поскольку это официальные языки Международного Олимпийского комитета), хотя для некоторых видов спорта было бы целесообразно выпустить и русско-немецкий glossарий.

Для решения хотя бы части вышеназванных проблем было бы идеально создание отдельного онлайн-курса по изучению и отработке горнолыжных терминов английского и немецкого языков.

Авторы данной статьи создают такой курс на базе платформы Memrise [3], поскольку данная платформа является бесплатной и общедоступной, кроме того, на платформе есть возможность создания своих курсов [3]. Курс будет включать несколько модулей, прохождение которых возможно отдельно друг от друга, в тоже время все модули будут взаимосвязаны. Одним из минусов платформы Memrise является то, что она позволяет лишь отработку лексики, слушать аудио, смотреть видеофайлы или выполнять другие задания на ней невозможно.

После проведения анализа видов существующей целевой аудитории было принято решение выбрать одну основную и одну дополнительную целевые аудитории. Основной будет группа спортсменов уровня кандидатов в мастера спорта (КМС) и первого взрослого разряда. Дополнительной будет группа управляющего персонала. Данные группы были выбраны неслучайно. Количество людей уровня 1-го взрослого разряда или КМС достаточно велико, чаще всего это люди, занимающиеся определенными видами спорта в течение нескольких лет.

Выбор группы профессиональных спортсменов, защищающих честь страны на международных соревнованиях не логичен, поскольку количество таких людей (включая основной, запасной и резервный составы) составляет всего лишь несколько сотен. Выбор другой целевой аудитории – новичков – также не логичен, поскольку многие бросают заниматься после нескольких месяцев занятий, и в дальнейшей жизни горнолыжные термины им будут мало интересны. Дополнительная группа, группа управляющего персонала, была выбрана, поскольку управление горнолыжным объектом неизбежно включает в себя знание спортивных терминов на иностранных языках (английском, немецком, французском и т.д.).

В настоящий момент уже подготовлено несколько тем онлайн-курса, а именно, темы по изучению терминов, обозначающих на немецком языке:

- обслуживающий персонал: *der Pistenchef* (начальник трассы), *der Schiedsrichter Assistenten* (ассистент-рефери);
- наименование дисциплин и уровней соревнований: *FIS Junioren Ski Weltmeisterschaften* (лыжные Чемпионата мира ФИС среди юниоров), *die Mannschaftswettkämpfe* (командные соревнования);
- оборудование, необходимое для проведения соревнований по скоростному спуску: *die Feste Stangen* (жесткие древки), *die Kippstangen* (падающие древки).

Параллельные темы на английском языке находятся в процессе доработки.

Активно разрабатываются для изучения следующие тематические группы горнолыжных терминов на немецком и английском языках:

- гомология трасс;

- подготовка к соревнованиям;
- проведение соревнований;
- сервисы для разных клиентских групп;
- протокол.

Апробация данного курса планируется в феврале-марте 2018 года на основных целевой и дополнительной аудиториях в городе Омске. Планируется, что курс будет доступен для студентов спортивных университетов, институтов и академий.

Создание подобного курса поможет спортсменам усовершенствовать владение горнолыжной терминологией английского и немецкого языков, поможет им общаться с другими спортсменами на соревнованиях международного уровня. Спортивные менеджеры также смогут улучшить свои знания специальной терминологии, а значит, и минимизировать связанные с управлением командами и спортивными объектами риски, которые могут возникнуть из-за незнания иностранных языков.

Список использованных источников

1. Даниленко В. П. Терминообразование // Научно-техническая терминология. – 1983. – №2. 198 с.
2. Массовая образовательная платформа Coursera [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://coursera.org> (дата обращения 23.01.2018).
3. Образовательная платформа Memrise [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.memrise.com> (дата обращения 23.01.2018).
4. Образовательная платформа Лингволео [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lingualeo.com> (дата обращения 23.01.2018).
5. Сайт туристической компании Нефертити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nefe.ru/gornolyzhnyi_ghlossarii (дата обращения 23.01.2018).
6. Терминологический глоссарий XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи. Спортивные дисциплины: биатлон, лыжные гонки, лыжное двоеборье. // Библиотека «Сочи 2014». Оргкомитет Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи. М., 2010. 11 с.
7. Терминологический глоссарий XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи. М.: Оргкомитет «Сочи 2014», 2012. 779 с.
8. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1053078/%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9C%D0%98%D0%9D%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF> (дата обращения 23.01.2018).

УДК [811.512.161:811.161.1]'25'373.7

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТУРЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Н. И. Пантыкина,

*преподаватель кафедры английской и восточной филологии,
филологический факультет, Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко, Луганск*

Аннотация. В статье рассматриваются турецкие фразеологизмы как отображение турецкого национального характера. Целью работы является характеристика основных способов перевода турецких фразеологизмов средствами русского языка. В статье использованы следующие методы: сравнительный, сопоставительный и дескриптивный. Результаты исследования заключаются в классификации фразеологических и нефразеологических способов перевода фразеологизмов.

Ключевые слова: перевод, русский язык, способ перевода, турецкий язык, фразеологическая единица.

Summary. The article deals with Turkish phraseological units as a representation of Turkish national character. The purpose of the work is to characterize the main ways of translation Turkish phraseological units by means of Russian language. The comparative, contrastive and descriptive methods of analyses are used in the given article. The results contain the ranging of the phraseological and non-phraseological means in the translation of phraseological units.

Key words: translation, Russian, ways of translation, Turkish, phraseological unit.

В последнее время интерес к когнитивной лингвистике обусловлен тем, что воссоздание языковой картины мира и выявление в ней национально-специфического отображается в языке на основе сформировавшейся в сознании человека картины мира. Лингвокультурологическое восприятие определенного человека проявляется за счет вербальных средств данного языка. Тем самым, фразеология занимает весомое место, так как перевод языковых единиц связан с рядом определенных трудностей.

Решением проблем перевода фразеологии занимались такие исследователи как В. С. Виноградов, В. Н. Комиссаров, С. Флорин, Н. Л. Шадрин, Н. М. Шанский. Наиболее подробно трудности, связанные с переводом фразеологических единиц, рассмотрены в работах Ю. П. Солодуба, Л. Ф. Дмитриевой, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирновой. По мнению Н. М. Шанского, фразеология – это «раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии» [3, с. 26].

В турецкой лингвистике изучение фразеологии турецкого языка связано с работами Д. Аксана, О. А. Аксоя, Л. С. Узун и других. Языковед Омер Асым Аксой дает следующее определение фразеологизму (*deyim*) –

«устойчивый оборот, в большинстве случаев имеющий значение, отличное от буквального, и обладающий притягательной формой объяснения» [4].

Вследствие недостаточной теоретической изученности турецких фразеологизмов, в частности, вопросов их перевода, возникают трудности перевода турецких фразеологизмов на русский язык. Ведь фразеологический перевод предусматривает использование в языке перевода устойчивых единиц, которые соединены разной степенью близости между собой – от эквивалента к аналогу или приблизительному фразеологическому сочетанию.

Поэтому при переводе фразеологизмов необходимо выделить устойчивое сочетание в турецком тексте, а для этого переводчик должен владеть фразеологией языка – оригинала (турецкого) достаточно хорошо. Затем, в зависимости от типа фразеологизма, выбирается способ перевода. Самой простой для перевода является необразная фразеология:

Annem misafirlerini yolcu ediyor.

В предложении использован фразеологизм *yolcu etmek* (досл. *стать путником*), который переводится на русский язык как *отправляться в дорогу, провожать в дорогу*. Тогда перевод будет следующим: *Моя мама провожает в дорогу гостей*.

Определенные трудности при переводе вызывает образная фразеология. Они возникают из-за того, что необходимо решать следующие вопросы: передавать ли метафоричность, сохранять ли стилистические и коннотативные особенности определенной языковой единицы, не забывая о ее семантике.

Большинство исследователей (В. Н. Комиссаров, Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова) предлагают следующие способы перевода образной фразеологии: а) фразеологический эквивалент; б) фразеологический аналог; в) дословный перевод; г) описательный перевод. Следует указать, что фразеологический эквивалент и фразеологический аналог являются фразеологическими способами перевода, а дословный перевод и описательный перевод – нефразеологическими. Проанализируем каждый вид перевода турецких фразеологизмов на русский язык.

Первый тип – перевод при помощи фразеологического эквивалента. Согласно определению В. Н. Комиссарова, фразеологический эквивалент – это такая образная фразеологическая единица в русском языке, которая «полностью соответствует по смыслу какому-то фразеологизму второго языка и которая основана на одном с ним образе» [1, с. 57].

Так, турецкий фразеологизм *beyaz yalan* означает *ложь во благо, невинная ложь*, но дословно передается как *белая ложь*. В русском языке фразеологический эквивалент возможно заменить фразеологизмом *белая ложь*. Следовательно, в русском языке фразеологическая единица *белая ложь* соответствует по смыслу фразеологизму *beyaz yalan* в турецком языке.

Например, турецкому фразеологизму *arı gibi* (досл. как пчела) соответствует русский эквивалент *как пчелка* (о трудолюбивых людях).

Фразеологический аналог применяется в том случае, когда русскую фразеологическую единицу используют для передачи аналогичной по смыслу турецкой, но на другой словесно-образной основе. Например, *ineğin trene baktığı gibi* (досл. смотреть как корова на поезд) – *смотреть как баран на новые ворота*, *dana (öküz) gibi şişman* (досл. толстый как бычок (бык)) – *толстый, жирный как свинья*, *deve boyunlu* (досл. шея как у гуся) – *верблюжья шея*, *horoz akıllı* (досл. с петушиным умом) – *куравая голова* (несообразительный человек).

Следует учитывать, что при переводе фразеологических единиц упомянутыми способами стилистическая или эмоциональная окраска не всегда совпадают. Поэтому, чтобы передать при переводе фразеологизм наиболее точно, необходимо сохранять его образную основу.

Когда у фразеологической единицы нет ни эквивалента, ни аналога, обращаются к третьему способу перевода – дословной передаче образа турецкого фразеологизма, то есть с помощью калькирования.

Например, турецкий фразеологизм *kara gözler için* с помощью калькирования приобретает соответствие в русском языке *ради прекрасных глаз*. Данный способ предпочитают обычно в случаях, когда другими приемами, в частности фразеологическими, невозможно передать фразеологическую единицу в целостности ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, которое необходимо донести до читателя. Так, *canı sıkılmak* (досл. душой скучать) выражается следующим русским фразеологизмом *скучать, испытывать тоску*.

Последний способ перевода – описательный перевод. Он сводится не к тому, чтобы переводить фразеологизм, а скорее объяснить, растолковать, то есть использовать те средства, которые передают содержание фразеологической единицы как можно ближе к оригиналу. Например, турецкий фразеологизм *burun buruna (gelmek)* (досл. нос(ом) к носу) в русском языке находит соответствие *столкнуться лицом к лицу*. Также турецкому фразеологизму *atı alan Üsküdarı geçti* (досл. кто взял коня, перешел Ускудар (Ускудар – район в Стамбуле) в русском языке соответствует выражение *слишком поздно, момент упущен*. Поэтому описательный перевод – это перевод, «сохраняющий общеязыковой смысл переводимого фразеологизма, но не воссоздающий тех семантических и стилистических оттенков, которые появляются в оригинальном тексте» [2, с. 73].

Таким образом, рассмотренные в статье особенности перевода турецких фразеологизмов на русский язык свидетельствуют об особой ответственности и необходимости наличия компетенции у лингвистов и переводчиков. Основываясь на знаниях и владении навыками перевода турецких фразеологических единиц с помощью вышеуказанных способов перевода можно повысить эффективность и совершенство перевода с иностранного языка.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. школа, 1990. 253 с.
2. Ройзенсон Л. И. Русская фразеология. Самарканд, 1977. 121 с.
3. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Либроком, 2012. 272 с.
4. Aksoy Ö. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Ankara, 1971.
5. Elçin Ş. Halk edebiyatına giriş. Ankara: Sevinç Matbaası, 1986.
6. Türkçe sözlüğü/ Hzl.: Şükrü Haluk Akalin...[ve başk.]. – 10. bsk. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2009.

УДК 81'25

**К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА***Н. В. Пасекова,*

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье обобщаются теоретические аспекты таких основополагающих критериев оценки качества художественного перевода как адекватность и эквивалентность, рассматриваются дополнительные критерии для оценивания качества перевода художественного текста.

Ключевые слова: художественный перевод, критерии оценки перевода, адекватность, эквивалентность, качество перевода.

Summary. The article summarizes the theoretical aspects of such fundamental criteria for assessing the quality of literary translation as adequacy and equivalence, and considers criteria for assessing the quality of translation of a literary text.

Keywords: literary translation, criteria for the assessment of translation, adequacy, equivalence, quality of translation.

В настоящее время перевод занимает значимое место в жизни современного общества. Этому способствует ряд глобальных социально-экономических и политических процессов. Перевод можно считать средством межъязыковой коммуникации, т. е. языковым посредничеством, когда один оригинальный текст передается на другие языки, при этом на языках перевода создаётся в полной мере равноценный текст по коммуникативно-прагматической и информационной насыщенности.

Известный переводчик и теоретик художественного перевода А. В. Фёдоров замечает, что: «Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [7, с. 10].

Следует помнить, что общая теория перевода занимается исследованием переводческой деятельности, а объектом её исследований

являются тексты различных функциональных стилей. Какие-то её положения могут разрабатываться и на материале переводов художественных произведений, хотя последние рассматриваются уже вне сферы функционально-стилевой типологии текстов современных литературных языков, поскольку принадлежат к сфере одного из видов искусств – искусству слова, или художественной литературе.

Художественный текст, как результат творческой деятельности человека, является текстом вымышленным, созданным с использованием доступного языкового инструментария. Ю. П. Солодуб даёт следующее определение: «художественный текст (текст художественного произведения) – это текст, основной функцией которого является эстетическое воздействие на читателя или слушателя» [6, с. 21]. Так же справедливо и другое его определение: «художественный текст – это сверхфразовое единство, характеризуемое общностью идейно-тематического содержания и эстетическим воздействием на читателя – своей основной функцией» [6, с. 160]

Отличительной чертой художественного произведения считается образно-эмоциональное воздействие на читателя, что достигается путем использования разнообразных средств, от эпитета и метафоры до ритмико-синтаксического построения фразы. Художественный текст дает автору широкие возможности для свободного изображения хода времени и создания различных смысловых и стилистических эффектов. Следовательно, переводчик вынужден тщательно выбирать способы передачи многочисленных художественных деталей, адекватно интерпретировать их таким образом, чтобы художественное впечатление от перевода было эквивалентно художественному впечатлению, возникающему после прочтения оригинала, и отражающим индивидуальный стиль автора. Таким образом, переводчик создаёт новый текст на языке перевода, а не воспроизводит текст оригинала. Следует помнить, что многие факторы влияют на восприятие текста, в том числе культура, подтекст, национальные особенности, быт и т. п. Следовательно, чтобы добиться идентичного читательского восприятия текста перевода, переводчик «адаптирует» его ко всем этим условиям, т.е. интерпретирует единицы текста оригинала на разных уровнях. Именно поэтому не редки случаи, когда текст перевода художественного произведения может не совпадать с текстом оригинала, но смысловая нагрузка должна быть одинаковой для обоих текстов художественного произведения [5].

Поскольку основной функцией художественных текстов является эстетическое воздействие на читателя, при переводе художественных произведений более важно то, как сообщается информация [7, с. 19]. Отсюда следует, что текст оригинала художественного произведения и текст его перевода должны оказывать адекватное эстетическое воздействие на читателей. Поэтому целесообразно считать фактор адекватности эстетического воздействия оригинала и перевода одним из наиболее

значимых критериев оценки художественного перевода [7, с. 19], – отмечает А. В. Фёдоров.

Так, Я. И. Рецкер считает, что: «Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Под «целостностью» перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами» [4, с. 7].

В то же время В. Н. Комиссаров пишет: «Адекватным переводом называется перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса языка перевода, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [1].

Любой перевод является результатом интеллектуального и творческого труда переводчика, поэтому для достижения высокой степени адекватности эстетического воздействия текста перевода художественного произведения на читателя нужно поставить цель по постижению замысла автора и определить тематическую направленность текста оригинала, подобрать адекватные языковые средства для передачи образной системы и индивидуального стиля автора.

В процессе перевода художественного текста происходит переосмысление первичных значений слов и сочетаний слов, переводчик должен адекватно интерпретировать элементы вторичной образности (переносных значений, системы метафор, метонимий, синекдох, олицетворений и т.д.). Поэтому, по мнению Ю. П. Солодуба, эстетически адекватный перевод возможен при взаимодействии следующих факторов:

- 1) глубокое понимание идейно-тематического содержания оригинала, проникновение в мир авторских интенций;
- 2) бережное отношение к образной системе произведения-оригинала и идиостилю автора [6, с. 24].

В своем диссертационном исследовании В. В. Мошкович предлагает следующие критерии для оценивания качества перевода художественного текста, основываясь на том факте, что адекватность и эквивалентность – основополагающие критерии оценки качества художественного перевода:

- 1) ясность (воспроизведение изобразительно-выразительных средств путем подбора аналогов и эквивалентов в языке перевода);
- 2) точность перевода фразеологических и крылатых выражений;
- 3) степень смысловой близости перевода оригиналу;
- 4) наличие ошибок, искажающих смысловое содержание оригинала;
- 5) наличие ошибок, искажающих стилистические особенности оригинала;

- б) отсутствие орфографических и грамматических ошибок;
- 7) семантическая верность (полная реконструкция значения, без упущений и добавлений);
- 8) сохранение и воссоздание в переводе прагматического аспекта оригинала [3, с. 293].

Далее В. В. Мошкович упоминает различия между понятиями адекватности и эквивалентности, позволяющие дать им более полное определение:

1) адекватность перевода ориентирована на перевод как процесс, эквивалентность рассматривает отношения между исходным и выходным текстом как результат;

2) полная эквивалентность – наиболее полная и максимальная передача функционального содержания исходного текста и его коммуникативных целей; адекватность же ориентирована на полную передачу коммуникативно-функционального содержания оригинала;

3) понятие эквивалентности связано с содержательной близостью оригинала и перевода, а также отражает соответствие синтаксического строения предложений. Понятие адекватности отражает передачу прагматических и стилистических особенностей оригинала, а также элементов экспрессии [2, с. 11].

Таким образом, эквивалентность отражает соответствие лексического состава и семантического строения оригинала и перевода, однако без сохранения прагматического воздействия, которые включены в понятие адекватности.

Несмотря на то, что вопрос об оценке качества художественного перевода разрабатывается давно, лингвисты так и не выработали общие критерии для оценки перевода. А в последнее время теории перевода поднимают вопрос о том, что такие критерии оценки перевода как эквивалентность и адекватность не могут быть универсальными понятиями при оценке перевода. По их мнению, оценка должна принимать во внимание ситуацию перевода, цель создания оригинала и перевода, задачу, которую ставят перед переводчиком. Эти требования, по нашему мнению, должны учитываться при оценке переводных текстов, относящихся ко всем функциональным стилям за исключением текстов, принадлежащих художественному стилю.

Тем не менее, учет всех вышеуказанных обстоятельств позволяет вывести вопрос о качестве перевода за рамки теории перевода и открывает перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
2. Мошкович В. В. Адекватность и эквивалентность как основополагающие критерии оценки качества перевода: автореф. дис. на соиск. учёной степени канд. фил. наук. Тюмень: ТГУ, 2014. 24 с.

3. Мошкович В. В. Взаимосвязь и взаимовлияние адекватности и эквивалентности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – №10. – ФГБОУ ВПО «Челяб. гос. пед. ун-т», Челябинск. С. 270–280.
4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. 3-е издание, стереотипное. М.: Р. Валент, 2016. 244 с.
5. Сдобников В. В. Теория перевода [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков]. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 448 с.
6. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с
7. Федоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

УДК 81'33

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЧАТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Н. В. Пасекова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

А. В. Радочин,

*студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп),
Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматривается чат как одна из наиболее распространённых форм электронного общения среди молодежи, особое внимание уделяется способам образования лексических единиц во французском чате. Описательно-аналитический метод, метод частичной выборки лексических единиц из словарей, из текстов общения в сети интернет, метод сравнительного анализа были использованы во время написания данной статьи. В рамках проведенного исследования были выявлены основные способы формирования лексем, которые сводятся к сокращению буквенного состава слова, добавлению морфем, цифровой замене фонетических эквивалентов (или фонетических единиц, приближенных к ним по звучанию), употреблению англицизмов, усеченных слов и «новогибридных образований».

Ключевые слова: интернет-коммуникация, чат, словообразование, языковые модификации.

Summary. This article studies chat as one of the most common forms of electronic communication among young people, special attention is paid to

fundamental methods of lexical formations in French Chat. To achieve this goal the structural-descriptive as well as analytical, comparative analysis, descriptive methods are used in the article. As a result of the study, the main ways of lexical formation were identified: reduction, addition of morphemes, the digital replacement of phonetic equivalents, use of Anglicisms, «new hybrid formations».

Key words: Internet, chat, word formation, language modifications.

Интернет представляет собой обширное пространство для коммуникации. Известно, что в компьютерное общение люди вступают с разными целями, и существует множество факторов, определяющих успешность коммуникации. Средством передачи информации является язык, успешность общения зависит от умения этот язык использовать. Цель общения, социальные отношения участников коммуникации (возраст собеседников, степень знакомства, характер отношений), количество участников коммуникации и т.д. влияют и на язык общения. Элементы языка (лексемы, фразеологические единицы, фонетические особенности, синтаксические конструкции) свидетельствуют о социальном статусе говорящего.

Одной из наиболее распространённых форм электронного общения стал чат, используемый преимущественно молодёжью. В чате пользователи интернета общаются в режиме реального времени, обмениваясь сообщениями на разные темы. Чат доступен для одновременного восприятия многими коммуникантами, он не имеет устного эквивалента, а использует письменную форму.

При общении в чате реализуется разговорный стиль, отличающийся непринуждённостью, спонтанностью, широким использованием пиктограмм. Наибольший состав лексем, используемых в чатах, относится к сниженному регистру языка. Часто это различные арготизмы, в том числе верланизированные, которыми французская молодёжь пользуется и для общения в повседневной жизни. Из наиболее употребляемых арготизмов среди пользователей чатов во французском лингвистическом корпусе зафиксированы такие, как: *baffe* (*gifle*), *bidon* (*faux*), *crever* (*mourir*), *mec* (*homme*), *pote* (*camarade, ami, porteau*), *nana* (*femme*), *chialer* (*pleurer, se plaindre*), *brancher*, *Ça me branche* (*ça m'intéresse*), *rechopper* (*prendre*), *naze* (*nule*), *je me tire* (*je m'en vais*).

Так как в чатах преимущественно общается молодёжь, то помимо употребления арготизмов, которые будут понятны большинству французов, широко употребляется молодёжное арго: *rageux* (*énervé, personne insultant les autres chateurs*), *ma guel* (*mon copain*), *taffer* (*travailler*), *jgalere* (*j'ai des difficultés*), *des barres* (*c'est drôle*), *mater* (*regarder*), *boloss* (*victime*); но более популярно верланизированное арго, которое образуется с помощью перестановки слогов местами: *kéblo* (*bloqué*), *renoi* (*noir*), *meuf* (*femme*), *ouf* (*fou*).

Для чата характерны многочисленные аббревиации. Это могут быть сокращения по типу:

апокопы (усечения на конце слова): vac (vacances), pseudo (pseudonyme), biz (bisous), vélo (vélocipède), ap (après), ag (age), sav (savais);

афрезы (усечение вначале слова): net (internet), lut (salut), touze (partouze), jour (bonjour);

синкопы (выпадение одной или нескольких букв в середине слова): mci (merci), bsoir (bonsoir), msieu (monsieur), bsr (bosoir), mn (minute), pr (pour), fr (France), ds (dans), id (idée).

В противоположность аббревиации существуют и более редкие способы образования лексем: с добавлением приставок (префиксация): rebonjour (je suis de retour) + re и с добавлением суффиксов (суффиксация): melouuuuuuneeette + мелиоративный суффикс + ette.

Пользователи чата широко применяют замену букв (kaze - maison, ki - qui, koi/koa - quoi, kruL - cruel, okl - aucun, Xcellent - excellent, oz - ose, FM - radio, poz poser, foto - photo, azar - hazar, ril - rien, KS - voiture, gan - gants), исключение непроизносимых букв (akro - accro, ag - age, ariV - arriver, kafard - safard, douT - doute, keur - coeur, aréT - arrêter, kfé - café, Gnial - génial, azar - hazar, épaT - épater, L - elle). Слово нередко пишется не по правилам французского языка, а так, как слышится – фонетический принцип (*comme - kom, jamais - jamé*). Наряду с другими способами кодирования слов широко применяется шифрование, где большую роль играют буквы и цифры. Использование не только букв, но и цифр для написания слова (т.н. типографический ребус) – очень популярный способ словообразования во французском молодёжном интернет сообществе. Буквенный код заключается в том, что слово может заменяться каким-либо сочетанием букв или одной буквой (сохраняя, как правило, алфавитное звучание): *Ki a di koi? - qui a dit quoi?, C Co - ça - C'est comme ça, K's tête - casse-tête, K7 - cassette, A2M1 - à demain, 4/0 - человек с очень худыми ногами (4/0 - размер лески для ловли рыбы), 16K - глупый, тупой (16 килобайт оперативной памяти), (magasin - magaz1, A un de ces quatre - a12c4, aucun - okl, bientôt - bi1to, descends - dS100, à bientôt - ab1to, quoi de neuf - koi29, c'est de la balle - C2labal, tu viens demain - tu vi1 2m1, sympa - 5pa, si - 6, matin - mat1).*

Распространённым способом пополнения лексики служат заимствования из иностранных языков (лидирующее положение занимает английский язык), при этом могут использоваться не только слова, но порой и целые фразы. Приведем примеры заимствования из различных языков:

- из английского языка (англицизмы): *hello (salut), bye (salut), sorry (désolé), cool (génial), big fish (grand poisson), mister gay (monsieur mec), miss (mademoiselle), 4me (pour moi), no (non), 2day (aujourd'hui), asap (aussi vite que possible);*

- из испанского языка: *Salut bonnita (jolie).*

Quand je suis allée en Espagne, je n'ai jamais pu commander le «zumo de naranja» (jus d'orange).

- из арабского языка: *fatma* (женщина), *kif kif* (одно и то же), *flouze* (деньги), *shetan* (дьявол), *Mendish flouss* (Я сижу на мели), *Ya waladi* (О, ребёнок), *Salam alaykum* (Мир вам).

Для чатов характерно изменения структуры фразы, отсутствие знаков препинания, отсутствие заглавных букв:

(-ouais! a l'ag 2 11 an

- ct ou

- damart1 sur tijo en sen é marn

- c en plene brousse

- g karement chang d'r).

Поскольку пользователи чатов лишены возможности использования невербальных средств (акцентирование части высказываний, эмоциональная окраска тембра голоса, дикция, жесты, мимика), в чатах распространены пиктограммы, составленные из букв, цифр и символов, передающих не только мимику (грусть, гнев, радость и т.д.), но и многочисленные жесты.

Кроме «смайликов» (от англ. smile – улыбка) для компенсации тембра и акцентирования части высказывания используется т.н. КАПС (от англ. Caps Lock), который трактуется как повышение голоса. Набранные заглавными буквами слова воспринимается как КРИК, а чередование заглавных и строчных букв – как действие компьютерных пиратов. Эмоции также выражаются лексикой с элементами звукоподражания, используются экспрессивные выражения, междометия. Например: *(ouais, mAAA!!!, mmm... hmmm.. ahahahah, dzzz..., pffffff, héhéhéhé); (^ _ ^): rire, (>_<): être ennuyé, :(^_^); être incommodé, (ToT): pleurer, m(_)_m: présenter ses excuses, (^_^); être intimidé, (_ — _): faire une grimace, (≥∇≤)/: être content, (_ □ _ ;): être surpris, (#^.#) : être timide,*

Youhou!!! Héhé, Ca va Chatter!

Je crois qu'elle l a mmm pas trouvée!

Pas trop de vinaigre et peu de sel hummmm

Atchouuuuum

Que des mec pffff

je suis pas future mannequin bouuuuhh!

Так как в чатах употребляются разные сокращения, способы кодирования, нередко умышленно искажаются слова, используются неправильные грамматические конструкции, могут возникать затруднения с восприятием написанного, особенно неподготовленным пользователем. Существует немало довольно замкнутых молодёжных групп, использующих свой особенный круг слов и выражений, но существуют также общежаргонные слова, которыми пользуются все молодёжные слои. Общение в неформальной обстановке, свойственное чату в кругу сверстников, переключение на специфический жаргон, помогает молодёжи найти общий язык, облегчает и упрощает общение. Языковой облик чата,

его своеобразии помогают расширить знания о «сетевом» языке, что не может не представлять интерес для интернет-лингвистики. В результате проведенного анализа лексики, используемой французской молодежью в чатах, были выделены характерные черты образования лексем, которые сводятся к сокращению буквенного состава слова, цифровой замене фонетических эквивалентов (или фонетических единиц, приближенных к ним по звучанию), употреблению англицизмов, усеченных слов и «новогибридных образований».

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань, 2004, С. 63–67.
3. Громова В. М. Современные социальные подходы в коммуникации // Вестник УдГУ. Сер. Филологические науки. 2005. С. 81–84.
4. Лукина М. С. Компьютерная лексика и ее функциональные эквиваленты в русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010. 326 с.
5. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2009. 519 с.

УДК 378

ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ БИБЛИОТЕКИ ВУЗА В ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

О. А. Пекарская,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры «Математика и бизнес-информатика», Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты участия вузовской библиотеки в формировании информационно-образовательного пространства вуза. Выясняется роль механизма интеграционных процессов. Подчеркивается важнейшая задача библиотеки – обеспечение и организация научной и творческой активности студентов.

Ключевые слова: интеграционные процессы, информационно-образовательное пространство, информационно-коммуникационные технологии, инфопроцесс, научная и творческая активность студентов.

Summary. The article deals with the problem of the participation of a library in the formation of the information and educational space of a university. The role of the mechanism of integration processes is revealed. The important role of a library in provision and organization of scientific and creative activity of students is elucidated.

Key words: integration processes, information and educational space, library, information and communication technologies, infoprocess, scientific and creative activity of students.

Комплекс проблем, относящихся к информационно-образовательной среде высшего учебного заведения, в настоящее время очень актуален и продолжает разрабатываться во многих областях педагогики. Но отметим, что до сих пор степень влияния библиотек на создание этой среды в литературных источниках освещается нечасто [1, с. 123].

В данной статье нами поставлена цель – определить, как интеграционные функции библиотеки способствуют формированию комплексной информационно-образовательной среды учебного заведения для организации творческой и научной активности студентов.

Библиотека является важнейшей частью любого учебного, образовательного, научного заведения, ее взаимодействие с информационно-образовательной средой такого заведения проходит через передачу всего комплекса библиотечных товаров и услуг в информационно-образовательное пространство. Вот почему для библиотеки наиважнейшим смыслом и мотиватором ее работы будет установление двусторонней связи с информационно-образовательным пространством [4, с. 11].

Интегративная функция библиотеки, наряду с другими ее важнейшими функциями, такими как просветительская, навигационная, исследовательская, исследуется не так давно и включает в себя совокупность процессов объединения, взаимодействия, взаимответственности разных подразделений учебного заведения для их целенаправленной деятельности и, естественно, для реализации его миссии [1, с. 155].

Сегодня активное использование информационно-коммуникационных технологий, обеспечив доступ к результатам деятельности различных субъектов информационного научно-образовательного пространства, которые создают, кумулируют, сохраняют и распространяют документальную информацию, позволяет в полной мере востребовать интегративную функцию библиотеки учебного заведения, а также его издательств, музеев, архивов [1, с. 147].

Каким же образом у библиотек формируется интегративная функция? Проявляется она прежде всего в следующих важных особенностях библиотечного обслуживания.

1. Библиотеки, являясь посредниками между создателями и потребителями информационных продуктов, встраиваются в информационно-образовательное пространство образовательного учреждения, потому что их документальное, научное, образовательное, культурное обеспечение, язык, а также все компоненты управления и вся инфраструктура формируют целостную систему [3, с. 72].

2. Библиотеки, будучи одним из самых распространенных учреждений коммуникационно-документального сектора информационной

среды учебного заведения, эффективно преодолевают экономические, бюрократические, редакционно-издательские, информационные барьеры, интегрируя коммуникативную деятельность всей совокупной библиографической информации [3, с. 115].

3. Библиотеки тесно взаимодействуют с другими структурными подразделениями учебного заведения (деканатами, кафедрами, учебно-методическими отделами, функциональными департаментами), не только предоставляя им свои ресурсы, но и полноценно используя возможности этих подразделений [3, с. 128].

Теперь об интегративной роли библиотечного обслуживания в формировании научной и творческой активности студентов. Бесспорно, основная задача библиотеки состоит в обеспечении образовательного и педагогического процессов всеми необходимыми документами.

По статистике каждый студент учебного заведения ежедневно в среднем около получаса проводит в библиотеке, не только готовясь к занятиям, научным конференциям, мероприятиям, связанным с культурным досугом студенческой жизни, но и просто используя библиотечные ресурсы для всесторонней коммуникации. Студенты старших курсов, магистранты и аспиранты зачастую проводят в библиотеках по несколько часов в день [1, с. 82].

Библиотеки регулярно осуществляют мониторинг различных кластеров информационного пространства для осуществления поиска необходимой студентам информации. Они взаимодействуют с издательствами и редакционными отделами для заказа и приобретения необходимых учебных, научных материалов, художественной литературы. Велика роль библиотек и в обеспечении доступа к ресурсам, представленным в электронно-библиотечных системах (ЭБС). Нередко сотрудники библиотек заключают договоры с другими образовательными учреждениями.

Библиотеки принимают самое активное участие в удовлетворении потребностей студентов вуза в библиотечных услугах и в формировании научной и творческой активности студентов [1, с. 93].

Выявляя «информационные лакуны» библиотечного фонда в информационно-образовательном обеспечении не только тех или иных учебных дисциплин, но и в научных ресурсах, библиотеки включают в активную деятельность, привлекая к сотрудничеству различные подразделения учебного заведения (об интеграционном взаимодействии с которыми уже было сказано), способствуя управлению качеством преподавания дисциплин [5, с. 130].

Приведем конкретный пример. Допечатная подготовка творческой научной работы студента, диплома, диссертации магистра, получение экспертного заключения, рецензий, а также редактирование невозможны без участия библиотеки, которая не только предоставляет в помощь студенту необходимые ему литературные источники, но и ориентирует его

в широком информационно-образовательном пространстве поиска ресурсов по данной тематике, так как получить некоторые ресурсы студент может только с помощью библиотечного обслуживания.

Нельзя не отметить и значимость библиотечного производственного этапа, который предшествует типографическому или полиграфическому производству: библиотеки осуществляют индексирование, библиографическое описание, с их помощью выбирается нужный формат, да и оформление на веб-странице также часто происходит не без их участия [4, с. 12].

Таким образом, посредством описанных выше процессов библиотека, объединяя все структурные подразделения образовательного учреждения, наполняет документальный уровень информационно-образовательной среды, поддерживает ее целостность. В этом проявляется ее внутренняя интеграция. Но, что особенно важно, библиотека обеспечивает также и внешние связи вуза с другими учреждениями не только на научном, но на самом широком творческом, культурном уровне, способствуя выходу в глобальное информационное и образовательное пространства города, страны, мира, предоставляя доступ к крупнейшим информационно-образовательным сервисам независимо от того, где эти сервисы находятся. В этом суть внешней интеграции современных библиотек [2, с. 13].

В заключение отметим, что современная библиотека, обеспечивая доступ к накопленным информационно ресурсам, помогая ориентироваться в них, формирует и удовлетворяет информационные, научные и культурные потребности студентов через свою интеграционную функцию. Она, являясь необходимым инструментом управления знаниями, передает студентам всю совокупность культурных норм и ценностей, тем самым способствуя социальной адаптации молодого поколения. Поэтому мы считаем, что библиотека в полной мере реализует свою интегративную (внутреннюю и внешнюю) деятельность в обеспечении научной и творческой активности студентов [6, с. 3].

Список использованных источников

1. Библиотековедение. История библиотек и их современное состояние: учеб. пособие. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2017. 239 с.
2. Кочетова И. Д. Роль иностранного языка в развитии социальной ответственности у студентов вузов // *Науковедение*. – Вып. 1, 2014. С. 7–11.
3. Плахутина Е. Н. Учебно-методический комплекс как один из инструментов формирования библиотекой информационно-образовательного пространства вуза: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2012. 184 с.
4. Соколов А. В. Библиотечный гуманизм и гуманистическая миссия библиотеки в информационном обществе // *Библиотечное дело*. – 2011. – № 17 (154). С. 8–15.
5. Управление качеством преподавания математики в вузе с помощью квалиметрических методов // Пекарская О. А. В сборнике: *Задачи в*

обучении математике, физике и информатике: теория, опыт, инновации. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию П. А. Ларичева. 2017. С. 126–131.

6. Ходакова Н. П. Инновационные подходы в обучении студентов, формирующие информационную культуру будущих педагогов [Электронный ресурс]. М.: Инфра-М, 2015. 3 с. – Режим доступа: <http://znanium.com/catalog.php.bookinfo=523420> (дата обращения 10.01.2018).

УДК 811.111

**СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. СТЕЙНБЕКА «ГРОЗДЬЯ ГНЕВА»)**

Е. В. Петухова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской
филологии, факультет иностранных языков,
Курский государственный университет, Курск*

И. Г. Никитичев,

*студент второго курса факультета иностранных языков,
Курский государственный университет, Курск*

Аннотация. Статья посвящена проблеме сохранения образов персонажей художественных произведений при переводе диалогов. Рассмотрена роль диалога в художественном произведении и проблемы его перевода. На примере перевода романа Д. Стейнбека «Гроздь гнева» показаны возможные способы передачи художественного образа. Сделан вывод о том, что сохранение художественного образа героя в диалоге при переводе возможно при верном выборе языковых средств в языке перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, диалог, языковые системы, адекватность перевода

Summary. The article deals with the problem of preserving artistic images of fictional characters while translating their dialogues. The role of a dialogue in fiction and translation problems associated with it were considered. Based on the Russian translation of John Steinbeck's *The Grapes of Wrath*, different ways of conveying the image of a character in another language were studied. It was concluded that preserving the artistic image of a fictional character in a translated dialogue is possible, provided that correct language tools are used.

Key words: literary translation, dialogue, language systems, adequate translation.

В вербальной структуре художественного произведения диалог, как правило, рассматривается с точки зрения наличия элементов разговорной речи, создающих иллюзию реального общения. Диалог – составная часть художественного текста, и в нём присутствует не разговорность как таковая, а лишь наиболее специфические конструкции, свойственные разговорному стилю речи, которые указывают на его использование. Сквозь призму высказываний персонажей, их речевую характеристику выражается

авторский замысел и создается именно та тональность, которую автор намерен донести до читателя.

Вводя элементы разговорной речи, воспроизводя обстановку непринужденного и эмоционального высказывания, автор приближает текст к читателю. Особенности речи образуют речевую характеристику того или иного персонажа и способствуют раскрытию художественного образа [1].

По мнению О. П. Сапожниковой, автор может моделировать разговорную речь в художественном произведении по принципу максимального приближения по отношению к реальной разговорной речи, когда максимально близко к оригиналу воспроизводятся такие особенности разговорной речи, как повторы, переспросы, эллиптические и сегментированные конструкции, междометия и т.д. В основном это относится к прямой речи персонажей. Однако более распространенный случай – стилизация разговорных элементов при помощи их замены на речевые средства другого языка [2, с. 86–88]. При этом необходимо помнить, что нейтрализация разговорных форм и структур может привести к утрате важных смысловых нюансов, так как подобные особенности художественного диалога непосредственно участвуют в целостном смыслообразовании.

При переводе диалогов необходимо не только учитывать авторский стиль, но также уметь улавливать и передавать в переводе особенности и характер участвующих в них героев, характер их взаимоотношений между собой. Помимо этого, диалоги порой несут дополнительную информацию, которую в силу различий культур и языков передать адекватно не представляется возможным. Ярким примером является акцент героев [3].

В данной статье рассматриваются возможные способы передачи особенностей образов персонажей художественного произведения посредством перевода диалогов. Объектом исследования послужили несколько фрагментов из оригинального текста романа Д. Стейнбека «Гроздь гнева» (1939 г.), а также его перевода на русский язык, выполненного Н. А. Волжиной в 1940 году. Выбор варианта перевода произведения обусловлен тем, что данная версия является наиболее известной среди изданий книги на русском языке, а также отмечается критиками, в том числе советским теоретиком перевода Норой Галь, как одна из лучших работ автора. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть работу Н. А. Волжиной в качестве примера возможных способов трансформации художественного диалога при переводе.

Автор романа делает значительный акцент на речи героев. Персонажи произведения – бедные фермеры из американского штата Оклахома, живущие в 30-е годы XX века. Д. Стейнбек выстраивает речевой портрет персонажей из нескольких основных особенностей их языка, преимущественно с помощью передачи регионального акцента юга центральной части США, а также низкого уровня образования и

социального статуса героев. В оригинале произведения эта цель достигается за счёт намеренного искажения графического облика слов, позволяющего понять специфику произношения персонажей, а также грамматических ошибок и широкого использования сниженной и разговорной лексики. Ярким примером использования Д. Стейнбеком особенностей языка героев в целях создания художественного образа может служить следующий фрагмент из текста произведения, монолог фермера Мьюли Грейвса:

An' then I'd want to go in town an' kill folks. 'Cause what'd they take when they tracted the folks off the lan'? What'd they get so their 'margin a profit' was safe? They got Pa dyin' on the groun', an' Joe yellin his first breath, an' me jerkin' like a billy goat under a bush in the night. What'd they get? God knows the land' ain't no good. Nobody been able to make a crop for years. But them sons-a-bitches at their desks, they jus' chopped folks in tow for their margin a profit. They jus' cut 'em in two. Place were folks live is them folks. They ain't whole, out lonely on the road in a piled-up car. They ain't alive no more. Them sons-a-bitches killed 'em [5, с. 35].

В этом отрывке представлены вышеупомянутые средства, используемые Д. Стейнбеком для создания облика героев через их речь. Можно заметить, что специфика произношения, например, редукция конечных *d/t* в словах *and* или *just*, передаётся на письме при помощи апострофа. На протяжении всего монолога герой многократно допускает грамматические ошибки, в частности, пропуская глагол *to have* в настоящем завершённом времени (*Nobody been able...*), применяя двойное отрицание (*...the land ain't no good*) и местоимение *them(s)* вместо грамматически верного *they*.

Сложность перевода указанного фрагмента на русский язык заключается, прежде всего, в существенном различии фонетических и грамматических систем двух языков. Из этого следует, что прямая передача особенностей речи героя оказывается невозможной, и переводчику романа необходимо сохранить авторский замысел в отношении персонажа и сделать его понятным русскоязычному читателю иным способом. Рассмотрим этот фрагмент в переводе Н. А. Волжиной:

...хочется мне пойти в город и перебить там кого следует. Прогнали отсюда людей, запахали землю тракторами, а что они с нее получают? Что они такое возьмут, чтобы сохранить свои «минимальные прибыли»? Они возьмут землю, на которой истек кровью мой отец. Здесь родился Джо, и я здесь ночью под кустами сопел, как козел. Что они еще получают? Земля истощенная. У нас уже сколько лет плохие урожаи. А эти сволочи в конторах – они взяли и ради своих «минимальных прибылей» разрубили людей на две половины. Человек сливается воедино с тем местом, где живет. А когда мыкаешься по дорогам в забитой всяким скарбом машине, тогда ты не полный человек. Ты мертвец. Тебя убили эти сволочи [4, с. 57].

Как видно из примера, в русском переводе был сделан акцент на лексические и синтаксические средства. Языковой портрет героя

формируется через использование выражений разговорного стиля и сниженной лексики: *сволочи (sons-a-bitches), мыкаешься, запахали*). Переводчик изменяет синтаксис в ряде предложений, используя неопределённо-личные и определённо-личные конструкции, нехарактерные для английского языка, как средство выразительности: *Прогнали отсюда людей, запахали землю тракторами*. Можно отметить, что Н. А. Волжина проводит параллель между русской и американской языковыми культурами, выбирая те средства, которые позволяют создать в сознании русскоязычного читателя образ человека низкого социального положения, проживающего в сельской местности.

Подход, заключающийся в замене оригинальных средств передачи особенностей речи героев при переводе на русский язык, прослеживается на протяжении всего произведения, что позволяет наиболее точно воссоздать характеры персонажей. В качестве примера можно привести ещё один отрывок из текста романа, представляющий собой речь матери главного героя, Тома Джоуда:

These folks is our folks – is our folks. An' that manager, he come an' set an' drank coffee, an' he says, 'Mrs. Joad' this, an' 'Mrs. Joad' that – an' 'How you getting' on, Mrs. Joad?' [...] Why, I feel like people again [5, с. 210].

В рассматриваемом нами переводе Н. А. Волжиной этот отрывок представлен следующим образом:

Здесьний народ – это наш народ... наш. Управляющий... пришел запросто, посидел, выпил кофе... Через слово – «миссис Джоуд», «миссис Джоуд», «Ну, как у вас дела, миссис Джоуд?», «Как вы устроились, миссис Джоуд?» [...] Я себя опять человеком почувствовала» [4, с. 395].

Как и в предыдущем фрагменте, переводчик использует лексику разговорного стиля, заменяя указательное местоимение *these* на прилагательное *здесьний*. Экспрессивность высказывания, создаваемая в оригинале повторением союза *and*, передана с помощью неполного предложения (*Через слово – «миссис Джоуд», «миссис Джоуд»*). Наречие *why*, использованное в английском варианте для придания высказыванию дополнительной эмоциональности, при переводе было опущено. Вместо него использовано синтаксическое средство выразительности – инверсия (*опять человеком почувствовала*). Мы полагаем, что переводчику успешно удаётся передать особенности характера, эмоциональность матери Тома Джоуда.

Таким образом, создание образов героев художественных произведений через перевод диалогов – многоаспектная творческая задача, требующая от переводчика понимания выразительных возможностей разных языковых систем. В большинстве случаев художественный замысел автора оригинального произведения можно отразить в тексте на языке перевода, несмотря на существующие межъязыковые отличия. В частности, как отмечалось ранее, переводчик может подобрать аналог авторского образа, понятный представителю культуры читателя перевода. Несмотря на

это, объективные различия исходного и переводящего языков делают неизбежными частичные потери смыслов, вложенных автором в реплики персонажей. Так, например, в рассмотренных выше фрагментах переводчик не использует графику для искажения произношения слов, поскольку приём намеренного искажения графического облика слова не характерен для литературного русского языка. Вследствие этого компонент образа персонажей, основанный на особенностях их произношения, не может быть передан в переводе на русский язык.

Перспективы исследований подобного рода видятся в привлечении внимания к проблемам художественного перевода, изучении влияния степени расхождения языковых систем на возможность адекватной передачи художественного образа через речь персонажей, рассмотрении новых подходов к решению данной задачи.

Список использованных источников

1. Макарова Л. С. Переводческое моделирование художественного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – №1. С. 204–207.
2. Сапожникова О. П. Соотношение естественной и литературной коммуникации // Филологические науки. – 1998. – №1. С.83–91.
3. Сирипля М. А., Кан В. А. Некоторые проблемы перевода художественных текстов // *Lingua mobilis*. 2013. – №7 (46). С. 68–74.
4. Стейнбек Д. Гроздь гнева / пер. Н. Волжиной. М.: Азбука-Аттикус, 2014. 608 с.
5. John Steinbeck. *The Grapes of Wrath*. Penguin Books, 2006. 544 p.

УДК 811:378.2:62

TRANSLATION OF THE TEXT ON ART AND CROSS-CULTURAL AWARENESS

Ю. Н. Пинягин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь

Аннотация. Целью статьи является анализ действий переводчика при переводе искусствоведческого текста. Это предполагает выявление особенностей передачи лексики искусства, которая понимается нами широко, а также рассмотрение способов решения проблем, с которыми сталкивается переводчик при работе с лингвокультурологической лексикой. Сопоставительно-переводной метод и антропоцентрический подход к деятельности переводчика, в основе которого лежат интерпретация и распределение, продемонстрировали эффективность применения фоновых, культурологических и лингвострановедческих знаний в процессе перевода.

Ключевые слова: лингвострановедение, перевод, искусствоведческий текст, интерпретация, фоновые знания, лингвокультурология, переводческий прецедент.

Summary: The article is devoted to the description of translator's interpretation of the text on art and the strategy of its translation. It suggests the analysis of art terminology which does not confine only to terms, but includes thematically related vocabulary, which demands cross-cultural approach and understanding. Trying to achieve adequate translation of the text we practiced comparative analysis of the original text and the translation performed by us, and interpreted the surface structures in order to fully understand the deep structures of the original. We have come to the conclusion that in order to achieve that a translator is to have a considerable amount of background and cross-cultural knowledge.

Key words: cross-cultural knowledge, translation, text on art, interpretation, background knowledge, culture, translation precedent.

The idea of writing this paper was born some time ago when we decided to translate the chapter *Pre-Raphaelitism and Victorian Painting* from the monograph of William Gaunt *English Painting* [3, c. 175-206] into Russian and to analyze the difficulties and problems a translator comes along. The main idea of this research was to demonstrate how important and vital may be implicit cross-cultural awareness which is inevitably present in any text describing cultural artifacts. This chapter covers the history and peculiarities of the Pre-Raphaelite period of the English painting of the 19th century. It is obvious that there were many successful attempts to translate the terminology and lexical peculiarities of the artistic works of that period into Russian, but the modern approaches to translation theory and practice make us think about the new ways of translation.

First of all we decided to compare the accepted ways of translation of the proper names of artists and their works which had been accepted as «classical» with the ones we would like to offer. Among them there were Joseph Mallord William Turner and Edward Coley Burne-Jones – the geniuses of English painting of the 18th – 19th centuries, which regrettably are still functioning in the Russian texts on art as *Тёрнер* and *Бёрн-Джонс*. In our understanding such variants of translation of proper names seriously distort the modern practice of translation of them and may be understood as the so-called «translation precedents», i.e. when we understand that such translations are inadequate. It is obvious that preferable translations of their names might have been *Тернер* and *Берн-Джонс*, but to make it possible we need the pressure of the so-called «political will» of translators – a long period during which there will possibly be chances to correct the mistakes of the predecessors and accept the up-to-date variants of these names.

While translating the sentence *As previous revivals in Europe had been inspired by some new discovery of ancient art so the Elgin Marbles, installed in the British Museum, exerted, a considerable time after Benjamin Robert Haydon first admired them, an influence which can be seen in the painting of Lord Leighton, George Frederick Watts and Albert Moore* [3, c. 192] we challenged

the accepted variant of translation of *the Elgin Marbles* as «ЭЛГИНОВСКИЕ мраморы» in such authorized dictionaries as [2, с. 492]. Such variant of translation of this masterpiece of ancient Greek art in the dictionary may be expected, but it does not reflect reality and it presupposes the fact that Elgin might have been either the author of this work of art or possibly its owner. The norms of the Russian language grammar do not allow the plural form of the word «мрамор», so the vocabulary variant of translation of this word combination is hardly possible.

Lord Elgin was the British ambassador in Constantinople during the Napoleonic wars and was engaged in collecting the pieces of Greek art, willing to save the precious ancient artifacts from ruinous influence of time, environment and indifference of the aboriginals. At the beginning of the 19th century Lord Elgin brought the fragments of the Parthenon sculptures to England under the pretext that they might have been damaged by the military actions during the war [4]. The sculptures are still a part of the exposition of the British Museum, though they are claimed as historical heritage by both Greece and Great Britain and this fact irritates the Greek tourists visiting the museum. Having all these facts in mind it is sensible and logical to give the following translation of this part of the sentence: «так называемые Мраморы Элгина – мраморные скульптуры, снятые с фриза храма Парфенона в Афинах» and to make a footnote giving the history of their appearance in Britain and the name of the person who did it.

The name of Lord Elgin and his deeds became a precedent and in the text of this chapter there are references to the actions of other people who occupied a similar moral platform with him, for example:

Frederick Walker provides another incongruity in classically arranged and posed scenes of everyday life which Ruskin unkindly termed 'galvanised Elgin' [3, с. 195].

Фредерик Уокер также привносит смятение в изображение классических сцен повседневной жизни, чему Рёскин неприязненно дал название «гальванизированный Элгин».

The problem is, that Frederick Walker followed the tendency of depicting everyday life and people under the so-called «mask of antiquity», which was popular during a very short period in the 19th century, and which is thought to have caused John Ruskin make associations with the above mentioned «Elgin Marbles». One of the meanings of the term «гальванизировать» in the dictionary [1, с. 103] is «безуспешно стараться воскресить, оживить что-н. отжившее». In this context, the ironical definition of Ruskin becomes absolutely understandable for the reader of the translation.

One more translation case presenting interest is the following sentence:

His [William Powell Frith] reputation rests on the three comprehensive panoramas of the Ramsgate Sands of 1851, Derby Day, 1856-1858 and The Railway Station, 1862 [3, с. 191].

Его репутация держится на трех обширных панорамных картинах «Рэмсгейтские пески (1851), «День Дерби» (1856-1858) и «Железнодорожная станция» (1862).

The translation of the picture of William Powel Frith *Derby Day* is well established in the Russian artistic discourse as «День Дерби». The subject matter of the painting is the famous horse race, so much adored by English aristocracy in the 18th – 19th centuries. It was their chance to demonstrate their wealth, health and vitality, their ambitions and their expectations which were somehow associated with one-day horse races at which they were to be annually present at any cost. The horse races were initiated by Edward Smith Stanley, Count of Derby in 1780 and were held at Epsom Downs, i.e. the hills near Epsom, so the names of the place and the initiator of the races became synonymous. This background information may be not known by the Russian reader of translation, so the name of the picture «День Дерби» may cause wrong associations and the more acceptable name of the picture, in our understanding, should be «День скачек».

One of the most difficult and debatable sentences in this chapter was the one, which demanded a great deal of interpretation and cross-cultural knowledge:

Inspired like the Chartists by the spirit of revolt, the Pre-Raphaelite Brotherhood was a militant group, the first organized revolt against the Royal Academy, the objects of its attack being on the one hand the dark and pretentious history picture and on the other trivial anecdotes, and in particular what the Brotherhood termed the «monkeyana» of Landseer [3, с. 175].

Вдохновленное духом мятежности, подобно чартистам, Братство прерафаэлитов являлось воинствующей группой, первым организованным восстанием против Королевской академии художеств, целью которого, с одной стороны, стали мрачные картины на исторические темы, а с другой – тривиальные сюжеты, и, в частности, то, что само Братство именовало «обезьянством» Ландсеера».

The English painter Thomas Landseer published a series of satirical caricatures named «Monkey-ana, or Men in Miniature» in 1828. In order to translate this rather unusual word with the suffix of Latin origin one can apply different approaches. Suffix -ana is used for the formation of a noun the root of which is usually a proper name, for example, Sherlokiana, Byroniana. Such names are used for the collections of works having attitude to a famous person. Our case is different because «monkey» is not a proper name, but Landseer used it for the cycle of caricatures, where criticising human faults, he depicted them as monkeys. Bearing this in mind we decided to translate this unit as «обезьянство» because the meaning of the Russian suffix -ство helps to characterise the event as typical for the people or for a certain period of time.

Trying to achieve adequate translation of the text we practiced comparative analysis of the original text and the translation performed by us and interpreted the surface structures in order to fully understand the deep structures of the original. We have come to the conclusion that in order to achieve that a translator is to have a considerable amount of background and cross-cultural knowledge.

References

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. 20-е изд. М.: Рус. язык, 1998. 750 с.
2. Томахин Г. Д. Лингвострановедческий словарь. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. 720 с.
3. Gaunt W. English Painting. London: Thames and Hudson, 1983. 288 p.
4. Elgin Marbles [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://global.britannica.com/topic/Elgin-Marbles> (дата обращения: 22.03.2016).

УДК 811.111

ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПЕРЕВОДАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИРОДОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ И. БРОДСКОГО «ЧАСТЬ РЕЧИ»)

И. В. Плотников,

аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Аннотация. В статье рассматривается проблема отражения авторской картины мира в переводе поэтического текста. Поскольку анализ мыслеобразов позволяет получить достаточно подробную картину языковой личности автора, выбор лингвокогнитивной парадигмы представляется наиболее удачным для решения поставленной исследовательской задачи. В качестве примера подобного исследования приводится анализ природоморфной метафоры в поэтическом цикле Иосифа Бродского «Часть речи» и двух вариантов перевода цикла на английский язык с использованием классификации лингвокогнитивного перевода метафор. Образы, используемые автором, представлены в виде метафорических моделей, имеющих фреймово-слотовую структуру.

Ключевые слова: поэтический перевод, авторская картина мира, концепт, метафорическая модель, метафора.

Summary. The article examines the problem of the author's worldview representation in poetical translation. Since the analysis of mental images allows developing a clear conception of the author's linguistic personality, the choice of a linguo-cognitive paradigm seems to be most appropriate to achieve the research objective. As an example of such a study the paper provides an analysis of the cycle of Joseph Brodsky's poems *Part of Speech* and two versions of its English translation. The provided analysis involves the classification of the metaphor linguo-cognitive translation. The basic images used by the poet are represented as metaphorical models with slot frame structure.

Key words: poetical translation; author's worldview; concept; metaphorical model; metaphor.

Воспроизведение авторской картины мира в поэтическом переводе в значительной степени зависит от передачи сценария метафорического развертывания. Метафорическая модель рассматривается в качестве основной когнитивной операции, важнейшего способа познания мира путем переноса понятия (концепта) из одной, обычно конкретной, чувственной сферы в другую, более абстрактную [2, с. 50].

Данное исследование строится на основе классификации способов лингвокогнитивного перевода, составленной с учетом классификации А. Дейнан [6, с. 355] и адаптированной к понятию «лингвокогнитивный перевод». Данная классификация предполагает деление случаев лингвокогнитивного перевода на три группы:

- аналогичная метафорическая модель (далее – АММ);
- иная метафорическая модель (далее – ИММ);
- деметафоризация.

Группа АММ включает в себя подгруппы:

- полная эквиваленция (аналогичная фреймово-слотовая структура и эквивалентное лингвистическое выражение) (далее – ПЭ);
- иная фреймово-слотовая структура (далее – ИФСС);
- иное лингвистическое выражение (далее – ИЛВ).

В свою очередь к группе ИММ относятся подгруппы:

- иное метафорическое значение (далее – ИМФ);
- иное прямое значение (далее – ИПЗ).

Предложенная классификация способов лингвокогнитивного перевода предполагает выделение преобразований метафорической модели в переводе, а также лингвистических преобразований, не касающихся структуры метафорической модели.

В качестве материала исследования в данной статье используется поэтический цикл И. Бродского «Часть речи» [1, с. 202–211] и переводы данного произведения на английский язык, выполненные Даниелем Вейсбортом [5, с. 311–320] и самим Иосифом Бродским [4].

Поэтический цикл «Часть речи» – одно из тех произведений Иосифа Бродского, в котором тема природы раскрывается наиболее полно. Перемены погоды, природные явления образно передают душевное состояние лирического героя. Интерес автора к природе может быть объяснен его ссылкой в сельскую местность. Е. Семенова, отмечая сюжетную целостность произведения, характеризует цикл как поэму. «Часть речи» обладает не только формальными «поэмными» признаками: перед нами поэма и «по сути», где стихи связаны в единое целое глубокими внутренними связями, смысловыми и образными» [3]. Через отношение лирического героя к природе в цикле прослеживается эволюция образов.

В контексте природоморфной метафоры данного произведения отчетливо выделяются концепты «ХОЛОД» и «ПОГОДА».

Концепт «ХОЛОД». Автор цикла «Часть речи» столкнулся с холодным климатом, пребывая в ссылке в деревне Норенское. Однако стоит

отметить, что одна из главных тем цикла – одиночество, переживание разлуки. В случае с метафорическим проецированием концепта «ХОЛОД» мы можем увидеть некую связь метафизического и физического холода.

В контексте данного произведения можно выделить следующие метафорические модели: ХОЛОД – ЭТО ПОКОЙ, ХОЛОД – ЭТО УЧЕНИЕ.

Физический холод умиряет страсть человека, делает его самого более *холодным*. Таково смысловое основание метафорической модели ХОЛОД – ЭТО ПОКОЙ. В рамках данной метафорической модели мы выделяем фрейм *состояние покоя*, а также слоты *сон, уединение, покой*.

*Поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне,
в городке, занесенном снегом по ручку двери...* [1, с. 202].

Заснеженная и холодная местность в состоянии *сна* выражает собой спокойствие. Оба переводчика использовали способ лингвокогнитивного перевода метафоры АММ-ПЭ:

*late at night, in the sleeping valley, deep,
In a small town up to its doorknobs in snow... [5, с. 311],
now late at night in the sleeping vale
in the little township up to its doorknobs in
snow... [4].*

*И в гортани моей, где положен смех
или речь, или горячий чай,
все отчетливей раздается снег
и чернеет, что твой Седов, «прощай»* [1, с. 203].

Смех и речь связываются с *горячим* чаем, тогда как снег оставляет только слово «прощай» и дальнейшее *уединение*. В переводах данной метафоры находим один случай АММ-ПЭ и один случай АММ-ИЛВ. Ср:

*the falling snow rings clear and your «farewell»
Is dark as Scott wrapped in a polar storm [5, с. 312],
snow grows all the louder and «farewell»
darkens like Scott wrapped in a polar storm [4].*

Метафора холода может выражать и физиологический образ:

*Тело покоится на локте,
Как морена вне ледника* [1, с. 203].

Глагол «покоится» содержит как прямое физическое значение, так и значение состояния душевного покоя, все это метафорически связывается с *мореной* и *ледником*. Однако в переводах метафорическое значение было утрачено, оба переводчика использовали способ лингвокогнитивного перевода ИММ-ИМЗ:

*On its elbow the body reclines,
like debris a glacier's left in its track [5, с. 314],
Fixed on an elbow, the body bulks
like a glacier's debris, a moraine of sorts [4].*

В обоих примерах сохраняется прямое физическое значение статики, однако утрачивается метафорическое значение душевного покоя.

В метафорической модели ХОЛОД – ЭТО УЧЕНИЕ мы выделяем фрейм *наставники* (слоты *учитель* и *воспитатель*), а также фрейм *источники информации* (слот: *книга*). Пребывание в холоде с физической точки зрения «учит» привыкать холоду, однако и у этого процесса есть своя «метафизическая» сторона – учение сохранять холодный ум, для героя это учение заключается в писательстве:

*Холод меня воспитал и вложил перо
в пальцы, чтоб их согреть в горсти* [1, с. 202].

Оба переводчика использовали в своих текстах способ лингвокогнитивного перевода АММ-ПЭ:

*The cold raised me and placed in my hand
a pen to warm my clenched fist* [5, с. 312],
*I was raised by the cold that, to warm my palm,
gathered my fingers around a pen* [4].

Концепт «ПОГОДА». Метафорические модели, сферой экспансии которых являются погодные явления, осадки, относятся к концепту «ПОГОДА». В контексте данного произведения можно выделить следующие метафорические модели данного концепта: ПОГОДА – ЭТО НАТИСК, ПОГОДА – ЭТО ОЧИЩЕНИЕ.

В рамках метафорической модели ПОГОДА – ЭТО НАТИСК мы выделяем фреймы *физическое воздействие* (слоты: *татарва, канаты*) и *давление* (слот: *гора*). Воздействие погоды ощущается как физическое воздействие со стороны неприятеля:

*Узнаю этот ветер, налетающий на траву,
под него лежащую, точно под татарву* [1, с. 203].

Перевод данного примера у Даниеля Вейсборта полностью эквивалентен оригиналу, тогда как в автопереводе мы фиксируем случай АММ-ИЛВ. Ср.:

*I recognize this wind, swooping upon the grass,
Which lies down under its tartar blast* [5, с. 313],
*I recognize this wind battering the limp grass
that submits to it as they did to the Tartar mass* [4].

Метафорическое значение примера из автоперевода эквивалентно примеру из русского текста, однако использование глагола *to batter* (русс. *долбить*), на наш взгляд, изменяет эмоциональное восприятие оригинальной метафоры.

*Деревянный лаокоон, сбросив на время гору с
плеч, подставляет их под огромную тучу* [1, с. 204].

Гора выражает собой давление, ассоциируется с напряжением, которое испытывает герой, такой же горой для него является и *туча*. В переводе Даниеля Вейсборта мы находим способ лингвокогнитивного перевода АММ-ПЭ, тогда как в автопереводе данного примера метафорическая модель ПОГОДА – ЭТО НАТИСК вообще не проявляется. Ср.:

*Wooden Laocoon, for a while casting off
the mountain, positions himself under a huge cloud [5, с. 314],
The Laocoön of a tree, casting the mountain weight
off his shoulders, wraps them in an immense
cloud [4].*

Использование Иосифом Бродским глагола «wraps» лишает метафору мотива натиска. Метафорическое значение изменяется, однако прямой смысл и зрительное воссоздание описанной ситуации в целом эквивалентно примеру из оригинального текста, что позволяет нам причислить данный пример автоперевода к способу ИММ-ИМЗ.

Далее отношение лирического героя к погоде сменяется, это раскрывается через метафорическую модель ПОГОДА – ЭТО ОЧИЩЕНИЕ (фрейм: *способы очищения*, слот: *кристаллизация*).

*Дребезжащий звонок серебристый иней
преобразил в кристалл [1, с. 208].*

Под звонком лирический герой может подразумевать свой поэтический голос, таким образом, *иней* очищает его от *дребезжания*. Оба переводчика использовали способ лингвокогнитивного перевода АММ-ПЭ:

*The silver frost has changed the buzzing bell
into crystal [5, с. 317],
Silvery hoarfrost has transformed the rattling bell
into crystal [4].*

Анализ показал, что в переводе Даниеля Вейсборта метафорические модели, относящиеся к концептам «ХОЛОД» и «ПОГОДА», сохранены в подавляющем большинстве примеров. Переводчик сохранял фреймово-слотовую структуру оригинальных метафор, примеры метафор перевода лингвистически эквивалентны примерам из русскоязычного текста. В автопереводе меньше половины метафор полностью эквивалентны оригинальным. Можно предположить, что изменения лингвистического выражения или всей метафорической модели в переводах Иосифа Бродского могут быть связаны с его усиленным вниманием к формальным поэтическим приемам оригинального текста. Автору было важно не только передать вербальное содержание, но и сохранить рифму, ритм, из-за чего оригинальные образы подвергались изменениям, которые, вероятно, устраивали поэта.

Список использованных источников

1. Бродский И. А. Письма римскому другу: Стихотворения. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. 288 с.
2. Прокопьева А. А. Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 260 с.
3. Семенова Е. Поэма Иосифа Бродского «Часть речи» [Электронный ресурс] // Старое литературное обозрение. – 2001. – №2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/2/semen.html> (дата обращения 11.01.2018).

4. Brodsky J. A Part of Speech [Electronic resource] // Discover Poetry – Poetry Foundation. – Mode of access: URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/57940/a-part-of-speech> (дата обращения 13.01.2018).
5. Brodsky J. Part of Speech // Poetry. – March 1978. Pp. 311–320.
6. Deignan A., Gabrys D., Solska A. Teaching English Metaphors Using Cross-Linguistic Awareness Activities // ELT Journal. – 1997. – № 51 (4). Pp. 352–361.

УДК 82.21

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Е. В. Полховская,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры, заведующая
кафедрой английской филологии, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

П. Ю. Нечипас,

*обучающаяся второго курса кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода художественного текста политической тематики, в частности, перевода текста пьесы современного английского драматурга Дэвида Хейра «Всякое бывает». Делается вывод о том, что русскоязычный перевод цитат из политических речей, вставленных в пьесу, практически идентичен оригиналу, что объясняется осознанием возможных последствий искаженного перевода речей политиков.

Ключевые слова: политическая драма, современная английская драматургия, Дэвид Хейр, политическая речь.

Summary. The article deals with the problem of translation of fiction on political topics, in particular, the translation of political speeches on the material of the play by the contemporary English playwright David Hare *Stuff Happens*. The conclusion is drawn that the Russian translation of political speeches quoted in the play is almost identical to the original, which is explained by the awareness of the possible consequences of an incorrect translation of the politicians' speeches.

Key words: political drama, modern English drama, David Hare, political speech.

Политический перевод справедливо считается одним из сложнейших переводов, с которым можно столкнуться в переводческой деятельности. Данный вид перевода включает в себя не только работу над декларациями, публичными речами политиков, а также над рядом литературных произведений, имеющих в своей основе отсылки к современной политической обстановке или же определенному политическому конфликту. От использования той или иной единицы перевода, термина и

от владения языковой ситуацией, от понимания менталитета и уклада жизни народа зависит дальнейшая социально-политическая и международная обстановка. Несмотря на очевидную важность верной интерпретации политического текста и глобальные последствия, которые могут возникнуть в результате несоблюдения основных правил политического перевода, в истории сохранилось немало примеров оплошностей при переводе, приведших к ухудшению международных отношений и даже войне. Однако следует отметить, что в ряде случаев, варьирования в политическом переводе применяются намеренно с целью трансформации речи того или иного политика для представления ее в выгодном свете иностранной общественности.

К примеру, в 1945 году после публикации Потсдамской декларации, содержащей условия капитуляции Японии и подчеркивающей уничтожение государства в случае отказа от вышеупомянутых условий, произошла роковая ошибка в переводе, закончившаяся атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Премьер-министр Японии Кантаро Судзуки в ответ на декларацию сказал: «Без комментариев. Мы продолжаем это обдумывать». В японском языке слово «tokusatsu», которое было употреблено премьер-министром, может означать «без комментариев», но также «мы это отвергаем». В результате, представители союзных стран поняли все иначе, что привело к трагедии [6].

Другим примером может служить политический курьез в ноябре 2013 года. Официальный представитель Еврокомиссии назвал «мусором» заявление министра Верта. Однако представителем было использовано слово «rubbish», которое имеет несколько значений: «мусор», а также «нелепость» [6].

Особую сложность представляет перевод цитат из речей политиков, стилизованной речи персонажей и аллюзий на политические события, включенных в текст художественного произведения.

Таким образом, цель данной статьи заключается в выявлении аутентичных речей американских государственных деятелей, цитируемых в пьесе Дэвида Хейра «Всякое бывает», а также тех персонажей, где автор цитирует стиль ключевых фигур современной политики, и в выработке стратегий их перевода. Задачи данной работы представлены следующим образом: определить степень достоверности воспроизведения Хейром речей политиков и степень художественного вымысла и наметить стратегию перевода цитат и стилизаций, выявленных в тексте драмы.

Актуальность данного исследования обусловлена как непреходящей значимостью такого явления как политическая драма, так и важностью ее адекватного перевода. **Новизна** исследования обусловлена новизной предлагаемой нами научной проблемы, а также малоизученностью современной английской драматургии в целом.

При написании данной статьи был использован ряд **методов**: метод вербального анализа, метод текстового анализа, сравнительный метод,

метод тщательного прочтения, метод стилистического анализа, метод структурного анализа и метод переводческого анализа.

Политическая драма, в жанре которой написана пьеса «Всякое бывает», возникает в Великобритании в начале XX века и достигает расцвета в конце 70-х годов того же века. Политическая драма представляет собой один из многочисленных поджанров драмы, имеющий в основе сюжета произведения острый политический конфликт. Откликаясь на политическую злобу дня и на волнующие общественность вопросы как социального, так и политического характера, политическая драма быстро становится популярной среди английских драматургов и читателей. Существовая сначала в форме небольших сатирических очерков и заметок, в середине XX века в литературе политической тематики появляются пьесы и небольшие рассказы. Примерами законченных литературных произведений в жанре политической драмы могут служить произведения известного ирландского драматурга Бернарда Шоу, комедии Дж. Ардена и Маргариты Д'Арси, позже пьесы Баркера и Хейра.

На сегодняшний день политическая драма – это популярный жанр не только британской, но и мировой драматургии.

Пьеса «Всякое бывает» (*Stuff Happens*) – пьеса современного английского драматурга Дэвида Хейра, повествующая о предыстории вторжения американских войск в Ирак в 2003 году. Освещая недавние события на международной политической арене, пьеса была с успехом принята, как американской, так и канадской общественностью. Сюжет произведения основан на нескольких конфликтах: межличностных и личностных конфликтах главных персонажей, а также общего конфликта – самого факта вторжения американских войск в Багдад в 2003 году.

Несмотря на заявление Дэвида Хейра о том, что пьеса отнюдь не документальная и содержит множество моментов, додуманных самим автором, в произведении приведены отрывки некоторых реально существующих политических речей, а именно: инаугурационная речь Джорджа Буша в качестве 43-го президента США 2001 года, обращение Джорджа Буша к Нации 2001 года, а также выступление Государственного секретаря Колина Пауэлла в Совете Безопасности ООН 5 февраля 2003 года. Пьеса приводит лишь небольшие отрывки речей, отдельные реплики политиков. По нашему мнению, для достижения адекватного перевода текста пьесы переводчик должен придерживаться определенной стратегии. Во-первых, выявить в тексте пьесы те фрагменты речи, которые имели место в реальной жизни; определить, где драматург стилизует речь, а где прямо цитирует. Во-вторых, совершить поиск официального утверждённого варианта перевода речей политиков. В-третьих, определить ключевые особенности стиля речи политиков, отраженные в репликах, и требующие сохранения при переводе.

В первую очередь нами была рассмотрена инаугурационная речь Джорджа Буша 20 января 2001 года, размещенная на американском портале

The American Presidency Project, а также русскоязычный перевод, размещенный в виртуальной газете «Взгляд» [2]. В пьесе *Stuff Happens* отсылка к инаугурационной речи Буша появляется уже в третьей главе. Звучит она следующим образом: *I feel like God wants me to run for President. I can't explain it, but I sense my country is going to need me. Something is going to happen and at that time my country is going to need me. I know it won't be easy, on me or my family, but God wants me to do it* [5, с.9].

В действительности в официальной речи Джорджа Буша данные слова отсутствуют. Однако в ходе нашего исследования нами был выявлен отрывок из инаугурационной речи Буша, который, вероятно, был взят за основу вышеупомянутой цитаты: *I will work to build a single nation of justice and opportunity. I know this is in our reach because we are guided by a power larger than ourselves, who creates us equal, in His image, and we are confident in principles that unite and lead us onward* [4].

Следует заметить, что в данном случае Дэвид Хейр стилизовал речь Буша, осветив те моменты, которые наиболее полно бы охарактеризовали персонаж Буша в пьесе. При переводе данной фразы следует соблюсти стилистику выступлений Джорджа Буша, а также специфику характера самого персонажа. В данном случае, в пьесе Буш выступает как хитрый и упрямый политик, известный своими высокопарными, но пустыми обещаниями и изречениями. Исходя из этого, перевод цитаты должен включать в себя некую отрывистость речи, высокопарные и напыщенные средства выразительности, подчеркнутую религиозность. Рассмотрим следующий пример.

I'm the commander – see, I don't need to explain. I don't need to explain why I say things. That's the interesting thing about being the President. Maybe somebody needs to explain to me why they say something. But I don't feel like I owe anybody an explanation [5, с. 9].

Данный фрагмент речи Буша, представленный в пьесе, является художественным вымыслом Дэвида Хейра. Он введен для придания персонажу большей выразительности. При переводе следует обратить внимание на иронию в словах Буша, его жесткость и самоуверенность, используя экспрессивные средства выразительности.

Далее в пьесе нами были выявлены фрагменты выступления Государственного секретаря Колина Пауэлла в Совете Безопасности ООН 5 февраля 2003 года. Официальный текст выступления размещен в газете *The Guardian*. Русскоязычный перевод выступления Пауэлла был размещен на одном из информационных сайтов [1]. Отрывки данного выступления упоминаются в тексте пьесы «*Всякое бывает*» в 21 главе:

My colleagues, every statement I make today is backed up by sources, solid sources [5, с.105];

I cannot tell you everything that we know. But what I can share with you, when combined with what all of us have learned over the years, is deeply troubling [5, с.106].

В оригинальном тексте первая цитата звучит несколько иначе, в то время как последняя фраза действительно была произнесена Колином Пауэллом: The material I will present to you comes from a variety of sources. Some are U.S. sources. And some are those of other countries [3]. I cannot tell you everything that we know. But what I can share with you, when co » [3].

Таким образом, можно отметить, что в данном случае Хейр использовал оригинальную цитату Пауэлла для того, чтобы показать политические игры администрации президента до начала операции в Ираке в 2003 году. При переводе следует сохранить не только стилистику выступлений Колина Пауэлла, но и свериться с официально утверждённым вариантом перевода выступления. При переводе стилизованных цитат, следует учитывать специфику образа Пауэлла в пьесе: его рассудительную, четкую и последовательную манеру речи.

В пьесе также присутствуют стилизованные цитаты из речей Дика Чейни, которые в полной мере характеризуют образ политика в сюжете пьесы:

I had other priorities in the sixties than military service [3, с. 5].

I never met a weapons system I didn't vote for [3, с. 6].

При переводе следует обратить внимание на жесткость и беспринципность Чейни, избежать чрезмерного употребления средств выразительности.

Подводя итоги данной работы, мы пришли к выводу, что при переводе художественного текста политической тематики следует придерживаться определенной стратегии для достижения адекватного перевода. Следует обращать внимание на степень достоверности цитат из речей политического деятеля и сверяться с официально утвержденным переводом речи. При переводе стилизованных цитат необходимо придерживаться представления об образе персонажа в произведении, точно передавая его манеру поведения и речи.

Список использованных источников

1. Выступление Государственного секретаря Колина Пауэлла в Совете Безопасности ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rada.gov.ua/LibRada/static/LIBRARY/povni_text/pauel.htm (дата обращения 13.01.2018)
2. Речь 43-го президента США Джорджа Буша-младшего, [Электронный ресурс] // газета «Взгляд». – 2001. – Режим доступа: <https://vz.ru/information/2009/1/21/248878.html> (дата обращения 11.01.2018)
3. Full text of Colin Powell's speech, [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2003. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2003/feb/05/iraq.usa> (дата обращения 13.01.2018)
4. George W. Bush Inaugural Address, [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. – 2001. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/index.php> (дата обращения 11.01.2018)
5. Hare D. Stuff Happens. New York: Faber and Faber, Inc., 2004. 120 p.

УДК 347.78.034

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ РЕКЛАМНОГО ХАРАКТЕРА***А. В. Пономарёва,***

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. В. Кушниренко,

студент шестого курса кафедры теории и практики перевода (немецкий язык и литература), Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики перевода текстов рекламного характера. Цель статьи – описание особенностей перевода немецких рекламных слоганов на русский язык. Поставленные в рамках исследования задачи включают в себя обзор основных типов рекламных текстов, выявление наиболее распространенных методов перевода рекламных текстов в русском и немецком языках, определение наиболее употребляемого и приемлемого метода перевода рекламных текстов. В ходе исследования были выявлены такие методы и приёмы перевода, как замена грамматических форм, изменение типа предложения, опущение и добавление лексических единиц, стилистическая специализация, конкретизация, смысловое развитие, целостное преобразование, приближенный перевод, элиминация национально-культурной специфики.

Ключевые слова: рекламный текст, слоган, перевод, специфика, изменение, опущение, добавление.

Summary. The topic of this article reflects the specificity of translating the texts of an advertising nature. The purpose of the article is to describe the features of translation of German advertising slogans into Russian. The tasks are: to describe the main types of advertising texts, to reveal the most common methods of translating advertising texts into Russian and German, to determine the most used and acceptable methods of translating advertising texts. The following methods were revealed during the research: substitution of grammatical forms, change of a sentence type, deletion and addition of lexical units, stylistic specialization, concretization, semantic development, complete transformation, approximate translation, elimination of national cultural specificity.

Keyword: advertising text, slogan, translation, specificity, change, omission, addition.

Реклама, как объект, интересующий специалистов разных областей, представляет собой вид деятельности, направленный на воплощение определенного замысла, формирующего торговый вид продукции той или иной области посредством популяризации информации, существующей с целью оказания усиленного эффекта на восприятие массовым

потребителем. Актуальность изучения рекламы подтверждается исследованиями ученых из области социологии, лингвистики, психологии и других наук, где данное понятие рассматривается с учетом его особенностей и отдельных аспектов.

В данной статье представлен обзор специфики перевода текстов рекламного характера. С опорой на цель исследования были сформулированы следующие задачи:

- 1) рассмотреть основные типы рекламных текстов;
- 2) выделить наиболее распространенные методы перевода рекламных текстов в русском и немецком языках;
- 3) выяснить, какой метод является наиболее приемлемым для перевода рекламных текстов.

Главная задача рекламного текста – осуществление его коммуникативной роли, что происходит не столько путем перевода, сколько посредством внедрения его в поле языка перевода [2, с. 71]. При любой постановке целей, существует определенная проблематика, обозначив которую, в данном случае переводчик, четче видит картину и продвигается далее, решая видимые трудности. К примеру, такого рода трудности могут заключаться в обилии средств внутри текста, способных активизировать желание потребителя обзавестись рекламируемой продукцией. Таким образом, переводчик сталкивается с нарушением «внешней модели и содержания», вследствие чего происходят колоссальные потери в процессе перевода.

Ориентируясь на современного потребителя, рекламист составляет текст, используя художественный язык, а именно средства и приёмы, создающие яркий образ внутри рекламы. Это могут быть литературные фразеологизмы, аллюзии, метафоры, передающие общеэстетическую информацию потребителю, однако осложняющие процедуру перевода. Диалектизмы зачастую внедряются создателями рекламы с целью художественного оформления текста, своеобразного «орнамента». Такими являются, к примеру, баварские диалектные слова из рекламы пива или же швейцарские из рекламы сырной продукции, имеющие проблемную специфику при переводе [1, с. 110]. В свою очередь, безэквивалентной рекламу делают следующие художественные приёмы: сравнения, метафоры, ритм и рифма. Наиболее проблемным при трансформации когнитивной информации является стилистическое средство под названием «игра слов» или же «каламбур».

Однако, несмотря на то, что стилистика нередко имеет место в рекламе, использование ее для данного исследования будет являться скорее частным случаем, а анализ методов перевода стилистических приемов не является основной целью статьи. Итак, в рамках представленного исследования были выделены основные переводческие приемы, используемые при передаче рекламных текстов любого характера на иностранный язык. Проведенный анализ позволяет выделить следующие

основные методы, которые использовались при переводе рекламных текстов: замена грамматических форм частей речи, замена синтаксической конструкции, изменение порядка членов предложения, изменение количества и типов предложений, опущение лексических единиц, добавление лексических единиц, стилистическая специализация, конкретизация, смысловое развитие, целостное преобразование, приближенный перевод, элиминация национально-культурной специфики.

Приведем примеры, наглядно иллюстрирующие вышеперечисленные методы и переводческие приёмы:

1. Рекламный текст компании LANCOME: «*Himmlische Haftfestigkeit. Keine Spuren. Keine Nachschminken* [3, с. 89]» – «Удивительная стойкость, не оставляет следов на одежде, не требует поправок в течение дня»

В данном примере прослеживается трансформация количества и вида предложений: из трёх неполных предложений при переводе с немецкого языка образуется одно посредством объединения всех его составляющих. Кроме того, здесь можно обнаружить добавление слов и словосочетаний, а также смысловое развитие (*Keine Spuren* - ...не оставляет следов на одежде...). Относительно стилистики, обращаем внимание на стилистическую нейтрализацию (*himmlisch* – удивительный). Дело в том, что в немецком языке слово «*himmlisch*» означает «небесный, райский, божественный», что подразумевает сильный оттенок стилистического характера. Сопоставляя с данным словом, русское слово «удивительный» является не столь выразительным.

2. «*Endlich ein Make-Up, das keine Spuren hinterlässt, von Morgens bis Abends* [3, с. 89]» – «Наконец, тон для лица обеспечивает стойкость и комфорт с утра до вечера»

Данный пример демонстрирует трансформацию вида предложения – придаточное предложение опускается (*Endlich ein Make-Up*). Кроме того, наблюдается смысловое развитие и лексическое развертывание («Наконец, тон для лица обеспечивает стойкость и комфорт...»). Также необходимо отметить конкретизацию в этом переводе (*ein Make-Up* – тон для лица). Лексема «*ein Make-Up*» переводится не только как «основа под макияж», но и как «макияж» в частности.

3. «*Bereits nach dem 1. Erwachen ist Ihre Haut sichtbar regeneriert...* [3, с. 90]» – «Уже на следующее утро вы замечаете, что Ваша кожа восстанавливается...»

В данном примере четко прослеживается генерализация (*nach dem 1. Erwachen* – на следующее утро). Более того, в данном примере имеется трансформация залога (*ist ... regeneriert* (пассив)) и трансформация вида предложения, а также опущение лексических единиц.

4. «*Ihr Teint ist rein. Ihre Gesichtszüge sind erholt und geglättet wie noch nie* [3, с. 90]» – «Красивый цвет лица, отдохнувший вид, удивительно гладкая кожа.»

В данном случае применяется способ приближенного перевода. Переводчик совмещает два предложения в одно, опуская определенные лексические единицы. Принимая во внимание особенности, связанные с менталитетом русского потребителя, переводчик преобразовывает текст, сохраняя изначальную идею, сформированную в оригинале. Это происходит благодаря использованию средств родного языка, а также расставлению ударений на необходимых элементах внутри текста.

5. «*Morgen für Morgen ist Ihre Haut neu gekräftigt und Ihr Aussehen sichtbar jünger* [3, с. 90]» – «Каждое утро заметно повышается ее тонус, кожа становится моложе.»

В данном примере наблюдаем яркий пример антонимического перевода (*Ihre Haut neu gekräftigt* – заметно повышается ее тонус). Кроме того, здесь можно обнаружить конкретизацию (*Ihr Aussehen* – кожа) и опущение грамматикализированных частей текста. Данный пример содержит в себе комплексное преобразование текста, что предполагает его целостную трансформацию, где одна часть является трудноотделимой от другой.

В целом, грамотным вариантом рекламы может считаться тот, дистинктивные черты которого совмещают в себе главную рекламную концепцию наряду с инструментами выразительности, подходящими к данной концепции [5, с. 122]. Чаще всего, чтобы достигнуть выразительности и художественности информации внутри рекламы, необходимо применить определенную лексику, включающую множество значений, стилистические конструкции, обширный спектр идиоматических выражений и т.д.

В своей работе «Рекламная деятельность» Ф. Г. Панкратов утверждает: «Составление рекламных текстов — серьезная и трудная работа», в то время как их перевод – в двойном размере [4, с. 20]. Требования к переводчику заключаются также в художественном видении, поскольку понимание теоретической составляющей, ключевых принципов и обстановки на международном рынке не гарантирует адекватное принятие потребителем рекламы. Из этого следует, что в процессе перевода рекламного текста следует помнить о соотношении реакции получателя переводного текста и получателя текста в оригинале, а также учитывать, что ряд факторов может повлиять на отбор методов или средств при переводе.

Таким образом, основной целью перевода рекламных текстов на любой язык, в том числе на русский или немецкий, является максимально точная относительно оригинала передача авторского уникального замысла, стилистических особенностей, помогающих лучшему восприятию и запоминанию рекламного посыла, и других специфических свойств рекламных слоганов, таких как краткость, четкость, лаконичность, емкость и содержательность. Ввиду сложности и трудоемкости перевода рекламных текстов в нем задействовано большое количество переводческих приемов, таких как конкретизация, генерализация, добавление, опущение,

комплексная трансформация и другие. В ходе проведенного исследования было выявлено, что наиболее распространенными являются конкретизация, генерализация и замещение. Несмотря на это, для того, чтобы передать основную идею рекламного текста, сохранив при этом первоначальную емкость высказывания, переводчики вынуждены часто прибегать к комплексной лексической и грамматической трансформации предложения.

Список использованных источников

1. Архипов А. Ф. Самоучитель перевода (с немецкого языка на русский). М.: Высшая школа, 1991. 255 с.
2. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод // Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1969. – №6. С. 67–73.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Панкратов Ф. Г., Баженов Ю. К., Серегина Т. К., Шахурин В. Г. Рекламная деятельность: Учебник для студентов высших учебных заведений. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2002. 364 с.
5. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.

УДК 82,2

BYRON AND SILVER-AGE RUSSIAN CULTURE: PERCEPTION, INTERPRETATION AND TRANSLATIONS

Н. И. Прозорова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы

Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, Калуга

Аннотация. Статья сосредоточивает внимание на герменевтических аспектах творчества Байрона, а именно на проблемах восприятия, интерпретации и переводов произведений Байрона в русской культуре Серебряного века. Хотя влияние Байрона было характерной чертой всего русского XIX века в целом, именно Серебряный век обозначил новый поворот к Байрону. Будучи рубежной эпохой с её переоценкой всех ценностей, Серебряный век склонен был видеть в творчестве Байрона уникальный синтез метафизики и политики, эсхатологии и современности, что сообщало новый импульс творческому воображению русских писателей. Рассматривая этот новый поворот к Байрону с разных точек зрения, статья затрагивает вопросы, связанные с байроновскими образами и мотивами в оригинальных произведениях писателей Серебряного века, а также исследует основные концепции и интерпретации произведений Байрона в научных работах ученых и художников Серебряного века. Статья уделяет внимание и переводам Байрона, выполненным поэтами Серебряного века.

Ключевые слова: герменевтика, русская культура Серебряного века, восприятие, интерпретация, символизм, романтизм, протест, театральность, новатор, компаративистика.

Summary. The paper focuses on hermeneutical aspects of Byron's works, specifically the problems of their perception, interpretation and translations in Silver-Age Russian culture. Though Byron's influence was a characteristic feature of the 19th – century Russian culture as a whole, it was the Silver Age that marked a new appeal to Byron. Being the epoch of *fin de siècle*, with its revaluation of values, the Silver Age inclined to see in Byron's works the unique synthesis of metaphysics and politics, eschatology and actuality which gave new impetus to the Russian imagination. Considering that new appeal to Byron from different points of view, the paper deals with Byron images and motifs in original poems by Silver-Age Russian authors as well as with the main concepts and interpretations of Byron's works in the literary studies of Silver-Age scholars and writers. Attention is also paid to the translations of Byron's poems by the Silver-Age poets.

Key words: hermeneutics, Silver-Age Russian culture, perception, interpretation, Symbolism, Romanticism, revolt, theatricalism, innovator, comparative literary study.

My essay is focused on hermeneutical aspects of Byron's works, specifically on the problem of their perception, interpretation and translations in Silver-Age Russian culture.

One of the founders of modern philosophical hermeneutics the German philosopher Hans George Gadamer claimed that to understand a text meant to apply it to ourselves. According to Gadamer we always apply the work of any writer to our contemporary situation, to a given context connected with an interpreter. Thus the main hermeneutical procedure of application (*Anwendung*) reminds us of the plurability and mutability of interpretation. From the point of view of hermeneutical *Anwendung* the works by Byron were of special interest for Silver-Age Russian culture.

Though Byron's influence was a characteristic feature of the Nineteenth century Russian culture as a whole, it was the Silver-Age that marked according to Alexey Veselovsky a new appeal to Byron. The peculiarities of that new appeal depended on the general atmosphere of the turn of the 19th century Russia where 'the time is out of joint' [7, p.679]. Being the epoch of *fin de siècle* with its revaluation of values and turbulent political events, Silver-Age inclined to see in Byron's works the unique synthesis of metaphysics and politics, eschatology and actuality which gave new impetus to the Russian imagination.

At the same time Silver-Age was the period of exceptional creativity in Russia and the time of great receptivity to foreign cultural influences. In this respect it accumulated the most important aspects of Russian culture. 'We Russians, Dostoevsky wrote in 1876, have two motherlands: our Rus and Europe', thus emphasizing the unique quality of receptivity of Russian culture. 'This Russian attitude to world literature, Dostoevsky continued, is a phenomenon almost unparalleled among other nations throughout world history. <...> Every

poet innovator of Europe, everyone who appears there with a new idea and a new source of strength, cannot fail immediately to become a Russian poet as well, cannot bypass Russian thought, cannot fail to become almost a Russian force...’ [5, p.30–31]. As far as Byron is concerned Dostoevsky considered him to be one of the greatest poets – innovators and he declared that Byron’s poetry was a new poetry of revenge and sorrow. ‘It was a mighty cry, Dostoevsky claimed, in which all the cries and moans of mankind were united. It was impossible for us not to response to it’ [6, p.113–114].

Being well aware that Russian Byron is not a subject which can be readily exhausted or summed up I would try to outline the most important points of that new appeal to Byron in Silver-Age Russian culture.

First I would like to notice that Symbolism of the turn of the 19th century had much in common with the aesthetics of European Romanticism. According to Harold Bloom in his *The Ringers of the Tower* Romanticism is a perpetually self-renewing tradition. That is why Russian symbolist poets saw in Byron their predecessor and inspirer. In his essay *Byronism as the phenomenon of the Russian spirit life* (1916) one of the most prominent figures of Russian symbolism a scholar-poet Vjacheslav Ivanov declared that Byronism was a public revelation of personality. And for Dmitriy Merezhkovsky Byron was a kind of a new myth, the eternal companion to the mankind (*Eternal Companions*, 1897).

At the turn of the 19th century Russian poets widely used Byronic images and motives in their original works, such as the motives of anguish and sufferings, loneliness and separation from the world and the God, or the images of tempest, war of the elements and thunderstorm. A. Block who saw in Byron ‘the symbol of all romantic pride and arrogance’ (lecture *On Theatre*, 1908) [3, p.244] made Byron-like person the hero of his unfinished poem *Retribution* where he emphasized that likeness in the preface to his poem and in the poetic text itself. In V. Brusov’s poem *Homecoming* there was a titanic hero, a new Manfred and at the same time a new Zaratushtra. In this respect it is important to notice that it was F. Nietzsche who played then a role of mediator between Byron and the Silver-Age artists and whom V.Ivanov called the prime mover of the contemporary soul. Nietzsche with his sermon of mighty individualism and superman caused the turn of Russian Silver-Age artists to the barbaric world in the context of crisis of European culture.

Probably the most striking example of that process is a poem *Scythians* (1918) by A.Block where Russian poet celebrates an Asiatic vengeance on the culture of the old European world with its burden of history. The voices of these primordial tribes are wild yet forceful:

Да, скифы – мы! Да азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами.
Для вас – века, для нас – единый час,
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы [2, p.360].

Yes, we are Scythians! Yes, we are Asiatics,
With slanting, greedy eyes!

For you centuries, for us a single hour.
We, like obedient underlings,
Held the shield between the two enemy races
Of the Mongols and Europe.

In turn-of-the-century Russia the artistic and academic worlds were closely connected. Artists often took their aesthetic orientation from scholars and university lecturers had close professional associations with artistic circles. It was the time when comparative literary studies became the academic discipline. The leading role in that process belonged to brothers Alexey and Alexandr Veselovsky. In 1882 Alexey Veselovsky published his work *Western influence in a new Russian literature* where he declared the necessity of wide exchange with ideas, images and artistic forms between different people and different national traditions as one of the most important condition of artistic creativity. The establishment of the tradition of comparative literary study led Russian critical thought to elaborate a rich conception of culture itself as an ongoing dialogue, and Byron was one of the most active participator of such a dialogue.

The early Twentieth century was marked by a stream of new editions of Byron's works. The most important among them were three-volume Complete Works published by Brockhouse and Efron Publishing House in 1904 – 1907 with S. Vengerov as a chief editor. That edition included the substantial essay by Academic Kotlyarevsky *Byronism in his historical development and significance* where the author emphasized the ambivalent nature of Byronism: the expression of individualism and *Weltschmerz* on the one hand and philosophical and political revolt and challenge on the other. And Alexey Veselovsky in his *Etudes on Byronism* published on the eve of the first Russian revolution of 1905 interpreted Byron and Byronism in the context of contemporary Russian history. 'Byron, he declared, with his mighty protest, brilliant irony and bright development of individuality is the source of inspiration for those who doomed to struggle with the old order of state, society, moral attitudes and literature' [8, p.260].

One more aspect of Russian Byron of the early Twentieth century is connected with widespreading theory of the so-called 'the art of life building'. As Russian Silver-Age was the Golden-Age of Russian theatre, 'theatricalism' became a topical concept of national culture before the revolution of 1917. It was the time of the expansion of theatricalized behaviour, the time marked by the radical tendency to abolish the distinction between art and life. In that cultural context the figure of Byron became extremely attractive. For Russian artists Byron was the unique example of the unity of poetry and life with all these dramatic antinomies of his character: at the same time egocentric and sacrificial, melancholic and rebellious.

The early Twentieth century was also marked by a stream of new translations of Byron's poems in Russia, Block's and Brusov's translations being among the most successful ones. But they were attracted by different sides of Byron's talent. Brusov liked pathetic and solemn Byron connected with classicism tradition. He translated ten poems by Byron, such as *On leaving Newstead Abbey*, *I Would I Were a Careless Child*, Napoleonic poems and some other. In contrast to Brusov Block preferred the poems of expressive lyrical character. He translated fifteen poems by Byron for Brockhouse and Efron edition. Among them there were Byron's early poems, such as *Lines Written Beneath an Elm in the Churchyard of Harrow*, and also the masterpieces of Byron's late poetry. The most striking among the late poems translations by Block is that of *Journal in Cephalonia*. There is a joke about poetry translations. Translations are like women: they are either faithful or beautiful. And Block's translation is one of these rare occasions when translation becomes both – faithful and beautiful: faithful in its rhythms and images and beautiful in its poetic inspiration and expressiveness.

In conclusion let me demonstrate you that famous Block's translation:

Встревожен мертвых сон, - могу ли спать?

Тираны давят мир, – я ль уступлю?

Созрела жатва, – мне ли медлить жать?

На ложе колкий терн; я не дремлю;

В моих ушах, что день, поет труба,

Ей вторит сердце... [1, p.354]

[The dead have been awakened – shall I sleep?

The World's at war with tyrants – shall I crouch?

The harvest's ripe – and shall I pause to reap?

I slumber not; the thorn is in my Couch;

Each day a trumpet soundeth in mine ear,

Its echo in my heart –] [4, p.492]

One of the leading intellectuals of Russian Silver-Age Zinaida Vengerova was prophetically right when she declared that Byron had been made almost a Russian poet by his translators.

References

1. Block Alexander. *Sobranije sochineniy v 8 tomah*, t.2. [The Complete Works in 8 volumes, vol.2], Moscow – Leningrad: Khudozhestvennaja literatura, 1960.
2. Block Alexander. *Sobranije sochineniy v 8 tomah*, t.3. [The Complete Works in 8 volumes, vol.3], Moscow – Leningrad: Khudozhestvennaja literatura, 1960.
3. Block Alexander. *Sobranije sochineniy v 8 tomah*, t.5. [The Complete Works in 8 volumes, vol.5], Moscow – Leningrad: Khudozhestvennaja literatura, 1962.
4. Byron George Gordon. *The Poems*. Moscow: Raduga Publishers, 2004.
5. Dostoevsky Feodor. *Polnoye sobranije sochineniy v 30 tomah*, t.23. [The Complete Works in 30 volumes, vol.23], Leningrad: Nauka, 1981.
6. Dostoevsky Feodor. *Polnoye sobranije sochineniy v 30 tomah*, t.26. [The Complete Works in 30 volumes, vol.26], Leningrad: Nauka, 1984.

7. Shakespeare William. Hamlet, Prince of Denmark, in: The Complete Works of William Shakespeare. Ware, Hertfordshire: The Shakespeare Head Press Edition, 1994.
8. Veselovsky Alexey. Etudy o Byronisme//Vestnik Evropy, 1905, N1 [Etudes on Byronism, in: Europe Messenger, 1905, N1].

УДК 82.0

ПОЭЗИЯ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ: ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО БИЛИНГВИЗМА

О. В. Резник,

*доктор филологических наук, профессор,
ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств
и туризма», Симферополь*

Аннотация. В статье представлен анализ индивидуального авторского стиля современного поэта Веры Павловой, автора нескольких поэтических сборников и либретто. Указывается, что поэт использует богатый ассоциативный ряд, заимствования и переосмысливает известные фразеологизмы на нескольких языках. Такой подход к лирике XX–XXI века позволяет увидеть поэтический билингвизм как органическую составляющую культуры.

Ключевые слова: лирика, ассоциации, заимствования, поэтический билингвизм, современная поэзия.

Summary. In the article O. Reznik presents an analysis of the individual author's style of the contemporary poet Vera Pavlova, the author of several collections and a libretto. It is pointed out that the poet uses a rich associative series, borrowing and reinterprets the well-known phraseological units in several languages. This approach to the lyrics of the twentieth and twenty-first centuries allows us to see poetic bilingualism, the organic component of culture.

Key words: lyrics, associations, borrowings, poetic bilingualism, modern poetry.

Была ли я новатором? – Нет.

Была ли первопроходцем? – Едва ли.

Но стоило мне изобрести велосипед,
как его немедленно угоняли.

А после, через несколько лет,
я обнаруживала в чужом подвале
изуродованный велосипед.

Мой? – Да. Может быть. Нет. Едва ли.

Эти строки современного поэта Веры Павловой хотелось бы взять эпиграфом к статье, цель которой: показать на примере современного автора тенденции усиления роли социокультурного компонента для понимания художественного текста.

Учитывая своеобразие индивидуальной манеры выбранного нами поэта, можно обозначить следующие задачи:

- показать в творчестве Веры Павловой реальное участие в «диалоге культур» через овладение различными слоями литературного языка и использование иностранных слов как органичного целого, не искажающего, а обогащающего понимание и формальную сторону текста;
- ввести понятие «информационный билингвизм» как отражение феномена оперирования двумя языками в процессе художественного творчества;
- представить читателю и переводчику интересного и симптоматичного автора, поэзия которого отражает поликультурность современного социума.

Выбрать подобный ракурс нас побуждает новый этап развития современного общества: «Большинство политико-экономических и социально-культурных изменений последних лет неразрывно связаны со стремлением стран (включая Россию) к открытому обществу и интеграции в европейское культурно-образовательное пространство» [10]. В уже представленном нами стихотворении мы видим и фразеологизм, который утрачивает свое первоначальное значение, переходя в разряд метафор и обогащаясь прямым смыслом и предметной изобразительностью, и риторические вопросы, которые явно представляют фрагмент диалога о месте поэта в современной культуре. В статье С. В. Крыловой «SOSреализм как метод в лирике Веры Павловой» [5] указывается, что ее стиль отмечен такими приемами, как трансформация привычных культурных явлений, полемический диалог с традицией и весомая доля смысловой провокации.

Надо отметить, что эта специфика «перехода» от культурной картины одного языка к другой в современной языковой ситуации становилась предметом обсуждения и на страницах изданий, и в Сети («Пора чейнджить наш спич» и другие [7]). Авторы различных публикаций отмечают достаточно большое количество заимствованных слов, указывают на феномен злоупотребления англицизмами и терминологией [3], [4], [7]. В стихотворении «Белый идет всем» автор не только использует клише и просторечия, но и обыгрывает сочетание чужого, заимствованного слова и возвышенной лексики. Подобная оксюморонность – одна из характерных черт В. Павловой как поэта:

Белый идет всем.
Черный - только красивым.
Нет не больных тем,
если живешь курсивом.
Счастье всегда сэконд хэнд.
И не новей мытарства.
Будет и нам хэппи энд.
Или небесное царство [6].

Слова «хэппи энд», «сэконд хэнд» достаточно органично вплетены в словесную ткань стихотворения, они настолько понятны и доступны читателю как идиомы, что автор сознательно меняет пафос слов «счастье» и «Царство небесное» через ввод варваризмов. «Сэконд хэнд» в значении «вторичность, заимствование» придает лексеме «счастье» некую сниженность, объяснимую тем, что муки, испытания были и у других, они не уникальны. Поэтому финал тоже возможен в двух вариантах: либо заграничный (возможно, кинематографический, голливудский), либо заграничный, т.е. вне этой жизни. Точки в конце каждой строки как бы подчеркивают финал, оборванность, обреченность лирического переживания, усиленного некоей искусственностью, вторичностью через подбор лексических средств.

Наряду с такими заимствованиями можно отметить и многочисленные аллюзии или скрытое цитирование:

И – было мало. Список мужиков –
бессонница - прочтя до середины,
я очутилась в сумрачном лесу.
Мне страшно. Я иду к себе с повинной.
Себя, как наказание, несусь. [9].

Первая аллюзия – явно из стихотворения О. Э. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины». И тут же цитата переходит в следующую:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

(«Божественная комедия» Данте Алигьери в переводе Михаила Лозинского).

Такое участие в «диалоге культур» позволяет увидеть своеобразную манеру поэта – от использования заимствований и введения их в ткань стихотворения до прямого цитирования. Подобное включение авторского текста в культурный опыт читателя предлагаем называть «информационный биллингвизм», т.е. разговор писателя с аудиторией на двух языках – внешнем (слово используется в прямом значении) и внутреннем (когда необходим определенный культурный опыт для понимания символики и метафоризации произведения). Тесная культурная связь Павловой с классикой и современностью проявляется не только в языке произведений, но и в большом количестве её книг, переведенных на различные языки: на французский: *L'Animal Céleste*, 2004, на английский: *If There Is Something to Desire*, 2010, на немецкий: *Een flinke teug van rook en regen*, 2010. Её произведения также опубликованы в антологиях, выпущенных в США: *Russian Women Poets (University of Iowa Press, 2005)*, *Contemporary Russian Poetry: An Anthology (Dalkey Archive Press, 2008)*, *New European Poets (Graywolf Press, 2008)*, *Satellite Convulsions: Poems from Tin House (Tin House Books, 2008)*.

Остановимся подробнее на предложенном нами термине. Процессы глобализации, развития международных отношений приводят к тесному взаимодействию различных культур и цивилизаций в духовном опыте современной личности.

Исследователи М. С. Филимонова, Д. А. Крылов считают, что «в мире осталось мало мест, где жители сталкиваются за свою жизнь всего лишь с одним – своим родным языком. Телевидение, СМИ, Интернет проникают повсюду, а вместе с ними и иноязычные формы общения. (...) Развитие открытого информационно-коммуникативного пространства создает предпосылки и условия для распространения двуязычия или билингвизма как ведущей тенденции языкового развития современного общества» [10].

Психолог Элен Биалисток утверждает: «Не существует разницы между познавательными способностями в контексте общего интеллекта, так что билингвы не умнее, чем монолингвы. Но разница между монолингвистическим и билингвистическим мышлением существует в специфических процессах, связанных с вниманием и селекцией. Способность выборочно обращать внимание на важную информацию в присутствии отвлекающих факторов лучше развита у билингвов» [1]. Именно такую способность демонстрирует в своей лирике Вера Павлова. Например, ее сборник «Четвёртый сон» для иноязычного читателя имеет вполне обыденное название, а для русскоязычного «четвёртый сон Веры Павловны» – вполне конкретная аллюзия на произведение Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

Но такой билингвизм – не только ассоциативный, а, в первую очередь, лексический. На сайте поэта указывается, что стихотворения Павловой переведены на двадцать один язык: «Принимала участие в международных фестивалях поэзии в Азербайджане, Бельгии, Германии, Греции, Франции, Италии, Нидерландах, Украине, Великобритании, США и Узбекистане. Она провела поэтические чтения в ряде американских школ, в том числе в Колумбийском университете, Университете штата Иллинойс в Урбане, Дартмутском колледже, Университете штата Огайо, Вирджинии, Гарвардском университете, Северо-западном университете, Колледже Дикинсона, Принстонском университете, Университете Аляски (Анкоридж), Бостонском колледже и в других школах Соединенных Штатов и других стран» [9]. Такая география говорит о востребованности, о понятности и доступности ее поэтического языка. К этому добавляется еще один фактор – биографический: последний муж поэта Стивен Сеймур был переводчиком. Вот как комментирует своего переводчика, а по совместительству мужа сама поэт: «Стив — великий переводчик. Великий, потому что решил для себя раз и навсегда: раз я перевожу на русский язык, я должен читать все, что на русском языке пишется, чтобы идти с этим языком в ногу. Он и правда читал все. И все помнит. Все! Прочитанное, увиденное (объездил весь мир), пережитое, несколько языков... » [2]. Такие обстоятельства порождают бытовое, свободное владение двумя языками

(родным и неродным) и использование их в стихотворной практике; двуязычие культурное, когда сочетаются архаика и неологизмы – все это можно обнаружить практически в любом сборнике:

О жизни будущего века –
на языке веков минувших...

О паюсная абевега
столетий, плавником блеснувших,
о путь от берега до берега
как от порога до порога!..
О жизни будущего века
я знаю много меньше. Много. [6]

Форма Будущаго – фонетически близка (или ассоциативно?) фамилии пастернаковского героя Живаго. По версии «Правил русской орфографии и пунктуации» [8], написание -аго встречается в форме род. пад. прилагательных. Лексема **АБЕВÉГА** используется в значении «алфавит, буква, азбука», это слово, нигде кроме Словаря Даля, не встречающееся. В этом же словаре содержится определение «паюсная, т.е. непротертая, в мешочке», которое относится исключительно к икре. Как это перевести? «Паюсная абевега» – «икряная азбука»?

Пьяный в луже на остановке
Лежу в грязи, смотрю на небо,
грязь оставляя за спиной,
и думаю: ужели не бо-
годанна глина подо мной? [6]

Составная рифма – еще одна примета авторского языка Павловой. Ее эксперименты со словом уже не укладываются в рамки одного языка, теперь заимствования идут на втором, чужом языке:

«SOSреализм – вот метод: каждой твари
по паре крыльев – рифм – воздушных весел» [6];

Ты рыбачил, я сочиняла –
line – и строка, и леска –
леска запутывалась, я ныряла,
дёргала слишком резко [6].

В этом отрывке наблюдаем использование слова на английском языке в русскоязычном контексте. Оно выполняет функцию интернационализма, который объединяет героиню и героя. Каждый ведет свою линию, но оба запутываются, оба погружаются в стихию – воды или творчества, но дергать резко нельзя, чтобы не спугнуть добычу (рыбу или стихотворение). А глубже, ассоциативно эта «линия» оказывается связана со священным ловом рыбы апостолами.

Другой пример подобного билингвизма (но уже на другом языке) в стихотворении «Завещание – план прожитой жизни»:

Над своим гробом не хочу слышать
си-минорный прелюд Рахманинова, *allegretto*

из Седьмой Бетховена, ничего из любимого Чайковского. Хочу: А-dur-ный фортепианный Моцарта, *adagietto* из Пятой Малера и Девятую Брукнера, часть третью.

А впрочем, можешь завести, что хочешь: кто плачет, тот и заказывает музыку[6].

Особенно интересно в этой русско-итальянской звукописи прилагательное *адурный*, русское по словообразовательной модели, итальянское по происхождению.

Такая словесная игра и эксперименты говорят о внимательном и творческом отношении к родному языку, потому что сочетать так органично разные языки можно лишь при особом восприятии первого:

да русский язык в глотке,
острый, как аппендицит [9].

Такая «острота» порождает словесную эквилибристику, когда поэт настолько погружается в словесную ткань, что для диалога с читателем выбирает усеченную форму слова, обрывая его на полуслоге:

Наконец-то повезло!
Неужели наяву?
Понимаешь с полусло,
подпеваешь с полузву,
приголу – и нет уста[9].

В. Павлова активно использует в своей лирике и аббревиатуры, которые позволяют создать особое сочетание делового и художественного стиля, официальности и исповедальности:

Сердце мое, ударник
сизифова кап. труда...[9].

Как отмечу дэ-рэ?
Дырккой в календаре[9].

Овладение различными слоями литературного языка и использование иностранных слов как органичного целого, не искажающего, а обогащающего понимание и формальную сторону текста – одна из индивидуальных черт авторского стиля современного поэта Веры Павловой. Благодаря мужу-переводчику, своей биографической поликультурности она использует несколько языковых пластов одновременно. Можно говорить о сочетании английского и русского, итальянского и русского, французского и русского. При этом она также использует богатый ассоциативный ряд, аллюзии на литературные произведения и исторический контекст, что дает возможность ввести понятие «информационный билингвизм» как отражение феномена оперирования двумя языками в процессе художественного творчества. Такой разносторонний автор, который передает в своем творчестве пеструю и сложную картину современного социума, в котором идут

мировоззренческие трансформации, заслуживает читательского внимания и дальнейшего изучения:

Ради пары строк, озаренных
обещаньем метаморфозы,
все прощают: дом разоренный,
смерть деревьев, детские слезы [9].

Список использованных источников

1. Биалисток Э. Билингвизм: преимущества владения языками. [Электронный ресурс]. <http://serious-science.org/bilingualism-6172>.
2. Горалик Линор «Частные лица: биографии поэтов, рассказанные ими самими». Интервью с Верой Павловой. [Электронный ресурс]. <https://snob.ru/selected/entry/56979> (дата обращения: 13.02.2018).
3. Долгоруков А. И., Богданов А. И. Иностранные слова в современной речи: за и против // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3(30). [Электронный ресурс]. [http://sibac.info/archive/guman/3\(30\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/3(30).pdf) (дата обращения: 19.02.2018).
4. Дровникова Л. Н. Приоритет и альтернатива // Русская речь. – 1998. – № 5.
5. Крылова С. В. «SOSреализм» как метод в лирике Веры Павловой // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. – 2014. – № 2. С.110–116.
6. Павлова Вера. Стихи из журнальных публикаций разных лет. [Электронный ресурс]. <http://modernpoetry.ru/main/vera-pavlova-stihi-iz-zhurnalnyh-publikacij-raznyh-let>.
7. Пора чейнджить наш спич [Электронный ресурс]. <https://tjournal.ru/51314-not-selfie-but-sebyashecka> (дата обращения: 13.02.2018).
8. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 432 с.
9. Стихи Веры Павловой. Избранное. [Электронный ресурс] https://www.liveinternet.ru/community/1726655/post87323610/?aid_refresh=yes (дата обращения: 13.02.2018).
10. Филимонова М. С., Крылов Д. А. Билингвизм как тенденция языкового развития современного общества // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1. [Электронный ресурс]. <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5558> (дата обращения: 13.02.2018).

УДК 81

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*****М. Д. Рыжикова,***

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Реалии понимаются как слова, передающие национально-культурную специфику общества. Владение реципиентом фоновыми знаниями представляется экстралингвистическим фактором, влияющим на эффективность коммуникации. Целью статьи является определение иллокутивных намерений говорящего при использовании реалий в американском политическом дискурсе. Посредством компонентного анализа выделены ономастические реалии и реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой. Прием лингвокультурного метода выявлена коммуникативная нагрузка, которую несут в себе исследуемые лексические единицы в предвыборном выступлении. Установлены иллюстративная, сравнительная и аргументирующая функции употребления безэквивалентной лексики в данном жанре речевой деятельности.

Ключевые слова: реалия, исторические реалии, политический дискурс, предвыборное выступление, функция.

Summary. Realia are viewed as words revealing the national and cultural specific nature of a society. Understanding of background knowledge by the recipient is considered an extra linguistic factor influencing the effectiveness of a communication. The purpose of the article is to determine the illocutionary intention of the speaker when using realia in American political discourse. By means of componential analysis the author provides a classification of onomastic realia and vocabulary consisting of appellative lexis. A technique of the linguacultural method shows communicative roles of the lexical units under investigation. Their illustrative, comparative and argumentative functions are pointed out on the data of a political election speech by D. Trump.

Key words: realia, historical realia, political discourse, election speech, function.

Реалии как единицы, обладающие национальным, историческим и временным колоритом [2], представляют интерес для исследователей в виду того, что отражают культурную специфику, а понимание такой лексики может стать залогом успешной коммуникации. Несмотря на то, что изучение реалий не является новым направлением в лингвистике (что подтверждает накопленный обширный материал по данной тематике – см. работы В. Г. Костомарова, Г. Д. Томахина, Е. М. Верещагина, Б. И. Репина и др.), такие исследования являются актуальными и в современной лингвистике. Например, Г. Н. Парастаев (2012), анализируя американские

общественно-политические и исторические реалии, охарактеризовал лексико-семантическую специфику политического дискурса [5]. Кроме того, этот же автор демонстрирует манипулятивную функцию реалии *The Greatest Generation* в политических публичных выступлениях [6]. Л. Ц. Санжеева и Т. Е. Очаров также уделяют внимание политическим реалиям как средству манипуляции в публицистическом дискурсе [8]. Е. С. Бугрышева (2014) на материале английского, французского и русского языков предпринимает попытку в определении реалий-неологизмов [1]. Н. А. Мартынова (2015) рассматривает особенности номинации в правовых реалиях [4]. Анализ теоретических разработок показывает, что особый интерес вызывают реалии именно в сфере политики. Можно предположить, что изучение безэквивалентных лексических единиц в данной области способствует экспликации не только политической, но и общественной жизни того или иного общества.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении специфики употребления реалий в американских политических предвыборных выступлениях. Для достижения поставленных задач используются приемы компонентного [7, с. 81] и лингвокультурологического анализа, в частности коммуникативно-прагматический метод [3].

Реалии понимаются как «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [9, с. 5]. Классификация выбранных реалий осуществлялась согласно типологии, предложенной Г. Д. Томахиным [9, с. 8].

В ходе исследования предвыборного выступления Д. Трампа были выявлены следующие реалии:

1) ономастические реалии: названия компаний (*Chevrolet, Ford, Boeing*), географические названия улиц (*Avenue of the Americas, Wall Street, Pennsylvania Avenue*) и зданий (*the Bank of America, Trump Tower, the Grand Hyatt Hotel, Trump building, Clinton prison*), достопримечательных мест и районов (*the George Washington Bridge, Brooklyn, Queens, Manhattan*), имена политических и общественных деятелей (*President Obama, Bergdahl, Tom Brady, Bush, the General Patton, General MacArthur, Secretary Kerry*), названия печатных изданий (*The Art of the Deal, the Wall Street Journal*), футбольных команд (*the New England Patriots*), сервисных служб (*Social Security, the Old Post Office*) общественных учреждений (*the General Services Administration, the Obama administration, General Services, La Guardia Airport, LAX, Medicare, Medicaid, Social Security*);

2) реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой: *Obamacare, the Second Amendment, the American dream*;

3) другая лексика: *pundit*.

Анализ употребления вышеуказанных реалий в предвыборном выступлении Д. Трампа показал, что такая лексика используется в нескольких функциях.

Так, говоря об отсутствии разного рода побед США на мировой арене, Д. Трамп подчеркивает непопулярность у других странах марки автомобиля, выпускаемого американским концерном. Имплицитно, в то время еще кандидат на пост президента утверждает превосходство японского бренда: «*When did we beat Japan at anything? They send their cars over by the millions, and what do we do? When was the last time you saw a Chevrolet in Tokyo? It doesn't exist, folks. They beat us all the time*» [10].

Описывая сложившуюся ситуацию в американском обществе, Д. Трамп неоднократно использует реалию-неологизм – *Obamacare*, которая с точки зрения стилистики также является рамочным повтором: начало и конец рассказа адресант формулирует одинаково: «*We have a disaster called the big lie: Obamacare. Obamacare. ... And that's what's happening. And it's going to get worse, because remember, Obamacare really kicks in in '16, 2016. ... But Obamacare kicks in in 2016. ... So, just to sum up, I would do various things very quickly. I would repeal and replace the big lie, Obamacare» [10].*

Д. Трамп указывает на наилучшего, по его мнению, претендента на роль президента с помощью реалии *The Art of the Deal* как части стилистического приема перифраза: «*Now, our country needs – our country needs a truly great leader, and we need a truly great leader now. We need a leader that wrote “The Art of the Deal”*» [10]. Адресат понимает, что в данном случае говорящий подразумевает самого себя, поскольку он является автором книги, на которую ссылается: в 1987 году Д. Трамп выпустил свою первую работу, где дает советы по ведению бизнеса.

Проводя сравнение между лидерами Китая и США, Д. Трамп ссылается на футбольную команду и его распасовщика: «*People say, “Oh, you don't like China?” No, I love them. But their leaders are much smarter than our leaders, and we can't sustain ourselves with that. There's too much – it's like – it's like take the New England Patriots and Tom Brady and have them play your high school football team. That's the difference between China's leaders and our leaders*» [10]. Т. Бреди считается самым ценным игроком американской команды, поэтому здесь сравнение унижает достоинство действующего президента, подчеркивая несоответствующий уровень занимаемой должности.

Другие реалии также акцентируют внимание на недостаточном использовании мощи страны. Так, сравнение мостов других стран с известным мостом, названным в честь Дж. Вашингтона, где подчеркивается его ничтожность, является тому подтверждением: «*They have bridges that make the George Washington Bridge look like small potatoes*» [10]. Еще одним примером служит размышление Д. Трампа о нынешнем положении первой компании в мире, которая запустила конвейер – *Ford*. Д. Трамп комментирует случай, когда данная компания пыталась предпринять

ответные действия на поступок своего конкурента – мексиканской компании, планировавшей построить и запустить в действие автомобильный завод на территории Америки. В качестве резюме адресант выразил надежду на будущее процветание американского завода: «*Ford will come back. They'll all come back. And I will say this, this is going to be an election, in my opinion, that's based on competence*» [10].

Сравнению служат и реалии-названия известных зданий, достопримечательностей или общественных учреждений. Например, американские аэропорты Манхэттена и Лос-Анджелеса иллюстрируют недостаточно развитую, по мнению Д. Трампа, инфраструктуру: «*You come into La Guardia Airport, it's like we're in a third world country*», «*You come to back to this country and you have LAX, disaster*» [10].

Знакомя слушателей с событиями своего карьерного роста, Д. Трамп употребляет реалии, обозначающие географические районы, где работал кандидат, и здания, которые имеют прямое или косвенное отношение к говорящему: «*I started off – thank you – I started off in a small office with my father in Brooklyn and Queens And after four or five years in Brooklyn, I ventured into Manhattan and did a lot of great deals – the Grand Hyatt Hotel ... But here, a total net worth of – net worth, not assets, not – a net worth, after all debt, after all expenses, the greatest assets – Trump Tower, 1290 Avenue of the Americas, Bank of America building in San Francisco, 40 Wall Street, sometimes referred to as the Trump building right opposite the New York – many other places all over the world*» [10]. Эти названия популярны и свидетельствует о том, что адресант занимал достойные для будущего президента должности и/ или работал в приличных местах.

В качестве аргументации Д. Трамп апеллирует к известным авторитетным печатным источникам, которые поэтому могут служить подтверждению слов, или к известным личностям, к которым могут прислушиваться американцы, например: «*Everybody thought the deal was dead. Reported it in the Wall Street Journal recently*» [10].

Таким образом, к историческим реалиям, встречаемым в предвыборных речах, относятся ономастические реалии и реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой. Данная безэквивалентная лексика используется преимущественно в трех функциях: иллюстративной, сравнительной, аргументативной. Направлением дальнейших исследований может быть изучение коммуникативной роли реалий в других жанрах политического дискурса.

Список использованных источников

1. Бугрышева Е. С. Ономастическая реалия-неологизм как лингвистический конструкт (на материале телевизионного дискурса неблизкородственных языков) [Электронный ресурс]. 2014. № 2. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения 30.01.2018 г.).
2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М: Высшая школа, 1968. с 144.

3. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
4. Мартынова Н. А. Выбор способов номинации при именовании реалий правового дискурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-sposobov-nominatsii-pri-imenovanii-realiy-pravovogo-diskursa> (дата обращения 02.02.2018 г.).
5. Парастаев Г. Н. Лексико-семантические особенности американского политического дискурса (на примере исторических и общественно-политических реалий) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dissers.ru/1filologiya/leksiko-semanticheskie-osobennosti-amerikanskogo-politicheskogo-diskursa-na-primere-istoricheskikh-obschestvenno-politicheskikh-realiy-avtoreferat-dissertacii.php> (дата обращения 30.01.2018 г.).
6. Парастаев Г. Н. Апелляция к реалии «The Greatest Generation» как способ манипулятивного воздействия в американском политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2011. №9. С. 122-124. — URL <https://moluch.ru/archive/32/3616/> (дата обращения: 30.01.2018 г.).
7. Распопов И. П. Методология и методика лингвистических исследований (методы синхронного изучения языка): Пособие по спецкурсу. Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1976. 111 с.
8. Санжеева Л. Ц. Манипулятивная функция политических реалий в публицистическом дискурсе [Электронный ресурс] / Л. Ц. Санжеева, Т. Е. Очиров. – Режим доступа: <https://journals.bsu.ru> (дата обращения: 02.02.2018 г.).
9. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по лингвострановедению. М.: Высшая школа, 1988. 239с.
10. Trump D. 2016 Presidential Election Campaign Announcement. Speech by Donald Trump [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.electionspeeches.com/donald-trump-speech.htm> (дата обращения 29.11.2017 г.).

УДК 80, 81

ИДИОСТИЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПЕРЕДАЧУ РЕАЛИЙ

М. Д. Рыжикова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

А. В. Полянин,

*студент второго курса магистратуры кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Цель статьи – систематизировать основные направления литературоведческих и лингвистических исследований по проблемам идиостиля писателя и переводчика. Используются описательный, сравнительно-сопоставительный, функциональный методы анализа языковых фактов. Рассмотрев различные аспекты феномена идиостиля и основные тенденции его изучения, автор приходит к заключению, что в данном понятии сопряжены прагматический и языковой планы литературного произведения. В результате исследования переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», сделан вывод о неразрывной связи двух составляющих одного явления (идиостиль как художественный метод и идиостиль как ментальная установка), что обуславливает понимание термина как сложного, многомерного и многоуровневого проявления личности автора.

Ключевые слова: перевод, переводчик, идиостиль, художественная литература, М. Булгаков.

Summary. The purpose of the article is to systematize the main ways of literary and linguistic studies of the idiosyle of a writer and a translator. Descriptive, comparative and functional methods of the analysis of language facts are used. The author considers various aspects of the phenomenon under research as well as the main areas of its study and concludes that the notion intertwines pragmatic and linguistic sides of literary works. The investigation of the translations of the novel *The Master and Margarita* by M. A. Bulgakov reveals integrity of the two components of the single phenomenon, which represents idiosyle as an artistic method and as a mental attitude. Thus, the term is viewed as a complex, multidimensional and multi-level manifestation of the author's personality.

Key words: translation, translator, author's style, fiction, M. Bulgakov.

Среди множества произведений, обладающих высокой художественной ценностью, специалист всегда определит те, которые принадлежат руке определенного писателя. Соответственно, можно предположить, что, несмотря на тематическое и стилистико-композиционное разнообразие текстов одного автора, существует некий набор признаков, характеризующих его стиль, художественную манеру, отличающих его от других писателей и обеспечивающих узнаваемость и неповторимость его творений.

При изучении индивидуального дискурса писателя применяются такие понятия, как индивидуальный язык (В. В. Виноградов [3]), индивидуальный авторский стиль (В. М. Жирмунский [6]), индивидуальная авторская манера (Г. О. Винокур [4]), идиолект (О. Г. Ревзина [12], В. Д. Лютикова [10]), идиостиль (Н. С. Болотнова [1], В. П. Григорьев [5], Е. Г. Малышева [11]).

Феномен идиостиля заключается в отсутствии единой точки зрения на содержание этого понятия. Идиостиль традиционно связывается с системой лингвостилистических средств, характерных для творческой манеры

языковой личности автора, т.е. понимается как «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [14].

С нашей точки зрения, понятие идиостиля отражает тесную взаимосвязь между прагматическим и языковым планами произведения, связывает воедино идею, замысел автора и лингвистическое ее воплощение. «Индивидуальная ассоциативно-образная система миропонимания, специфические образы, темы формируют «словесно-образную модель» мира художника (в широком смысле), в частности писателя» [9]. Все это позволяет говорить о поэтической картине мира, смоделированной автором в результате творческого переосмысления действительности.

Поэтическая картина мира неразрывно связана с языковой картиной мира, специфика которой определяется взаимодействием образных, понятийных и концептуальных блоков (компонентов единого ментально-лингвального комплекса), предопределяющих видение окружающего мира, восприятие и членение окружающей действительности [8, с. 161].

Идиостиль целесообразно рассматривать как сложное, многомерное и многоуровневое проявление личности автора, «стоящей за текстом», определяющее своеобразие семантики и текстовой организации. Эта идея перекликается с концепцией языковой личности Ю. Н. Караулова [7], согласно которой текст понимается как воплощение фрагмента языковой картины мира автора, отражающее авторскую систему мировосприятия и формирующее художественный мир произведения.

Таким образом, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой *идиостиль представляет собой сочетание лингвистического и экстралингвистического аспектов* (В. В. Виноградов и др.) и может быть определен как «творческая индивидуальность автора плюс языковые средства ее выражения». Это проявление рефлексии автора над языком (В. П. Григорьев), представляющее собой комплекс глубинных текстопорождающих констант, доминант автора.

При всем многообразии путей анализа идиостиля можно выделить две доминирующие схемы: «от формы – к смыслу и от смысла – к языковым формам его воплощения» [11, с. 14].

Для изучения проблемы идиостиля переводчика необходимо провести сопоставительный анализ единиц текстов оригинала и перевода, который позволит выяснить, появились ли новые смысловые оттенки в результате неизбежной утраты при переводе некоторых языковых особенностей оригинала.

При изучении текста оригинала романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и переводов, выполненных Майклом Гленни [15] и Миррой Гинзбург [16], мы провели последовательный анализ некоторых отрывков. Рассмотрим их.

1. Герои романа заказывают напитки:

Дайте нарзану, – попросил Берлиоз (М. Булгаков).

У М. Гинзберг они просят «нарзан», у Гленни – «лимонад».

Во втором случае переводчик использовал очень отдаленный аналог, который не передает национальную специфику напитка нарзана и вводит читателя в заблуждение.

2. *Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож! (М. Булгаков).*

Love leaped out at us like a murderer jumping out of a dark alley. It shocked us both – the shock of a stroke of lightning, the shock of a switchblade knife (М. Гленни).

Love caught us suddenly, leaped at us like a murderer appearing from out of nowhere in an alley, and struck us both down at once. Like lightning, like a Finnish knife! (М. Гинзбург).

При переводе данного отрывка более точен М. Гленни, употребивший верный эквивалент для *финского ножа* – *a switchblade knife*, передавший трехкратное булгаковское *поразила... поражает... поражает...* через *shocked ... the shock ... the shock ...* – таким образом переводчик обеспечил максимальную лексическую адекватность оригиналу, ритмичность, характер фразы, в то время как М. Гинзбург перевела *финский нож* как *Finnish knife* (искусственная калька) и смягчила характерный «посыл» Булгакова более нейтральным *struck*.

Необходимо учитывать также наличие двух основных сюжетных линий романа, поскольку действие происходит в СССР в 30-х годах и в древней Иудее. М. А. Булгаков выстраивает «текст в тексте», или «роман в романе», состоящий из нескольких автономных частей, которым присущи различные художественные и национально-культурные коды: во-первых, это русскоязычное (родноязычное для М. А. Булгакова) описание иноязычной культуры (известно, что при работе над ершалаимской сюжетной линией романа писатель занимался детальным исследованием истории жизни Иисуса Христа, изучая огромное количество источников, что, несомненно, позволило ему правильно отобрать необходимые лексические единицы, обозначающие элементы внешней культуры), а во-вторых – опять же русскоязычное описание «родноязычной» культуры Москвы.

На основании вышесказанного, можно заключить, что при создании англоязычного текста романа «Мастер и Маргарита» переводчикам пришлось иметь дело с оригинальным художественным текстом, включающим в себя описание иноязычной культуры на русском языке (внутренний перевод автора) и описание русской культуры на русском языке. Другими словами, переводчик сталкивается с передачей на английский язык описания двух для него иноязычных культур, что значительно усложняет его труд.

Настоящее исследование показало следующие результаты.

Понимание феномена идиостиля как совокупности лингвистического и экстралингвистического аспектов, ментальных и языковых структур художественного мира писателя позволяет выявить особенности системы мировоззрения автора через анализ языковых единиц и, наоборот, проследить влияние идей и установок автора на специфику выбора и организации языковых средств.

С учетом специфики переводческого труда, идиостиль переводчика можно трактовать как совокупность доминантных смыслов, транслирующих систему мировоззрения переводчика и сохраняющую общую композиционную и стилистическую организованность текста оригинала и его прагматику.

Факторами, снижающими степень переводимости многоуровневых текстов (в нашем случае – «текст в тексте» М. А. Булгакова), являются: сложность восприятия и воспроизведения иноязычного текста, степень насыщенности культурными пластами, специфическая ассоциативно-образная система и комплекс ключевых идей автора произведения. Процесс перевода связан, с одной стороны, с неизбежной трансформацией смысла, заложенного в тексте оригинала, в результате субъективной интерпретации переводчика, обусловленной его индивидуальной ассоциативно-образной системой, а с другой – с изменением способов трактовки действительности, вследствие применения определенных переводческих трансформаций, приводящих к неизбежным потерям особенностей текста оригинала.

От выбора эквивалентных языковых средств, транслирующих комплекс индивидуально-авторских доминантных смыслов, зависят адекватность, точность и полнота перевода. Переводчик использует стратегию, подразумевающую ориентацию на текст оригинала (автора) или текст перевода (читателя), что и определяет выбор конкретных приемов перевода, степень изменения ассоциативно-образной системы автора оригинального текста.

Список использованных источников

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учебное пособие. Издание: 3-е. М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. 520 с.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Спб.: Азбукаклассика, 2004. 416 с.
3. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во МГУ, 1978. 174 с.
4. Винокур Г. О. О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. школа, 1991. 448 с.
5. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В. П. Григорьев. АН СССР, Ин-т рус. яз. Москва: Наука, 1983. 225 с.
6. Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928. 358 с.
7. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения (Предисловие) // Язык и личность. М., 1989. С. 3–8.

8. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
9. Курячая Е. И. Разрушение стандарта как когнитивная доминанта Б. Виана и способы ее репрезентации в тексте оригинала и перевода (на материале романа «Пена дней») [Электронный ресурс]: дис. ... кандидата филол. наук. Екатеринбург, 2008. 212 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/razrushenie-standarta-kak-kognitivnaya-dominanta-idiostilya-b-viana-i-sposoby-ee-reprezantatsii-v-tekste-originala-i-pere> (дата обращения 25.01.2018).
10. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. 188 с.
11. Малышева Е. Г. Идиостиль Владислава Ходасевича (опыт когнитивно-языкового анализа): автореф. дис. ... кандидата филол. наук. Омск, 1997. 20 с.
12. Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. Сборник научных трудов к 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996. С. 303–308.
13. Ролина О. К. Адаптация русских культуронимов при переводе на английский язык [Электронный ресурс]: дис. ... кандидата филол. наук. СПб., 2009. 170 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/adaptatsiya-russkikh-kulturonimov-pri-perevode-na-angliiskii-yazyk> (дата обращения 25.01.2018).
14. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения 25.01.2018).
15. Bulgakov M. A. The Master and Margarita / translated by Michael Glenny, with an introduction by Simon Franklin. New York: Knopf, 1992. 446 p.
16. Bulgakov M. A. The Master and Margarita / translated by Mirra Ginsburg. New York: Grove Press, 1967. 402 p.

УДК81'373.21(470.345)

**ТОПОНИМИКОН МОРДОВИИ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЭКСКУРСИЙ)**

И. В. Седина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода,
факультет иностранных языков, ФГБОУ
«Национально-исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева», Саранск*

А. К. Фролова,

*студент первого курса магистратуры кафедры теории речи и перевода,
факультет иностранных языков, ФГБОУ
«Национально-исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева», Саранск*

Аннотация. В данной статье разграничиваются такие понятия как «топонимия» и «топонимика», рассматриваются мнения различных ученых

касательно данного вопроса. Цель – провести анализ перевода топонимов в текстах экскурсий по Республике Мордовия. При написании статьи использовались следующие методы: метод сплошной выборки, метод лингвистического анализа.

Ключевые слова: топоним, ономастика, дискурс, экскурсия, перевод, объект, анализ.

Summary. This article distinguishes such concepts as «toponymy» and «toponymics», discusses the opinions of various scholars regarding this issue. The target – to analyze the translation of toponyms in the texts of the excursions about the Republic of Mordovia. The following methods were used: method of continuous sampling, method of linguistic analysis.

Keywords: toponym, onomastics, discourse, excursion, translation, object, analysis.

Географические названия составляют значительный пласт культуры, который отражает менталитет народа и его этническое своеобразие. По мнению Н. В. Филатовой особым образом подобранная ономастика участвует в создании экспрессии туристического текста [7, с. 42]. Имена собственные являются теми языковыми единицами, которые позволяют передать концептуальное и эмоциональное содержание в лаконичной форме. Имена собственные, которые представлены названиями объектов географического пространства в текстах туристического дискурса, обладают функциональностью, когнитивным потенциалом, апеллятивностью и референциальностью. Топонимы Республики Мордовия – сложные устойчивые лексические системы, отражающие важные исторические и культурные события местности в названиях географических объектов.

До того как приступить к анализу топонимов в экскурсионном дискурсе, следует отделить друг от друга такие понятия как «топонимика» и «топонимия». Топонимия в статье понимается как совокупность названий на какой-либо территории. Топонимика – раздел ономастики, занимающийся изучением географических наименований, их функционированием, формированием, происхождением и значением, областью распространения, развитием и изменениями, происходящими с течением времени.

Топоним, как основная единица топонимики имеет множество определений. Данное явление объясняется тем, что в класс топонимов входит множество элементов, которые носят разнородный характер. В лингвистическом словаре топоним определяется как имя собственное, название географического объекта [3, с. 515–516], что не в полной мере отражает структуру топонимов относительно других классов имен, входящих в имена собственные. Более точным, на наш взгляд, является определение топонимов, которое дает А. В. Суперанская. Она определяет топоним как собственное имя любого географического объекта, выделяемое человеком в качестве самостоятельной единицы [6, с. 174–175]. Вслед за

рядом исследователей мы понимаем топоним в широком смысле слова как обобщенный термин для названия географических объектов [5, с. 57–59], [2, с. 20–22]. Региональный топонимикон представляет собой «совокупность лексем, которые используются для наименования географических объектов, расположенных на данной территории, и, отражая особенности конкретной местности, обладают своеобразным семантико-смысловым потенциалом, реализуемым в процессе функционирования» [1, с. 64]. Топонимы играют большую роль в туристическом дискурсе, поэтому важно обращать внимание туристов на национально-культурное своеобразие географических названий в аспекте лингвистической информации.

Применительно к топонимам выделяется три вида значений: этимологическое, собственно топонимическое и посттопонимическое [4, с.111–112]. Этимологическое значение – это внутренняя форма топонима, его этимология, которая существует в фоновых знаниях у носителей языка. Топонимическое значение включает в себя указание на объект и минимальный набор данных о предмете, который может быть известен как всем носителям языка, так и ограниченному кругу лиц. Если на первый план выдвигаются отдельные признаки обозначаемого объекта, являющиеся логическим продолжением и актуальными для массового сознания носителей языка образа, возникает посттопонимическое значение.

Топоним передает определенный набор знаний об объекте и сообщает, что за ним закреплено именно это имя. Он имеет определенный набор фоновой экстралингвистической информации, понимание которой зависит от языковой картины мира реципиента.

Рассмотрим классификации топонимов, подходящих для изучения туристического дискурса. О. А. Леонович предлагает классификацию, основанную на морфологической структуре, а А. В. Суперанская по типу обозначаемых географических объектов. По морфологической структуре выделяются:

- *простые топонимы* (одна основа) – Mordovia, Saransk, Finland, Lapland, Turku, Tampere, etc.

- (1) Tampere is the name of the third largest city in Finland.

- (2) The construction of the railway in 1893 that connected Mordovia with Central Russia and the Urals intensified the economic development of the republic.

- *производные топонимы* (основа + суффикс) – Mordvin, Russian, Finnish, etc.

- (1) Besides the capital, the major Finnish cities include Turku, Tampere, Oulu, Lahti, Kuopio, Jyvaskyla and Pori.

- (2) Typical Mordvin women's dress consisted of tunic-cut dresses in bright colours, complex headgear, and masses of jewellery.

- *сложные топонимы* (две основы) – the Moksha, the Saam, etc.

- (1) The Mokshas' and Erzyas' garments differed from each other.

- *составные топонимы* (два и более слова) – the Inari Saami, Chamzinskiy region, Sovetskaya Square, Great Patriotic War, etc.

(1) In Komsomolskiy, which is in the Chamzinskiy region, there is plant that manufactures cement.

Если рассматривать данные топонимы с точки зрения перевода, то можно проследить, что большинство из них переведены с помощью приема транскрипции и транслитерации, а при переводе составных топонимов чаще используется калькирование, что характерно при переводе имен собственных.

Что касается синтаксических функций, которые топонимы выполняют в текстах, то следует отметить, что они могут выступать в функции:

– подлежащего: Mordovia is not at all rich in mineral resources;

– обстоятельства места: Tempere is the name of the third largest city in Finland.

Топонимы играют важную роль в осуществлении информативной функции экскурсионного текста, поэтому они требуют особого внимания в процессе локализации и глобализации. Каждая территория образует оригинальное символическое поле, которому присуща индивидуальная семантика. Любое имя собственное отражает самобытную этнокультуру народа, говорящего на своем языке и таким образом выполняет когнитивную функцию, являясь одним из самых значимых содержательных компонентов в семиотическом пространстве туристического дискурса, поэтому при использовании топонима в текстах экскурсий, предназначенных для иноязычной аудитории важно свести до минимума все фоновые трудности, которые могут возникнуть при восприятии инокультурного имени. Так, в приведенных ниже предложениях, отсутствует полная информация о называемых объектах, которую необходимо восполнить при предъявлении – settlement Komsomolskiy, middle part of the region around Volga river. Чтобы у иноязычного читателя не возникло трудностей при прочтении текста, уместно было бы применить такой прием как переводческий комментарий, или же описательный перевод.

- In Komsomolskiy, which is the Chamzinskiy region there is plant that manufactures cement.

- Saransk is one of the oldest cities of the Srednee Povolzhje.

Формирование топонимов непосредственно связано с историей общественного и экономического становления мордовского края и уходит корнями в глубокую старину. В современной топонимике Мордовии выделяют три слоя наименований: древнейший (мордовский), тюркский (татарский), поздний (в основном русский) [8, 258 – 263].

- There are 7 towns in Mordovia: Saransk, Ruzaevka, Kovylkino, Ardatov, Insar, Krasnoslobodsk and Temnikov.

В данном предложении присутствует название населенного пункта Ардатово, которое в бывшей своей части имеет ономастическое происхождение – мордовское название Орданьбуе от имени собственного Ордатка.

В основу названия города Темников легло татарское имя *темник*, которое означает «военачальник Золотой Орды», а позже «наместник по сбору дани в завоеванных татарами русских и мордовских землях». А название города Рузаевка восходит к имени татарского мурзы княжьего сына Уразая.

Как показал анализ топонимов, они имеют разную природу. Так в составе топонимикона Мордовии можно выделить группу наименований, связанных с определенными признаками местности – Косогоры, Белогорск, Каменный брод, Кочкуры; топонимы, характеризующие структурные особенности почвы – Песочная Лосевка; особенности растительного мира – Ягодная поляна, Зеленый Дол; давность поселения – Старый Усад, Новое Сельцо, Пушкарские Выселки. В названиях некоторых населенных пунктов можно проследить взаимодействие русской и мордовской топонимии – Мазилуг (мази (красивый) + луг). Отдельная группа топонимов характеризует содержание новой жизни социалистического строительства – Красная Нива, Красная Зорька, Краснознаменка, Отрадное, Смольный.

При переводе большинства названий населенных пунктов применялись такие приемы как транскрипция и транслитерация:

Темников – Temnikov;

Ардатово – Ardatov;

Краснослободск – Krasnoslobodsk;

Смольный – Smolny.

Необходимо также отметить тот факт, что, к сожалению, при переводе топонимов, утрачивается их специфика, внутренний смысл названия.

Большое место в текстах экскурсий по Мордовии занимают также гидронимы.

- All the rivers of Mordovia belong to the basin of the Volga. They are the Moksha, Sura, Insar, Alatyr, Vad and some others. There are 364 long, small and very small rivers. There are some of them: The Sivin', Shoksha, Yavas...

Все передачи названий средствами другого языка были применены И. А. Анашкиной, книгу с экскурсиями которой мы брали за основу для написания статьи [9].

Как видно из приведенных примеров топонимы отражают все стороны материальной, общественной и культурной жизни современного населения. При помощи имен собственных достигается необходимый эффект воздействия на адресата. Топонимы несут тезаурусную информацию об именуемом объекте. Однако следует помнить, что набор ассоциаций, закрепленных в тезаурусной информации не одинаков у разных носителей языка в связи с несовпадением экстралингвистического опыта.

Список использованных источников

1. Ильин Д. Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX–начала XXI века: динамические процессы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 480 с.
2. Ирисханова К. М. Функционирование топонимов в художественной литературе (английский язык): дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 195 с.
3. Нерознак В. П. Топонимика // Лингвистический энциклопедический словарь: под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 515–516.
4. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. С. 111–112.
5. Подольская Н. В. О развитии отечественной топонимической терминологии. Развитие методов топонимических исследований: Сб. статей / Отв. ред. Е. М. Поспелов. М.: Наука, 1970.
6. Суперанская А. В. Что такое топонимика: Из истории географических названий. М., 1984. 182 с.
7. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 179 с.
8. Цыганкин В. Д. Из наблюдений над структурными особенностями топонимов на территории Мордовской АССР // Саранск, 1969. – Вып. 2. С. 258–263.
9. Анашкина И. А. *Mordovia and Finland in Focus: учебное пособие*. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. 164 с.

УДК 371.321

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ
В ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

Е. В. Семенюк,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков,
Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный
университет, Москва*

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие прецедентного текста и описывается, каким образом можно вводить такие феномены в обучение будущих переводчиков: в рамках описываемого курса студенты учатся распознавать элементы культурного кода, необходимые для успешной коммуникации в англоязычном социуме.

Ключевые слова: прецедентные тексты, преподавание перевода, практика преподавания, культура, аллюзия, вертикальный контекст, фоновые знания, межкультурная коммуникация

Summary. The present article deals with the so-called ‘precedent phenomena’ of the English culture, i.e. the classic texts and images that are often referred to in everyday speech, and describes ways of introducing such texts to students of translation departments, with the aim of enabling them to communicate efficiently with English speakers by recognising implicit messages contained in quotations, names etc.

Key words: precedent phenomena, translation studies, practical teaching, culture, allusion, vertical context, background information, intercultural communication

Хороший переводчик, как известно, – это не просто человек, знающий иностранный язык. Для успешной межъязыковой и межкультурной коммуникации требуется серьезный багаж фоновых культурологических знаний.

Обучение студентов отделения (профиля) «Перевод и переводоведение» в Институте лингвистики РГГУ всегда велось с большим вниманием к культуре региона первого иностранного языка. В рамках курса «Историческое страноведение» студенты знакомятся как собственно с историческими событиями, так и с наиболее значимыми литературными произведениями, а также с произведениями искусства (живопись, архитектура). Однако этого может оказаться не вполне достаточно: без знания того, как культура ушедших веков прорастает в повседневной жизни века нынешнего, невозможно быть по-настоящему хорошим специалистом по культуре своего первого языка. Для того, чтобы помочь студентам понять, как изученные ими классические тексты живут и функционируют в наше время, как распознать цитаты, а также для того, чтобы снабдить их неким базовым набором типичных аллюзий, был создан курс «Прецедентные тексты культуры региона первого иностранного языка» (в данном случае – англоязычные страны).

Теория прецедентности начала разрабатываться еще в 1980-е, в работах Ю. Н. Караулова. Согласно его определению, прецедентные тексты – это тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с. 216]. Поскольку речь всегда идет о *воспроизведении* исходного текста, то полезным оказывается и понятие вертикального контекста (термин, разработанный в исследованиях Л. В. Полубиченко, О. С. Ахмановой, И. В. Гюббенет): ведь мы имеем дело с аллюзией, с тем, как исходный текст «окрашивает» вторичный. Здесь сразу нужно уточнить, что, вслед за Ю. Н. Карауловым, в рамках обсуждаемого курса термин «текст» трактуется очень широко, включая в себя как собственно тексты (литературу), так и явления невербальные: живопись, архитектуру, кино, музыку и даже исторический нарратив как таковой (т.е., события и персоналии).

Отличительной чертой прецедентного текста выступает не просто его важность как исторического памятника, а то ощущение общности, которое упоминание о нем в речи вызывает у членов одного и того же языкового коллектива: способность распознавать такие аллюзии может рассматриваться как знак включенности в культуру. При этом такая аллюзия очень часто идиоматична, она представляет исходный текст в речи

предельно сжато, сокращенно. Всего несколько слов вызывают в памяти адресата сразу весь исходный текст: заимствованный элемент «приносит с собой в новое произведение целый комплекс традиционно связанных с ним ассоциаций» [2, с. 12]. Аллюзия, таким образом, выступает как некий ключ доступа к скрытой, не эксплицированной информации. Если собеседник владеет этим ключом и может расшифровать скрытые смыслы, то он автоматически воспринимается как свой, – а свой человек вызывает симпатию. Соответственно, такие аллюзии – это еще и способ установить эмоциональный контакт. Каждый, кто использует отсылку к прецедентному тексту, делает это осознанно и ждет определенной реакции: радости узнавания, улыбки. Если же такой реакции не следует, адресат кажется чужаком. Можно легко понять, что это являет собой немалую проблему в условиях межкультурной коммуникации.

Именно для того, чтобы будущие переводчики имели доступ к скрытым смыслам и аллюзиям в иноязычных текстах, их необходимо научить расшифровывать и считывать общепонятные для носителей языка отсылки. Дисциплина читается студентам бакалавриата на третьем курсе, уже после того, как они освоили курс «Историческое страноведение». Она рассчитана на один семестр, состоит из лекций и семинаров и сопровождается огромным количеством иллюстративного материала. Каждый прецедентный текст и круг аллюзий на него разворачивается перед студентами по примерно одной и той же схеме, которой они следуют также и при создании собственной зачетной презентации.

Сначала кратко представляется сам текст. Потом студенты знакомятся с наиболее очевидными его переложениями: для книги это экранизации, для архитектурного строения – использование в кино, живописи или литературе и т.д. Здесь стоит упомянуть, что культового статуса иногда добиваются именно эти тексты «второго порядка», а не сам оригинал, а иногда они соревнуются в популярности (пример: экранизация «Гордости и предубеждения» 1995 года, с Колином Ферттом в роли мистера Дарси, некоторые элементы которой становятся источником для аллюзий сами по себе, в отрыве от собственно романа Дж. Остен). Далее очерчивается некий круг тех элементов текста, которые и подвергаются цитированию, приводятся примеры того, как эти же черты или ситуации могут быть «унаследованы» другими текстами (пример: образ добродетельного сироты Оливера Твиста, не теряющего доброты и чистоты натуры, несмотря на ужасное детство, повторяется на новом витке в образе девочки Матильды из книг Р. Даля или Гарри Поттера из септилогии Дж. К. Роулинг). И наконец, обсуждаются вторичные тексты, пародии, разного рода обыгрывание, чаще всего – в текстах, относящихся к массовой культуре (пример: книга и фильм «Гордость, предубеждение и зомби», которые уже почти никак не связаны с остеновским текстом).

В результате обсуждение прецедентного текста может представлять собой довольно длинную цепочку переходов. Например, начав с

исторического **Гая Фокса**, участника Порохового заговора против короля Иакова I (1605), мы переходим к образу Ви (V), персонажа серии комиксов *V for Vendetta* (1980-е гг). Ви, так же как и Фокс, ставит перед собой цель борьбы с властью, используя для этого взрывчатые вещества и намереваясь уничтожить здание парламента. Комикс и его главный герой добились всемирной известности благодаря экранизации 2005 года, в которой Ви носит маску – белое лицо со стилизованными «мушкетерскими» усами и бородкой. Позже эта маска сама по себе стала символом борьбы с любым режимом и часто фигурирует на разного рода антиглобалистских выступлениях. Заканчивается цепочка сетевым демотиватором: на нем такая маска висит за стеклянной дверцей, за какой обычно располагают кнопку пожарной тревоги, и сопровождается подписью: *In case of revolution, break glass*. Таким образом, в реалии XXI века студенты теперь видят ее корни, уходящие в начало XVII века.

Значительную часть курса занимает невербальный компонент прецедентного корпуса. Визуальные образы, благодаря своей лаконичности и мгновенному воздействию, очень часто становятся прецедентными. Хорошим примером может служить неолитический кромлех **Стоунхендж** и то, как его образ обыгрывается в рекламе. На первый план выдвигаются разные ассоциации с кромлехом: он выступает как символ вечной ценности (на фотографии мы видим расставленные в форме круга пирамиды из телевизоров, показывающих классические клипы – реклама телеканала, транслирующего старый рок), древности (рядок посеревших от времени простыней на бельевой веревке, складывающийся в силуэт Стоунхенджа, в рекламе стирального порошка) и т.п.

Хорошим примером аллюзивно нагруженной исторической персоналии можно назвать **короля Ричарда III** (1452-1485). При обсуждении личности этого короля необходимо сначала напомнить студентам о том, что известно историкам о его реальных делах и характере, о роли, которую он сыграл в Войне Роз. Потом, разумеется, начинается обсуждение шекспировской пьесы «Ричард III». Здесь необходимо упомянуть, что гений Шекспира некоторым образом одержал верх над реальностью, и тот Ричард, которого мы все знаем как архетипического злодея и негодяя, готового предать и умертвить собственного брата и не гнушающегося детоубийством, – это именно продукт воображения великого драматурга. В результате Ричард III распадается как бы на две фигуры: одна – существующее в народном сознании воплощение злобного коронованного уroda, другая же – реальная историческая личность, подлежащая реабилитации. Именно последнему посвящена целая книга, роман Дж. Тей «Дочь времени», где главный герой, лондонский полицейский, во время болезни развлекается расследованием «дела» Ричарда и приходит к выводу, что оно по большей части сфабриковано. Что же касается шекспировского Ричарда, стоит упомянуть экранизацию Иэна Маккеллена, где он выступил как режиссер и исполнитель заглавной роли:

декорации фильма решены в узнаваемой стилистике нацистской Германии, потому что именно так до современного зрителя можно ярче всего донести представление об абсолютном зле, о преступнике у власти. Говоря о пьесе, мы не можем не упомянуть некоторые цитаты, получившие фактически самостоятельную жизнь, например, фразу *A horse, a horse! My kingdom for a horse!* [4, с. 619] Как легко можно догадаться, она становится основой для массы карикатур и юмористических рисунков: то король пытается в суде доказать коню, что он не ему предлагал венец; то юный принц пытается выменять своего коня на королевство; а то король сердито уточняет: *I said my kingdom for a horse!*, обращаясь к водителю приехавшего за ним катафалка (*hearse*).

Еще один прецедентный текст, относящийся уже собственно к литературе – роман Ш. Бронте «Джен Эйр». Это поистине кладезь различных образов, которые впоследствии воспроизводились множество раз. Здесь и сам образ независимой девушки Джен, а также ее любовная линия с романтическим героем мистером Рочестером. Здесь и загадочное мрачноватое поместье, окруженное тайной. Здесь и образ сумасшедшей жены Рочестера, Берты, которую он прячет от мира на чердаке своего дома. Именно последний снискал огромную популярность в дискурсе феминизма: безумная Берта то и дело возникает в нем как символ свободной, необузданной женской сущности, томящейся в заточении патриархальных представлений о морали. Классический сборник статей по феминистическому литературоведению называется *The Madwoman in the Attic*. Очень занимательная версия того, как текст романа оформился в своем нынешнем виде, представлена в книге Дж. Ффорде «Дело Джен, или Эйра немилосердия» (она сочетает в себе черты иронического фэнтези, литературной пародии и альтернативной истории). Выходя же за пределы собственно текста Бронте, нужно сказать, что аналогии с ситуацией, описанной в нем, можно усмотреть в другой известнейшей книге, мистической повести Г. Джеймса «Поворот винта»: там унаследован комплекс образов «старинное поместье – юная гувернантка – мистическая тайна», только разрешается все совсем иначе. Сам этот набор стал классическим и вызывает стойкую ассоциацию с мистикой, ужасами и викторианской эпохой, становясь осью некоего целостного, диахронического единства, образного поля, которое можно активировать в сознании носителя английского языка буквально несколькими словами.

Примеры можно множить и множить. Каждый англист, вооружившись знанием основных событий истории, литературных произведений и произведений искусства, сможет самостоятельно собрать огромный массив таких примеров – в наш век общедоступной информации это вопрос лишь опыта и времени.

Подводя же итог, можно сказать, что курс «Прецедентные тексты британской культуры» дает студентам возможность посмотреть на уже изученные ими тексты и события под другим углом, а также познакомиться

не только с «золотым фондом» классических текстов, но и с тем, как они отражаются в культуре повседневной – той, с которой им придется иметь дело в своей непосредственной работе. Дисциплина, подобная этому курсу, необходима, если ставится цель дать будущим переводчикам достаточно навыков и базовой информации для того, чтобы они могли в дальнейшем самостоятельно нарабатывать понимание той части коммуникации, которая задействует вертикальный контекст. Еще одна интересная черта курса – его предельная злободневность: каждый год иллюстративный ряд пополняется все новыми обработками старых сюжетов, и одновременно с этим некоторые иллюстрации приходится изымать как утратившие актуальность. В этой связи курс не «застаивается», он держит в тонусе как преподавателя, так и студентов, и дает им – говоря по собственному опыту – не только интеллектуальное обогащение, но и большую эмоциональную отдачу.

Список использованных источников

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М: Наука, 1987. 261 с.
2. Полубиченко Л. В. К обоснованию и развитию понятия вертикального филологического контекста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М: 1979. 23 с.
3. Tennyson Lord A. Selected Poems. NY: McGowan Publications, 2017. 78 с.
4. Shakespeare W. The Complete works of William Shakespeare. London: Rex Library, 1973. 1100 с.

УДК 070

COUNTERCULTURE IN TOM WOLFE'S NON-FICTION NOVEL THE ELECTRIC KOOL-AID ACID TEST

Е. Н. Сердюк,

ассистент кафедры английской филологии Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу художественно-документального произведения Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест», в котором автор исследует одну из американских субкультур 50-60-х годов XX века. Изучая контркультуру психоделических хипстеров, ставшей моделью поведения и способом существования большого количества молодёжи США, Вулф на основе фактов создаёт художественно-документальное произведение, в котором делает выводы о современном состоянии «американской мечты» и американского общества в целом. В ходе исследования используются типологический и структурный подходы, а также культурно-исторический метод.

Ключевые слова: контркультура, «американская мечта», новый журнализм, художественно-документальная литература, факт.

Summary. This article is dedicated to the study and analysis of Tom Wolfe's non-fiction novel *The Electric Kool-Aid Acid Test* which centers on the investigation into one of the American subcultures of 50-60-s of the 20th century.

Making a research into the counterculture of psychedelic hipsters, which became the model of behavior and a way of existence of a large number of the US youth, Wolfe with the help of facts makes conclusions about the modern state of the American dream and the whole country. This analysis is conducted on the basis of typological and structural approaches, and cultural-historical method.

Key words: counterculture, the American dream, New Journalism, literary non-fiction, fact.

The concept of counterculture does not currently have sufficient clarity and certainty, revealing the complexity and ambiguity of this phenomenon. It is interpreted by both Russian and foreign scientists differently: either as a negative and unfavorable element of society or a positive one which is necessary for the emergence of alternative culture. One thing is certain, the concept of counterculture is inextricably linked to the concept of culture to which it belongs, and without the first, it is impossible to understand the second, and so the evolution of culture occurs simultaneously with the evolution of counterculture.

The immediate spokesmen of the ideas of counterculture are the youth which in the second half of the 20th century made a desperate attempt to overthrow the prevalent values and get out of the situation of total control of 'the machine state' over the person. Such attempts were diverse, even in the form of utopia in which the youth developed a myth about complete separation from the dominion of dehumanized society and about their refusal to subject to the laws of this world and its authoritative norms.

The concept of counterculture bears a historical character to some extent. Owing to this fact the most accurate interpretation of it can be represented as a complex of 'rebellious' and 'escapist' tendencies which for the first time found their expression in the youth movement of the 1960s in the USA.

It is believed that the term 'counterculture' was coined by Theodore Roszak and used for the first time in his book *The Making of a Counter-Culture: Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Oppositions* (1969). Roszak claims that the source of the emergence of counterculture is a revolt of the young, based on their irreconcilable attitude to the generation of their parents [4, p. 49].

In the second half of the 20th century, counterculture became "the model of behavior and a way of existence of a large number of the US youth. Hostility, rebelliousness, nonconformity, unusual forms of self-expression, various demonstrations, riots, and acts of civil disobedience became the main trends which gave impetus to the development of new styles in art and music, the origin of youth groups and psychedelic culture" [5].

The problem of the emergence of counterculture finds its most vivid reflection in the work of Tom Wolfe *The Electric Kool-Aid Acid Test* (1968). The book is devoted to the description of the youth subculture – psychedelic hipsters and is seen as a source for the deep study of the US youth counterculture. According to the researchers, despite the fact that *The Electric Kool-Aid Acid Test* is "approaching its fiftieth anniversary, the book provides the best account of the

emergence of hipsters in the 60-s and represents both artistic and documentary value” [6, p. 54].

The aim of this work is to study the phenomenon of the American counterculture of the second half of the 20th century and to designate the way it is interpreted in Tom Wolfe’s non-fiction novel *The Electric Kool-Aid Acid Test*.

The analysis is conducted on the basis of the following literary approaches and methods: the typological approach which is necessary to define the crucial terms employed in the investigation. The structural approach helps to arrange the material for congruent investigation. The cultural-historical method and the method of close reading ensure objective view on the literary material.

In *The Electric Kool-Aid Acid Test*, T. Wolfe chronicles the activities of a group of psychedelic hipsters ‘the Merry Pranksters’, led by Ken Kesey. The Merry Pranksters experiment with LSD and other psychotropic substances for the purpose of transition to the new levels of consciousness.

The life of the hippie commune restored with the help of Ken Kesey's letters, the forty-hour movie which was shot by hippies while travelling about the country, tapes, diaries, photos and interviews with the commune members served the documentary basis for T. Wolfe’s non-fiction novel. As a skillful professional journalist, Wolfe fixes with naturalistic accuracy the hippies’ way of life, their thoughts, psychology, language, life, clothes, and brightly creates their characters. In order to collect various kinds of evidence relevant to the experience of the commune members and to achieve the desired effect, Wolfe had to spend a month within the society of the Merry Pranksters. Studying his material ‘from within’ Wolfe demonstrated one of the main theses of New Journalism which consisted in the necessity for direct participation of the author in the events described.

The episode of Kesey’s release from prison where he served sentence for possession of marijuana represents the exposition of the book. Tom Wolfe traces the events which happened to Ken Kesey from the moment of his appearance on the literary and cultural stage of America before his unsuccessful attempt of escape to Mexico to avoid arrest.

According to T. Wolfe, Kesey is ‘the American hero’ of the 1950s, “a product of post-war culture, whose representatives believed that they were finally able to realize the American dream” [2, p. 111]. The author pays much attention to the origin of his character: the father of the writer (Ken Kesey was the author of *One Flew Over the Cuckoo's Nest*, the novel published in 1960 which was an immediate commercial and critical success) who arrived to Oregon “*had been part of the 1940s migration from the Southwest—not of Okies but of Protestant entrepreneurs who looked to the West Coast as a land of business opportunity*”. Having “*started out with next to nothing, he founded a marketing cooperative for dairy farmers*” [8, p. 39] and, thanks to his business qualities, succeeded greatly and managed to provide his relatives with comfortable existence. Thus, Kesey's family represents an example of the average Americans who managed to embody the American dream of success.

By the 1960s the family leads a luxurious life, placing Kesey among the Superkids, “*the world’s first generation of the little devils – feeling immune and beyond calamity*”. For the representatives of the Superkids life is a fabulous incarnation of the American dream: “*The Life! A glorious place, a glorious age, I tell you! A very Neon Renaissance—And the myths that actually touched you at that time—not Hercules, Orpheus, Ulysses, and Aeneas—but Superman, Captain Marvel, Batman, The Human Torch, The Sub-Mariner, Captain America, Plastic Man, The Flash—but of course!*” [8, p. 42]. At this time scientific and technical progress in the United States reaches its peak. T. Wolfe portrays Ken Kesey and similar to him young Americans as a product of this era.

Further life of Ken Kesey also reminds the impersonation of the American dream: the young man enters college where he meets Faye, his wife-to-be. The couple, who gives birth to three kids, represents the ideal American family. They settle on Perry Lane, the bohemian place where at that time the intellectuals lived. Soon came Kesey’s well-known novel *One Flew Over the Cuckoo's Nest* that immediately turned him into youth idol. Wolfe traces the process of Kesey’s creative formation, his transformation from the little-known writer to the so-called ‘prophet’.

Tom Wolfe's interest in the movement of Pranksters is explained by the fact that the main idea of Kesey was to realize the concept of life as a ‘movie’ or a ‘tape recording’ which was very characteristic of the era of technical progress. Travelling across the USA by school bus, undertaken by Pranksters, was initially planned as an attempt to involve whole America and its inhabitants in the movie: “*And they went with the flow, the whole goddamn flow of America...and the microphones on top of the bus pick up all the clacking and ringing and the mumbling by the toll-station attendant and the brakes squeaking and the gears shifting, all the sounds of the true America that are screened out everywhere else, it all came amplified back inside the bus, while Hagen's camera picked up the faces, ... all laboring in their movie, and it was all captured and kept, piling up, inside the bus*” [8, p. 86]. All this, according to the Pranksters, could expand the boundaries of reality to inconceivable limits.

This idea gives T. Wolfe the grounds to interpret the activities of the Merry Pranksters as the ‘pioneers’ of the 1960s. According to R. Weber, “Wolfe comes to understanding that Kesey and the Pranksters are mythological American Travellers” [7, p. 89]. The researcher draws a conclusion that Wolfe's innovation consisted in the interpretation of psychedelic culture of the 1960s as a modern implementation of the myth about “constant advancing forward” [7, p. 90].

Ken Kesey's group appears in the book not just as the representatives of a popular subculture, but as ‘prophets’ bearing ‘new knowledge’. The writer finds analogies to Kesey and his group in biblical typology, presenting “Kesey as Christ, Faye as Virgin Mary, Mountain Girl as Mary Magdalene, other Pranksters as apostles, and Sandy as Judas” [3, p. 49]. Biblical allusions in the text are revealed both in the form of reminiscences and in the form of direct citation.

Wolfe's appeal to religious and to a greater extent to biblical images has also given many critics reasons to believe that *The Electric Kool-Aid Acid Test* represents a 'jeremiad'. (Jeremiad – a literary work in which the author bitterly mourns the condition of society, convicting its vices along with false morals and, as a rule, predicting its fast decline; on behalf of Jeremiah who predicted the fall of Jerusalem). The American jeremiad is a special type of a sermon which has formed the basis of the whole American literature. By recognition of many reviewers, Tom Wolfe has referred to this genre more often than any other writer.

Tom Wolfe, just like Jeremiah, is pessimistically concerned about the present state of the US, but he is optimistic about their future. The documentarian undoubtedly feels drawn to his characters, however, in *The Electric Kool-Aid Acid Test*, he gives utterance to the thought that the Merry Pranksters become derelicts and social outcasts not only for respectable society but for the counterculture representatives as well. In the concluding part of his book, Wolfe provides information about the fate of the Pranksters: unfortunate attempt to organize Graduation party; Kesey's condemnation who was sentenced to several months of corrective works for possession of marijuana; Neil Cassidy's death; and as a result – the disintegration of the society of the Merry Pranksters. At the end of the book, we find the idea that Kesey and his followers become defeated in a combat which they led against the representatives of the 'mainstream'. Nevertheless, Wolfe finishes his work of non-fiction in an optimistic way, mentioning that after the dismissal Kesey comes back to Oregon with his wife and children where he gets down to his new novel, and in early spring he is visited by the Pranksters which indicates the possible 'revival' of the group.

T. Wolfe considers Kesey's activity in the context of Puritan ethics. On the one hand, the Merry Pranksters are in opposition to Puritan morals as they preach full freedom of action and, from the standard point of view, are immoral. On the other hand, the Pranksters and Puritans are unified by their sense of being the chosen ones, by the religious experience shared by all the members of the community (the Pranksters view the intake of LSD as a new religious practice), and the belief in a certain mission on the earth [1, p. 17].

In the non-fiction novel *The Electric Kool-Aid Acid Test* Tom Wolfe offers his own interpretation of an image of one of the brightest representatives of psychedelic subculture. According to the writer, in spite of the fact that the Pranksters choose a position of the refusal of the culture of 'mainstream', they represent the embodiment of the American dream, and stand as the 'pioneers of the 1960s'. The novelty of the author lies not only in the creation of the style that imitates the sensations under the influence of LSD but in a new approach to the things depicted. In the experiments of the Pranksters Tom Wolfe sees another attempt of 'the American pioneers' to remove the 'frontier'.

References

1. Critical Response to Tom Wolfe // ed. by D. Shomette. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1992. 228 p.

2. Hellman J. Fables of Fact: The New Journalism as New Fiction. Urbana: University of Illinois Press, 1978. 164 p.
3. Lounsberry B. The Art of Fact: Contemporary Artists of Nonfiction. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1990. 214 p.
4. Roszak Th. The Making of a Counter-Culture: Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Oppositions. N.Y.: Anchor, 1969. 303 p.
5. Serdyuk E.N. Counterculture and its Interpretation in H. S. Thompson's Nonfiction Novel Hell's Angels [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29649105> (дата обращения 16.01.2018).
6. Shafer J. The Tripster in Wolfe's Clothing: Jack Shafer on Tom Wolfe's the Electric Kool-Aid Acid Test and the Underappreciated Art of Dissecting Cultural Trends. Columbia Journalism Review, 2006. – Vol. 44. – Issue 6. P. 54.
7. Weber R. The Literature of Fact. Literary Nonfiction in American Writing. Athens (Ohio): Ohio University Press, 1980. 230 p.
8. Wolfe T. The Electric Kool-Aid Acid Test. S.P.: Amphora, 2006. 422 p.

УДК 821.512

О ПЕРЕДАЧЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ КРЫМСКОТАТАРСКИХ СКАЗОК В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Э. Э. Сеферова,

специалист по учебно-методической работе кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

Аннотация: В статье акцентируется внимание на особенностях передачи художественно-изобразительных средств крымскотатарских сказок в русских переводах. Анализ фольклорных текстов после перевода на русский язык и редактирования показал, что отдельные принципиальные теоретические вопросы перевода пока не выяснены окончательно. Использование эквивалента, т.е. существующих в русском языке фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д., которые всеми своими компонентами соответствуют оригиналу, калькирования, творческого метода открывает широкий предел понятийного аппарата народной мудрости, кода культурных символов, аккумулирующих этнические, нравственные ценности.

Ключевые слова: эквивалент, калькирование, символ, лексическая единица, идея, сюжетная композиция, рифмовка, созвучные слова, музыкальность чтения.

Summary: The article focuses on the features of the transfer of artistic and visual means of Crimean Tatar tales in Russian translations. The analysis of folklore texts after translation into Russian and editing showed that some basic theoretical questions of translation have not yet been clarified. The use of an equivalent, i.e. existing in the Russian language of phraseological units, proverbs, sayings, etc., which with all their components correspond to the original, the calculating, the creative method, opens a wide range of the conceptual apparatus

of people's wisdom, the code of cultural symbols that accumulate ethnic and moral values.

Keywords: equivalent, calculating, symbol, lexical unit, idea, story composition, rhyme, consonant words, musicality of reading.

Перевод на другой язык обрамляюще-инициальных и финальных формул крымскотатарских сказок, являющихся великолепным образцом высокого поэтического языка и отображающего художественное мышление крымскотатарского народа, задача трудная, требующая от переводчика прекрасного знания народного языка. В этом аспекте представляются интересными труды Э. Шемьи-заде, Ш. Алядина, К. Джаманаклы, Дж. Бекирова, Ш. Алекперовой и др. Так, исследователи отмечают «Сохранение в переводе художественно-выразительных средств требует от переводчика большого творческого мастерства, блестящего знания оригинала, глубокого понимания всей идейно-художественной структуры произведения» [1, с. 318]. Начало концептуально-аналитическому направлению в изучении крымскотатарской фольклорной текстологии положено трудами В. Радлова, А. Кончевского, К. Джаманаклы, С. Коцюбинского. Попытка научного собирания и издания на русском языке крымскотатарских сказок и легенд была предпринята в 1934г. работниками Алушкинского музея под руководством его директора Я. П. Бирзгала [5, с. 5]. А в начале 1930-ых гг. поэт, учёный, педагог К. Джаманаклы, опираясь на методику академика В. Радлова, применил транскрипцию для записи и издания фольклорных произведений. В статье «Крымскотатарские сказки» («Къырымтатар масаллары») автор анализирует обрамляюще-инициальные и финальные формулы крымскотатарских сказок, раскрывает роль этих формул в их композиции [4, с. 54–56]. По данным К. Джаманаклы «традиционные присказки – ‘текерлеме’ крымскотатарских сказок имеют и прозаическую, и стихотворную форму. Представление о времени действия предстоящего сказочного повествования даётся устойчивыми формулами «эвель, эвель экенде, эвель заман экенде (в давние, предавние времена). Особенностью же крымскотатарских «текерлеме» – зачинов является их удивительно значительный объём, иногда они составляют несколько десятков строк» [2, с. 7–11]. Анализ традиционного зачина к сказке «Джигерджи къарт» убеждает нас в том, что ещё в середине 30-х гг. переводчик А.Аппазов пошёл своим творческим путём и создал образец подстрочного перевода, тем самым добиваясь полной тождественности смыслового звучания и ритмического строя фраз и предложений на русском языке: *«Покрытые сверху панцирем черепахи стали крылатыми и собирались к полёту. Рыб, находящихся в море, наняли для прогулки. Минарет Симферополя (Акъ-Мечеть) наклонился к Салгиру напиться воды. Поймал я одну блоху, свалил на землю и зарезал, дала шестьдесят окк мяса (мера веса, равная 1, 283кг.) и семьдесят окк жиру; взял сапоги и двинулся в путь. Шёл, шёл, шесть месяцев и одну осень шёл. Оглянулся и посмотрел, оказывается, за это время покрыл расстояние длиной с иголку. Шёл, шёл,*

дошёл до какого-то города, купил там один бездонный котёл и одно ружьё. Поднялся на гору, застрелил одного зайца, зарезал и положил в бездонный котёл, положил сверху, а снизу заяц выскочил» [3, с.15]. Следует отметить, что в переводах А. Аппазова эпические, лирические элементы диалектически переплетаются, создают неповторимый колорит. Отдельные структурные элементы в общем сюжетном построении, разнообразные стилевые приёмы, использованные переводчиком, придают эмоциональную насыщенность и смысловую многозначность переводу. Известно, что поэтический перевод, обычно носит обобщённый характер. Обратившись к поэтическим переводам обрамляющих формул крымскотатарских сказок, попытаемся проследить, сумели ли переводчики максимально приблизить перевод к оригиналу, сохраняя при этом смысловые сущности. Содержание и идея отдельных строк на переводимый язык передаётся в обобщённо-художественной форме. При таком переводе на каждую строку переводимого произведения не всегда соответствует отдельная переводная строка. Для обеспечения эффекта рифмовки использованы созвучные слова, роль которых не ограничивается формальной функцией и музыкальностью чтения. Так, в тонкой фонической организации стиха в зачине мы ощущаем интонацию, которая как бы подсказана системой доминантных нежных фонем: «глашатаями», «колыбели», медным, летать и.д. Переводчик Э. Сеферов ряд крымскотатарских лексических единиц, не поддающихся переводу, умело рифмует с русскими словами («такъыр» – «такыром»). И часто такие слова, если этого требует форма рифмующегося русского слова, снабжаются той же грамматической формой русского слова: «медным – такыром», «глашатаями – воробьями» и т.д. Думается, что такие приложения как «банщица», «глашатай» и т.д. включались в традиционные зачины либо как пародия на социальные противоречия, либо для варьирования словосочетаний, связанных с культом животных. Финальные формулы крымскотатарских сказок тоже могут иметь и прозаическую, и стихотворную форму. Отличительная их особенность – алогизм в форме прибаутки-небылицы: «Сегодня пошёл, вчера возвратился, Кормят очень хорошо – все помирают от голода, Сами пьют вёдрами, а мне дают в решетке» – «Бугунь кеттим, тюневин къайттым, нек яхшы сыйлайлар – эр кес ачлыкътан оле, Озьлери къопкъанен ичелер, манъа исе электе сув берелер». Особого внимания заслуживает зачин, который произносит сказочник в середине сказки. Обычно он останавливает свой рассказ и делает намёки на угощение или вознаграждение: «Здесь мы остановимся. Все немного отдохнём, по стаканчику нальём, горлу – увлажнение, сказочникам – вразумление. Горло наше увлажнилось, сказочники вразумились» 'Биз бу ерде токътайыкъ, Бирер къаде тартайыкъ. Тамакъларымыз дымлансын. Масалджылар ойлансын. Тамагъымыз дымланды – масалджылар ойланды'. Переводчик Л. Шамилева при передаче идиом «бирер къаде тартайыкъ» (букв.: «потянем чарку»), «масалджылар ойланды» (букв.: «сказочники задумались») наделила их

совершенно иным смыслом, искажая не только форму, но и содержание. В данном случае искажена этимология сочетания, что привело к неверной передаче смысла. Подобных искажений, к счастью, немного. В общем же, переводы обрамляюще-инициальных и финальных формул крымскотатарских сказок, выявления в них глубоких смыслов дают читателям верное представление о культуре народа.

Список использованных источников

1. Алекперова Ш. О передаче художественно-изобразительных средств эпоса «Кёроглы» в русских переводах // Фольклор, литература и история Востока Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1985. 422 с.
2. Къырымтатар халкъ масаллары. 2-нджи ишленильген нешир // Тертип эткенлер: К. Джаманакълы, А. Усеин. Симферополь: КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты. 2008. 384 с.
3. Крымскотатарская литература: сборник произведений фольклора и литературы / Составитель Л. С. Юнусова. Симферополь: Доля, 2002. 343 с.
4. Сеферова Ф. А. Крым в ряду культурных приоритетов К. Джаманаклы // Российская тюркология, 2014 №2(11). Москва-Казань. С.50–58.
5. Сказки и легенды крымских татар / Составители А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. Симферополь: МП «Дар», 1991. 159 с.

УДК 811.111:811.161[03]

ПРИЕМЫ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

О. Г. Скидан,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. В данной статье представлен переводческий анализ приемов адаптации при передаче графо-фонетических стилистических средств с английского языка на русский. На примере фантастического романа Патрика Несса «Chaos walking» и его перевода на русский язык. Анализируются основные трудности при передаче различных типов графо-фонетических стилистических средств, таких как пунктуация, курсив, текстовая сегментация, графон и др.

Ключевые слова: адаптация, графон, графо-фонетические средства, компенсация.

Summary. The paper focuses on the adaptation strategies used when translating the phonographic stylistic means from English into Russian. On the basis of the science fiction novel by Patrick Ness «Chaos walking» the author analyses the main difficulties that can be encountered while translating the phonographic stylistic means such as punctuation, italics, text segmentation, graphon etc.

Key words: adaptation, graphon, phonographic stylistic means, compensation.

В современной теории перевода термин «адаптация» используется преимущественно в двух значениях. Во-первых, для определения конкретного переводческого приема, который заключается в замене неизвестного известным, непривычного привычным, во-вторых, для обозначения способа достижения равенства коммуникативного эффекта в тексте оригинала и тексте перевода [1, с. 125]. В этом случае адаптация понимается как приспособление текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному, вполне соответствующему, тождественному его восприятию читателем иной культуры.

В данной статье представлен фрагмент анализа приемов адаптации при передаче графо-фонетических стилистических средств с английского языка на русский на материале трилогии романов Патрика Несса «Chaos walking» и ее перевода, выполненного И. Гуровой и Е. Коротковой.

Цель исследования – провести сопоставительный переводческий анализ и выявить основные приемы сохранения прагматики графо-фонетических стилистических средств при их передаче на русский язык.

Главной отличительной чертой мира трилогии Патрика Несса является способность всех живых существ мужского пола слышать мысли друг друга. Данная реалья произведения называется Шумом. Одним из способов изображения процесса работы сознания является особая сегментация произведения, которая меняется в зависимости от эмоционального состояния персонажа, от ситуации, в которой он оказался.

Cuz here's Aaron, right here, rising outta the grass from nowhere, rising up and smacking me cross the face, scratching my lip with his big ring, then bringing his hand back the other way, closed as a fist, catching my cheekbone but at least missing my nose because I'm falling into the grass, trying to fall away from his punch, and I let go of Manchee's collar and off he runs back to the squirrel, barking his head off, the traitor, and I hit the grass with my knees and my hands, getting grublet stains all over everything.

В данном фрагменте представлена работа сознания главного героя во время ситуации, угрожающей его здоровью. У него почти нет времени на раздумья, он принимает решения инстинктивно. Для того чтобы передать динамику действия, используется особый тип сегментации текста. Весь абзац состоит из одного сложносочиненного предложения, осложненного многочисленными деепричастными оборотами, которые указывают на одновременность действий.

Из высокой травы на меня выпрыгивает Аарон: он отвешивает мне оплеуху, царапая губу перстнем, а потом замахивается кулаком и бьет прямо в скулу. До носа не достает – я падаю, уворачиваясь от удара, и выпускаю из рук Манчи. Он летит обратно к белке, предатель, и лает как оголтелый, а я падаю на траву и весь измазываюсь в соке грублетов.

Слишком длинные синтаксические конструкции не характерны для разговорного стиля русского языка. Поэтому в переводе применяется членение. Трансформация членения позволяет избежать утяжеления синтаксической конструкции деепричастными оборотами, так как в русском языке обилие добавочных действий делает предложение сложным для восприятия. Добавление бессоюзных предложений, которые обладают высокой динамикой в русском языке, позволяет сохранить темп и динамику действия.

В моменты наибольшего эмоционального напряжения в трилогии используется прием «поток сознания», средством изображения которого являются длинные абзацы без внутреннего членения.

I don't really know what I'm getting at neither but I'm frightened and I'm hungry and we're stuck in this stupid tower while the world falls to bits around us and we can watch it but we can't do nothing to change it and I don't know what Viola's part in all this or where she is and I don't know where the future's heading and I don't know how any good can possibly come outta any of this but what I do know is that Mayor Ledger telling me how practical he's been is kinda pissing me off.

В отличие от английского в русском языке отсутствие знаков препинания имеет иную прагматику. Прием «потока сознания» строится по принципу непрерывности и нелинейности повествования, который в тексте перевода актуализируется с помощью добавления запятых. Данный знак препинания отделяет одну мысль от другой, при этом поддерживая непрерывность высказывания.

«Я сам не знаю, куда я клоню, но я напуган, голоден и торчу в этой идиотской башне, пока весь остальной мир разваливается на части вокруг нас. Остается только *наблюдать*, потомушто *изменить* мы ничего не можем, и я понятия не имею, какую роль в этом сыграла Виола, где она и что вапще с нами будет, я не знаю, как это может закончиться хорошо, но разговоры о *здоровомыслии* жутко меня бесят».

В переводе применяется внутреннее членение. Эквивалентность достигается за счет добавления запятых, которые отражают принцип непрерывности текста оригинала. Сложносочиненные предложения такой длины в русском языке не характерны для разговорного стиля и представляют собой сложность для восприятия читателем. Для расстановки смысловых и интонационных акцентов в переводе добавлен курсив. Компенсация графона происходит за счет экспрессивной конкретизации (например, коллоквиализмами: *торчу*, *бесят*), добавлением эрративов (*вапще*, *потомушто*).

В трилогии Патрика Несса встречаются различные типы графонетических стилистических средств: курсив, шрифтовое варьирование, капитализация, пунктуационное варьирование. Они выполняют выделительную и отделительную функции, передают различного рода коннотации, позволяют визуализировать Шум.

Курсивное выделение используется для эмфатизации.

I said **shut it**. Заткнись, говорю!

В оригинале курсив используется для передачи раздражения персонажа, который почти переходит на крик. Автор имплицитно это с помощью шрифтового выделения. Курсив передает не только эмоциональное состояние главного героя, но и интонацию высказывания. В переводе курсив опущен. Перестановка, полная грамматическая трансформация и добавление восклицательного знака компенсируют эмоциональную окрашенность оригинала.

Для визуализации особого типа мыслей, которые действуют как оружие устрашения, используется варьирование гарнитуры шрифта. Слова, оформленные отличающимся от основного текста шрифтом, выглядят более тяжеловесно на фоне остального текста и оказывают большее воздействие на читателя.

*Aaron stands over me, his Noise coming at me in fragments of scripture and of his next sermon and **Language, young Todd and the finding of a sacrifice and the saint chooses his path and God hears and the wash of pictures that's in everyone's Noise, of things familiar and glancing flashes of – What? What the forsaken – ?***

*Аарон нависает надо мной, в его Шуме цитаты из Писания и из последней проповеди, и следи за языком, **Тодд, и найми жертву, и святой мученик избрал свой путь, и Господь слышит, и целый вихрь картинок, которые есть в Шуме каждого, а между ними мелькает... Что? Что это за бред?...***

В переводе гарнитура не отличается от основного текста, из-за чего теряется визуальный эффект. Гарнитурное варьирование частично компенсируется выделением жирным шрифтом. В последней части первого предложения проведена редукция и полная грамматическая трансформация, словосочетание *glancing flashes of* вербализовано. Динамика обрыва компенсируется с помощью лексических средств.

Квазиязык Нового Света основывается на современном английском сленге, который в свою очередь основывается на рекуррентном графоне. Основным приемом перевода графона является стилистическая компенсация, которая в большинстве случаев применяется в конвергенции с другими трансформациями. Переводчик придерживается основных тенденций формирования графона, таких как слияние слов и удвоение согласных из-за ассимиляции фонем.

Написание таких слов как «outta», «gonna», «wanna» уже прочно вошло в состав современного английского сленга и основывается на ассимиляции фонем в речи. Такая тенденция к дубликации согласных отражается в переводе подобным удвоением, например, в слове «бутто», которое встречается в тексте повсеместно, и является примером орфографической кальки.

В тексте романа постоянно нарушается правописание суффикса *-tion*, который пишется как *-shun*. Следовательно, графон этого типа является

рекуррентным, однако разнообразие значений и коннотаций слов, в состав которых входит данный суффикс, требует разных переводческих решений в каждом случае.

Mechanics and food prep and clothes repair and farming basics and things like that. Also a lot of survival stuff like hunting and which fruits you can eat and how to follow the moons for direkshuns and how to use a knife and a gun and snakebite remedies and how to calm yer Noise as best you can.

Графон *direkshuns* основан на фонетическом принципе письма, современной тенденции к экономии языковых средств и упрощению орфографии. Графон в слове *yer* также основан на орфографическом упрощении, которое присуще английскому сленгу.

Чинить технику, готовить, еду, шить, штопать, возделывать землю и всякое такое. Но в основном выживанию: как охотиться, отличать съедобные фрукты от ядовитых, определять стороны света по лунам, пользоваться ножом, ружьем, лечебными снадобьями и как угомонить свой Шум, если очень надо.

В переводе произведена полная грамматическая трансформация и экспрессивная конкретизация. Фонетическое уподобление «возделывать» выбрано для компенсации графона. Оно является нетипичным для лексикона двенадцатилетнего ребенка, что в свою очередь влечет за собой ошибки в произношении из-за незнания графического облика слова. Графон *васнавном* основан на ошибочном членении речевого потока. Слитное написание предлога с управляющим словом применяется из-за ассимиляции этих двух фонем в речи, что соответствует такой тенденции в тексте оригинала.

Таким образом, графо-фонетические стилистические средства обладают большим экспрессивным потенциалом. Основным приемом передачи является компенсация, которая происходит за счет маркеров просторечия, эрративов, коллоквиализмов. Зачастую компенсация применяется в конвергенции с другими переводческими трансформациями: экспрессивной конкретизацией, аналоговым переводом, различного рода кальками, целостным преобразованием. Выявление общих принципов нарушений в оригинале и их адаптация повышает адекватность и эквивалентность перевода. В данном случае такими принципами являются экономия языковых средств и упрощение орфографии. В переводе данная парадигма выражается в эллиптичности предложений и использовании фонетического уподобления.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
2. Несс П. Поступь хаоса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1010948> (дата обращения 15.01.2018)

3. Ness P. Chaos Walking. Book one. The knife of never letting go [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1042034/Ness__The_Knife_Of_Never_Letting_Go.html (дата обращения 15.01.2018)

УДК 81`276.2`25

СЛЕНГ КАК ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА

К. В. Слюсарева,

*студентка первого курса магистратуры, специальности
«Лингвистика. Перевод», Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко, Луганск*

Аннотация. Сленг стал одним из ярких лингвистических явлений, которое на сегодняшний день динамично развивается. При этом возникает необходимость рассмотрения проблемы перевода сленга, как наиболее близкого к живому разговорному языку и наиболее ярко отражающий менталитет носителей языка.

Ключевые слова: сленг, перевод, переводчик.

Summary. Slang has become one of the brightest linguistic phenomena, which is dynamically developing today. This raises the need to consider the problem of translating slang, which is the closest to the living colloquial language and most clearly reflects the mentality of native speakers.

Key words: slang, translation, translator.

Сегодня в языкознании нет четкого определения понятия «сленг». При этом именно сленг является одной из интереснейших языковых систем современной лингвистики. Чаще всего сленг определяется как слова, нарушающие нормы стандартного языка. Это эмоционально окрашенные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни. В сленге сфокусировано множество лингвистических проблем, что требует от переводчика постоянной работы над повышением своей квалификации.

В своем исследовании мы опирались на работы зарубежных и отечественных лингвистов И. Р. Гальперина, М. М. Маковского, В.А. Хомякова, R. Spears, а также работы по переводоведению Л. С. Бархударова, В. С. Виноградова, Л. Л. Нелюбина и др.

В настоящее время сленг является одной из наиболее динамично развивающихся языковых систем современной лингвистики. Существуют различные определения сленга, зачастую противоречащие друг другу. Прежде всего, это касается самого понятия «сленг»: некоторые исследователи предлагают включать в сленг одни лишь эмоционально окрашенные, ироничные слова, имеющие литературный аналог. Другие – нестандартную лексику, вульгаризмы, жаргон, все то, что не отвечает правилам использования в культурной среде.

В «Толковом переводоведческом словаре» Л. Л. Нелюбина дано одно из общих определений сленга: это «слова и выражения, употребляемые лицами определённых профессий или социальных прослоек» [11, с. 199]. Большая советская энциклопедия приравнивает сленг к жаргонной лексике. Этой же точки зрения придерживается и И. Р. Гальперин в своей работе «О термине сленга». Многие лингвисты приравнивают сленг к разговорной речи. R. Spears, на наш взгляд, даёт синтетическое определение сленга, указывая на то, что первоначально данный термин употреблялся для обозначения британского криминального жаргона в качестве синонима слову “can’t”, сегодня «сленг» включает в себя различные виды нелитературной лексики: жаргон, просторечия, диалекты и даже вульгарные слова [15, р. 10–11].

Живой современный язык развивается крайне динамично, различные языки находятся в постоянном взаимопроникновении друг в друга, слова из одного языка ассимилируются в другом. При этом сленг охватывает стилистические разряды слов, разнообразных как по своей сущности, так и по своим функциям (слова, относящиеся к различным жаргонам; разговорные слова и выражения; случайные образования; образные слова и выражения; слова, образованные в результате конверсии; аббревиатуры и др.).

Сленговые слова, в отличие от литературной лексики, имеют яркую эмоционально-экспрессивную окраску, которая обуславливает их употребление в разговорной речи, так как привлекает внимание адресата речи и формирует яркий образ сказанного и тем самым активно воздействует на слушателя [8, с. 363].

Современная литература неуклонно стремится к натурализму. Именно поэтому в ней все чаще используется сленг. И хотя отношение к подобным литературным экспериментам неоднозначно, сленг сегодня динамично входит в лексикон. В. Гумбольдт призывал изучать язык в динамике, изучать речь, не ставя знака равенства между языком и деятельностью, для которой язык всё же остаётся средством [10, с. 6].

Переводческая деятельность является сложной, независимо от сегмента перевода – литература, СМИ, телевидение, интернет. При переводе сленга сложность эта возрастает.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что при переводе сленговых единиц следует учитывать временной фактор, поскольку сленг подвержен изменениям, являясь языковой приметой поколений; отсюда, неудачно подобранное соответствие грозит иной раз обернуться анахронизмом [3, с. 235].

Так, на наш взгляд, перевод русских сленговых образований, будь то тюремный жаргон, советская номенклатурная терминология, пласт диссидентской лексики, лексикон «бандитских 90-х» и современный интернет-язык, занятие крайне сложное, так как зачастую отсутствуют аналоги слов и выражений и переводчик вынужден прибегать к описательному переводу. Это наблюдение соответствует мнению

отечественных теоретиков и практиков перевода, отмечающих, что при переводе сленга приходится либо подыскивать аналогичный сленгизм, обладающий примерно такой же экспрессивностью, или идти по пути толкования и разъяснения значения, то есть использовать описательный приём перевода [9, с. 112].

Таким образом, «...при переводе сленга огромную роль играет контекст, который обычно и подсказывает переводчику, какой синоним из ряда возможных следует предпочесть в соответствующем случае. Отсюда следует, что для того чтобы глубже раскрыть реализуемые в тексте значения, целесообразно приводить в словаре цитаты из подлинников» [9, с. 39].

Как считает В. Д. Девкин, без знания эмоционально окрашенной лексики обойтись невозможно. Это необходимо для понимания обиходной речи, чтобы научиться передавать подтекст, остроты, ассоциативный план высказываний [7, с. 5], без чего не может обойтись профессиональный переводчик.

Переводчик ответственен за точную и равноценную передачу художественного текста, с сохранением социокультурных, исторических и этнических особенностей. Особенно это отражается при переводе сленга, как наиболее близкого к живому разговорному языку и наиболее ярко отражающего менталитет носителей языка.

Переводчику важно не только передать смысл литературного произведения, сохранить стилистические особенности автора, адаптировать для читателей культурные реалии. Необходимо также учитывать зачастую ироничную окраску сленговых выражений и, соответственно, научиться передавать не только их смысл, но и ощущение.

Каждое поколение людей вносит новое не только в философию, эстетику и общественное развитие, но и лингвистику. Наиболее яркими маркерами современности в лингвистике являются сленговые выражения, передающие глобальные изменения, происходящие в общественной и политической жизни, быстрые темпы развития науки и техники. Важность изучения сленга и способов его перевода постоянно возрастает в условиях расширяющихся международных контактов, так как этот пласт лексики помогает лучше понять национально-специфические особенности менталитета другой культуры.

Список использованных источников

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: уч. пособие для студ-в пед. ин-тов по спец. ин. яз. – 3-е изд. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/> – (дата обращения: 23.11.2017).
3. Валахов С. Непереводимое в переводе. – Изд. 5. М.: Р. Валент, 2012. 408 с.
4. Гальперин И. Р., Черкасская Е. Б. Лексикология английского языка. М., 1956.
5. Гальперин И. Р. О термине сленг // Вопросы языкознания, 1956, № 6, С. 107–114.

6. Горшков П. А. Сленг хакеров и геймеров в интернете: автореферат дис. ... кандидата филол. наук. М., 2006.
7. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М.: Международные отношения, 1965. 317 с.
8. Захарченко Т. Е. Английский и американский сленг. М.: Изд-во АСТ, 2009. 133 с.
9. Крупнов В. Н. Лексикографические аспекты перевода. М.: Высш. школа, 1987. 208 с.
10. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М. : Московский лицей, 1996. 208 с.
11. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь М.: Флинта, Наука, 2009. 190 с.
12. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ozhegov.slovaronline.com>. (дата обращения: 23.11.2017).
13. Шурупова М. В. Проблематика английского сленга в аспекте теории перевода // Вестник МГОУ. – Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во: МГОУ, 2010. – № 4. С. 130–135.
14. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 23.11.2017).
15. Spears R.A. Dictionary of American Slang М.: Рус. Язык, 1991. 528 с.

УДК 655.525.3

**РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ
ПО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ ДЛЯ ВУЗОВ:
ПРАКТИКА ПОДГОТОВКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ЛАБОРАТОРИЯ ЗНАНИЙ»**

И. С. Соколова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и
книговедения, Институт издательского дела и журналистики,
Московский политехнический университет, Москва*

Аннотация. Проанализирована практика подготовки переводных учебных изданий для вузов в издательстве «Лаборатория знаний». Выделены издательский, лингвистический и педагогический аспекты этой практики. Первый предполагает отбор оригинальных изданий для перевода, второй – выполнение перевода, третий – сопровождение переводного издания элементами аппарата, позволяющими вписать его в отечественную систему образования.

Ключевые слова: перевод, издание, вуз, естествознание, издательство.

Summary. Practice of preparation of the translated educational issues for the higher education institutions in the publishing house «Laboratory of Knowledge» is analyzed. Publishing, linguistic and pedagogical aspects of this practice are marked out. The first aspect assumes selection of original issues for the translation, the second aspect assumes translation implementation, the third

aspect assumes maintenance of the translated issue by the framework elements allowing to enter it in a domestic education system.

Key words: translation, issue, higher education institution, natural sciences, publishing house.

Если российское школьное образование обычно опирается на учебные издания только оригинальные, созданные авторами на русском языке, то вузовское образование нередко нуждается в учебных изданиях переводных. Прежде всего это касается сегмента естественнонаучных дисциплин, поскольку, во-первых, естественные науки универсальны и интернациональны по своей сути, во-вторых, отдельные научные отрасли более развиты и вместе с тем педагогически осознаны и представлены в других странах. Заметим, однако, что переводное учебное издание, как правило, не может стать учебником, то есть основной книгой по определенной дисциплине, отражающей системно весь курс, а оказывается лишь учебным пособием, так как системы образования в различных государствах различны. Но этот момент не отменяет значимости подготовки переводных учебных изданий. Они могут служить хорошим дополнением к учебнику или на определенное время, пока полноценный учебник по дисциплине отсутствует, отчасти заменять его.

Необходимо вспомнить не только об интернациональности естествознания как его имманентном свойстве, но и об общей тенденции глобализации, в том числе глобализации образования, а также о феномене маркетизации образования. Так, М. Барбер, К. Доннелли и С. Ризви пишут: «...сочетание маркетизации – превращения студента в потребителя, который диктует свои условия, и возникновения множества альтернативных университетам возможностей для талантливых студентов – и глобализации приведет к тому, что университеты больше не будут ограничиваться рамками национальных систем образования и национального рынка труда, а окажутся частью глобальных структур, а значит, будут сопоставлять свои достижения с мировыми достижениями, а также сотрудничать и конкурировать со своими коллегами во всем мире, способствуя развитию экономики знаний» [1, с. 228]. В этих условиях переводные учебные издания становятся важной частью новой глобальной системы образования, ориентированной на интересы и запросы обучающихся.

Сегодня в России работают издательства, специализирующиеся на подготовке и выпуске переводных учебных изданий по естественнонаучным дисциплинам. Среди них центральное место, на наш взгляд, занимает московское издательство «Лаборатория знаний», созданное в 2015 году путем выделения из существовавшего с 1990 года издательства «Бином. Лаборатория знаний», которое стало заниматься учебными изданиями по естественнонаучным предметам для общеобразовательных школ, тогда как «Лаборатория знаний» – учебными изданиями по естественнонаучным дисциплинам для вузов, научными и научно-популярными изданиями той же тематики. Подчеркнем, что еще с

1990 года в репертуаре единого тогда издательства значительная доля приходилась на переводные издания. В настоящее время «Лаборатория знаний» активно выпускает и оригинальные издания, при этом продолжая уделять внимание изданиям переводным.

Рассматривая практику подготовки переводных учебных изданий для вузов по естественнонаучным дисциплинам в издательстве «Лаборатория знаний», нужно остановиться на следующих ключевых моментах: на критериях отбора оригинальных изданий для перевода (этот момент условно назовем издательским), на специфике осуществления такого перевода (данный момент определим как лингвистический).

Для перевода в издательстве «Лаборатория знаний» в большинстве случаев выбираются оригинальные издания, которые отличает большая популярность на родине и по всему миру. Эти издания обычно уже выдержали несколько переизданий на языке оригинала, а также ранее уже могли быть и переводы на русский, и переиздания на русском языке. Чаще всего языком оригинала оказывается английский, что вполне объяснимо, так как именно английский – язык современных естественных наук. Например, в 2017 году вышло в свет учебное издание «Гены по Льюину» Дж. Кребс, Э. Голдштейна и С. Килпатрика, представляющее собой перевод десятого англоязычного издания, ставшего классическим для молекулярных биологов всего мира.

Необходимость выпуска переизданий предопределяется тем, что естественнонаучный материал постоянно пересматривается и обновляется. Ведь речь идет об учебных изданиях по дисциплинам, которые сейчас очень быстро развиваются (молекулярная биология, цитология, биохимия). И это еще один важный критерий выбора оригинальных изданий для перевода.

Обратимся к анализу второго ключевого момента практики подготовки и выпуска переводных учебных изданий по естествознанию в издательстве «Лаборатория знаний». Тут необходимо указать на то, что сложившаяся практика выполнения переводов в этом издательстве предполагает привлечение переводчиков, являющихся действующими специалистами в соответствующей предметной области. Одновременно они достаточно хорошо владеют нужным иностранным языком (мы уже говорили о том, что в подавляющем большинстве случаев это английский). Для полноценной работы в сфере естественных наук знание английского языка обязательно, а потому обычно нет проблемы с поиском профессионалов, занятых в естественнонаучных отраслях и хорошо знающих английский. Так, подготовкой перевода для уже упоминавшегося издания «Гены по Льюину» занимались кандидаты и доктор биологических наук. Подобная практика имеет как свои достоинства, так и свои недостатки. Неоспоримое преимущество – отличное знание предмета. В то же время специалисты в сфере теории и методики перевода считают, что здесь кроется и слабая сторона. Она сопряжена с тем, что переводчику-нелингвисту (хотя встречаются специалисты, сочетающие

естественнонаучное и переводческое образование), являющемся профессионалом в определенной отрасли, свойственно «додумывать» и «дописывать» за авторов то, что отсутствовало в оригинале. Такой переводчик интерпретирует переводимое произведение, исходя из собственных обширных предметных знаний. «Излишняя уверенность в собственной квалификации в сочетании с пониженным вниманием к лингвистическим особенностям подачи информации приводит к тому, что называют “вчитыванием смысла”», – отмечает А. Ю. Наугольных [3, с. 116]. Переводчик, являющийся отраслевым специалистом, «узнает» описываемую в тексте ситуацию, точнее, он полагает, что узнает ее, фактически предвосхищает, а далее может уже не учитывать тех нюансов и несоответствий, которые противоречат типичной, хорошо знакомой ему ситуации. И. Н. Ремхе пишет по этому поводу: «Переводчик сразу понимает, о чем идет речь, так как происходит кластер узнавания данной информации, в силу того, что подобная ситуация оказывается знакомой из жизни» [4, с. 93].

Подготовка переводных учебных изданий всегда строится на учете не только предметных и лингвистических особенностей переводимых оригинальных изданий, но и на понимании образовательно-педагогических особенностей. Естествензнание интернационально, но системы образования национальны. Как пишет Н. Г. Валеева, «перевод рассматривается как создание информационно- и коммуникативно-равноценного текста на языке перевода» [2, с. 6]. Возникает вопрос, как создать коммуникативно-равноценный текст перевода, имея в виду образовательно-педагогические особенности систем обучения в разных странах. Выходом из этой ситуации в издательской практике «Лаборатории знаний» становится использование элементов аппарата переводного издания (аннотации, предисловия редактора перевода, примечаний). Таким образом можно объяснить, каковы различия в системах образования, каково место и функции конкретного переводного учебного издания в отечественной системе образования. В итоге мы можем выделить третий – педагогический момент в практике подготовки переводных учебных изданий.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что переводные учебные издания для вузов по естественнонаучным дисциплинам – сложная система, воссоздание которой требует предметных, языковых, педагогических знаний. Издательство «Лаборатория знаний» активно привлекает высококвалифицированных специалистов, такими знаниями обладающих.

Список использованных источников

1. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. Т. 3. С. 152–229.
2. Валеева Н. Г. Обучение специалистов-переводчиков по естественнонаучным дисциплинам // Вестник Российского университета

дружбы народов. Сер. «Экология и безопасность жизнедеятельности». 2005. №1. С. 5–8.

3. Наугольных А. Ю. Парадоксы переводческого понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. №9. С. 112–118.

4. Ремхе И. Н. Ментальное пространство как когнитивно-эпистемическая структура мышления технического переводчика // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2014. №3. С. 91–94.

УДК 81'25:659.123

ПЕРЕВОД РЕКЛАМЫ: СТЕРЕОТИПНЫЕ ОТЛИЧИЯ В НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

Л. Е. Солопова,

старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, Горловский институт иностранных языков, Горловка

Е. А. Красницкая,

студентка первого курса магистратуры кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода,

Горловский институт иностранных языков, Горловка

Т. А. Трищенко,

студентка первого курса магистратуры кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода,

Горловский институт иностранных языков, Горловка

Аннотация. Цель данной работы – исследование переводческих особенностей немецкого рекламного текста и специфики рекламного перевода, выявление особенностей отражения немецкой национальной культуры через стереотипы в рекламе. Материалом исследования выступила коммерческая реклама в виде газетных слоганов и в видео формате (сопоставление текстов на немецком и русском языках). Для исследования использовались метод сплошной выборки, сопоставительный метод, научно-фиксированное наблюдение, метод комплексного анализа. На основе анализа выявленных переводческих преобразований были обозначены отличительные черты стереотипизации немецкой рекламы, а также определен алгоритм перевода рекламных текстов.

Ключевые слова: рекламный текст, национальной стереотип, лингвокультурология, маркетинг, многозначность, иносказательность, алгоритм перевода, локализации перевода.

Summary. The purpose of this work is to study the translation peculiarities of the German advertising text and the specifics of the advertising translation, to identify the features of the reflection of the German national culture through stereotypes in advertising. The research is based on the commercial advertising in the form of newspaper slogans and in video format (comparison of texts in German and Russian). For the research we used the method of continuous sampling, comparative method, scientifically-fixed observation, method of

complex analysis. Basing on the analysis of the identified translation transformations, we denoted the distinctive features of the stereotyping in German advertising as well as the translation algorithm of advertising texts.

Key words: advertising text, national stereotype, linguo-cultural studies, marketing, polysemy, allegorical meaning, translation algorithm, translation localization.

Актуальность данной темы заключается в том, что реклама, будучи одним из важнейших аспектов торговой деятельности, является неотъемлемой составляющей современных СМИ и своеобразным двигателем торговли. Торговые отношения России с немецкоязычным миром и внедрение на российский рынок импортных товаров сделали востребованным перевод рекламных роликов и других текстов с немецкого языка, требуя их рекламной поддержки, адаптации к русскому языку.

Как следует из определения, реклама (от лат. *reclamare* – «утверждать, выкрикивать, протестовать») – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [5].

Под рекламным текстом понимают текст, несущий рекламную информацию. Его отличают следующие признаки: он содержит информацию о физическом или юридическом лице, а также товарах, идеях и начинаниях; он предназначен для неопределенного круга лиц; он призван формировать или поддерживать интерес к физическому, юридическому лицу, товарам, идеям, начинаниям; и, наконец, рекламный текст способствует реализации товаров, идей, начинаний [1, с. 13–14].

При переводе рекламных текстов необходимы глубокие знания в области переводоведения, социологии, маркетинга, кроме этого приходится учитывать этико-психологические особенности, культурологические национальные черты целевой группы, которые тесно связаны со стереотипами в данной культуре.

В. А. Маслова характеризует стереотип как такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего». В основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения человека лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы – культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя их элементом [2, с. 110].

Под этническими или национальными стереотипами понимают относительно устойчивые мнения обобщенного характера о той или иной этнической группе. В состав такого мнения входят оценки различных

качеств определенной нации. Наличие в этнических стереотипах оценочных суждений, как это уже давно отмечено, затрудняет перевод стереотипов на другие языки и проведение их сравнительных исследований [4, с. 197].

Во время прохождения переводческой производственной практики по немецкому языку как второму иностранному нами были рассмотрены и проанализированы печатные слоганы и рекламные тексты в немецких газетах и журналах (*Die Welt, Die Tageszeitung, Glückspost, Focus*), на информационном Интернет-портале о Германии *de-portal.com*, на портале рекламных слоганов *SLOGANS.de* и рекламные видеоролики на сайте *deutsche-werbung.de*.

Краткие немецкие рекламные слоганы подчеркивают особенность рекламного текста как текста массовой коммуникации, информировать и побуждать к запланированному действию целые группы адресатов, влияя на общественное сознание масс.

Приведем примеры: «*Zur richtigen Zeit auf dem richtigen Knopf: mit TELE*» – «В нужное время правильный выбор: только с пультом TELE»; «*Der Himmel hat jetzt fünf Sterne mehr: Lufthansa*» – «С Lufthansa небо на пять звезд богаче»; «*Schön zu sehen – gut zu gehen: Bekleidung von C&A*» – «В одежде от C&A только к успеху».

Среди многих рекламируемых товаров и услуг (техника, пищевая продукция, мода, досуг), большей частью встречаются стереотипы в рекламах об экологии/защите окружающей среды, здоровом образе жизни, воспитании, благосостоянии.

В духе немецкого менталитета можно выделить следующие стереотипы:

1. Обеспокоенность немцев проблемами защиты окружающей среды нашла свое отражение и в рекламе. Например, «*Warum es für die Umwelt besser ist, pulvertrocken zu lackieren?*» – «Почему для окружающей среды лучше использовать сухой лакировальный порошок?»;

2. Здоровый образ жизни также является неотъемлемой частью немецкой культуры, поэтому немцы активно пропагандируют пользу для здоровья продуктов натурального происхождения:

«*Wie wär's, wenn Sie den Salat noch knackiger und gesunder anmachen? Mit Soja-Öl. Weil es von Natur aus alle gute Eigenschaften ideal verbindet. Es ist leicht bekömmlich, absolut neutral im Geschmack und durch und durch gesund... Von Natur reich bedacht*» – «Что бы сделало Ваш салат более свежим и полезным? Соевое масло. Потому что оно от природы идеально соединяет все лучшие качества. Легко получить абсолютно нейтральный вкус и еще более полезный для здоровья продукт. Одаренный природой»;

3. В немецкой рекламе также часто используются образы детей и семьи. С понятием «дети», например, в рекламе связаны стереотипы: маленькие дети громко кричат: «*Ein hungriger 18-Pfünder ist lauter als ein fahrender 18-Tonner*» [9].

Более того, при переводе рекламы важен учет актуальности рекламного концепта, этико-психологических особенностей, поведенческих

стереотипов целевой аудитории, отличающихся в разных странах. Стереотипные образы в рекламе, с одной стороны, могут вызвать улыбку у жителей своей страны, а с другой стороны, иногда не воспринимаются адресатом, либо вызывают неприятные ассоциации и отрицательные эмоции в других странах.

Обратимся к примеру неполной локализации перевода слогана с распространенным концептом «будущее» (*Zukunft*). Так, слоган «*Magazin für Zukunft und Politik: FUTURZWEI*» может быть переведен на русский язык как «*Будущее за политикой: FUTURZWEI*». Являясь ключевым словом в немецком варианте, «будущее» ассоциируется у русских с непредсказуемостью. Поэтому для создания положительного образа у российской аудитории добавим слово «светлое»: «*С политикой в светлое будущее: FUTURZWEI*», что вызовет большее доверие к данному журналу.

Самый яркий пример стереотипного отличия немецкой рекламы на российском рынке связан с рекламой супермаркетов *Media Markt* (2007 год). Немецкие агентства *Red Blue* и *GNInterpartners* использовали образ поросенка (национальный символ экономии), который не пришелся по душе российским телезрителям. Их оскорбил использованный в ролике образ свиньи. Создатели рекламы утверждали, что под «свиньей» они понимают везение, успех, поэтому в Германии образ поросенка торговой сети *Media Markt* пользовался огромным успехом, ибо основывался на успешном стереотипе свиньи. Но в представлении русских со свиньей связаны отрицательные качества. Поэтому реклама вызвала у россиян не только равнодушие, но и неприятие к ней по сравнению с Германией.

Это как раз и есть наглядный пример того, что бывает, когда текст рекламы перевели без прагматического компонента высказывания, т.е. без учета менталитета российской аудитории. Здесь следует применить транскреацию, то есть творчески адаптировать рекламный персонаж для России, выбрав другой символ экономии, богатства.

В процессе работы мы выработали алгоритм перевода рекламных текстов: внимательно прочитать слоган, затем весь текст рекламы (если он есть); постараться понять общий смысл, выделить рекламируемый продукт (товар, услугу, т.д.); перевести текст рекламы; перевести слоган, определив лексическое значение каждого слова, чтобы не исказить общий смысл; переосмыслить текст рекламы и включить ее в культурную среду языка перевода с учетом национально-культурных стереотипов целевой аудитории. Нужно использовать разнообразные речевые обороты и языковые приемы для формирования приятных ассоциаций у реципиента.

Итак, в результате исследования переводческих особенностей немецкого рекламного текста, можно сказать, что любая реклама есть лаконичное сообщение, несущее в себе стереотипность, экспрессивность и выразительность.

При переводе рекламного материала нужно применять транскреацию, или творческую адаптацию рекламного текста, поскольку стереотипы

существенно влияют на восприятие рекламных сообщений и учитываются при создании рекламных текстов, поэтому при переводе необходимо обращать на них пристальное внимание для успешного отражения реальности рекламного контекста.

Список использованных источников

1. Кривоносов А. Д. Жанры PR–текста. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 203 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: «Академия», 2001. 208 с.
3. Медведева Е. В. Рекламный текст как переводческая проблема // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 4. 24 с.
4. Налчаджян А. А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004. 352 с.
5. Викицитатник: Реклама. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B0> (дата обращения 17.01.2018).
6. Видео архив немецкой рекламы [Электронный ресурс] // Интерсеть Мировые новости. – Режим доступа: https://wn.com/deutsche_werbung (дата обращения 26.01.2018).
7. Пресса на немецком языке: газеты, журналы на немецком [Электронный ресурс] // Информационный Интернет-портал о Германии. – Режим доступа: <http://www.de-portal.com/ru/nemezkij-jazyk/prensa-na-nemezkom.html> (дата обращения 31.01.2018).
8. Архив рекламы [Электронный ресурс] // Немецкий веб-портал рекламных лозунгов. – Режим доступа: <https://www.slogans.de/slogans.php?GInput=gesundheitshotels&SCheck=1> (дата обращения 31.01.2018).
9. Национально-культурные стереотипы в рекламе [Электронный ресурс] // Студенческая библиотека онлайн. – Режим доступа: http://studbooks.net/987556/marketing/natsionalno_kulturnye_stereotipy_reklame_materiale_nemetskih_reklamnyh_tekstov (дата обращения 31.01.2018).

УДК 811.133.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Д. А. Сутурмина,

*магистрант второго курса кафедры немецкого языка и лингводидактики,
Институт иностранных языков, Московский городской педагогический
университет, Москва.*

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы передачи французских имен собственных на русский язык, анализируются особенности перевода женских и мужских имен в современной французской литературе, приводится классификация женских французских имен

собственных. В результате проведенного исследования выявляется наиболее распространенный способ перевода имен собственных – способ транскрипции. В ходе анализа автором статьи используются следующие методы: метод сплошной выборки, комплексный описательно-аналитический метод, структурно-семантический метод.

Ключевые слова: имя собственное, перевод, вариативность, способ транскрипции.

Summary. This article deals with the different methods of transferring French proper names into Russian, analyses the translation methods of male and female names in modern French literature and details the classification of French proper names. As a result of the carried out research, the most popular way of translating proper names is realized – transcription method. In the analysis, the author of the article uses the following methods: the methods of; continuous selection, continuous sampling, complex descriptive analysis, and the structural-semantic method.

Key words: proper names, translation, variability, transcription method.

В современных условиях сближения и консолидации стран особое значение приобретает перевод, представляя собой одну из важнейших форм межкультурной коммуникации. Исследования в области переводоведения имеют большое значение с точки зрения расширения контактов между представителями разных лингвокультурологических общностей [1, с. 3]. С нашей точки зрения, наиболее трудными для передачи с одного языка на другой являются имена собственные (далее – ИС), поскольку они всегда являются носителями уникальной культурной информации. Собственные имена составляют особый раздел языка: как и прочие имена существительные, они могут приобретать дополнительные коннотации и употребляться в качестве имен нарицательных, между тем их основная роль – указывать на отдельные объекты как на единичные.

Наша статья посвящена изучению различных способов передачи на русский язык французских имен собственных, в частности женских и мужских имен собственных.

Когда говорят об именах собственных, обычно имеют ввиду вполне собственные имена, так как именно в них наблюдаются наиболее типичные отличия от имён нарицательных. Общее свойство всех собственных имён состоит в том, что ИС, соотносятся с классом вещей, имеют своё значение в названии и только, никаких понятий не выражают. Единственное, что позволяет провести достаточно резкую границу между именами собственными и нарицательными – это невозможность описывать имена нарицательные посредством имён собственных. Следует подчеркнуть, что описание имён собственных с помощью имён нарицательных – процедура не только возможная, но не менее естественная, чем документальное или художественное (фотография, рисунок) изображение объекта, обозначаемого именем собственным. Объясняется это особым знаковым характером имён собственных, которые образуют «иную знаковую систему

для тех же предметом из реального мира вещей, для которых создаются и обычные языковые знаки – имена собственные» [5, с. 36]. Данное положение важно для практики перевода, так как без своего нарицательного двойника имя собственное редко может быть адекватно воспринято и понято адресатом перевода.

Необходимость давать имя себе подобным является чертой человеческого мышления, что в свою очередь, объясняет многофункциональность использования ИС в отличие от имен нарицательных. ИС неотделимы со смыслом и организацией высказывания, выполняют основную функцию – индификацию (термин Седельникова И.И.) объектов действительности. ИС не зависят от контекста, хотя, будучи обусловлены предпочтениями переводчика в выборе конкретного способа их передачи, ИС способны придавать тексту различную направленность. Такой двойственный характер ИС позволяет отнести их к нестандартным единицам, в случае с которыми необходимы специальные приемы преобразования в тексте (языке) [5, с. 192].

Передача ИС с одного языка на другой – проблема сложная и разносторонняя. ИС, как носители информации, могут приобретать вторые, нарицательные значения, иметь целую совокупность признаков, характеризующих носителя имени, например, имена исторических деятелей, персонажей известных литературных произведений, а также распространенных у данного народа имен таких, как *Elizabeth II, Claude Monet, Петр I, Михаил Ломоносов*.

Фоновый потенциал ИС может заключаться в отражении ими исторических факторов, событий – *Jeanne, Мэлс, Октябрина, Владлен*, социальной принадлежности – *Odette (богачка), Reine (королева) Basil (король), Прокон, Похом*. Кроме того, выделяются ассоциативные имена *Charles, Marseille, Amélie, Алексей, Добрыня Никитич, Владимир Ильич*.

Отметим, что большая часть французских и русских мужских имен имеет традицию при взаимных переводах: так, французское имя *Georges* может передаваться буквой Г вместо Ж, а имя *Henri* буквой Г. Но с точки зрения перевода, особый интерес представляют женские имена, так как их французская часть может подвергаться в русском языке реграмматикализации (термин И. И. Седельникова), то есть приобретать или терять своих формально-грамматические признаки рода. В этой связи отечественный исследователь И. Седельников выделяет несколько групп женских имен:

1) имена, которые прочно утвердились в русскоязычной культуре и существенно влияют на характер перевода большинства женских имён: *Жанна, Изабелла, Луза, Маргарита, Элеонора*;

2) имена, имеющие типичные для русского языка именинные окончания женского рода -а, -я: *Анита, Берта, Вероника, Женевьева, Иолана, Лина, Моника, Сюзанна*;

3) имена созвучные с мужскими: *Андре, Валери, Кристиан, Марсель, Мишель, Паскаль*. Стоит отметить, что графически при написании на французском языке их можно отличить от мужских имён, в русском же варианте только контекст позволяет идентифицировать имя.

4) имена, которые могут без труда ассоциироваться с параллельными русскими *Надин, Ирэн, Элен, Катрин, Лиллиан, Натали*.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод о том, что в передаче на русский язык официальных женских имён отмечаются случаи графической и грамматической вариантности.

Проблема перевода ИС – это главным образом точное указание на единичный объект, а посему и проблема множества вариантов языковых средств, применяемых переводчиком. По мнению В. Г. Гака не стоит менять исходные ИС, так как в них заложена специфика языка данного народа [2, с. 352]. Передачей ИС может служить транскрипция или транслитерация. Транслитерация – «формальное побуквенное воссоздание исходной токсической единицы с помощью алфавита переводящего языка; буквенная имитация формы исходного слова» [4, с. 40]. Транслитерация отличается от практической транскрипции своей простотой и возможностью введения дополнительных знаков. Сегодня транслитерация в чистом виде в русской языковой практике не применяется. Дело в том, что в английском, французском, немецком языках многие буквы латинского алфавита либо изменили свое звуковое значение, либо читаются нестандартно в определенных буквосочетаниях и словах. Поэтому транслитерация их русскими буквами, если ее проводить последовательно, будет порождать варианты этих имен, мало похожие при чтении на оригиналы.

В целом большинство имен и названий передается в настоящее время средствами графики, то есть способом транскрипции. Транскрибированные имена собственные являются теми немногими элементами перевода, которые сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме. Допустима и реально имеет место практика прямого переноса имени, то есть написания его латинскими буквами.

Прямой перенос раньше редко практиковался, но иногда это допускалось в специальных научных текстах. Недостаток практики прямого переноса состоит в том, что говорящие на другом языке часто не могут определить по написанию, как произносится иноязычное имя собственное. Переносимая имя в неизменной форме, носители принимающего языка нередко навязывают имени произношение, соответствующее правилам чтения на их родном языке. Например, французы произносят имя Моцарта *Mozart* так, как если бы это было французское именование, – [*mozar*] [4, с. 40].

Основываясь на выше упомянутых способах передачи ИС, мы предприняли попытку анализа особенностей перевода женских и мужских имен в современной французской литературе, а также рассмотрели способы передачи ИС на русский язык, используемые переводчиками. Полученные нами результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Примеры перевода французских ИС на русский язык

Автор произведения, название произведения	Французские ИС	Русский вариант перевода ИС
Guillaume Musso «Sauve-moi»	Juliette Beaumont Jean-Camille	Жюльет Бомон Жан Камий
Amelie Nothomb «Mercury»	Jacqueline Le Capitaine (Omer Loncours) Françoise Chavaigne Mortes-Frontières	Жаклин Капитан (Омер Лонкур) Франсуаз Шавень Мертвый Предел
Muriel Barbery «L'élégance du hérisson»	Marx Antoine Pallières Renée Rue de Grenelle Manuela Pierre Arthens	Маркс Антуан Пальер Рене Улица Гренель Мануэла Пьер Артанс

Нами было проанализировано более 50 ИС, из них 83% переводятся транскрипцией, 8,5% передается с помощью транскрипции с элементами транслитерации и 8,5% ИС переводится также транскрипцией, но с использованием экстралингвистических знаний переводчика. Таким образом, наиболее распространенный способ передачи ИС – транскрипция, остальные способы используются редко.

Так, в вышеупомянутых случаях переводчики воспользовались способом транскрипции и не стали прибегать к использованию расширенных переводческих комментариев. Это связано с тем, что большинство имен собственных не имеет эквивалента в русском языке, а, напротив, обладает своими собственными характеристиками, этимологией и национальным своеобразием.

Между тем, некоторые ИС при переводе прибегают к индивидуальному восприятию переводчика *Pierre Arthens – Пьер Артанс (Muriel Barbery «L'élégance du hérisson»)* передача последней нечитаемой согласной. В данном случае указанное ИС не оказывается решающим для контекста, возможно переводчик выбрал такой способ для упрощения чтения и восприятия русскоговорящих читателей.

При переводе ИС *Mortes-Frontières* переводчик столкнулся с огромным вариантом передачи данного ИС на русский язык. Анализируемое ИС является решающим для контекста. Переводчик использовал все экстралингвистические знания для выбора лучшего варианта, который погружает читателя в роман.

Рассмотрим подробнее пример передачи на русский язык ИС из произведения *Amelie Nothomb «Mercury» Le Capitaine*. Известно, что во французском языке все ИС пишутся без артиклей, наличие определенного или неопределенного артикля указывают на какую-либо особенность

данного ИС. Что касается примера *Le Capitaine*, использование артикля в этом случае можно объяснить сближением понятия имени нарицательного и имени собственного. Обратимся к контексту:

Le Capitaine est l'homme le plus généreux que j'aie rencontré..... il y a une moitié de moi qui aime, respecte et admire le Capitaine, et une moitié cachée qui vomit le vieux.

В данном контексте мы можем наблюдать переход имени нарицательного в ИС, этот процесс является регулярным и наполняет слово новым понятием с новыми существенными признаками.

Итак, существуют разнообразные способы перевода имен собственных, при этом самый распространенный – способ транскрипции. Между тем, какой бы способ не был использован переводчиком, важно подчеркнуть, что сам процесс перевода требует кропотливой работы, которая предполагает определенный уровень знаний и подготовки. Поэтому знакомство с бытом, обычаями, традициями, культурой, литературой разных народов становится все более значимой предпосылкой для качественного перевода.

Список использованных источников

1. Абаева Е. С. Особенности перевода отрывков с юмористическим эффектом, построенным на столкновении скриптов [одушевленное] / [неодушевленное] // Вестник МГПУ. – 2017.–№ 2 (26). С. 72–80.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
3. Кулешова А. В. Лингвокультурологические аспекты перевода статей информационного жанра французской прессы. // Материалы межвузовской научно-практ. конф. «Актуальные проблемы преподавания курса перевода в Вузе». М., 2010. С. 143–149.
4. Нуралиева Г. Методы перевода собственных имен и особенности перевода некоторых групп имен собственных // Филологические науки. Вестник современной науки. – 2016.–№4. С. 40–42.
5. Санжеева Л. Ц. Лингвокультурологический потенциал имен собственных и его учет при переводе. // Вестник ВГАСУ. – 2009. – № 12. С. 188–196.
6. Седельников И. И. Вариантность языковых средств в переводе: Транскрипция и ономастика, на материале французского и русского переводов и языковых параллелей: дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 210 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
8. Суханова А. С. Передача имен собственных с точки зрения теории перевода // Актуальные проблемы филологии: материалы. Пермь: Меркурий, 2012. С. 105–107.

УДК 81.25

КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТРУКЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕДИЦИНСКОГО ПРЕПАРАТА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Е. Е. Сухарева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации, факультет романо-германской филологии, Воронежский государственный университет, Воронеж

Аннотация. Статья посвящена анализу композиционных и лингвистических особенностей такой разновидности медицинского текста, как инструкция по применению лекарственного препарата с целью выявления доминант перевода для данного типа специального текста.

Ключевые слова: инструкция по применению лекарственного препарата, медицинский перевод, доминанты перевода.

Summary. The article examines structural and linguistic peculiarities of a package leaflet as a type of medical text in the context of translation difficulties to outline the coping strategy.

Key words: package leaflet, medical text, translation difficulties.

Основная цель проведенного исследования – анализ композиционных и лингвистических особенностей такой разновидности медицинского текста, как инструкция по применению лекарственного препарата с целью выявления доминант перевода для данного типа специального текста. Специфика текста инструкции по применению лекарственных средств в аспекте перевода заключается в следующем: несмотря на то, что такой тип текста относится к сфере медицинского перевода и является предметом деятельности медицинского переводчика, в то же время он характеризуется значительной долей терминологии и тематической лексики из области фармации, что предполагает компетентность переводчика сразу в нескольких областях. Помимо медицины, это химия и биология.

Инструкция по медицинскому применению лекарственного препарата (листок-вкладыш) является одним из документов клинической части регистрационного досье - основного вида фармацевтических документов, необходимого для регистрации препарата и его запуска на рынок. Регистрационное досье представляет собой пакет материалов регламентированной структуры и содержания, который представляется вместе с заявкой на регистрацию лекарственного продукта и содержит описание его состава, условий производства, упаковки, маркировки и результаты исследований, проведенных в соответствии с установленными требованиями. Для регистрации препарата и его реализации на территории другой страны необходимо наличие и, соответственно, перевод пакета сопроводительной и разрешительной документации. Для качественного перевода таких документов, в частности, текста инструкции по применению препарата, необходимо знание его композиционных и лингвистических особенностей. С целью

выявления таких особенностей и определения доминант перевода нами был проведен сравнительный анализ инструкций по применению лекарственных средств на английском и русском языках (Ampicillin, Avamys, Botox, Danol, Dermovate, Keppra, Lamisil, Maalox, Nalcrom, Skinoren, Tarivid).

В ходе анализа решались задачи по определению композиционной структуры документа на русском и английском языках, его стилеобразующих лексических и грамматических особенностей. В данном контексте анализировались переводческие решения и выявлялись способы перевода устойчивых оборотов и клише, лексико-грамматических структур, а также специальной терминологии и тематической лексики. Проводился сопоставительный анализ вариантов перевода, представленных в словарях, с вариантами, существующими в сфере функционирования.

Результаты

1. Структура документа, перевод названий разделов.

Структура инструкции медицинского текста представляет собой группировку элементов содержания по определенной логической схеме, которая обусловлена функциональной направленностью текста. Несмотря на некоторую вариативность формата инструкций к медицинским препаратам, можно выделить ряд общих разделов, характерных для структуры любой инструкции-вкладыша на русском и английском языках: *название лекарственного средства, название фирмы-производителя, код АТХ (Анатомо-терапевтическо-химическая классификация), МНН (Международное непатентованное название), клинко-фармакологическая группа, форма выпуска, показания к применению, состав, фармакологические свойства, способ применения и дозировка, побочные действия, лекарственное взаимодействие, противопоказания, передозировка, условия хранения, срок годности и условия отпуска из аптек.*

При переводе названий перечисленных разделов в функциональной сфере выявляются следующие устойчивые соответствия:

- generic name – непатентованное название
- brand name – торговое название
- pharmaceutical form – лекарственная форма
- list of excipients – состав
- pharmaceutical particulars – фармакологические свойства
- posology and method of administration – способ применения и дозы
- contradictions – противопоказания
- box warnings/special warnings – особые указания
- precautions – с осторожностью
- interaction with other medicinal products, incompatibilities – взаимодействие с другими с другими лекарственными средствами
- undesirable/side effects – побочное действие

- shelf life – срок хранения
- storage/special precautions for storage – условия хранения

Как видно, для перевода используются устойчивые обороты, существующие в сфере функционирования и обусловленные контекстом. Например, в тексте инструкции *generic* – именно *непатентованное название*, а не *дженерик*, информация о случаях несовместимости (*incompatibilities*) включена в общий раздел *взаимодействие с другими лекарственными средствами*, соответственно в переводе применяется прием опущения.

2. Лексические особенности: несовпадение объема значений терминов, различия в употреблении эпонимов, устойчивых соответствий, частотности употребления медицинских аббревиатур, наличие «ложных друзей» переводчика.

Примеры:

atheroma – атеросклеротическая бляшка (**не только** «атерома»)

sebaceous cyst – атерома (**реже** «киста сальной железы»)

angioedema – отек **Квинке**; ангионевротический отек

Lou Gehrig's disease – болезнь **Шарко**, чаще БАС

Следующие примеры иллюстрируют различия в частотности употребления медицинских аббревиатур (в русском преобладает полный вариант):

a) *Among patients not using CIC at baseline, those with MS were more likely to require CIC post-injection than those with SCI.*

CIC (Clean Intermittent Catheterization) – катетеризация мочевого пузыря

SCI (Spinal Cord Injury) – травма позвоночного столба

MS (multiple sclerosis) – рассеянный склероз

MS (mitral stenosis) – митральный стеноз

b) *Tell your doctor about all your muscle or nerve conditions such as ALS.*

ALS (Amyotrophic Lateral Sclerosis) – боковой амиотрофический склероз (БАС - не путать с **синдромом БАС** при клещевом энцефалите)

3. Грамматические особенности: различия в традициях выражения императивности.

Примеры:

If you are taking another drug – При одновременном приеме

...the lowest effective dose should be used – ...**назначают** минимальную терапевтическую дозу

Apply sparingly to the affected area – Мазь **наносится** тонким слоем на пораженную область

Do not chew! – Не **разжевывать!**

Physicians and patients should remain alert – **Показан** тщательный контроль

Анализ материала позволил обозначить следующие доминанты перевода текста медицинской инструкции:

1. Терминология и специальная лексика (переводится прямыми эквивалентами и вариантными соответствиями):

- общемедицинская лексика;
- специальная лексика из конкретной области медицины;
- специальная лексика из области химии и биологии.

2. Общеязыковая лексика:

- лексические средства обеспечения логической связности текста *in case of, either/or* и т.д. (переводятся функциональными соответствиями);
- лексические средства выражения цели назначения и рекомендательности (переводятся функциональными соответствиями).

3. Аббревиатуры и сокращения (в текстах инструкций переводятся полными соответствиями).

4. «Ложные друзья» переводчика (переводятся вариантными соответствиями).

5. Устойчивые обороты, клише (переводятся функциональными соответствиями).

6. Синтаксические средства выражения цели назначения и рекомендательности (обычно переводятся функциональными соответствиями с использованием неличных форм глагола либо прямого императива):

- инфинитивные конструкции;
- модальные конструкции;
- императивные конструкции с использованием личных форм глагола.

Список использованных источников

1. Словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitrans.ru>
2. Dictionary by Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/medical>
3. Medical Encyclopedia: MedlinePlus [Электронный ресурс]. URL: <https://medlineplus.gov/Medical Encyclopedia>
4. Stanley Jablonski. Dictionary of Medical Acronyms & Abbreviations - 5th Ed. – Philadelphia: Elsevier, Inc., 2005 – 983p.
5. The Electronic Medicines Compendium (eMC) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medicines.org.uk/emc/medicine>
6. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com>

УДК 37.013

**LINGUO-CULTURAL FEATURES OF TRANSLATION
FROM ENGLISH INTO KAZAKH***Д. Тажиева*

студентка второго курса кафедры общего языкознания и теории перевода филологического факультета ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана

Аннотация. В статье анализируется перевод романа «Над пропастью во ржи» с английского языка на казахский через язык посредник и передача лингво-культурологических особенностей при переводе.

Ключевые слова: переводческие трансформации, опущение, культурологическая единица, лингво-культурологические особенности.

Summary. The article analyzes the translation of the novel «The Catcher in the Rye» from English into Kazakh through interlanguage and the transfer of linguistic-cultural specialties in the translation.

Key word: transformations, omission, cultural unit, linguistic and cultural features.

Salinger was the son of a Jewish father and a Christian mother, and, like Holden Caulfield, the hero of *The Catcher in the Rye*, he grew up in New York City, attending public schools and a military academy. After brief periods at New York and Columbia universities, he devoted himself entirely to writing, and his stories began to appear in periodicals in 1940. After his return from service in the U. S. Army (1942-46), Salinger's name and writing style became increasingly associated with *The New Yorker* magazine, which published almost all of his later stories. Some of the best of these made use of his wartime experiences: «For Esmé—with Love and Squalor» (1950) describes a U. S. soldier's poignant encounter with two British children; «A Perfect Day for Bananafish» (1948) concerns the suicide of the sensitive, despairing veteran Seymour Glass [1, p. 14615].

It is clear at the first sight that *The Catcher in the Rye* differs from the author's other works. Aside the novel 13 short stories of his were published, all originally written in the period 1948-59. Not only the format is changed, but also the theme. As we can see J. D. Salinger had had the tendency of writing about WW II as many other writers who experienced the battlefield.

In their book «The fiction of J. D. Salinger» its authors, F. L. Gwynn and I. L. Blocher, wrote: «After “Down at the Dinghy” comes “For Esmé” and after “For Esmé” comes Salinger's most sustained success, *The Catcher in the Rye*. This novel's exciting resemblances to *The Adventures of Huckleberry Finn* have been justly noted by a number of critics – the comic irony, the colloquial language, the picaresque structure, and the theme of anti-phoniness – and it is not inconceivable that some day Holden Caulfield may be as well known an American boy as Huck Finn. For a reader goes through much the same pattern of relishing both boys: first it is the release provided by their rebellion against sham, and then the sympathetic awareness of their melancholy roles. After the reader recovers from the releasing joy of Holden's invective and of his exposure of phoniness, he

goes on to appreciate the pathos of Holden`s loneliness and frustration» [2, p. 28-29].

In his article "Huck Finn's" First Century: A Bibliographical Survey Carl Dolmetsch notes "Adventures of Huckleberry Finn" has been influencing other literary works, one of which is Salenger`s work, for centuries. Huckleberry Finn is a bildungsroman and a picaresque roman at the same time. The Catcher in the Rye is a bildungsroman and has only the slightest elements of the picaresque roman, not the main idea that actually matters in identifying the genre [3, p. 92].

Bildungsroman (German: "novel of formative education"), class of novel that deals with the formative years of an individual [4, p. 1852].

The book is written from the main character`s point of view and is realistic with the language, the tool of writing and the main subject. There hardly is a plot, when it comes to external actions, but readers are captivated with internal changes, namely Holden`s psychological and moral growth well-thought by the author. Moral education is the main purpose of the book. That`s why we cannot identify it as picaresque despite the novel`s vulgar language.

The Catcher in the Rye was translated to Kazakh in 2005 by Aldan Smayil.

Aldan Smayil graduated S. M. Kirov Kazakh National University in 1970 as a teacher of Kazakh language and literature. He worked in a great variety of fields and wrote books in Kazakh, and now his occupation is a deputy of the Mazhilis in Committee dedicated to social-cultural development. He speaks Kazakh and Russian [5, p. 117-118].

Aldan Smayil`s translation was performed through Russian language. The classic Russian translation belongs to Rita Rait-Kovaleva as «Over the Abyss in Rye». Aldan Smayil changed the name of the book as well as Rait-Kovaleva. The English translation for it would be «The Loner who`d walked along the Abyss».

The following examples are taken from the second chapter of the book, where we see the protagonist interact with someone for the first time. This first time creates a pattern and sets the theme of how people treat Holden, up until his interaction with the only person who actually listens to him, his little sister.

*They got a bang out of things, though--in a **haif-assed** way, of course. I know that sounds **mean** to say, but I don't **mean** it **mean**. I just **mean** that I used to think about old Spencer quite a lot, and if you thought about him too much, you wondered **what the heck he was still living for**. I mean he was all **stooped over**, and he had very **terrible posture**, and in class, whenever he dropped a piece of chalk at the blackboard, some guy in the first row always had to get up and pick it up and hand it to him. **That's awful**, in my opinion.*

И все-таки они получали удовольствие от жизни, хоть одной ногой и стояли в могиле. Знаю, свинство так говорить, но я вовсе не о том. Просто я хочу сказать, что я много думал про старика Спенсера, а если про него слишком много думать, начинаешь удивляться — за каким чертом он еще живет. Понимаете, он весь сгорбленный и еле ходит, а

если он в классе уронит мел, так кому-нибудь с первой парты приходится нагибаться и подавать ему. По-моему, это ужасно.

*Бір аяғымен көрде тұрса да, өмірлеріне риза. Олар туралы бұлай деу дұрыс емес әрине. Спенсер қария жайлы көп ойлайтындығымнан гана осылай **толқыған** шығармын сірә. **Шындығында сіңіріне ілінген қартқа ендігі тірліктің қажеті қанша.** Өзі **құныстанып** кеткен, аяғын зорға алып жүреді, **дәріс** оқып тұрғанда қолынан боры түсіп қалса, өздігінен ала алмайды, алдыңғы партадағылардың біреуі әперуі керек. Мен үшін мұның бәрі **үрейлі**.*

Even though the word «ass» is a vulgar choice to express one's thoughts it actually has a cultural significance, because by this word only we can tell that it's American English. British people prefer to say «arse».

The word «mean» is constantly used and has three definitions. The first time it's an adjective, and the appropriate synonym for it would be «unpleasant». The second is a verb, and it has a meaning of «intend». The last one is a verb too, though here it is about what Holden has in mind. The meaning of «unpleasant» is preserved, even though in Kazakh it's literally translated as «wrong».

Both in English and Russian the emotional state of the main character is «wonder». He simply wonders about the meaning of life when one can barely function without assistance. In Kazakh, however, the choice of word «ТОЛҚЫҒАН» can only describe one's concern, it is even translated as «worried». This paragraph is definitely intended to make Holden seem relatable and full of empathy. The finishing sentence «That's awful, in my opinion» makes it obvious at the very end leaving readers some time to guess why Holden brought it up at all, and even that sentence is changed by the equivalent of «For me all of it is scary». Kazakh translation lacks the same discreteness, and at the end cancels all of the concern for someone else with a fear for one's own self.

Mr. Spenser is originally «stooped over» and has «very terrible posture». In Russian only the first one is kept. It's «құныстану» in Kazakh translation, which literally means «to possess a hunch».

*He was reading the **Atlantic Monthly**, and there were pills and medicine all over the place, and everything **smelled like Vicks Nose Drops**.*

*Он читал «**Атлантик мансли**», и везде стояли какие-то пузырьки, пилюли, все **пахло каплями от насморка**.*

*Қария болса «**Атлантик манелиді**» оқып отырған екен, маңайында **дәрінің** шынылары қаптап тұр.*

It's hard to tell when you face with a misprint or an actual mistake of the translator. «Atlantic Monthly» is a culture-bound item, a name of the magazine. It's translated into Russian by means of transcription, and the second word is started with a lowercase letter, thus it must be the same in Kazakh variant. In actuality it's «Atlantic maneli» in Kazakh translation, which might be a mere misprint, but who knows.

«Vicks Nose Drops» is another one culture-bound item in the same sentence. Russian translator keeps “nose drops” and leaves out «Vicks», because it wouldn't create any associations among Russian speakers. In Kazakh translation «nose drops», «pills» and «medicine» went through lexical transformation, namely generalization, as “medicine”.

As for an effect on a reader intended by the author, in the original it challenges our sight and scent, which we can tell from the description of surrounding and the word «smell». However in Kazakh translation there is not a hint of «scent». We lost a sense and didn't even notice that.

*He started going into this **nodding routine**. You never saw anybody **nod as much in your life as old Spencer did**. You never knew if he was nodding a lot because he was thinking and all, or just because he was **a nice old guy that didn't know his ass from his elbow**.*

Тут он начал качать головой. В жизни не видел, чтобы человек столько времени подряд мог качать головой. Не поймешь, оттого ли он качает головой, что задумался, или просто потому, что он уже совсем старикашка и ни хрена не понимает.

Бәлкім ойланып шығар, әлде кәрілігінен бе, қария басын ұзақ шайқады.

Kazakh variant may be translated as «Maybe he was deep in thought, or his oldness was the matter that he was nodding». Here we face with the main con of Kazakh translation of the book, it shortens and generalizes sentences, and we can actually notice it. We are basically punched in the face by how apparent it is. Three sentences were united into one, and that one sentence leaves out a whole fact about Mr. Spencer having a habit to nod so much it became a routine, and how perplexed or even annoyed Holden is about it. Such small details might be unimportant for a story but they compose a character development to make said story more believable. It doesn't even matter as much that an expression “a nice old guy that didn't know his ass from his elbow” is changed and softened, even though in Russian translation the harshness is preserved.

*"Well. . . they'll be pretty irritated about it," I said. "They really will. This is about the fourth school I've gone to." I shook my head. **I shake my head quite a lot**. "Boy!" I said. I also say "Boy!" quite a lot. Partly because **I have a lousy vocabulary** and partly because I act quite young for my age sometimes. I was sixteen then, and I'm seventeen now, and sometimes I act like I'm about thirteen. It's really ironical, because I'm **six foot two and a half** and I have gray hair. I really do. The one side of my head – the right side – is full of millions of gray hairs. I've had them ever since I was a kid. And yet I still act sometimes like I was only about twelve. Everybody says that, especially my father. It's partly true, too, but it isn't all true. People always think something's all true. I don't give a damn, except that I get bored sometimes when people tell me to act my age. Sometimes I act a lot older than I am – I really do – but people never notice it. People never notice anything.*

– Как сказать... Рассердятся, наверно, – говорю. – Должно быть, рассердятся. Ведь я уже в четвертой школе учусь.

И я потрянул головой. Это у меня привычка такая.

– Эх! – говорю. Это тоже привычка – говорить «Эх!» или «Ух ты!», отчасти потому, что у меня не хватает слов, а отчасти потому, что я иногда веду себя совсем не по возрасту. Мне тогда было шестнадцать, а теперь мне уже семнадцать, но иногда я так держусь, будто мне лет тринадцать, не больше. Ужасно нелепо выходит, особенно потому, что во мне **шесть футов и два с половиной дюйма**, да и волосы у меня с проседью. Это правда. У меня на одной стороне, справа, миллион седых волос. С самого детства. И все-таки иногда я держусь, будто мне лет двенадцать. Так про меня все говорят, особенно отец. Отчасти это верно, но не совсем. А люди всегда думают, что они тебя видят насквозь. Мне-то наплевать, хотя тоска берет, когда тебя поучают – веди себя как взрослый. Иногда я веду себя так, будто я куда старше своих лет, но этого-то люди не замечают. Вообще ни черта они не замечают.

- Кім білген... Балкім ренжір, - дедім. – Иә, нақ солай, ренжиді албетте. Менің сенделуім бұл бір емес қой, мектепті төртінші рет ауыстырып отырмын.

Кобалжығандықтан Эх! Деп басымды сілкіп қалдым. Осындай дағдым бар. Эх! немесе Ух! деп отырғаның, әсіресе аузыңа сөз түспеген кезде. Кейде жас шамаңа қарамай ересек сөйлегің келгенде сөйтесің. Өзіңді тым балаң сезінгенде де солай. Ал менің түріме қарап ешкім бозбала деп ойлай қоймайды. Көрер көзге еңгезердеймін, бір жақ шекемнің шашына ақ кірген. Сондықтан шыған, өзімді үлкендерше ұстауға тырысатыным бар. Оны ел аңғара білмейді.

The original went through slight changes due to the difference of shaping paragraphs and exchanges. The text seems longer in Russian, and must be even longer in Kazakh. However it's actually shortened and generalized again.

An expression «Boy!» was translated as «Эх!» and «Ух!» both in Russian and Kazakh. To be clear «Эх!» and «Ух!» stayed in Kazakh translation because such exclamations exist in both languages. The protagonist also admits his «lousy vocabulary», while in Kazakh his expressions are richer than they were intended to be originally.

Foot is a western unit of measurement. In Russia and Kazakhstan we use metric system. Russian translator didn't change foots into meters, so we would be reminded that the story was happening in America, while the height isn't even mentioned in Kazakh translation.

The whole paragraph in Kazakh contains a huge contextual mistake if one compares it to the original and Russian translation. In Kazakh translation Holden tries to act like an adult due to his appearance, which is the reason why he feels as an imposter, more of a child than he already is. It is actually vice versa. He is

expected to act like an adult, and if he does it's described as an exception. He doesn't actually care about that knowing how people around him are blind to anything.

It must be said that the whole book itself is a linguacultural peculiarity of America, its youth, its postwar mood and its view of life. It's impossible to transmit all the details of this book. The translators made a grand job of delivering the material to the audience so they could comprehend it, despite the tendency of generalizing in Kazakh translation. The translator made it richer with synonyms and passages, but it's questionable if there ever was such need in the first place. It lacks abruptness of a teen's thoughts.

In conclusion Kazakh translation saved the most part of details, and it is a very dignified piece worth to be read, but the believability of J D Salinger's work isn't fully there.

References

1. Britannica Global Edition. Volume 25. Dale H. Hoiberg, Michael Levy, 2016. 14615 p.
2. The fiction of Salinger. Gwynn F. L. and Blother I. L., 1960. P. 28 – 29/
3. «Huck Finn's» First Century: A Bibliographical Survey. Carl Dolmetsch. American Studies International. Vol. 22, No. 2 (October 1984). P. 92
4. Britannica Global Edition. Volume 3. Dale H. Hoiberg, Michael Levy, 2016. 1852 p.
5. Қазақстан Республикасында кімнің кім екені. 2 томдық анықтамалық. Алматы, 2011. Б. 117–118.

УДК 81`42

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АРГУМЕНТАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Л. П. Тарнаева,

доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Цель работы заключалась в исследовании культурно-специфических характеристик аргументативных стратегий профессионального дискурса в свете проблем перевода. На основе сопоставительного лингвокультурного анализа фрагмента англоязычного профессионально-ориентированного текста и его перевода на русский язык выявлен ряд национально-культурных особенностей лексико-фразеологической и грамматической организации тактик информирования, иллюстрирования и прогнозирования, реализующих аргументативную стратегию в тексте.

Ключевые слова: дискурс, национально-культурные особенности, аргументативная стратегия, тактики информирования, иллюстрирования, прогнозирования, сопоставительный лингвокультурный анализ.

Summary. The article is aimed at the study of culture specific characteristics of argumentation in Russian and English professional discourse in the translation perspective. On the basis of culture-oriented contrastive analysis, a number of culture-specific characteristics were identified on lexical, idiomatic and grammatical levels in arranging tactics of informing, illustrating and predicting which actualize argumentation strategy in the text.

Key words: discourse, culture-specific characteristics, argumentation strategy, tactics, informing, illustrating, predicting, culture-oriented contrastive analysis

Одним из важных критериев оценки адекватности перевода является учёт особенностей риторических традиций контактирующих национальных дискурсов. Межкультурные исследования речевой коммуникации свидетельствуют о том, что в каждом национальном дискурсе присутствуют культурно-специфические характеристики, отражающие особенности национального менталитета носителей данного языка.

Речевая коммуникация представляет собой процесс, в котором каждый из её субъектов выстраивает свои собственные стратегии с целью достижения определённого эффекта. Среди наиболее частотных стратегий, к которым прибегают участники профессионального общения, исследователи выделяют стратегию аргументации, которая понимается как логико-коммуникативный процесс приведения логических доводов с целью доказать истинность какого-либо положения, обосновать определенную точку зрения с целью ее восприятия, понимания и принятия индивидуальным или коллективным реципиентом. Аргументация строится с привлечением как вербальных, так и невербальных средств общения, включая психическое воздействие на другую сторону коммуникации. Как речевая коммуникативная деятельность аргументация включает в себя мировоззренческие, этические, психологические параметры [4].

В качестве единиц дискурса, реализующих коммуникативные стратегии в вербальном плане, выступают речевые тактики, которые в самом общем виде определяются как «локальные риторические приёмы и линии речевого поведения» [2, с. 208]. Если стратегию понимать как глобальный план достижения определённой цели, то тактики, её составляющие, являются конкретизацией этого глобального плана, своего рода пошаговыми действиями, нацеленными на достижение конечной цели.

В исследовательской литературе типизация речевых тактик осуществляется по критерию реализации ими коммуникативных стратегий. Так, к примеру, для реализации рациональной и эмоциональной аргументации существует разный набор тактик: в стратегиях рационального аргументирования используются чаще всего тактики убеждения, призыва, верификации, иллюстрирования, обещания; в эмоциональном аргументировании – тактики скрытой угрозы, обвинения, рекламирования, призыва [5]. Однако совершенно справедливым представляется мнение о том, что закрепление тактик за стратегиями условно, поскольку одна и та же

тактика может быть использована для реализации разных стратегий [7]. Если одни тактики по своей семантике могут быть закреплены только за определёнными стратегиями, то другие могут реализовать стратегии и той, и другой группы. Например, такие тактики как обобщение, конкретизация, сочетание знания и опыта, самопрезентация, частичное согласие и т.д. могут использоваться для реализации как аргументативных, так и манипулятивных стратегий [8].

Коммуникативные тактики представлены посредством речевых актов, сопровождаемых невербальными средствами коммуникации. Отношение речевых актов к той или иной речевой тактике актуализуется посредством единиц разного языкового уровня.

Отмечается, что аргументативное общение подчиняется широко известным принципам речевой коммуникации, обозначенным Грайсом и Дж. Личем – принципу кооперации, который реализуется в четырёх максимах (количество, качество, релевантность, ясность) [9] и принципу вежливости (максимы такта, великодушия, одобрения, симпатии, согласия, скромности) [10]. Тем не менее, при наличии общих принципов речевого общения, в каждой культуре существуют и собственные, опосредованные национальным сознанием максимы аргументации. Национально-культурная специфика аргументации может проявляться на любом уровне дискурса – в построении стратегии, в выборе тактик для реализации тех или иных стратегий, в организации речевых актов, лексико-грамматических средств и т.д. Данный тезис иллюстрируется далее на примере сопоставительного лингвокультурного анализа фрагмента англоязычного профессионального дискурса и его перевода на русский язык. В предложенном для анализа фрагменте стратегия аргументации реализуется посредством тактик информирования, иллюстрирования и прогнозирования.

*We have hit the mother lode! – says Laura Cadonati ... This is really the first time we have multi-messenger detection of a single astrophysical event, where **gravitational waves are telling us the story of what happened before the cataclysm and the electromagnetic emissions are telling us what happened after... giving researchers a new way to study these bizarre objects and learn just how big they can get before collapsing into a black hole.***

*Мы наткнулись на золотую жилу! – говорит Лаура Кадонати... На самом деле, мы впервые обнаружили гравитационно-волновое и электромагнитное явление как единое астрофизическое событие. **Гравитационные волны рассказывают нам историю о том, что произошло до катаклизма. Электромагнитное излучение повествует о том, что случилось после. ... ученые получают новые возможности для изучения этих странных объектов, а также выяснят, каких размеров они могут достигать до схлопывания и превращения в черную дыру** [11].*

В первую очередь обращает на себя внимание фраза, которая вводит тактику информирования *We have hit the mother lode!* Достаточно указать на восклицательный знак, который для профессионально-ориентированной

речи далеко не типичен. Тем не менее, в данном контексте он несёт значительную смысловую нагрузку: во-первых, указывает, на чрезвычайную важность события, о котором речь пойдёт далее, во-вторых, определяет принадлежность данного текста к публичной разновидности профессионального дискурса, нацеленного на достаточно широкую аудиторию. Здесь уместно обратиться к лингвокультурологическим комментариям в отношении восклицательного знака в русском и английском языках. В исследованиях отмечается, что в английском языке использование восклицательного знака достаточно ограниченное – обычно он встречается либо в устойчивых сочетаниях (чаще всего устаревших, например, в лозунгах), либо же для привлечения особого внимания (например, в случае опасности и т.п.) [3; 6 и др.]. В русском же языке, отмечают исследователи, восклицательный знак в письменной речи используется гораздо чаще. Отсюда можно сделать следующий вывод: в английском фрагменте восклицательный знак несёт более значимую, чем в русском переводе, смысловую нагрузку, следовательно, может рассматриваться в данном контексте как лингвокультурный маркер.

Далее, привлекает внимание лексическое наполнение фразы, инициирующей тактику информирования – в ней используется термин фразеологического происхождения *mother lode*, который в геологии имеет значение *основной, главный пласт или жила*; в золотодобыче *коренной источник*. Переносное значение, которое актуализуется в данном контексте, эквивалентно русскому фразеологизму *золотая жила*. Таким образом, имеет место совпадение средств, которые создают риторический эффект. Однако и здесь проявляется определённая степень национально-культурной специфики, которую можно проследить при межъязыковом сопоставлении семантической транспозиции мотивирующих основ данных фразеологизмов. Номинальное значение элементов, составляющих структуру фразеологизма *mother lode*, сводится к следующему: *mother* – *материнский*; *lode* – *путь, дорога* (от среднеангл. *lod, lode* – *way, course, journey*). При метафорическом переосмыслении актуализуется *образ матери* как символа того, что несёт *добро, благо* (в том числе – *материальное*). В основе семантической транспозиции при образовании русского фразеологизма лежит *образ золота*, как символа материального благополучия, т.е. нет той эмотивной коннотации, которая присутствует в английском соответствии, что, как можно предположить, выражает более высокую эмоциональную значимость материального блага.

Сопоставительный анализ приведённых выше фрагментов позволяет также вести речь о национально-культурной специфике грамматической организации аргументативной стратегии в русском и английском профессиональном дискурсе. В частности, обращает на себя внимание использование настоящего длительного времени Present Continuous в тактике иллюстрирования: ... *gravitational waves are telling us* ...

временная форма далеко не всегда выражает продолжительность действия. художественной литературы и разговорного стиля) с целью усиления эмоциональной окрашенности, придания большей выразительности изложению событий или фактов. Использование такого приёма в профессиональном дискурсе не противоречит риторическим традициям англоязычного профессионального дискурса, поскольку он более, чем русскоязычный профессиональный дискурс, открыт в плане принятия элементов персонального дискурса. При переводе на русский язык использование глаголов настоящего времени несовершенного вида в данном контексте подобного стилистического эффекта не имеет, а лишь свидетельствует о переносе национально-культурных особенностей аргументации из исходного текста в текст перевода, что далеко не всегда оправдано, а чаще всего вообще неуместно.

Более того, такая предикативная связь, как *gravitational waves are telling us / гравитационные волны рассказывают; electromagnetic emissions are telling us / электромагнитное излучение повествует*, достаточно обычная для английского языка, не характерна для русского профессионального дискурса. Исследователи перевода отмечают, что в английском языке частотностью отмечена такая структура высказываний, когда главным участником предметной ситуации становится субъект, который в логическом плане субъектом действия фактически не является. Это делается для того, чтобы положение субъекта соответствовало реме – той части высказывания, которая является наиболее важной для целей общения. В таких случаях подлежащее английского предложения может быть фактическим обстоятельством, объектом, признаком действия, и соответственно, на русский язык будет переводиться дополнением, обстоятельством (места, времени, цели), частью сказуемого и т.д. [1].

С учётом сказанного, можно предложить следующий вариант перевода фрагмента: *Благодаря гравитационным волнам мы узнаём о том, что произошло до катаклизма. Электромагнитное излучение позволяет нам узнать, что случилось после.*

В русском переводе английское подлежащее *gravitational waves* выступает в качестве обстоятельства, что соответствует логике происходящего; подлежащее *electromagnetic emissions*, хотя и сохраняет свой синтаксический статус, тем не менее, благодаря глаголу *узнать*, смысловой центр высказывания смещается в сторону реального субъекта действия, обозначенного местоимением *нам* (т.е. учёным).

Интерес представляет сопоставление способов грамматической организации тактики прогнозирования. В английском фрагменте данная тактика строится на основе словосочетания с неличной формой глагола, причастием I, в функции сопутствующего обстоятельства. Оно логически воспринимается как часть предшествующей информации, свидетельствующей лишь о некой возможности будущего действия – *giving*

researchers a new way to study ... В переводе же тактика прогнозирования звучит более категорично, будучи актуализована глаголами в функции сказуемого (*получат ..., выяснят*), т.е. обозначает действие, которое воспринимается как реалья будущего.

Осуществлённый в настоящей работе фрагмент сопоставительного лингвокультурного анализа показал, что национальные дискурсы, функционирующие в ситуациях профессионального общения, имеют как общие, так и культурно-специфические характеристики, учёт которых является важной составляющей успешности дискурсивной деятельности переводчика.

Список использованных источников

1. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. М.: УРАО, 2003. 104 с.
2. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: Учебник. 2-е изд., М.: ИНФРА-М, 2006. 272 с.
3. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Союз, 2001. 291 с.
4. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 1999.
5. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
7. Торбик Е. М. Персуазивные стратегии в деловом дискурсе (на материале англоязычных проектных заявок): автореф. канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.
8. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах. Автореф....к. филолог. н. М., 2014. 19 с.
9. Grice H. P. Logic and conversation // *Studies in the Way of Words*. Harvard University Press, 1991. P.22-40.
10. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. L.: Longman, 1983. 257 p.
11. Inosmi [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://inosmi.ru/science/20171018/240551538.html> (дата обращения 1.08.2014).

УДК 811.511.131

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ТЕКСТОВ НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

Н. Н. Тимерханова,

*кандидат филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой лингвистической типологии и лингводидактики, института
удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики,
Удмуртский государственный университет, Ижевск*

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности переводанаучно-популярных текстов с русского языка на удмуртский. Исходя из своеобразия сопоставляемых языков, отмечается, что

значительное влияние при переводе оказывает различие языковых систем, а именно разный базовый порядок слов – SVO для русского, SOV для удмуртского языка. Изданного различия вытекают следующие особенности: при переводе практически не используются транслирующие переводческие действия, а преобладают транслирующе-модифицирующие действия, применяются подстановки и трансформации.

Ключевые слова: перевод текстов, влияние своеобразия языковых систем, базового порядка слов на перевод.

Summary. The article deals with the translation of popular scientific texts from Russian into Udmurt. The peculiarities of translation are formed by distinctions in the grammar of the languages, namely basic SVO word order in Russian and SOV word order in Udmurt. These differences in grammar form the following peculiarity in translation: the majority of sentences are grammatically modified in translation.

Keywords: translation of texts, influence of specific language systems and basic word order on translation.

При переводе русских текстов на удмуртский язык приходится сталкиваться с определенными трудностями, которые в одних случаях связаны с лингвоэтническими барьерами, а в других – с собственно переводческими приемами (действиями и операциями). Рассмотрим и те другие на примере переводов географических текстов научно-популярного стиля.

Специалисты по переводу, в частности, Л. К. Латышев и А. Л. Семенов считают, что в плане лингвоэтнического барьера при переводе «фактором номер один является расхождение двух языковых систем» [2, с. 105]. Данный фактор является ведущим и при переводе текстов с русского языка на удмуртский, так как русский язык относится к флективной группе языков, а удмуртский – к агглютинативной. Кроме этого, как нами уже было отмечено в раннее вышедшей статье [3, с. 180–185], удмуртский язык относится к рецептивным языкам с левосторонним ветвлением (как, например, тюркские языки), а русский язык и многие европейские языки имеют правостороннее ветвление, причем хотелось бы обратить внимание на то, что в удмуртском языке были рассмотрены предложения и с базовым порядком слов, и небазовым. Уже данный факт может оказать значительное влияние на перевод текстов.

Далее необходимо отметить, что для современного удмуртского языка из порядка слов всех названных типов конструкций базовым является только порядок SOV (*Мон тонэ возьмасько* ‘Я тебя жду’), так как порядок SVO (*Мон возьмасько тонэ* ‘Я жду тебя’), OSV (*Тонэ мон возьмасько* ‘Тебя я жду’) и OVS (*Тонэ возьмасько мон* ‘Тебя жду я’) является актуализирующим для обозначения объекта, т. е. в таких предложениях фокусом высказывания является объект, на который направлено действие; порядок VSO (*Возьмасько мон тонэ* ‘Жду я тебя’) является актуализирующим для сказуемого, т. е. в этом случае фокусом будет

сказуемое. Говоря о базовом порядке слов в удмуртском языке, мы опирались не только на частотность, но и на прагматическую немаркированность, которая в других языках может не совпадать с максимальной частотностью в дискурсе. В русском языке базовый порядок – SVO (*Я читаю книгу*). Данные положения также приходится учитывать для более точного перевода.

Кроме этого для удмуртского языка действительными являются положения, свойственные для языков с порядком SOV (рецептивных языков):

– порядок «прилагательное – существительное»;
– использование послелогов (свыше 200, по подсчетам В. К. Кельмакова [1, с. 33]), а не предлогов (в удмуртском языке имеется всего 3 предлога: *ог* ‘около’, *быдэн*, *котыр* ‘по’). Названные признаки также должны приниматься во внимание при переводе текстов.

Необходимо отметить, что в удмуртском языке нужно функционально приравнять конструкции «прилагательное – существительное» и «существительное в основной форме (или другой форме) в роли определения – существительное». Например: *пичи корка* ‘маленький дом’, *чеберез корка* ‘именно красивый дом’, *чагыр сяська* ‘голубой цветок’; *писпу куар* ‘лист дерева’, буквально (далее – букв.), ‘дерева лист’, *адями кылын* ‘в языке людей’, букв. ‘людей в языке’, *тылобурдо крезьгур* ‘пение птицы’, букв. ‘птицы пение’, *нюлэс корка* ‘лесной дом’, букв. ‘дом леса’ и др.

Также действителен порядок слов, свойственный для языков с порядком SOV:

- обладатель – обладаемое: *музьемлэн зырлыкез* ‘богатство земли’, букв. ‘земли богатство’, *гуртлэн нимыз* ‘название деревни’, букв. ‘деревни название’, *адямилэсь ужзэ* ‘работу человека’, букв. ‘человека работу’, *шурлэсь ярдурзэ* ‘берег реки’, букв. ‘реки берег’;
- числительное – существительное: *кык нунал* ‘два дня’, *вitezлы тодмоосылы* ‘пятерым (моим) знакомым’;
- объект сравнения – прилагательное: *коркалэсь ланег писпу* ‘дерево, которое ниже дома’, букв. ‘дома ниже дерево’, *писэйлэсь пичи кучапи* ‘щенок, (который) меньше котёнка’, букв. ‘котёнка меньше щенок’.

Что касается собственно переводческих приемов, можно отметить следующее. Л. К. Латышев и А. Л. Семенов [2, с. 116], рассматривая действия переводчика, говорят об транслирующих, модифицирующих действиях, а также синкретичном типе – транслирующе-модифицирующем. Взяв за базу данную систему, переложим ее на наш материал. В наших текстах транслирующие переводческие действия практически не используются из-за различия языковых систем; как правило, применяются транслирующе-модифицирующие действия и реже – модифицирующие. В основе транслирующе-модифицирующие действия, так как вслед за

созданием устного перевода-подстрочника текст совершенствуется до письменного функционально-эквивалентного перевода.

При переводе географических текстов с русского языка на удмуртский нами были использованы и подстановки, и трансформации. Подстановки в основном использовались на лексическом уровне, так как проживание на общих территориях и ведение в некоторой степени одинакового образа жизни обусловило наличие языковых параллелей, но в то же время, например, из-за отсутствия в удмуртском языке некоторых терминов, появилась необходимость создавать термины-неологизмы, например: *будос огазяськон* 'растительное сообщество'; *вылсуй шобрет* 'почвенный покров' и др. Приведем примеры на простую лексическую подстановку: *инкуазьсуред* 'пейзаж', *шурнёж* 'долина реки', *нюрорем интыос* 'заболоченные места', *усись вулэн кужымеэ* 'энергия падающей воды'.

При переводе использована альтернативная лексическая подстановка: *будос шобыр (шобрет)* 'растительный покров'; *улосвил / вылос* 'территория'; *гоноэмеэ (нюрэмеэ, куакамульты)* 'морозка'. Также встречается сложная подстановка с дифференциацией значения: *луобукос* 'дюны', *жилыыр виясь ошмес* 'родник' и *пызьырась ошмес* 'мочажина'. К случаям калькирования можно отнести следующие переводы: *вырйыло инты* 'холмистая местность', *лулос дунне* 'животный мир', *вуэн гылтиськись режим* 'промывной водный режим'.

Нередко используется описательный перевод: *луобукос* 'дюна', *улыг инты* 'низина', *мувылтус* 'рельеф'; *вувозённи* 'водохранилище'; *вылсуй* 'почва', *гурезь извыжы* 'горная порода'. Приближенный перевод, применяется, например, в таких случаях: *вутым* – 'водоём', букв. 'запруженное место с водой'; *дыкужым* 'энергия физич.': корневая часть *ды-* от глагола *дыаны* 'набрать силу; двигаться по инерции' + *кужым* 'сила', *шурйыл* 'исток реки', букв. 'вершина реки'.

Были использованы подстановки на морфемном уровне: *будослык* 'растительность', *кылдытэт* 'образование (образовани[jэ])'. Суффикс *-лык* в удмуртском языке в значении собирательности предметов совпадает с русским суффиксом *-ость*; суффикс *-эт* в значении отвлеченности понятия совпадает с русским суффиксом *-ни-*.

Необходимо отметить, что практически нет подстановок на синтаксическом уровне, как выше уже было указано, из-за различия языковых систем: в связи с левосторонним ветвлением предложения и базового порядка слов SOV.

В наших научно-популярных / учебных изданиях были использованы следующие виды структурно-уровневых трансформаций:

1) лексические: *вордиськем шаер* 'малая Родина'; *жале м турыньёс* 'сочные корма'; *гыбед* 'гумус';

2) стилистические: *тэльтэм инты* 'обезлесенные участки'; в удмуртском языке термин передается через нейтральные слова, а в русском

– через термин, относящийся к научному стилю; *кышкыттэмлык* ‘безопасность’ – в удмуртском языке слово научного стиля, а в русском языке – нейтральное;

3) перераспределение содержания: *чебер Музъем планетамы* ‘прекрасная планета Земля’, букв. ‘прекрасная Земля (наша) планета’; *Вутымъёсын ландшафтъёс адымиосыз котьку но бордазы кыско вал...* ‘Наличие водных пространств всегда делает ландшафт более привлекательным...’, букв. ‘с водоёмами ландшафты людей всегда к себе притягивали’. *Со жильыр виясь ошмес яке пызьырась ошмес* ‘Это родник или мочажина, то есть вода либо бьет ключом, либо сочится из-под земли’, букв. ‘Это бегущий струёй родник или сочащийся родник’;

4) семантико-синтаксические: *Ландшафт юн кылдытэт луэ* ‘Ландшафт является довольно устойчивым образованием’ (не переведено слово *довольно*); *Вылсюйёс татын туж удалтисесь* ‘Почвы здесь наиболее плодородны’ (*наиболее плодородны* переведено *туж удалтисесь*, что означает ‘очень плодородные’); *Кöня ке километръем нёжал* ‘долина шириной в несколько километров’ – должно быть *Кöня ке километръем пасьталаен нёжал* (не переведено слово *шириной*);

5) синтаксические (в первую очередь – порядок слов): *Л. Н. Гумилев, асьме шаерысь тодмо мыслитель, гожтиз, вань ландшафтъёс котькуд адыми понна интыясь но сюдись луо шуыса*. ‘Известный отечественный мыслитель Л. Н. Гумилев писал, что все ландшафты являются вмещающими и кормящими для каждого человека’, букв. ‘Л. Н. Гумилев, известный отечественный мыслитель, писал, что (*в конце предложения*) все ландшафты для каждого человека вмещающими и кормящими являются’; *Удмуртиысь шурйылъёс герзаськемын музъемул вуослэн потэменызы* ‘Истоки рек Удмуртии связаны с выходами подземных вод’, букв. ‘В Удмуртии истоки рек связаны (с) подземных вод выходами’.

Таким образом, при переводе русских текстов на удмуртский язык значительное влияние оказывает различие языковых систем, а именно разный базовый порядок слов – SVO для русского, SOV для удмуртского языка. Из-за данного различия при переводе практически не используются транслирующие переводческие действия, а преобладают транслирующе-модифицирующие действия. При переводе географических текстов с русского языка на удмуртский нами были использованы и подстановки, и трансформации.

Список использованных источников

1. Кельмаков В. К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт. Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2000. 72 с.
2. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания: Учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 192 с.
3. Тимерханова Н. Н. Особенность порядка слов в прозаических произведениях Г. Е. Верещагина и в современном удмуртском языке //

Типологические аспекты многоязычия в современном образовательном пространстве: сб. статей. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», – 2011. С.180–185.

УДК.124

LOS CONCEPTOS EMOCIONALES “MIEDO/ANGUSTIA” EN EL RUSO, EL INGLÉS Y EL ESPAÑOL

И. А. Топольская,

старший преподаватель кафедры «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация» Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону

Аннотация: Данная работа представляет собой анализ существующего материала о понятиях «концепт» и «эмоциональный концепт». Она содержит результаты исследования эмоциональных концептов «страх» и «тревога» в русском, английском и испанском языках на основе метода анализа словарных дефиниций в различных словарях. В работе даются четкие определения обоих понятий. В данной работе представлены и определены схожие и различные характеристики данных эмоциональных концептов в трех культурах, что показывает разницу языковых картин мира данных языков.

Ключевые слова: концепт, эмоциональный концепт, интерпретация, культура, картина мира, определение, страх, тревога, анализ словарных дефиниций.

Summary: The work presents the analysis of existing material concerning the notions “concept”, “emotional concept”. It contains results of the research of the emotional concepts “fear” and “anxiety” in the Russian, English and Spanish languages, based on the definition analysis in various dictionaries. The clear difference between the two notions is defined in this work. The similar and distinguishing features of the given emotional concepts are identified and described revealing the difference in the linguistic views of the world.

Key words: concept, emotional concept, interpretation, culture, worldview, definition, fear, anxiety, entries analysis.

Aún se ha afirmado bastante bien en la lingüística moderna el término “*concepto*” no tiene todavía una elucidación unívoca. Lingüistas Z. Popov, I. Sternin lo explican como: “un concepto es una categoría mental, no observada, lo que da plena libertad para su elucidación” [10, p. 58–59].

Según Yu. Stepanov a grandes rasgos *un concepto* se puede representar como “una concentración de la cultura en conciencia humana, es lo en la forma de cual la cultura entra en el mundo mental de una persona a un lado, y, del otro, es lo con qué una persona misma entra en la cultura, y además la afecta a menudo” [11, p. 40].

En cada cultura se compone un modelo del mundo de gran variedad de los conceptos universales, tales como espacio, tiempo, dimensión, causa, natura de los elementos, nociones morales y éticas, emociones, amor, hombre/mujer,

vida/muerte, niño, etc., pero cada pueblo tiene sus correlaciones particulares entre esos conceptos, lo que forma el núcleo de su percepción nacional del mundo.

Como lo entiende el científico N. Krasavsky, *un concepto* es una unidad compleja, estructural-semántica, que está formalizada fraseológicamente y condicionada culturalmente; se funda en la base conceptual, e incluye un valor cultural además de una noción [5, p.113–118; 6, p.60].

Una gran serie de los conceptos intelectuales y emocionales, tales como indiferencia, sorpresa, amor, desestimación y otros, fue examinada por S. Vorkachev. D. Dobrovolsky, N. Arutyúnova, E. Badálova, E. Bulbenko, E. Butenko, N. Doroféeva, N. Krasavsky, I. Nikíshina, etc. Los problemas de la lingüística emotiva fueron examinados por prof. V. Shakhovsky.

Hay varios métodos de investigación del contenido de un u otro concepto. La mayoría de los lingüistas utilizan el método de análisis lexicográfico (A. Babushkin, N. Krasavsky).

Hemos realizado el análisis lexicográfico de las nociones “*miedo*” y “*angustia*” usando varios diccionarios enciclopédicos, mono- y bi-lingüales, así como elucidarios de las lenguas rusa, inglesa y española, lo que nos ha traído a los resultados siguientes.

Una persona puede sufrir *miedo* en las situaciones varias que tienen una característica común. Es que se toman por una persona como las situaciones cuando sus calma y seguridad estén bajo la amenaza: «*Perturbación angustiosa ... por un riesgo o daño real o imaginario*» [15, 16]; «*That which causes, or which is the object of, apprehension or alarm; source or occasion of terror; danger; dreadfulness*» [21]; «*Состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас*» (la estación de angustia o inquietud extrema por temor, riesgo, horror) [12, 13]. El miedo reduce nuestra percepción haciéndonos ver solo el objeto entremecedor, o puede ser, solo la vía de salvación de él. El sufrimiento del *miedo* se acompaña por el sentimiento de incertidumbre, inseguridad, imposibilidad de controlar la situación.

Sin embargo entre las definiciones analizadas en algunos diccionarios encontramos unas significaciones cuales no existen en los otros. Así CLAVE Diccionario de uso del español actual y Diccionario Ruso de Ushakov nos muestran las definiciones, respectivamente: – 3. *de miedo col. · Extraordinario o muy bueno: Este pastel está de miedo* [19]; II. СТРАХ, нареч. (разг. фам.) – *Очень, чрезвычайно, сильно* (muy, muchísimo, extraordinario). «*Я страх как люблю таких молодых людей*» (Me gustan muchísimo tales jóvenes). Gógol. [12]. Afinidad de los sentidos es evidente aquí. Pero no hemos encontrado el sentido simijante en otros diccionarios del ruso y el español, ni en todos los del inglés. Según el Diccionario de Ozhegov *el miedo* en el último significado se define como un evento, u objeto, casuado el sentimiento del temor, horror; por ejemplo, «*Насмотреться страхов*» (haber visto los temores) [14]. Collins COBUILD diccionario da, como el significado último con la marca “Brit. informal”, “*desgana hacer algo*” poniendo el ejemplo siguiente: “*When I asked him if he wanted to change his mind, William said ‘No fear’.*” [17]. Según parece,

existencia de los significados tan diferentes nos dice sobre percepción especial del mundo en esas culturas.

Comparando los métodos de descripción de *страх* en el ruso, *fear* en el inglés y *miedo* en el español, se destaca general percepción cotidiana de miedo, que resulta en lo que una persona *каменеет, немеет, замирает*, (se endurece, queda inmóvil, o enmudece) / *becomes petrified, is paralyzed (frozen) with fear / clavado por el miedo, lleno de miedo*; *о трясется, вздрагивает, дрожит* (tembla de miedo) / *shakes in his boots, is afraid, shakes from fear*, así como uno puede sentir frío desagradable, *мурашки* (la piel de gallina) / *fear makes his blood creeps, a cold shiver ran down his spine / miedo espantoso, helarse de miedo*. Además, miedo influye el funcionamiento de corazón, por ejemplo, *сердце оборвалось, сердце опустилось* (se le heló el corazón) / *his heart leaped into his mouth; his heart missed a beat*. Miedo causa el cambio de apariencia humana: comba la cara, uno asustado *бледнеет, волосы его могут стать дыбом или поседесть* (palidece, su pelo se pone de punta) / *fear twists his mouth; his face grew white; his face was destroyed*. Es necesario notar que miedo puede llevar a locura, o hasta muerte: *умирать, обмереть от страха* (morirse de miedo) / *to scare someone to death / смертельный страх* (miedo cerval). Pero no hemos visto la influencia de *fear* y *miedo* al alma humana en los diccionarios españoles y ingleses (así, por ejemplo, en los rusos *душа в пятки ушла; вселять страх в чью-то душу; душа леденеет от страха* (estar con el alma en un hilo, infundir miedo). Además, considerando las investigaciones de otros autores en esta área, podemos identificar las metáforas básicas de descripción de *miedo*: «miedo es un viviente; miedo es un objeto; miedo es un peligro; miedo es una locura».

Investigando las definiciones de la palabra “*angustia*” para determinar los significados, en todos los diccionarios analizados encontramos el sentimiento común del peligro indeterminativo, o a menudo sin causa, el carácter y/o el tiempo del cuyo no se puede pronosticar: «*Intranquilidad con padecimiento intenso, por ejemplo por la presencia de un gran peligro o la amenaza de una desgracia* [19]; «*a feeling of nervousness or worry*» [17]; «*Concern or solicitude respecting some thing or event, future or uncertain, which disturbs the mind, and keeps it in a state of painful uneasiness*» [21]; «*беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-нибудь неизвестного)*» (intranquilidad, aventura por la espera del peligro, o algo desconocido) [14]. Una parte de los diccionarios describe *angustia* semejantemente a *miedo* “*angustia honda, inmensa, sofocante*” – *deep, unlimited, freezing anxiety* [16]. Otros diccionarios tradicionales dan el significado de gran voluntad, muchas ganas de hacer algo [1, p. 24; 9, p. 28, etc.].

Y de nuevo, vemos aquí la diferencia en las culturas y percepción nacional del mundo. Así, Diccionario de la Lengua Español Real Academia Española pone el quinto significado de “*angustia*” el sentimiento de *dolor y tormenta* [15]. Y todos los diccionarios del ruso determinan la palabra «*тревога*» también como un señal de peligro, a menudo con la marca “militar, especial”, por ejemplo, «*Пожарная тревога*» (alarma de incendio); «*бить тревогу*» (tocar alarma) [2; 3; 4; 9 y otros].

Para resumir las opiniones de los diccionarios varios en relación de estas palabras, podemos decir que es más típico para *angustia* que para *miedo* lo siguiente: llega antes de peligro, estimula psiquismo, a menudo tiene un carácter indeterminativo e incierto, proyección a futuro. *Miedo*, en contraste con *angustia*, llega en el momento de peligro, puede frenar psiquismo, tiene un carácter específico.

Список использованных источников

1. Алексеев А. П., Яшков Т. В. Большой англо-русский и русско-английский словарь. М.: ЗАО Цетрполиграф, 2007. 767 с.
2. Боевая тревога [Электронный ресурс]. URL: <http://slovaronline.com/search?word=тревога> (дата обращения: 04.12.2017)
3. Большой испано-русский словарь / Под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык медиа, 2008. 956 с.
4. Большой русско-испанский словарь / Г.Я. Туровер, Х. Ногеира; под ред. д-ра филол. наук, проф. Г.Я. Туровера. – 6 изд., стереотип. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. XX+832+12 с.
5. Красавский Н. А. Русская и немецкая концептосферы эмоций (опыт лингвокультурологического анализа словарных статей) // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под редакцией И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 113–118.
6. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001. 495 с.
7. Левитская Н. А., Ломакина О. В. Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения // Жанрологический сборник. – Вып. 1. Елец: ЕГУ имени И. А. Бунина, 2004. С. 62–67.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
9. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 2005. 945 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.
12. Страх, Тревога [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=74811> (дата обращения: 04.08.2015)
13. Страх, Тревога [Электронный ресурс]. URL: <http://www.big-soviet.ru/627/75868/> (дата обращения: 04.12.2017)
14. Толкование и значение слова «страх», «тревога» [Электронный ресурс]. URL: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/> (дата обращения: 05.12.2017)
15. Angustia, Miedo [Электронный ресурс] // Diccionario de la Lengua Español Real Academia Española. URL: <http://lema.rae.es/drae/?val=angustia> (дата обращения: 05.12.2017)
16. Angustia, Miedo [Электронный ресурс] // Diccionario de uso moderno. URL: <http://www.diccionario.ru/cgi->

- bin/dic.cgi?p=angustia&page=search&vkb=&base=join_es_ru&newinput=1&l=ru&prefbase=join_es_ru (дата обращения: 04.12.2017)
17. Anxiety, Fear [Электронный ресурс] // Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-cobuild-learners/anxiety?showCookiePolicy=true> (дата обращения: 27.01.2018)
18. Anxiety, Fear [Электронный ресурс] // Concise Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/anxiety> (дата обращения: 05.12.2017)
19. Diccionario CLAVE. Diccionario de uso del español actual. [Электронный ресурс] URL: <http://clave.smdiccionarios.com/app.php> (дата обращения: 05.12.2017)
20. Diccionario de uso del español, 2. ed. Maria Moliner. Madrid: Gredos. – 2001. 1120 pags.
21. Webster's Unabridged Dictionary: Random House [Электронный ресурс] URL: <http://unabridged.merriam-webster.com> (дата обращения: 27.01.2018)

УДК 811'25:316.75

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ВОССОЗДАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СТЕРЕОТИПОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Л. В. Туленинова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской и
восточной филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко», Луганск*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема адекватности передачи значения культурных стереотипов при переводе. Стереотип трактуется как ментальный продукт, полученный благодаря способности сознания к структурированию окружающего мира. Приведены результаты анализа влияния вида стереотипов на выбор языковых форм, используемых при общении и способов их трансформации при переводе.

Ключевые слова: ментальный стереотип, культурный стереотип, топика, формула, идиома, информативные и эстетические потери перевода.

Summary. The problem of preserving the adequate meaning of cultural stereotypes in the process of translations considered in the article. The stereotype is treated as a mental product, obtained thanks to the ability of the human mind to structure the surrounding world. The results of the analysis of the influence of the stereotype structure on the choice of linguistic means used in communication and ways of their transformation during translation are given.

Key words: mental stereotype, cultural stereotype, topic, formula, idiom, informative and aesthetic loss of translation.

Исследованию стереотипа посвящено множество работ ученых, представляющих различные научные направления – социология, психология, культурология, этнология, лингвистика и т.д. Действительно, данный феномен, существуя в человеческом обществе, неизменно

обнаруживает все новые свои особенности, вызывающие у исследователей желание их изучать. Изучение стереотипов проводится учеными (например, Л. Л. Федоровой, А. А. Гиппиусом Э. Хоффманом, Е. П. Буториной и мн. др.) на разнообразном материале: художественных произведениях, артефактах культуры, текстах рекламы, ситуациях делового общения и т.п. Нередко проводится сравнительный анализ использования стереотипов в различных культурах и средствами разных языков, результаты которого находят достойное применение в переводческой практике. Одним из перспективных направлений, вносящих весомый вклад в копилку переводческой методологии, на наш взгляд, является рассмотрение стереотипов в лингвокогнитивном аспекте с целью наиболее адекватного воссоздания их значения при переводе.

Сам термин стереотип в когнитивной лингвистике и этнолингвистике понимается как ментальный стереотип и соотносится с «наивной картиной мира». Стереотип определяется и как некоторый процесс и результат общения (поведения) согласно определённым семиотическим моделям [4], и как любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов (устойчивое сравнение, клише и т.п.) [2]. Мы придерживаемся взгляда на культурный стереотип как на культурно-национальное представление о предмете или ситуации, облаченное в вербальную оболочку – прецедентное имя [3]. На основании доступности стереотипов само рефлексии «наивного» члена этноса их подразделяют на этнические и культурные: определяя этнические стереотипы как факты поведения и коллективного бессознательного, которым специально обучать невозможно; однако такая возможность присуща стереотипам культурным [5].

Целью исследования, результаты которого приводятся в данной статье, стало определение того, в какой мере при передаче (воссоздании) значения стереотипа в процессе перевода важен вид стереотипа (согласно концепции Е. Бартминьского [1]): топика (семантический стереотип +; формальный стереотип - — *кукушка предсказывает будущее*), формула (семантический стереотип +; формальный стереотип + — *ругаться как извозчик*) или идиома (семантический стереотип -; формальный стереотип + — *вешать всех собак*), вовлеченного в эту процедуру, а также, как при этом происходит выбор приемов перевода.

Итак, на базе исследованного нами материала, попробуем определить в какой мере «модель языковой предвзятости» [6] влияет на выбор стереотипов. Следует также выявить, насколько совпадают когнитивные модели переводимого речевого события: отсутствие в языке перевода социокультурного стереотипа, актуализированного в исходном тексте, может привести к неудаче и, в конечном итоге, к коммуникативному сбою (если рассматривать переводчика как посредника коммуникации).

Мы придерживаемся взгляда на культурный стереотип как на культурно-национальное представление о предмете или ситуации, облаченное в вербальную оболочку – прецедентное имя [3].

При проведении сопоставительного лингвокультурного исследования концепта «болезнь» на материале английского и русского языков, нам удалось выявить большое количество прецедентных имен – лингвистических стереотипов (ЛС), которые мы рассматриваем как вербальную форму культурного стереотипа «болезнь». Анализ данных ЛС позволил вычленить в сравниваемых языках две группы стереотипов болезни, обозначенных нами как *медицинские стереотипы болезни* и *повседневно-обиходные стереотипы болезни*.

В результате анализа материала обоих языков выявлено, что при попытках перевода стереотипов первой группы проблем, как правило, не ожидается, т.к. медицинскому дискурсу присуща определенная терминологическая однозначность формулировок: например, такие стереотипы болезни как «отклонение от нормы (т.е. здоровья)» «обследование больного», «установление диагноза», «назначение/процедура лечения» и мн. др., воплотились в русском языке в такие ЛС, которые находят в английском языке соответствующие эквиваленты: *повышенная температура тела (a fever / a high temperature)*, *повышенное / пониженное АД (elevated / reduced pressure)*, *постельный режим (bedrest / regime / confinement to bed)* и т.д.

Что касается второй группы, то в проанализированных нами ЛС, мы выделили три подгруппы: *стереотипы самих болезней и их лечение*, *стереотипы больных*, *стереотипы людей, занимающихся лечением*, в которых проявляется действие «модели языковой предвзятости» («the biased language model»), описанной голландскими психологами К. Веннекером и Д. Вигболдусом. Вкратце эту модель можно описать следующим образом: поведенческая информация, хранящаяся в памяти в закодированном виде, извлекается и объективируется языковыми средствами, выбор которых зависит как от степени языковой абстракции и того ее уровня, на котором информация сохранена в памяти, так и от цели коммуникации [7, с. 184].

В подгруппе «стереотипы самих болезней и их лечение» нами были выявлены стереотипические структуры (СС), большинство из которых представлены прецедентными именами в обоих языках, например: СС «болезнь – судьба» (*Болезнь нас не спрашивает; Death when it comes will have no denial*); СС «тяжелые болезни лечатся сильными средствами» (*От чего заболел тем и лечись; Bitter pills may have blessed effects*) и др. Однако выявлена одна СС – «болезнь – это следствие физической (тяжелой) работы»: *от работы не будешь богат, скорее будешь горбат; с топора не разбогатеешь, а огорбатеешь* – характерная только для русского паремнологического фонда, что создает определенные трудности в подборе эквивалента перевода.

Вторая подгруппа «стереотипы больных» не настолько многочисленна как первая (всего три СС, вербализованные в обоих языках и одна – только в русском), хотя интересна в плане выявления статуса больных в том/ином обществе, например: «болезнь – твое личное дело» (*За чужой щекой зуб не*

болит; He that benails himself has his cure in his hands); «больной – ущербный человек и обуза» (особенно богаты на идиомы стереотипы, отражающие отношение к умственно неполноценным людям: здесь нередки случаи аллюзии, например, выражение *Two stops beyond Barking (Becontree)*, означающее «*extremely mad / insane / idiotic*»).

ЛС третьей группы «стереотипы людей, занимающихся лечением» отражают недоверие к медицине, например: *Лекарь свой карман лечит; Godheals, and the Doctor takes the Fee*.

Самые этнически окрашенные расхождения среди вариантов (в проанализированном нами материале): 12 русских пословиц о бане как профилактического и лечебного средства (*Баня парит, баня правит, Баня – мать вторая, кости распаришь – все тело исправишь* и т. п.) и ни одной английской пословицы на эту тему, что объясняется лакунарностью самой лексемы *баня* и, соответственно, отсутствием у англичан культурной традиции, связанной с русской баней. Существующая в английской лингвокультуре лексема *bath-house* в сочетании с *the second mother* («*Баня – мать вторая...*») вызовет недоумение у англоговорящего респондента. Транслитерированная версия – *banуа*, даже в совокупности с переводческим комментарием также не прояснит ситуацию. Поэтому переводчику придется прибегнуть к употреблению такого английского стереотипа, который будет хотя бы приблизительно объективировать закодированную в русской поговорке поведенческую информацию, с учетом степени языковой абстракции, на котором она сохранена в памяти, а также цели коммуникации. Если такая задача не будет выполнена, информативные потери перевода, не говоря уже об эстетических, неизбежны.

Несколько проще, на наш взгляд, обстоит дело с вариантами о здоровой пище, которой, по мнению русских, являются хлеб, каша (в том числе гречневая), щи, капуста, редька, хрен, квас, лук, чеснок, вино и водка (два последних – в ограниченном количестве), а англичан – сыр, хлеб, лук, чеснок и яблоки: Ср. «*Cheese and bread make the cheeks red*» – «*Хлеб да каша пища наша*», «*Лук да капуста лихого не допустят*» и т.п. Тем не менее, несмотря на сохранение культурно-ценностного статуса языкового знака при переводе данных паремий, его информативный статус нарушается.

На основании представленного выше анализа можно сделать ряд выводов:

1. Способность сознания к структурированию окружающего мира отчетливо проявляется в существовании стереотипных структур, которые можно выделить, проанализировав богатейший материал – прецедентные имена – с целью выявления лингвистических стереотипов, наличие которых указывает на то, что стереотип является культурным.

2. Культурный стереотип может быть как общекультурным, так и национально-культурным (этническим). Национальные стереотипы являются квазистереотипами: они могут совпадать в целом, различаясь в

специфических нюансах для той или иной культуры, что необходимо учитывать при их переводе.

3. Условием выбора нужного слова из числа тех, которые служат передачей специального речевого стереотипа-«подлинника» в разных его значениях при переводе, является правильное понимание того, о чем в контексте идет речь, т.е. значение явлений действительности и их названий [6, с. 298], что в случае передачи топиков и формул обеспечивается подбором в переводе соответствия в виде однозначных эквивалентов, вариантных соответствий и синтаксических трансформаций. При переводе идиом значение может воссоздаваться в основном с помощью вариантных соответствий или компенсаций, при этом вероятны как информационные, так и эстетические потери.

Список использованных источников

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике [Текст] / Е.Бартминьский (пер. с польск.). М.: Индрик, 2005. 527 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
3. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
4. Сорокин Ю. А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133–138.
5. Уфимцева Н. В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии / Филология и культура. – 2012. – № 2 (28). С. 129–132.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416с.
7. Wenneke C. P. J., Wigboldus D. H. J. A Model Of Biased Language Use // Stereotype dynamics: Language based approaches to the formation, maintenance and transformation of stereotypes / Ed. by Y. Kashima, K. Fiedler, P. Freytag. NewYork–London: LawrenceErlbaumAssociates, 2008. P. 165–188.

УДК 81`25

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ Ю. ТУВИМА)

И. Н. Филиппова,

*доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения
и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации,*

Московский государственный областной университет, Москва

Аннотация. В статье предпринята попытка оценить перевод в поэтической межкультурной коммуникации как лингвистическое

просветительство. Показаны прагматическая направленность взаимодействия воспитательной, образовательной, просветительской, эстетической, лингводидактической, развлекательной целей в поэзии для детей. Представлен новый подход к пониманию адекватности поэтического перевода.

Ключевые слова: детская поэзия, перевод, поэтическая коммуникация, прагмалингвистика перевода.

Summary. We present an attempt to evaluate translations in a poetic cross-cultural communication as a linguistic enlightenment. We show the pragmatic orientation of interaction of educational, aesthetic, didactic and entertainment purposes in poetry for children. We present a new approach to understanding the adequacy of poetic translation.

Key words: children's poetry, translation, poetic communication, pragma linguistics translation.

Внимание к переводу как форме просвещения в специальной переводоведческой литературе уделено достаточно. Однако примечательно, что объектом исследований традиционно служит переводная литература для взрослой аудитории, в то время как детская литература и, особенно, детская поэзия в переводе с точки зрения просветительской деятельности остается на периферии поля переводоведческих изысканий. Это обстоятельство определяет актуальность обращения к означенному вопросу.

Фактическим материалом работы служат стихи для детей польского поэта Юлиана Тувима, с которыми в целях исследования переводческих трансформаций и степени адекватности перевода сопоставляется их передача на русском языке. Стихи Ю. Тувима детям были переведены с выдающимися советскими мастерами детской поэзии: Е. Благиной, Б. Заходером, С. Маршаком, С. Михалковым, Д. Самойловым, А. Эппелеми др. Общий объем эмпирической базы составляет 18,4 п.л.

Текстовый анализ первоисточников [5, с. 11] позволяет установить, что задачи поэтического обращения к детям в творчестве Ю. Тувима разнообразны (как и дети в мировоззрении автора). Это и воспитание (в самом широком смысле), и просвещение, и развлечение, и развитие языкового чувства, и развитие чувства юмора, и развитие фонематического слуха etc.

Задачи переводчиков в отношении детской поэзии в некоторых аспектах сложнее, чем те, которые решаются (или должны быть решены) при трансляции поэзии для взрослой аудитории [2, с. 82–85; 7, с. 107]. Дети как реципиенты обладают особой требовательностью [9], поэтому уровень ответственности перед ними у межъязыковых и межкультурных посредников очень высок.

Одной из очевидных задач является снятие собственно языковых расхождений, т.е. различий систем, норм и узусов языка оригинала (далее ИЯ) и языка перевода (далее ПЯ). В связи с этим любопытно отметить предпринятое С. Михалковым замещение функциональным аналогом букв

латинского алфавита польского языка буквами кириллицы русского языка, которое внесло столь существенные изменения в авторский текст (далее ИТ), что уместнее говорить в данном случае о стихотворении на мотив оригинала [10, с. 70–75].

Таблица 1. Сопоставительный анализ ИТ («Abecadlo») и ПТ («Азбука»)

<p><i>I -- zgubiłokropczkę, H -- złamałokładeczkę, B -- zbilosobiebrzuszki, A -- zwichnęłonóżki, O -- jakbalonpękło, ażsię P przeleгло. T -- daszekzgubiło, L -- do U wskoczyło, S -- sięwyprostowało, R -- prawanogęzłamało, W -- stanęło do górydnem iudaje, że jest M [11].</i></p>	<p><i>Больно вывихнула ножку Прописная буква М, Г ударилась немножко, Ж рассыпалась совсем! Потеряла буква Ю Перекладинку свою! Очувтившись на полу, Поломала хвостик У. Ф, бедняжку, так раздуло - Не прочесть ее никак! Букву Р перевернуло - Превратило в мягкий знак! Буква С совсем сомкнулась - Превратилась в букву О. Буква А, когда очнулась, Не узнала никого! [6, с. 11]</i></p>
--	---

Однако при многочисленных трансформациях ИТ следует подчеркнуть полную прагматическую тождественность ПТ, т.е. реализацию задуманной автором ИТ идеи внимания к языку через многократное применение олицетворения. В этом смысле функциональная адекватность ПТ [8, с. 216–256] заслуживает высокой оценки.

Развитие языкового чувства в стихах Ю. Тувима реализуется двумя путями: посредством кумулирующего восприятия музыкальности речи и посредством расширения словообразовательного запаса. Вершиной музыкальности речи и языка в творчестве Ю. Тувима по праву считается «Паровоз» («Lokomotywa») [12]. Непостоянный ритм, несвойственный детской поэзии, достиг здесь наивысшего воплощения, не только не обременяя реципиентов, но и полно демонстрируя изобразительную силу языка. Деривационное богатство языка раскрывает детям забавное, оптимистически-tonированное стихотворение «Про пана Трулялинского». На русский язык оно блистательно переведено Б. Заходером, сохранившем функционально значимую для автора ИТ вариативность суффиксов при инвариантной корневой морфеме (они выделены ниже полужирным шрифтом) и умело гармонизировавшем словообразование с рифмой (такие примеры выделены подчеркиванием):

*С ним и тётка - Трулялётка,
И дочурка - Трулялюрка,*

*Все шофёры - Трулялёры,
Почтальоны - Труляльоны,
Футболисты - Трулялисты,*

<i>И сынишка - Трулялишка,</i>	<i>Продавищицы - Трулялицы,</i>
<i>И собачка - Трулялячка.</i>	<i>Музыканты - Трулялянты,</i>
<i>Есть у них ещё котёнок</i>	<i>И студенты - Труляленты,</i>
<i>По прозванию Трулялёнок,</i>	<i>Сам учитель - Трулялитель,</i>
<i>И вдобавок попугай -</i>	<i>А ребята - Трулялята!</i>
<i>Развесёлый Труляляй! <...></i>	<i>Даже мышки, даже мушки</i>
	<i>Распевают: "Трулялюшки!" [6, с. 30–33].</i>

Для развития чувства юмора Ю. Тувим использует прием логического нарушения в замечательном стихе про утят, который получил в переводе В. Левина наименование «Трудный счет»:

*Тут девятый с первым стали
Громко плакать и рыдать:
«Мы сперва
Втроём бежали,
А теперь нас только пять».
И тогда захныкал пятый:
«Сам не знаю, что со мной:
Вышел третьим,
Шёл тридцатым,
А теперь опять седьмой?» [6, с. 72].*

Эту же цель преследует и многократное использование различных форм языковой и речевой избыточности (в широком смысле): от морфологического повтора и тавтологии долексической синонимии и синтаксического параллелизма, например, воплощенное в ИТ «**Okulary**» и ПТ «**Очки**» (перевод С. Михалкова):

Таблица 2. Сопоставительный анализ ИТ («**Okulary**») и ПТ («**Очки**»)

<p><i>Szuka w spodniach i w surducie, W prawym bucie, w lewym bucie. Wszystko w szafach poprzewracał, Maca szlafrok, palto maca. "Skandal! - krzyczy - nie do wiary! Ktoś mi ukradłokulary!" Pod kanapą, na kanapie, Wszędzie szuka, parska, sapie! Szuka w piecu i w kominie, W mysiej dziurze i w pianinie. Już podłogę chce odrywać, Już policję zaczął wzywać [13].</i></p>	<p><i>Ищет бедная старушка За подушкой, под подушкой, С головою залезала Под матрац, под одеяло, Заглянула в ведра, в крынки, В боты, в валенки, в ботинки, Все вверх дном перевернула, Посидела, отдохнула, Повздыхала, поворчала И пошла искать сначала. Снова шарит под подушкой, Снова ищет за кадушкой. Засветила в кухне свечку, Со свечой полезла в печку, Обыскала кладовую - Все напрасно! Все впустую! [6, с. 38-39]</i></p>
---	--

Особое место в творчестве Ю. Тувима, фонтанирующего различными способами развлечения и увлечения детской аудитории, занимает «Птичье радио» («Ptasie radio»), переданное на русский язык С. Михалковым. Здесь особую значимость (не имеющую аналогов в мировой детской литературе) приобретает ономотопея [1; 3]. Зачарованные обилием и разнообразием звукоподражания в родном языке, дети открывают для себя (пока неосознанно) колоссальные ресурсы системы номинации и системы когнитивного отражения. Несомненно, разносистемность ИЯ и ПЯ [4] представляет высокий уровень сложности для передачи авторской словесной игры. Принимая во внимание интерферирующее влияние фонетических различий ИЯ и ПЯ, вызывает глубокое уважение достижение переводчика, несводимое к словесной эквилибристике, проникнутое трепетностью к родному языку. Ономотопы *ćwierkać, świstać, kwilić, pitpilić i pimpilić* [14] вплетены в канву ПТ в качестве отглагольных существительных: *и свист, и скрип, и пение, урчанье, и пиликанье, и щебет, и чириканье* [6, с. 36]. Часть содержания ИТ оказывается изъятой из ПТ в результате применения нулевого перевода. В ИТ упоминаются 25 наименований пернатых *słowik, wróbel, kos, jaskółka, kogut, dzięcioł, gil, kukulka, szczygieł, sowa, kruk, czubatka, drozd, sikora i dzierlatka, kaczka, gąska, jemioluszka, dudek, trznadel, pośmieciuszka, wilga, zięba, bocian, szpak* [14], а в ПТ – только 4 *дрозд, скворец, щегол, синица*, но переводческие ономотопы позволяют распознать еще нескольких представителей птичьих семейств (*Чик-чирик! Ко-ко-ко! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ка-реку! Ка-апп! Ка-апп!*) [6, с. 36]. Таким образом в данном случае можно говорить о частичной модуляции через лексико-морфологическую замену.

Кроме того, единство обучающей и стилистической функций звукоподражания в ИТ находит дальнейшее развитие в ПТ:

Фиур-фиур! Фью-фью-фью!

Чик-чирик! Тью-тью-тью-тью!

Пиу-пиу! Цвир-цвир-цвир!

Чиви-чиви! Тыр-тыр-тыр!

Спать-пать-пать! Лю-лю! Цик-цик!

Тень-тень-тень! Чу-ик! Чу-ик!

Ко-ко-ко! Ку-ку! Ку-ку!

Гур-гур-гур! Ку-ка-реку!

Ка-апп! Ка-апп! Пи-ить! Пить!.. [6, с. 35–37].

Завершая анализ фактического материала, можно констатировать множественность, разноаспектность и разномаштабность переводческих трансформаций, предпринятых переводчиками стихов Ю. Тувима. Однако прагматическая направленность его произведений (состоящая в единстве и взаимосвязи воспитательной, образовательной, просветительской, эстетической, лингводидактической, развлекательной целей) находит коммуникативно-функциональное соответствие в текстах переводов. В связи с этим можно утверждать, что ИТ и ПТ (в анализируемом

просветительском аспекте) являются взаимно адекватными, что составляет отрадный (и нечасто констатируемый факт) в области поэтической межъязыковой коммуникации.

Список использованных источников

1. Алиева С. А. Ономатопы в разносистемных языках: структурно-семантическое описание // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 110. С. 126–131.
2. Вековищева С. Н. Лингвокультурологические взаимоотношения в ситуации двуязычного общения // Перевод и когнитология в XXI веке. 2011. С. 82–85
3. Воробьева В. В., Кобенко Ю. В., Рябова Е. С. Явление ономотопии в англо- и русскоязычном песенном дискурсе // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8951> (дата обращения 20.01.2018)
4. Нелюбин Л. Л., Бухтиярова С. А., Филиппова И. Н. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков. М.: МГОУ, 2004. 204 с.
5. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История науки о языке. М.: Флинта, Наука, 2011. 376 с.
6. Тувим Ю. Письмо ко всем детям по одному очень важному делу: Стихи. М.: Малыш, 1979. 94 с.
7. Филиппова И. Н. Избыточность и недостаточность в одноязычии и двуязычии: вопросы теории, практики, методологии, лингводидактики: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 207 с.
8. Филиппова И. Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): дисс. докт. филол. наук. М., 2015. 361 с.
9. Филиппова И. Н. Прагмалингвистические основания теории и практики перевода // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. С. 403.
10. Tuwim J. Abecadlo. URL: <http://wierszykidladzieci.pl/tuwim/abecadlo.php> (дата обращения 10.12. 2017).
11. Tuwim J. Lokomotywa. URL: <http://www.vilavi.ru/det/lokomotywa/lokomotywa.shtml> (дата обращения 10.12. 2017).
12. Tuwim J. Okulary URL: <http://wierszykidladzieci.pl/tuwim/okulary.php> (дата обращения 10.12. 2017).
13. Tuwim J. Ptasie radio. URL: <http://wierszykidladzieci.pl/tuwim/ptasie-radio.php> (дата обращения 10.12. 2017).

УДК 811.512.111

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ЧУВАШСКИХ ПОЭТОНИМОВ**Э. В. Фомин,***кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,**Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары*

Аннотация. Работа посвящена изучению фонетических изменений в чувашских поэтонимах, происходящих при переводе текстов на другие языки. Архаичные имена и христианские антропонимы очувашенного типа, осознаваемые в качестве одного из проявлений национальной специфики чувашской литературы, при транслитерации подвергаются субституции согласно требованиям принимающих языков, и нередко претерпевают значительные изменения. Автор в работе также анализирует существующие правила чувашско-русской транслитерации.

Ключевые слова: поэтонимы, ономастика, транслитерация, чувашский язык, русский язык, языковые контакты.

Summary. The work is devoted to the study of phonetic changes in Chuvash poetonyms, arising when translating texts into other languages. Archaic names and Christian anthroponyms of the Chuvash type, realized as one of the manifestations of the national specificity of the Chuvash literature, under transliteration are subject to replacement in accordance with the requirements of the host languages and often undergo significant changes. The author also analyzes the existing rules of the Chuvash-Russian transliteration.

Keywords: poetonyms, onomastics, transliteration, Chuvash language, Russian language, language contacts.

Одной из выразительных сторон чувашской литературы является тот факт, что в ней преобладают поэтонимы на чувашский лад, хотя эти имена в повседневной жизни уже практически изжиты, и чувашки полностью перешли на русский православный антропонимикон. Поэтонимы на чувашский лад подразделяются на две группы: 1) дохристианские архаичные имена (*Алиме* [ал'им'э], *Ишентей* [ижэн'д'э]), *Несихва* [н'эз'ихва], *Пиневер* [п'ин'эв'эр], *Хаккиме* [хак':им'э]); 2) очувашенные православные имена (чуваш. *Аркади* < рус. *Аркадий*, чуваш. *Ванюк* < рус. *Иван* (*Ванёк*), чуваш. *Иркка* < рус. *Ирина* (*Ирка*), чуваш. *Кётерин* < рус. *Екатерина* (*Катерина*), чуваш. *Литюк* < рус. *Лидия* (*Лидок*).

Имена персонажей художественных произведений осознаются в качестве фактора, создающего национальную специфику чувашской литературы [3], и именно этим объясняется их востребованность в современных условиях.

Транслитерация поэтонимов – частная проблема переводческой работы. Переводчики столкнулись с ней много веков назад, но до сих пор транслитерация остается проблемной областью лингвистики.

Проблему транслитерации рождает несоответствие фонетических систем контактирующих языков, различия в их графических основах,

несовершенство используемых правил, стремление как можно ближе скопировать звучание оригинальных имен. В конечном итоге транслитерация должна обеспечить удобство восприятия иноязычных имен.

Настоящее исследование основано на анализе поэтонимов, лексикографированных на оригинальном и переводном чувашском материале, а также поэтонимов, взятых из текстов русских писателей о чувашах [1, с. 185–209; 2].

В работе изучается стихийно сложившаяся практика чувашско-русской транслитерации поэтонимов, анализируются существующие правила.

Выводы автора представляются актуальными в более широком контексте. Поскольку национальный антропонимикон, пусть даже включающий значительные пласты русских заимствований, в результате субституции обладает теми же фонотактическими свойствами, что и обычная лексика, результаты исследования можно перенести и на чувашские экзотизмы, функционирующие в русских текстах.

Чувашская литература сложилась на рубеже XIX–XX вв. Наиболее развита лирика. Классику составляют произведения поэтов К. Иванова, М. Сеспеля, П. Хузангая, Я. Ухсяя, С. Эльгера, В. Митты, П. Эйзина.

Чувашские писатели, как правило, пишут произведения на родном языке, в силу чего, невзирая на талант, рискуют остаться авторами регионального уровня. В этих условиях велика необходимость в переводах. Между тем в настоящее время переводы – проблемная область в сфере чувашско-русских литературных связей. Так, по признанию профессора Г. И. Федорова, Юрий Скворцов является писателем того же уровня, что и Ч. Айтматов, однако для чувашского автора не нашлось достойных переводчиков. В целом, наличие переводов и спрос на них – показатель развитости переводимой литературы.

Чувашская литература в России и на постсоветском пространстве отмечена редкими переводами текстов чувашских поэтов и писателей, выдержанных в духе социалистического реализма [4].

Гораздо больший интерес вызывает чувашская литература, изданная на Западе. Прежде всего она представлена лирикой, в частности, отдельными изданиями поэмы «Нарспи» К. Иванова и антологий чувашской поэзии на английском, венгерском, итальянском, французском, шведском языках [5–8; 10].

Впервые же серьезная чувашская проза вышла за пределы страны лишь в 2017 г., когда в Стокгольме, Швеция, была издана книга Е. Лисиной «Sånger från nedre Tjuvasjien» (Песни низовых чувашей) [9].

Существует четыре пути чувашско-русской транслитерации:

1) оставить имена в том же виде, в каком они существуют в оригинале (*Антун, Илемпи, Лисук, Ъалтърпи, Энтри*);

2) переписать имена без диакритических знаков (*Илтимёр* → *Илтимер, Кёмёлпи* → *Кемелпи, Мёкёте* → *Мекете, Павъл* → *Павал*);

3) транслитерировать поэтонимы согласно звучанию (*Илтимёр* → *Ильдимер*, *Кёмёлни* → *Кимельби*, *Мёкёте* → *Мигиде*, *Павъл* → *Павол* / *Павл* / *Павыл*, *Ѕалтърни* → *Силдырби*);

4) восстановить русские прообразы чувашских имен (*Клавди* → *Клавдия*, *Максѣм* → *Максим*, *Мёкёте* → *Никита*, *Павъл* → *Павел*).

На практике встречаются все возможные методы транслитерации. Иногда даже происходит совмещение нескольких методов в одном поэтониме, например: *Арсюк* вместо *Арзюк* из чувашского *Арçук* [арžук] (< рус. *Арсений*), *Дарусь* вместо *Таруç* [таруç] из русского *Дарья* (*Даруся*).

В европейских традициях, как правило, практикуется орфографирование чувашских имен и экзотизмов с сохранением диакритических знаков, но вместе с тем может применяться и подход с замещением букв с диакритикой их базовыми аналогами, ср.:

Ajgi G. Grodd / översättning från tjuvasjiskan M. Nydahl. E. Lisina. Stockholm, 2017. S. 8.	Ajgi G. Grodd // Lisina T. Sånger från nedre Tjuvasjien. Stockholm, 2017. S. 304.
<i>Ständigt ska det du bevarat i minnet – allt, allt – vara svart som ansiktet på en svältande, ha samma färg som ett lik – som »snön och isen« som begravde fågeln hos Şeşpël...</i>	<i>Ständigt ska det du bevarat i minnet – allt, allt – vara svart som ansiktet på en svältande, ha samma färg som ett lik – som »snön och isen« som begravde fågeln hos Sespel...</i>

В приведенном отрывке из поэмы Г. Айги «Чёрё тевё» (Завязь), опубликованной на шведском языке, псевдоним чувашского поэта М. Сеспеля в первом случае подвергается транслитерации с сохранением букв с диакритическими знаками в их латинских соответствиях (*Şeşpël* < чуваш. *Şeşpël*), а во втором случае тот же псевдоним уже дается без диакритики, как и в русском языке (*Sespel* < рус. *Сеспель*).

Поскольку перевод произведений чувашских авторов на другие языки обычно происходит через русское посредство, поэтонимы и экзотизмы в новых переводах уже отображаются с элементами русской переработки, например: *...ich weiß, daß sie [Sonne] eigentlich mein Herz erfreuen sollte, aber im Augenblick scheint sie mir so unnütz wie die Schjulgeme am Hals einer hungrigen Frau* (Lisina L. Ein Stück Brot. Aus dem Russischen von Vadeleine G. Ballestrem) < рус. *...я ведь знаю, что оно [солнце] должно радовать сердце, но сейчас оно кажется ненужным, как шюльгеме на шее голодной женщины* (Лисина Е. Кусок хлеба Авторизированный перевод с чувашского), где экзотизм *шюльгеме* 'нагрудное женское украшение из серебряных монет' был транслитерирован по схеме чуваш. *шюльгеме* → рус. *шюльгеме* → нем. *Schjulgeme*. В то же время при прямом переводе немецкий эквивалент экзотизма так или иначе сохранил бы оригинальное звучанию: *шюльгеме* → *Schülgeme*.

Главные принципы чувашско-русской транслитерации:

1) ориентация на фонетику исходного онима. Например, при транслитерации чувашского имени *Марине* [мар'ин'э] (< рус. *Марина*) вряд ли допустима форма *Маринэ*, встречающаяся в некоторых переводах на русский язык произведений М. Юхмы и Р. Сарби;

2) эстетика звучания и орфографирования транслитируемого антропонима. К примеру, имя *Петёр* [п'эд'ёр] (< рус. *Пётр*) обычно в русских переводах неудачно выражается в форме *Педер* или *Педэр*. То же можно сказать о транслитерации языческого имени *Пёртта* [пёрт:á] в виде *Пртта*, при которой сохраняется чувашское звучание, однако при этом очень странным выглядит нагромождение согласных.

Лингвистами предпринимались попытки установить правила чувашско-русской транслитерации [1, с. 182–185]. Назвать их совершенными сложно, однако правила объективно подмечают специфику соотношения фонетики чувашского и русского языков (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Транслитерация специфичных чувашских букв

Буквы	Транслитерация	Чувашский антропоним	Русское соответствие
ӓ [ь]	ы	Пӓрчкан [пӓрчкӓн]	Пырчкан
	и – после й, ц, ч, ш	Йӓван [йӓвӓн]	Йиван
ӕ [ь]	э – в анлауте	Ӗмпике [ьм'б'иг'э]	Эмбиге
	е – в инлауте и ауслауте	Кӗркури [к'ьргур'и']	Кергури
ӹ [ү]	у – после ц, ч, ш	Цӹцмет [цӹцм'эт']	Сусмет
	ю – в остальных случаях	Пӹхе [п'ӹх'э']	Пюге
ç [ç]	с' – в анлауте и ауслауте	Çамак [çамӓк] Хветуç [х'в'эдүç]	Сямак Хведусь
	з' – в позициях между гласными, сонорными и гласными звуками	Наçик [наӓик] Эрçукки [эрӓук':и']	Назик Эрзюкки

В чувашском языке нет звонких согласных, однако в нем происходит озвончение глухих согласных в позициях между двумя гласными и между сонорными и гласными звуками.

Транслитерация букв с позиционным озвончением не вызывает никаких сложностей, за исключением случаев с буквами *х* и *ч*, должных произноситься звонко, но не имеющих таких аналогов в русском языке (см. таблицу 2).

Транслитерация согласных чувашского языка в позициях между гласными и между сонорными и гласными звуками

Буквы	Транслитерация	Чувашский поэтоним	Русское соответствие
к	г	Элкей [эл'г'э́j]	Эльгей
п	б	Салампи [саламб'и']	Саламби
с	з	Лисук [лизу́к]	Лизук
т	д	Сайте [сајд'э']	Сайде
х	г	Михетер [м'иу'эд'э'р]	Мигедер
ч	ч	Мерчен [м'эр'чэн']	Мерчень
ш	ж	Трашук [тражу́к]	Тражук

Лингвисты предлагают звонкость [х] передавать с помощью буквы *г*, ср.: чуваш. *Сульха* → рус. *Сульга*, чуваш. *Ярхун* → рус. *Яргун*.

Звонкое [ч] и вовсе представляется невозможным адекватно передать средствами русского языка. По сути буква *ч* в интервокальной позиции звучит как [д'ж'], однако видеть написания типа *Мердьжень* в русском тексте непривычно.

Кроме обозначенных выше особенностей следует обратить внимание на то, что в чувашских именах с геминацией при транслитерации необходимо сохранять удвоенные написания букв: орфографирование в виде *Емелькке*, *Шерккей*, предпочтительнее форм *Емельке*, *Шеркей*.

Также представляется важным избегать различного обозначения гласных звуков, идентичных в обоих языках: вместо *Селиме* [с'эл'им'э'], *Кулине* [кул'ин'э'], *Лариван* [лар'иван], *Хвекле* [х'в'экл'э'] недопустимо использовать формы *Сэлиме*, *Ларивон* (< рус. Ларион), *Кулинэ* (< рус. Акулина), *Хвеклэ* (< рус. Фёкла), иногда встречающиеся в русских переводах произведений чувашских авторов.

Исторически так сложилось, что поэтонимы призваны создавать национальную специфику чувашской литературы на внешнем формальном уровне. При чувашско-русской транслитерации имена приспособляются под требования русского языка, проходя через повторный эстетический отбор. Существующие правила носят рекомендательный характер, и переводчики вправе транслитерировать имена согласно своим представлениям.

Список использованных источников

1. Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Чувашское слово в русском контексте: опыт словаря. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 229 с.
2. Фомин Э. В., Иванова А. М. Чăваш поэтонимĕсен пуххи. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательстви, 2016. 83 с.
3. Фомин Э. В. Проверить алгеброй гармонию: статистический портрет чувашской литературы // Компаративистика в изучении словесной культуры народов Урало-Поволжья. Ижевск. – 2017. С. 219–226.

4. Фомин Э. В. Чувашская экстериорика стран ближнего зарубежья // Этнопедагогика как фактор сохранения этнокультурных ценностей в современном мире. Чебоксары. –2016. С. 84–86.
5. An Anthology of Chuvash poetry. London; Boston: Forest books; [Paris]: UNESCO, 1991. XXXV, 220 p.
6. Csuvás szó: irodalmi antológia. Eger: Megyei Könyvtár, 1985. 99 p.
7. Fältens ögon: en tjuvasjisk antologi. Sätaröd: Ariel, 2004. 282, [6] s.
8. I Canti dei popoli del Volga: Antologia ciuvascia. Roma: Arti Grafiche Scalia Editrice, 1986. 288 p.
9. Lisina E. Sångar från nedre Tjuvasjien. Stockholm: Ariel, 2017. 315 s.
10. L'oeil des champs: Anthologie de la poesie tschouvache établie et présentée par Geunnadi Aïgui. Strasburg: Circe: UNESCO, 1996. 302 p.

УДК 81-26 347.78.034

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЭЛЕМЕНТОВ КОМИЧЕСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Л. А. Ходаковская,

студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Института иностранной филологии, Таврической академии, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,

Симферополь

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,

Симферополь

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию особенностей перевода комического и основных форм его выражения (юмора, иронии и сатиры) в художественном тексте. В ходе работы определены переводческие стратегии, используемые при переводе комического, а также рассмотрены особенности их реализации на материале двух переводов пьесы «Венецианский купец» У. Шекспира.

Ключевые слова: перевод, комическое, юмор, ирония, сатира, стратегии перевода, Шекспир, Венецианский купец.

Abstract. This article is devoted to the study of translation peculiarities of the comic and its main forms (humour, irony and satire) in literary texts. In the course of the work, W. Shakespeare detects strategies of translation of the comic as well as peculiarities of these strategies' implementation on the material of two translations of the play «The Merchant of Venice».

Key words: translation, the comic, humour, irony, satire, strategies of translation, Shakespeare, The Merchant of Venice.

Сегодня проблеме перевода комического посвящено множество исследований, однако эта тема не теряет своей актуальности. Прежде всего, это обусловлено той сложнейшей задачей, которую подчас представляет

собой перевод элементов комического, задачей, которая является особенно важной как для теории, так и для практики перевода. В настоящее время исследованием перевода комического занимаются многие отечественные учёные: М. А. Кулинич, Е. С. Абаева, В. Я. Задорнова, А. С. Кобяшова, К. А. Ланина, Л. В. Молчанова, Е. Г. Подгрушная, О. В. Цепордей, Н. А. Абросимова, А. В. Гарамян и др. При этом внимание исследователей сосредоточено как на изучении комического в целом, так и на рассмотрении различных аспектов, связанных с этой категорией. Так, научные статьи Д. А. Павлюк, М. С. Сергеевой и М. Н. Смирновой раскрывают специфику передачи англоязычного юмора при переводе, В. А. Луков, О. И. Федотов и С. Е. Марченко исследуют особенности сатиры и т.п. Однако, несмотря на множество исследований, посвященных проблеме перевода комического, стратегии передачи комического в переводе, а также особенности их практической реализации, всё ещё недостаточно изучены, что, в свою очередь, приводит к тому, что при переводе текста с элементами комического переводчику приходится в каждом конкретном случае изобретать их заново, что нередко приводит как к временным, так и к художественным потерям. Данная проблема выявляет необходимость создания перечня практических инструментов, которые позволили бы специалистам максимально эффективно и полно передавать элементы комического в переводе.

На основании существующих формулировок, для данной статьи был разработан ряд определений. Комическое – это эстетическая категория, в основе которой лежит несоответствие между буквальным (форма) и подразумеваемым (содержание) значениями высказывания, нарушение пропорций, которое осознается реципиентом и вызывает у него улыбку или смех. Оно находит своё выражение в трёх категориях: юморе, иронии и сатире. Юмор, как одна из форм выражения комического, отличается своим мирозерцательным, скорее положительным и относительно «мягким» отношением к изображаемому. Как отмечает Н. А. Абросимова, «В узком смысле юмор обозначает один из видов комического, который, как правило, характеризуется сочувственным отношением к объекту насмешки. В широком значении под юмором понимают способность человека или социальной группы воспринимать комическое во всём его разнообразии» [1, с. 13]. Ирония – это вид комического, в основе которой лежит субъективно выражаемая оценка автора преимущественно негативного характера, скрывающаяся под видом положительного высказывания. Нередко ирония выражает завуалированное чувство превосходства или скептицизма, смешное в ней скрыто под маской серьёзного. Сатира – вид комического, отличающийся резкостью изобличения, остротой насмешки над слабостями и пороками. Она всегда имеет характер разоблачения и призвана бороться с изображаемым явлением, неизменно эксплицирована, выражается бурно, с негодованием и презрением.

Таким образом, под элементами комического в данной статье понимаются случаи проявления любого из видов комического в тексте, которые, в силу своих особенностей, составляющих предмет настоящего исследования, требуют особого подхода к процессу перевода.

Объектом исследования особенностей перевода комического, а также основных форм его выражения (юмора, иронии и сатиры), в художественном тексте стала пьеса У. Шекспира «Венецианский купец», а также два её перевода – Т. Щепкиной-Куперник и О. Сороки. В результате анализа теоретических исследований по данной теме, а также работы с фактическим материалом, удалось установить, что переводчик, столкнувшийся с трудностями при переводе комических элементов, имеет в своём арсенале несколько вариантов действий.

Прежде всего, переводчик может исключить из текста комический элемент, в процессе перевода, которого возникли трудности, однако этот путь не отвечает необходимости сохранения прагматического воздействия на читателя – категории, имеющей первостепенное значение для всякого художественного текста. При этом возможно, как полное исключение комического элемента, если его отсутствие в переводе не влияет на общий смысл высказывания, так и его буквальный перевод, что позволит сохранить информационную составляющую, однако практически неизбежно приведёт к потере комической составляющей.

Ещё одним вариантом, наиболее приемлемым с точки зрения прагматики, является адаптация комического элемента к языку перевода. В этом случае переводчик создаёт в тексте перевода атмосферу, аналогичную исходной. Кроме того, в случае, когда эмоционально-смысловая потеря всё же неизбежна ввиду невозможности адекватной передачи комического элемента, переводчик может трансформировать в юмористическом ключе другую единицу, находящуюся в непосредственной близости от него, что позволяет сохранить юмористический характер описываемой ситуации, а значит, сохранить прагматическое воздействие на читателя.

В ходе анализа переводов пьесы «Венецианский купец», за основу были взяты следующие типы реализации комического в тексте, выделенные В. Я. Задорновой и А. С. Кобяшовой [2]: ситуативное комическое; комическое, основанное на концептуальном несоответствии; языковое комическое; комическое, зависящее от фоновых знаний. Ситуативное комическое реализуется в тексте путём описания смешной или нелепой ситуации и в большинстве случаев не требует применения каких-либо специальных приёмов прагматической адаптации, так как подобные ситуации обычно носят универсальный характер и понятны любому человеку. Зачастую такая ситуация, даже описанная в нейтральном тоне, смешна сама по себе, но автор может усилить комический эффект с помощью введения в текст повествования стилистически/эмоционально окрашенной, разговорной лексики и т.д. Необходимо отметить, что в случае использования автором ситуативного комического, в качестве элемента

комического следует рассматривать всю ситуацию в целом. Такая ситуация, в свою очередь, может быть выражена достаточно большим отрывком текста.

Анализ пьесы позволил сделать вывод о том, что ситуативное комическое более всего присуще произведениям, в которых повествование ведётся от третьего лица, так как здесь автор обладает наиболее широкими возможностями для описания ситуации в юмористическом ключе, в то время как формат драматургического произведения, где текст представляет собой последовательность реплик, обыкновенно сводит разного рода описания к минимуму (здесь юмор немедленно эксплицируется в языке). Однако в пьесе всё же встречаются ситуации, которые можно отнести к ситуативному юмору. Так, главная героиня пьесы, описывая одного из неугодных ей женихов, говорит о нём так: *«You know I say nothing to him, for he understands not me, nor I him: he hath neither Latin, French, nor Italian, and you will come into the court and swear that I have a poor pennyworth in the English... How oddly he is suited! I think he bought his doublet in Italy, his round hose in France, his bonnet in Germany and his behavior everywhere»* [6, с. 39]. В переводе этот фрагмент передан следующим образом:

«Знаешь, ничего не могу ни о нем, ни ему сказать, потому что ни он меня не понимает, ни я его. Он не говорит ни по-латыни, ни по-французски, ни по-итальянски, а ты смело можешь дать на суде присягу, что я ни на грош не знаю по-английски... И как странно он одевается! Я думаю, он купил свой камзол в Италии, широчайшие штаны - во Франции, шляпу - в Германии, а манеры - во всех странах мира» (Т. Щепкина-Куперник)

«Ничего не скажу я ему - ни он меня не понимает, ни я его. Он не знает ни латыни, ни французского, ни итальянского, а можешь под присягой показать, что я в английском швах... И как чудацки он одет! По-моему, камзол куплен им в Италии, раздутые штаны - во Франции, шляпа - в Германии, а манеры собезьянены отовсюду» (О. Сорока)

«Он отвратителен по утрам, когда трезв, и еще отвратительнее после обеда, когда пьян. В лучшие свои минуты он немножко хуже, чем человек, а в худшие - немного лучше, чем животное» (Т. Щепкина-Куперник)

«Очень он мне мало нравится с утра, когда он трезв, а еще того меньше к обеду, когда пьян. В лучшем своем виде он до человека не дотягивает, а в худшем - мало чем лучше скота» (О. Сорока)

Гораздо более непростой задачей для переводчика является комическое, основанное на концептуальном несоответствии, основой которого является столкновение понятий. Данный тип комического

включает в себя: парадоксальные высказывания, нарушение сочетаемости слов, эффект обманутого ожидания, комические сравнения и т.п. В пьесе «Венецианский купец» комическое, основанное на концептуальном несоответствии, встречается наиболее часто, поэтому реплики героев столь остроумны и смешны, как, например, в описании ещё одного жениха героини: «*Very vilely in the morning when he is sober and most vilely in the afternoon when he is drunk. When he is best he is a little worse than a man, and when he is worst he is little better than a beast*» [там же, с. 40]. В переводе этот фрагмент передан следующим образом:

Оба перевода представляются оправданными, и в полной мере передают комизм ситуации, выраженный с помощью цепочки парадоксов, которые, в свою очередь, объединены автором в единый элемент комического.

Перевод языкового комического, к которому относятся элементы, неотделимые от ткани текста и в определённой мере утратившие связь с понятием как таковым (говорящие имена, каламбуры, окказионализмы, игра слов, стилистически неверные сочетания слов, использование экспрессивных слов и т.д.), является наиболее непростой задачей для переводчика. Примером языкового комического в тексте пьесы (элементы комического подчёркнуты нами) может послужить следующая фраза: «*but he – why, he hath a horse better than the Neapolitan's, a better bad habit of frowning than the Count Palatine; he is every man in no man*» [там же, с. 39]. В данном отрывке автор дважды использовал игру слов: «*a better bad habit of frowning*» и «*he is every man in no man*». В переводе этот фрагмент передан следующим образом:

<p>«Но этот! Да, у него лошадь лучше, чем у неаполитанца; гадко хмурить брови он умеет лучше, чем пфальцграф; он – все и никто» (Т. Щепкина-Куперник)</p>	<p>«но этот! Конь у него похлеще, чем у принца Неаполитанского, а хмуриться умеет он кислей пфальцграфа. Он – кто угодно, и никто» (О. Сорока)</p>
---	--

Анализ вариантов перевода показал, что первая игра слов – «*a better bad habit of frowning*» – в обоих случаях перевода передана описательно, с потерей изящества фразы оригинала, однако с полноценной передачей комического эффекта. Однако вторая игра слов – «*he is every man in no man*» – в обоих случаях переведена с полным сохранением смысловых, стилистических и прагматических черт оригинала.

Таким образом, особенности передачи комического в переводе обусловлены типами его реализации в тексте: в случае, если переводчик сталкивается с ситуативным комическим, ему достаточно сохранить комизм ситуации в целом; перевод комического, основанного на концептуальном несоответствии, обуславливает необходимость сохранения парадоксальности и неожиданности элемента комического при переводе; использование автором языкового комического требует создания в тексте

перевода элемента, который был бы адекватен исходному элементу, и сохранял бы прагматическое воздействие на читателя; для перевода комического, зависящего от фоновых знаний, от переводчика требуется умение улавливать национальную специфику юмора, особенности менталитета и эпохи.

Список использованных источников

1. Абросимова Н. А. Языковые особенности переводов комических текстов (на материале рассказов М. Твена, О. Генри и С. Ликока): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 172 с.
2. Задорнова В. Я., Кобяшова А. С. Прагматический подход к переводу юмора // Вестник Московского университета. Сер.: Теория перевода. – 2013. – № 4. С. 66–83.
3. Зеленцова М. Г., Ходаковская Л. А. Особенности перевода юмора, иронии и сатиры в художественной литературе // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской науч.-практ. конференции. Симферополь, 2017. С. 134–139.
4. Шекспир У. Венецианский купец (Пер. О. Сороки): [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_mercant3.txt.
5. Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. Т. 3 / У. Шекспир; под ред. А. Смирнова, А. Аникста. М.: Искусство, 1958. – С. 211–309.
6. Shakespeare William. The Merchant of Venice. Hertfordshire: Wordsworth Classics, 2006. 128 p.

УДК 82-1/-9

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРРАТИВНЫХ ТЕХНИК В РАССКАЗЕ ДЖОРДЖА СОНДЕРСА «ДЕСЯТОЕ ДЕКАБРЯ»

Т. Е. Худолеева,

преподаватель кафедры иностранных языков,

*Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище
им. П. С. Нахимова, Севастополь*

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию способов трансформации нарративных техник в рассказе американского писателя Джорджа Сондерса. Основным применяемым методом выступает структурный анализ текста. В результате проведенного исследования показано, что видоизменение техники повествования через речь персонажей заключается в интегрировании диалогов и монологов в поток мыслей, действующих лиц рассказа.

Ключевые слова: жанровые признаки, нарративная техника, повествование, описание, рассуждение, речь персонажей, тип нарратора, поток мыслей, нарративный стиль.

Summary. This scientific article is devoted to the study of ways of transforming narrative techniques in the short story of the American writer George Saunders. The main method used is the structural analysis of the text. Because of

the carried out research it is shown that the modification of narrative technique through the speech of characters consists in integration of dialogues and monologues into the flow of thoughts of characters in the short story.

Key words: genre features, narrative technique, report, description, comment, characters' speech, type of narrator, flow of thoughts, narrative style.

Рассказ как жанровая форма характеризуется определённым набором устойчивых признаков. К ним относятся: небольшой объём (это одна из главных формальных особенностей), ограниченное количество действующих лиц, одна либо две сюжетные линии, повествование об одном или нескольких важных эпизодах из жизни персонажей. Важную роль в жанровой характеристике рассказа играет тип нарратора и используемые нарративные техники.

Нарратив произведения состоит из истории, которая рассказывается (это последовательность событий, характеров и обстоятельств), и способа наррации (то есть, как рассказывается, какие техники и средства используются). Выделяют четыре базовые нарративные техники, которые могут использоваться либо по отдельности, либо в сочетании друг с другом: повествование (от лица нарратора), описание (физические и/или психологические характеристики персонажей и мест действия), комментарий/рассуждение (интерпретация характеров персонажей и событий от лица нарратора) и речь персонажей (диалогическая, монологическая, внутренний монолог) [2, с. 8].

В 2013 году увидел свет сборник рассказов американского писателя Джорджа Сондерса «Десятое декабря», получивший высокие отзывы критиков и читателей. Его вершиной является рассказ с одноимённым названием, который является объектом анализа в данной статье. Нас интересуют способы наррации, выбранные автором.

На первый взгляд этот рассказ сохраняет традиционные жанровые признаки. Во-первых, это небольшой объём произведения. Краткость жанровой формы рассказа определяет его основные черты и влияет на интенсивность, сжатость его наполнения. Относительно небольшое количество персонажей задействовано в одной или нескольких ситуациях, раскрывающих один ключевой конфликт произведения. Во-вторых, это наличие одной либо двух сюжетных линий. В этом рассказе их две – это линия мальчика Робина и взрослого мужчины Дона Эбера. Именно десятого декабря по прихотливому стечению обстоятельств их жизненные пути сходятся, давая каждому шанс проявить себя. В-третьих, по утверждению Э. А. По, рассказ призван оказать определённое уникальное воздействие на читателя [3, с. 54]. С этим автор рассказа блестяще справляется, он не может оставить равнодушным и заставляет сопереживать, вызывает чувство сострадания.

Для современной литературы свойственно разнообразие нарративных техник, в частности, авторы создают новые, уникальные способы повествования. В век большого количества информации и высокой скорости доступа к ней, запросы читателя к художественной литературе

трансформируются. Задача писателя – оказать быстрое и сильное воздействие на свою аудиторию, и этой цели служат разные нестандартные способы повествования.

Прямой, эксплицитный способ наррации нехарактерен для большинства современных рассказов. Обычно автор оставляет читателю возможность домыслить развитие событий самостоятельно. В рассказе «Десятое декабря» это свойство рассказа приобретает новое звучание, так как автор выбирает оригинальную нарративную технику. Повествование ведётся от лица двух персонажей – мальчика и взрослого мужчины, но это не обычная речь, а поток мыслей. Начинается рассказ с описания, которое занимает буквально несколько предложений: «The pale boy with unfortunate Prince Valiant bangs and cublike mannerisms hulked to the mudroom closet and requisitioned Dad's white coat» [4, с. 215]. Таким образом, мы узнаём, что первое действующее лицо – это бледный мальчик со странной стрижкой и юношескими замашками, одетый практически во всё белое. Дальше мы погружаемся в его поток мыслей: это преимущественно игровая среда, вымышленный мир, в котором он и его друзья живут в двух враждующих лагерях и разыгрывают сражения на территории города.

Потоку мыслей Робина свойственен особый нарративный стиль. Это сбивчивые мысли ребёнка, наполненные его игровыми фантазиями (война с *Nether worlders* или *Nethers*, сродни пришельцам) и элементами взрослой жизни, почерпнутыми из взрослой среды (упоминание о NASA). Помимо воображаемых сцен борьбы с инопланетными жителями в потоке мыслей мальчика присутствуют воображаемые диалоги: «All suited up now, NASA. Turning awkwardly to go out the door». «*Affirmative. We have your coordinates. Be careful out there, Robin*» [4, с. 217]. Следует отметить, что ответные слова из «пункта управления» маркированы автором курсивом, что помогает понять, что они принадлежат не самому Робину, а являются ответом на его реплику, то есть мы получаем внешнюю реплику в потоке мыслей мальчика.

Немаркированные диалоги имеют указание на их принадлежность, например: «That just means you have a big heart, Suzanne said». «Well, I don't know, he said modestly» [4, с. 219].

Кроме внутренних воображаемых диалогов с внешними относительно нарратора персонажами, в потоке мыслей присутствует монолог внутренний, выраженный в виде вопросов к самому себе в третьем лице, например: «What was his mind telling him now?» [4, с. 221].

Также в потоке мыслей присутствуют описания, снабжённые комментариями нарратора: «Bright, bright, blue and cold. Crunch went the snow as he crossed the soccer field. Why did cold such as this give a running guy a headache? Likely it was due to Prominent Windspeed Velocity» [4, с. 218].

Другая техника, которая также используется в потоке мыслей Робина – это повествование. Причём часть ситуаций, о которых повествуется, являются гипотетическими, например: «Today he had a feeling that the *Nethers* might kidnap Suzanne Bledsoe, the new girl in homeroom. She

was from Montreal» [4, с. 217]. Другие ситуации реальные и являются прямым отражением того, что нарратор видит вокруг в данном месте и в данное время: «What was this strange object? A coat? On the bench? ... No accumulated snow on coat. Inside of coat still slightly warm». И тут же реальность в сознании Робина переплетается с игровым вымыслом: «Ergo: the recently discarded coat of the Nether» [4, с. 220].

С точки зрения типа нарратора примечательно то, что в своём потоке мыслей Робин говорит о себе от третьего лица: he said, Robin said, «He snagged the coat off the bench» [4, с. 221]. Нарратором выступает сам персонаж, происходит повествование с внутренней фокализацией (повествователь говорит только то, что знает персонаж).

Второе действующее лицо этого рассказа – это больной раком мужчина Дон Эбер. Повествование от его лица тоже ведётся при помощи потока мыслей. Как и в случае с Робинем, ему предшествует небольшое вступление-повествование длиной всего в одно предложение: «Ten minutes earlier, Don Eber had paused at the pond to catch his breath» [4, с. 221]. Рассказчик тоже говорит о себе от третьего лица и этой части повествования также присуща внутренняя фокализация: «He was so tired», «And Eber had thought» [4, с. 222; 225].

Внутри потока мыслей данного персонажа используются такие же нарративные техники, как и при описании мыслей Робина, но несколько усложнённые по своей структуре. Это преимущественно внутренние вымышленные диалоги с внешними персонажами. Некоторые из реплик маркированы курсивом. Примечательно, что два персонажа-голоса в голове Эбера, его отец и Кип Флемиш, занимают как бы одну позицию и говорят некоторые реплики вдвоём: «*Which still strikes us as kind of fancy-pants*» (парная внутренняя реплика внутри потока мыслей) [4, с. 222]. Они даже общаются между собой и ведут свой диалог, который слышит и идентифицирует Эбер: «*He wants it to be nice. This was Dad now*». «*Nice? Kip said. That is not the word I would use*» [4, с. 222]. Ещё один пример внутреннего диалога в структуре потока мыслей между двумя внешними персонажами, детьми Эбера жоди и Томми: «*I honestly didn't know what to do. But he made it so simple. Took it all on himself. So what else is new? Exactly. This was Jodi and Tommy now*» [4, с. 224]. Эбер также ведёт с ними непосредственный диалог: «Hi, kids. Big day today» [4, с. 224].

Некоторые реплики других персонажей представлены в виде их внутреннего монолога в структуре потока мыслей Эбера: «Sometimes the gentle Allen would be inside there too, indicating, with his eyes, Look, go away, please go away, I am trying so hard not to call you KANT!» [4, с. 225].

В представлении событий от лица Эбера присутствуют разные техники: описательная («It was amazing. Amazing, really. He was young. He was fifty-three» [4, с. 222]), повествовательная («He took off his coat. Good Christ. Took off his hat and gloves, stuffed the hat and gloves in a sleeve of the coat, left the coat on the bench» [4, с. 226]) и описательная в сочетании с

рассуждением («A breeze sent down a sequence of linear snow puffs from somewhere above. Beautiful. Why were we made just so, to find so many things that happened every day pretty?» [4, с. 226]).

Далее происходят попеременные «включения» потока мыслей то Робина, то Эбера, создавая картину происходящего. Среди использованных автором традиционных нарративных техник (повествование, описание, рассуждение и речь персонажей) ключевую роль играет речь персонажей, именно она составляет большую часть текстуального корпуса рассказа. Оригинальность авторского подхода к данной технике заключается в том, что автор делает её частью повествования в виде потока мыслей основных персонажей. Таким образом, возникают более сложные модели речи действующих лиц: внутренний монолог нарратора, внутренний диалог с одним или несколькими внешними персонажами, диалог внешних персонажей между собой в потоке мыслей нарратора, общие реплики внешних персонажей в потоке мыслей нарратора, внутренние монологи внешних персонажей в потоке мыслей нарратора.

Эти внешние персонажи – преимущественно важные люди в жизни Робина (мама, девушка, которая нравится) и Эбера (отец, отчим, жена, дети). В полифонию голосов в голове у Эбера вторгается выделяемый им самим собственный внутренний голос: «*Kid in the pond, kid in the pond, ran repetitively through his head as he minced*» [4, с. 234]. А реплики неодушевлённых объектов, например, пруда, под лёд которого провалился мальчик, составляют часть его потока мыслей в критической ситуации: «*But the pond kept saying no. Then it said maybe*» [4, с. 235].

Таким образом, на примере рассказа «Десятое декабря» мы видим трансформацию нарративной техники речи персонажей, которая заключается в интегрировании диалогов и монологов в структуру потока мыслей основных действующих лиц.

Список использованных источников

1. Сондерс Дж. Десятое декабря / пер. с англ. Силакова С.В. // Иностранная литература. – 2014. – №1. С. 83–107.
2. Mignani A. Sweet and Sour. A Collection of Stories for Pleasure and Learning. Genoa, Canterbury: Black Cat Publishing, 2001. 198 p.
3. Rohrberger M. Hawthorne and the Modern Short Story: a Study in Genre. Berlin: Aldine de Gruyter, 1966. 148 p.
4. Saunders G. Tenth of December. New York: Random House, 2013. 272 p.

УДК 82.035

ПЕРЕВОДЫ К. ГАРНЕТТ: ОТКРЫТИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО АНГЛИЙСКИМИ РОМАНИСТАМИ

Р. Р. Хуснулина,

*доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методологии
перевода Высшей школы перевода (факультет),*

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Именно переводы Констанс Гарнетт позволили англичанам познакомиться с прозой Ф. М. Достоевского. Хотя первоначальная оценка переводов К. Гарнетт в Англии, как и произведений Достоевского, была во многом схожей. В данной научной работе показано, как встречены они были там неоднозначно. Со временем англичане приняли переводы К. Гарнетт и стали читать, и, благодаря ее прекрасным переводам, лучшие английские писатели XX века по достоинству оценили значение творений Ф. М. Достоевского и стали подражать ему, развивая его идеи.

Ключевые слова: перевод, проза, подражание, отклик, произведения, судьба, принимать, значение.

Summary. Due to Constance Garnett's translations, the Englishmen could reveal the prose of F.M. Dostoevsky. However, the first appreciation of C. Garnett's translations in England, exactly like Dostoevsky's writings, had much in common. In this scientific works, it is shown how multiple-valued they were met in England. Eventually English people adopted the translations of C. Garnett and started to read them and owing to these splendid translations, the best English writers of the XX-th century appreciated the significance of F. M. Dostoevsky's writings at his true value and began to follow his ideas.

Key words: translation, prose, to follow, reaction, the writings, the fate, adopt, significance.

Ф. М. Достоевский (1821–1881) был встречен в английской культуре настороженно и с опаской, как писатель, осваивающий неведомые темы и опровергающий привычные вкусы. Первые отклики о нем появились во французской прессе в связи с его кончиной. До этого он не был известен англичанам. В «Истории русской литературы» (Лондон, 1882), подготовленной Чарльзом Тернером, некоторое время читавшим лекции в Императорском университете в Санкт-Петербурге, Достоевский упомянут лишь как друг Н. А. Некрасова [4, с. 172].

Когда же в 1884 году во Франции, Германии появились переводы романов Достоевского и по ним были подготовлены вольные английские версии, его, наконец, заметили критики, но восприняли в некоем общем ряду. Они отзывались о нем как о писателе чужеродном, «таинственном русском», «пришельце из потустороннего мира»; персонажей соотносили с известными сведениями его биографии: эпилепсией, ссылкой, азартными играми. Подобный «этнографический» подход к творчеству писателя, как к некой типовой, всеобъемлющей формуле загадочной «русской души», и стал для литературоведов и критиков самой простой «разгадкой» Достоевского - провидца со странной судьбой. И такое его понимание они стремились приспособить к понятному, тому, что было на слуху, объясняя загадочность «русской души» «крайностями», «бесхребетностью», видя в них «некий рок». Доминанта загадочной «русской души» долгое время, вплоть до 1920-х годов, определяла интерпретацию личности писателя, его творчества. Отчего и оказалось возможным «не замечать» Достоевского и

отодвинуть на периферию, говоря о его экспериментах, как о причуде второстепенного прозаика [2, с. 3].

В числе тех, кто по-новому заговорил о Достоевском, был Арнольд Беннетт (1867–1931). Он писал о Достоевском с 1908 по 1931 годы и, как никто другой, способствовал продвижению его книг. Беннетт использовал для этого свою колонку в «New Age»: «Я не устану повторять, что лучшие образцы романа созданы Достоевским». Там же, взывая к крупнейшему английскому издательству «Хейнманн», он назвал «скандалом» отсутствие «хорошей полной версии произведений Достоевского» [3, с. 350]. В немалой степени он тем самым предопределил судьбу романов Достоевского в Англии.

В итоге, в 1912–20-х годах Достоевского издали - появился перевод полного собрания сочинений писателя, выполненный Констанс Гарнетт (1861 – 1946). Предваряя его выход, Эдвард Гарнетт, талантливый издатель и муж Констанс, обратился к читателям «Экспеди» с коротким эссе о Достоевском. «Современное поколение, - писал он, - не знает произведений Достоевского. Тем хуже для этого поколения» [5, с. 202–203]. Причину его долгого игнорирования Гарнетт объяснил «страхом перед мрачной тематикой». В отличие от писателей и критиков 1880–1910 годов, мотивировавших интерес к Достоевскому загадочными проявлениями «русской души», он высоко оценил его как психолога. Такой подход к нему совпал с характером литературных поисков модернистов и стал одной из причин их обращения к Достоевскому.

Выход собрания сочинений Достоевского в Англии стал культурным событием с сопутствующими ему философскими диспутами, публичными высказываниями. Словно выражая благодарные чувства многих писателей, К. Мэнсфилд (1888–1923) писала К. Гарнетт в 1921 году: «Мы так вам обязаны, что сами еще не в состоянии это осознать. Эти книги... переменили наши жизни» [1, с. 261].

Теперь Достоевского стали читать, и у него искали ответы на «проклятые» вопросы. Новый мир, пришедший с Достоевским, помогал английской интеллигенции понять себя, и даже более того, «менял ее характер» [7, с. 7].

Стоит отметить, что Констанс Гарнетт перевела 71 том произведений русских писателей. В 1893 году, после того, как она побывала в Москве, Санкт-Петербурге, Ясной Поляне, где она встречалась со Львом Толстым и вдохновилась идеей перевода произведений русских авторов: романами Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, она перевела произведения Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. Н. Островского и А. П. Чехова. Частичную помощь ей оказал русский анархист Сергей Степняк.

В Англии её блестящие переводы высоко оценили Дж. Конрад, Д. Г. Лоуренс, позже Хемингуэй, признавался, что полюбил русских классиков «с тех пор а стал читать их в переводе К. Гарнетт» [6, с. 54].

Вдохновленные переводами Гарнетт, стали появляться новые переводчики Достоевского в Англии, к примеру, Ричард Пивеар и Лариса Волхонская. Они были уверены, что в «Братьях Карамазовых» им удалось передать «полифонизм» (термин М. М. Бахтина) романа Ф. М. Достоевского. «Да, – схоластично признавалась Лариса о своем переводе «Братьев Карамазовых», – мои переводы часто кажутся по-русски чувствительными, но присутствует и радостное приятие Христианства. Есть смерти, самоубийства, смерть ребенка, Иван становится сумасшедшим, Митя попадает в тюрьму, – но ведь книга завершается оптимистично» [6, с. 53]. Ее муж Ричард Пивеар отметил «неловкую» манеру написания романов «Преступление и наказание» и «Игрок», которые он писал к определенному сроку, но едва поспевал. Достоевский, по его мнению, использовал в «Преступлении и наказании» сниженную лексику, говоря «*stushevat'sya*», имея в виду «почувствовать себя неловко». Пивеару казалось, именно он уловил такие тонкости письма Достоевского, но такие частности, в действительности, были общим местом, не требующим детализации. Пивеар поучал Уилсона, автора «Странного случая с Пушкиным и Набоковым», который делал ему замечания об интерпретации русского произношения и грамматики, что русское «*prislushivat'sya k zvuku*» отнюдь не означает «внимательно слушать звук», как в английском, из чего он делает вывод, что особая «русскость» стиля Достоевского надумана Уилсоном.

Находились и критики и среди русскоязычных художников. В их числе был Иосиф Бродский, считавший, что она работала с такой скоростью, что, столкнувшись со сложно переводимой фразой, она, дабы ускорить процесс, передавала ее описательно. Именно поэтому, на его взгляд, роман «Идиот» в ее переводе чересчур «длиннен». Вместе с Набоковым они незаслуженно упрекали К. Гарнетт за ярко выраженное личностное начало переводчицы: «Англичане вряд ли различат Толстого и Достоевского, поскольку не читали их прозу прежде. Сейчас же они читают Констанс Гарнетт» [6, с. 54]. Корней Чуковский восхищался переводами Тургенева и Чехова, но не Достоевского. Его «нервную дрожь», на его взгляд, Констанс Гарнетт заменила «в характерной английской манере успокоительным средством». Скорее всего, это было предвзятое мнение русских, которые, глубоко не вдаваясь в тонкости перевода, приписывали трудам Гарнетт свой довольно общий «русский» взгляд.

Издатель «Oxford University Press» подвел итог полемике: «Зачем нам кто-то еще, если есть Гарнетт. Ее переводы – вечные» [6, с. 57]. Своим веским замечанием он урезонил подражателей и критиков Гарнетт. И был прав, именно её переводы произведений русских авторов до сих пор переиздаются в Англии.

Свою книгу о непростой работе Констанс Гарнетт над переводами произведений Достоевского Ричард Гарнетт назвал «Героической жизнью» («A Heroic life», L. 1991). Таковой она и была.

Список использованных источников

1. Тугушева М. П. Джон Голсуорси. М.: ТЕРРА-Книжный клуб. 2000. 384 с.

2. Хуснулина Р. Р. Английский роман XX века и наследие Ф. М. Достоевского. Казань: Издательство Казанского университета. 2005. 260 с.
3. Bennett A. Books and Persons in London and Paris // *New Age*. – 1911.– February 9. P. 349–350.
4. Brewster D. East-West Passage: A Study in Literary Relationships. L.: George Allen and Unwin. – 1954. P. 165–172.
5. Garnett E. A Literary causerie: Dostoevsky // *Academy*. 1906. № 71. P. 202–203.
6. Remnic D. The Translation wars // *New Yorker*. 2005. November 7. P. 51–65.
7. Woolf V. Mr. Bennett and Mrs Brown // *Nations and Athenaeum*. 1923. December 1. 21p.

УДК 82

**«ЗАВЕЩЕНИЕ ЧУВАШСКОМУ НАРОДУ» И. Я. ЯКОВЛЕВА
НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ МИРА КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ОБРАЗОВАНИИ**

З. Б. Цаллагова,

*доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный
сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии
Российской академии наук, Москва*

Аннотация. В статье рассматривается значение посмертно изданного письма-завещания выдающегося чувашского просветителя и педагога Ивана Яковлевича Яковлева. Письмо, адресованное чувашскому народу, представляет собой кодекс нравственности и моральных заповедей, актуальность которых с течением времени только возрастает. Автор статьи ставит цель анализа содержания «Завещания» и исследования образовательно-воспитательных возможностей использования эпистолярного документа начала XX века, переведенного почти через сто лет на языки народов мира в рамках православного проекта «С любовью к России», предложенного и курируемого писателем и общественным деятелем, продолжателем дела чувашского просветителя, В. А. Смирновым.

Ключевые слова: И. Я. Яковлев, духовное завещание, перевод на языки народов мира, духовно-нравственное воспитание.

Annotation. The article considers the significance of the posthumously issued letter of testament of the outstanding Chuvash educator and teacher Ivan Yakovlevich Yakovlev. A letter addressed to the Chuvash people is a code of morality and moral precepts, the relevance of which only increases with time. The author of this publication sets the goal of analyzing the content of the Testament and exploring the educational and educational opportunities for using the epistolary document of the early 20th century translated into the languages of the world in almost a hundred years as part of the Orthodox project "With Love for Russia", proposed and supervised by a writer and public figure, the continuer of the affairs of the Chuvash enlightener, V. A. Smirnov.

Key words: I. Ya. Yakovlev, a spiritual testament, a translation into the languages of the peoples of the world, spiritual and moral education.

В последние десятилетия все более углубляется интерес современной гуманитарной науки к диалогу культур и переводу как феномену межкультурной коммуникации. В филологии изучение переводов произведений расширяет представления об иноязычных авторах и процессах, происходящих в соответствующих литературах, о взаимодействии национальных культур, о природе общественно-политических процессов. Перевод как фактор социальной и духовной культуры являет собой важный пласт в культурном наследии каждого народа; можно утверждать, что переводческий процесс – одно из средств развития и движения национальной и мировой культуры. В то же время без зарождения и развития культуры невозможен факт существования перевода [1, с. 4–5]. Как правило, в первую очередь на другие языки переводятся социально-, литературно-, духовно значимые тексты. В ряде случаев это дает произведению второе рождение, позволяя сохраниться в веках и расширить ареал своего функционирования.

Именно такова судьба творения выдающегося чувашского гуманиста, просветителя и педагога Ивана Яковлевича Яковлева (13.04.1848–23.10.1930) «Завещание чувашскому народу», созданного автором 4 августа 1921 незадолго до начала своей тяжелой болезни. Трудно переоценить значение этих заветных слов, написанных автором перед лицом вечности как предостережение, напутствие и последнее благословение для современных ему соплеменников, для которых он основал в Симбирске первую национальную школу, первое педагогическое учебное заведение чувашского народа, подготовил более 1200 учителей. Слова «Завещания» воспринимаются особенно глубоко от того, что знаешь о его неизбывных трудах на благо, на будущее родного народа и всей России: именно он, Иван Яковлевич Яковлев, является создателем первой дидактики двуязычной начальной школы в стране, он – создатель чувашского алфавита и первого букваря, он – создатель современной чувашской письменности на основе кириллицы, он – переводчик на чувашский язык и издатель Нового Завета и ряда богослужебных книг, приведший к православию более миллиона чувашей, построивший 18 православных храмов и более 400 школ.

Завещание И. Я. Яковлева чувашскому народу – это итог, квинтэссенция и обобщение сути его просветительской и педагогической деятельности, обозначение столбовых опор его воспитательной системы и программы возрождения и совершенствования чувашской нации, приобщения ее к мировым общечеловеческим этическим ценностям. Документ этот, продиктованный и выправленный им летом 1921 года, хранился до 1955 года в личном архиве просветителя; в сокращенном варианте текст завещания впервые был издан в сборнике статей Чувашского научно-исследовательского института в 1957 году (тираж 1000 экз.) и в журнале «Советская педагогика» в 1958 году (тираж 50700 экз.). Полный

текст завещания впервые издан в 1990 году русскими журналистами из газеты «Клип», в последующие годы завещание издавалось, как отдельной брошюрой, так и в составе целого ряда изданий, в том числе, и в ряде публикаций другого выдающегося чувашского и российского педагога, патриарха этнопедагогической научной школы Г. Н. Волкова [2, с. 197–199].

Сохранившийся ряд черновых вариантов чувашского и русского вариантов «Духовного завещания» (не совсем идентичных, хотя по сути расхождения незначительны) свидетельствуют об очень непростой, долгой, очень серьезной и мучительной работе Яковлева. «Духовное завещание» пронизано гражданским пафосом, очень глубоким осознанием исторических перспектив жизни чувашского народа в многонациональном государстве, его стиль выдержан в духе традиционных чувашских «семи благословений». Всю свою силу переживаний за будущее родного народа и желание предостеречь его от невзгод вложил Яковлев в каждый свой посыл, каждую строку и каждое слово: «Обращаюсь к вам первым, друзья и родичи, мои чуваша. О вас болел я душой, к вам в этот час обращается душа моя, и вам первым хочу сказать мои последние пожелания» [3, с. 31].

Среди пожеланий на первом месте – завет беречь веру в Бога. Как заботливый отец и добрый пастырь он старается донести до каждого, что «Вера окрыляет силы ума и сердца, дарует внутренний мир, утешает и ободряет душу в часы несчастья и горя, очищает и просветляет ее в счастье и удаче. С верой в Бога не страшны жизненные испытания; без веры в Него холодно и мрачно на земле. Веруйте, что есть Высший мировоздатель за добро и за зло, и что есть Высшая правда, есть Божий суд, грозный и праведный» [3, с. 31].

Второй завет чувашам: «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью, как братьев, не обидел, не унизил вас. ...Трудна была жизнь этого народа, много горестей и несчастий встретил он на своем долгом и скорбном пути, но не угасил в себе светочей духа и не утратил понимания своего высокого призвания. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями, и вы приобщитесь к его светлому будущему, грядущему величию. Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет порокой тому, что среди русского народа вы всегда встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу» [3, с. 31].

И еще пять заветов, среди которых обращение к тем чувашам, кому выпало получить образование. Это завет помогать бедным и обездоленным сородичам; работать над просвещением чуваш, не чуждаться родного языка: помнить, что владеть сердцем народным можно только не чуждаясь языка народного. «В обращении к родному языку нет измены русскому делу: служить великому русскому отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших» [3, с. 32].

Особый завет чувашского патриарха – беречь семью, опору народа и государства: «Семейные заветы всегда были крепки среди чуваша. Охраняйте же это сокровище. В семейном счастье – защита от жизненных испытаний. ...Берегите целомудрие, бойтесь вина и соблазнов: если обережете семью, обережете детей и создадите крепкую опору для мирного и спокойного труда» [3, с. 32–33].

Пятый завет – призыв быть дружными, избегать мелких счетов и распрей, помнить о великом завете Спасителя: любите и ненавидящих вас, твердо надеясь на жизненную силу уступчивости и снисхождения.

Шестой завет – верить в силу мирного труда и любить его. «Делайте самое маленькое дело терпеливо и с любовью, не ропщите на размеры жизненной задачи. Самок малое дело можно осветить и осмыслить любовным к нему отношением и самое большое можно уронить и обесславить отношением небрежным и нерадивым. Счастье и успех придут ко всякому мирно и с любовью совершаемому делу. Бойтесь путей кривых и обходных: успехи, достигаемые нечистыми средствами, – успехи непрочные и временные» [3, с. 33].

Последнее в «Завещании» обращение учителя чувашских учителей к соплеменникам – просьба; просьба человека, готовящегося «предстать перед Высшим Судией»: «Если в ком есть память о вольной или невольной обиде, мною причиненной, прошу простить меня и помолиться обо мне. Горячую благодарность приношу всем товарищам и сотрудникам моим по работе: без их бескорыстного усердия был бы невозможен и мой труд» [3, с. 33]. И, наконец, последняя фраза: «Шлю привет непосредственным ученикам моим. Учебные часы, среди них проведенные, были отрадными часами моей жизни. Да сохранит и да сбережет вас Бог в жизненных путях ваших» [3, с. 33].

Такие великие и, вместе с тем, такие простые истины. Пожелания-напутствия чувашского просветителя, около семидесяти лет пролежавшие под спудом, сейчас более двадцати лет формируют сознание его молодых соплеменников, как он об этом и мечтал. Но оказалось так, что, думая о спасении своего народа, которое он узрел в необходимости соблюдения и сохранения фундаментальных, основополагающих обще гуманистических ценностей, И. Я. Яковлев дает панацею всем народам, всем человеческим племенам. И именно это объясняет тот резонанс, который имеет идея перевода «Духовного завещания» на языки народов мира, предложенная и осуществляемая В. А. Смирновым. Объясняет тот энтузиазм, то благоговейное отношение, с которым представители педагогической интеллигенции разных стран и народов берутся за дело перевода заветов выдающегося чуваша на свои родные языки.

В том, что «Завещание чувашскому народу» находит такую дорогу к сердцам и душам читателей, особо значима и сама личность, сам пример И. Я. Яковлева. Он, как писала М. С. Шагинян, был «...настоящим, большим сыном своего народа, одним из тех, кого выносит история на хребте,

сосредотачивая в нем нервную силу, интеллект и характер за многие сотни соплеменников, как в представителе своего народа. Он, один из тысячи, пробил себе дорогу, стал не только школьником наравне с русскими, но и студентом Казанского университета... Однако в противность той категории пробившихся к знанию людей из народа, кто сейчас же отходит от него, поднимаясь классом выше по ступенькам чиновничьей иерархии, Иван Яковлевич учился лишь для того, чтобы учить и тянуть к свету бедный народ свой, дать ему выход из тьмы на солнце, из нищеты и страшной языческой жизни к существованию человеческому, достойному образу и подобию человека...» [3, с. 29].

Осуществивший в 2013 году перевод «Завещания» на греческий язык митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) подчеркнул: «Просветитель чувашского народа Иван Яковлевич Яковлев – выдающийся гражданин, гордость и слава России. В нем ярко сочетались любовь к богу, мудрость и вера в могущество Творца» [3, с. 30]. Говоря о переводах наследия Яковлева на языки народов мира владыка Иларион, сам свободно владеющий несколькими европейскими языками, отмечает, что сегодня исчезают границы, существовавшие на протяжении веков, открываются уникальные возможности общения с представителями других культур, других мировоззрений. В таком широком поле межкультурной коммуникации и диалога культур ширится значение жемчужины просветительского наследия Яковлева, его духовного завещания. Впечатляющим является перечень осуществленных в рамках проекта «С любовью к России» языковых переводов «Завещания чувашскому народу» с чувашского на русский язык, с русского на китайский, украинский, белорусский, немецкий, греческий, арабский, горно-марийский, луговой марийский, мокша мордовский, эрзя-мордовский, эстонский, башкирский, итальянский, эсперанто, узбекский, калмыцкий, армянский, удмуртский, турецкий, кряшенский, английский, татарский, французский, осетинский, коми, грузинский языки. Проект приращивается все новыми переводами и следующее издание книги будет содержать еще большее количество переводов. Думается, что у этой идеи большое будущее и что последующие издания книги будут прирастать переводами на всё новые языки. Ведь ее содержание, выстраданное и написанное болью сердца великого патриота, педагога и христианина, никогда не перестанет быть насущным.

Возможно, что такой долгий и сложный путь «Завещания» к адресату, к самой широкой читательской аудитории во всем мире, был в чем-то и промыслительным, не случайным: еще актуальней сегодня его содержание; оно – как глоток чистого воздуха, как маяк во тьме забвения заповедей, многих нестроений дома человеческой души. И, конечно же, методически грамотное внедрение такого материала в русло образовательного процесса будет несомненно способствовать обогащению содержательной основы духовно-нравственного воспитания подрастающих поколений,

оживотворяя учебный процесс *Словом Наставника* и примером личности самого И. Я. Яковлева.

Одной из форм деятельностного подхода к изучению «Завещания» нам представляется переводческая деятельность учащихся в различных звеньях образовательного процесса. Объем произведения (около двух машинописных страниц) позволяет проводить детальное сравнительно-сопоставительное рассмотрение разноязыких переводов, в том числе уточнение и сравнение лексико-семантического наполнения слов и понятий мировоззренческого и морально-этического характера. Это помимо того, что книга «С любовью к России. «Завещание чувашскому народу» И. Я. Яковлева на языках народов мира», допущенная к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви, рекомендована к использованию при изучении ряда предметов, связанных с культурологией и историей религий. Трудно переоценить значение книги и для наших современников, и для будущих поколений, как благословение и напутствие в духовном развитии и народов, и отдельных личностей.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2004.
2. Волков Г. Н. Судьба патриарха. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1998.
3. Смирнов В. А. С любовью к России. // «Завещание чувашскому народу» И. Я. Яковлева на языках народов мира. Москва: «Купина», 2017. С. 4–30.

УДК 811.12

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ЖЕНСКОГО ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ В РОМАНЕ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Цуй Юйфэй

аспирантка, Высшая школа перевода (факультет),

Московский государственный университет имени Ломоносова, Москва

Аннотация. Цель данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть лингвистические особенности прецедентного имени в китайской культуре. В качестве материала исследования является описание Линь Дайюй в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» и перевод этих отрывков на русский язык.

Ключевые слова: прецедентное имя, женский образ, лингвистические особенности, оригинал, перевод.

Summary. The aim of this work is to look at the linguistic features of the precedent name in the Chinese culture. The description of Lin Daiyu from the novel “Dream of the Red Chamber” written by Cao Xueqin becomes the material of our study, which is compared with the passages in the Russian translation.

Key words: precedent name, female image, linguistic features, original text, translation.

В области лингвистики важным оказывается такое явление, как «прецедентное имя». Прецедентные имена представляют собой особую группу имён собственных, которые называют широко известные образы, имеющие отношение к определенной культуре. Эти имена занимают промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными [4, с. 152]. Статусом прецедентных имён обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу носителей языка [3, с. 146], то есть являются основными для них. Мы считаем важным рассмотреть одно из прецедентных имён в китайской культуре и литературе, для этого нам бы хотелось сравнить описание одной из героинь художественного текста на китайском языке и посмотреть на то, как сделан перевод подобных описаний на русский язык.

В качестве примера для нашего исследования был выбран китайский роман «Сон в красном тереме», который является одним из «Четырёх Великих Творений» китайской литературы, куда также относятся «Тротцарствие» (XIV век), «Речные заводи» (XIV век) и «Путешествие на Запад» (XVI век) [2, с. 27]. До XVIII столетия общественный статус мужчин был намного выше, чем статус женщин, вследствие этого мужские прецедентные имена привлекали значительно больше внимания авторов китайской литературы по сравнению с женскими именами. Роман «Сон в красном тереме» был написан Цао Сюэцинем позже всех остальных романов – в XVIII столетии. Он отличается от других произведений женскими образами. Многие из женских образов, представленных Цао Сюэцинем в романе «Сон в красном тереме» входят в число прецедентных имён. Среди них Бабушка Лю (Liu), девушки Ван Сифэн (Wan Xifeng), Сюе Баочай (Xue Baochai) и т. д. Но особое место среди главных героинь романа занимает Линь Дайюй. В нашей работе мы бы хотели сравнить то, как представлен этот образ в произведении на китайском языке «Сон в красном тереме» и затем проанализировать используемые способы перевода описаний девушки средствами русского языка.

Начнём с того, что Линь Дайюй является одним из основных персонажей известного классического китайского романа. У неё хорошая семья: отец является чиновником соляной администрации, мать Дайюй, которую звали Цзя Минь, родом из благородной семьи, живущей в столице. Но у нашей героини все меняется в её жизни, когда ей исполнилось 6 лет. Именно тогда у неё умерла мать и бабушка забрала Дайюй в столицу, чтобы ухаживать за своей внучкой, так как отцу из-за работы было трудно о ней заботиться.

В романе Дайюй занимает самое главное место среди всех женских образов, представленных в романе. В статье Н.Н. Воропаева Линь Дайюй описывается как «олицетворение чрезмерно сентиментальной, с красивыми чертами лица, но слабенькой физически, капризной и вредной девочки

(девушки)» [2, с. 27]. В этой работе мы бы хотели показать то, как представлена эта героиня в романе, как описаны ее черты характера и внешность. Попробуем сначала разобраться, как она описывается Цао Сюэцинем на китайском языке, а затем тот же отрывок был выбран в переведенном тексте романа «Сон в красном тереме», изданного в 1995 году [5, с. 13].

两弯似蹙非蹙胃烟眉, Тревога ли сокрыта в подёрнутых дымкой бровях?

О нет, не тревога. Скорее – сама безмятежность.

一双似泣非喜含情目。 Не проблеск ли радости в чувственных этих очах?

Не радость, увы. А скорее – печальная нежность.

态生两靥之愁,

...И словно рождается в ямочках щёк,

та грусть, что её существом овладела,

娇袭一身之病。

И кажется: прелесть исходит, как свет,

из этого хрупкого, нежного тела...

泪光点点,

Падают, падают слёзы – слеза за слезой.

娇喘微微。

Как миловидна! Вздыхает о чём-то пугливо!

闲静时如姣花照水,

Словно склонился, красивый цветок над водой,

行动处似弱柳扶风。

Словно при ветре, колышется гибкая ива.

心较比干多一窍,

Сердцем открытым, Би Ганя⁴ достойна она,

病如西子胜三分。

Даже Си Ши⁵, не была так нежна и красива!

Этот известный отрывок из третьей главы романа, где герой романа, молодой человек Цзя Баоюй встретился с Линь Дайюй в первый раз. Именно в этом отрывке представлено описание внешности Дайюй и то, как увидел

⁴ *Би Гань* (XII в. до н.э.) – дядя Чжоу-вана, последнего императора династии Инь. В поэзии его образ олицетворял благородство и непримиримость перед жестокостью. Он порицал Чжоу-вана как деспота и распутного человека. Племянник Чжоу-вана, объятый гневом, изрек: «Я слышал, что в сердце мудрецов есть семь отверстий». По его приказу рассекли грудь Би Ганя и вынули его сердце.

⁵ *Си Ши* (Си-цзы) – легендарная красавица, обаяние которой, по свидетельству многих поэтов, отличалось естественностью («Без помады, без пудры, – а так неподдельно нежна!» – Су Ши). В годы ее жизни (V в. до н.э.) княжество Юэ вело неудачные войны с княжеством У и полководец Фань Люэ, желая прекратить кровопролитие, отдал Си Ши в дар правителю У. Она же умертвила правителя и возвратилась к Фань Люэ. Разгневавшись на красавицу за непослушание, полководец утопил ее в озере близ Сучжоу. Согласно «Чжуан-цзы», красавица Си Ши была особенно привлекательна, когда, чувствуя сердечное недомогание, хмурила брови.

её юноша. Выражения, представленные в отрывке, указывают на то, что Линь Дайюй – красивая и худенькая девушка, она сравнивается со стройной и гибкой ивой. Её лицо прекрасно, слова этого отрывка подчеркивают ее красоту и нежность. Вместе с тем, она обладает хрупким здоровьем. Люди говорят, что, если подует ветер, то она упадёт.

Лингвистические особенности русского текста романа указывают на то, что этот перевод не совсем совпадает с оригиналом. Остановимся на конкретных моментах.

В оригинале автором напрямую не было сказано ни о «тревоге», ни о «безмятежности». Глагол 蹙 «хмурить брови», представленный в оригинале, содержит скрытое значение тревоги и переводчиком переведено буквальным значением смысл иероглифа существительным «тревога», что отражает чувства Дайюй. Кроме этого, в переводе на русском языке текст переведен сначала вопросом, а затем ответом: «Тревога ли сокрыта в подёрнутых дымкой бровях? О нет, не тревога. Скорее – сама безмятежность». Следует отдельно обратить внимание на фразу «в подёрнутых дымкой бровях», которое стало интересным эквивалентом для 冒烟眉, эта фраза в китайском тексте указывает просто на лёгкие брови, как дымка, поэтому русский перевод отличается от того, что мы фиксируем в китайском выражении.

Следующие две строки «Не проблеск ли радости в чувственных этих очах? Не радость, увы. А скорее – печальная нежность» фиксируют 含情目, которые отражают то, что в её глазах есть любовь ко всем, при этом переводчик выбрал слово «чувственный», которое понятно носителям русской культуры. Стоит сказать, что только Баюй в её глазах увидел печаль и нежность Дайюй, и читатели понимают, что между Баюй и Дайюй возникает взаимная симпатия.

Далее Баюй также заметил грусть у Дайюй, которая овладела её полным телом: в переводе выбрано слово «существо», имеющее отношение к «всё тело».

Следует отметить переводческую неудачу – она связана с появлением фразы «как свет». Изначально в оригинальном тексте стихов говорится о плохом здоровье и слабом теле, а также о болезни – 病, хотя эти фразы не нашли отражение в тексте перевода.

Кроме того, считаем неудачным перевод: «Падают, падают слёзы – слеза за слёзой». В тексте китайского романа фраза 泪光点点 совсем не имеет отношения к слезам, которые падают, у девушки были блестящие глаза, как будто слёзы содержатся в них.

Китайцы считают, что ива 柳 – нежная, это является метафорой на китайском языке. Наша героиня красивая и слабая, как ива на ветру.

Перевод является эквивалентным оригиналу, но переводчик пропустил ту информацию, что в движении она как ива колыхается при ветре. Следует обратить внимание и на то, что тишине она как красивый цветок, отражающийся в воде: «Словно склонился, красивый цветок над водой».

В заключение следует сказать о том, что, переводчик, несмотря на неудачный перевод в некоторых фразах при описании главной героини, выполнил перевод в соответствии с русской традицией. В большинстве случаев было сохранен смысл оригинала, а те несоответствия, которые были найдены, объясняются непониманием мысли китайского автора, причину чего следует искать в том, что текст романа был написан более двух веков назад и значение слов несколько изменилось за это время в китайском языке.

Список использованных источников

1. Воропаев Н. Н. Китай: имена на все времена: Прецедентные персонажи / Н. Н. Воропаев. М.: ВКН, 2015. 384с.
2. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2008, № 2. С. 23–30.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
4. Кулинич М. А., Кострова О. А. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: ФИИНТА: Наука, 2017. 248 с.
5. Цао Сюцинь. Сон в красном тереме. М.: Ладомир, 1995. В 3 т. Т. 2. 376 с.
6. Cao Xueqin. Dream of the Red Chamber (китайский оригинал). Yanbian people's publishing house, 2003. 536 с.

УДК 81'255.2

ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА КЫРГЫЗСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА «МАНАС» НА БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК

Н. А. Хуббитдинова,

*доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела
литературоведения Института истории, языка и литературы
Уфимского исследовательского центра РАН, Уфа*

Г. В. Юлдыбаева,

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела
фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского
исследовательского центра РАН, Уфа*

А. М. Хакимьянова,

*кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела
фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского
исследовательского центра РАН, Уфа*

Аннотация. Целью предлагаемой статьи является попытка выразить особенности и своеобразие в первом опыте коллектива в переводческой работе, а именно в переводе кыргызского эпоса «Манас» на башкирский язык в контексте межкультурных коммуникаций.

В основе исследования лежит сравнительный, аналитический методы анализа. В результате, были выявлены ряд лингво-культурологические специфические особенности двух родственных языков. В статье делается вывод о том, что данные наблюдения, как результат проделанной переводческой работы, послужат укреплению международных связей и межкультурных коммуникаций, взаимообогащению традиций, языков и устно-поэтического творчества тюркских народов.

Ключевые слова: эпос, «Манас», «Урал-батыр», кыргызский язык, башкирский язык, перевод, межкультурные коммуникации, фольклор, произведение.

Summary. The aim of the proposed article is an attempt to express peculiarities and peculiarities in the first experience of the collective in translation work, namely, in translating the Kyrgyz epos “Manas” into the Bashkir language in the context of intercultural communications.

The research is based on comparative, analytical methods of analysis. As a result, a number of linguistic-cultural peculiarities of two related languages were revealed. The article concludes that these observations, as a result of the translation work done, will serve to strengthen international ties and intercultural communications, mutual enrichment of traditions, languages and oral-poetic creativity of the Turkic peoples.

Key words: epic, «Manas», «Ural-batyr», the Kyrgyz language, the Bashkir language, translation, intercultural communications, folklore, work.

Перевод литературных и фольклорных произведений из одного языка в другой играет важную эстетическую, познавательную роль для развития просвещения и культуры народов. Перевод позволяет людям познать жизнь, быт, богатое историческое прошлое другого народа, в процессе чего происходит духовный обмен, диалог культур – межкультурная коммуникация. Многие переводные художественные произведения становятся частью национальной литературы. Для нашей многонациональной, поликультурной страны и странах СНГ, как и в прошлом СССР, переводы имеют немаловажное значение.

Подтверждением этому является перевод кыргызского народного эпоса «Манас» на башкирский язык, осуществленный группой сотрудников Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (З. А. Сиразитднов, Г. Р. Хусаинова, Н. А. Хуббитдинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова) под руководством научного руководителя, д. ф. н. Ф. Г. Хисамитдиновой. Данный проект особо актуален для возрождения и расширения межкультурного сотрудничества двух республик, двух народов. Не менее важным является его двусторонняя значимость, т.е. полноценный двухсторонний межкультурный диалог: кыргызскими коллегами в перспективе намечен перевод на их родной язык башкирского народного архаического эпоса «Урал-батыр». Подобное сотрудничество дает возможность читателям знакомиться с великими эпосами родственных народов на башкирском и кыргызском языках и

расширению их функций. Аналогичная работа проделана в Якутии. В рамках создания книжной серии «Эпические памятники народов мира» сжатый вариант кыргызского героического эпоса «Манас» переведен на якутский язык [2]. В перспективе также намечен перевод упомянутого башкирского народного эпоса «Урал-батыр» на якутский язык, а одно из олонхо якутского народа – на башкирский.

Возвращаясь к переводу кыргызского памятника скажем, что за основу перевода был выбран сжатый вариант эпоса Манас, выполненный народным писателем Кыргызстана, президентом Международной ассоциации «Эпосы народов мира», профессором Бексултаном Жакиевым. Как отмечает писатель, «сжатый вариант «Манаса» был выпущен ЮНЕСКО к 1000-летию народного эпоса и его тираж не превышал 4 тысяч. Новый вариант также именно сжатый, а не сокращенный — он вобрал в себя лучшие и наиболее важные строки эпоса из более чем 80 вариантов его изложения, включая записанные у С. Каралаева и С. Орозбакова» [3].

Как известно, в энциклопедическом «Словаре тюркских языков» («Дивану лугатат-тюрк») знаменитого ученого XI в. Махмуда Кашгарского (1073 – 1074 гг.) в рубрике «об особенностях тюркских языков» башкиры упомянуты в числе двадцати «основных» тюркских народов. В частности, отмечается, что язык башкир очень близок к кипчакскому, огузскому, киргизскому и другим, то есть является тюркским. Основная часть отобранных им слов является общей для всех тюркских племен, а различия касаются лишь фонетики [1, с.26]. В свете этих и других исследований о родственных тюркских языках, об общности и своеобразии одновременно, перевод эпоса «Манас» с кыргызского языка на башкирский вполне себя оправдывает.

«Манас» – крупнейший кыргызский народный эпос, имя его главного героя – богатыря, объединившего кыргызов. В нем в широком эпическом полотне красочно описывается картина борьбы кыргызского народа за свою независимость, за свободу родной земли, военная помощь дружественным племенам и соседним народам в борьбе с общим внешним врагом. В эпосе воспевается героизм батыров, проявленных в кровавых схватках с внешним захватчиком, высоко воспевается и идеализируется образ батыра – Ир Манаса.

Все эти идейно-художественные, тематические своеобразия, а также поэтичность языка и драматизм описываемых событий, связанных с яростной схваткой с внешним врагом во многом близки духу башкирского народа и нашли свое эпическое, художественное перевоплощение в эпосе, легендах и преданиях, песнях и мелодиях («Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыу-хылу», «Таргын и Кужак», «Ек-Мэргэн», «Кусяк-бий», «Карасакал» и мн. др.). Поэтому для переводчика, в общем, в идейно-смысловом отношении эпос «Манас» является близким по духу эпическим памятником.

Несмотря на историческую и языковую общность этих тюркских языков, при переводе эпоса обнаружились некоторые трудности, заключающиеся в фонетике, некоторых архаизмах, грамматических особенностях кыргызского языка. Ввиду того, что эпос по своей форме имеет поэтический строй, переводчик должен создать новый поэтический текст, эквивалентный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но использующий по необходимости совсем иные языковые, а порой и стиховые формы, свойственные традициям башкирского эпического кубаира.

При переводе неизменно выявляется лингвистическая специфика оригинала, где основу языка составляют многозначность семантики и множественность интерпретаций, которые приходилось определять исходя из эпизода, описываемых событий. При этом учитывалось сохранение национально-исторической специфики оригинала, а также, отход от его искажений.

В процессе работы для достоверного перевода, редактирования параллельно использовались тексты на двух языках, не допускались пропуски или добавления слов; сохранялся стихотворный размер оригинала, количество слогов в строке: чередование 7–8 слогов. Одной из особенностей эпического языка является наличие слов, которых невозможно перевести на башкирский язык по причине нарушения ритмики и рифмы оригинала. Так, в приведенном ниже примере слово «чантууга» является специфическим словом и употребляется на кыргызском как устойчивое выражение в смысле оскорбления, унижения:

– Алтайданкелгенчантууга

Акырмаман салам! – деп...

Не имеющее своей семантики в башкирском языке данное слово было решено оставить без изменений с разъяснением в ссылке внизу страницы:

– Алтайзан килгән чантууга

Ахырмамандансәләм! – ти.

Отсутствие представлений по фонетике, графике, словообразованию, орфографии кыргызского языка, также вызвало немало трудностей. В работе использовались киргизско-русский словарь под ред. К. К. Юдахина, а также русско-башкирский, башкирско-русский словари, словарь башкирского языка.

Таким образом, проделанная работа и ее последующее издание послужит укреплению международных связей республики и дружбы народов, усилению межкультурных коммуникаций, взаимообогащению традиций, языков и устно-поэтического творчества тюркских народов.

Данная книга, изданная в 2016 г. в Башкирском книжном издательстве «Китап» им. З. Биешево, адресована для широкого круга читателя, в том числе подрастающего поколения.

Список использованных источников

1. История башкирской литературы: с древнейших времен до начала XX

века. Уфа: Китап, 2012. 560 с.

2. Кыргызский героический эпос «Манас». Якутск: Национ. книж. изд-во «Бичик», 2014. (на кыргыз. яз.)

3. Шепеленко А. Феномен эпоса «Манас» // «Слово Кыргызстана». 2 сентября, 2011.

УДК 821. 111:[81'42+81'25]

АНТОНОМАСИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. ПАЛАНИКА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД

Е. Р. Чемезова,

*ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания
Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической
академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, Ялта*

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям функционирования антономасии в таких произведениях Ч. Паланика, как «Проклятые», «Обречённые», «Дневник», «Снафф», «Рэнт: биография Бастера Кейси», «Колыбельная». Антономасия как художественный приём указывает на скрытые качества персонажей романов, раскрывая значения их антиимён. Антиимья становится особенностью текстов Ч. Паланика, а их перевод и интерпретация рассматриваются в статье.

Ключевые слова: роман, Ч. Паланик, антономасия, антиимья, перевод, интерпретация.

Summary. This article deals with the peculiarities of the antonomasia's functioning in such works by Ch. Palahniuk as "Damned", "Doomed", "Diary", "Snuff", "Rant: A Biography of Buster Casey", "Lullaby". Antonomasia as an artistic device points to the hidden qualities of the characters in the novels, revealing the meanings of their anti-names. The anti-name becomes a feature of Ch. Palahniuk's texts, and their translation and interpretation are discussed in the article.

Key words: novel, Ch. Palahniuk, antonomasia, anti-name, translation, interpretation.

Антономасия как приём интересует многих исследователей, таких как М. Арутинян [1], А. Дегтярёва [2], Р. Карстон [10], А. Седых [6], Т. Яковенко [8] и др. В данной статье интерес сосредоточен на явлении антономасии в произведениях одного из наиболее популярных американских авторов нашего времени Ч. Паланика, который в своих романах и сборниках рассказов предлагает для персонажей характерные, содержательные имена. Внимание к таким «говорящим» именам в творчестве Ч. Паланика ранее не уделялось, несмотря на рассмотрение особенностей иронии в упоминании имён (В. Шамина [7], А. Жолудь [7] и др.).

Художественные тексты Ч. Паланика – это художественная картина мира, наполненная персонажами-маргиналами в сочетании с грубой лексикой и соответствующими их образам именами, часто определяющими предназначение антигероев. Произведения автора, наполненные иронией и созданные по принципу двоемирия, стали воплощением такого контркультурного явления современной американской литературы как «трансгрессивная проза». Следует отметить, что в творчестве Ч. Паланика мы наблюдаем индивидуальный бунт, который является отражением несоответствия действительному укладу жизни и стремлений представляемых им героев, что проявляется в их антиименах.

В произведениях Ч. Паланика наблюдается формально-семантическая конденсация имен собственных. Имена героев произведения также отражают языковые особенности. Картина художественного мира дополняется необычными именами персонажей, которые часто скрывают полное имя. У героини романов «Проклятые» и «Обречённые» полное имя «Madison Desert Flower Rosa Parks Coyote Trickster Spencer» [18] – «Мэдисон Дезерт Флауэр Роза Парке Койот Трикстер Спенсер» [5]. «Desert Flower Rosa» означает способность адаптироваться в любых условиях и выживанию. Часть имени «Coyote Trickster» выбрано неслучайно, оно соответствует имени ключевого персонажа индейской мифологии племён, проживающих на северо-западных территориях Соединенных Штатов Америки. Как отмечает Дж. Рамси, «койот в мифологических произведениях чаще всего является второстепенным героем, который выступает как контрастный главному действующему лицу антигерой, наделяемый человеческими характеристиками и лишённый героизма» [20]. Он выполняет функцию трикстера, как и Локи в германо-скандинавской мифологии. Также Койот является богом таких антиномий в мифологическом мире, как война и любовь, охота и защита (колдовство). В мифах о создании мира койот создаёт человека случайно, пиная землю, пропитанную экскрементами с кровью [11]. Так, Ч. Паланик наделяет свою героиню именем, определяющим её путь. Также, в романе «Дневник» главная героиня – это художница Мисти (Misty), чьи заметки из жизни представляет нам автор. Её жизнь – тяжёлые перипетии, случайности и неопределённость, что отражается в её имени: misty – «full of, covered with, or accompanied by mist; full of tears so as to blur the vision» [14] (полный, покрытый или сопровождаемый туманом; полный слез, похожее на размытое видение).

В романе «Снафф» героиня событий – Касси Райт, порноактриса, решившая уйти на пенсию или умереть после фильма в стиле «снафф» с шестьюстами мужчинами. Фамилия героини, Wright, обозначает «one who is engaged in a mechanical or manufacturing business; an artificer; a workman; a manufacturer; a mechanic» [23] (тот, кто занимается механическим или производственным бизнесом; искусник; рабочий; производитель; механик), что усиливает абсурд происходящего перед камерами.

Особое внимание уделяется автором имени главного героя романа «Рэнт: биография Бастера Кейси»: «Slowing my breath, pacing my chest to his, I ask: Is he related to that guy...Rant Casey? „Werewolf Casey” – the worst Patient Zero in the history of disease? The „superspreader” who’s infected half the country? America’s „Kissing Killer”? Rant „Mad Dog” Casey? „Buster,” the man says, his monster hand reaching to take my scotch. He says, „My boy’s given name was Buster Landru Casey. Not Rant. Not Buddy. Buster”» [19, с. 10] – «Я ещё больше замедляю дыхание, отзеркаливаю его и уточняю, в родстве ли он с тем парнем... Рэнтом Кейси? Кейси-Оборотнем – самым страшным „нулевым пациентом” в истории? Суперносителем, который заразил половину Америки? Целующим Убийцей? Рэнтом Бешеным Псом? „Бастер. – он тянется уродливой рукой за моим виски и говорит: – Моего мальчика при рождении назвали Бастер Лэндрю Кейси. Не Рэнт. Не Бадди. Бастер!» [4, с. 2]. Слово «Buster», следуя English-Russian military dictionary, означает «мощное средство поражения; „максимальная скорость (перехвата)” (код); средство поражения высокой точности» [13]. Такое имя в полной мере отражает сущность героя и его жизненный путь, ведь Рэнт Бастер стал катастрофой для всей Америки в романе Ч. Паланика.

В романе «Колыбельная» Ч. Паланик уделяет особое внимание именам героев, которые связываются единой целью – путешествием по Соединенным Штатам Америки для уничтожения книг, содержащих «баюльную песню» смерти. Главный герой – Карл Стрейтор – бывший детектив и журналист, становится предводителем команды. Фамилия Streator, присвоенная персонажу, обозначает «the easiest place to make a lot of friends really fast» [22] (самое простое место, в котором можно завести друзей очень быстро), что подтверждается тем, что Карл объединяет вокруг себя совершенно разных людей, никак не связанных между собой. Такими персонажами становятся риэлтор Элен Бойль, помощница-ведьма Мона и парень Устрица.

Полное имя риэлтора Элен – Helen Hoover Boyle, что объясняет её положение в системе образов. «Hoover» в Urban Dictionary обозначает «colloquial being manipulated back into a relationship with threats of suicide, self-harm, or threats of false criminal accusations. Relationship manipulation often associated with individuals suffering from personality disorders like Borderline Personality Disorder or Narcissistic Personality Disorder» [12] (разговорное обозначение личности, манипулирующей угрозами самоубийства, самоповреждения или угрозы ложных уголовных обвинений, с целью возвращения в отношения. Подобные манипуляции в отношениях часто ассоциируются с людьми, страдающими от расстройств личности, таких как пограничное расстройство личности или нарциссическое расстройство личности). Такое определение объясняет тип поведения Элен, которая способна всячески шантажировать Карла и других, что подтверждает её психическое расстройство. Фамилия Boyle обозначает «A person who is considered an underdog but who has shown that they are

extraordinary» [9] (человек, который считается неудачником, но который показал, что он экстраординарен). Подобное пояснение соответствует характеру Элен, которая склонна к эпатажу, необычных нарядам и внешнему виду.

Помощница Элен Бойль, Mona Mulberry Sabbat, создаёт противоположный женский образ, роковой и антипатичный. Её внешность соответствует статусу ведьмы и её второе имя Mulberry обозначает красное родимое пятно, отметину, которая ранее являлась признаком ведьмовства («A person who has a large red, visible birthmark on his or her body» [15]). Фамилия Моны также определяет её как ведьму, ведь слово «Sabbat» – это «witches' sabbath; any of eight neo-pagan religious festivals commemorating phases of the changing seasons» [21] (шабаш ведьм; один из восьми неязыческих религиозных празднеств, посвященных смене времени года).

Парень Моны, Устрица, также назван автором в соответствии с характером. Он представляет собой молодого человека, ведущего закрытый образ жизни, борющегося за экологию и мало следящего за своим внешним видом. Имя «Oyster» обозначает «an extremely taciturn person» [16] (крайне молчаливый человек). Так, антигерои, представленные Ч. Палаником в романе «Колыбельная» и объединённые в единый жизненный путь с собственной целью, наделяются соответствующими антиименами, раскрывающими их истинную сущность.

Автор создаёт для своих персонажей антиимена. Антиимя – это имя, данное герою и определяющее его место в канве сюжета художественного произведения. Антиимя всегда несёт в себе негативные черты, делая из героя, им нареченного, антигероя априори. Такой персонаж не может жить иначе, как бы он ни боролся с фатумом, его преследующим, он не может говорить другим языком и вести иной образ жизни. Антиязык становится частью бытия персонажей, автор оперирует им даже вне реплик героев или их повествования о событиях.

Список использованных источников

1. Арутюнян М. А. Антономасия как средство языковой номинации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 7–12.
2. Дегтярёва А. Р. К вопросу о функциональной классификации эвфемизмов русского языка // Вестник КемГУ. 2012. № 2. С. 128–132.
3. Закс Л. А. Художественное сознание. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. С. 75.
4. Паланик Ч. Рэнт: биография Бастера Кейси. М.: АСТ, 2007. 320 с.
5. Паланик Ч. Обречённые. М.: АСТ, 2013. 350 с.
6. Седых А. П. О персонифицированной французской культуре [Электронный ресурс] // Грамота. – 2014. – №12. – http://dSPACE.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/1030/1/Sedykh%20A.P._%20About.pdf. (дата обращения 18.01.2018).

7. Шамина В. Б., Жолудь А. И. Автобиографическое начало в творчестве Чака Паланика // Вестник ТГГПУ. 2012. №4. С. 234–236.
8. Яковенко Т. И. Антономасия в аспекте имплицитного смысла имени собственного [Электронный ресурс] // Apriori. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – №2. – <http://apriori-journal.ru/serial/2-2014/Yakovenko.pdf>. (дата обращения 18.01.2018).
9. Boyle [Electronic Resource] // The Urban Dictionary. – Mode of access: URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Boyle>. (дата обращения 22.01.2018).
10. Carston R. Hyperbolic Language and its Relation to Metaphor and Irony [Electronic Resource] // Cambridge University Press. 2014. – Mode of access: URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1461146/1/Carston-Wearing-Hyperbole-17Jan2015-Revised-CW-RC.pdf>. (дата обращения 10.01.2018).
11. Cooper, G. H. Coyote in Navajo religion and cosmology [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <http://www3.brandonu.ca/cjns/7.2/cooper.pdf>. (дата обращения 23.01.2018).
12. Hoover [Electronic Resource] // The Urban Dictionary. – Mode of access: URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Hoover>. (дата обращения 22.01.2018).
13. Marshall G. C. Buster [Electronic Resource] // English-Russian military dictionary. – Mode of access: URL: <https://archive.org/details/TM30-544>. (дата обращения 20.01.2018).
14. Misty [Electronic Resource] // Oxford University Press. – Mode of access: URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/misty>. (дата обращения 20.01.2018).
15. Mulberry [Electronic Resource] // The Urban Dictionary. – Mode of access: URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Mulberry>. (дата обращения 23.01.2018).
16. Oyster [Electronic Resource] // The Merriam Webster Dictionary. – Mode of access: URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/oyster>. (дата обращения 23.01.2018).
17. Palahniuk Ch. Diary. NY.: Doubleday, 2003. 272 p.
18. Palahniuk Ch. Doomed. NY.: Jonathan Cape, 2013. 336 p.
19. Palahniuk Ch. Rant : An Oral Biography of Buster Casey. NY.: Doubleday, 2007. 319 p.
20. Ramsey J. Coyote (legend) [Electronic Resource] // The Oregon Encyclopedia. – Mode of access: URL: https://oregonencyclopedia.org/articles/coyote_legend_/. (дата обращения 20.01.2018).
21. Sabbat [Electronic Resource] // The Merriam Webster Dictionary. – Mode of access: URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sabbat>. (дата обращения 23.01.2018).

22. Srteator. [Electronic Resource] // The Urban Dictionary. – Mode of access: URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=streator>. (дата обращения 22.01.2018).

23. Wright [Electronic Resource] // Merriam-Webster, Inc. – Mode of access: URL: <http://slovar-vocab.com/english/websters-vocab/wright-8429847.html>. (дата обращения 20.01.2018).

УДК 811.12

РОЛЬ БИЛИНГВИЗМА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. В. Чернышова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ю. О. Маркова,

магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие билингвизма, а также явление интерференции, особенности переводческой деятельности. На основе изучения литературы делается вывод о том, что наличия билингвизма недостаточно для ведения успешной переводческой деятельности.

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, переводческая деятельность, язык, переводчик.

Summary. This article studies the concept of bilingualism, the phenomenon of interference, and the specific features of translation. Based on the literature research, it is concluded that the bilingualism is not sufficient to be a professional translator or interpreter.

Key words: bilingualism, interference, translation, language, translator, interpreter.

«Билингвизм (двуязычие) изучается с точки зрения лингвистики, философии, социологии, психологии, этнографии и других наук. Различные подходы обуславливают наличие множества определений данного явления. Г. М. Вишневская разделяет их на две группы, которые отражают противоположные мнения ученых: билингвизм подразумевает владение вторым языком на приблизительно таком же уровне, как и родным; возможность серьезных различий в знании двух языков, при этом второй язык в различной степени используется в общении с носителями языка» [3, с. 14].

В связи с отсутствием общепринятого подхода к билингвизму существуют его разнообразные классификации. Приведем одну из них. А. А. Залевская и И. Л. Медведева различают естественный (бытовой) и искусственный (учебный) билингвизм. «Естественное двуязычие

предполагает не обучение языку, а его усвоение благодаря окружению, применению языка на практике. При этом используются различные механизмы, второй язык не воспринимается через первый» [5, с. 7].

В литературе большое внимание уделено детскому билингвизму: речевым, психологическим и другим особенностям двуязычных детей. К билингвальному развитию относят случаи воздействия двух языков на ребенка с рождения. «Билингвальное усвоение первых языков (bilingual first language acquisition) подразумевает ситуацию, когда оба языка воспринимаются как родные. Отличают «раннее усвоение второго языка» (child second language acquisition), которое происходит в возрасте 4–8 лет ребенка. В данном случае усвоение является осознанным и редко приводит к билингвизму» [7, с. 123]. Возникновение билингвизма у детей возможно в ситуациях официального государственного двуязычия, эмиграции, смешанных браков.

У. Вайнрайх, исследуя особенности языковых контактов, делает вывод, что «при двуязычии могут возникать отклонения от норм того или иного языка, вызванные знанием более одного языка – интерференции» [1, с. 23]. «Выделяются фонетические, грамматические и лексические интерференции. На фонетическом уровне У. Вайнрайх выделяет четыре основных типа интерференции: недодифференциацию фонем, сверхдифференциацию фонем, реинтерпретацию различий и субституцию звуков; на грамматическом – использование морфем одного языка в другом, использование определенного грамматического отношения одного языка в другом, изменений функций морфемы одного языка в соответствии с грамматической моделью другого. Также словарь одного языка может воздействовать на словарь другого (перенос, расширение значения, калькирование и др.)».

Явление билингвизма и интерференции присуще и переводческой деятельности, которое приобретает специфические черты. Согласно Ж. Мунэну, перевод – это «предельный случай, редкий со статистической точки зрения, где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано; случай, когда говорящий билингв сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции...» [9, с. 37]. Таким образом, для переводческой деятельности важно осознание отрицательных явлений интерференции, стремление избавиться от них. Отсюда следует вывод, что наличие естественного билингвизма само по себе не является определяющим фактором для ведения успешной переводческой деятельности.

«В то время как билингв обычно пользуется тем или иным языком, нужным в конкретной ситуации, переводчик использует два контактирующих языка одновременно. В процессе перевода два языка не просто присутствуют, но и соотносятся друг с другом и применяются почти одновременно, при этом происходит переключение переводчика с одной

лингвокультуры на другую» [2, с. 18]. Именно наиболее полная и верная передача смысла письменной или устной речи, уже выраженной средствами одного языка, средствами другого является целью переводчика. Важным является отсутствие интерференции».

Не каждый билингв способен стать высококвалифицированным переводчиком, несмотря на высокий уровень владения двумя языками. Вместе с тем, все переводчики являются билингвами, но знанием нескольких языков их профессиональная компетенция не ограничивается. Билингвизм профессионального переводчика – «умение находить и соотносить коммуникативно равноценные средства этих языков с учетом особенностей конкретного акта общения, а также знание принципов, методов и приемов, создающих такое умение» [8, с. 77]. Перевод билингва, не получившего образование переводчика, может не отвечать профессиональным стандартам, содержать лексические или грамматические ошибки. Переводчик помимо владения несколькими языками должен быть знаком с областью, в которой ведется перевод, например, с юриспруденцией, экономикой, энергетикой.

Подобного мнения придерживается и И. А. Зимняя. «Переводческий билингвизм отличается от простого билингвизма тем, что невозможен при отсутствии сформированного автоматизма межъязыковых замен и языкового переключения» [6, с. 52]. «В разных языках различаются способы выражения категорий времени и места, модальности и т.д. Так, незнание приемов перевода определенных конструкций, лексем может привести к неточностям, буквализму. Переводчик-билингв должен учитывать особенности семантики языковых единиц, несовпадение их значений, различия языковых картин мира и разное членение действительности, внеязыковые различия» [10, с. 46].

«Переключение языкового кода в переводческой деятельности имеет отличия от просто билингвального переключения:

- 1) профессиональная направленность;
- 2) комплексный характер;
- 3) условия осуществления;
- 4) специфические требования (равенство направлений, качество, оперативность);
- 5) регламентированный характер» [4, с. 92].

Переводчик должен владеть на высоком уровне как минимум двумя языками. Билингвы в данном случае обладают значительным преимуществом перед монолингвами. Тем не менее, желающие стать хорошими переводчиками билингвы должны получить специальные знания о теории перевода, приобрести профессиональный опыт. Важным является знакомство со сферой, в которой планируется осуществлять переводческую деятельность.

Список использованных источников

1. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
2. Валеева Н. Г. Билингвизм и интерференция при опосредованной коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. – Языки и специальность. – 2008. – № 5. С. 17–23.
3. Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты: Учебное пособие. Иваново, 1997. 98 с.
4. Емельянова Я. Б. Компетенция переключения кода как ключевой элемент билингвальной компетенции переводчика // Известия ВГПУ. – 2013. – № 7 (82). С. 92–95.
5. Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учебное пособие. Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 194 с.
6. Зимняя И. А. Психология перевода: Учеб. пособие. М.: ПГПИИЯ им. М. Тореца, 1981. 99 с.
7. Зинчук И. В. К проблеме соотношения понятия билингвизма и раннего изучения иностранного языка // Вестник современной науки. – 2015. – № 5 (5). С. 123–126.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
9. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 36–41.
10. Серова Т. С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Язык и культура. – 2010. – № 4 (12). С. 44–56.

УДК 8- 81'27

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИДИОМАТИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

А. В. Шаврова,

*аспирант третьего курса кафедры иностранных языков
и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме перевода идиоматичных речевых единиц англоязычного политического дискурса. Рассмотрено понятие политического дискурса и выявлены его ведущие коммуникативные стратегии и тактики. Большое внимание уделено определению идиоматичных речевых единиц и рассмотрению их типов. На примере фрагментов из предвыборных речей американских политиков анализируется их способность реализовывать коммуникативные тактики политического дискурса и предлагаются возможные варианты их перевода

на русский язык. Отмечается, что в процессе перевода идиоматичных речевых единиц англоязычного политического дискурса переводчик должен учитывать их эмоциональный компонент, способствующий реализации коммуникативных стратегий и тактик.

Ключевые слова: политический дискурс, идиоматичные речевые единицы, коммуникативные стратегии и тактики.

Summary. The article is concerned with the problem of translating idiomatic expressions in English political discourse. The definition of political discourse and its main communicative strategies and tactics are considered. Much attention is given to the definition of idiomatic expressions and examination of their types. Their capability to implement communicative tactics of political discourse is analyzed on the examples extracted from American politicians' pre-election speeches and their possible versions of translation into Russian are represented. It is stated that an interpreter should pay special attention to the affective component of idiomatic expressions in English political discourse.

Key words: political discourse, idiomatic expressions, communicative strategies and tactics.

В последние десятилетия наблюдается тенденция к активному изучению политического дискурса, основной целью которого является борьба за власть или сохранение и укрепление власти [8]. Более того, начинает формироваться новое направление в языкознании – политическая лингвистика, где ядерным понятием выступает политический дискурс, под которым мы понимаем «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освящённых традицией и проверенных опытом» [2, с. 6].

Среди многих жанров политической коммуникации исследователи выделяют предвыборную речь как наиболее значимый жанр, так как ему присущи основные характеристики политического дискурса [15]. Он представлен широким разнообразием коммуникативных стратегий, а также коммуникативных тактик и речевых актов, реализующих их.

Среди наиболее частотных коммуникативных стратегий выделяют манипулятивные и аргументативные стратегии. Манипулятивные стратегии служат для опорочивания имиджа политического противника и внедрения в сознание избирателей желаемых установок [3; 7]. Аргументативные стратегии способствуют формированию определенной точки зрения у адресатов и регулируют их дальнейшее поведение относительно сложившихся обстоятельств [7; 16].

Каждая стратегия обладает определенным набором тактик, позволяющих политику воздействовать на массовое сознание. Под речевой тактикой мы понимаем одно или несколько речевых действий, служащих для реализации определенной коммуникативной стратегии [5]. К ведущим тактикам предвыборного дискурса относятся тактики *солидаризации, отождествления, оппозиционирования, самовосхваления, демонстрации профессионального успеха, обвинения, гиперболизации, оправдания,*

критики, контраста, указания на перспективу, иллюстрирования, обещания, призыва, акцентирования, указания пути решения проблемы, обращения к эмоциям адресата [7; 13].

За единицу тактических приёмов принимаются речевые акты, которые строятся на основе определённых языковых единиц, одними из которых являются идиоматичные речевые единицы. В настоящей статье под идиоматичными речевыми единицами понимаются «функционирующие в различных видах дискурса языковые единицы разного уровня, в которых номинальное значение, выводимое из значения его компонентов в соответствии со стандартными правилами семантической комбинаторики, не совпадает с реальным значением, в котором данная единица употребляется в речи» [11, с. 171].

Основываясь на классификациях В. В. Виноградова и А. В. Кунина к данным речевым единицам мы относим: 1) фразеологические сращения, обладающие наибольшей спаянностью элементов (*a lame duck* (провалившийся на выборах кандидат)); они также широко представлены фразовыми глаголами (*to sink under* (идти ко дну), *to go beyond* (превышать)); 2) фразеологические единства, сохраняющие признаки семантической раздельности компонентов (*a wolf in a sheep's clothing* (волк в овечьей шкуре)); 3) фразеологические сочетания, один из элементов которых употребляется в своем прямом значении (*to sow discord* (сеять вражду)); 4) коммуникативные фразеологические единицы: пословицы, поговорки и афоризмы (*Hope springs eternal* (Надежда умирает последней)) [4; 6; 1]. Данные средства способствуют быстрой и образной передаче мысли говорящего, созданию косвенной оценочной номинации, осуществлению ведущих стратегий политического дискурса, поэтому для данного типа дискурса характерно широкое их употребление [17; 12; 14; 9].

Идиоматичные речевые единицы представляют большой интерес для переводчиков, так как в их семантической структуре заложена культурно-маркированная информация, отражающая специфику мировосприятия англоязычного мира. Она может как полностью или частично совпадать, так и отсутствовать в другой лингвокультуре за неимением в ней тех или иных реалий [10]. В связи с этим встает вопрос об адекватной передаче идиоматичных речевых единиц англоязычного политического дискурса на русский язык, позволяющей сохранить их эмоционально-оценочный компонент, способствующий ясности и убедительности речи политика.

В качестве примера можно привести использование фразеологического единства *to fight tooth and nail* для реализации тактики безличного обвинения: *Some in Washington fought tooth and nail to protect the status quo, where billions of dollars were going to banks instead of students* [18]. Данный фразеологизм иллюстрирует недовольство бывшего президента США Барака Обамы деятельностью коррумпированных политиков. В представленном контексте он может быть передан как свободными словосочетаниями (прием нейтрализации) **яростно бороться**,

прилагать все усилия, так и фразеологизмами *бороться изо всех сил*, *бороться не на жизнь, а на смерть*; *готов перегрызть глотку*, которые делают выбранную политиком тактику эмоционально насыщенной.

Следующий фрагмент представлен фразеологическим единством *to be a wolf in sheep's clothing*, реализующим тактику оскорбления: *Obamacare is a wolf in wolf's clothing – it's expensive, intrusive and unconstitutional* [20]. В данном случае фразеологизм является окказионализмом, так как один из его компонентов был заменен (*sheep / wolf*) для привлечения внимания избирателей к неэффективности закона Б. Обамы. В русском языке есть его эквивалент — *волк в овечьей шкуре*, который, обладая экспрессивностью, не соответствует в полной мере его английскому варианту. Здесь возможно использование приема лексико-семантической замены: фразеологизм *чистой воды обман* точнее передает смысл фразы политика и реализует его основную цель – опорочить противника и его деятельность.

Идиоматичные речевые единицы нередко используются для реализации тактик самопрезентации и обещания, например: *So, no, we were not going to take a knee and do nothing* [21]. Фразеологизм *to take a knee* в сочетании с модальным выражением *to going to + инфинитив* для выражения будущности характеризует Б. Обаму как кандидата, готового к преодолению любых трудностей. На русский язык этот фразеологизм может переводиться фразеологизмом *преклонить колени*, несущим в своей семантике возвышенность и экспрессивность, но в данном контексте более приемлемыми будут стилистически нейтральные варианты *останавливаться (... мы не собираемся останавливаться)*, *сдаваться (мы не собираемся сдаваться)*, поскольку не всегда использование возвышенной лексики способствует ясности и общедоступности речи политика.

Иллюстрацией реализации тактики единения может послужить использование фразового глагола *to look out for* и фразеологизма *to get someone's back* наряду с лексическим повтором инклюзивного местоимения *we*, что указывает на надежность политика, его готовность жить интересами и проблемами народа: *We are Americans, and we look out for one another; we get each other's backs* [19]. На русский язык фразовый глагол *to look out for* может быть передан стилистически нейтральными вариантами *заботиться*, *оберегать*, в то время как фразеологическое единство *to get someone's back* будет переводиться фразеологизмом, несущим в себе эмоциональную насыщенность: *прикрывать спину*, *стоять друг за друга горой*.

Завершая анализ особенностей перевода идиоматичных речевых единиц англоязычного политического дискурса на русский язык, стоит отметить, что они не только предстают как элементы культурно-исторического опыта носителей того или иного языка, но и играют существенную роль при воздействии на сознание и эмоции адресата. Таким образом, важной задачей, стоящей перед переводчиком, является передача как их смыслового, так и эмоционального компонентов, которые в полной

мере способствуют реализации ведущих коммуникативных стратегий и тактик политического дискурса в целом.

Список использованных источников

1. Авдевич Н. В. Семиотические и когнитивные аспекты исследования фразовых глаголов // Вестник МГЛУ: науч. журн. – 2009. – № 572. С. 89–99.
2. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 42 с.
3. Быкова О. Н. Ложная аргументация. Речевая агрессия. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. – 1999. – Вып. 1 (8). С. 91–103.
4. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
6. Курс фразеологии современного английского языка / под ред. А. В. Кунина. М.: Высшая школа, Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. 381 с.
7. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д. филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
8. Паули Ю. С. Язык политического дискурса как способ формирования политического института // Теория и практика общественного развития. – 2011. – Вып. № 8. С. 21–32.
9. Сергеева А. А. Метафорические концепты как источники фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе // Молодой ученый. – 2015. – Вып. № 7. С. 1001–1004.
10. Тарнаева Л. П. Лингвокультурные маркеры лексического слоя делового дискурса // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 3. С. 99–112.
11. Тарнаева Л. П., Шаврова А. В. Особенности грамматической организации англоязычного предвыборного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, – 2017. – Вып. № 12. Ч: 4. С. 168–172.
12. Чайкина А. Ю. Когнитивные основания выбора и функционирования фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 26 с.
13. Чернобровкина Е. П. Речевое поведение президента США Барака Обамы: роль стратегий и тактик в создании имиджа популярного и успешного политика // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 11. С. 57–61.
14. Шапиева Д. З. Лексико-стилистические средства выражения оценки в англоязычном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 176 с.

15. Шейгал Е. И., Иванова Ю. М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации. Волгоград: Волгоградский педагогический университет, 2003. 21 с.
16. Шелестюк Е. В. Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия "Филология. Искусствоведение". – 2008. – Вып. 26. № 30 (131). С. 170–175.
17. Шувалова Ю. В. Политическая фразеология в американском варианте английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 200 с.
18. Obama Barack. Remarks by the President on College Affordability – University of North Carolina. April 24, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/04/24/remarks-president-college-affordability-university-north-carolina> (дата обращения: 26.12.2017).
19. Obama Barack. Remarks on the National Foreclosure Abuse Settlement. February 9, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=99330> (дата обращения: 05.01.2018).
20. Romney Mitt. Remarks at the Values Voter Summit in Washington, D.C.. October 8, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=97898> (дата обращения: 28.12.2017).
21. Wayland Michael. Transcript: Obama's remarks during UAW conference in Washington D.C. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mlive.com/auto/index.ssf/2012/02/transcript_obamas_remarks_duri.html (дата обращения: 03.01.2018).

УДК 81-26: 347.78.034

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КРЫМСКОЙ ТОПОНИМИКИ

Д. А. Шалыга,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена актуальному для переводческой практики вопросу передачи крымских топонимов в немецком языке. Транслитерация служит основным способом репрезентации топонимов в языке, использующем латинскую графику. Варианты транслитерации зависят от типа переводимого текста. Топонимы с дефисом в немецкоязычной исторической литературе могут писаться без него. Имя прилагательное в составе топонима в большинстве случаев передается именем существительным. Исторические топонимы во многих случаях передаются обозначением, пришедшим из греческого языка.

Ключевые слова: топонимы Крыма, контрастивная топонимика, исторические топонимы, репрезентация топонимов в немецком языке, транслитерация.

Summary. The article is devoted to the actual for translation practice issue of Crimean toponyms in the German language. Transliteration is the predominant mode of toponyms representation in the language which is used the Latin alphabet. The transliteration options depend on the type of text being translated. Toponyms with a hyphen can be written without it in the historical literature. The adjective as part of a toponym is in most cases translated with the noun. Historical toponyms can be transmitted with place-names which came from the Greek language.

Key words: Crimean toponyms, contrastive toponymics, historical toponyms, representation of toponyms in German language, transliteration.

Обращение к вопросу репрезентации крымских топонимов в немецком языке вызвано встречаемыми ошибками в научно-популярных текстах печатных изданий и на страницах Интернета и возникающей необходимостью уточнения способа передачи таких обозначений. Способы передачи имен собственных в языках с другой системой письменности описываются во многих известных трудах, посвященных теоретическим и практическим аспектам перевода [1; 3; 4; 5; 6; 7]. Однако больше внимания чаще уделяется способам репрезентации иноязычных топонимов в русском языке. Основным способом передачи топонимов с языков, использующих латиницу, на языки с кириллическим алфавитом считают переводческую транскрипцию [9, с. 258]. В процессе перевода с русского языка на немецкий все же доминирует транслитерация.

Д. И. Ермолович [7, с. 109] рекомендует опираться на авторитетный источник (словарь географических названий, энциклопедию или атлас), согласно которому и воспроизводить названия в переводе. В случае перевода на немецкий язык русскоязычного текста, содержащего крымские топонимы, пользоваться современными источниками приходится с осторожностью. Многие немецкоязычные источники транслитерируют обозначения с государственного языка. По отношению к Крыму в качестве такового часто еще рассматривается украинский. Например, на карте Крыма в немецкоязычной версии популярного справочного ресурса Википедия (<https://de.wikipedia.org>) представлены следующие варианты передачи на немецкий язык названий городов и поселков Крыма: Bachtschyssaraj (русс. Бахчисарай), Bilohirsk (русс. Белогорск), Hursuf (русс. Гурзуф), Jalta (русс. Ялта), Jewpatorija (русс. Евпатория), Murnyj (русс. Мирный), Nowofedoriwka (русс. Новофёдоровка), Nowyj Swit (русс. Новый Свет), Sewastopol (русс. Севастополь), Tschornomorske (русс. Черноморское) и т.д. На карте Крыма известного немецкого сайта ADAC (<https://maps.adac.de>) названия населенных пунктов также транслитерируются с украинского языка, но согласно другому стандарту: Bakhchysarai, Bilohirsk, Hurzuf, Yalta, Yevpatoriia, Murnyi, Novofedorivka, Novyi Svit, Sewastopol, Chornomorske.

Стоит отметить, что при всех расхождениях в первом и втором примере неизменным остается традиционный для немецкого языка и знакомый многим способ обозначения города Севастополь: Sewastopol. Такой способ передачи встречается даже в научной литературе там, где другие топонимы передаются с помощью диакритики.

Описанные тенденции, сложившиеся в картографии, служат наглядным доказательством актуальности составления и распространения иноязычных карт, туристических атласов, справочной литературы, опирающихся на русскоязычные обозначения.

Топонимы Крыма разнообразны и по своему происхождению, и по своей структуре. Среди названий, состоящих из одного слова, особого подхода требует передача исторических топонимов, названий городов и государственных образований, существовавших в разные периоды истории Крыма. Например: Пантикапей – *Pantikapaion*, Боспор – *Vosporos*, Нимфей – *Nymphaion*, Китей – *Kytaion*, Тиритака – *Tyritake*, Илурат – *Iuraton*, Мирмекий – *Murmekion*, Феодосия – *Theodosia*, Херсонес – *Chersonesos*, *Cherson*, Меотида – *Maiotis*. Как показывают приведенные примеры, в немецкоязычной исторической литературе распространена транслитерация этих обозначений из древнегреческого языка. Некоторые немецкие историки используют обозначения с латинизированными окончаниями *-us*: *Vosporus*. Для корректной передачи названия города Феодосия, нужно учитывать, идет ли речь об античном или о современном городе. В последнем случае название транслитерируется согласно актуальным правилам или ГОСТам, принятым для того или другого типа текста: *Feodossija*, *Feodosija*. Хронологический фактор, отраженный в приведенных выше вариантах передачи топонима Херсонес, также важен для корректной реноминации в немецкоязычном научном тексте. Обозначение Гурзубиты – *Gurzuvitae* упоминается в часто цитируемом историками произведении Прокопия Кесарийского «О постройках» [8].

Многочисленную группу крымских топонимов составляют обозначения, образованные двумя существительными, соединенными дефисом, как например: Ай-Петри, Учан-Су, Чуфут-Кале, Тау-Кипчак и т.д. Такие названия восходят или к тюркским, или к греческому языку. В отдельных случаях встречаются смешанные обозначения, компоненты которых происходят из разных языков, например, Ай-Бурун. В немецкоязычном тексте эти названия могут ассоциироваться непосредственно с исходным языком. Тогда они рассматриваются, как два отдельных слова и пишутся без дефиса, что встречается в научной исторической литературе: *Eski Kermen*, *der Grabhügel von Kul Oba*, *die Höhlensiedlung Mangup Kale*. Однако в большинстве случаев дефис сохраняется. В научно-популярной краеведческой литературе, как и в переводах легенд, можно встретить и перевод компонентов подобного обозначения, например: *Bärenberg* (русск. Медведь-гора – в свою очередь

широко известный перевод с крымско-татарского языка на русский названия горы Аю-Даг).

Многочисленны также топонимы, представляющие собой словосочетания. Если прилагательные, компоненты этих словосочетаний, образованы от существительных, являющихся географическими названиями, то в большинстве случаев прилагательные передаются с помощью исходного существительного. Например: Крымский полуостров – die Halbinsel Krim; Керченский полуостров – die Kertscher Halbinsel, die Halbinsel Kertsch; Керченский пролив – die Kertscher Meerenge, die Meerenge von Kertsch, die Straße von Kertsch; Феодосийский залив – die Bucht von Feodossija; Перекопский перешеек – die Landenge von Perekop; Никитский ботанический сад – der Botanische Garten Nikita. Такой способ передачи компонента-прилагательного в первую очередь обусловлен принципом благозвучия. В случае прилагательного «крымский» в составе топонимов образовать прилагательное в немецком языке не позволяют правила словообразования. Принцип экономии речевых средств объясняет образование характерных для немецкого языка сложных существительных: Крымские горы – das Krimgebirge, Ливадийский дворец – der Liwadija-Palast.

Разные переводческие решения демонстрируют примеры передачи исторических топонимов-словосочетаний: Херсонес Таврический – Chersonesos Taurica, хора Херсонеса – die Chora von Chersonesos, Зенонов Херсонес – Zenons Chersonesos, Боспорское царство – das Bosporanische Reich, Неаполь Скифский – Neapolis Skythika, страна Дори – das Land Dory. Как и в случае исторических топонимов, состоящих из одного слова, при передаче словосочетаний нужно опираться на надежные авторитетные источники.

Топоним на современной карте «Каркинитский залив» образован от названия древнегреческого города Каркинитис в устье реки Каланчак [2]. По аналогии с примерами, приведенными выше, более корректным и обоснованным является вариант «die Bucht von Karkinitis» в отличие от встречающегося варианта «die Karkinitische Bucht». Прилагательное в словосочетаниях сохраняется, если оно не образовано от географического названия. Например, Двужорная бухта – die Bucht Dwujakornaja / Dvujakornaja. В научно-популярных крымоведческих текстах можно встретить также перевод всех компонентов обозначения: die Zwei-Anker-Bucht.

Таким образом, выбор способа передачи топонимов детерминирован рядом факторов: переводчик учитывает не только своеобразие текста, в котором фигурирует топоним, но и своеобразие самого обозначения, этимологию, структуру, специфику словообразования и хронологическую соотнесенность с означаемым географическим объектом.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: Учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 228 с.

2. Большой топонимический словарь Крыма [Электронный ресурс] // Киммерия. – http://kimmeria.com/crimea_placenames/appearance/appearance_23_01.htm (дата обращения 01.02.2018).
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. М.: Издательство Московского университета, 2004. 544 с.
5. Гильченко Н. Л. Практикум по переводу с немецкого на русский. СПб.: КАРО, 2005. 368 с.
6. Дзенс Н. И., Перевышина И. Р., Кошкаров В. А. Теория и практика перевода: учебное пособие. СПб.: Антология, 2007. 560 с.
7. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001. 200 с.
8. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. / Пер. С. П. Кондратьев. М.: Арктос, 1996. 167 с.
9. Шалыга Д. А. Репрезентация имен собственных в переводе с немецкого языка // Культура народов Причерноморья. – 2014. – №271. С. 257–259.

УДК 811.162.1

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ИХ СЕМАНТИКА
КАК ПРЕПЯТСТВИЕ В СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ
МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ И ПОЛЬСКИМИ ЮРИСТАМИ**

К. С. Шамтова,

*студент пятого курса кафедры контрастивной лингвистики,
Институт иностранных языков, Московский педагогический
государственный университет, Москва*

Аннотация. В данной статье выявляются основные тенденции и причины, приводящие к трудностям в коммуникации между российским и польским юристами, и особенности при переводе терминов и юридических концептов. При разрешении данных задач нами были использованы следующие приемы и методы описания:

1. Описательный метод, дающий представления о явлениях в языке, приводящим к потенциальным ошибкам в процессе перевода.

2. Метод сравнительного анализа при сопоставлении значений юридических терминов в польском и русских текстах.

Нами был проведен анализ трудностей, связанных с передачей содержания юридических терминов при переводе юридических формулировок и клише, были приведены примеры, связанные с иллюстрацией ошибочного употребления лексики, «ложных друзей переводчика», неправильной коннотации того или иного термина, ошибок в синтаксической структуре формулировки высказываний.

Ключевые слова: юридические и правовые термины, безэквивалентная лексика, лакуны, «ложные друзья» переводчика, синонимичные ряды.

Summary. This article identifies the main trends and reasons which lead to the difficulties of communication between Russian and Polish lawyers, especially with the translation of terms and legal concepts.

Key words: legal terms, non-equivalent terms, lacunas, synonymous rows.

В современном мире, с развитием сферы международного судопроизводства, растет роль межкультурной коммуникации между представителями, в частности, таких профессий, как юрист. Тип отношений между представителями данной сферы, насколько известно, четко регламентируется правовыми документами, перевод которых, как и любой профессиональный вид перевода, требует определенных умений учета его закономерностей, знаний его особенностей, представления концептуальной сферы юриспруденции, которая включает базовые концепты, имеющие в различных культурах свои собственные варианты толкования. Язык, являясь инструментом формирования концептов в сознании человека и в сфере юриспруденции, дает понять, что существует огромная разница в специфике системы юриспруденции в рамках двух языков – русского и польского.

Так, в процессе исследования, была выявлена *первая причина проблем в коммуникации*, которая *вытекает* из наличия в языках такого явления как «ложные друзья» переводчика. Приведем следующие примеры данного явления в русском и польском языках: польский глагол “dopraszac”, несмотря на свою фонетическую близость к глаголу «допрашивать» имеет значение «приглашать дополнительно», в то время как допрашивать – “przesłuchiwać”.

“Doznanie” совсем не переводится как русское существительное «дознание», а имеет совершенно иные значения – «впечатление», «ощущение». В значении «дознание» в польском языке используется слово “dochodzenie” или “śledztwo”.

Насколько известно, если в состав суда, рассматривающего дело, входят лица, состоящие в родстве между собой, то происходит так называемое «отвод» судебного процесса. Для данного случая в польском языке должно использоваться слово “odwołanie”, поскольку “odwód”, имеет иное толкование, это «резерв» или «резервные войска».

Интересно, что в польском юридическом словаре мы не найдем слова “optacja”, а именно «оптация», которое определяется как «выбор гражданства лицами, имеющими двойное гражданство, либо проживающими на территории, изменившей государственную принадлежность». Для этого явления польский юрист использует слово “opcja”, которое является многозначным в польском языке, и самое первое значение, известное нам еще с первого года изучения польского языка, это «вариант». И, поэтому данное слово, являющееся юридическим термином,

имеет еще ряд значений: 1) политическая ориентация, 2) опцион (в экономической среде) и 3) опция (в сфере IT).

Вторая причина, рассматриваемая нами, это наличие в языке перевода так называемых лакун, а именно отсутствующих в одном из языков перевода единиц.

Так, например, слово “*dokuczenie*”, которое объясняется как «намеренное причинение кому-то огорчение другому человеку», не существует в реалиях российской юриспруденции. В 107 статье Уголовного Кодекса Республики Польша за данное противоправное действие человек наказывается ограничением свободы, штрафом либо выговором. Данный вид правонарушения можно понять как «умышленное введение человека в заблуждение, причинение беспокойства». В российских реалиях наиболее часто используется такая формулировка как «моральный ущерб», который, между прочим, имеет свой аналогичный термин в польском языке – “*zadośćuczynienie*” («моральное или материальное причинение вреда»). Говоря о “*dokuczeniu*”, юристу потребуется целая фраза для передачи данной идеи. То есть, в данном случае, им будет использован такой вид трансформации как *описательный перевод*.

Сравнивая две судебные системы обеих стран, узнается, что в российской юридической реальности существует два вида наказания: основное и дополнительное. Основное наказание применяется самостоятельно, изолированно, а дополнительное в сочетании с основным. В данном аспекте польское и российское право похожи друг на друга, однако, эквиваленты данных терминов в польском языке могут озадачить иностранного юриста. Во-первых, основное наказание называется по-польски “*kara*”, в то время как дополнительное – “*środek karny*”, что переводится как «средство наказания». То есть, мы не называем их “*podstawowy*” и “*dodatkowy*”. В польской реалии, “*środek karny*” – это мера, которая накладывается на правонарушителя дополнительно и независимо от основного наказания. Это может быть лишение выборного права, запрет на вождение транспортных средств, запрет на занятие некоторых позиций или должностей. Интересно, что если и в основном, и в дополнительном наказании может использоваться штраф, то в польском праве данные понятия строго разграничиваются, имеют собственный термин. Например, если основным наказанием является штраф или по-польски “*grzywna*”, данный термин не используется в качестве дополнительного наказания. То есть, если в качестве главного наказания человека осудили, ограничив его свободу, а ему еще необходимо выплатить штраф, скажем, за моральный ущерб или иную компенсацию, то он будет платить не “*grzywnę*”. Такая выплата называется по-польски “*świadczenie pieniędzne*”. То есть, в данном случае, лакунами являются эти два типа денежных штрафов, поскольку в российском праве только одна лексическая единица обслуживает оба эти понятия, и, если мы хотим пояснить разницу, то воспользуемся не термином (“*grzywna*” или “*świadczenie pieniędzne*”), а более широким объяснением.

Третья причина, ведущая к недопониманию в коммуникации, это наличие синонимов определенной сферы. Известно, что существуют единицы, в словаре дающие одно и то же значение. Однако, правильный выбор определенной единицы, находящейся в целом синонимическом ряду, будет зависеть от знания употребления данного синонима именно в данной сфере употребления. Так, в юриспруденции Польши используются два термина для обозначения опекуна. Первый это “kuratela” – человек, являющийся опекуном недееспособному лицу. Приведем пример из Гражданского кодекса Республики Польши: *Dla osoby ubezwłasnowolnionej częściowo ustanawia się kuratelę. Kodeks cywilny (art.16)*. А термин “kurator” относится к человеку, опекающему ребенка до 18 лет. (*Miejscem zamieszkania osoby pozostającej pod opieką jest miejsce zamieszkania opiekuna*).

Иным примером является слово “donor”, которое в Польше можно использовать как по отношению к донору (крови, органов), так и к дарителю имущества. Однако следует также различать более узкие термины, такие как “darczyńca”, а именно «даритель» и “dawca” – донор органов, которого также иногда называют “donator”.

Другой ошибкой, которая была нами выведена и классифицирована, является неправильное использование юристом синтаксической структуры. Это не всегда приводит к непониманию смысла высказывания, однако юристу следует знать определенные синтаксические модели, используемые именно в юридическом польском тексте, чтобы польская речь нашего российского юриста не была «русско-польской».

Очень часто, описывая человека, совершившего то или иное противозаконное действие, и наказание, которое ему соответствует, в русской юридической традиции используются предложения по типу «*Лицо, которое...*». В польском языке статьи кодексов не начинаются с фразы “*Osoba, która...*”, вместо этого, используется конструкция “*kto+czasownik*” («*кто+ глагол*»). Проиллюстрируем этот случай статьей из Уголовного кодекса:

Art. 104. “Kto skłania do zebrania małoletniego lub osobę bezradną albo pozostającą w stosunku zależności od niego lub oddaną pod jego opiekę, podlega karze aresztu, ograniczenia wolności albo grzywny”.

Теперь приведем переведённый аналог данного закона:

Арт. 104. «Лицо, склоняющее несовершеннолетнего, недееспособного или находящегося в зависимости от данного лица человека, наказывается арестом, ограничением свободы или штрафом». В некоторых случаях в правовых документах законы формулируются не со слов «Лицо...», а непосредственно названия правонарушения в виде отглагольного существительного. Приведем следующий пример. Если мы обратимся к Кодексу города Москвы об административных правонарушениях, то в статье 5.8 увидим следующую формулировку:

Направливание домашнего животного на людей или животных влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух

тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от пяти тысяч до десяти тысяч рублей».

В польском административном кодексе этот закон выглядит так:

“*Kto szczyje psem człowieka, podlega karze grzywny do 1.000 złotych albo arze nagany*”. Опять же, используется ранее нами оговоренная конструкция «кто+глагол».

Делая вывод, можно еще раз отметить важность выявления причин возникновения потенциальных ошибок, приводящих к усложнению процесса коммуникации между русским и польским юристами, а также практического анализа таких единиц.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство РАО, 2001.
2. Вияс А. Польско-русский словарь ложных друзей переводчика с русско-польским индексом с учетом разговорных, просторечных, сленговых и матерных значений слов. Краков, 2013.
3. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. Санкт-Петербург, 2006.
4. Сухарев А. Я. Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984.
5. Тарасов Е. А. Лексические лакуны в межкультурной коммуникации (на материале немецкого языка) //Лакуны в языке и речи. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.
6. Федоров В.О. Основы общей теории перевода. М.: Издательский Дом «Филология три», 2002.
7. Bar L. Słownik prawniczy polsko-rosyjski. Wrocław, wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1986.
8. Łozińska-Mańkiewicz E., Mańkiewicz J. Angielsko-polski słownik terminologii prawniczej, 2008.
9. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law.php (дата обращения 19.02.2018).
10. Kodeks karny [Электронный ресурс]. <http://kodeks.ws/karny/> (дата обращения 19.02.2018).
11. Kodeks cywilny [Электронный ресурс] <http://kodeks.ws/cywilny/> (дата обращения 19.02.2018).

УДК 82/821.111

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА В РОМАНЕ КЭТРИН СТОКЕТТ «ПРИСЛУГА»

Л. С. Швеи,

*студентка четвертого курса филологического факультета
ГБОУ ВО РК Крымского Инженерно-Педагогического Университета,
Симферополь*

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности создания портрета персонажа художественного произведения. Исследование

заключается в анализе принципов выбора и стилистического функционирования различных лексических единиц при создании портрета литературного персонажа в романе Кэтрин Стокетт «Прислуга».

Ключевые слова: портрет, лингвостилистические средства, речь персонажа, расовый конфликт.

Summary. This work regards the peculiarities of creating a character's portrait in literary work. The research analyses the main principals of choice and stylistic functioning of lexical units when creating a character's portrait in Kathryn Stockett's novel «The Help».

Key words: portrait, lingua-stylistic means, character's speech, racial conflict.

Одна из основных проблем лингвостилистики – это исследование стилистических приемов и экспрессивных средств речи, уместное и контекстуально обусловленное использование которых позволяет создать выразительные художественные образы.

Цель данного исследования заключается в анализе принципов выбора и стилистического функционирования различных лексических единиц при создании портрета персонажа художественного произведения в романе Кэтрин Стокетт «Прислуга».

Актуальность выбранной темы определяется ее согласованием с общей направленностью современных лингвистических исследований на углубленное изучение стилистического функционирования коммуникативных и номинативных ресурсов языковой системы в рамках художественного произведения; потребностью исследования принципов отбора и использования языковых средств передачи оценочного отношения к предмету высказывания с целью достижения определенных прагматических результатов.

В художественных произведениях эти средства являются характеристиками персонажа и в своей совокупности образуют словесно-художественные портреты, которые служат основным средством раскрытия образов этих персонажей. Так что в художественном тексте реализуется осознанный тщательный подбор языковых средств характеристики персонажа. Организация языкового материала описаний и ее использование в произведении зависят от конкретной цели писателя, которая тесно связана с сущностью образа действующего лица.

Портрет персонажа, его классификация и функции, равно как и способы его создания, стали предметом научных изысканий многих российских лингвистов и литературоведов (Н. Беляева, Е. Гончарова, О. Малетина, И. Страхова, В. Шаховский). Активный анализ поспособствовал появлению ряда определений понятия «портрет литературного героя», и классификаций портретных описаний.

По мнению Е. Гончаровой, портрет есть изображение не только внешнего, но и внутреннего. Он придает персонажу конкретность, визуализирует его, дает возможность читателю представить героя,

воспринять его как живого человека. Для этого в портрете отображаются типичные и индивидуальные черты персонажа, со всеми индивидуальными отличиями, приметами (вплоть до интонаций голоса, своеобразие черт лица, деталей одежды и т. д.) [1, с. 15].

Классифицируя виды портрета, О. Малетина отмечает, что в существующих классификациях не представлен такой тип, который включал бы описание характерных черт, навыков и умений персонажа, и потому выделяет характероцентричный портрет, на ряду с существующими цетоцентричным, предметоцентричным, зооцентричным [2, с. 13-14].

Известный лингвист К. Кусько выделяет речевой портрет. Речевой портрет – это одновременно индивидуальный и типологический способ передачи речи персонажа, «отображения в ней характера героя в непрерывном развитии, его мировоззрения и идеологии» [3, с. 28].

Среди элементов, способствующих созданию такого портрета можно отметить:

- взаимосвязь речи героя и его характера;
- отличие от речи других персонажей;
- проявления в речи национальной, профессиональной, социальной принадлежности;
- эволюция речи вместе с развитием самого героя.

Н. Родионова рассматривает портрет как часть композиции. Она выделяет портрет-представление, портрет-оценку, портрет-ситуацию.

Основное внимание в нашем исследовании уделяется портрету литературного персонажа как подсистеме, со своей логикой организации и тематической целостностью, в системе англоязычного художественного дискурса.

В формировании индивидуального стиля писателя важную роль играет выбор стилистических приемов, которые часто встречаются в произведениях автора. Писатель добивается особого мастерства шлифуя художественные средства, применяемые для описания персонажа, которые в последствии называют «типичными» для него.

С. Селезнева отмечает, что «на основе филологического анализа словесно-художественных описаний внешности персонажа можно выявить и потенциал, способствующий раскрытию героя и замысла произведения в целом. А также выявить как выбор того или иного слова, взаимодействие слов в словосочетаниях и различные возникающие смысловые переносы способствуют созданию художественных образов, раскрытию идей и взглядов писателя» [4, с. 3].

Мы же в своей работе рассматриваем особенности выбора и стилистического функционирования различных лексических единиц при создании портрета персонажа художественного произведения в романе Кэтрин Стокетт «Прислуга».

Роман создавался в течении пяти лет и стал абсолютным бестселлером в 2011 году. Это произведение остается еще не исследованным ввиду своей новизны, однако в нем безусловно можно проследить особенности создания портрета героя, присущие англоязычной литературе.

Книга посвящена проблеме дискриминации афроамериканцев, особенно остро ощущавшейся в середине прошлого века. В начале 20 века идея равенства все еще не осуществилась. На юге американцами активно поддерживалась расовая сегрегация, а отношения между белыми и темнокожими регулировали жестокие законы Джима Кроу. Они запрещали любые контакты личного характера, смешанные браки, более того, нуждающегося в помощи афроамериканца никто бы не принял в больнице для белых (действие этой системы сохранялось до середины 60-х годов). Большинство цветных занимало фактически рабское положение – они арендовали у помещиков землю и отдавали им большую часть урожая [5, с. 298].

Действие романа происходит в городе Джексон (штат Миссисипи), а повествование ведется от лица трех женщин – Эйбилин Кларк, Минни Джексон и Евгении Фелан. Автор использует прием рассказа от первого лица для погружения читателя в напряженную атмосферу тех лет, и чтобы показать глубину переживаний героев. К. Стокетт не спроста выбрала в качестве рассказчиков двух афроамериканок и одну белую женщину, так как хотела раскрыть проблему с нескольких сторон и по-новому взглянуть на существовавшую дискриминацию.

В качестве создания образа персонажа писательница использует как прямую, так и переносную характеристику героев. Она представляет прямое описание внешности персонажей: «Here's something about Miss Leefolt: **she not just frowning all the time, she skinny**. Her legs is so spindly, she look like she done growed em last week. Twenty-three years old and she lanky as a fourteen-year-old boy. Even her hair is thin, brown, see-through. **She try to tease it up, but it only make it look thinner**» [6, с. 4]. Так описывает свою белую хозяйку Эйбилин и мы сразу можем отметить ее слегка ироничный взгляд на молодую, неопытную девушку.

С помощью непрямого именованного автор намеренно выделяет Евгению (по прозвищу Скиттер): «“Hey, Aibileen,” Miss Skeeter say, cause she **the kind that speak to the help**» [6, с. 5]. «Та что обращается к прислуге» - писательница намекает на честность и доброту этой героини.

Но и тут при прямом описании Эйбилин не обходиться без колкости: «She wearing a white lace blouse buttoned up like a nun, flat shoes so I reckon she don't look any taller. Her blue skirt gaps open in the waist. Miss Skeeter **always look like somebody else told her what to wear**» [6, с. 5].

Используемая для описаний лексика имеет явный оценочный характер. Она выражает отношение прислуги к своим работодателям, которое сформировалось в течении многолетнего опыта работы на них. Именно прислуга раскрывает в этой книге все изъяны и порой жестокость

белых американцев, ведь Эйбилин и Минни видят семью изнутри. «**Only three things them ladies talk about: they kids, they clothes, and they friends.** I hear the word *Kennedy*, I know they ain't discussing no politic. They talking about what Miss Jackie done wore on the tee-vee»; [6, с. 7]

«Miss Leefolt busy on the sewing machine rolling her eyes like it's a stray cat stuck in the screen door. See, Miss Leefolt, she dress up nice ever day. Always got her makeup on, got a carport, double-door Frigidaire with the built-in icebox. You see her in the Jitney 14 grocery, **you never think she go and leave her baby crying in her crib like that.** But the help always know» [6, с. 8].

Несдержанный характер Минни то и дело подчеркивается автором при помощи экспрессивно окрашенной и оценочной лексики: «She's probably ten or fifteen years younger than me, twenty-two, twenty-three, and she's real pretty, but **why's she wearing all that goo on her face?** I'll bet she's got on double the makeup the other white ladies wear. **She's got a lot more bosom to her, too.** In fact, **she's almost as big as me** except she's skinny in all those places I ain't. I just hope she's an eater. Because I'm a cooker and that's why people hire me» [6, с. 20].

Так же примечательным является речевой портрет героев, который явно показывает их социальную принадлежность. Повествование Эйбилин и Минни отличается использованием эбоникса – диалекта афроамериканцев. Он отличается особой лексикой и необычными грамматическими конструкциями. Например: «**Taking care a white babies,** that's what I do, along with all the cooking and the cleaning. **I done raised** seventeen kids in my lifetime» [6, с. 4]. «I've never in my life **had a white woman tell me** to sit down so she can serve me a cold drink. Shoot, now I'm wondering if this fool even **plans on** hiring a maid or if **she just drug** me all the way out here for sport» [6, с. 18].

Речь Евгении – будущей писательницы – богата лексическими выразительными средствами. Через ее слова мы замечаем ее недовольство своим родным, застывшим на месте городком, и ее насмешливое отношение к миру, даже к себе самой. «**To say I have frizzy hair is an understatement.** It is kinky, more pubic than cranial, and whitish blond, breaking off easily, like hay. My skin is fair and while some call this creamy, it can look downright deathly when I'm serious, which is all the time. Also, **there's a slight bump of cartilage along the top of my nose.** But my eyes are cornflower blue, like Mother's. I'm told that's my best feature» [6, с. 31].

По ее словам, замужество не является целью ее жизни, как у других девушек Джексона, она мечтает рассказать миру о несправедливости царящей на Юге. «I was five-foot-eleven but I had twenty-five thousand cotton dollars in my name and if the beauty in that was not apparent then, by God, **he wasn't smart enough to be in the family anyway**».

В заключение можно отметить, что дихотомическая лексическая система, обнаруженная нами в процессе исследования и анализа романа Кэтрин Стокетт, представляет собой совокупность слов противоположной

оценочной семантики: положительной и отрицательной, выражающих соответственно два противоположных вида отношения автора. Для создания портрета писательница использует как прямую, так и непрямую номинации: как описывая внешность и характер, так и используя оценки других героев, речь персонажа, его взгляды и идеи. Для того, чтобы глубже раскрыть замысел романа, автор отдает предпочтение не прямой характеристике героев.

Список использованных источников

1. Гончарова Е. А. Пути лингвистического выражения категорий автор-персонаж. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984.
2. Кусько Е. Я. Проблемы языка современной художественной литературы: Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львів: Вища школа, 1980. 32 с.
3. Малетина О. А. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса (на материале произведений Т. Драйзера): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2004. 20 с.
4. Селезнева С. Ю. Языковые средства и когнитивные модели описания внешности персонажей в англоязычной художественной прозе: На материале произведений английских и американских писателей XIX и XX вв.: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2001. 28 с.
5. An Outline of the American History / ed. by H. Cincotta. Washington: the United States Information Agency, 1994. 404 p.
6. Stockett K. The Help. NY: G. P. Putnam's Sons, 2009. 202 p.

УДК 811.1/2'373.7-115

УНИВЕРСАЛИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию универсалий во фразеологических системах русского, английского и французского языков. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью контрастивного анализа микросистем устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения, с точки зрения их семантики в разноструктурных языках, что дает возможность выявить универсальные черты и сравнить картины мира разных лингвосоциумов.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, универсальное, цветообозначение, язык, фразеология, компонент, интернационализм.

Summary. The article deals with the analysis of universals in the phraseological systems of the Russian, English and French languages. The relevance of the subject is caused by need of the contrastive analysis of microsystems of phrases with colour components, from the point of view of their

semantics in structurally different languages. It gives the chance to reveal universals and to compare pictures of the world of different linguistic societies.

Keywords: phrase, universals, color component, language, phraseology, internationalism.

Человечество познает себя и окружающий мир с помощью языка и фиксирует этот опыт именно в языке. В. А. Маслова рассматривает «язык как продукт культуры, как ее важную составную часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов» [3, с. 7].

Цель данного исследования проанализировать единицы, являющиеся носителями подобной информации, универсальные для русского, английского и французского языков, устойчивые сочетания с компонентами цветообозначения (далее УСКЦ).

С одной стороны, в образовании устойчивых единиц закладываются культурно-национальные стереотипы и эталоны. «Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой» [2, с. 43].

Но нужно отметить, что в каждой культуре есть УС, отражающие общечеловеческие представления о мире и действительности. Они являются универсальными для языковых систем двух или нескольких культур, передавая одну и ту же культурную информацию с помощью одинаковых ассоциаций и символов.

Выделение универсалий позволяет обратиться к анализу внутренних закономерностей выражения экстралингвистических концептов, основывающихся на закономерностях универсальной по своей сути деятельности людей. Идентификация интернациональных УСКЦ является поэтапной процедурой и основывается на учете неодинакового проявления и соотношения сходств и различий у существующих типов межъязыковой общности УС. К числу внешних показателей эквивалентности относятся совпадение звучания, написания, лексического наполнения, структуры, а – содержательных – совпадение семантики и внутренней формы. Отметим, что этот набор признаков может варьироваться у разных типов УСКЦ.

При изучении русско-англо-французских соответствий УС, на наш взгляд, следует опираться на труд Е. Ф. Арсентьевой [1]. Согласно этой методике, устойчивое сочетание рассматривается в трех аспектах – семантическом, структурно-грамматическом и компонентном. На этой основе выделяют:

I. эквиваленты (полные и частичные) – это УС тождественной семантики, характеризующиеся незначительными расхождениями в плане выражения, которые могут носить компонентный или морфологический характер;

II. аналоги (полные и частичные) – УС, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы;

III. безэквивалентные единицы – УС, не имеющие соответствия в других языках.

Наличие универсальных структурно-грамматических моделей и общих черт лексико-семантической системы русского, английского и французского языков способствуют взаимодействию его лексического и фразеологического состава и, соответственно, интернационализации УСКЦ.

К **полным эквивалентам** относятся УСКЦ русского, английского и французского языков с одинаковым сигнификативно-денотативным и коннотативным макрокомпонентами значения, структурно-грамматической организацией и компонентным составом. Например:

черная магия, *black magic, magie noire*;

дать зеленый свет, *give smb a (the) green light, donner le feu vert*;

черный рынок, *black market, marché noir* и т.д.

Большая часть этой группы представлена кальками, например: **ночью все кошки серы, *all cats are grey in the night, la nuit tous les chats sont gris***. При калькировании из другого языка переносится только общее строение устойчивого словосочетания вместе с его значением, а все морфемы другого языка заменяются исконными. Это так называемое заимствование-перевод.

На наш взгляд, появление УСКЦ-калек обусловлено, прежде всего, универсальным восприятием разных народов каких-либо объективных данностей, например, дня и ночи, света и тьмы и т.д. «Наличие во всех языках названий для белого и черного цвета справедливо ставится в связь с тем, что все народы наблюдают смену дня и ночи, причем дневной свет воспринимается как белый» [6, с. 48]. Представитель любой национальности воспринимает объект в темноте как серый, бесцветный, поскольку это физическое свойство любого человеческого глаза.

Отдельный интерес представляет заимствование **карт бляни, *carte blanche*** от французского ***carte blanche***, в котором сохранены не только внутренняя форма, но и полностью план выражения, т.е. заимствована еще и звуковая оболочка УС.

К **частичным эквивалентам** относятся УСКЦ, имеющие отдельные различия в плане выражения при совпадении сигнификативно-денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения. При этом образность таких единиц может полностью совпадать или частично расходиться. Например: **красный, как рак, *(as) red as a lobster, rouge comme un homard*** – подчеркнуты отличные компоненты сравнения, они относятся к одному классу объектов, несут одинаковую смысловую и коннотативную нагрузку. То же можно отметить про УСКЦ **написать черным по белому, *put down in black and white, coucher noir sur blanc***.

Устойчивые сочетания ***проходить красной нитью, to run like a red thread, marquer qch au fil rouge (passer comme un fil rouge)*** семантически эквивалентны, однако имеют структурно-грамматические и компонентные расхождения (***проходить, passer comme, to run like, marquer qch***).

Таким образом, способы интернационализации УСКЦ можно представить в виде двух групп, характеризующих независимое развитие межъязыкового параллелизма УСКЦ и лингвомиграционные явления. Под

лингвомиграционными явлениями понимаются заимствования в иноязычной форме (например, *карт бланш*) и заимствования в своеязычной форме (межъязыковое опрощение, кальки, библеизмы, мифологизмы, семантические фразеологические заимствования) [5, с. 25].

Самостоятельное возникновение межъязыкового параллелизма УС может основываться «на одинаковом переосмыслении исходных свободных сочетаний слов и детерминируется в значительной степени действием универсалий, которые в конечном итоге составляют две главные группы: лингвистические универсалии и универсалии человеческого существования» [5, с. 34–35]. Такое переосмысление может происходить по линии отдельного или совокупного метафорического (*дать зеленый свет, give smb. a (the) green light, donner le feu vert*) или метонимического переноса (*написать черным по белому, put down in black and white, coucher noir sur blanc*) и образного сравнения (*черный, как уголек, as black as coal, noir comme du charbon*). В этой группе встречаются как синхронически мотивированные устойчивые сочетания (*черное золото, black gold, or noir*), так и УСКЦ, утратившие свою мотивировку, вследствие забвения порождающего факта (*желтая пресса, the yellow press*).

Согласно теории Э. М. Солодухо, причины возникновения в разных языках случаев межъязыкового параллелизма могут быть следующими:

- обращение к универсальным явлениям;
- одинаковость или близость условий проживания народов;
- языковое сходство и конструктивная близость родственных языков;
- заимствование как результат культурно-исторического взаимодействия и общности языкового ареала;
- наличие черт сходства духовной жизни, инвариантность элементов соответствующих форм общественного сознания;
- сходство исторического опыта народов [5].

Таким образом, в основе механизма интернационализации лежат как мыслительные (психологические) универсалии, так и потенциальные языковые (одинаковые схемы вербального выражения в разных языках).

Полные УСКЦ-аналоги при совпадении сигнификативно-денотативного макрокомпонента значения и субъективно-оценочной коннотации могут иметь различия не только в компонентном составе и структурно-грамматической организации, но и образной основе, функционально-стилистической принадлежности, эмотивных семах и коннотации, например: *покраснеть до кончиков ушей, redden to the roots of one's hair, être rouge jusque derrière les oreilles*. Русский и французский корреляты имеют отличия в структурно-грамматической организации устойчивых сочетаний: *être rouge* – *покраснеть*, в то время как в английском выражении отлична и образная основа: *redden to the roots of ones hair* – *покраснеть до кончиков волос* (дословно).

УС *доводить до белого каления*, *white heat*, *chauffer à blanc* имеют близкое значение и созданы на одной образной основе: когда металл нагревают при ковке или плавке, он, в зависимости от температуры, светится сначала красным светом, потом желтым и, наконец, ослепительно белым. При более высокой температуре металл плавится и кипит. По аналогии с этим процессом возникли УСКЦ в значении «разозлить до предела, довести до бешенства». Однако они имеют ряд расхождений, прежде всего, в структурно-грамматическом плане: английское выражение является именным и построено по схеме *сущ. + прил.*, другие же сочетания – глагольные. Русское УС самое многочисленное в компонентном плане: *гл. + пр. + прил. + сущ.* Французское же выражение имеет следующую структуру: *гл. + пр. + прил.* Семантика каления заложена в самом глаголе *chauffer*, таким образом, можно обойтись без имени существительного.

У **частичных УСКЦ-аналогов** наблюдаются значительные расхождения не только в компонентном составе, образной основе, структурно-грамматической организации, но и в сигнификативно-денотативном и коннотативном компонентах значения. Например: *до зеленого змия мертвецки до галлюцинаций, нервного расстройства и т.п. (напиваться, быть пьяным)*, *drink till all's blue* *допить до белой горячки, до «зелёного змия»*, *avoir une ivresse blanche* *быть в доску пьяным*;

Изучая эквиваленты и аналоги в микросистемах УСКЦ русского, французского и английского языков, следует обратить особое внимание на **соответствие/несоответствие компонентов цветообозначения**. На этой основе было выявлено две группы устойчивых сочетаний:

- 1) УС, не имеющие компонента цветообозначения в одном из языков;
- 2) УС, содержащие во всех коррелятах указание на цвет.

К первой группе относятся УСКЦ, в межъязыковых соответствиях которых не фиксируются компоненты цветообозначения. Такие сочетания при переводе теряют сему цвета: русский аналог фразеологизма *peindre en jaune* – *наставлять рога* не имеет элементов, указывающих на цвет.

УСКЦ второй группы, как показывают наблюдения, можно подразделить на следующие подгруппы:

а) УС с полным соответствием семы цвета в другом языке, напр.: *oiseau bleu* – *синяя птица*. К этой подгруппе относятся все полные эквиваленты и некоторые частичные, а также небольшое количество фразеологических аналогов.

б) УС, сохраняющие в своем составе ядерную сему цвета, но имеющие другое добавочное значение, напр.: *houille bleue* – *белый уголь*, в состав обеих единиц входят колоронимы, однако, компоненты *bleue* и *белый* неидентичны. Т. е. при толковании данных УС привлекается другой цветовой компонент, но с той же ядерной семой.

На уровне семантического, компонентного, структурно-грамматического состава высокой межъязыковой эквивалентностью обладают французские и русские УСКЦ. Наиболее низкую эквивалентность

показывают УС английского языка. Высокий показатель эквивалентности характерен для УСКЦ, созданных путем заимствования или же переосмысления действий, эмоций людей или объектов универсальных для разных наций. Подобные параллелизмы основываются на одинаковом переосмыслении исходных свободных сочетаний в трех лингвосоциумах.

Межъязыковая эквивалентность характерна для УС с наиболее частотными колоронимами (*белый, черный, красный, синий* и их соответствиями в английском и французском языках). Это подтверждает предположение А. Д. Рахштейна о том, что устойчивые сочетания, в основе которых лежат лексемы, наиболее частотные как в самостоятельном употреблении, так и по своей фразообразовательной активности, обладают повышенной структурно-семантической эквивалентностью [4, с. 127]. С другой стороны, если в сопоставляемых языках действуют одни и те же продуктивные «образные идеи», по которым сформировано значительное количество УС с одинаковым или близким значением, то достаточно высока вероятность, что у этих УС будут эквиваленты в сопоставляемом языке, а несовпадение образной основы сводит эквивалентность к минимуму. Отметим, что категории универсального и специфического невозможно четко разграничить, так как существует множество промежуточных вариантов: это указывает на относительный характер данных явлений.

Список использованных источников

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках и вопросы создания русско-английского словаря: дис. ... доктора филол. наук. 1993. 123 с.
2. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 208 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
4. Рахштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.
5. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 304 с.
6. Шемякин Ф. Н. Язык и чувственное познание // Язык и мышление. М.: Наука, 1967. С. 38–55.

УДК 81'255.4:811.111'161.1

БАЛЛАДА «ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР» В. СКОТТА И РУССКИЙ ТЕКСТ В. А. ЖУКОВСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КАК ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А. В. Шершикова,

*студент второго курса магистратуры кафедры английской филологии,
факультет иностранных языков, Донецкий национальный университет,
Донецк*

Аннотация. В работе проводится компаративный анализ баллады В. Скотта «The Eve of St. John» и ее перевода А. В. Жуковским, рассматриваются расхождения в образной системе, религиозном колорите и концептосфере произведения. Обнаружено, что Жуковский, следуя сентименталистской эстетике, облагораживает и смягчает характеры персонажей. В переводе приглушается языческий колорит, углубляется картина духовной жизни персонажей. Католические реалии заменяются православными, что облегчает восприятие баллады русским читателем.

Ключевые слова: баллада, перевод, романтизм, компаративный анализ, Скотт, Жуковский.

Summary. The work is aimed at the comparative analysis of the ballad «The Eve of St. John» by W. Scott and its interpretation by V. A. Zhukovsky. The difference in portrayal of the main characters, religious colour and conceptual accents has been investigated. It has been found out, that Zhukovsky depicts the main characters in softer tones, following sentimentalist aesthetics. The pagan elements are weakened in the translation; more attention is paid to the inner world of the characters. The Catholic realia are substituted by the Orthodox ones to facilitate perception of the ballad by Russian readers.

Key-words: ballad, interpretation, Romanticism, comparative analysis, Scott, Zhukovsky.

Обращение к поэзии В. Скотта было важной вехой в творчестве В. А. Жуковского, а также в истории русской литературы в целом. По словам С. С. Микитюк, отдельные переводы Жуковского из В. Скотта стояли у истоков русской стихотворной повести [2]. Кроме того, они познакомили русского читателя с малоизвестной гранью таланта В. Скотта – автора, переводчика и собирателя баллад.

Первым произведением В. Скотта, которое было переведено В. А. Жуковским на русский язык, является баллада «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» («The Eve of St. John», 1799 г.). Сюжет её таков: Смальгольмский барон после таинственной отлучки узнает от своего пажа, что его жена трижды встречалась с загадочным рыцарем и назначила ему встречу вновь. По описанию рыцаря барон узнаёт Ричарда Кольдингама, которого он недавно убил. Теряясь в догадках, он возвращается в замок. В канун Иванова дня призрак рыцаря является к барону и его жене. Он проклинает барона и сжимает руку возлюбленной огненным рукопожатием. В знак раскаяния барон и его жена принимают монашеский сан.

Благодаря В. А. Жуковскому баллада стала доступна русскому читателю. В. А. Жуковский начал работать над «Ивановым вечером» в 1822г., однако балладу два года не удавалось напечатать. Так как события происходят накануне празднования рождения Иоанна Крестителя, цензоры посчитали, что кощунственно грешить в такой день. Они потребовали убрать упоминания священников, монахов, приглушить фантастические элементы и добавить описание мук совести главных героев. Однако

благодаря усилиям кн. А. Н. Голицына балладу удалось опубликовать почти без изменений в «Новостях литературы» в 1824 году [1, с. 386–387].

Как и во всем своем переводном творчестве, В. А. Жуковский не стремится здесь к формальной точности: он изменяет стихотворный размер, делает сюжетные и стилистические правки, вкладывает в текст свои этические и эстетические принципы, создавая похожий, но не идентичный подлиннику художественный мир. Это становится особенно заметно при анализе образной системы, религиозного колорита и концептосферы подлинника и перевода баллады.

Характеры персонажей. Следуя сентименталистской эстетике, В. А. Жуковский изменяет характеры персонажей, смягчает резкость их черт, уделяет больше внимания описанию их внутренних состояний. Е. Г. Эткинд указывает, что таким образом переводчик стремится придать тексту стилевое единство: «В оригинале речи персонажей отличаются как друг от друга, так и от речи автора. У Жуковского нет различий между всеми этими формами речи, они унифицированы единой авторской интонацией» [5, с. 104].

Так, у В. Скотта владелец Смальгольмского замка – варвар, у которого дикий и необузданный нрав, речь его проста и груба. Когда барону кажется, что паж его обманывает, он три раза повторяет обвинение во лжи: «Ты лжёшь, ты лжёшь, мой маленький паж, ты нагло лжёшь мне!» («*Thou liest, thou liest, thou little foot-page, / Loud dost thou lie to me!*»). В переводе эта резкость смягчена, в обращении к пажу отсутствует злость или раздражение: «*Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой...*».

В оригинале леди говорит возлюбленному, склоняя его к свиданию: «Да что ты, слабодушный рыцарь! Ты не должен говорить мне «нет». Этот вечер приятен, и когда любовники встречаются, стоит целого летнего дня». Можно сказать, что она обвиняет его в трусости и почти прогоняет. У В. А. Жуковского ее речь звучит мягче и возвышенной, чем в подлиннике:

<i>Now, out on thee, faint-hearted knight!</i>	<i>О, сомнение прочь! безмятежная ночь</i>
<i>Thou shouldst not say me nay;</i>	<i>Пред великим Ивановым днем</i>
<i>For the eve is sweet, and when lovers meet,</i>	<i>И тиха, и темна, и свиданьям она</i>
<i>Is worth the whole summer's day.</i>	<i>Благосклонна в молчанье своем.</i>

В некоторых случаях подобные изменения приводят к стилевым несоответствиям, утрате правдоподобности. Так, строки, в которых описывается реакция барона на известия от пажа («*и хладел, и бледнел, и дрожал*»), выглядят странно в отношении воина в боевых доспехах, а выражения «*малютка*» и «*младенец*» едва ли можно назвать уместными по отношению к юноше-пажу.

Языческое и христианское в балладе. Баллада «Иванов вечер», как и одноимённый праздник, сочетает в себе христианские и языческие черты. Как в России, так и в Англии, Иванов день был связан с летним солнцестоянием и отмечался в ночь с 23 на 24 июня. Издревле этот

праздник считался днем магии, волшебства, солнца и любви. В Средние века церковь пыталась объединить языческий Иванов день с христианским Днем Святого Иоанна Крестителя, но традиции празднования во многом оставались прежними. Часть из них отразилась в балладе. Так, с английским обычаем разжигать костры на высоких холмах в Иванову ночь созвучны проходящие сквозь весь текст упоминания об огнях маяков, которые предупреждали о наступлении врагов.

Кроме того, считалось, что в Иванов день злые духи и души умерших имеют особую силу. Это поверье находит свое отражение и в балладе В. Скотта. Обещая прийти в Иванов вечер на свидание к леди, рыцарь говорит: «Я буду в твоей спальне в одинокий полуночный час, когда злые духи обретают силу» («*At the lone midnight hour, when bad spirits have power, / In thy chamber will I be*»). В переводе В. А. Жуковский эту подробность не упоминает, в результате чего в образе рыцаря приглушается демонический оттенок. Опускает переводчик и эротический подтекст, присутствующий в оригинале: «*Но полуночный час благосклонен для нас: / Я приду под защитой мглы*».

Хотя в Иванов день души мертвых становятся особенно сильными и близкими к миру людей, все же их сила ограничена, а языческий мир оказывается в балладе слабее мира христианского. Например, дух умершего рыцаря имеет способность быть невидимым – и для собак, и для часового, и для барона. Но он не может скрыться от священника, спящего в келье на востоке («*Yet there sleepeth a priest in the chamber to the east, / And my footstep he would know*»). И здесь еще одно различие с текстом В. А. Жуковского: в английской версии священник получает возможность узнать о приближении рыцаря даже несмотря на то, что он спит, а в переводе эта «прозорливость» – результат того, что священник, наоборот, «не спит по ночам». Эту деталь можно понимать не только как физическое бодрствование, но и как духовную активность, непрерывное бдение – одно из ключевых для христианской аскетики понятий.

Смешение языческих ритуалов и христианских святынь присутствует и в строках, где леди заклинает рыцаря прийти к ней именем святого Ивана дня и «черным крестом Мелроуза» (распятие из черного мрамора, одна из величайших святынь Шотландии [6, с. 592]): «*So, by the black rood-stone, and by Holy St. John, / I conjure thee, my love, to be there!*». В переводе леди также заклинает возлюбленного Ивановым днем, но читатель узнаёт об этом уже из речи Ричарда Кольдингама. При этом В. А. Жуковский опускает упоминание физического артефакта, с помощью которого осуществляется заклинательное действие («черный крест»), в результате чего магический оттенок этой фразы в переводе ослабляется: «*И сюда с высоты не сошел бы... но ты / Заклинала Ивановым днем*».

Не упоминает В. А. Жуковский и о месте, где находится могила рыцаря (под Эльдонским деревом). Между тем, эта деталь не случайна – согласно шотландским легендам, у этого дерева находится вход в

потусторонний, волшебный мир. Именно там Томас Рифмач, полумифический поэт и музыкант, впервые встретил Королеву эльфов и впоследствии писал свои пророчества. Вероятно, В. А. Жуковский не включает эти реалии в текст баллады, чтобы не перегружать русского читателя незнакомыми названиями. Одновременно с этим им поддерживается курс на систематическое ослабление языческого элемента, что, вероятно, связано с мировоззрением поэта и с требованиями цензуры.

С точки зрения христианской традиции, название праздника, в канун которого происходят события баллады, также является символичным. Иоанн Креститель, которому посвящен этот день, известен не только как Предтеча Христа, но и как учитель покаяния. И здесь обнаруживается связь между содержанием его проповедей и нравственной коллизией произведения, которая, согласно Ю. М. Прозорову, «завязывается там, где создается необходимость сложного выбора между любовью и законом, преступлением и покаянием, своеволием и христианским спасением» [3, с. 43]. Барон и его жена выбирают последнее, и, приняв монашеский сан, проводят в покаянии остаток дней. Примечательно, что такой финал не является типичным для народных баллад – в них грешникам, как правило, приходится платить за свое преступление смертью.

Однако указывая на нравственную перемену, произошедшую в героях, В. Скотт избегает излишней нравоучительности. В примечаниях к балладе В. А. Жуковский отмечает мастерство автора, который, «вместо того, чтобы с школьным риторством описывать первые действия раскаяния, почти всегда одинаковые, ...вдруг переносит читателя к другой эпохе», когда «даже память ужасного, сверхъестественного происшествия изглажена иными новейшими, но для виновных ничего не миновалось» [Цит. по: 1, с. 390]. Этот «перенос» в другую эпоху достигается в оригинале и в переводе разными способами. Если В. А. Жуковский, по замечанию Б. Г. Реизова, прежде всего изображает внутреннее состояние кающихся персонажей («грустна», на свет не глядит», «дичится людей»), то В. Скотт концентрируется на внешних проявлениях нравственного чувства, сообщая, что барон принял обет не видеть дневного света, а леди дала обет молчания [4, с. 444].

В. А. Жуковский углубляет картину духовной жизни персонажей, усиливает дидактическое начало. Так, он дает нравственную оценку персонажам, трижды называя барона убийцей, чего нет в подлиннике. Показательны и строки, в которых описывается встреча барона и его жены. В переводе жена барона «пошла в свой покой с наклоненной главой», очевидно, испытывая чувство вины. В оригинале нет этой детали – В. Скотт упоминает лишь то, что леди «спустилась по лестнице в свою прекрасную комнату, и так же поступил ее угрюмый супруг».

Религиозный колорит. Переводя «Иванов вечер», В. А. Жуковский заменяет особенности, свойственные католицизму, на черты, присущие православия. Эти изменения служат не для того, чтобы «русифицировать»

балладу, изменить место её действия, а для того, чтобы приспособить содержание английского подлинника к сознанию русского читателя. Так, он меняет католическую погребальную мессу («*mass-rite*») на принятую в православии «*панихиду*»; вводит «*чернецов*» (монашествующее духовенство в православии) вместо монахов в белом («*white monks*»), которые, судя по цвету их одеяния и месту жительства (Драйбургское аббатство) принадлежат к католическому ордену премонстрантов.

Обращения к Деве Марии («*by Mary*», «*by Mary's might*», «*for the holy Virgin's sake*») В. А. Жуковский заменяет воззваниями к «*Небесам*», «*Творцу*», что, по-видимому, связано с большей распространенностью марианского культа в католической культуре. Также можно заметить, что В. А. Жуковский здесь придерживается благочестивой православной традиции, которая предписывает избегать упоминания имени Бога и святых всуе (для наглядности можно сравнить католическую молитву «*Ave Maria, gratia plena*» и православную «Богородице Дево, радуйся»).

В целом, изменения, внесенные в балладу В. А. Жуковским, направлены на то, чтобы сделать переводимое произведение неотъемлемым фактом русской культуры, ввести его в русскую литературу в качестве полноценного её представителя, при этом сохранив балладный стиль и очарование средневекового шотландского колорита. Учитывая влияние, которое балладные интерпретации В. А. Жуковского (в том числе и «Замок Смальгольм») оказали на развитие русского поэтического перевода и литературной мысли, можно сказать, что его переводческая стратегия оправдала себя.

Список использованных источников

1. Жиликова Э. Примечания к текстам баллад // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – Т.3. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 263–443.
2. Микитюк С. С. Русская рецепция поэзии В. Скотта [Электронный ресурс] // Материалы «Чтений памяти Л. Я. Лившица». – <http://www.levlivshits.org/index.php/materials/doklady/-148-2010-10-13-1ff-20-35.html>. (дата обращения 8.01.2018).
3. Прозоров Ю. М. «Занялся от страха дух...»: «Ужасное» в эстетике и поэзии Жуковского // Все страхи мира: homo в литературе и искусстве: сб. статей. СПб., Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 19–50.
4. Реизов Б. Г. В. А. Жуковский, переводчик Вальтера Скотта («Иванов вечер») // Русско-европейские литературные связи. М., Л.: Наука, 1966. С. 439–446.
5. Эткин Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973. 250 с.
6. Scott Walter. The Poetical Works of Walter Scott [Electronic Resource]. Merrill, 1847. – Mode of access: URL: <https://books.google.com.ua/books?id=507NUfLLdOQC> (дата обращения 8.01.2018).

УДК 811. 12

**ОБРАЩЕНИЕ КАК РЕЧЕВАЯ ФОРМА ЭТИКЕТА
В РОМАНЕ Г. СЕНКЕВИЧА «ПАН ВОЛОДЫЁВСКИЙ»
В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

В. Шетэля,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
контрастивной лингвистики Института иностранных языков
Московского педагогического государственного университета, г. Москва*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о переводе на русский язык текстов художественной польской литературы. Дается широкий комментарий по специфике значений слов и выражений из области речевых форм этикета (обращение), употребленных автором и его переводчиком. В статье предпринята попытка на примере обращения как речевой формы этикета проследить способы перевода на русский язык иногда специфических форм польской речи. Отмечается, что данные единицы имеют и общие межъязыковые черты, но в некоторых случаях отличаются своей национальной спецификой.

Ключевые слова: лексический материал, перевод, переводчик, речь персонажа, самобытная народная речь, словарь, этимология.

Summary. The article discusses the issue of translation into Russian language of the texts of the art of Polish literature. Gives a broad review on the specifics of the meanings of words and expressions from the field of etiquette (treatment) used by the author and his translator. In the article the attempt is made on the example of the treatment as verbal forms of etiquette to follow the ways of translation into Russian language sometimes specific forms of Polish speech. It is noted that these units have some common language features, but in some cases differ in their national specificities.

Key words: lexical material, translation, translator, speech character, distinctive folk speech, dictionary, etymology.

Роман «Пан Володыёвский» Генрика Сенкевича – последний из цикла исторических романов «Трилогии», посвящен войне Речи Посполитой с Османской империей. На этом историческом фоне развиваются сюжетные линии романа. Поначалу любовный сюжет – классический «треугольник», в котором о руку одной девушки в конкуры выступают, овеянные военной славой пан Володыёвский и его друг Кетлинг. Эта часть романа о любовном соперничестве героев заканчивается браком и Володыёвского и Кетлинга со своими избранницами. В данной части «Трилогии» встречаются новые и второстепенные персонажами, которые нам известны по двум первым книгам «Огнем и мечом» и «Потоп».

Конечно, все они общаются. Многословностью отличаются многие герои романа, но в этом деле значительного совершенства достиг пан Заглоба, а также многие женские персонажи.

Для анализа речи Заглобы и других, были избраны речевые формы этикета, а в частности, обращение, которое в польской этикетной речи того времени отличалось особой куртуазностью и колоритностью.

В классическом «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (1976 г.) обращение как лингвистический термин определяется следующим образом: «**Обращение.** Слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь» [7, с. 227 – 229]. К кому адресовано обращение, и как оно оформлено, соответственно ли отражены эти языковые факты в переводах романа на русский язык – вот основные вопросы, требующие своего ответа.

Особым обращением является обращение к Богу, см.: «*Panie – mówię – tam oto garść rachołów... Panie! Panie!... Czemuś tak nie uczynił, o Panie?*» [11, s. 279] и русский перевод этого обращения: «Господи, – говорю, – есть у меня сотня добрых молодцов... Господи! Почему Ты таково не поступил, Господи?» [8, с. 229–230]. Слово *Panie*, предложная форма *o Panie* соответствует по смыслу обращению Господи.

Самым простым обращением, которое не доставляет проблем переводчику, является обращение по имени. См. пример: «– *Janie, to służba publiczna! – odparł surowo Zagłoba*» [11, s. 19] и соответствующий перевод: «Опомнись, Ян, тут интерес государственный! – сурово возразил ему Заглоба» [8, с.16].

Возможны обращения по имени + пан, а также пани, панна: «*Nagle spojrział bliżej, ręce roztworzył i zakrzyknął: – Panie Michale! Panie Michale!*» [11, s. 43] и «Но, присмотревшись, раскинул руки и воскликнул: – Пан Михал! Пан Михал!» [8, с.36]. Разница здесь только в том, что обращение в русском языке дано в И. падеже.

Если речь об обращениях подобного рода к женщинам, то здесь отметим полнейшую или близкую схожесть форм в польском и русском языках. Иногда эти слова заменяются русскими господин, госпожа, барышня, девушка.

Возможны обращения по имени или фамилии с добавлением всех возможных титулов.

Возможны обращения по титулам, как дворянским, так должностным, или же общепринятым в данной социальной среде: «*Mój mospanie! Kiedym siedziesiąty siódmy rok rozpoczął ...*» [11, s. 20] и «Ах, сударь! Когда мне пошел семьдесят седьмой год ...» [8, с.18]. Слово **mospan** или **мосьпан** (сокращение в польском от *mości panie* – «милостивый господин») – здесь в форме звательной: *mospanie*, известно языку русской литературы, см.: «Знаешь, мосьпане! Ведь нам стоит только проехать такое время, в какое мужик успеет вымолотить полкопны жита» [2, с. 317], «– Тебя таки, земляк, бог наделил детьми? – сказал гость наш своему хозяину. – Да, не без того, мосьпане! – всех-то их у меня семеро» [2, с. 324]; «Ты, мосьпане, забыл, похоже, Меж интрижек и пиров Договор на бычьей коже, Что твоя скрепила кровь». А. Мицкевич «Пани Твардовская» в перевод. Д. Б. Кедрина [6,

с. 295]. Подобное обращение характерно для юго-западной России того периода или же для литературы, переведенной на польский язык. Переводчик здесь счел нужным перевести **mospanie** на **сударь**.

Речевой оборот **mości dobrodzieju** переводится на русский язык почти, что теми же русскими словами, как в предыдущем случае: **достопочтимый сударь**, см.: «Ale, proszę, to waszmość do Raszkowa z tą oto piękną panną jedziesz? – Muc to zwyczajny, nie żadna pięknosc, mości dobrodzieju» [11, s. 323] и «Так значит, ваша милость, вы с этой прелестной барышней в Рашков едете? – Прелестная барышня! Малявка она еще, достопочтимый сударь» [8, с. 269].

Слово **dobrodziej** или **добродзеи, добродей, пан добродзей** (*dobrodziej, pan dobrodziej*): встречается в языке русской литературы, как заменяющие слова – «благодетель», *уст.* «сударь, батюшка, батенька (обращение)» [10, с. 67]. См. примеры на употребление этих форм в русской литературе: «– Эх, добродию! Если бы теперь кто сказал: „А ну, старый, гайда на войну бить ляхов!” – все бы продал, и жинку и детей бы покинул, пошел бы в компайство» [2, с. 287], «Спохватились сдуру и разломали мосты; так вам, добродию, чтоб не пришлось давать больших объездов» [2, с. 317]; «Ясновельможный добродей! – отвечал Кишинский. – Я стою перед тобою виноватым, это правда; но кто же этому причиной, как не сам пан?» [9, с. 610]; «Ясновельможный пан добродей! ... третьего дня был у вас президент...» [1, с. 1]; «Не легко жилось мужику под властью ясновельможных; эти добродзеи неустанно заботились об усовершенствовании способа стрижки хлопков; добродзей милостиво издевались над измученным народом» [3, с. 561]; «Он сразу заговорил по-польски: Есть у меня, пане добродзею, гусь» [5, с. 425]; *пане добродзею* (Польский колдун, с. 7); «Прошу внимания, паны добродзей, – произнес особенно торжественно Жвирждовский» [4, с. 71].

Указанные выше примеры показывают обращение к одному человеку или группе лиц одного пола – **dobrodzieje**, т.е. «лица, делающие добро». Имеются в тексте Г. Сенкевича и обращения к группе людей, состоящей из мужчин и женщин, см.: **imć państwa łaskawców (prosić)**, которое-то обращение переводится следующим образом: сударыня- благодетельница и милостивый государь. Попутно отметим, что слова *dziewka, dziewce* уменьшительное от *dziewczyna* для названия панны, т.е. благородного происхождения девушки, отражают в тексте разговорный характер обиходной речи XVII в.: «Chciałem imć państwa łaskawców o gościnność dla dziewczki prosić... <...> samej dziewce w domie niebezpieczno» [11, s. 325] и «Хотелось мне, сударыня- благодетельница и милостивый государь, просить вас девку мою приютить... <...> дома девке одной небезопасно» [8, с. 270]. Многозначное слово **państwo**, как «государство», или как обращение к группе лиц обоего пола, как раз содержит это множество лиц. Эту особенность была передана, как видим, «раздельно»: «сударыня- благодетельница» и «милостивый государь».

Текст романа содержит и другие формы обращений. Мы представили из них самые характерные для романа и для польской речи.

Итак, благодаря перу Г. Сенкевича благодарный читатель узнает не только о захватывающих приключениях героев романа, а и здесь дана характеристика персонажа через его речь, через посредство речевых форм этикета, а в частности, через обращение. Сравнивая употребление подобных форм в подлиннике и способ их перевода в русских текстах можно призадуматься над тем, во-первых, уместно ли в переводе употреблены польские заимствования, а во-вторых, насколько при необходимой его замене русских соответствием был сохранен колорит произведения, рассказывающего о давно прошедшем времени. Значительная работа, проделанная переводчиком, может быть, все же не всегда соответствовала намерениям автора. Переводчик, прежде всего, передавал сюжет, не вдаваясь в детали, но все же любознательный читатель вправе задаваться вопросом о формах польского речевого этикета. Не исказилась ли из-за этих незначительных недомолвок историческая правда? Хотя, по сути, в самом деле, главным в романе, действительно, является захватывающий сюжет, а речевые формы этикета является лишь только скрашивающими речь героев элементами.

Список использованных источников

1. Газета «Санкт-Петербургские ведомости», СПб., № 16, 16 (28) янв.1870. С. 1.
2. Гоголь Н. В. Гетьман // Собрание сочинений в шести томах. М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. – Т.1. С. 282–327.
3. Вперед! Двухнедельное обозрение. Лондон, 1876. Т. 1, № 18. (Год первый) 1875.
4. Лажечников И. И. Внучка панцырного боярина // Полн. собр. соч. СПб., 1899. – Т.4.
5. Лесков Н. С. Антука // Собр. соч. СПб., 1889. – Т.V.
6. Польская лирика в переводах русских поэтов / Б.Слуцкий и Б.Стахеева. Вступ. статья: Б.Слуцкого. Примеч.: Б.Стахеева. М.: Худ. лит., 1969.
7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
8. Сенкевич Г. Пан Володыёвский. Роман [Текст] / Генрик Сенкевич. М., 2011. 575 с.
9. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Мысль, 1995.
10. Стыпула Р., Ковалёва Г.В. Новый польско-русский словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., Медиа, 2005.
11. Sienkiewicz H. Pan Wołodyjowski. Powieść. Warszawa, 1960. 711 s.

УДК 94(315)

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДНЫХ КИТАЙСКИХ
ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА
ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ*****Д. П. Шульга****старший преподаватель кафедры Мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, Новосибирск*

Аннотация: В нашей статье были рассмотрены особенности летописных источников в отношении соседей Китая (дунху, сюнну, западных жунов, северных ди, южных мань, восточных и), а также были кратко проанализированы представления об идеальном полководце до III в н.э. Пристальное внимание уделяется идее идеального военного лидера в трактате «Вертоград полководца». Эта работа традиционно приписывалась Чжугэ Ляну, однако авторство спорно.

Ключевые слова: китайский язык, военное искусство Китая, Чжугэ Лян, Северный Китай, письменные источники.

Summary: In our paper we took a view on chronical features in relation to China's neighbors (donghu, western rong, northern di, southern man, eastern yi), as well as ancient Chinese philosophical schools and war thinkers concepts of ideal military leader up to the III cent. A.D. have been analyzed. The close attention is paid to the ideal military leader concept in Zhuge Liang's treatise «Jiang Yuan». We have considered the ideal military leader concepts in ancient Chinese philosophical schools, in military thinker's works of the III B.C., as well as in Zhuge Liang's works, based on the «Jiang Yuan» treatise.

Key words: Chinese language, Chinese military art, Zhuge Liang, North China, written sources.

В процессе исследования прошлого Северного Китая преимущественно привлекаются четыре представительных древнекитайских письменных источника. Три из них переведены востоковедами на русский язык: «Исторические записки» (109–91 гг. до н.э.) Сыма Цяня, охватывающие события от мифического Желтого 14 императора до Западной Хань; «История династии Поздняя Хань» автора Фань Е – продолжение исторической хроники Ханьшу, охватывающее события 25–200 гг. н.э.; «Троецарствие» (не роман) историка Чэнь Шоу (период с 189 по 280 гг. н.э.). Все три исторических труда входят в китайской традиции «Двадцать четыре истории». Помимо названных выше, автором настоящей статьи был переведен, снабжён комментариями и введен в научный оборот трактат «Вертоград полководца», авторство которого приписывается деятелю эпохи Троецарствия Чжугэ Ляну (наиболее ранний экземпляр датируется эпохой Сун, так что авторство сомнительно). Поскольку источник ранее не был переведён, уместно кратко охарактеризовать его. В ходе своего описания мы будем исходить из признанного традицией авторства, так как глубинный анализ выходит за

рамки настоящей диссертации. Так или иначе, для нас важно, что военный трактат появился в первые века нашей эры, т.е. уже в эпоху хунну или даже позже. Первоначально данный трактат назывался «Чжугэ Лян чжуань» (诸葛亮撰) (Сочинения Чжугэ Ляна). При династии Сун он именовался «Цзянь юань» (将苑) (Вертоград полководца). При династии Мин он назывался «Синь Шу» (心书) (можно перевести как «Книга раздумий»), а также «Синь Шу» (新书) (Новая книга) [1, с. 182]. Нам ближе название «Военный трактат Чжугэ Ляна», которое избрано издательством «Яньшань чубаньшэ» [3]. До современности дошли издания династий Мин и Цин. Они включают в себя три составляющих: «Чжугэ Лян цзи» (собрание сочинений Чжугэ Ляна), сочинения Чжугэ Ляна и отдельные фрагменты из его сочинений. Для широкой публики этот вариант был напечатан в 1926 г. в городе Чэнду издательской фирмой Чанфу [1, с. 182]. В трактате «Сокровищница полководца», присутствуют ссылки на военные трактаты «Сунь-цзы», «У-цзы», «Сыма фа» и «Шесть секретных учений Тай-гуна» [3, с. 8]. «Военный трактат Чжугэ Ляна» состоит из пятидесяти глав, где с разных сторон рассматривается «Дао» полководца. Главы внешне между собой не связаны, но рассуждение охватывает семь сфер: вопросы морально-этической подготовки; взаимоотношения полководца и монарха; вопросы подбора кадрового состава и подготовки его; необходимые для полководца качества; вопросы военной дисциплины; практические советы по военной стратегии; краткая характеристика окружающих народов [1, с. 182]. В сочинении более половины глав посвящены вопросам подготовки полководца и необходимых для него качеств. Например, глава 14: «Для достижения победы полководцу необходимы следующие качества: обязательное следование законам природы, умение использовать момент, способность учитывать особенности солдат. Когда имеются благоприятные условия и люди готовы к действиям, но отсутствует благоприятный момент, данная ситуация может быть названа «Вопреки моменту». Когда присутствует благоприятный момент и люди готовы к действиям, но отсутствуют благоприятные условия, то данная ситуация может быть названа «Вопреки законам природы». Когда присутствует благоприятный момент и имеются благоприятные условия, но люди не желают воевать, то данная ситуация может быть названа «Вопреки духу армии». Мудрец не идёт против законов природы, момента и воли всей армии» [4, с. 100].

Четверть трактата посвящена вопросам подготовки армии. Примером тут может служить глава 30: «Офицеры во время походов должны обсуждать все плюсы и минусы текущих дел с остальной частью армии и докладывать обо всём военачальникам. В армии есть люди, имеющие все различные таланты и способности: есть красноречивые, есть способные строить необыкновенные планы, есть люди с широким кругозором. Эти талантливые люди могут стать офицерами высшего звена. Есть люди

храбрые словно тигры, быстрые словно обезьяны, твёрдые словно железо и грозные словно меч дракона. Эти герои могут стать офицерами среднего звена. Есть люди, которые много говорят, но лишь часть их слов есть истина. Также есть люди, которые не обладают многими талантами, а по силе равны обычному человеку. Эти люди могут стать офицерами низшего звена» [4, с. 110].

Оставшаяся четверть «Вертограда полководца» остальным проблемам, например, там описывались «варвары». В отличие от своих предшественников, автор, отождествляемый традицией с Чжугэ Ляном, не включает в трактат главы, затрагивающие вопросы политики, и заостряет внимание на проблемах военной науки, а именно: на подготовке полководца и необходимом для него наборе знаний. Видимо, это связано с постоянным состоянием войны, в котором находились современные автору трактата царства Шу, У и Вэй после распада империи Хань. В контексте темы диссертационного исследования более всего нас интересует редкий для жанра военных трактатов раздел «Краткая характеристика окружающих народов». Соседи Китая рассматриваются в главах: 47. «Восточные и», 48. «Южные мань», 49. «Западные жуны», 50. «Северные ди» [3, с. 140–144]. На этих страницах описываются соседи Китая: их обычаи, нравы, хозяйство; отдельно подчёркивает «слабые места», методы обороны и нападения на них. Например, про жунов написано: «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны; некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь; корма в их землях не хватает, но много золота и серебра. Таким образом, эти люди от природы наделены огромным мужеством, их очень трудно одолеть. К западу от пустыни обитает масса различных племён и народов, край тот обширен, местность труднопроходима. Привыкшие к постоянной войне, жуны не сдаются в плен, у них мятежное сердце, так что мы должны ждать, пока они не подвергнутся внешнему вторжению, следует иметь с ними дело в дни их внутренних противоречий» [4, с. 119].

В контексте того, что реальное авторство не установлено, использование данного трактата производится с осторожностью. Тем не менее, он, вероятно, базировался на записях эпох, предшествовавших Сун, и в контексте общих описаний номадов вполне соотносится с другими историческими сочинениями Китая. Сыма Цянь (145–86 гг. до н.э.), Фань Е (398–445 н.э.), Чжугэ Лян (181–234 гг. н.э.) и Чэнь Шоу (233–297 гг. н.э.), будучи государственными деятелями, все в разной степени известны своими описаниями соседей Поднебесной. Хотя они не были современниками описываемых ими событий, в их трактатах много ценной информации. Китайские авторы довольно подробно описывают жизнь «северных варваров». И эти сведения дают информацию для анализа, сопоставления с собственно археологическими данными, могут быть полезны для выводов и реконструкций разного рода. У китайских специалистов-археологов традиция использования древних летописей устойчива. Это представляется

вполне допустимым и полезным. Однако при этом необходим критический подход к сведениям летописцев. Например, стоит изначально очень осторожно относиться к «этническим» наименованиям, которые можно почерпнуть из трудов древнекитайских историков. На наш взгляд, это проистекает из характера самих источников. Нельзя забывать того факта, что интерес летописцев был сугубо политическим, а не этнографическим. Народы внезапно пропадали из записей, не обязательно из-за истребления, а потеряв силу, став не интересными для внешней политики государств Центральной равнины. Скажем, сообщения о киданях учащаются сообразно увеличению их мощи [2, с. 48–50]. Когда хунну ослабили, про них стали меньше писать. Но то, что они в V в. н.э. создали своё государство Ся, было отмечено, так как имело влияние на ситуацию в Поднебесной. Избранные нами для рассмотрения в диссертации культуры янлан и маоцингоу куда более дискуссионны с этнической точки зрения, чем соседствующая и родственная обеим культура юйхуанмяо, относящаяся к северо-восточному ареалу. Показательны и рассуждения автора приписываемого Чжугэ Ляну трактата с описаниями «варваров» четырёх сторон света. Все они представлены алчными и воинственными, не имеющими постоянной государственности. Вот описание «восточных и» и «южных мань»: «Особенности восточных народов: пренебрежение ритуалами, отсутствие добродетелей и воинственность. Они скоры на расправу. Проживая рядом с горами и морями, они используют этот рельеф для обороны. Внутри их страны царит мир и согласие. Простой народ живёт в благоденствии, поэтому они никогда не замышляют нападений. Если среди знати происходит мятеж, то среди простого народа начинают проявляться сепаратистские настроения. В такой ситуации можно начинать заниматься подрывной деятельностью, что приведёт их к расколу. Затем можно использовать гуманность и добродетель для привлечения их на свою сторону или же напасть на них с мощной армией, что непременно приведёт к победе...»; «Южные народы многочисленны, и их натуру невозможно изменить. Они постоянно образуют союзы племён, преследуя общие интересы. Как только исчезает польза от их союзов, они нападают друг на друга <...> Есть те, которые собираются вместе. Есть те, которые рассредоточиваются повсюду – на западе до хребта Куньлунь, на востоке до морей. Рядом с морем имеется множество редких товаров, поэтому они жадные и искусные в войне. Весной и летом они часто заболевают. Именно это время подходит для нападения на них. Они не смогут долго сопротивляться...» [4, с. 118].

Из этих достаточно схематичных описаний делается сугубо военно-политический вывод: «Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтоб,

пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании расстроить планы противника» [3, с. 141–143].

Список использованных источников:

1. Сюй Баолин. Чжунго биншу тунцзе. [许保林. 中国兵书通览. 解放军出版社] Обзор книг по китайскому военному искусству / Баолин Сюй. Пекин: Цзефаньцзюньчучубаньшэ, 2002. 182 с.
2. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / В.С. Таскин. М.: Наука. 1984. 486 с.
3. Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биншу. [诸葛亮. 诸葛亮兵书] Военная книга Чжугэ Ляна / Лян Чжугэ. Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. 322 с.
4. Шульга Д. П., Мерзликин А. А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147 с.

УДК 811 111 378

**СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ГЛАГОЛЬНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ**

Э. Н. Эмирусейнова,

*старший преподаватель кафедры №3, Институт иностранной
филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Цель статьи – определение общего и специфического в структуре, лексико-морфологическом составе и семантике английских, русских и крымскотатарских глагольных соматических фразеологизмов, выявление закономерностей в их структурной организации, анализ лингвистических основ образования фразеологизмов, сопоставительный анализ семантики глагольных фразеологизмов методом семантического поля.

Ключевые слова: семантико-стилистические характеристики, лингвистические и экстралингвистические факторы фразеологизации, метод семантического поля.

Summary. The comparative analysis of verbal somatic phraseologic units of English, Russian and Crimeantatar languages is conducted in the article. The common and specific features in the structure, lexico-morphological content and semantics of English, Russian and Crimeantatar verbal somatic phraseologic units have been defined. The analysis of the linguistic principles of formation phraseologic units, comparative analysis of semantics of English, Russian and Crimeantatar verbal somatic phraseologic units by the method of semantic fields has been considered in the article.

Key words: lexico-morphological content and semantics of English, Russian and Crimeantatar verbal somatic phraseologic units, the analysis of the

linguistic principles of formation phraseologic units, the method of semantic fields.

В данной статье рассматривается один из самых многочисленных типологических однородных разрядов соматической фразеологии англ, рус, крымскотатарского языков – глагольные соматические фразеологизмы номинативного и номинативно-коммуникативного классов, которые могут выступать в предложении в функции сказуемого как, например, англ. lose one's head, break smb's heart ср. рус. потерять голову, разбить сердце, ср. кр. тат. – башыны джоймакъ, юрегени парчаламакъ.

Главным способом образования фразеологизмов, в том числе и глагольных соматических, является переосмысление переменных словосочетаний, чаще всего посредством метафоризации и метонимизации. Большинство фразеологизмов сопоставляемых языков образовано путем различных видов метафорического переосмысления: а) перенос по сходству действия или общего впечатления от действия (самый распространенный вид) – ср. англ. take back on (upon) smb.'s (smth.); ср. русск. сидеть на шее у кого-то, и кр. тат. башына миндермек (посадить на голову); б) перенос по сходству состояния или положения (реже) – ср. англ. lie on one's hands; ср. русск. стоять на коленях; ср. кр. тат. аякъларына йыкъылмакъ, аякъ астында олмакъ; в) гиперболическая метафора (небольшая группа единиц) – ср. англ. cry one's eyes out, ср. русск. выплакать глаза, и кр. тат. козюнь дёрт олмакъ; вследствие сознательного, иногда гротескного преувеличения масштабов действия этим единицам свойственна особая экспрессивность; г) метафора – эвфемистического характера (редко) – ср. англ. go the way of all flesh и ср. русск. отправиться к праотцам; сложная метафора, построенная на основе вымышленной, нереальной ситуации - ср. англ. have bees in one's head; ср. русск. иметь тараканы в голове, bite smb.'s nose off, ср. кр. тат. башыны джоймакъ, агъызынъен къуш тутмакъ, башы кокке тиймек; ср. русск. спать без задних ног; образность подобного типа фразеологической единицы, как правило, отличается национальным своеобразием.

Метонимические фразеологизмы в составе фразеологизмов сопоставляемых языков встречаются значительно реже. В основе метонимического переосмысления переменных словосочетаний лежат различные виды ассоциаций по смежности: а) название органа вместо функции – ср. англ. strain one's ears; ср. русск. наострить уши и ср. кр. тат. агъызынъ ачылмакъ; б) название сопутствующего действия или состояния в качестве образного наименования явления – ср. англ. hang one's head; ср. русск. повесить голову; ср. кр. тат. баш эгмек; в) употребления символа вместо названия – ср. англ. save one's face и ср. русск. лицом к лицу, сердце упало, сердце разорвалось на части, спасти душу; ср. кр. тат. гонъюль бермек; г) синекдохическая замена целого – частью, реже части – целым – ср. англ. put one's nose in; fall into smb.'s hands и ср. русск. совать нос в, попасть в руки; ср. кр. тат. – бурун сокъмакъ.

Нередко метонимическое переосмысление фразеологизмов осложняется внутренней метафоризацией, которая заметно усиливает экспрессивно-эмоциональную тональность таких оборотов – ср. английские метонимические фразеологизмы: *suck smb.'s blood* и ср. русск. пить чью-либо кровь; *get out of hand* и ср. русск. отбиться от рук; ср. кр. тат. башына кьабакъ патламакъ.

В сопоставляемых языках метафорическое и метонимическое переосмысление фразеологизмов осуществляется на основе одних и тех же видов переноса, но образная структура фразеологизмов вследствие преобладающего несоответствия ассоциативно-образного мышления носителей этих языков в большинстве случаев сохраняет свою национальную специфику.

В сопоставляемых языках в составе исследуемых фразеологизмов выделяется сравнительно многочисленная группа единиц, образную основу которых составляют выразительные движения тела, жесты, мимика. Это так называемые фразеологические совмещения, в которых прямое значение совмещается с традиционно символическим, дополнительно-уточняющим значением всего словосочетания. В большинстве случаев это единицы бинарной структуры, передающие широкую гамму человеческих чувств, настроений, характеризующие взаимоотношения между людьми - ср. англ. *rub one's hands*, *bite one's lip*, и ср. русск. потирать руки, кусать губы; ср. кр. тат. кокюсине кьолунъы кьоймакъ (дословно – приставить руку к груди) – проявить уважение, показать уважение. Отличительной особенностью единиц этого типа является их способность приобретать переносное значение, сохраняя при этом элемент традиционного символического значения жеста, мимики.

Для фразеологизмов весьма характерно явление повторной метафоризации, в результате которой достигается расширение смысловой структуры фразеологизма, фразеологизм становится полисемантическим. Количество единиц такого типа среди фразеологизмов сопоставляемых языков примерно одинаково, но их семантическая структура в английском, русском и крымскотатарском языках различна.

Большинство фразеологизмов сопоставляемых языков характеризуется полностью переосмысленным значением. Фразеологизмы с частично переосмысленным значением составляют в каждом из сопоставляемых языков сравнительно небольшую группу. Общими для сопоставляемых языков являются и основные типы фразеологических значений рассматриваемых фразеологизмов. Исследуемые фразеологизмы - это преимущественно единицы с целостным номинативным (ср. англ. *take heart*, *come to heel*; и ср. русск. прикинуть на глаз, рубить с плеча; ср. кр. тат. козьден кечирмек) и разделительно-целостным номинативным значением (ср. англ. *give smb. lips*, *lose one's nerve*, и ср. русск. открыть глаза на что-то; ср. кр. тат. козюньни ачмакъ, агъызгъа тюшмек). Фразеологизмы с частично-переосмысленным значением (ср. англ. *act in cold blood*, *laugh in*

smb.'s face, и ср. русск. действовать хладнокровно, смеяться в лицо; ср. кр. тат. совукъ къанлы олмакъ, бетине кульмек; в составе фразеологизмов сопоставляемых языков встречаются значительно реже.

Специфика фразеологических значений исследуемых фразеологизмов состоит в том, что структурный элемент разделительности более характерен для английского языка, чем для однотипных единиц русского и крымскотатарского языков.

Свойственная фразеологии выборочность в использовании лексических средств, направленность на определенные понятийные сферы наглядно прослеживается на материале соматической фразеологии.

Для семантики абсолютного большинства фразеологизмов, как английского, так и русского, крымскотатарского языков характерен антропоцентризм: почти все они относятся к семантическому макрополю «Человек».

Семасиологический анализ фразеологизмов сопоставляемых языков с применением метода семантического поля позволил выделить в макрополе «Человек» шесть семантических полей: 1. Развитие человека. 2. Деятельность человека. 3. Психофизическое состояние. 4. Морально-волевые качества человека, манера его поведения. 5. Взаимоотношения между людьми. 6. Семья, быт.

Самые многочисленные группы исследуемых единиц сопоставляемых языков объединяются в семантические поля, характеризующие различные отношения между людьми (ср. англ. give smb. a free hand, crop smb.'s feathers; ср. русск. протянуть руку помощи, утереть нос; ср. кр. тат. гонълюнден къопкъаныны бермек – сделать от души, гонъюль этмек – воодушевить, кокюсинденъ итемек – оттолкнуть от себя), передающие богатую и сложную гамму человеческих чувств, настроений, морально-волевые качества человека, манеру его поведения - ср. англ. take smth. to heart, get oneself in hand; carry (keep) a stiff upper lip; ср. русск. задирать нос, бить себя в грудь, утешать сердце; ср. кр. тат. кокюс кермек, бурнынъы котермек – возгордится, гонълюни алмакъ, котермек – утешить сердце или поднять настроение).

В семантической характеристике фразеологизмов сопоставляемых языков явственно просматривается их народно-разговорный источник; среди исследуемых единиц немало фразеологизмов с назидательно-осуждающей, иронической коннотацией (ср. англ. lie oneself black in the face, sit with idle hands, show the cloven; ср. русск. очернить (лицо) кого-либо, сидеть сложа руки, показать пятки; ср. кр. тат. аякъларынь арткъа тартмакъ, башынъыны тутмакъ - морочить голову, баш бермемек – не соглашаться, башына тюкюрсен, ягъмур дей – плюнешь в лицо скажет божья роса).

Каждое семантическое поле, в свою очередь, подразделяется на более узкие понятийные сферы, своеобразные микрополя. Количество и объем подобных микрополей зависит от характера семантического поля. Семантические поля фразеологизмов, покрывающие сферу эмоций, морально-волевые качества человека, характеризуются не только большим количеством

общих для сопоставляемых языков микрополей, но и четко выраженной контрастностью. Контрастность определяет наличие в их составе антонимических пар (ср. напр. англ. tie smb.'s hands – untie smb.'s hands; ср. русск. связать руки – развязать руки). Для парадигматических отношений исследуемых фразеологизмов еще более характерна синонимичность. В составе многих микрополей, образованных фразеологизмов, выделяется, как правило, несколько разных по объему синонимических рядов.

Семантика большинства фразеологизмов сопоставляемых языков обусловлена лексико-семантическим потенциалом соматического компонента, выступающего обычно семантическим центром фразеологизма, своеобразным индикатором темы. Так, напр., подавляющее большинство оборотов с компонентом heart (сердце) передает мотивы эмоционально-психических состояний (ср. англ. do one's heart good, warm smb's heart; ср. русск. радовать сердце, скрести на сердце; ср. кр. тат. гонъюль багъламакъ – влюбиться, гонъюль къырылмакъ – разбить сердце, гонъюль этмек - воодушевить); значение большинства фразеологизмов, семантическим центром которых выступает лексема hand (рука), связана с общим понятием воздействия на объект, овладения чем-либо, а также с понятием умения или неумения делать что-либо, (ср. англ. set one's hand to smth., be good hand at smth.; ср. русск. набить руку на чем-то; ср. кр. тат. элинден гелмек, эль вермек – помочь); соматический компонент head (голова) выступает в сопоставляемых языках семантическим центром многочисленной группы фразеологизмов с общим значением оценки умственных способностей человека, его умственной деятельности, психофизического состояния и взаимоотношений между людьми (ср. англ. have a good head for smth., comb smb.'s head for him; ср. русск. иметь голову на плечах, морочить голову; ср. кр. тат. башыны тутмакъ (баш айландырмакъ) – морочить голову, башынь чакъмакъ (башы алтындан чыкъмакъ – иметь светлую голову на плечах).

Семасиологический анализ некоторых характерных микрополей, изучение семантических особенностей всего состава фразеологизмов английского, русского и крымскотатарского языков показывает, что в исследуемых языках наблюдается общность фразеологических мотивов, определенных логико-фразеологических идей, воплощающихся во фразеологизмы со специфической для каждого из этих языков образностью. Подтверждением национальной самобытности фразеологии служат данные о различном использовании семантического потенциала лексемы head (голова) в процессе образования фразеологизмов сопоставляемых языков. В составе исследуемых микрополей нередко встречаются фразеологизмы, лексический состав, семантика и образная структура которых совпадают полностью или частично, что свидетельствует о наличии некоторых общих для сопоставляемых языков лингвистических и экстралингвистических факторов фразеологизации.

Данные анализа семантики фразеологизмов методом семантического поля раскрывают своеобразие связи фразеологизмов с действительностью, их системный характер, это определяет важное практическое и дидактическое значение результатов проведенного исследования.

Список использованных источников

1. Буранов Д. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М.: Высшая школа, 1983. 267с.
2. Derlenen Deyimler. Турецкий фразеологический словарь. «Turk ata sozleri». Ankara: Milliyet, 1990. 359 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1967. 250с.
4. Кунин А. В. Англо-русский словарь. М. высшая школа, 1967. 366 с.
5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 240с.

УДК 008:811.12

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОМ АВТОРСКОЙ ВОЛИ В ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»)

Е. С. Янина,

*студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики
коммуникации, Ярославский государственный университет
имени П. Г. Демидова, Ярославль*

Аннотация. Статья посвящена вопросам перевода, основывающегося на концептуальном анализе художественного текста. На примере переводов концептосферы повести «Собачье сердце» рассмотрена репрезентация концепта «разруха» в текстах перевода. Сделан вывод о важности применения концептуального подхода для сохранения авторского замысла и эстетической системы художественного произведения.

Ключевые слова: концептосфера художественного произведения, индивидуально-авторский концепт, идиостиль, стратегия перевода, концепт «разруха».

Summary. The article deals with the issue of the efficient translation based on the fictional preparatory conceptual analysis. On the example of the translated conceptsphere of novelette “The Heart of a Dog” by M. A. Bulgakov, where «разруха» is one of the dominant concepts, it is shown how the translation may be managed.

Key words: fictional conceptsphere, author’s concepts, «разруха» concept, individual style, translation techniques.

Вопросы переводоведения в сфере художественного перевода в целом преследуют одну общую «сверхцель» — передача смысла текста исходного языка средствами языка перевода при минимальных денотативных и коннотативных (эстетических) потерях. Минимизация таковых достигается

посредством использования переводческой стратегии ориентации на автора (а не на адресата), когда переводчик старается сохранить оригинальную, авторскую словоформу, сочетание слов и даже звуков в слове, если это возможно [4, с. 49]. Перевод такого рода не ищет коллокационные соответствия между языками оригинала и перевода, но сохраняет авторский идиостиль, что всегда служит для иностранного читателя дополнительным барьером к пониманию текста. Выходом из затруднительного положения может служить авторский культурно-исторический, биографический и лингвистический комментарий. Однако существуют произведения столь сложные, что комментарий к ним будет превосходить исходные тексты в несколько раз, а читатель, возможно, лишится самого ценного – удовольствия от прочтения текста. В таком случае, переводоведение становится лженаукой, поскольку ключом к удачному переводу является так-называемое «языковое чутье».

Все же, существуют некоторые объективные алгоритмы, помогающие переводчику в расстановке приоритетов. Первым шагом переводчика всегда является постановка задачи. Как правило, в случае с художественным переводом, задача всегда одна – передать смысл при минимальных потерях идиостиля. Переводчик в своем праве выбора стратегий в том или ином случае может поступиться правилом ориентации на автора. Выбор этих случаев соотносим с выбором текстовых доминант – одной из фундаментальных задач переводчика, которую помогает решить концептуальный подход к анализу художественного текста [1, с. 148–149]. Поскольку язык является основным инструментом выражения знаний человека о мире, а также индивидуальным средством творческого самовыражения писателя и воздействия на читателя, переводчик встает перед задачей, во-первых, выяснения писательской индивидуальной картины мира и, во-вторых, концептуального ее переложения с языка оригинала на язык перевода при сохранении системы художественных приемов произведения.

Поясним, что концептосферу художественного произведения мы понимаем, как совокупность концептов, реализованных в нем, а сам концепт – как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная сторона» [2, с. 91]. Специфика концептосферы художественного произведения объясняется наличием в ней, наряду с общекультурными, индивидуально-авторских концептов, конститутивным свойством которых является особая природа ценностного компонента, преобразующая концепт в целом. Особое аксиологическое устройство авторской картины мира создает уникальный художественный мир, построенный по законам своего создателя. Концептуальный анализ произведения с выявлением макроконцептов и уточнением их ценностных компонентов, помогает переводчику уяснить законы, по которым функционирует текстовая реальность и адекватно передать ее на другой язык.

Обратимся для иллюстрации вышеизложенного к концептосфере повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и особенностям ее перевода на английский язык на материале текстов М. Гленни (Michael Glenny), 1978 г. и А. Пайман (Avril Ruman), 1990 г. Исследование концептосферы повести показало, что одним из ключевых макроконцептов ее является концепт «разруха». Бинарной оппозицией ему служит концепт «порядок», репрезентация которого реализуется в образе Филиппа Филипповича и имеет выход в концептуальную систему всего художественного мира М. А. Булгакова («Театральный роман», где Филипп Филиппович – «заведующий внутренним *порядком*»). При рассмотрении функционирования обозначенной пары концептов в тексте произведения обнаружился системный обмен образными и понятийными признаками между этими полярно противоположными концептами. Это наблюдение позволило сделать важные выводы относительно особенностей мировоззрения М. А. Булгакова, включающие соображения об объективных и неизменных законах существования всего живого (диалектика, энтропия, естественный отбор) [5, с. 337].

Из вышеизложенного явствует, насколько важно правильно передать концепт «разруха». За конкретной лексической репрезентацией концепта (в слове «разруха») скрывается вариативная сфера понятийных, ценностных и образных признаков, частично заложенных в тексте, частично данных автором, во многом зависящих от читателя. Однако стартовым моментом в осознании существовании концепта, понимании его важности остается конкретная репрезентация в слове. Проследим, каким образом А. Пайман и М. Гленни перевели концепт «разруха». Хрестоматийная фраза доктора Борменталья «Разруха, Филипп Филиппович!» и последующий монолог Преображенского переведены стратегически по-разному. Основной репрезентантой концепта «разруха» в тексте М. Гленни выступает слово «ruin»:

«Собачье сердце» М. А. Булгаков	«The heart of a dog» M. Glenny
Разруха...	the place is going to ruin
Что такое, эта ваша разруха?	What do you mean by ruin?
У меня настанет разруха.	I was on the road to ruin
В уборной получится разруха.	lavatory would be ruined
Следовательно, разруха сидит не в клозетах...	Ruin, therefore, is not caused by lavatories
Бей разруху!	Stop the ruin!
Разруха исчезнет сама собой.	all this “ruin” will automatically disappear.

В переводе А. Пайман репрезентатой концепта является слово «Disruption»:

«Собачьё сердце» М. А. Булгаков	«The heart of a dog» А. Pyman
Разруха...	It's the Disruption
Что такое, эта ваша разруха?	What is the Disruption of yours?
У меня настанет разруха.	I'll get Disruption.
В уборной получится разруха	We get Disruption in the lavatory
Следовательно, разруха сидит не в клозетах...	So that follows, that Disruption is...
Бей разруху!	Beat Disruption!
Разруха исчезнет сама собой	Disruption will disappear on its own accord.

Словарный анализ выделенных репрезентант (The Consise Oxford Dictionary of English Etymology, 2003; Longman Dictionary of American English, 2009; Oxford Collocation Dictionary by Runice M.), показывает, что, несмотря на этимологическое родство лексем, бытование их в языке сильно разнится. Во-первых, слово *ruin* является и существительным, и глаголом одновременно, что увеличивает его и без того большую валентность. Это слово сочетается и с конкретными предметами вещного мира и с абстрактными явлениями: *to ruin one's career, to ruin the atmosphere, to ruin the art of conversation (TV), to ruin a building, to ruin a chance, to ruin a countryside, to ruin one's health, to ruin the industry, to ruin one's life, to ruin prospects, to ruin reputation, to ruin one's hopes, to ruin one's shoes, to ruin one's self-confidence*. В случаях, когда *ruin* выступает в качестве существительного, наиболее частые связи слово образует с прилагательными *financial* и *economic*, что имеет непосредственное отношение к русскому «разруха». Передает ли слово *ruin* всю концептуальную значимость слова «разруха»? Едва ли. Известно, что чем более широко употребляется слово, тем меньше значения оно имеет. (Так, например, словом *thing* в английском языке можно назвать что угодно.) В соответствии с переводоведческой концепцией Питера Ньюмарка [3, с. 29] (интуитивно близкой концепт-переводу) при передаче индивидуально-авторского стиля нужно избегать любого рода стандартизации или унификации лексики, синтаксиса, грамматического оформления. В переводе М. Гленни разруха, как культурно специфическое явление, тяжело переживаемое автором произведения, не показана, именно потому, что «разруха» с ярким коннотативным слоем, переводится как нейтральное «*ruin*», применимое в равной степени и к вопросам экономики, и к проблемам пищеварения. Более того, устраняется яркая метафора автора «разруха» – «старуха с клюкой», «ведьма», поскольку *ruin* не всегда употребляется как существительное: *the lavatory will be ruined*.

Применение для перевода слова «Disruption» является, с точки зрения концептуального подхода к тексту, более удачным. Во-первых, слово это

функционирует в контекстах, касающихся вопросов государственного масштаба, что следует из регулярной сочетаемости этого существительного с прилагательными *economic, political, social*. Во-вторых, частота употребления этого слова сопоставима с частотой употребления русского «разруха». В-третьих, написание Disruption с прописной буквы, как имени собственного, актуализирует слой значений концепта, связанных с его персонификацией и мистификацией, что приводит читателя к созерцанию культурно-исторической картины России послереволюционных лет.

Стоит отметить, что целью статьи не является оценить качество переводов и выбрать наиболее удачный. Каждый переводчик, безусловно, преследовал собственные цели и выполнял поставленные перед собой задачи с помощью достижений переводоведческой науки своего времени (разница в «возрасте» текстов –12 лет). Нам было интересно показать, как «ускользает» или сохраняется концептуальное значение, а с ним и пласт культуры, и частица авторского замысла при выборе переводчиком стратегии ориентации на читателя (M. Glenny) или на автора (A. Ruman).

Список использованных источников

1. Дзида Н. Н. Концептуальный анализ художественного пространства при переводе // Вестник ЧГПУ. – 2009. – №8. – <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-analiz-hudozhestvennogo-prostranstva-pri-perevode> (дата обращения: 06.02.2018).
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Рябцева Н. К. Концепция художественного перевода Питера Ньюмарка и переводческая техника // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2012. – С. 20–31.
4. Шмелев А. Д. Перевод «непереводимого» // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Издательство «Индрик», 2012. – С. 46–55.
5. Янина Е. С. Концепты «порядок» – «разруха» в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» // Филологические чтения: тезисы докл. междунар. конф. (Ярославль, 2017 г.). Ярославль, 2017. – С. 334–337.

УДК 81'253

USUAL EQUIVALENCE AS THE SOCIAL AND CULTURAL ASPECT IN INTERPRETING

А. Ю. Ястребов,

*студент первого курса магистратуры кафедры общего
языкознания и теории перевода, Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева, Астана*

Ж. А. Бейсембаева,

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общего языкознания и теории перевода, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении случаев применения переводчиком синхронистом в устном переводе приемов сглаживания и передачи узуальной подстановки как варианта эквивалентного оригиналу. Введение узуальной подстановки как приема передачи социального и культурологического сглаживания рассматривается в качестве наилучшего варианта принятия переводческого решения. Необходимо привести их к речевой норме языка перевода при переводе культурно окрашенных, свойственных манере оратора, лексем в общепринятой и общедоступной манере. Актуальность данного исследования заключается в постоянном столкновении культур и разных социумов на площадках международных общественно-политических и экономических мероприятий, где качественная работа устного переводчика играет наиважнейшую роль.

Ключевые слова: устный перевод, узус, узуальная эквивалентность, узуальная подстановка, речевая норма, клише, лексема.

Summary. The aim of the research is to study the cases of application for the ways of smoothing and translation of usual substitutions as the option equivalent to the original meaning by the interpreter. The introduction of usual substitution as the skill of translation for social and cultural smoothing is understood as the best option for interpreter's decision-making. We need to bring them to the verbal norm of the language of interpretation in interpreting culturally stained, peculiar to the speaker's manner lexical units to the commonly acceptable and known manner. The topicality of the research is in constant clash of cultures and different societies in the grounds of the international social and politic and economic events where the qualified work of the interpreter plays the utmost important role.

Key words: interpretation, usage, usual equivalence, usual substitution, verbal uniform, cliché, lexical element.

Throughout the modern age of foundation of the interpreter's toolkit the interpreter must have the fluent knowledge in all types of equivalence, and of course we cannot pass away from the usual equivalence, which always appears when we see the clash of cultures and social groups of different countries and ethnic regions within the international communications. The interpretation of separate stylistically stained units of the source language requires from the interpreter to have the capabilities in changing the meanings, peculiar to one group of speakers of the source language into the lexical units of another group of speakers of the target language.

Aim of the research is to identify the cases of application by the interpreter throughout the interpretation process the examples of smoothing and translation of the usual substitution as the option equivalent to the original. The one option,

which will be the best after making the interpreter's decision on introduction of usual substitution to translate the social and cultural smoothing. Also in interpreting culturally stained, peculiar to the manner of the speaker in source language, lexical units into commonly known and acceptable manner for the recipients in target language.

The fundamental meaning of «the usual equivalence» goes from the meaning of the term «usage» (*latin. Usus* – application, custom, rule) which is understood as the commonly used meaning by the native speakers of a language for using it as the units of speech. In peculiar it refers to the words, fixed expressions, forms, constructions. The term «usage» can be distinguished in linguistic studies in two ways. On one hand the usage is considered to be «the standard of speech» where the usage is the standard of speech but the system is the standard of language [3, p. 32].

Let us discover the examples of applying the usual substitution for achieving the maximum possible equivalence at the material of the texts of the oral speech and interpretation of Vitaliy Churkin (21.02.52-20.02.17), Permanent Representative of the Russian Federation at the United Nations Security Council and General Assembly (08.04.06-20.02.17).

There had been identified the cases of application of usual substitutions in amount of 17 units within almost 20 minutes. Hereafter we are going to look through some of the most notable examples. The skills of substitution for the lexical units given by the speaker in source language are important to translate.

The given examples are in Russian (source language) and English (target language). The examples are taken from the open sources of the Internet channels of the UN official meetings in Russian and English respectively. The references to the analytic material are provided in the Reference list.

According to L. K. Latyshev «equivalence» is the result of translation process, and the «adequacy» is the way to get optimized translation and the way of searching the optimal translation's decision. The interpreter should be guided the two criteria of the adequate translation – as the equalized impact of source language and target language and their semantic and structural similarity [1, p. 41].

Thus, «usual substitution» is understood as one of the most spread skills in interpretation. It represents the equivalence of the standard clichés, stock phrases, and proverbs, lexical units of the source and target languages. In regard to the connection of common sense with the meanings of compound components the researchers identify two types of usage clichés:

- 1) Informative (meaningful) clichés, the sense of which is appears from the meanings of their compounds.

Example: «... Создавалась и угроза, разумеется, режиму прекращения боевых действий, но Дамаск проявил в этой связи *завидную сдержанность*» [4].

Translation variant: «... of course there was a threat to the cessation facility regimen because of it, however, Damascus in this regard did display *enviable restraint*» [6].

The given examples in italics demonstrates the transition of cliché which is given in English with saving the semiotic load and the similar lexical units of the target language with its structural elements.

- 2) Functional clichés, the sense of which does not depend on the meanings of the compounds.

Example: «Сложилась реальная опасность того, что террористы захватят город с неизбежной *резней мирного населения*» [4].

Translation variant: «Since it was a real danger that terrorists would take the city and *take the civilians in it*» [6].

The given example shows us the significant smoothing of the sense in the target text which could even worsen understanding at the recipients of the target text, thus word «*take*» in English translation does not illustrate the meaning of the highly emotive word «*резня*» in Russian original text and the context of the sentence gets quite different meaning.

According to L. V. Sherba all units of the language are applicable to for up the usage construction in speech, they can be formed by the models existing in the language, e.g. the phrases constructed with use of the rules of grammar but with enclosure of the lexical units which do not exist in the language, but based on the widely spread models of word-formation. [3, p. 36]

The norm of language separates linguistically appropriate options from those absolutely wrong, and the usage in speech from the amount of those appropriate allows choosing the most successful option on the basis of the criterion of fitness in application in the situation [2, p. 83].

Speech clichés and stereotypes which are used in these of those situations, in conversation on every theme have the national peculiarities.

The concept of usual equivalence has the following characteristics:

- 1) Situational stereotypes of the speech (When we answer the question: How did we use to speak in that situation?)

Example: «... но этого не сделали, не дали сделать вооруженные группировки, которые *при попустительстве* внешних спонсоров продолжали ...» [4].

Translation variant: «... that was not done, it wasn't allowed, armed groups prevented that, they *with the help* of external sponsors wanted to strike ...» [6].

As we see from the example, the interpreter has made an insignificant mistake which still keeps the sense of the main message from the speaker in source language and translates it with common sense in target language.

Example: «Эта группировка пытается использовать женщин и детей в качестве *живого щита*» [4].

Translation variant: «The group is trying to use women and children as *the living shield*» [6].

At this example we see the direct correlation of the source and target languages in terms that they both have the same equivalent meanings and lexical units in both languages.

- 2) Topical stereotypes of the speech (When we answer the question: How did we use to speak on that topic?)

The example of the video text had been chosen not occasionally, but because it demonstrates translation of some emotional lexicon, we have to say in advance, that the situation of stereotypes in that case is more appropriate, in peculiar there are more than five times the word «*террорист*» in the source text, but in the target text only once equals to the word «*terrorist*» and in other cases it equals to «*rebel*», «*fighter*» and even «*militant*» - the words which equal to the word in the source language but in some manner it has socially stained meaning.

Example: «*С 1 сентября зафиксированы 7 массовых казней людей, выступающих за переговоры ...*» [4].

Translation variant: «*On the 1st of September there had been mass killings of people who fought on negotiations ...*» [6].

Similar to those arguments above, the interpreter softens the socially stained lexicon in interpretation and gives the smoothed option which has some sense given by the speaker in the source language.

- 3) Distributive stereotypes of the speech (When we see the compatibility of the core word combination with the only possible or several possible lexical units, getting standard units of language which has some new meaning usual only within the stereotypical expression).

Example: «*Может быть пора прекратить приплясывать вокруг безответственных политиков ...*» [4].

Translation variant: «*Perhaps we should stop accusing people, who are coming from the politicians who say that they have the best interests in their minds ...*» [6].

The method of usual substitution which is shown in the example above is for utmost priority within the execution of simultaneous interpretation for keeping the most appropriate equivalence of the translation to the original.

We must admit the numerous omissions by the interpreter of emotionally stained and peculiar to the Russian culture word expressions, which were simply ignored in the target text, so we propose our own option of application of the usual equivalence for achieving the maximum understanding of the target text by the recipients:

Example: «*... в Сирии продолжали орудовать топором, не гнушаясь поддержкой террористических группировок ...*» [4]

Translation variant: «*... in Syria they were crushing the bones to powder and even got the support of the rebel groups*» [our own translation]

Here we propose to apply phraseological unit in English to the Russian the expression «*орудовать топором*» comes from another fixed expression in Russian «*топорная работа*» which means to do some work roughly without taking into account any conditions or terms, so we applied word expression «*crush the bones into powder*» to demonstrate the same meaning of doing actions without any concerns on the impact or the results which could lead to some inevitable end.

In case when the interpreter faces phraseological units or idioms, clichés, fixed word expressions in the source text he or she should apply the method of the

usual substitution because such lexical units must not be translated literally but with the use of lexical and semantic transformations, or even with help of synonymic translation, they must be translated as the unified unit of speech without any separation on the compound elements.

As the result of given research we can say that the aim of the research has been achieved and the examples are given in all detail and description according to the main theoretical fundamentals. The examples have been taken cannot be subjected to any concern in their authenticity. The application of the usual equivalence can be assumed to be the most important aspect throughout the interpretation process to translate social and culturally stained lexical units.

Список использованных источников

1. Латышев Л. К. Технология перевода: Учебное пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов. 2-е издание. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
2. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. Пособие для студентов гуманитарных вузов и лицеев 2-е издание. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
4. Чуркин В. И. Выступление на 7777 заседании Совета Безопасности ООН от 25 сентября 2016 года Средний Восток: видео выступление. (продолжительность 18:58) // [Электронный ресурс] Ссылка на открытый источник в интернете: https://www.youtube.com/watch?v=JP1-mZ97KpI&list=PLnOJ_cJ8AJY1p9eh2nzm9Ct3jj8q7PT&index=14
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Изд. Наука, 1974. 428 с.
6. Churkin V. Speech at 7777th meeting of United Nations Security Council dated September 25th 2016 Middle East: video speech and interpretation in English (lasting 15:58) // [Electronic Resource] Reference to open source in the Internet: https://www.youtube.com/watch?v=VEoERIxXekQ&list=PLnOJ_cJ8AJY1p9eh2nzm9Ct3jj8q7PT&index=13

УДК 82

«SPACE» IN THE HINDI TRANSLATION OF ALEXANDER KHURGIN'S SHORT STORIES

Ambedkar Vinay Kumar,

*Assistant Professor, Centre of Russian Studies, School of Language
Literature and Culture Studies, Jawaharlal Nehru University,
New Delhi, India*

Аннотация. В данной статье рассматривается изображение пространства в рассказах Александра Хургина «Звезда и Точка» («Tara aur bindu») и «Не Среда» («Budhwar») в переводе на хинди. Первый рассказ об историческом коллективном пространстве Холокоста в Европе, второй – о современном российском обществе, где герой не смог вспомнить, что он

делал в среду. Исследование направлено на формирование представления о пространстве современного российского общества, в том числе немецкого.

Ключевые слова: пространство, Хургин, Лотман, рассказы, современная русская литература.

Summary. The article is devoted to the image of space in the Hindi translation of Alexander Khurgin's short stories «Звезда и Точка» («Tara aur bindu») и «Не Среда» («Budhwar»). The first story runs about historical collective space of Nazi holocaust of Jews in Europe. Second story is about contemporary Russian society, where the hero has lost his Wednesday and unable to remember what he did on Wednesday. The study aims to generate space of contemporary Russian society, and individuals vis-a-vis German.

Keywords: space, Khurgin, Lotman, short stories, contemporary Russian literature.

«Художественное пространство в литературном произведении – это континуум, в котором размещаются и совершаются действия» – Space in a literary work is the continuum in which the heroes are situated and where the action takes place [1, с. 258].

In other words, literary space could be understood as a container of elements whose interrelation is determined by their position in space. In the light of argument by Lotman, Hindi translation of Post-Soviet author Alexander Khurgin's short stories could also be considered as examples of literary space. The short stories «Звезда и Точка» («Tara aur bindu») и «Не Среда» («Budhwar») are the focus of this study, where the protagonists are present and the action takes place. The structure of literary space could be understood through the distinction between the various binaries manifested in the structure of the text on spatially different levels. These binaries are expressed as an opposition between here and there, near and far, one side and other side and other dichotomies. Worldviews of heroes in these short stories reflect abovementioned binaries in the literary space.

This paper proposes a spatial study of Post-Soviet short stories by Khurgin. The first short story is «Звезда и Точка» in Hindi translation is called «Tara aur bindu». The plot begins with the narration of an old man Natanson, being a Jew who migrated to Germany from Russia in 2003, due to the anti-Jewish activities. The plot begins with Natanson, who had left the house to buy some buns in the morning. He found a huge star with a dot, painted outside his house, which reminded him of Nazi holocaust days, when his ancestors had to wear a yellow six angled star badge. However, the meaning of this huge black star with a dot was not clear to him. He decided to write a letter to authorities about the painted star, even wrote to German Chancellor as well. He mailed letter through post. He also received acknowledgment stating that authorities will do the needful. It was mere reply for him, with no conclusive actions. In addition, a local newspaper published the picture of the six angled star with a philosophical question: what it could be? Giving him some hope. Natanson was running out of patience, decided

to fight out himself with this huge black star with a dot. Further, he decided to buy some paints and brush from the store to cover up the huge black star. At night he went out to cover up the star with the similar paint, which he bought earlier. After accomplishing the courageous act of covering up he went for sleep with feeling of great satisfaction. However, at the following day he found out the star on his door. He also explored that the star with a dot was painted on many houses and places of advertisement. Finally, Natanson decided to cover up the stars with the paint and brush.

Let's begin with the quote from the short story about a six angled star with the dot: «На доме, где живёт старый Натансон, кто-то нарисовал звезду. Большую и шестиконечную. И точку рядом поставил» [4] – «वह घर जिसमें बूढ़ा नतानसोन रह रहा है, किसी ने उस पर एक तारा बना दिया । बहुत ही बड़ा तथा छः कोणों वाला और पास में ही एक बिन्दु लगा दिया ।».

The space of this six angled star which is also known as Star of David or Shield of David can be understood through a quote from Jewish virtual library: «In November 1939, one year after Kristallnacht, the Nazi government followed the recommendation of leader Reinhard Heydrich and first introduced mandatory ID badges for Jews in Poland. It was announced that severe punishment was in store for Jews who do not wear the yellow badge on back and front». This Nazi policy was one of the tactics used to isolate Jews from the rest of the population and it enabled the Nazi government to identify, concentrate and ultimately murder the Jews of Europe» [2].

The worldview of the protagonist in the short story is based on the collective lived space of his ancestors and his own space in Moscow. Highlighting the harsh reality, the European society where Jews are haunted by the holocaust memories still living in fear. Here is the quote from the short story: «Как он мог обрадоваться, если и дед его, и бабка, и несколько их родственников эти звёзды на себе носили. Правда, жёлтые, и недолго. Может, с месяц. Десятого октября они все уже лежали в овраге. В районе днепропетровского ботсада» [4] – «वह कैसे खुश हो सकता था, जब उसके दादा, दादी और कई रिश्तेदारों को यह तारा पहनना पड़ा था । वास्तव में, पीला तारा, लेकिन ज्यादा समय के लिए नहीं । शायद एक महीने के लिए । 10 अक्टूबर को तो सबों को नाले तक में लेटना पड़ा था । द्वेपेत्रोव्स्क इलाके के बॉटनिकल गार्डन में ।» . «А сам Натансон, можно сказать, от одного - единственного антисемита сюда сбежал с женой Раей. Был у него такой сосед в Красково Московской области. И совсем не для того сбежал, чтобы ему на доме такие звёзды рисовали. С точками» [4] – «नतानसोन, जो कि यह कहा जा सकता है कि सिर्फ यहूदीविरोधी गतिविधियों के डर से अपनी पत्नी राया के साथ भाग निकला था । उसके साथ एक पड़ोसी मास्को प्रदेश के क्रास्कोवा से था । वह इसलिए तो बिलकुल भी नहीं भाग कर आया था कि कभी उसके घर हुबहू वैसी ही तारें बनाए जाएँगे। एक बिंदु के साथ ।».

The hero is facing a huge crisis to decipher in an effort to find the meaning of dot near the star and star itself: «Что эта звезда должна была означать,

Натансон точно не знал. Но он догадывался, что она могла означать. Этого было достаточно. И особенно ему не нравилась точка. Намекавшая на окончательное решение известного вопроса. Нет, возможно, Натансону это только казалось. Что точка намекает» [4] – «इस तारे का क्या मतलब हो सकता था, नतानसोन बिलकुल भी नहीं जनता था । लेकिन उसने अन्दाजा लगाया कि इसका क्या मतलब हो सकता था । इतना-सा इशारा काफी था । पर खासकर वह बिन्दु उसे पसन्द नहीं आया जो कि एक बहुत ही महत्वपूर्ण समस्या के अन्तिम समाधान की ओर इशारा कर रहा था ।».

Space of the gender equality can also be seen in the conversations of Raya and hero. «Что ты принёс, несчастье? – сказала Натансону Рая. – Это же рыжие булочки. Мы их не едим» [4] – «यह तुम बेकार में क्या उठा ले आए? - राया ने नतानसोन से कहा । यह लाल बनें हैं । हमलोग यह तो नहीं खाते ।».

Space of the democratic setup in the German society is highlighted. One can write and complain to the authorities directly even to the chancellor. The faith in democracy is vibrant in the work. «Бургомистру. – Рая схватилась за голову. – А копии – в полицию, в газету и Ангеле Меркель» [4] – «मेयर को ।» इस बात पर राया ने अपना सर पकड़ लिया । «और उसकी प्रतियाँ पुलिस, अखबार और एंजेला मेर्केल को भेज देंगे ।».

Another incident, which highlights the people's faith in the government, is visible when hero was covering up the star with dot.

«Вас, – спросила, – муниципалитет прислал?

– Да, – соврал Натансон от неожиданности.

– Сотрите тогда и с нашего дома» [4].

«आपको,» बुढ़िया ने पूछा, «नगर पालिका वालों ने भेजा है?»

«हाँ,» अचानक पूछने से नतानसोन ने झूठ बोला ।

«फिर हमारे घरों पर से भी तारे मिटा दीजिये ।».

The immigrants space is also seen in the short story because the protagonist is from Russia. The worldview of the protagonist is open in the short story. Still, the historical and collective memories of past cause trauma to the individuals.

Second short story is «He Среда» in Hindi translation is called «Budhwar» which was published in November 2016, the plot begins with the Peter Sergeich, who is the protagonist of the short story. Peter can't remember one day of the week. He remembers Tuesday and Thursday, but he can't remember Wednesday. He starts recalling the chain of events, which had taken place on Tuesday. He visited a dentist, then he went to catch the train on station and met Matovilova. Afterwards Peter had good time with his wife and they drunk vodka. Next morning, he found out today is Thursday.

The short story begins and ends on the same note i.e. beginning: «Не знаю, как это получилось, но у Петра Сергеича выпал день. Вывалился из череды других дней. Или даже из времени. Но, возможно, это Петр Сергеич из него вывалился» [4] – «पता नहीं, कि यह कैसे हुआ, पर पीटर सेर्गेइच का एक दिन कहीं खो

गया था। बाकी दिनों के गुच्छे से एक दिन गायब ही हो गया था। लेकिन शायद लग तो यह रहा है कि जैसे पीटर सेर्गेइच ही कहीं खो गया है।» Ending:

«Разве не среда? – спросил Петр Сергеич у Анюты.

– Нет, – сказала Анюта и сняла с носа очки, – не среда» [4].

«क्या आज बुधवार नहीं है? – पीटर सेर्गेइच ने अन्युता से पूछा।

नहीं – अन्युता ने नाक पर से चश्मा हटाते हुए कहा – नहीं आज बुधवार नहीं है।».

Elena Kholmogorova [3] talked about common man of Alexander Khurgin in the article «Сквер» («Square»). This short story also possesses the space of common person that can be observed in the quotes: «Вчера он на скакалке прыгал, зарядку делая, и водку пил, ужиная. Немного, но пил. И прыгал тоже немного. Чтоб не засиживаться и не залеживаться. А сегодня вот сердце. И руки, как лед. Хотя руки, наверно, от холода. В квартире у Петра Сергеича восемнадцать. А в нем самом все-таки тридцать шесть с копейками» [4] – «मंगलवार को वह रस्सी कूदा, व्यायाम किया, रात में खाने के साथ वोडका भी पिया। ज्यादा नहीं, पर फिर भी थोड़ी सी जरूर पी। रस्सी पर थोड़ी बहुत कूद-फांद भी किया। यह सब इसीलिए क्योंकि उसे ज्यादा देर तक बैठना और लेटे रहना ना पड़े। ऊपर से आज यह दिल का दर्द। उसके हाथ बिलकुल बर्फ थे। शायद ठण्ड के कारण। पीटर सेर्गेइच के कमरे का तापमान 18 डिग्री है। और उसके पास कुल मिलाकर 36 रूबल और कुछ कोपेय्की पड़े थे।».

Wariness and doubts of common person can be observed below: «А во вторник он ходил к зубному врачу. И врач делал ему рентген больного места во рту. И потом изучал схему зубов Петра Сергеича, которые когда-либо лечил, вырывал и протезировал. И Петр Сергеич краем глаза тоже ее изучал. И думал, что когда-нибудь, если его решат эксгумировать, по этой печальной схеме можно будет определить, он это или не он. Правда, он никак не мог придумать, зачем бы кому-то могло понадобиться его эксгумировать и что-то определять. Так и не придумал в конце концов. И врач тоже не придумал. Что делать с зубами Петра Сергеича. И к чему крепить мост. Сказал, что должен еще подумать. Наедине с собой. Где Петр Сергеич его и оставил. А потом думал, идя, что ничего путного врач не придумает. Сомневался он в нем. И не только в нем сомневался. Он во всем сомневался беспощадно, все подвергал сомнению. Хотя толку от этого никакого. Подвергай, не подвергай – ничего не меняется. А если меняется, то в худшую сторону» [4] – «मंगलवार को वह दांतों के डॉक्टर के पास गया था। डॉक्टर ने दांतों का एक्स-रे किया। और फिर पीटर सेर्गेइच के दांतों की संरचना की जाँच की जिसका उसने पहले भी इलाज किया था, कभी कोई दांत उखाड़ा भी था और नकली कृत्रिम दांत भी लगाये थे। पीटर सेर्गेइच ने भी टेढ़ी नज़र से उस रिपोर्ट पर नज़र डाली। और उसको देखते हुए सोचा कि मरने के बाद अगर किसी दिन खुदाई करवाई गयी, तो शायद इन दांतों को देख के यह पहचाना जा सके कि यह पीटर सेर्गेइच है अथवा नहीं। लेकिन वह यह नहीं सोच पा रहा था कि किसी को इस सब की क्या जरूरत पड़ सकती है। और अंत तक उसे यह बात समझ में नहीं आई। और डॉक्टर भी यह नहीं समझ पा रहा था

कि पीटर सेर्गेइच के दांतों के साथ क्या करना चाहिए। दांतों के बीच की खाली जगह को कैसे भरा जाए। बस इतना भर पीटर सेर्गेइच से कहा कि थोड़ा सोचने की जरूरत है। उसे अकेले छोड़ दिया जाए। पीटर सेर्गेइच ने डॉक्टर को अकेला छोड़ दिया और फिर चलते हुए सोचने लगा कि डॉक्टर कहीं कोई गलत इलाज ना कर दे। उसे डॉक्टर पर संदेह होने लगा। और सिर्फ डॉक्टर पे ही नहीं बल्कि वह हर किसी को शक की निगाहों से देखने लगा। हालाँकि इस सब से कुछ बदलने वाला नहीं था। अगर कुछ फर्क पड़ता भी, तो शायद कुछ बुरा ही होता।».

The portrayal of typical middle class and common man can be observed in both short stories, which is also a reflection of contemporary Russian society vis-a-vis German. The space of short stories can be understandable through philosophical questions. Protagonists are common persons with typical names such as Peter Sergeich and Sergei Petrovich. Space in these two works leaves readers to generate their own meanings through realistic representation of events.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. 352 с.
2. Jewish Badges During The Holocaust [Electronic Resource] // Holocaust Memorial Center. – Mode of access: URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/photographs-and-overview-of-jewish-badges-in-the-holocaust>. (дата обращения 25.01.2018).
3. Холмогорова Е. Анонс №8 [Электронный ресурс] // Знамя. – 1999. – №7. – <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/7/anons8-pr.html> (дата обращения 26.12.2017).
4. Хургин Александр Три рассказа [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2016/7/tri-rasskaza.html> (дата обращения 26.12.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ambedkar Vinay Kumar Assistant Professor, Centre of Russian Studies, School of Language Literature and Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi

Аветисян Н. Г. кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Анисимов А. Б. кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Ачилова В. П. кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ачилова Е. Л. кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Баклашкина О. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета, Иркутск

Бармина Е. А. кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Бейсембаева Ж. А. кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общего языкознания и теории перевода, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана

Белоглазова Е. В. доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Беляева В. Н. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, Ярославль

Бережкова Е. В. студентка первого курса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Богданова К. В. аспирант кафедры английской филологии и перевода, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Борисова Ю. Е. студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода (немецкий язык и литература), Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Вахитова Г. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, Уфа

Вебер Е. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиа коммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Велилаева Л. Р. преподаватель кафедры английской филологии, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

Воложанина Т. С. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка для обществоведческих факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Восканян С. К. кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Вострецова В. А. кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, Горловский институт иностранных языков, Горловка

Выборнов Ю. Б. ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Габдрахманова Ф. Х. кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого, Казанский федеральный университет, Казань

Галиуллина М. Д. студент третьего курса кафедры теории и практики перевода, Высшая школа иностранных языков и перевода, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский Федеральный Университет, Казань

Генидзе Н. К. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Герасименко Е. В. ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялте, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», Симферополь

Глухенькая Л. Н. студентка первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Глушко Е. В. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза Анатолия Константиновича Серова, Краснодар

Гончарова В. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Гордилов Д. И. студент первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Гужева А. Н. студентка второго курса магистратуры кафедры теории речи и перевода, Факультет иностранных языков, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск

Гузикова В. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург

Гуменюк В. И. доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики, профессор кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь

Давыдова Н. А. кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Двина С. Ю. кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, историко-филологический факультет, Челябинский государственный университет, Челябинск

Демешева Л. А. дипломированный переводчик, проект-менеджер переводческого бюро *Wordcrafts*, Гамбург

Демидова О. Р. доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт Петербург

Дещенко М. Г. преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Дзюба А. В. преподаватель кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Дзюба А. А. ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Институт филологии, истории и искусств, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Ялта

Дмитриева Е. Н. студент первого курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сн), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Дроздова М. С. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Институт иностранных языков, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва

Ермоленко О. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сн), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Жесткова Е. А. кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики дошкольного и начального образования, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), Арзамас

Заикина К. А. студентка первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сн), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Захарова Т. А. студент четвертого курса кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Зеленцова М. Г. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Злобин А. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода, Факультет иностранных языков, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск

Золотова М. В. кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Игнатов К. Ю. кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Извекова И. Ю. аспирант кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», Горловка

Исаев Э. Ш. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной

филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Исаева О. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кадария В. М. студентка третьего курса кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Казакова Т. А. доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Казина А. И. аспирант, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», Коломна

Калашиникова О. А. кандидат педагогических наук, профессор 107 кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А. К. Серова, Краснодар

Калинин А. Ю. старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Калиущенко В. Д. доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии, Донецкий национальный университет, Донецк

Калмыкова А. А. студентка кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Каминская А. В. студентка второго курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь.

Каминская Н. В. старший преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Карасенко Е. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, факультет иностранных языков, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк

Карелина Н. А. кандидат географических наук, доцент кафедры региональных исследований и международных отношений, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Карпенко А. В. кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Касапская А. Г. студентка первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Каширина Л. О. студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Кириллова И. И. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кириченко В. В. студент второго курса магистратуры кафедры истории зарубежной литературы Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Клюева А. Н. аспирант кафедры теории языка и русского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Князева Н. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, Симферополь

Коваленко Е. В. студент первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Донецкий национальный университет, Донецк

Козел Н. П. старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Козлова А. Т. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Корончик В. Г. старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики обучения, Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Костюченко Ю. В. студент первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кочетова К. А. студентка второго курса магистратуры филологического факультета, Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков», Горловка

Кочетова С. А. доктор филологических наук, профессор, Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков», Горловка

Красиловская А. А. аспирант кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Институт филологии, истории и искусств, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Ялта

Красницкая Е. А. студентка первого курса магистратуры кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, Горловский институт иностранных языков, Горловка

Кузнецова Л. Э. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Институт русской и иностранной филологии Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

Куницына Е. Ю. доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Кучелкова П. И. студент первого курса кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кушнарева Т. И. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кушниренко А. В. студент шестого курса кафедры теории и практики перевода (немецкий язык и литература), Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Лазарев В. А. доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Лапоног В. В. студентка первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ларина-Кааби Э. В. руководитель он-лайн Бюро переводов Ларина Транслейшн, член Ассоциации литературных переводчиков Франции, Орибо-сюр-Сиань

Левицкий А. Э. доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Лиморенко Ю. В. кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск

Лукинова М. Ю. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Лушников Г. И. доктор филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, Ялта

Лю Мяовэнь аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва

Мадей Е. Д. студентка первого курса аспирантуры, Университет им. Я. А. Коменского в Братиславе, Братислава

Малахова С. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, институт русской и иностранной филологии, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

Мальковская Т. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени А. К. Серова, Краснодар

Маник С. А. кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет, Иваново

Маркова Ю. О. магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Мартынюк Е. Б. старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Маслова Ж. Н. доктор филологических наук, профессор кафедры педагогики, психологии и переводоведения, Институт гуманитарных и социальных наук, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург

Меленцова М. С. студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии,

Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Михайловская М. В. старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Москаленко О. А. кандидат филологических наук, заведующий кафедрой «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Мухаметгареева Н. М. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений, Институт права, Башкирский государственный университет, Уфа

Надеина М. О. магистр, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Ростовской области «Ростовский торгово-экономический колледж», Ростов-на-Дону

Нечипас П. Ю. обучающаяся второго курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Никитичев И. Г. студент второго курса факультета иностранных языков, Курский государственный университет, Курск

Новикова М. А. доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец М. В. доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец Т. М. кандидат филологических наук, доцент кафедры языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Овчарова Е. Э. кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, Санкт-Петербург

Осипова Е. С. кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы иностранных языков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Осипчук О. С. кандидат педагогических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой романо-германских языков и культур Омского Государственного университета имени Ф. М. Достоевского, Омск

Пантыкина Н. И. преподаватель кафедры английской и восточной филологии, филологический факультет, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

Пасекова Н. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Пекарская О. А. кандидат экономических наук, доцент кафедры «Математика и бизнес-информатика», Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербург

Перепечкина С. Е. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Петухова Е. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, факультет иностранных языков, Курский государственный университет, Курск

Пинягин Ю. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь

Плотников И. В. аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Полховская Е. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры, заведующая кафедрой английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Полянин А. В. студент второго курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Пономарева А. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Прозорова Н. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, Калуга

Радочин А. В. студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Резник О. В. доктор филологических наук, профессор, ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», Симферополь

Рехачева Т. В. студентка второго курса магистратуры кафедры романо-германских языков и культур Омского Государственного университета имени Ф. М. Достоевского, Омск

Ружникова М. Л. старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиа коммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Рыжикова М. Д. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Седина И. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода, факультет иностранных языков, ФГБОУ «Национально-исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Саранск

Семенюк Е. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков, Институт лингвистики Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Сёмченко Р. А. студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Сердюк Е. Н. ассистент кафедры английской филологии Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Сеферова Э. Э. специалист по учебно-методической работе кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

Синьют Му аспирант второго курса кафедры теории и методологии перевода, Высшая школа перевода, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Скидан О. Г. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Слюсарева К. В. студентка первого курса магистратуры, специальности «Лингвистика. Перевод», Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

Смирнова Я. Ю. студент первого курса магистратуры, кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь.

Соколова И. С. кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книговедения, Институт издательского дела и журналистики, Московский политехнический университет, Москва

Солопова Л. Е. старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, Горловский институт иностранных языков, Горловка

Сутурмина Д. А. магистрант второго курса кафедры немецкого языка и лингводидактики, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва.

Сухарева Е. Е. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации, факультет романо-германской филологии, Воронежский государственный университет, Воронеж

Сучков А. А. магистрант кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, Горловский институт иностранных языков, Горловка

Тажиева Д. студентка второго курса кафедры общего языкознания и теории перевода филологического факультета ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана

Талашова Н. Г. кандидат филологических наук, ведущий специалист, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Тарнаева Л. П. доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Тимерханова Н. Н. кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистической типологии и лингводидактики, института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Топольская И. А. старший преподаватель кафедры «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация» Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону

Трищенко Т. А. студентка первого курса магистратуры кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода, Горловский институт иностранных языков, Горловка

Туленинова Л. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», Луганск

Филиппова И. Н. доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет, Москва

Фомин Э. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Фролова А. К. студент первого курса магистратуры кафедры теории речи и перевода, факультет иностранных языков, ФГБОУ

«Национально-исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Саранск

Хакимьянова А. М. кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра РАН, Уфа

Ходаковская Л. А. студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Института иностранной филологии, Таврической академии, Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь

Хуббитдинова Н. А. доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра РАН, Уфа

Худолеева Т. Е. преподаватель кафедры иностранных языков, Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище имени П. С. Нахимова, Севастополь

Хуснулина Р. Р. доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультет) Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Цаллагова З. Б. доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва

Чемезова Е. Р. ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте, Ялта

Чернышова М. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шаврова А. В. аспирант третьего курса кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Шалыга Д. А. старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шамтова К. С. студент пятого курса кафедры контрастивной лингвистики, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, Москва

Швец Л. С. студентка четвертого курса филологического факультета ГБОУ ВО РК Крымского Инженерно-Педагогического Университета, Симферополь

Шевчук-Черногородова М. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шершикова А. В. студент второго курса магистратуры кафедры английской филологии, факультет иностранных языков, Донецкий национальный университет, Донецк

Шетэля В. кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, Москва

Шимельфениг О. В. кандидат физико-математических наук, доцент кафедры геометрии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов

Шулатова Д. С. студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шульга Д. П. старший преподаватель кафедры Мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, Новосибирск

Эмирусейнова Э. Н. старший преподаватель кафедры №3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Юйфэй Цуй аспирантка, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени Ломоносова, Москва

Юлдыбаева Г. В. кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра РАН, Уфа

Яковлева Е. А. доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания, Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа

Янина Е. С. студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики коммуникации, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Ярославль

Ястребов А. Ю. студент первого курса магистратуры кафедры общего языкознания и теории перевода, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	3
<i>Аветисян Н.Г., Восканян С.К.</i> <i>ПРОБОВАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕВОДИТЬ</i>	8
<i>Анисимов А.Б.</i> <i>ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ СТАТЕЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ</i>	13
<i>Ачилова Е.Л., Ачилова В.П.</i> <i>ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ М. ЗОЩЕНКО ДЛЯ ДЕТЕЙ НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК</i>	18
<i>Баклашкина О.Н.</i> <i>ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА</i>	23
<i>Бармина Е.А.</i> <i>ПЕРЕДАЧА ИРОНИИ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАДИСКУРСА)</i>	28
<i>Белоглазова Е.В., Генидзе Н.К.</i> <i>ДИНАСТИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В РОССИИ</i>	32
<i>Беляева В.Н.</i> <i>ОБУЧЕНИЕ ЭЛЕМЕНТАМ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ АДЪЮНКТОВ И КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА</i>	37
<i>Бережкова Е.В.</i> <i>СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА И АДАПТАЦИИ БРАЗИЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СКАЗКИ</i>	42
<i>Богданова К.В.</i> <i>ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЭПИЗОДОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМЕДИЙНЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА</i>	47
<i>Борисова Ю.Е., Пономарева А.В.</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК</i>	52
<i>Вахитова Г.В.</i> <i>ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИЕЙ РЕЦИПИЕНТОВ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА «ВСТРЕЧНОГО ТЕКСТА»)</i>	56
<i>Вебер Е.А., Ружникова М.Л.</i> <i>К ВОПРОСУ ОБ АВТОРИТЕТНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОЛОГИИ</i>	62

Воложанина Т.С., Талашова Н.Г. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, НАПРАВЛЕННЫХ НА СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТА САСПЕНСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г.Ф. ЛАВКРАФТА).....	67
Вострецова В.А., Сучков А.А. АЛЛЮЗИИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ: ТИПЫ, ИСТОЧНИКИ, СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА	72
Выборнов Ю.Б. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ	77
Габдрахманова Ф.Х. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С. МАРШАКА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК.....	82
Галиуллина М.Д. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (В СЛУЧАЕ ЧАСТИЧНОЙ ИЛИ НУЛЕВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ) (НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ С КОМПОНЕНТОМ ОДЕЖДЫ)	85
Герасименко Е.В. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА РОМАНА В. В. ДРААНЕН «FLIPPED» И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	90
Глушко Е.В. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА КУРСАНТАМ ВОЕННОГО ВУЗА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «ПЕРЕВОДЧИК В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ»)	94
Гончарова В.В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ НА САЙТАХ БИБЛИОТЕК	98
Гордилов Д.И., Шевчук-Черногородова М.А. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КРЫМСКИХ ТОПОНИМОВ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК.....	103
Злобин А.Н., Гужева А.Н. ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	108
Гузикова В.В. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)	114
Гуменюк В.И. ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА «АНЧАР» И ЕЕ ВОССОЗДАНИЕ В УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ.....	119
Давыдова Н.А. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ ПЕРЕВОДЧИКОВ НА СПЕЦСЕМИНАРАХ И КУРСАХ ПО ВЫБОРУ ...	124

Двинина С.Ю. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ	128
Демешева Л.А., С.Е. Перепечкина ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ПЕРЕВОДЧИКА (ОПЫТ В СФЕРЕ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА)	134
Демидова О.Р. НА ГРАНИЦЕ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»: ГЕРМЕНЕВТИКА ПЕРЕВОДА	139
Дещенко М.Г. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЖАНРА ФЭНТЕЗИ	143
Дзюба А.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА)	147
Дзюба А.В., Кадария В.М. ПЕРЕВОД СТРОГИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ И ВЕРЛБИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. ДЕ ЛА ВЕГА И Х. М. МАРКОСА)	152
Дроздова М.С. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО СВОБОДНОГО СТИХА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	157
Ермоленко О.В. ЯЗЫКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ	162
Жесткова Е.А. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. М. КАРАМЗИНА	165
Заикина К.А., Шевчук-Черногородова М.А. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ НАТАЛИ САРРОТ «ДЕТСТВО»	169
Захарова Т.А., Козел Н.П. ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛИНАРНЫЕ РЕЦЕПТЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	172
Зеленцова М.Г., Козлова А.Т. ПРЕДТЕРМИНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	177
Зеленцова М.Г., Лапоног В.В. К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	182
Золотова М.В., Каминская Н.В. ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	187
Игнатов К.Ю. THIS BE THE VERSE: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ОБЩЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ	191

Извекова И.Ю. К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АССИМИЛИРОВАННЫХ СЛОВ И СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»	196
Исаев Э.Ш., Исаева О.В. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗНАЧИМЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПАРАМЕТРА «ПОНИМАНИЕ» В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	201
Казакова Т.А. ПЕРЕВОД КАК КУЛЬТУРНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО.....	206
Казина А.И. ПЕРЕВОД СПЕЦИФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ДИСКУРСЕ БЛОГОВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ.....	212
Калашишникова О.А. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ВОЕННОМ АВИАЦИОННОМ ВУЗЕ	215
Калинин А.Ю. ЗВУЧАЩАЯ РЕЧЬ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	220
Калиущенко В.Д., Коваленко Е.В. ЗАГОЛОВКИ СООБЩЕНИЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-, НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)	225
Карасенко Е.А. НОМИНАЦИЯ ЛИЦА В МОРСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	229
Карелина Н.А. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КАНАДСКОГО ЮМОРА.....	234
Карпенко А.В. ПРЕПОДАВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КАК ИНОСТРАННОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЗНАНИЯ.....	239
Касапская А.Г., Шевчук-Черногородова М.А. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ.....	244
Каширина Л.О., Зеленцова М.Г. К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ САТИРИЧЕСКОГО ЖАНРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	248
Кириченко В.В. К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ И УПОТРЕБЛЕНИИ ТЕРМИНОВ ТЕОРИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ	253

- Клюева А.Н.
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ
РЕТРОСПЕКЦИИ В РАССКАЗАХ ДЖОНА АПДАЙКА 258
- Князева Н.А.
АНГЛИЙСКИЕ СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И
ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА 262
- Козел Н.П.
ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИДИОСТИЛИЯ АВТОРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ
СЕРИЙ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ МАЙКЛА КОНЕЛЛИ 267
- Корончик В.Г.
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ МАГИЧЕСКОГО И
СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА Р.РИГГЗА «ДОМ СТРАННЫХ ДЕТЕЙ») 271
- Костюченко Ю.В., Шевчук-Черногородова М.А.
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ГАЗЕТНОГО
ЗАГОЛОВКА НА ПРИМЕРЕ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ 275
- Кочетова С.А., Кочетова К.А.
РОМАН ДЖ. ЛИТТЕЛЛА «БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ»: ПРОЦЕСС
ДЕСТРУКЦИИ ГЕРОЯ В ОРИГИНАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО
ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК 280
- Красиловская А.А.
ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В СОВРЕМЕННОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЭНН РАЙС
«СКРИПКА») 284
- Кузнецова Л.Э.
КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 288
- Куницына Е.Ю.
ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРОСТРАНСТВО ИГРЫ И
МЕТАИГРЫ ПЕРЕВОДЧИКА 293
- Кучелкова П.И., Зеленцова М.Г.
НЕПЕРЕВОДИМОЕ В ПЕРЕВОДЕ: АМЕРИКАНСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СЛЕНГ 298
- Кушнарева Т.И., Кириллова И.И.
ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СЛУШАТЕЛЕЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ФАКУЛЬТЕТА ВЕТЕРИНАРНОЙ МЕДИЦИНЫ 303
- Лазарев В.А., Калмыкова А.А.
THE MAIN TRANSLATION TECHNIQUES AND TRANSFORMATIONS USED
IN THE MILITARY DISCOURSE INTERPRETATION TO ACHIEVE
ADEQUACY 308

Ларина-Кааби Э.В., Шимельфениг О.В. ПЕРЕВОД КАК КОММУНИКАЦИЯ КУЛЬТУР И КАРТИН МИРА Часть I. ПРАКТИКА.....	312
Ларина-Кааби Э.В., Шимельфениг О.В. ПЕРЕВОД КАК КОММУНИКАЦИЯ КУЛЬТУР И КАРТИН МИРА Часть II. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ	316
Левецкий А.Э. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА	322
Лиморенко Ю.В. ЭПИЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ СТИХ В НАУЧНОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКИ	327
Лукинова М.Ю. ШЕКСПИРОВСКИЙ ТЕКСТ В XXI В.: ТЕНДЕНЦИИ К ОБНОВЛЕНИЮ ВОСПРИЯТИЯ АРХЕТИПОВ	332
Лукинова М.Ю., Глухенькая Л.Н. ИГРА ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ К. Э. ДАФФИ)	337
Лукинова М.Ю., Шулатова Д.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА СТИВЕНА КИНГА «СИЯНИЕ» И ДИАНЫ СЕТТЕРФИЛД «ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА»).....	343
Лушников Г.И. ПОСТМОДЕРНИСТКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ПРАГМАТИКА ЕГО ПЕРЕВОДА	346
Мяовэнь Лю ВЫЗОВ ТРУДНОСТЯМ: ПЕРЕВОД РАБОТ В. ШКЛОВСКОГО НА КИТАЙСКИЙ	351
Мадей Е.Д. ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА.....	356
Малахова С.А. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «ГОРДОСТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	361
Мальковская Т.А. ВОЗМОЖНОСТИ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ	366
Маник С.А. ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ЦИТАТ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА ТЕКСТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ)	371

- Мартынюк Е.Б.
ТРАВЕЛОГ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ АВТОРА И ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА 376
- Маслова Ж.Н.
ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР 381
- Меленцова М.С., Зеленцова М.Г.
ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕСТАХ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ 386
- Михайловская М.В.
ИДЕОЛОГЕМА КАК ПРОБЛЕМА УСТНОГО ПЕРЕВОДА: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ 391
- Москаленко О.А.
ДИСФЕМИЗМЫ В ПЕРЕВОДЕ ЭРОТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ 396
- Му Синьюй
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛА «ДОСТИЧЬ/ДОСТИГАТЬ» С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ (УПОТРЕБЛЕНИЕ “到达” И “达到”) 400
- Мухаметгареева Н.М., Яковлева Е.А.
НАЗВАНИЯ ПОЛОТЕН ФРАНЦУЗСКИХ ИМПРЕССИОНИСТОВ В РУССКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 404
- Надеина М.О.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 409
- Новикова М.А., Велилаева Л.Р.
ПИСАТЕЛЬСКАЯ БИОГРАФИЯ КАК ИНТЕРЖАНР И ИНТЕРТЕКСТ ПЕРЕВОДНОЙ АНТОЛОГИИ/ХРЕСТОМАТИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) 414
- Норец М.В., Сёмченко Р.А.
АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЧАКА ПАЛАНИКА «КОЛЫБЕЛЬНАЯ») . 420
- Норец Т.М., Дмитриева Е.Н.
СЛОВОСЛИЯНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ) 424
- Норец Т.М., Каминская А.В.
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ФЕ С СОЦИОЛЕКТНЫМ МАРКЕРОМ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ 429
- Норец Т.М., Смирнова Я.Ю.
МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 433

- Овчарова Е.Э.
РУССКИЙ ПЕРЕВОД АЛЖИРСКИХ ДНЕВНИКОВ ЭЖЕНА ФРОМАНТЕНА И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИХ ЖАНРА..... 438
- Осипова Е.С.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА..... 444
- Осипчук О.С., Рехачева Т.В.
ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С ПОМОЩЬЮ ОНЛАЙН-ПРОГРАММ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХ ПРОГРАММ, СОДЕРЖАЩИХ АНГЛО-НЕМЕЦКО-РУССКУЮ ТЕРМИНОЛОГИЮ ГОРНОЛЫЖНЫХ ВИДОВ СПОРТА)..... 450
- Пантыкина Н.И.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТУРЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК..... 455
- Пасекова Н.В.
К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА..... 458
- Пасекова Н.В., Радочин А.В.
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЧАТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ..... 462
- Пекарская О.А.
ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ БИБЛИОТЕКИ ВУЗА В ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ..... 466
- Петухова Е.В., Никитичев И.Г.
СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. СТЕЙНБЕКА «ГРОЗДЬЯ ГНЕВА»)..... 470
- Пинягин Ю.Н.
TRANSLATION OF THE TEXT ON ART AND CROSS-CULTURAL AWARENESS..... 474
- Плотников И.В.
ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПЕРЕВОДАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИРОДОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ И. БРОДСКОГО «ЧАСТЬ РЕЧИ»)..... 478
- Полховская Е.В., Нечипас П.Ю.
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ..... 483
- Пономарёва А.В., Кушниренко А.В.
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ РЕКЛАМНОГО ХАРАКТЕРА..... 488
- Прозорова Н.И.
BYRON AND SILVER-AGE RUSSIAN CULTURE: PERCEPTION, INTERPRETATION AND TRANSLATIONS..... 492

<i>Резник О.В.</i>	
ПОЭЗИЯ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ: ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО БИЛИНГВИЗМА.....	497
<i>Рыжикова М.Д.</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	504
<i>Рыжикова М.Д., Поляник А.В.</i>	
ИДИОСТИЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПЕРЕДАЧУ РЕАЛИЙ.....	508
<i>Седина И.В., Фролова А.К.</i>	
ТОПОНИМИКОН МОРДОВИИ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЭКСКУРСИЙ).....	513
<i>Семенюк Е.В.</i>	
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ.....	518
<i>Сердюк Е.Н.</i>	
COUNTERCULTURE IN TOM WOLFE'S NON-FICTION NOVEL THE ELECTRIC KOOL-AID ACID TEST	523
<i>Сеферова Э.Э.</i>	
О ПЕРЕДАЧЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ КРЫМСКОТАТАРСКИХ СКАЗОК В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ.....	528
<i>Скидан О.Г.</i>	
ПРИЕМЫ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	531
<i>Слюсарева К.В.</i>	
СЛЕНГ КАК ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНВИСТИКЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА	536
<i>Соколова И.С.</i>	
РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ ДЛЯ ВУЗОВ: ПРАКТИКА ПОДГОТОВКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЛАБОРАТОРИЯ ЗНАНИЙ».....	539
<i>Солопова Л.Е., Красницкая Е.А., Трищенко Т.А.</i>	
ПЕРЕВОД РЕКЛАМЫ: СТЕРЕОТИПНЫЕ ОТЛИЧИЯ В НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ.....	543
<i>Сутурмина Д.А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ.....	547
<i>Сухарева Е.Е.</i>	
КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТРУКЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕДИЦИНСКОГО ПРЕПАРАТА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА	553

- Тажиева Д.
LINGUO-CULTURAL FEATURES OF TRANSLATION FROM ENGLISH INTO KAZAKH..... 557
- Тарнаева Л.П.
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АРГУМЕНТАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА..... 562
- Тимерханова Н.Н.
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ТЕКСТОВ НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК..... 567
- Топольская И.А.
LOS CONCEPTOS EMOCIONALES “MIEDO/ANGUSTIA” EN EL RUSO, EL INGLÉS Y EL ESPAÑOL..... 572
- Туленинова Л.В.
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ВОССОЗДАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СТЕРЕОТИПОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ..... 576
- Филиппова И.Н.
ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ Ю. ТУВИМА)..... 580
- Фомин Э.В.
К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ЧУВАШСКИХ ПОЭТОНИМОВ..... 586
- Ходаковская Л.А., Зеленцова М.Г.
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЭЛЕМЕНТОВ КОМИЧЕСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ..... 591
- Худолеева Т.Е.
ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРРАТИВНЫХ ТЕХНИК В РАССКАЗЕ ДЖОРДЖА СОНДЕРСА «ДЕСЯТОЕ ДЕКАБРЯ»..... 596
- Хуснулина Р.Р.
ПЕРЕВОДЫ К. ГАРНЕТТ: ОТКРЫТИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО АНГЛИЙСКИМИ РОМАНИСТАМИ..... 600
- Цаллагова З.Б.
«ЗАВЕЩЕНИЕ ЧУВАШСКОМУ НАРОДУ» И. Я. ЯКОВЛЕВА НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ МИРА КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ОБРАЗОВАНИИ..... 604
- Цуй Юйфэй
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ЖЕНСКОГО ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ В РОМАНЕ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА..... 609
- Хуббитдинова Н.А., Юлдыбаева Г.В., Хакимьянова
ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА КЫРГЫЗСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА «МАНАС» НА БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК..... 613

- Чемезова Е.Р.
АНТОНОМАСИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. ПАЛАНИКА:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД..... 617
- Чернышова М.В., Маркова Ю.О.
РОЛЬ БИЛИНГВИЗМА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 622
- Шаврова А.В.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИДИОМАТИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 625
- Шалыга Д.А.
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КРЫМСКОЙ
ТОПОНИМИКИ 630
- Шамтова К.С.
ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ИХ СЕМАНТИКА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ В
СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ И
ПОЛЬСКИМИ ЮРИСТАМИ 634
- Швец Л.С.
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА В РОМАНЕ
КЭТРИН СТОКЕТТ «ПРИСЛУГА» 638
- Шевчук-Черногородова М.А.
УНИВЕРСАЛИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО,
АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ 643
- Шершикова А.В.
БАЛЛАДА «ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР» В. СКОТТА И
РУССКИЙ ТЕКСТ В. А. ЖУКОВСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КАК
ИНТЕРПРЕТАЦИИ..... 648
- Шетэля В.
ОБРАЩЕНИЕ КАК РЕЧЕВАЯ ФОРМА ЭТИКЕТА В РОМАНЕ
Г. СЕНКЕВИЧА «ПАН ВОЛОДЫЁВСКИЙ» В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ
ЯЗЫК 654
- Шульга Д.П.
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДНЫХ КИТАЙСКИХ ЛЕТОПИСНЫХ
ИСТОЧНИКОВ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ ДРЕВНОСТИ К
СРЕДНЕВЕКОВЬЮ 658
- Эмирусейнова Э.Н.
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ГЛАГОЛЬНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО,
РУССКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ 662
- Янина Е.С.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ
ПЕРЕВОДЧИКОМ АВТОРСКОЙ ВОЛИ В ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ») 667
- Ястребов А.Ю., Бейсембаева Ж.А.
USUAL EQUIVALENCE AS THE SOCIAL AND CULTURAL ASPECT IN
INTERPRETING 671

Ambedkar Vinay Kumar

*«SPACE» IN THE HINDI TRANSLATION OF ALEXANDER KHURGIN'S
SHORT STORIES 676*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 682

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы II международной научно-практической конференции

*Симферополь
26 – 28 апреля 2018 года*

Верстка М. А. Шевчук-Черногородова
Главный редактор М. В. Норец

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 41,15. Тираж 115 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru